

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
II Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 21 сентября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1844-5

УДК 316.342

ББК 67.55

Иркутский государственный университет
Исследовательская мастерская https://vk.com/diy_research

Под общей редакцией

канд. филос. наук, доц. *О. А. Полюшкевич*
преподавателя *Г. В. Дружинина*

Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 21 сентября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска.
ISBN 978-5-9624-1844-5

Представлены результаты исследований зарубежных и отечественных ученых в сфере социальной реальности виртуального общества. Рассматриваются вопросы социальной идентичности и поведенческих стратегий в виртуальном обществе, социальных медиа и общественного воспроизводства, функционирования социальных институтов и отдельных экономических, правовых, политических, культурных и образовательных стратегий развития в цифровом мире.

Предназначено для ученых и практиков в области общественных и гуманитарных наук, преподавателей, аспирантов и студентов и всех интересующихся вопросами внедрения виртуального пространства в повседневную жизнь.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. (3952) 52190

Издательство ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124, тел. (3952) 52-18-53, e-mail: izdat@lawinstitut.it.ru

Подписано к использованию 18.09.2020. Тираж 30 экз. Объем 7,7 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

Министерство науки
и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

A woman wearing a VR headset is shown on the left side of the cover. The background is a dark purple color with various digital and data-themed graphics, including a globe, a bar chart, a pie chart, and various icons. A large white circle is positioned in the center of the cover.

**СОЦИАЛЬНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ
ВИРТУАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

**Материалы
II Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 21 сентября 2020 г.**

ISBN 978-5-9624-1844-5

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
II Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 21 сентября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1844-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Полюшкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности	10
Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве	25
Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов	29
Семкив А. И. Идентичность человека в виртуальном пространстве	34
Кузьмина Е. С. Влияние виртуального пространства на поколение Z.....	37
Макурова Т. С., Макаренко Е. А. Формирование коллективной памяти в виртуальном пространстве	40
Архирейский О. Г., Бадриева Р. Р., Шиханова Е. Г. Кибербуллинг в студенческой среде.....	46
Ануфессо А. Н., Семенов С. В. Киберагрессия в молодежной среде	50
Загородний В. Д., Елисеева Е. Н. Виртуальное пространство как фактор формирования социокультурных ценностей молодежи России	53
Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности	56
Аносов С. С. Психологическое состояние общества под воздействием процесса виртуализации	63
Радинская А. А., Мишина Т. В. Влияние пандемии коронавируса на социальные отношения в виртуальном пространстве	71
Скуденков В. А. Психология виртуального имиджа	75

СЕКЦИЯ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА И ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Албениш А. Р., Порухевич М. Н. Всплеск видеокommunikаций после пандемии коронавируса (на примере Португалии и Украины)	78
Бобков А. А., Бобков А. И. Святость и пошлость виртуальной социальной реальности в условиях кризиса осмысления человеческого бытия	82
Даркина А. В. Визуальные идентичностные проекты в условиях эпидемий настоящего и прошлого (на примере фильмов западного и восточного кинематографа).....	87
Ольшевский И. Е. Переход формата «интерактивное кино» в виртуальную реальность.....	93

Иванов Р. В. Этика искусственного интеллекта: рациональные решения и иррациональные основы	100
Пружинин А. Н. Иррационализация новых медиа в цифровой культуре	105
Бардамова Я. Ю., Маркова Е. А., Гуринович Л. А. Феномен интернет-мема в виртуальном пространстве сети Интернет	113
Боева Г. Н. Опыт соучастия: об одном интеллектуальном сетевом сообществе	117
Макарова Н. Я. Социальные медиа как эффективный способ взаимодействия с телеаудиторией (на примере телеканала «ТНТ»).....	121
Васильев Н. Г., Терещенко А. Г. Влияние виртуализации социального пространства на формирование мифологем современного массового сознания в восприятии сектанства.....	127
Яковенко И. А. Социальные медиа и социальные сети	132

СЕКЦИЯ 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Быльева Д. С. Исследование жизни человека в сети: нетнография, виртуальная этнография и другие методы	135
Дораве Д. Р., Купрякова А. П. Этика кибербезопасности	140
Косиченко А. Г. Православие и виртуальное пространство: вызовы и возможности	143
Хамуратов Ф. Х. Роль виртуального пространства в современном казахском обществе.....	150
Антоненко Н. А., Бабаев А. Б., Екатериничев А. Л. Умный город как социальный проект	154
Трескин П. А. Некоммерческие организации в виртуальном пространстве	158
Попова М. В. Виртуальное позиционирование современных сел.....	165
Стрижкова Т. В. Управление и сетевое взаимодействие.....	168
Сафонов С. А., Осипов Т. А. Виртуализация социальной среды в условиях пандемии.....	173
Шарабурак М. А. Тенденции развития гражданского общества в современной России.....	176

СЕКЦИЯ 4. ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный и правовой аспекты практики удалённой работы молодежи	183
Голубева А. С., Филиппов С. А. Онлайн-проекты развития спорта в РФ и в мире	190
Носырева Г. В. Онлайн-марафоны и тренировки как способ укрепления физического здоровья	195
Ковалева А. А., Калашникова Р. В. Негативное влияние виртуальной реальности на здоровье человека.....	198

Медведев П. С. Трансформация социально-экономических моделей поведения в условиях современного информационного пространства.....	200
Пухляк А. Д. Цифровая зависимость: проблема нашего времени или неоправданные опасения?	207
Тайсумова Х. В., Вангаева Ф. М. Электронная самозанятость в мире и в России: различия и перспективы	210
Скуденков В. А. Экономические притязания молодежи в условиях перехода к виртуальному миру	214
Якушина Н. В. Особенности общения молодежи в социальных сетях (по материалам эмпирического исследования).....	218
Смоколина Ю. В, Равенкова К. Е. Влияние компьютерных игр на социализацию молодежи	225
Кузнецова Е. Г. Развитие коммуникативных умений студентов в виртуальном пространстве	229
Устинова О. В. Виртуализация межличностной коммуникации как фактор матримониального поведения	233
Дубровина С. В. Межличностные отношения старшеклассников при различном уровне интернет-зависимости	238
Апанина А. В. Развитие и реализация пожилых людей в виртуальном пространстве	243
Тюличева Л. Д. Цифровизация ухода за пожилыми людьми (на примере Германии)	245
Калашникова Р. В., Кальсина Т. А. Полезные привычки в питании для поддержания и укрепления здоровья.....	252
Шантанов Р. В. Характеристика условий проявления девиации среди сельской молодежи Усть-Ордынского Бурятского округа.....	257

СЕКЦИЯ 5. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Голубева А. С. Правовое сопровождение цифровой экономики	264
Вольнкина О. С. Правоотношения в сетевой сфере.....	271
Кошкин В. В., Никерин М. П., Радина Э. Л., Шиханова Е. Г. Перспективы правового регулирования криптовалюты на территории РФ	277
Шкодина Е. С., Шиханова Е. Г. К вопросу о международно-правовой регламентации киберпреступлений	281
Филиппова И. А. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: первый взгляд.....	285
Яцюк Я. В. Цифровая экономика: новые возможности для бизнеса	290
Яковенко И. А. PR-службы государственных органов власти в виртуальном пространстве	296
Цёхла С. Ю. Вопросы трудоустройства молодежи в условиях развития цифровых технологий	298
Шейхина А. П. Работа и заработок в виртуальном пространстве	305

Степанова Ю. Д. Цифровая экономика: как характеристика общества	311
Румянцев А. С., Чувашова М. Н., Кузнецова Е. Г. Развитие инновационного предпринимательства в Иркутской области.....	319

СЕКЦИЯ 6. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рудакова Н. В. Информационный интернет-ресурс «Культура Иркутской области: статистика и аналитика»	327
Кузнецова К. Р. Анализ официальных сайтов муниципальных библиотек Иркутской области.....	331
Перваго Г. К. Информационное пространство в сфере культуры Иркутской области	337
Анохина А. А. Влияние макроэкономических факторов и виртуального пространства на состояние культурной среды региона	341
Соловьева Д. С. Виртуализация современной музыкальной индустрии в условиях пандемии: новые форматы и перспективы.....	345
Поджидаева А. Ю. Компьютерные игры: феномен современной культуры.....	348
Олейник Е. А. Инновационные технологии для развития культуры в современном мире	354
Москвитина Н. В. Информационная культура муниципальных служащих (по материалам социологического исследования).....	357
Замаратская А. С. Информационная культура муниципальных служащих	369
Косякова Е. С. Значимость репрезентации людей с ограниченными возможностями здоровья в массовой культуре	374

СЕКЦИЯ 7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Голубева М. С. Эффективные формы политического воздействия в социальных сетях	378
Ефремов Р. Р. Протестные движения в социальных сетях: структура и тенденции развития.....	388
Иванов Р. В. Виртуализация социальных протестов на примере Хабаровского края	391
Цацына А. В. Виртуализация политического пространства на примере сетевой деятельности международных институтов	396
Горбачёва А. П. Социальные сети как инструмент предвыборной агитации кандидатов от партии «Единая Россия» в городе Ярославле на выборах в Ярославскую Областную Думу VII созыва.....	396
Литвинов Д. В. Политическая пропаганда в интернет-пространстве Иркутской области (на примере выборов 2019 г.).....	398

Марьяненко Л. А. Образ акции «Мы вместе» в электронных СМИ и на телевидении в Ярославской области	405
Матюшенко Д. В. Формирование образа политического лидера через использование инструментария социальных сетей (на примере мэров городов Ярославля и Рыбинска)	415
Онохова Л. В. Интернет как пространство реализации политических технологий (на примере Иркутской области)	418
Буток А. В. Виртуальное пространство политической борьбы.....	427
Волкова О. И., Голубева М. С. Образ Олега Александровича Кувшинникова в информационном пространстве на примере социальной сети Instagram в период пандемии коронавируса	434
Бовыкин К. А. Принципы Национально-освободительного движения (НОД) и его популярность на примере группы «ВКонтакте» «НОД: официальная группа».....	441
Пучков В. М. Трансформация политического участия через социальные сети	459
Новикова М. О. Автоматическая обработка данных как методология в политической текстологии	463

СЕКЦИЯ 8. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ

Фарахутдинов Ш. Ф. Современные тенденции в использовании технологий виртуальной реальности в образовании.....	469
Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов	475
Завьялов А. В. Социальное самочувствие во время режима самоизоляции и восприятие дистанционного обучения студентами ИГМУ	480
Голубош О. С. Влияние виртуализации образовательного процесса на социализацию современной российской молодежи	488
Гуринович Л. А. Проектные решения в образовательной среде как форма социального образования молодежи: технологический аспект.....	493
Дружинин Г. В. Информационная открытость российских университетов в виртуальном пространстве	496
Горбачева А. К., Кузнецова Е. Г. Виртуальная реальность в онлайн-образовании	500
Литвинова Ж. Б., Литвинова И. В. Компьютерные презентации: экспертная оценка и образовательный потенциал	503
Фионова В. А. Виртуальный лекторий как форма повышения уровня социального образования молодых семей в Иркутской области	508
Максимов А. Ю. Виртуальные игры как современный образовательный ресурс	512
Гильдебрандт А. И., Аллахвердиева Э. Х, Фейткевич Н. А. Влияние пандемии коронавируса на увеличение ресурсов образования в цифровом пространстве.....	518

Рыбак Н. С. Об особенностях развития виртуального пространства в сфере образования.....	520
Сафонов С. А. Современные образовательные и профессиональные тренды в России.....	522
Стрельцова А. А. Дополнительное образование детей-инвалидов с использованием возможностей дистанционного обучения.....	525
АВТОРСКАЯ СПРАВКА	528

Предисловие

21 сентября 2020 г. прошла II Международная научно-практическая конференция «Социальная реальность виртуального пространства». Ее участники, так же как и в прошлом году, обсудили сложные, а порой противоречивые вопросы виртуальной реальности в современном обществе, которые стали пророческими после введения карантина, связанного с COVID-19 в 2020 г. Ученые и обыватели на практике убедились, что виртуальная реальность весьма интенсивно наполняет нашу жизнь новыми смыслами, контекстами и особенностями. Поэтому, актуальность и востребованность данной конференции, как никогда ранее, позволяет расставить приоритеты и исследовательские фокусы во всем мире.

В работе конференции приняли участие международные исследователи из Португалии, Аргентины, Бразилии, Украины, Белоруссии, Казахстана. География российских участников также обширна: Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Воронеж, Грозный, Краснодар, Казань, Красноярск, Нижний Новгород, Орел, Ростов-на-Дону, Самара, Тула, Тюмень, Уфа, Ярославль, Иркутск и др. Всего поступило сто статей, выступили с докладами 65 человек. Каждый из выступающих на пленарном заседании привнес свою изюминку в раскрытие проблемного поля конференции. Более тесная и доверительная работа в виде обсуждения докладов проходила на площадках восьми секций конференции. Все участники отметили насыщенность и разнообразность работы пленарного заседания и площадок конференции. Поднимаемый круг вопросов вышел за рамки выделенных секций и позволял говорить о междисциплинарном подходе исследования социальной реальности виртуального пространства.

Все участники получили сертификаты и материалы конференции в электронном виде.

Надеемся, что результаты исследований ведущих ученых и только начинающих свою карьеру исследователей станут платформой для выработки исследовательского инструментария изучения цифрового мира, который с годами еще более усилит свое воздействие на жизнь всего населения планеты. Приглашаем к участию в этой конференции в следующем году с еще более интересными, актуальными, новаторскими исследованиями!

Организационный комитет конференции

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 159.86
ББК 60.43

Полышкевич О. А., *Иркутск*

Виртуальная составляющая социальной идентичности

В статье рассматриваются особенности конструирования социальной идентичности в виртуальном пространстве. Приводятся результаты эмпирических исследований жителей Сибири и Дальнего востока в аспекте значимости социальной идентичности в виртуальном пространстве, анализируются какие сферы цифрового мира уже вошли в жизнь россиян, а какие только начинают осваиваться, на основе этого делаются выводы о перспективах развития виртуальной социальной идентичности человека будущего.

Ключевые слова: социальная идентичность, виртуальная реальность, социализация, исследование, цифровизация мира.

Polyushkevich O. A., *Irkutsk*

The virtual component of social identity

The article discusses the features of constructing social identity in virtual space. The results of empirical research of the inhabitants of Siberia and the Far East in the aspect of the importance of social identity in a virtual space are presented, which areas of the digital world are already included in the life of Russians, and which are just starting to be developed, based on this, conclusions are drawn about the prospects for the development of a virtual social identity of a person of the future.

Keywords: social identity, virtual reality, socialization, research, digitalization of the world.

Введение

Современное общество все больше пронизывается влиянием сети Интернет. Виртуальность становится частью жизни любого человека. Это не может не влиять на социальную идентичность наших сограждан, создавая новые или воспроизводя уже известные социальные практики конструирования социальной идентичности человека.

Виртуальное пространство из иллюзорного мира становится реальным артефактом реального мира, оно создает пространство для учебы, работы, досуга, позволяет не только играть, но и зарабатывать, не только расслабляться, но и строить карьеру, не только придумывать миры, но и вовлекать в свои фантазии других. Виртуальная реальность – это новый мир проектирования будущего человечества. Поэтому важным моментом ее изучения является тот факт, каким образом конструируется, развивается и моделируется

социальная идентичность участников виртуального взаимодействия. Притом что иррациональность восприятия личного и социального образа в цифровом мире зачастую строится на иррациональных стратегиях [1–3]. Насколько важны в этом процессе реальный статус, возраст, пол, реальный жизненный опыт или что то еще? И каким образом данную реальность будут использовать в будущем для формирования человека нового виртуального мира?

Теоретические истоки социологической трактовки социальной идентичности. Начиная с 40–50-х гг. XX в. и благодаря трудам Э. Г. Эриксона термин «идентичность» вошел в научные круги и повседневное пространство обывателя [10]. В отечественной и зарубежной науке данный термин вплоть до настоящего времени применялся в различных ситуациях, что привело к некоторому размыванию понимания идентичности.

В классической психологической трактовке идентичность – это целый ряд феноменов индивидуального сознания и характеристик социальных общностей; оно объясняет единство индивидуально-психологических и социокультурных условий жизнедеятельности индивида.

В социологическом дискурсе встречается понятие социальной идентичности, где понимается отнесение человека к различным социально-демографическим категориям: полу, возрасту, классу, расе, национальности и т. д. Изначально идентичность характеризовала личность как субъекта действия, то теперь эти трактовки значительно шире и многообразней (например, групповая идентичность, связанная с самосознанием и социальным поведением). В рамках понимания социальной идентичности формируется постоянный диалог – где идет постоянный диалог с самим собой, на тему Кто Я, какой Я, с кем Я и т. д. Она дает субъективное понимание своей целостности и самоидентичности, возникающее в процессе идентификации с различными социальными категориями: статусом, полом, возрастом, нормами, ролями, культурой, религией, территорией и т. д. В большинстве случаев идентичность складывается к концу подросткового периода, в результате его социализации. Личность формируется благодаря идентичности. Социальная идентичность формируется всю жизнь и по мере изменения круга общения, условий и уровня жизни наполняется новыми смыслами и социальной идентичностью. И такое явление как кризис идентичности – вполне нормальный процесс становления и развития социальной идентичности.

Социальная идентичность формируется под влиянием среды, учитывая характер и особенности различных сообществ. Социальная идентичность выступает стратегией адаптации к внешним условиям и понимания своего места в них. На социальную идентичность влияет «национальный характер» (М. Мид), «модальная личность» (К. Дьюба), «статусная личность» (Р. Линтон), «социальный характер» и «персональная идентичность» (Э. Фромм).

Дж. Г. Мида считают родоначальником социологической интерпретации идентичности человека. По его мнению, способность человека воспринимать свое поведение как включенное в социальные связи других, в общее

целое социетальной ткани общества формирует уникальную структуру социальной идентичности. П. Бергер и Т. Лукман социальную идентичность рассматривали с позиции конструирования реальности [6]. Они полагали, что социальная идентичность всегда раскрывается в условиях конкретного общества, социально-исторического момента, обладает уникальными чертами и характеристиками, способными адаптироваться именно к этому моменту исторического развития, про изменении ситуации необходимо изменение социальной идентичности человека и сообщества, если это не происходит – то начинаются деструктивные аномальные процессы в жизни человека или целых социальных групп. Убедительность данных аргументов подтверждает практика, когда после перестройки СССР в 1990–1991 гг. далеко не все смогли изменить свою социальную идентичность и оказались выброшены на обочины жизни.

Для адаптации Бергер и Лукман выделяют основной элемент – социальную социализацию, которая у каждого человека длится всю жизнь, но у одних более мобильна и активна, у других ригидна. Именно этот факт позволяет первым встроиться в новые социальные реалии, а вторым быть вне новых условий. По нашему мнению, современная ситуация, вызванная пандемией коронавируса во всем мире, приносит и еще принесет новые рамки и условия жизни, что изменит стратегии социальной идентичности. В этих условиях одни смогут найти себе место и их социальная идентичность обогатиться новыми социальными практиками, другие более инертные останутся в рамках старых норм и практик, что не позволит им идти в ногу со временем. Основной сферой изменений социальной идентичности нам видится виртуализация жизни: начиная от работы или образования (все больше имеющими форматы удаленного взаимодействия), заканчивая реальными условиями досуга, общения, покупок.

Говоря языком Бергера и Лукмана, изменяется возможность участвовать в определенном социальном порядке, т. е. занимать определенный социальный статус в обществе, выполнять определенные социальные роли, сохранять и презентовать во вне свою индивидуальность, так как социальное участие тогда удовлетворяет человека, когда признается другими. Виртуальное пространство меняет эти условия и формы кардинально, давая возможность через социальные сети предьявлять себя и конструируя и доигрывая образы (дорисовывая и доделявая себя в определенных программах). Сбывается пророчество Э. Фромма – все больше людей старается *иметь* что-то, а не *быть* кем-то (казаться, а не быть – счастливым, успешным, креативным, активным, умным и т. д.) [9]. В рамках идей И. Гофмана раскрывается суть социальной идентичности в условиях множественности социальных ролей («масок», которые определяют особенности поведения, рамки, стратегии адаптации и формы реализации своих целей).

Большинство актуальных на сегодняшний день теорий социальной идентичности говорят о ее сконструированности и динамичности, постоян-

но меняющемся процессе в личности человека и целых сообществ. З. Бауман определил современное состояние общества как «текучую современность» [4], что позволяет наиболее близко понять особенности формирования изменчивости социальной идентичности, в том числе и в условиях цифрового изменения нашей жизни.

Формирование виртуальной идентичности происходит за счет переноса либо реальной социальной идентичности в интернет, либо через создание там личности, которая ведет активную деятельность по отстаиванию своих интересов в интернете.

Особенности проведения исследования и интерпретация результатов. Вслед за Э. Эриксеном и его последователями (Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая [5], А. Е. Жичкина [7], А. С. Ким [8], О. А. Полюшкевич [9] и др.) мы проследили, как формируется личная и социальная идентичность наших современников, дополнив классические трактовки идентичности современными интерпретациями и сделав особый акцент на роли виртуального мира в процессе конструирования социальной идентичности. Для этого в 2019–2020 гг. в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах проводилось исследование в различных группах респондентов: менеджеры, рабочие, неработающие пенсионеры, работники образования, студенты, безработные, мигранты ($n = 1500$). Коэффициент погрешности не превышал 3 %. Помимо этого, мы провели экспертное интервью ($n = 30$) среди основных групп респондентов (квота осуществлялась по следующим критериям: по возрасту (старшее (старше 56 лет), среднее (31–55 лет) и младшее (18–30 лет) поколение); по полу (мужчины и женщины); социально-профессиональному статусу (указанные выше группы). Это позволило выявить более точные социально-символические структуры формирования социальной идентичности в современных условиях.

В табл. 1 представлены основные условия конструирования социальной и личной идентичности современников. Респондентам предлагался ряд параметров из списка, где они могли выбрать наиболее значимые для них. В ходе экспертного интервью, задавался тот же вопрос, но с просьбой уточнения более развернутого ответа.

В параметры мы включили такие категории, как:

1. Осознание своей индивидуальности – понимание себя самого, в чем ценность и уникальность себя и в чем схожесть с другими людьми. Позволяет выявить универсальные черты, объединяющие с другими и уникальные, делающее человека неповторимым.

2. Целостность личности – принятие своего жизненного опыта, планирование жизненного пути, позволяет определить включенность в привычные и/или распространенные практики в данном сообществе или следование индивидуальными, нетипичными путями, поиска и самореализации себя.

3. Принадлежность к различным социальным группам – присвоение индивидуального и социального опыта, разделение ценностей и убеждений с други-

ми участниками сообщества. Указывает на тех, кого респонденты считают своими, кто для них выступает опорой и поддержкой в любой ситуации.

4. Выделение ведущих характеристик личности, влияющих на идентичность – например, профессиональная идентичность или статусно-ролевая идентичность (мама, жена, дочь / отец, муж, сын).

5. Способность размышлять о личности, человеке и обществе – умение видеть себя и других со стороны, возможность рационально и субъективно оценивать свой и социальный опыт – показывать возможность развития рефлексивности, повышения самооценки и оценки других, возможности вхождения в другие группы.

Таблица 1

Социальная и личная идентичность современников (в %)

Параметры	Старшее поколение (56 лет и старше)			Среднее поколение (31–55 лет)			Младшее поколение (18–30 лет)		
	Общее	М	Ж	Общее	М	Ж	Общее	М	Ж
Осознание своей индивидуальности	37,4	54,3	45,7	35,3	62,4	37,6	27,3	49,8	50,2
Целостность личности	23,6	55,4	44,6	36,5	43,4	56,6	39,9	54,2	45,8
Принадлежность к различным социальным группам	19,1	37,7	62,3	28,6	42,1	57,9	52,3	55,5	44,5
Выделение ведущих характеристик личности	14,7	55,9	44,1	33,2	58,7	41,3	52,1	49,9	50,1
Способность размышлять о личности, человеке и обществе	16,9	54,7	45,3	29,7	56,7	43,3	53,4	44,2	55,8

Осознание своей индивидуальности – понимание себя самого, в чем ценность и уникальность себя и в чем схожесть с другими людьми.

Молодые люди чаще говорят о том, что они себя не знают, но при этом отстаивают свою независимость и индивидуальность. Два противоречивых состояния, которые показывают неоднородность данной группы и готовность меняться. В данном случае их социальная идентичность подвержена большим личностным переосмыслениям, влияния социального опыта и принятия новых социальных реалий.

Я не могу сказать, что я полностью себя знаю и понимаю. Иногда как сделаю что-нибудь, так сам потом ужасаюсь, как же так вышло? Но когда мне родители навязывают, как надо делать, постоянно поучают и ограничивают – я сразу вижу, где мои границы, где моя идентичность. Я ее буквально кожей чувствую (С. П., студент, 18 лет).

Я уже взрослая, чтобы стремиться самовыразиться, оставить свой след. Хотя, конечно завишу от родителей, они снимают мне жилье, дают денег на еду, одежду, развлечения и оплачивают мое обучение. Но если я не смогу найти себя, то я не смогу реализоваться (А. Ю., студентка, 21 год).

Настороженность вызывает тот факт, что люди среднего возраста также не осознают свою индивидуальность. Это может быть симптомом пролонгированной молодости, взрослыми не желающими взрослеть (кидалты) или же невозможностью найти себя, принять себя. Возможно из-за постоянной изменчивости внешней среды, или же из-за психологической неготовности постоянно подстраиваться под обстоятельства. Данное явление более проявлено среди мужчин. Возможно потому, что среди мужчин больше тех, кто не справляется с несоответствием традиционным гендерным ролям на работе, семье и в результате теряет свою идентичность, как личную, так и социальную.

Я живу как все. Я не чувствую что нашел себя. Делаю что надо, что ожидает жена, теща, друзья, родители. Но радости это не приносит. Учиться пошел в тот вуз, где были бюджетные места, а не куда хотел. Женился на девочке из класса, а не на той о которой мечтал, так как побоялся, что откажет и посмеется. Живем с тещей, потому что так выгоднее. Да и все так живут. Ответить – кто я, я не могу (В. В., инженер, 43 года).

Я не чувствую своих лет. Моей дочери уже 17, а я спокойно могу ее одежду носить, слушать ее музыку, всегда нахожу общий язык с ее друзьями – я всегда на позитиве и на молодежной волне. Люблю все яркое, броское – прямо как я сама. Не люблю вести хозяйство, этим моя мама занимается – очень степенная женщина, деньги зарабатывает муж. А я с дочкой: развлекаемся, учимся, саморазвиваемся... (С. В., фрилансер дизайнер, 39 лет).

Даже среди представителей старшей возрастной группы – данные тенденции достаточно проявлены, хотя и в значительно меньшей доле, чем в более младших группах.

Да, большую часть жизни прожил, а сказать, что знаю, кто я – не могу. Всегда выполнял свой долг, делал что надо. А радости нет. Вот только как на пенсию вышел, задумался над тем, а кому это надо было? Да и зачем? Кому я сейчас нужен – больной пенсионер? (С. А., пенсионер, военный в отставке, 63 года).

Я знаю, кем я был, и кто я есть сейчас. Возможно, можно было бы и иначе прожить жизнь. Но я не жалею о своих выборах, решениях. Я несу за них ответственность и принимаю (А. А., пенсионер, охранник, 60 лет).

Целостность личности – принятие своего жизненного опыта, планирование жизненного пути также достаточно противоречиво воспринимаются респондентами.

Молодые люди более оптимистичны. И это одна из черт, что в принципе присуща молодежи любого времени – смотреть на себя и мир с большими надеждами и планами.

У меня все распланировано. Я знаю, что буду делать после завершения университета, где буду работать, куда поеду отдыхать. Я знаю, где хочу жить, и полагаю, смогу реализовать свои планы. Все говорят – кризис в стране, а я четко понимаю, что для меня точно найдется место под солнцем (В. С., студент, 22 года).

У меня грандиозные планы еще со школы, воз дал мне новые возможности самоутвердиться, если раньше я был только в городском школьном парламенте, то теперь и в молодежный вошел, познакомился с депутатами и министрами, мэром и губернатором. Я вижу свое будущее в сфере политики или государственной службы как минимум. Я только в этом себя видел еще с пятого класса (А. К., студент, 23 года).

Чем старше наши респонденты, тем более они пессимистичны или же реалистичны. Настораживает тот факт, что представители среднего возраста все чаще не принимают и не признают свой жизненный опыт, и также как и представители старшего возраста не планируют жизненные события. Но если для старшей возрастной группы – это условно можно объяснить ограниченными возможностями жизни, реализации каких-то событий из-за проблем со здоровьем, финансовыми возможностями и т. д.

Я прожил жизнь. Какие-то мои планы реализовались, еще больше – остались мечтами. Сейчас их реализовывать – смысла нет: нет здоровья, сил, да и необходимости. Все надо делать в свое время. Мое время прошло, а то, что осталось – уже на исходе (М. М., пенсионер, 75 лет).

Я о многом в юности мечтала, но моим планам не суждено было сбыться. Надо было выживать, потом семью содержать, детей учить, потом внуков. Вот так времени до себя не хватало. А сейчас уже и сил на свои юношеские мечты нет, да и деньгами стараюсь внукам помогать, их цели важнее моих. Есть только тень сожаления о том, что что-то я все-таки упустила... (А. Е., пенсионерка, 74 года).

В среднем возрасте сказывается скорее психологическая усталость и зависимость от внешних обстоятельств, невозможность что-то изменить. Полагаем, что не хватает внутренних ресурсов для сопротивления внешнему давлению, желания реализовать и реализоваться, во что бы то ни стало. Постоянный *день сурка* ограничивает на духовном, социальном и материальном уровне большую часть представителей среднего поколения. На духовном уровне не позволяет найти высшие смыслы своей деятельности или даже смыслы жизни, присутствует определенная депрессивность и отчаяние, бессмысленность и пустота. На социальном уровне – восприятие того, что делаешь, как живешь, с кем и где живешь, воспринимается как неизбежность. Нет надежд юности – поменять мир и даже более локально – изменить что-то в своей жизни. На материальном уровне – смирение с тем, что мало что есть, и никогда уже не будет большего. Зависть и раздражение к тем, у кого есть больше материальных символов успеха. Раздражение и недовольство ограничивающими моментами собственной жизни (например, ипотека, потребительские кредиты и проч.).

Ох, да у меня каждый день похож на предыдущий. Главное, чтобы ничего не поменялось. Хотя на выходных тоже ничего не хочется – только спать, уткнувшись в стенку. Но тут родственники требуют – делай то, делай се, то дача, то гараж. А мне это не надо. Но делаю, так как лучше,

чтоб оставили, чем это все выслушивать. Вот летом поеду на рыбалку с другом, где никого нет. Правда рыбы как обычно мало поймаем, и жена все равно ругать будет. Но там тишина да друг мой – вот нам хорошо там... (А. Д., слесарь, 38 лет)

Работаю в офисе – работа стабильная, понятная, одинаковая. Могу с закрытыми глазами делать то, что надо систематизировать. Компьютер раздражает своим видом. В молодости мечтала путешествовать – сейчас отпуск только на даче провожу. А в течение года куда-то уехать нет ни времени, ни денег. Два кредита и ипотека связали меня с мужем на двадцать лет, а то бы и с ним развелась (О. Ю., менеджер по рекламе, 35 лет).

Да какие у меня могут быть цели? Ипотеку выплатить, да не помереть до этого. И все, можно сказать – жизнь прожил не зря. А на большее то и денег особо не хватает. Все что в фильмах показывают – это точно не для нас. Не наша жизнь. Да и я не один так живу. Мои друзья, соседи, коллеги – все в одной кабале. У кого-то больше, у кого-то меньше (Д. А., работник почты, 45 лет).

Принадлежность к различным социальным группам – присвоение индивидуального и социального опыта, разделение ценностей и убеждений с другими участниками сообщества также выступает важным фактором и условием формирования социальной идентичности.

Среди молодых людей значительно больше тех, кто состоит в разных группах и тем самым их идентичность более разноплановая. С возрастом у большей части населения отпадает часть социальных контактов, и принадлежность к группе становится условной или концентрируется вокруг семьи, работы, дачи и т. д.

Я учусь в университете, состою в активе профкома, пою в хоре и занимаюсь фитнесом. Раньше ходила в музыкальную школу. С начальной школы и до сих пор хожу в бассейн. И везде меня окружают очень разные люди, с которыми я дружу или поддерживаю приятельские отношения. В социальных сетях у меня более трех тысяч подписчиков и друзей. Я очень коммуникабельна. Нет места в нашем городе, куда бы я ни пришла и кого-нибудь не встретила из своих знакомых. Думаю, по моим друзьям обо мне нельзя судить, так как их слишком много и они очень разные. Но они мне нужны – общаясь с каждым из них – я совсем другая становлюсь. (А. М., студентка, 20 лет).

У меня есть двое школьных друзей, с кем я поддерживаю отношения, на работе с коллегами скорее официальные отношения, хобби мои касаются и школьных друзей, так что круг достаточно ограничен. Из членов семьи мы особо ни с кем не общаемся – семья, да двое детей. С тетей пару раз в год созваниваемся на дни рождения, да на Новый год, но уже лет десять не встречались, хотя живем в соседних городах – Иркутск – Ангарск (Л. Л., инженер, 39 лет).

Да я общаюсь только с дачниками-пенснерами, да с соседями-пенснерами, кроме моей семьи мало с кем взаимодействую, да и с теми ругаемся часто – не уделяют внимания внукам, не правильно питаются, одеваются в рваные джинсы и внуков также одевают – словом, поводов для расстройства хватает. В собес разве что хожу, чтобы поругаться. Но так это же не общение, это решение проблем. (А. А., пенсионерка, 69 лет).

Сужение круга общения не говорит об утрате социальной идентичности, но указывает на изменение приоритетности внутренней структуры и социальных ориентиров, точек внимания респондентов. Если не входить в какую-то группу достаточно долго, то ее воздействие на личность будет уменьшаться. И соответственно, возрастет значимость тех групп, что остались. И не будет иметь значения, какое взаимодействие в них (положительное или отрицательное) оно будет обладать особой ценностью – в силу отсутствия других социальных групп.

Да мне не с кем общаться так-то кроме родственников, да коллег. И те и другие вынуждены взаимодействовать со мной. Порой мне кажется, что если бы у них были возможности, то они бы и этого не делали. Я стараюсь подстроиться под их ожидания, так проще – не вызывать лишнего внимания к себе (П. Ю., экономист, 42 года).

В университете я учусь ради родителей, мне не интересна специальность, на которой я учусь и тем более не интересно общаться с одногруппниками, одни только и разговоры о шмотках да парнях. Мой круг друзей в интернете – я играю в сетевые игры и по-настоящему понимаю тех, кто со мной играет, но живет в других городах, и даже странах (Р. Н., студентка, 19 лет).

Выделение ведущих характеристик личности, влияющих на идентичность. Среди более молодых респондентов доминируют оценки учебно-профессиональных статусов и гендерные характеристики, тогда как с возрастом семейные и социально-профессиональные статусы (хобби) набирают значимость.

Я – студентка, а также продавец-консультант в магазине. Когда закончу – хочу работать по специальности – и быть хорошим маркетологом. Еще я хорошая подруга и девушка классного парня (С. О., студентка, 21 год).

Я мать, жена, ценный сотрудник. Еще я дочь, возможно, не самая лучшая. Я хороший учитель, садовод (М. О., учитель химии в школе, 38 лет).

Я пенсионер, я был лучшим специалистом на авиазаводе, я дед, я дачник (Д. А., ветеран, 75 лет).

На значимость реализации в профессиональной деятельности показывает то, что во всех возрастах только к этой деятельности добавляется оценочная характеристика (в младшей группе – «*быть хорошим маркетологом*», в средней группе – «*я хороший учитель*», в старшей – «*был лучшим специалистом*»). Это позволяет нам выделить особо важную значимость

данной статусной-ролевой позиции. В младшем возрасте – выделяется значимость (подключается эмоциональная сценичность) гендерных и дружеских отношений («хорошая подруга» и «девушка классного парня»), а в среднем возрасте – негативная оценка семейных связей «не самая лучшая дочь». По нашему мнению, оценочно выделяется наиболее важная для респондента сфера или характеристика во взаимодействии с кем-то, которая влияет на его самооценку и идентичность.

Способность размышлять о личности, человеке и обществе – раскрывает контекст социальной и личной ответственности, включенности в социальные процессы общественного воспроизводства и личного развития.

В молодом возрасте высокая самооценка, возможно, переоцененные собственные интеллектуальные или внешние данные. С возрастом оценка становится более рациональной, а в ряде случаев и откровенно негативной и пессимистичной. Традиционно, принято считать, что с возрастом люди мудрее, думают о социальном развитии, месте личности в обществе. Опираясь на наши данные, мы не можем этого утверждать. Скорее наоборот – интересы общества отходят на второй план, личность человека мало волнует, в приоритете остаются только личные интересы, и если есть амбиции, то для реализации детей и внуков. Данный перекокс выступает, по нашему мнению, одним из симптомов времени.

Я знаю, сколько стою, у меня много идей, которые я могу реализовать. Мой потенциал может многих заинтересовать. Я хочу и могу помочь таким же активным и интересным людям – вместе мы изменим мир. И это классно (Л. О., студент, 22 года).

О развитии общества пусть думают сильные мира сего, мои рассуждения о том, что хорошо, а что плохо никому не нужны. Но мне не все равно где я буду спать, что буду есть и какое образование смогу дать своим детям (С. А., юрист, 45 лет).

Да о человеке и обществе только философы думают. Нам, обычным людям это не нужно. Всех волнует, как жить, где хлеб брать, а не о пустом размышлять (Л. Д., пенсионер, 70 лет).

Таким образом, социальная и личная идентичность современников достаточно противоречива. Традиционные формы становятся, во многом уже не актуальны, а современные особенности далеко не всегда полностью принимаются и одобряются. Это говорит об изменении социальных рамок и условий общественного воспроизводства. И не последнюю роль в этом процессе сыграла виртуализация нашего общества.

Говоря о виртуальной составляющей современной жизни и изменения особенностей социальной и личной идентичности можно выделить ряд основных черт (табл. 2). Данные черты нами были выделены после того как в ходе анкетирования респондентам предлагалось выбрать наиболее подходящие для них черты, определяющие отношение к виртуальному пространству и свое восприятие в виртуальном пространстве. В ходе экспертного

интервью, мы также попросили экспертов дать более развёрнутые ответы на данный вопрос.

Таблица 2
Роль виртуальности в конструировании социальной и личной идентичности (в %)

Черты социальной идентичности в виртуальном пространстве	Старшее поколение (56 лет и старше)			Среднее поколение (31–55 лет)			Младшее поколение (18–30 лет)		
	Общее	М	Ж	Общее	М	Ж	Общее	М	Ж
Реальность иллюзорного мира	21,2	45,7	54,3	32,1	48,9	51,1	46,7	53,4	46,6
Нивелирование любых противоречий	23,6	49,2	50,8	37,9	55,4	44,6	38,5	57,8	42,2
Создание новой личности	12,8	53,2	46,8	43,1	59,8	40,2	44,1	62,1	37,9
Свобода без моральных и социальных обязательств	0	0	0	44,6	61,1	38,9	55,4	63,3	36,7
Дополнение и/или замена реального мира	4,6	47,8	52,2	37,5	62,2	37,8	57,9	55,4	44,6

В ходе анализа, к чертам социальной идентичности в виртуальном пространстве мы отнесли следующие:

1. Реальность иллюзорного мира – процессы, происходящие в виртуальном пространстве, могут быть более значимы и важны, чем события в реальной жизни, влияя на эмоции и чувства, физические и психические состояния человека.

2. Нивелируются социальные, национальные, культурные, пространственные, гендерные и любые иные противоречия, что позволяет выйти на новый уровень коммуникации, новые смыслы взаимодействия, новые формы и условия консолидации в виртуальной среде.

3. Создание новой личности – позволяет быть не тем, кто ты есть в реальном мире; позволяет не привязываться к реальным условиям и рамкам (пол, возраст, социальный статус, место жительства), а вести себя в виртуальном пространстве так, как всегда хотелось, но не было возможности.

4. Свобода без моральных и социальных обязательств – снимает ограничения и позволяет раскрыть истинные мотивы и побуждения, позволяет проявить свое истинное лицо.

5. Дополнение и/или замена реального мира – полное погружение в значимость процессов в цифровом пространстве и обесценивание или игнорирование событий в реальной жизни.

Эти данные были получены еще до начала пандемии, на сегодняшний день можно констатировать усиление указанных фактов и тенденций в разы, а также увеличение роли цифрового пространства в конструировании личной и социальной идентичности индивидов в разных сообществах.

Реальность иллюзорного мира (компьютерные игры и виртуальное взаимодействие) становится более значимым, чем взаимодействие в обычном

повседневном мире). Для представителей старшей и средней групп – это символы социальных связей с людьми, которые были значимы когда-то, но в силу разных причин (переезда, работы) – не имеющих возможность иначе контактировать с респондентами.

Да конечно – надо идти в ногу со временем, я по Skype общаюсь с детьми и внуками, которые живут за границей. Играю с невесткой в онлайн-игру «Ферма». У нас появилось больше поводов для общения – о достижениях, конкуренции. Правда все меньше говорим о том, что там волнует детей. Кроме как дела и все ли нормально? Они не посвящают меня в свою жизнь, а совместная игра позволяет мне себя чувствовать не брошенной. (О. О., пенсионерка, 63 года).

Сегодня так много надо успеть на работе, полная загрузка, что для меня вспомнить мою молодость – поиграть в какую-нибудь «стрелялку» с друзьями – становится отдушиной. Да и все чаще мы в Viber и WhatsApp переписываемся, чем по телефону звоним. А лично встретиться можем вообще только на Новый год, да и то не все. А вот поиграть в сетевую игру, каждый из своей точки (работа или дом) – могут значительно больше (С. С., экономист, 42 года).

Для представителей младшей группы – реальность виртуальности становится еще более осязаемой. Если старшие поколения компенсируют досуг и возможность социальных контактов с родственниками через цифровое пространство, то младшее поколение – строит отношения через виртуальное взаимодействие (создает семьи, работает, отдыхает). Находит единомышленников и их идентичность становится там (в виртуальном мире) более реальной, нежели социальная идентичность в реальном мире. У существенной части молодых людей реального взаимодействия не происходит. Они живут только в виртуальных событиях и процессах. С реальностью их связывает – удовлетворение базовых потребностей, но не более.

Я по-настоящему живу в виртуальном мире. У меня есть свой дом, друзья и даже семья, моя жена живет в Австралии, но в нашем мире – мы вместе – у нас есть две собаки, табун лошадей. Мы создаем экскурсионные туры по Дикому Западу США времен Золотой лихорадки. Разные ситуации происходят, все как в жизни. Да сейчас я уже не знаю, где по-настоящему моя жизнь протекает. Там она насыщена, интересна, разнообразна. Да и за то, что я получаю там удовольствие, я еще и деньги получают разработчиков. Мне хватает, чтобы здесь обезопасить себя (С. В., программист, 29 лет).

Эта реальность прямо обуза для меня. Я мечтаю о том, чтобы можно было не отрываться от виртуальной реальности и просто там жить. Там есть все, что мне нужно – я такая как хочу быть, достигаю своих целей, меня окружают те, кто со мной на одной волне. И я чувствую единство и по-настоящему близость с ними. Такого никогда не было в реальном мире (А. В., студентка, 21 год).

Нивелируются социальные, национальные, культурные, пространственные, гендерные и любые иные противоречия. Отношения строятся на основе общих ценностей и убеждений.

Конечно, я общаюсь со своими одноклассниками, которые разъехались по всему миру после 90-х годов XX века. Это позволяет нам держать связь друг с другом – прошлое нас объединяет (Д. Д., военный в отставке, пенсионер, 61 год).

Моя сестра вышла замуж за турка, познакомившись с ним в интернете, сейчас живет в Турции, планируют переезжать во Францию. Да и я сейчас и мои родители – общаемся с ней и с ее дочкой – только через социальные сети. Для моей сестры не было преградой, что ее будущий муж жил на другом конце земли, говорил на языке, которого она не знала, и верил в другого Бога. Интернет позволил им встретиться – родить дочурку, а скоро будет еще и сынишка (А. А., бухгалтер, 40 лет).

В виртуальной реальности не имеет значения мужчина я или женщина, где живу, на каком языке говорю – стираются все различия, остается только интерес к взаимодействию в развлекательной игре ли, стратегии или интеллектуальном соревновании, гонках или где-то еще (Л. О., студент, 22 года).

В виртуальном пространстве можно создать новый облик, тип личности (начиная от нового тела через аватарки (можно иметь несколько «никнов», несколько личностей и по разному себя вести, в зависимости от того, кто ты сегодня), заканчивая особенностями и манерой общения, отстаивания своих убеждений и проч.). «Другие личности», которые себе присваивают участники цифрового взаимодействия не меньше, а порой и значительно сильнее, влияют на их социальную идентичность, нежели их взаимодействие в различных группах реального мира.

В Интернете ты можешь быть собой, а можешь и быть анонимом. Это так здорово, когда никто тебя не узнает, и ты можешь побывать там, куда под своим реальным именем точно не пошел из-за страха осуждения, порицания или еще чего-то (А. А., пенсионер, охранник, 60 лет).

С теми, кто меня знает в реальной жизни, я общаюсь под своим реальным именем. Но на некоторых сайтах – знакомств или там футурологов я нахожусь под никами, которые ближе к моему внутреннему Я, к моей душе. Я по-настоящему близок с теми личностями, что на себя одеваю, когда захожу в то или иное виртуальное пространство, где я могу быть абсолютно разным (П. Ю., экономист, 42 года).

В виртуальном мире – я повелитель воды и могу вертеть мирами как хочу. Я очень сильный маг с большим количеством артефактов. Ко мне приносят дары и обращаются с мольбами. Я чувствую власть и ее бремя, силу, которая она мне дает. Ничто в реальном мире не может даже близко походить на эти ощущения. А порой мне кажется, что в реальном мире я как в тюрьме, в которую меня посадил мой враг – маг земли. И я лишь в

виртуальном мире возвращаюсь к своей реальной жизни, своему предназначению (А. К., системный администратор, 25 лет).

Чем больше «ник» или «аватар» не схож с идентичностью человека из реального мира, тем больше виртуальная идентичность не совпадает с реальной.

В виртуальном мире человек реализует свои фантазии, надежды, реализует придуманную личность, делает индивида и отдельные сообщества людей более свободными, не неся моральных и социальных последствий от слов и действий в цифровом пространстве. Но данная сфера наиболее проявлена у младшего и среднего поколения, среди представителей старшего поколения – подобных ответов и оценок нет, ни в опросе, ни во время интервью. Но через несколько лет, когда среднее поколение станет старшим, ситуация изменится и все участники виртуального взаимодействия будут опровергать моральные устои общества, возможно, разрушая границы между виртуальным и реальным миром, что приведет к волнам новых актов массового насилия в обществе.

Я могу убивать, побеждать, захватывать целые миры – это моя реальность, я там царь и Бог и никто не может меня осудить. Я тот, кто создает закон и правила этого мира. Другие могут прописать свои условия и жить в своем мире. Это очень заводит и заставляет постоянно быть на адреналине. В реальности я не испытывал таких эмоций, да и наверное, мне этого не разрешат – осудят, не поймут. А мне по-настоящему хорошо и свободно только там (С. А., ассистент руководителя, 37 лет).

В реальном мире много ограничивающих тебя рамок – нормы морали, законы, а в виртуальном мире этого ничего нет. Ты сам творишь то, что хочется, никто не может тебя ограничить. И это дает такое потрясающее чувство всевозможности, вседоступности. Это то, что меня цепляет в виртуальном мире. Я не могу от этого отказаться. Это часть меня. И те, кто входят со мной в одну игру – подчиняются мне или враждуют и тем самым мы отстаиваем свои интересы, это увлекательно и не позволяет расслабиться. В обычной жизни – все достаточно прозаично – институт, дом, задания, сон. А там – постоянно новый опыт, новые люди, новые сражения. Да и деньги своими победами я зарабатываю не только виртуальные, но и реальные. Уже два года как не беру ничего у родителей (А. А., студент, 20 лет).

В отдельных случаях анонимность может формировать предпосылки к вседозволенности и безнаказанности, что расширяет приемлемые социальные идентичности. Это формирует так называемый сетевой индивидуализм, отчуждающий человека от любых сообществ и социальной ответственности. Данное явление возникает из-за псевдо-безопасности – ощущения, что человек в любой момент может прервать связь с интернетом, если ему что-то не понравится. Анонимность в социальных сетях и других мессенджерах дает возможность для открытой трансляции своих эмоций и состояний, мнений и суждений.

Цифровое пространство выступает новой средой для жизни, работы, отдыха для многих социальных групп, восполняя и дополняя, а порой и заменяя реальное пространство.

Я не только общаюсь с друзьями в сети Интернет, мы там учимся – заходя в облачные технологии с преподавателями, я там работаю – выполняя небольшие заказы. Интернет для меня – это пространство учебы, работы, досуга. После универа, думаю, дальше будет также (Л. Д., студент, 21 год).

В реальности так не переключишься, как это можно сделать в виртуальном мире. Там больше ощущений, возможностей и форм для качественного отдыха, эффективной работы и классного общения (О. Ю., менеджер по рекламе, 35 лет).

Мне многое в реальном мире уже недоступно. Поэтому виртуальный мир становится моим окном в настоящую жизнь. Я пробую делать то, что никогда не могла делать из-за того что не было сил, денег, здоровья. А сейчас я себя чувствую свободной и готовой к новым свершениям, несмотря на то что из своей квартиры я не выхожу. Что надо мне доставляют домой, платежи за коммуналку я провожу онлайн. Общаюсь с родственниками через Интернет. Так что моя жизнь только сейчас стала такой, о какой я мечтала с юности (Р. В., пенсионерка, домохозяйка, 57 лет).

Таким образом, социальная идентичность россиян под влиянием цифрового пространства получает новые очертания. Она позволяет находить альтернативные стратегии социализации и реализации, воспроизводя различные стороны социального воспроизводства как индивидуальной, так и социальной эволюции, затрагивая как материальные стороны (позволяя зарабатывать деньги, выстраивать работу), социальные стороны (затрагивая сферу отношений, коммуникаций, общения, досуга), так и духовные стороны (придавая смысл жизни, деятельности в виртуальном мире).

Закключение. Можно уверенно говорить о том, что социальная идентичность наших современников меняется. И не последнюю роль в этом процессе занимает виртуальная составляющая. Цифровое пространство вносит новые морально-этические, социально-психологические, социально-правовые рамки и условия. Это позволяет находить себя, своих единомышленников без привязки к месту, времени, языку, вере, полу или каким-то другим социальным, культурным, экономическим и прочим факторам. Виртуальность во многом заменяет, а порой и замещает реальную жизнь у представителей разных поколений.

Виртуальная идентичность чаще связана с масками, которые надевает на себя человек. Реальная социальная идентичность более аутентична, но не всегда может устраивать человека из-за своей ограниченности. Скрытие или приукрашивание данных о себе (пол, возраст, социальный статус, данные биографии и прочее) позволяет создать более идеальный образ Я, идеаль-

ный образ идентичности того, кем хотелось бы быть, но в силу разных причин не получается.

Виртуальная социальная идентичность является способом бегства от самого себя в реальном мире. Это позволяет формировать новую идентичность, обладающую идеальными чертами. Она создается на основе разрозненных элементов идентичности других людей, поэтому она вторична. Личность и социальная идентичность в виртуальном пространстве – это другая личность, другая идентичность. Нельзя ставить знак равенства, хотя и воздействия одной на другую исключать нельзя. И в дальнейшем, это влияние будет только усиливаться.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 40–48.
3. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.
4. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
5. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 52–54.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
7. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя интернета // Образование и информационная культура. М. : Центр социологии образования РАО, 2000. С. 431–460.
8. Ким А. С., Полошкевич О. А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 94–100.
9. Фромм Э. Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993. 179 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 344 с.

УДК 330.54
ББК 60.54

Ардашев Р. Г., *Москва*

Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве

В статье рассматривается трансформация идентичности в виртуальном пространстве. Анализируются процессы изменения фокуса работы и фиксации сознания, которые показывают условия, характеристики и последствия изменения основных функций мышления и сознания, возникающих в цифровом мире.

Ключевые слова: метаморфозы сознания, образы идентичности, виртуальное пространство, цифровое общество.

Ardashev R. G., *Moscow***Metamorphoses of consciousness: images of identity in virtual space**

The article discusses the transformation of identity in virtual space. The processes of changing the focus of work and fixing the consciousness are analyzed, which show the conditions, characteristics and consequences of changing the basic functions of thinking and consciousness that arise in the digital world.

Keywords: metamorphoses of consciousness, images of identity, virtual space, digital society.

Идентичность современного человека обусловлена целым рядом факторов, как позитивного, так и негативного содержания. Появление компьютерных технологий, каналов связи и сети Интернет способствует решению самых глубинных проблем и противоречий как в сфере идентичности, так и в сфере социальной реализованности человека. С появлением информационных технологий (information technology) возникают новые возможности для самореализации:

– погружению в мир иллюзий способствуют разнообразные технические средства (шлемы, очки, комбинезоны и прочие гаджеты);

– новая (виртуальная) реальность не предусматривает фиксацию социальных противоречий и их глубокий анализ – она позволяет продемонстрировать силу и мощь каждой личности, попавшей в ее пространство;

– при попадании в виртуальное пространство виртуализируются все свойства личности, возникает новый характер и новая судьба;

– личность в Сети может быть совершенно неопознаваемой с помощью клички (Nick) или иметь любое множество обличий;

– изменчивость личности не предполагает морального долга и ответственности за поступки: интернет-личность просто осуществляет в придуманном мире свои фантазии и прихоти;

– виртуальная личность несёт в себе мощный заряд эмоций, причем эти эмоции оставляют неизгладимый след в сознании пользователя. «Однако виртуализация личности происходит посредством виртуализации всех ее атрибутов. Воля, свобода, достоинство, приобретая виртуальную форму, могут трансформироваться; бывает, что такие трансформации несут крайне негативные последствия как для самой личности, так и для других пользователей интернета» [1];

– виртуализация предполагает анонимность, а это, в свою очередь, формирует у пользователя чувства вседозволенности и безнаказанности, и, как итог, в реальном мире личность может проявлять себя крайне негативно;

– любая личность «свертывает» в себе мир и «развертывает» его в общении, идентифицируя себя с тем объектом, который идеален для нее. Это «свертывание» и «развертывание» амбивалентно, крайне субъективно и неустойчиво. В виртуальной реальности и ценности, и идеалы формирует сам человек, а культ насилия, благоговения перед традициями предков и вера в собственную исключительность зачастую позволяют создать мир, замкну-

тый на себя самого и ориентированный на пользователя как на божка интернет-реальности [4].

Происходит подмена, видимость выдается за суть, внедряется в сознание – и человек может перепутать иллюзию с объективностью, что чревато всевозможными разрушительными последствиями. Общение в Сети и анонимность делают людей более свободными и в выборе тем для общения, и в высказывании собственных мыслей. Интернет-сообщество интегрирует себя в новом типе общества – сетевом обществе. Наиболее полно концепция сетевого общества была разработана М. Кастельсом. По его мнению, сетевое общество – это новая модель социальности с опорой на сетевой индивидуализм, отчуждающий человека от любых сообществ и социальной ответственности;

- новая сетевая экономика, которая имеет дело с производством и обработкой информации, а генератором сетевых моделей является сетевое предприятие;
- новая политика, более чутко реагирующая на волеизъявление граждан;
- новая культура, основанная на Интернете и глобальных масс-медиа;
- новая среда жизнестроительства в пространстве сети как единственной структуре социальной жизни.

В рамках позиции П. Бурдьё раскрывается термин «социальное поле», понимаемый как среда группировки и перегруппировки классов, а также переинформатизация различных социальных институтов [2]. В концепциях М. Кастельса и П. Бурдьё сетевое общество представляет мир без единого центра, мир сетевых структур и корпораций, в котором человек теряет свою личностную индивидуальность, отчуждается от социальной востребованности и становится единицей – носителем информации.

В системе понятий П. Бурдьё это габитус – сплетение сетей. Совокупность габитусов есть сетевой социум, внутри которого существует совокупность классов и социальных практик. Теория сетевого общества оказывает определённую силу воздействия на личностную идентичность. Это выражается в том, что:

- человек – не главный «атом общества», субъект деятельности и исторических событий; он всего лишь сообщение, элемент программы, маленькая часть мозаики, которая влияет на жизнь социальных институтов и всего социума;
- человек в сетевом обществе идентичен генератору сообщений, который способен производить идеи и клонировать их;
- бесконечный процесс самоклонирования постепенно размывает целостность личности, превращая индивида в ризому – хаотичное сплетение различных фрагментов информации;
- если каждый индивид является сообщением и фрагментом Сети, то такое разнообразие порождает новый эффект – индивидуализацию сетей, и этот процесс в различных сферах общественной жизни индивидуален.

Подобная сетевая социальность весьма деструктивна для идентичности каждого человека в следующих аспектах:

- редписывание личности полного слияния с Сетью, определение рамок существования личности;
- ограничение свобод личности и сознательная «вписанность» ее в определённую систему ценностей;
- искажение духовных ценностей традиционной культуры;
- стремление воспроизводить репрессивные практики в культуре;
- стремление формализовать религиозные ценности и религиозную веру;
- стремление внедрять утопические идеи виртуального мира в сознания пользователя с целью его дезориентации в реальных социальных вопросах;
- усиление консерватизма и морального проповедничества в сознании пользователя («синдром лидера»);
- попытка установить пределы взаимодействия личности с реальным миром;
- в перспективе – дезориентировать личность в реальности за счёт интернет-аддикции (зависимости) [3]. Именно поэтому взаимодействие личности с виртуальным миром должно быть ответственным и разумным. Этот процесс обнажает сегодня потребность социума в здоровых межличностных отношениях, и общественно полезной информации, качественно преобразующей и улучшающей наш мир.

Список литературы

1. Журавлева И. А. Социальная самоизоляция молодежи через виртуальное пространство // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Международной научно-практической конференции / Иркутский государственный университет ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 165–169.
2. Леонова Л. Л., Кукьян В. Н. Идентичность и виртуальность: к проблеме взаимодействия // Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3, Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2. С. 83–88.
3. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312–317.
4. Полошкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I международной научно-практической конференции. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 139–143.

УДК 159.923.2
ББК 87.588.52

Малых С. В., *Иркутск*

Виртуальная идентичность современных студентов

В статье исследуются особенности формирования виртуальной идентичности современными студентами. Рассматриваются условия, формы и механизмы конструирования идентичности, коммуникации и социального взаимодействия в социальных сетях. Приводятся результаты эмпирического социально-антропологического исследования виртуальной идентичности современных студентов.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, современные студенты, социальные сети, коммуникация, социальное взаимодействие.

Malykh S. V., *Irkutsk*

Virtual identity of modern students

The article discusses the features of the formation of virtual identity by modern students. The conditions, forms and mechanisms of constructing identity, communication and social interaction in social networks are examined. The results of an empirical socio-anthropological study of the virtual identity of modern students are presented.

Keywords: virtual identity, modern students, social networks, communication, social interaction.

Технический и общественный прогресс обусловили возростание значения роли информации в современном социуме. Развитие технологий привело к всеобщей компьютеризации общества и формированию единой общемировой информационно-коммуникационной среды. Ярким примером этого является интернет, который можно рассматривать как объективную и специфическую реальность, обладающую своими закономерностями развития и формами существования.

Учитывая глобальность явления, цифровое пространство имеет большое значение в современном мире, затрагивая все сферы социума, в частности, способствуя превращению знаний и информации в общественное достояние, обеспечивая возможность создания и функционирования самоорганизующихся виртуальных объединений, сокращая информационное неравенство и помогая людям преодолевать информационные барьеры. Кроме того, оно также обладает интегрирующим и синергетическим эффектами.

Для молодого поколения, социальные сети все больше и больше становятся актуальны в контексте построения коммуникации и социального взаимодействия. «Просматривание» и «лайканье» друзей в социальных сетях становится своего рода социальным ресурсом, новой формой социального взаимодействия. Визуальный контакт становится атрибутом социального взаимодействия. И соответственно, те, кто выставляют фотографии, формируют свою собственную визуальную идентичность, т. е. фотографии выступают опосредственным способом представления себя в обществе. Фотографии подбираются для конструирования определенного образа, обусловленного некой саморефлексивностью и самопрезентацией.

Интересным моментом выступает тот факт, что зачастую виртуальные образы студентов позиционируются через иррациональные формы, показанные в рамках астропрогнозов, суеверий и прочих субъективных стратегий мышления (Р. Г. Ардашев [1–4]).

Подобная тематика затрагивалась в ряде работ зарубежных авторов (А. Dahlgren [8], Р. Uimonen [14], С. Balleys [12]), среди отечественных авторов М. А. Ерофеева [6], В. Н. Киселев, А. М. Сосновская, А. А. Старцев [7], Т. С. Паниотова, М. В. Митрохина [9], О. А. Полюшкевич [10].

В данной работе мы применяли метод антропологического наблюдения, используя «профильные» фотографии списка друзей автора, в количестве 847 человек (профилей). Цифровая антропология становится одним из перспективных форм изучения новых форм идентичности в виртуальном мире. Целью нашей работы было выявление визуальных форм коммуникации у молодежи от 18 до 35 лет. С некоторыми из них были проведены индивидуальные интервью (17 человек).

Для понимания того, насколько полученные результаты можно применять ко всем пользователям социальных сетей, необходимо проводить более масштабные исследования, но полученные данные позволяют выявить и характеризовать определенные модели поведения, которые могут найти отражение и в других социальных мирах и социальных средах наших современников.

Мы предполагали, что выбор тех или иных фотографий формирует некий образ, инсценировку онлайн конструирования образа Я. Более того, количество «лайков» и «просмотров» фотографий друзей человека представленного в социальной сети формирует его социальный имидж, социальный капитал, также дает возможность автора отслеживать количество просмотров и лайков и тем самым становится инструментом рефлексивности. В этой связи, идеи В. Тёрнера становятся более применимы в контексте того, что рефлексивность может быть индивидуальной (формой оценки себя, своего образа), и коллективной (социальной), когда мы конструируем и подкрепляем свои миры. Представления своего Я, через фотографии в социальных сетях позволяют проследить рефлексивность и интерактивность Я, что является основой визуальной коммуникации.

Рассматривая результаты анализа полученных данных, мы можем заключить, что чем младше человек, имеющий свой социальный профиль в социальной сети «ВКонтакте», тем больше и чаще он пользуется данной сетью, что говорит о возрастании популярности данной социальной сетью.

По статистике ВКонтакте пользуется 83 % населения [5]. В постах на своих страницах процентное соотношение текстовых сообщений и визуальных неравномерно (1 к 10). И из текстовых сообщений достаточно редко бывают собственные мысли и идеи, чаще цитирование «умных» мыслей или идей известными мыслителями, публичными людьми (актерами, политиками, бизнес-лидерами) и т. д.

Из всего пула фотографий в профиле автора доминируют портреты (18 %), фотографии на фоне административных, культурных, религиозных зданий (университетов, церквей, музеев, театров – зачастую не из тех городов, откуда сам владелец профиля) 29 %, фотографий с мест отдыха (с видами моря, гор, пляжей) – 32 %, фотографий с друзьями или известными личностями (политиками, актерами, певцами) – 14 %, другие фотографии – 7 %.

Через фотографии молодые люди выстраивают коммуникацию: 1) они показывают то, что они Есть; 2) что их жизнь наполнена событиями и интересными встречами и местами (замена фотографий в профиле автора); 3) происходит соприсутствие в друзьях у кого-либо, что позволяет отмечать в комментариях и оценках свою вовлеченность в жизнь Другого (присутствие в отсутствии).

Замена фотографий в своем профиле для большей части тех, кто принимал участие в интервью, выступает способом отражения тех жизненных изменений, которые происходили с ними.

Я разместил свою фотографию на фоне Ермака, когда впервые приехал в Иркутск, став студентом ИГУ, потом конечно фотографии на странице поменялись – выставил свою фотографию с Губернатором, а затем, когда был в Москве на конференции – выставил свое фото на Воробьевых горах, перед МГУ, ну и сейчас у меня фотография с концерта БИ-2. Я там размещаю далеко не все, что у меня происходит – но самое важное. По моим фотографиям – можно проследить – где я бываю, что делаю, с кем общаюсь, что мне интересно (Кирилл, 19 лет, 2-й курс, направление «государственное и муниципальное управление»).

Я зарегистрирована в контакте еще с 14 лет и размещаю только те фотографии, которые показывают моли изменения во внешности: когда из брюнетки, я стала блондинкой и моя фотография поразила всех моих друзей; когда я с родителями ездила в Тайланд и загорала на пляже и купалась в океане и моя фигура просто изумительно смотрелась на этом фоне; или же когда я ходила на показ мод в Иркутске, где мне предложили принять участие с следующим показе. Это мой имидж – который определяет мою жизнь и отражен на страницах социальных сетей (Руслана, 21 год, 4-у курс, направление «история»).

Респонденты подтверждают вывод автора о том, что через фотографии происходит управление впечатлениями. Фотография фиксирует значимый образ идентичности, который позволяет создать игровое пространство для самопрезентации. Социальные сети тем самым выступают способом игриализации идентичности в виртуальном мире.

Другим примером работы с визуальным профилем может стать самопрезентация себя не только через фотографии в социальных сетях, но ведение собственного блога, где они презентуют себя, отражая более развернуто свои мысли, идеи и формы работы, усложняя форму коммуникации.

Я помимо собственной странички, где размещаю свои фото, веду страничку по научной работе студентов Института, иногда дублирую информацию, размещаю интересные материалы, что могут помочь студентам в написании научных и исследовательских работ, развить навыки коммуникации и всего того, что может им помочь реализоваться (Александр, 20 лет, 4-й курс, направление «государственное и муниципальное управление»).

Я размещаю фотографии и информацию о всех проводимых в университете творческих мероприятиях, сама участвую в организации многих из них, а также отдельно веду записи по культурной жизни университета, пишу отзывы и комментарии, аннотации и рекомендации к посещению тех или иных мест, отмечаю тех, кто был на этих мероприятиях через теги имен (Ярослава, 20 лет, 3-й курс, направление «психология»).

Благодаря данной коммуникации происходит не только констатирование того, кем являются те, кто размещает свои фото, но и конструирование того, кем они могли бы быть, если бы принимали участие в подобных мероприятиях. Это то, что влияет на формирование представления о человеке, закрепление мнения о его убеждениях и ценностях в глазах Друзей, что отмечают и оценивают его фотографии [4].

Более того, имя, вписанное в фотографию создает дополнительное подкрепление у тех, кто ведет свои страницы (так как у них это отражается), подтверждая их принадлежность к определённой группе, расширение круга Своих. Фотографии с *мест событий* позволяют говорить о инсценировке подлинности и насыщенности жизни. В социальных сетях соединятся формы индивидуальной и социальной жизни, зачастую эти границы стираются или по крайней мере размываются. Также через фотографии профилей передаются жизненные смыслы – конструирующие как форму, так и содержание образа человека, внешнего и внутреннего нарратива.

Отдельным пунктом в социальных сетях состоит вовлеченность в те или иные личные отношения с представителями противоположного пола. Такие фотографии выступают доказательством наличия отношений и характеристикой их качества.

Для моего окружения важно знать, что я не одна и у меня есть молодой человек, с которым могут быть более серьёзные отношения. Поэтому, всякий раз, когда мы встречаемся – я делаю фото того как мы ходим в кино, кафе или просто гуляем и потом я это выкладываю в социальную сеть (Альбина, 20 лет, 3-й курс, направление «политология»).

Это достаточно важный момент в моих отношениях с девушкой – если я не буду выкладывать наши фото – она меня не поймет и я потеряю авторитет в глазах своих друзей (Михаил, 20 лет, 3-й курс, направление «геолог»).

Схожим мотивом выступает выставление фотографий с друзьями, где совместные фотографии выступают доказательством дружбы, вовлеченности в совместные события и готовности их транслировать во вне.

Мои друзья – это мой капитал. Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей. Это про меня. Все наши встречи показывают нашу активную, интересную жизнь, а те кто не с нами – пусть завидуют нам. Так как мы – настоящие пацаны! (Артем, 21 год, 4-й курс, направление «физика»).

Мои подруги дают мне поводы для самосовершенствования и наши фотографии – это показатели того как я работаю с собой, сколько усилий прикладываю, насколько успешно и эффективно взаимодействую со своим окружением (Алена, 24 года, выпускница направления «социальная работа»).

Иными словами, не столько важно обладать социальным капиталом, сколько его визуально презентовать в социальных сетях. Более того – конструировать его в социальных сетях. Идентичность молодых людей в социальных сетях выступает формой показать КТО Я, с КЕМ общаюсь, с КЕМ работаю и ГДЕ и КАК отдыхаю, это определяет его образ. В конструирование его вовлечены все: и те, кто выкладывает фотографии, и те, кто их оценивает. Это пространство виртуальной социальной коммуникации социальных сетей.

Социальная коммуникация в социальных сетях создает возможности для конструирования нового образа себя, новых стилей и стратегий взаимодействия, позволяет зримо воплотить символический капитал, найти элементы и формы его презентующие; визуально представить формы и типы социальной идентичности молодежи; подчеркнуть принадлежность к определённым группам (выделив своих и чужих); постоянно регулировать и подкреплять визуальную презентацию активной жизни; актуализировать значимость личных отношений.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания // Социология. 2020. № 3. С. 182–189.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность сознания: суеверия в жизни студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 38–41.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: роль астропрогноза в жизни современных студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 6. С. 41–44.
4. Ардашев Р. Г. Вера в сверхъестественное как показатель иррациональности общественного сознания // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. О. Б. Истомина. Иркутск, 2020. С. 243–247.
5. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России [Электронный ресурс] URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 15. 08. 2020)
6. Ерофеева М. А. Репрезентация гендерных образов современных студентов в социальных сетях (на примере социальной сети «вконтакте») // Человеческий капитал. 2018. № 11–2 (119). С. 56–61.
7. Киселев В. Н., Сосновская А. М., Старцев А. А. Эффективная коммуникация в медиасфере: построение культурной идентичности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 120–128.
8. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312–317.

9. Паниотова Т. С., Митрохина М. В. Феномен мобилографии как новая форма репрезентации идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 146–156.
10. Полюшкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Международной научно-практической конференции / Иркутский государственный университет; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 139–143.
11. Balleys C. Gestion de l'intimité et affichage d'un territoire sentimental entre adolescents sur Internet // Agora débats/jeunesses. 2016. Vol. 72, N 1. P. 7–19.
12. Dahlgren A. Dated photographs: The personal photo album as visual and textual medium // Photography a. culture. 2010. Vol. 3, N 2. P. 175–194.
13. Uimonen P. Visual identity in Facebook // Visual studies. 2013. Vol. 28, N 2. P. 122–135.

УДК 316.33
ББК 87.633

Семкив А. И., *Иркутск*

Идентичность человека в виртуальном пространстве

В статье показаны процессы формирования виртуальной идентичности современников. Обозначаются основные технологии формирования новых образов идентичности и развития виртуального самопредставления.

Ключевые слова: идентичность, виртуальная идентичность, виртуальное пространство, феномен, информационные технологии.

Semkiv A. I., *Irkutsk*

Human identity in virtual space

The article shows the processes of formation of the virtual identity of contemporaries. The main technologies for the formation of new images of identity and the development of virtual self-presentation are indicated.

Keywords: identity, virtual identity, virtual space, phenomenon, information technology.

В современном обществе широкое использование интернета стало обычным делом. С 90-х гг. XX в. активно формируется новая социокультурная среда, главной характеристикой которой является свободный доступ к различным источникам информации.

В связи с масштабным распространением беспроводных сетей и смартфонов, которые дают каждому пользователю возможность находиться в социальных сетях без каких-либо ограничений, происходят все более заметные трансформации в поведении человека [3]. Информационная революция оказала особенно сильное влияние на процессы социализации поколения людей, родившихся в конце 90-х годов XX века и выросших в совершенно иных условиях глобального воздействия на психику, физическое самочувствие и мировоззрение интернета, что вызывает большую озабоченность как у родителей, так и у педагогов. Следует признать, что эта озабоченность далеко не беспочвенна-чрезмерное использование интернет-ресурсов, как правило, приводит к повышенной утомляемости и раздражительности, снижению внимания и ослаблению волевой регуляции. Сейчас наблю-

дается рост числа детей с расстройствами аутистического спектра, синдромом дефицита внимания и гиперактивности. Основными факторами этих тенденций являются общий энтузиазм детей и подростков к социальным сетям, форумам, мессенджерам и т. д. [7].

Идентичность в виртуальном пространстве формируется в различных ситуациях из множества сетевых идентичностей, сознательно используемых индивидом-пользователем интернета [3]. Феномен альтернативных идентичностей в реальной жизни рассматривается как патологическое состояние, которое изучается в рамках психиатрии. В виртуальном мире появление альтернативных идентичностей воспринимается как норма, не связанная с психологическими заболеваниями [4].

Виртуальная идентичность, конечно же, связана с самопрезентацией и самоопределением личности. Современные интернет-технологии открывают широкие возможности для яркого проявления индивидуальности и вариативности самопрезентации. Однако интернет-среда чревата опасностями смещения идентичности, нивелирования личности индивида и формирования нереалистичного образа «я» [8; 9].

Формирование виртуальной идентичности происходит либо путем переноса элементов идентичности из реального мира в виртуальный и создания на ее основе идентичности в Интернете, либо через активную позицию субъекта деятельности в интернет-пространстве [5].

В конце 1990-х гг. наметилась тенденция к виртуальному пространству множественной идентичности (полиидентичности), конструированию различных форм киберидентичности, «флуктуации» и «множественности» самости в виртуальном пространстве человеческого общения (С. Теркл, А. Бальзамо, М. Синнирелла и др.).

«Интернет становится важной социальной лабораторией для экспериментов по созданию и реконструкции самости, которая характеризует жизнь в постмодернистском обществе», – пишет Шерри Теркл [12, с. 156]. Фраза «игры с идентичностью» лучше всего описывает деятельность индивида в виртуальном бытии в то время [11]. Человек стремился буквально примерить на себя различные роли, образы, модели поведения, прочувствовать возможности, предоставляемые Интернетом того периода развития, насытиться ими.

За последние десятилетия информационные технологии продвинулись далеко вперед. В период с 2004 г. по настоящее время виртуальная реальность, можно сказать, переживает новое рождение, перезагрузку, поскольку эти годы характеризуются рождением и бумом развития виртуальных социальных сетей, которые изменили Интернет до неузнаваемости.

Теперь информационное существование индивида используется как пространство для неограниченных возможностей самоопределения. Индивид, в свою очередь, оказывает фундаментальное влияние на киберпространство, регулярно снабжая его новыми запросами. Это взаимно прогрес-

сирующий процесс, взаимно влияющая тенденция. «Не только мы врываемся в виртуальный мир со своей идентичностью, но и виртуальный мир врывается в нас, дополняя и расширяя пространство нашего Я» [13].

Современные исследователи в области киберпсихологии утверждают непрерывность внешнего и внутреннего мира личности пользователя, т. е. мир виртуальных социальных коммуникаций рассматривается как сплав, симбиоз онлайн-и оффлайн-деятельности [10]. Социальные сети – это пространство для общения между реальными людьми посредством цифровых технологий, пространство для их реального сосуществования, которое, вероятно, никогда не выходит за пределы виртуального, но в то же время не становится менее реальным.

Российские ученые также отмечают тенденцию к изменению самопрезентации личности в интернете. А. Г. Асмолов и Г. А. Асмолов считают, что с начала XXI века. «Интернет стал платформой для восстановления стабильности идентичности» [1].

Развитие блогосферы, «живых журналов» и социальных сетей практически устранило анонимность в интернете, раскрывая истинную идентичность, представляя виртуальное сообщество с реальной идентичностью через формирование содержания их персональных страниц, круга их социального (реального и виртуального) взаимодействия. Виртуальная социальная сеть выступает как инструмент расширения реального пространства существования индивида, в рамках которого уравнивается идентичность и проявляется истинное «Я» пользователя. Таким образом, меняются как формы представления, так и содержание [2].

Сегодня среди ученых нет единого мнения о том, что представляет собой личность пользователя социальных сетей. В ходе нашей работы мы стали осознавать растущие тенденции, которые указывают на желание пользователя транслировать свою реальную личность в киберпространстве, учитывая его постоянную анонимность. При этом индивид стремится соблюсти собственный интерес в сохранении неприкосновенности своего частного виртуального (и реального) пространства, выражающего его целостность и безопасность. Эти аспекты влияют на природу личной идентичности в контексте виртуализации бытия.

Социальные сети постепенно стали частью повседневной жизни многих людей и неизбежно влияют на самоидентификацию личности. Виртуальная идентичность пользователя социальной сети, в свою очередь, может влиять как со знаком плюс, так и со знаком минус на образ жизни реального человека и общества, на формирование субъективной позиции индивида в реальном и виртуальном существовании [2].

Специфика виртуального пространства дает пользователям возможность исследовать многие аспекты собственной личности. Анонимность в этом случае создает позитивную независимость от социальных норм, давление или неприятие человека, отличающегося от своего окружения расой, сексуальной ориентацией, физическими недостатками и т. д.

Список литературы

1. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. (2009). От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 3–15.
2. Ардашев П. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
3. Богомолова Е. И. Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 104–120.
4. Войсункий А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. 2013. № 1. С. 66–83.
5. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков – пользователей интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты: труды по социологии образования. Т. 5. Вып. 7 / под ред. В. С Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 431–460.
6. Мясникова Л. А., Дроздова А. В., Архипова Ю. В. Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 168–172.
7. Полошкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 139–143.
8. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. Т. 20, № 5. С. 105–124.
9. Сунгурова Н. Л. Виртуальная самопрезентация личности: гендерный аспект // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы: монография / под общ. ред. Н. Б. Карабушенко, Н. Л. Сунгуровой. М.: РУДН, 2015. С. 316–329.
10. Albrechtslund A. Online Social Networking as Participatory Surveillance. Retrieved from [Электронный ресурс]. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2142/1949> (дата обращения: 17.08.2020).
11. Bechar-Israeli H. From “Bonehead” to “Clonehead”: Nicknames, Play, and Identity on Internet Relay Chat [Электронный ресурс] // Journal of Computer-Mediated Communication. Vol. 1(2). URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-101.1995.tb00325.x/full> (дата обращения: 17.08.2020).
12. Turkle Sh. Parallel lives: working on identity in virtual space // D. Grodin & T. R. Lindlof (eds.). Constructing the self in a mediated world: inquiries in social construction (pp. 156–175). Thousand Oaks: Sage. A decade of research. Current directions in psychological science, 18, 1–5.
13. Viseu A. A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or “We shape the tools and thereafter they shape us” McLuhan [Электронный ресурс] URL http://www.yorku.ca/aviseu/eng_id-shaping_content.html (дата обращения: 17.08.2020).

УДК 316.346.32-053.6:004.7

ББК С55.325.1

Кузьмина Е. С., Иркутск

Влияние виртуального пространства на поколение Z

Статья посвящена теории поколений, созданной американскими учеными У. Штрауссом и Н. Хоу. Выделяются отличительные характеристики поколения Z. Рассматриваются особенности влияния виртуального пространства на поколение Z. Автор приходит к выводу о том, что взаимодействие в виртуальном пространстве становится значимой потребностью цифрового поколения, представители которого родились в XXI в.

Ключевые слова: виртуальная реальность, влияние виртуального пространства, теория поколений, поколение Z, цифровое поколение.

Kuzmina E. S., Irkutsk

The influence of virtual space on Generation Z

The article is devoted to the theory of generations, created by American scientists W. Strauss and N. Howe (Strauss-Howe generational theory). On the example of the scientific report «Myths about Generation Z» the distinctive characteristics of Generation Z are highlighted. The features of the influence of virtual space on Generation Z are considered. The author comes to the conclusion that interaction in the virtual space is becoming a significant need for the digital generation, who were born in the XXI century.

Keywords: virtual reality, the influence of virtual space, Strauss–Howe generational theory, Generation Z, digital generation.

Современная реальность стремительно трансформируется, оказывая влияние на все сферы общественной жизни и, как следствие, на индивидов, адаптирующихся к новым условиям. Социологи, психологи, антропологи, философы, исследуя теорию поколений, отмечают, что в различные исторические эпохи общество, в целом, характеризовалось по-разному, а модели поведения, ценности, навыки индивидов отличались. Так, авторы книги «Поколения» (Generations) (1991 г.) американские ученые У. Штраусс и Н. Хоу, выделяют шесть поколений в границах с 1900 по 2023 г.: 1) G. I. («величайшее поколение», рождены с 1900 по 1923 г.); 2) молчаливое поколение («потерянное поколение», рождены с 1923 по 1943 г.); 3) бейби-бумеры («поколение демографического взрыва», рождены с 1942–1963 г.); 4) поколение X («неизвестное поколение», рождены с 1961 по 1984 г.); 5) поколение Y («поколение Миллениума», рождены с 1982 по 2003 г.); 6) поколение Z («цифровое поколение», рождены с 2003 по 2023 г.) [1, с. 153–154]. В настоящее время актуальным остается изучение особенностей поколения Z с учетом междисциплинарного подхода и опорой на исследования социологов, психологов, культурологов, журналистов, маркетологов. Отечественные авторы С. М. Абрамов, С. А. Акулов, М. В. Воробьева, А. В. Железникова, Е. Г. Лампадова, Н. А. Мендкович, О. В. Полянок, В. З. Шурбе и другие посвятили свои труды различным аспектам поколения Z, однако, многие фокусируют внимание на том, что взаимодействие представителей поколения Z и реализация большей части потребностей (по сравнению с другими поколениями) происходит именно в виртуальном пространстве. Не случайно в научной литературе можно встретить разные интерпретации названия поколения Z, например, поколение хай-тек, I-поколение, цифровое поколение, сетевое поколение, интернет-поколение, поколение виртуального мира, диджитал-поколение, screenagers, Post-Millennials, Gen Wi-Fi, iGeneration и проч.

Рассмотрим отличительные характеристики поколения Z. На вторичном семинаре НИУ ВШЭ с докладом «Мифы о поколении Z» 5 марта 2019 г. выступили Н. В. Богачева, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова и Е. В. Сивак, директор Центра исследований современного детства Институ-

та образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [2]. Исследование докладчиков было основано преимущественно на анализе научной и популярной зарубежной и отечественной литературы. Кроме того, применительно к исследованию мифов и представлений о поколении современных подростков в выборку были включены тексты популярной литературы, различных сайтов, новостных газет. Целью доклада являлось проанализировать, насколько обоснованы сложившиеся в обществе представления и почему возможно выделение современных подростков в отдельное поколение, именуемое Z. В начале доклада речь шла об интерпретации понятия «поколение Z», а также о границах поколений, связанных с историческими событиями отдельных стран. Продолжительность поколений чаще всего фигурирует от 15 до 20 лет. Авторы также проанализировали термины IGen (J. Twenge, 2017) и «цифровые аборигены» (Digital Native) (М. Пренски) и др.

Ученые отмечают, что первые дети поколения Z начали рождаться в 1995, 2000, 2003, 2005 гг., однако, если прибавить к этим годам 15–20 лет, то станет ясно, что некоторые представители поколения Z еще не родились или должны родиться в текущем 2020 г. По мнению Н. В. Богачевой и Е. В. Сивак, поколение Z является неоднородным, так как представители поколения находятся на разных этапах своего развития и не достигли ранней зрелости по большей части. Для того чтобы проводить сравнительный анализ поколений, необходимо, чтобы поколение Z прошло все значимые события в своей жизни, однако, их молодость придется на 2030 гг., кроме того, ученые пока не знают какие исторические события будут оказывать влияние на их формирование и развитие. Н. В. Богачева и Е. В. Сивак раскрывают факторы, определяющие специфику поколения, и называют следующие характеристики поколения Z: многозадачные, открыты новому, предприимчивые, депрессивные, стремятся к успеху, не способны удерживать внимание, некритичны и т. д. Влияние виртуального пространства на поколение Z проявляется в высокой степени зависимости представителей поколения от гаджетов и технологий (смартфонов, ноутбуков, iPad и т. д.).

Важным представляется то, что авторы подробно и убедительно, используя результаты исследований в смежных областях науки, проверили такие отличительные характеристики поколения Z, как «владение технологиями», «многозадачность», «трудности удержания внимания», «снижение критичности мышления», «прагматизм», «индивидуализм», «стремление к успеху», «депрессия», «тревога» и др. Не по всем позициям удастся заручиться эмпирической поддержкой, поскольку часть данных является трудно доказуемой в силу объективных причин (например, невозможности проверить тот или иной факт из-за того, что формирование поколения Z еще не завершилось, а социокультурный контекст их жизни не в полной мере проявился), либо результаты имеющихся на эту тему исследований противоречивы, либо характерны не только для молодежи, но и для более старшего

поколения в силу их схожей реакции на современные вызовы. Вклад в развитие исследовательской области и практики видится в том, что авторы раскрыли поколенческие установки и ценности, которые необходимо учитывать для разработки конкретных рекомендаций в процессе обучения представителей поколения Z в школе и вузе, приема их на работу, выстраивания эффективного взаимодействия в реальном и виртуальном пространстве.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что, что цифровая революция привела к расширению взаимодействия в виртуальном пространстве, что стало значимой потребностью поколения Z. Цифровые коммуникации происходят в социальных сетях, на онлайн-площадках для общения, совместного досуга, учебы. Однако как изменятся характеристики поколения Z в посткоронавирусную эпоху можно будет достоверно установить с 2030 гг.

Список литературы

1. Колосова Н. А. У каждого поколения своя жизненная программа: теория поколений как ключ к этой программе // Труды Коломенской духовной семинарии. 2019. С. 150–162.
2. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z» / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

Макурова Т. С., Макаренко Е. А., *Санкт-Петербург*

Формирование коллективной памяти в виртуальном пространстве

Аннотация. Исследуется формирование коллективной памяти в обществе постмодерна. Рассмотрены примеры формирования ложных воспоминаний и проанализированы последствия данных действий, а также механизмы формирования коллективной памяти и их применение в обществе. Изучены методы исторической политики и способы снижения влияния медиа на общество.

Ключевые слова: коллективная память, постмодерн, медиа, информация, социология.

Makurova T. S., Makarenko E. A., *Saint Petersburg*

The formation of memory studies in virtual space

The article discusses the current situation with the formation of memory studies in postmodern society. Examples of the formation of false memories are examined and the consequences of these actions are analyzed. The mechanisms of the formation of memory studies and their application in society are analyzed. The methods of historical politics and ways to reduce the influence of media memory on society are studied.

Keywords: collective memory, postmodern, media, information, sociology.

В настоящий момент общество переходит из эпохи модерна в постмодерн. Постмодерн будет заключаться в том, что каждый сможет выбрать, в каком информационном поле ему жить. В той повестке дня, которая ему нравится. Не будет разницы между правдой и неправдой – факты можно

подать любым образом. Если кто-то принимает какие-то тезисы, то он в них верит и в них живет. Одной из характерных черт данного перехода стало виртуальное пространство и в том числе социальные сети. Режимы карантина и самоизоляции только усилили влияние интернет-среды и откатить все обратно в офлайн уже не получится. Сеть создает легкость генерирования и распространения информации [1]. Как социальный феномен и источник влияния интернет и различные мессенджеры имеют колоссальное значение, особенно по отношению к поколению Z, но в значительной степени и к Y. Рассмотрим сеть как метод формирования коллективной памяти.

Коллективная память (memory studies) – это междисциплинарное поле исследований. Здесь с одной стороны велико влияние истории, но, как оно зачастую бывает, истории не фактической, а некой ее версии. Версии, изучение которой лежит скорее в плоскости политологии и социологии. В данном случае благодаря неким специально отобраным фактам (при замалчивании и игнорировании других фактов) или даже вымыслам формируется параллельная история, которая с течением времени может заменить реальную в определённом сообществе. Так в том числе и под влиянием массовой культуры (кинематографа) формируется миф о том, что во Второй мировой войне победили американские и английские солдаты, а Гитлер был сожжен в кинотеатре (фильм «Бесславные ублюдки»). При этом зачастую подобные заявления делаются на высоком уровне, например, президентом США Дональдом Трампом. Скорее всего это делается умышленно, а не из-за элементарного невежества руководства США. Подобные заявления формируют некое прошлое, в которое со временем начинают верить люди, не утруждая себя элементарным фактчекингом и потребляющим готовую информацию без критического осмысления.

Пропаганда – это один из основных механизмов формирования коллективной памяти. Это можно рассматривать на многих этапах развития человечества, а с развитием информационных технологий этот процесс стал более управляемым и легким. Так, во времена Второй мировой войны элементом формирования коллективной памяти стали речи рейхсминистра народного просвещения и пропаганды Германии Геббельса – например, его известная двухчасовая речь о тотальной войне перед многотысячной аудиторией в Берлинском дворце спорта 18 февраля 1943 года. Или речь Хрущева 1956 г. о «разоблачении культа личности Сталина», когда стенограмма данного доклада отсутствовала, но ее тезисы передавались из уст в уста. Здесь можно согласиться с Яном Ассманом, что по тем воспоминаниям была сформирована совсем иная парадигма наук об истории и обществе. Как удачно отметил Герберт Хирш, «контроль над памятью является формой власти. Люди, занимающие позиции, позволяющие им манипулировать памятью и, с ее помощью, символическими ценностями общества или группы... обладают политической властью».

В последние десятилетия методы *memory studies* активно используются для расщепления общества, ликвидации единства и инициирования различных цветных революций усилиями политических элит, их сторонников и противников по конструированию значения прошлого и широкому распространению или навязыванию нужной версии прошлого прочим членам общества. С помощью *memory studies* может достигаться наиболее желательное для государства видение прошлого как способа решить проблемы одновременно и с прошлым и с будущим, также могут создаваться некие иллюзии национальной идентичности и героичности. Например, Дания, которая противостояла нацисткой Германии один день и похвастаться героизмом обороны страны не может, тем не менее пытается создавать какие-то островки героизма. Так, недавно вышел фильм о героических датчанах-велосипедистах, которые выехали к границе Германии и подбили немецкий броневик. Данный фильм был раскритикован историками, однако такие фильмы создаются не для историков, а для формирования облика великой страны в сердцах граждан. Здесь можно согласиться с Морисом Хальбваксом, что словесные конвенции образуют самую устойчивую рамку коллективной памяти [8]. Однако с 1925 г. прошло достаточно много времени и сейчас современные технологии формируют эти рамки еще более успешно.

Можно отметить, что механизмы формирования коллективной памяти активно используются сегодня на самом высоком политическом уровне:

- внешняя политика и дипломатия – обсуждение неоднозначного прошлого как условие для функционирования политических систем и их способности проводить международную политику. Образ внешнего врага или претензии на некие территории (например, Японии на Курильскую грядку) позволяет спланировать нацию и отвлекать население от более приземленных проблем;

- международная юстиция – определение статуса жертв и преступников, в том числе в рамках международных соглашений (например, непринятие рядом стран факта геноцида Турцией армянского народа в 1915 г.);

- политическая культура – моделирование политических нарративов, формулирующих отношения между обществом и историей (здесь это наглядно могут демонстрировать российские новые праздники 90-х гг., например, День народного единства или День России, когда в первом случае попытались придумать альтернативу Дню Великой Октябрьской социалистической революции, а во втором – некий аналог американского Дня независимости. Однако никаких островов коллективной памяти с данными датами нет и какой-либо культуры празднования тоже, а значит и ценности для населения они не несут, просто еще один выходной день).

Если рассматривать тренды создания и коррекции коллективной памяти, то в настоящий момент особенно сильно влияние различных неформальных групп. Например, легче внедрять идеи через футбольные фанатские сообщества, различные диаспоры [3], группы самых различных акти-

вистов или через лидеров общественного мнения, которыми может выступать кто угодно, начиная от телеведущих и заканчивая бьюти-блогерами.

В формируемых «воспоминаниях» можно отметить так называемые места памяти. Здесь можно заметить, что их удачно используют в туристических целях, как, например, «гора Моисея» в Египте или копьё Лонгина (когда известно минимум 4 копия, которыми мог бы быть поражен Иисус).

Все эти и многие другие воспоминания – разрозненные или системные, имеющие какую-либо политическую или экономическую окраску создают масштабное поле для исследования. Именно изучение механизма формирования и отделение «безвредных» воспоминаний от манипулятивных, созданных для формирования раскола обществ, и является одной из задач *memory studies*.

Безусловно, речь не идет о создании Министерства Правды подобно вымыслу в романе Джорджа Оруэлла «1984», но, тем не менее, в России должна присутствовать системная работа в политике памяти – это деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях и законодательного регулирования. Политика памяти должна выступать частью символической политики, т. е. публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве. Доминирование является ключевым словом, когда разговор идет в сети, когда мнение пользователей формируется лидерами общественных мнений достаточно быстро и поменять его будет достаточно проблемно. Так, например, сейчас в мире выбран курс на порицание домашнего насилия и все сообщества (в том числе и Интернет) следуют в данном фарватере. Когда известная блогер Регина Тодоренко попыталась высказаться вразрез общему тренду, то уровень ее принятия обществом был практически обнулен, что лишний раз демонстрирует динамичность сетевой социальной среды и проблемность противодействия трендам. В настоящий момент государство слабо представлено и явно не задает тренд в сети, ориентируясь прежде всего на телевидение и на поколение 60+. С одной стороны, это понятное поколение с устоявшимися ценностями и понятной коллективной памятью, которое опять же ходит на выборы. Однако ориентация только на данное электоральное поле – огромная стратегическая ошибка, так как данное поле так или иначе сужается, а одного лишь «Бессмертного полка» явно недостаточно для формирования коллективной памяти. Сейчас в головах молодежи преобладает память о Болотной площади и дело Ивана Голунова, фильм «Он вам не Димон» и тому подобные.

В то же время можно обратить внимание, как, например, в Польше или Украине системно ведется историческая политика среди молодого поколения. Как утверждал Миллер, «историческая политика» – это набор практик,

с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Все это может выражаться через следующие методы:

- оздание специальных институтов для насаждения определенной трактовки;
- политическое вмешательство в деятельность СМИ;
- манипуляции архивами;
- разработка мер контроля за деятельностью историков, использование финансовых и статусных рычагов;
- вмешательство в содержание учебников и программ преподавания истории;
- принятие мемориальных законов [6].

Можно сказать, что публичная история одновременно является исследовательским полем, в котором изучают репрезентации прошлого, и прикладной деятельностью по их созданию. Распределенные версии прошлого неизменно генерируются средствами «медиаальной экстернализации», наиболее базовой формой которой является устная речь. Более сложные медиа-технологии, такие как тексты, кино или Интернет расширяют темпоральные и пространственные рамки воспоминания. Историческая память конституируется множеством медиа, действующих внутри символических систем. С помощью медиа-технологий легко генерируются медиализированные воспоминания – действия и объекты, которые позволяют создавать и воссоздавать чувство прошлого, настоящего и будущего нас самих во взаимоотношении с остальными. Медиализированные воспоминания расположены ни прямо в мозге, ни полностью за его пределами в (материальной) культуре, но существуют одновременно, поскольку они представляют собой сложные интеракции между мозгом, материальными объектами и культурной матрицей, из которой они возникают. Медийная память – это реконструкция прошлого, достигаемая с помощью данных, взятых из настоящего [7]. Сейчас публичная история должна быть понятна поколению Z. Здесь необходим доступный язык и отсутствие «лонгридов». Современное молодое поколение плохо воспринимает текст, дурным тоном считается писать посты в социальных сетях длиной более трех абзацев. Клиповая культура мышления задает соответствующие правила общения (сейчас мы имеем дело с тем, что имеем, а не рассуждаем о том, как надо было воспитывать подраставшее поколение, формировать культурные и досуговые шаблоны и т. д.). Движение, методология и подход, которые способствуют совместным историческим исследованиям и практикам, миссия использующих их специалистов состоит в том, чтобы сделать выводы академических исследователей доступными и полезными для публики. В то же время множество гибридных дискурсов, накапливающихся вокруг одного события, создает избыточность истории, т. е. переполнение ее смыслами. Дискуссия в настоящий момент строится не из того, что должно помнить, а из того, что может быть вспомнено.

При формировании методов исторической политики нельзя не процитировать Мао Цзэдуна: «Тезис верный, но высказанный не вовремя, является ложным», что в отношении исторической политики можно акцентировать так: средство передачи информации не менее важно, чем сама информация. Можно сколько угодно рассказывать об ужасах Второй мировой войны в научных монографиях, приводя свидетельства очевидцев и выдержки из документов Третьего рейха, однако фотография из концентрационного лагеря в нужной группе от лидера общественного мнения в Facebook может произвести куда более сильный эффект, чем тысячи страниц доктора исторических наук [2]. И хорошо если данный лидер выскажется в русле текущей политической доктрины, поскольку его диаметрально противоположное высказывание опровергнуть будет практически не возможно, так как стандартные законы логики здесь не работают (ибо привычка молодой либо низкоинтеллектуальной аудитории – верить безоценочно и безусловно). Работает исключительно эмоциональный уровень и уровень авторитета данного лидера общественного мнения и средства передачи информации (медиа памяти) [4]. Медиа памяти – это любой посредник между обществом и его прошлым, включая техники, технологии и практики, с помощью которых опосредуется социальная и культурная жизнь, включая и масс-медиа. Если 20 лет назад еще можно было административным ресурсом контролировать извне все вектора социальных течений, то сейчас это можно делать только изнутри, становясь их частью или работая с медиа памяти (здесь не рассматриваем методы Северной Кореи или Китая, где административный ресурс имеет колоссальные рычаги) [5].

Безусловно, задачей современного общества стоит не тотальный контроль за коллективной памятью, а принятие данного факта с целью формирования культуры критического мышления среди как взрослого населения, так и молодежи. Фактчекинг и критическое мышление должны стать теми навыками, которыми должны владеть в той или иной степени все пользователи сети. Это может стать лучшей прививкой для информационного общества от различного рода манипуляций и лженауки (а не создание комиссий по борьбе с лженаукой при Президиуме российской академии наук). Разумеется, также необходима ревизия развлекательной политики и на телевидении, и в досуговом поле. Как ни парадоксально, пандемия коронавируса ситуативно играет на руку смене развлекательной и информационной повестки – изменение уклада жизни отодвинуло на второй план новости мира «звезд» и сместило акцент на науку, исследования, статистику, в конце концов. При наличии политической воли эту ситуацию можно обратить на пользу государства и общества, уводя интерес аудитории от фактов личной/интимной жизни и идеалов общества потребления на вопросы, повышающие уровень личностного развития.

Список литературы

1. Макаренко Е. А. Использование информационных технологий в деятельности финансовых групп // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2006. № 5–2 (47). С. 149–153.
2. Макаренко Е. А. Развитие инновационных форм влияния социума при продвижении новых продуктов // Управление социальными инновациями : сборник научных статей / отв. ред. Е. А. Ильина. СПб., 2019. С. 195–200.
3. Макаренко Е. А. Современные тенденции регулирования миграционных процессов в России. // Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы : сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2014. № 5. С. 27–34.
4. Макаренко Е. А., Борисов А. С. Влияние нейромаркетинга на технологии продвижения новых продуктов // Актуальные проблемы экономики и управления. 2019. № 3 (23). С. 38–40.
5. Макаренко Е. А., Песоцкий А. Б. Применение методов геймификации и телематики в страховании автотранспорта в России // Инновационная деятельность. 2019. № 4 (51). С. 92–100.
6. Миллер А., Липман М. Историческая политика в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 532–534.
7. Модернизация бизнеса и образования в условиях инновационного реформирования : коллективная монография. СПб. : Изд-во СПбГУСЭ, 2010., с. 56–58.
8. Хальбваск Морис. Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007. С. 210–212.

УДК 004.9
ББК 67.400.3

Архирейский О. Г., Бадриева Р. Р., Шиханова Е. Г., *Samara*

Кибербуллинг в студенческой среде

В статье анализируется проведенное авторами исследование, которое подтверждает, что проблема кибербуллинга в современном обществе перестала быть проблемой детей и подростков. Проводится классификация данного явления и выделяются приоритетные способы профилактики и борьбы с кибербуллингом в студенческой среде.

Ключевые слова: кибербуллинг, интернет, социальные сети, электронная травля, студенческая среда.

Archireiskiy O. G., Badrieva R. R., Shikhanova E. G., *Samara*

Cyberbullying in the student environment

The study conducted by the authors confirms that the problem of cyberbullying in modern society has ceased to be a problem of children and adolescents. Classification of this phenomenon and analysis of empirical results allows us to determine priority ways to prevent and combat cyberbullying in the student environment.

Keywords: cyberbullying, Internet, social networks, e-bullying, student environment.

Современные информационные технологии и интернет изменили этот мир. Они открыли множество путей коммуникации, позволили значительно облегчить и автоматизировать жизнь. Посредством социальных сетей и мессенджеров люди могут общаться на любые интересующие их темы, связываться с родными, быть в курсе всех последних новостей. Однако именно открытость и анонимность личности в интернет-пространстве позволяет злоупотреблять предоставленными возможностями и причинять вред дру-

гим. Речь идет о травле в интернете, называемой кибербуллинг, включающей в себя «моральное и психологическое насилие, доминирование и принуждение, социальную изоляцию, запугивание и вымогательство, осуществляемое с помощью электронных средств коммуникации» [3].

Проведенный исследователями [2] теоретический анализ феномена «кибербуллинг» позволил определить его, как отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить. Несмотря на популярное мнение, что кибербуллинг присущ только подросткам, исследование проблем кибербуллинга, проведенное Pew Research Center в 2014 г. [1], показало, что 40 % пользователей глобальной сети хотя бы раз в жизни сталкивались с буллингем в интернете на собственном опыте. При этом 73 % опрошенных пользователей сталкивались с онлайн-буллингом вообще (становились жертвами сами или были свидетелями буллинга в отношении других людей) [4]. Данные факты позволяют утверждать, что кибербуллинг является проблемой не только подростков, но и всех пользователей сети Интернет. Следует отметить, что травля в интернете, может стать причиной депрессии, ухода в себя и даже самоубийства. Начавшись в сети буллинг, как и другие конфликты, может переместиться в реальную жизнь, что будет иметь более серьезные последствия.

Авторы выделяют следующие формы кибербуллинга: флейминг, харассмент, троллинг, секстинг, распространение клеветы [2]. Флейминг начинается с оскорблений, чаще всего происходит публично, реже в личных сообщениях. Харассмент основывается на повторяющихся раздражающих действиях, которые выводят жертву из состояния равновесия, а также вызывают состояние тревожности и стресса. В отличие от флейминга, где жертвы могут отвечать друг другу, харассмент – односторонний, т. е. жертва не может ответить обидчику. Троллинг – это вид травли, при которой обидчик пытается найти слабые места жертвы и унижить его, попадая по ним. Секстинг представляет собой рассылку или же публикацию личных фотографий жертвы интимного характера. Распространение клеветы подразумевает рассылку, публикацию и распространение ложной информации о жертве, которая порочит его репутацию. Причины, по которым осуществляется кибербуллинг могут быть разными: для кого-то это единственный способ самоутвердиться, для кого-то это способ заработка (шантаж, вымогательства), кто-то получает от этого удовлетворение, некоторые делают это из мести, а кому-то просто нечем заняться. В любом случае, адекватные люди не стали бы заполнять свое свободное время подобными вещами, и, вероятно, проблема кроется в наличии комплексов у человека, позволяющего себе такую форму агрессии.

С целью проверки гипотезы о наличии кибербуллинга в студенческой среде, нами была разработан авторский инструментарий и проведено исследование среди студентов. В анонимном опросе приняло участие 312 обучающихся вузов и колледжей. По его результатам было выявлено, что 9,3 % респондентов подвергались кибербуллингу во время обучения, 38,9 % являлись свидетелями кибербуллинга среди студентов, 55 % наблюдали, как травля в интернете перерастала в травлю в реальной жизни. Чтобы верифицировать получаемые ответы, мы намеренно включили вопросы, похожие по своей структуре, но отличающиеся по своей сути. Так, вопросы «Подвергались ли вы кибербуллингу в студенческие годы?» и «Являлись ли вы свидетелем кибербуллинга среди студентов?» позволяют нам утверждать, что опрашиваемые действительно понимают о чем идет речь, так как процентные соотношения между ответами на эти вопросы довольно сильно расходятся. Также респондентам был предложен ряд открытых вопросов, где они могли конкретизировать свое мнение, указать причины и предложить варианты решения проблемы. Большинство посоветовали не обращать внимания на обидчиков, чтобы обидчик потерял интерес; использовать такую функцию социальных сетей, как блокирование или добавление в черный список. Также, по нашему мнению, интересным было предложение урегулировать локальными актами университета ответственность за такие прецеденты, вплоть до исключения из образовательной организации. В ходе обработки результатов опроса было установлено, что данная проблема действительно является актуальной и важной для студентов, требует разработки эффективного механизма профилактики и борьбы с кибербуллингом.

Согласимся с авторами [2], что травлю в интернете можно снизить посредством воспитательных мер и увеличения степени защищенности пользователя. Как отмечают, борьба с некорректным поведением в интернете должна быть организована по двум направлениям. С одной стороны, это развитие технических приспособлений, ограничивающих нежелательный контент (фильтры, цензура), располагаемые в социальных сетях и на веб-сайтах разнообразные кнопки тревоги («пожаловаться»), предназначенные для включения в неприятную ситуацию сотрудников сайта, и настройки конфиденциальности персональных аккаунтов. С другой стороны, это информационно-правовое просвещение молодежи основным правилам безопасности и корректного поведения по отношению к другим пользователям. В этом вопросе существует позитивная практика использования специальных веб-ресурсов, посвященных повышению интернет-грамотности и обучению корректному, не агрессивному и невиктимному поведению в интернете. Помимо всего этого, опираясь на свой собственный опыт, отметим, что сама окружающая действительность воспитывает в подрастающем поколении качества, позволяющие более гибко относиться к вещам подобного рода. Примем к рассмотрению повседневное общение школьников или студентов, которые постоянно подшучивают друг над другом, по-дружески

троллят, припоминают какие-то неудачи. И чем больше люди привыкают к такой манере общения, тем слабее становится «оружие» в руках кибербуллеров. С точки зрения психологии человеческих взаимоотношений, жертва интересна обидчику только тогда, когда он может нанести ей какие-либо неудобства, когда же жертва перестает обращать внимание на обидчика, его интерес постепенно пропадает. Конечно, это применимо не ко всем видам буллинга, но все же от немалой его части можно избавиться простым игнорированием. Одним из наиболее объективных способов борьбы с кибербуллингом, по нашему мнению, является использование нейронных сетей, обученных распознавать ситуации буллинга и блокировать их инициаторов, не позволяя травле, в дальнейшем исходящей от них, даже начаться. Это было бы эффективно, однако, повлекло бы за собой ряд проблем: корректное распознавание буллинга, согласие жертвы на данный вид манипуляции и т. д.

В заключение отметим, что кибербуллинг – это реальная проблема современного студенчества. На основе всего вышесказанного мы пришли к выводу, что уменьшить количество кибербуллинга может помочь блокирование злоумышленников, применение санкций, а также обучение студентов корректному поведению в интернете и приобретение ими навыков игнорирования травли в случае, если они вдруг стали жертвами буллеров. Не следует бояться агрессоров, как показывает практика, зачастую все, кто пытается травить в интернете других людей, в реальной жизни ничем собой не представляют. Также можно создать нейронную сеть, которая будет отслеживать ситуации кибербуллинга в социальных сетях.

Список литературы

1. Duggan M. Online Harassment: report for Pew Research Center, 2014. URL: <http://www.pewinternet.org/2014/10/22/online-harassment>.
2. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-travlya-v-prostranstve-sovremennyh-tehnologiy> (дата обращения: 17.11.2019).
3. Макарова Е. А., Макарова Е. Л., Махрина Е. А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-kiberbullinga-kak-formy-internet-prestupleniya> (дата обращения: 17.11.2019).
4. Шевко Н. Р., Исхаков И. И. Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-kiberbullinga-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 17.11.2019).

УДК 159.85
ББК 88.67

Ануфессо А. Н., *Аргентина*
Семенов С. В., *Беларусь*

Киберагрессия в молодежной среде

Представлены результаты исследования, посвященного проблеме взаимосвязи проявлений кибервиктимизации, киберагрессии и особенностей психологического функционирования в молодежной среде.

Ключевые слова: кибервиктимизация, киберагрессия, стресс, депрессия, беспокойство, молодежь, подростки.

Anufesso A. N., *Argentina*
Semenov S. V., *Belarus*

Cybergression among youth

The article analyzes the results of her research, which was devoted to the problem of the relationship between the manifestations of cyber victimization, cyber regression, and the characteristics of psychological functioning in the youth environment.

Keywords: cyber victimization; cybergression; stress; depression; anxiety, youth, teens.

Киберагрессия является распространенной в интернет-среде формой девиантного поведения и подразумевает унижение, манипулирование, остракизм по отношению к жертве. В свою очередь кибервиктимизация – происходящий в виртуальном пространстве процесс, в результате которого человек превращается в жертву. Чтобы объяснить связь между кибервиктимизацией и киберагрессией, исследовательница апеллирует к общей теории напряжения (*general strain theory*), согласно которой такие негативные эмоции, как гнев и фрустрация, усиливаются в результате психологического давления или различных стрессовых факторов [2]. Стресс может быть вызван отсутствием положительного стимула, блокированием цели или негативными стимулами. В связи с этим опыт переживания кибервиктимизации и желание справиться с негативными эмоциями может стать причиной выбора подростками неудачных стратегий нивелирования стресса, в том числе таких, как киберагрессия [1]. Подростки, достаточно редко сталкиваясь с тяжелыми стрессовыми ситуациями (*major stressors*), зачастую не в состоянии избежать незначительных ежедневных стрессов (*minor stressors*) типа конфликтных ситуаций со сверстниками, споров с родителями, проблем в школе. Однако даже малозаметные факторы стресса могут приводить к негативным эмоциям и нарушению питания.

Вследствие этого есть предположение, что выражение агрессии в виртуальной реальности становится для подростка своего рода «отдушиной» и возможностью ослабить переживаемый стресс с минимальными для себя негативными последствиями. С целью проверки этой гипотезы и выявления корреляции между кибервиктимизацией, киберагрессией и стрессовыми факторами авторами статьи было проведено лонгитюдное онлайн-тестирование подростков. На первом этапе изучался уровень стресса, вы-

званного ближайшим окружением (родителями, сверстниками, учителями) участников проекта, а также проявления кибервиктимизации в подростково-юношеской среде. На втором этапе осуществлялось исследование уровня киберагрессии, депрессии и беспокойства у респондентов год спустя. Изначально в тестировании приняли участие 450 юношей и девушек, контакт с которыми устанавливался через социальную сеть Facebook; спустя год выборка сократилась до 423 респондентов. Такой способ отбора респондентов был не случаен: предполагалось, что те, кто откликнулся на предложение принять участие в проекте, с большей вероятностью сталкивались с проявлениями киберагрессии или кибервиктимизации.

Отобранным по определенным критериям подросткам (учащиеся 11–12-х классов; жители Аргентины; те, кто имеет открытый профиль в Facebook) отправлялось сообщение с описанием нюансов исследования. Также в сообщении упоминалось, что для участников анкетирования, не достигших 18-летия, необходимо согласие родителей (в этом случае родители заполняли специальную форму разрешения). После принятия условий анкетирования респонденты перенаправлялись на страницу вопросника. Анкета состояла из нескольких разделов: личная информация, киберагрессия, кибервиктимизация, беспокойство, депрессия. Также она включала вопросы относительно видов стресса: со стороны родителей, сверстников и учителей. Аудитория респондентов – учащиеся 11 классов в возрасте от 16 до 18 лет.

Спустя год проводился повторный опрос. На этом этапе вопросник содержал следующие разделы: личная информация, киберагрессия, беспокойство, депрессия.

Для оценки ряда категорий (воспринимаемый стресс, беспокойство, депрессия) автор исследования использовала уже существующие методики тестирования, например «Перечень симптомов беспокойства» Бека. Для исследования же относительно новых в социологии категорий – киберагрессии и кибервиктимизации – была разработана анкета из 13 вопросов, ориентированных на изучение специфики проявлений агрессии и виктимизации в виртуальной среде. Так, тестом «на кибервиктимизацию» стал вопрос: «Как часто ваши сверстники распространяют дурные слухи о вас в Интернете или с помощью текстовых сообщений?» В то же время уровень киберагрессии, например, измерялся в том числе на основании ответа на вопрос: «Как часто лично Вы распространяете плохие слухи о сверстниках в Интернете или с помощью текстовых сообщений?». Основным методом исследования стало структурное регрессионное моделирование (structural regression model).

Анализ полученных данных показал, что все исследуемые факторы стресса (родители, сверстники, учителя) усиливают процесс подростковой кибервиктимизации, провоцируя у последних депрессию и беспокойство [3]. При этом не была выявлена связь между полом, этническим происхождением респондентов и проявлениями ими киберагрессии или кибервиктимизации. Помимо этого найдена следующая закономерность: сильный уровень стресса усиливает взаимосвязь кибервиктимизации и киберагрессии.

Также была верифицирована взаимозависимость кибервиктимизации и депрессии при значительных показателях какого-либо из факторов стресса (родители/сверстники/учителя) в сочетании с киберагрессией. Райт обнаруживает, что симптомы депрессии проявляются острее при более высоком уровне стресса, кибервиктимизации и киберагрессии. По словам автора, широкое применение технических устройств делает новые средства связи чрезвычайно популярными в молодежной среде; в конечном итоге это приводит к тому, что негативный опыт общения в виртуальном мире переживается подростками не менее остро, чем в реальности. В результате проведенного исследования была подтверждена гипотеза о взаимовлиянии трехсторонней связи кибервиктимизации, киберагрессии и второстепенных ежедневных стрессов на проявление депрессии.

Было обнаружено, что жертвы виртуальной агрессии, находящиеся под воздействием незначительных факторов стресса, как правило, страдают от депрессии. Также киберагрессия и кибервиктимизация часто сопутствуют друг другу. Например, согласно результатам повторного опроса, респонденты, пережившие опыт кибервиктимизации, спустя время сами начинали демонстрировать агрессивное поведение в виртуальном пространстве. Райт объясняет этот факт желанием прежних жертв нивелировать стресс, «выплеснув» негативные эмоции на собеседников в Сети.

Итак, пережитый опыт виктимизации в виртуальном пространстве представляет собой значительный стресс для подростков и может в дальнейшем подталкивать жертву к выбору таких неуспешных стратегий поведения, как киберагрессия и кибербуллинг. Таким образом, кибервиктимизация, киберагрессия и ежедневный стресс могут породить взаимосвязанный «порочный» круг из агрессивных и неадекватных действий. Размышляя о перспективах изучения данной темы, можно предположить, что эмпирическим объектом исследования могут быть не только старшие подростки, но и дети, так как агрессивное поведение в Сети нередко проявляется в совсем юном возрасте, например, с 5–7 лет, когда дети начинают использовать мобильные устройства для выхода в интернет и общения.

Также представляется интересным исследование «ответного» проявления агрессии, следуемого сразу после пережитого буллинга и стресса. Полезно в дальнейшем разделить понятие жертвы на пассивную и провоцирующую. Подобное деление, на ее взгляд, должно дать дополнительную информацию о том, как процесс кибервиктимизации сочетается со специфической психологической функционированием подростков.

Список литературы

1. Agnew R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency // *Criminology*. St. Louis (MO), 1992. Vol. 30, N 1. P. 47–87.
2. Fischbacher U., Gächter S., Fehr E. Are people conditionally cooperative? Evidence from a public goods experiment // *Economic letters*. Amsterdam, 2001. Vol. 71, N 3. P. 397–404.
3. Wright M. F. Cyber victimization and perceived stress: linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning // *Youth & society*. Sevenoaks, 2015. Vol. 47, N 6. P. 789–810.

УДК 316.75
ББК 60.524

Загородний В. Д., Елисеева Е. Н., *Иркутск*

Виртуальное пространство как фактор формирования социокультурных ценностей молодежи России

Исследуется влияние виртуального пространства на формирование социокультурных ценностей молодежи. Рассмотрен категориальный аппарат изучаемой проблемы под призмой социологии молодежи. Приведена статистика проникновения виртуального пространства в жизнь молодежи, а также отражены результаты авторского исследования. Отдельное внимание уделяется влиянию виртуального пространства на формирование социокультурных ценностей детей в возрасте до 12–14 лет, а также показаны положительные и отрицательные эффекты данного процесса.

Ключевые слова: социокультурные ценности, социокультурное пространство, виртуальное пространство, молодежь.

Zagorodniy V. D., Eliseeva E. N., *Irkutsk*

Virtual space as an institution for the formation and transformation of sociocultural values of Russian youth

This paper considers the influence of virtual space on the formation and transformation of sociocultural values of youth. The categorical apparatus of the studied problem under the prism of sociology of youth is considered. Statistics of the penetration of virtual space into the life of young people are given, as well as the results of the author's study are also reflected. Special attention was paid to the influence of virtual space on the formation of sociocultural values of children under the age of 12–14 years, as well as the positive and negative effects of this process are shown.

Keywords: sociocultural values, sociocultural space, virtual space, youth.

Социокультурные ценности человека являются одним из базовых понятий социологии, а в изучении данного предмета накоплен достаточный опыт. Однако, исследование социокультурных ценностей в современных реалиях является актуальным ввиду быстрых трансформаций и широкой дифференциации социокультурного пространства, а также глубокого проникновения виртуального пространства в жизнедеятельность людей и резко увеличивающееся сетевое взаимодействие людей.

Данный вопрос более актуален для молодого поколения по ряду причин: во-первых, молодежь является особой социально-демографической группой, «...проходящая стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [3], соответственно, в данный период онтогенеза формирование социокультурных ценностей является одним из ключевых этапов, во-вторых, по результатам социологического исследования исследовательской компании GFK [8], проведенного в 2018 г., в России проникновение сети «Интернет» среди молодежи составил 99 %, а значит виртуальное пространство на сегодняшний день является одним из ключевых каналов трансляции социокультурных ценностей среди молодежи. Во многом это объясняется иррациональными стратегиями конструирования и воссоздания социальной реальности [1,2].

Также важно отметить, что виртуальное пространство как «область технических, технологических и социальных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в процессе использования компьютерной или иной электронной технической сети по поводу информации, информационных ресурсов, информационных услуг и средств связи» [6], стало одним из основных социальных институтов для самой молодежи, формирующий данные ценности, о чем свидетельствуют результаты исследования на тему «Роль символического капитала в формировании социокультурных ценностей современной молодежи России (на примере Иркутской области)», проведенного лично авторами на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в период с апрель по май 2019 г. (табл. 1).

Таблица 1

«Какие социальные институты преимущественно способствуют формированию социокультурных ценностей молодежи?»

№ п/п	Варианты ответов	Возраст респондента							
		18–21 год		22–25 лет		26–30 лет		Всего	
		Кол-во чел.	Доля в %	Кол-во чел.	Доля в %	Кол-во чел.	Доля в %	Кол-во чел.	Доля в %
1	Семья	66	18,1	61	18,2	122	19,4	249	18,7
2	Образование	53	14,6	52	15,5	95	15,1	200	15,0
3	Социальные сети	48	13,2	43	12,8	80	12,7	171	12,9
4	Общественное мнение	46	12,6	39	11,6	70	11,1	155	11,7
5	Культура	43	11,8	35	10,4	55	8,7	133	10,0
6	СМИ	36	9,9	31	9,2	61	9,7	128	9,6
7	Государство	19	5,2	28	8,3	58	9,2	105	7,9
8	Религия	15	4,1	11	3,3	27	4,3	53	4,0
9	Политика	10	2,7	8	2,4	17	2,7	35	2,6
10	Наука	11	3,0	11	3,3	10	1,6	32	2,4
11	Экономика	7	1,9	5	1,5	19	3,0	31	2,3
12	Общественный контроль	3	0,8	7	2,1	9	1,4	19	1,4
13	Все вышеперечисленные	5	1,4	2	0,6	6	1,0	13	1,0
14	Затрудняюсь ответить	2	0,5	3	0,9	1	0,2	6	0,5
15	Другое	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
	Всего	364	100,0	336	100,0	630	100,0	1330	100,0

Традиционно социокультурные ценности транслировались в таких социальных институтах как образование и семья, причем последний являлся самым значимым для молодых людей. С проникновением виртуального пространства акцент начинает смещаться в сторону социальных сетей, причем данная динамика увеличивается с каждым годом. По мнению авторов, смещение данного акцента происходит по причине обезличивания субъектов

взаимодействия, что дает свободу действия и самовыражения, также параллельно с этим ограничен или полностью отсутствует контроль и запрет, что в сумме с большим количеством доступной информации резко увеличивает поток входящей информации, которая напрямую или опосредованно формирует систему ценностей и убеждений. А. Ш. Назарова отмечает, что «место и роль личности в общественной жизни, ее принадлежность к классу, социальной группе, профессиональному коллективу, а также идеи и образ жизни, которые она принимает» [4] являются одним из четырех ключевых факторов формирования социокультурных ценностей, а виртуальное пространство упрощает реализацию данного положения молодежи.

Описанный выше процесс может породить у детей (до 12–14 лет) когнитивный диссонанс, когда они встретят противоречащие идеи или ценности тем, что им уже транслировали родители. Причем в данной ситуации ребенок может начать сам разбираться в поставленном вопросе, что может привести к деформации первичной ценностной матрицы, недоверию к социальным институтам семьи и образования. Однако, с другой стороны, если ребенок будет находиться в непротиворечащем виртуальном социокультурном пространстве, то будет увеличен и углублен процесс укрепления транслируемой ему ранее социокультурной матрицы. В рамках изучаемого предмета актуален вопрос встречи социокультурных ценностей, транслируемых государственной властью, и социокультурных ценностей, транслируемых оппозицией.

На сегодняшний день в России органы государственной власти и оппозиция транслируют идеи патриотизма, единства и саморазвития, однако, данные ценности совершенно по-разному преломляются в зависимости от объектов трансляции. Соответственно, в «борьбе» за молодежь важнейшую роль играют инструменты, при помощи которых идет трансляция одной или другой социокультурной модели, а так как коммуникация в виртуальном пространстве идет напрямую с каждым субъектом, ведь, например, в социальных институтах семьи и образования есть посредники, в первом – родители, во втором – учителя/преподаватели, то и процесс трансляции, во-первых, упрощается, во-вторых, становится быстрее. Например, средний возраст аудитории в видео-хостинге YouTube – 12–14 лет, а в социальной сети Instagram людей до 18 лет – 20 %, а в возрасте от 18 до 35 лет – 70 %, однако важно отметить, что данными ресурсами активно пользуются оппозиционные политики, большой сегмент подписчиков которых является молодежь до 30 лет.

Подводя итоги, можно сказать, что виртуальное пространство на сегодняшний день является одним из ключевых как социальных институтов, так и инструментов трансляции социокультурных ценностей среди молодежи. Увеличение динамики проникновения и углубления виртуального пространства в дальнейшей перспективе дает право говорить о том, что дальнейшие представления органов государственной власти о современной молодежи в вопросе ценностных ориентаций может отличаться от действительной ситуации, что уже наблюдается в ряде принимаемых решений.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 40–48.
2. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 25–27.
3. Лисовский В. Т. Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. 460 с.
4. Назарова А. Ш. Роль социокультурных ценностей в формировании личности. Казань : Школа, 2004. 163 с.
5. Сорокин П. А. Социокультурная динамика. М. : Директ-Медиа, 2007. 344 с.
6. Телешина Н. Н. Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Муром, 2011. 24 с.
7. Talcott Parsons on institutions and social evolution: selected writings / Leon H Mayhew, ed. Chicago : University of Chicago Press, 1982. 368 p.
8. Проникновение интернета в России: итоги 2018 года // Исследовательская компания GFK [Электронный ресурс]. URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/2405078/cms-pdfs/fileadmin/user_upload/dyna_content/ru/documents/press_releases/2019/gfk_rus_internet_audience_in_russia_2018.pdf (дата обращения: 01.09.2020)

УДК 330.54
ББК 60.54

Ардашев Р. Г., *Москва*

Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности

Проводится анализ изменения сознания россиян в условиях пандемии коронавируса. На основе проведенного исследования, доказываемся, как проникновение виртуальности в различные сферы повседневности поменяло образ жизни соотечественников, выявляются основные тенденции дальнейших трансформаций жизненных сценариев и стратегий мышления россиян.

Ключевые слова: сознание, мышление, пандемия, виртуальность, новые формы, новые условия.

Ardashev R. G., *Moscow*

Transformation of consciousness after a pandemic: new facets of virtuality

The article analyzes the changes in the consciousness of Russians in the context of the coronavirus pandemic. Based on the study, it is proved how the penetration of virtuality into various areas of everyday life changed the thinking and consciousness of compatriots, identifies the main trends in further transformations of life scenarios and strategies of thinking of Russians.

Keywords: consciousness, thinking, pandemic, virtuality, new forms, new conditions.

В 1925 г. Тамара Дембо загнала поочередно 27 человек в квадрат 2×2 метра, выложенный деревянными рейками на полу лаборатории Психологического института в Берлине. За пределами квадрата на табуретке стояла ваза с цветком. Другая табуретка находилась в квадрате – все, что было в наличии у подопытных (не считая кучи бесполезных деревянных колец,

оставшихся от предыдущего эксперимента). Испытуемым нужно было дотянуться до цветка, но так, чтобы ступни оставались внутри поля. Первое решение – встать на колени и опереться рукой на пол – нашли почти все. Второе – выставить стул и опереться на него – больше половины. Экспериментатор хвалил и поощрял сообразительных аспирантов-лаборантов (а кто бы еще согласился на такой эксперимент?), но требовал найти третье решение. Решение, которого не было. Испытуемый начинал злиться. Дембо не отставала. Людей прессовали по несколько часов. Кто-то швырнул табурет в экспериментатора. Кто-то вцепился ей в волосы. Кто-то выбежал с рыданиями. Но была и другая реакция на фрустрацию.

Люди успокаивались, садились на табуретку и начинали рассуждать:

... А вот если я заполню комнату водой, то смогу легко доплыть до цветка!

... А вот если бы у меня рука вот так удлинялась, я бы мог легко достать эту вазу!

... А если я остановлю время, то смогу быть одновременно в квадрате и вне его!

Дембо и Левин назвали эту стратегию избегания перевод в план ирреального (мы бы сегодня назвали ее транспонированием). Визионерство – специфическая реакция на болезненно переживаемое ограничение жизненного пространства.

Так вот, сегодня большая часть прогнозов о мире после карантина – это перевод в план ирреального. Только ирреальное мы по инерции называем будущим.

Запертые в четырех стенах, они день за днем писали о дивном новом мире, который ждал всех нас за порогом карантина. Когда все кончится, все поменяется! Рынки станут мобильными. Университеты – глобальными. Работа – удаленной. Управление – распределенным. Люди поделятся на тех, кто уже приобрел иммунитет к болезни, и тех, кто боится выходить из дома. Мир никогда не будет таким, как прежде.

С пеной у рта состязались они в изощренности аналогий и масштабности предсказаний. Знали ли они, что ни один из их прогнозов не сбудется? Что все, ими написанное, продиктовано лишь страхом, смятением и надеждой? Что вирус – это не апгрейд установленного программного продукта, а заражение – не скачанное обновление? Конечно, знали. Но думать о будущем – лучший из способов не думать о настоящем.

Современная ситуация с пандемией коронавируса является естественной системой продолжения экспериментов Тамары Дембо в реальном мире. Сегодня все более усиливаются дистанционные формы работы, виртуальное общение, интерактивное взаимодействие – это та клетка, которую некогда искусственно воссоздала психолог. Это, безусловно, меняет и психику и сознание, стратегии мышления и особенности поведения всех, кто включен в этот процесс. Целью нашей работы является изучение того, как пандемия

повлияла на особенности восприятия информации, ее переработки, включения различных стратегий мышления среди представителей различных категорий граждан.

Наше исследование проходило в виде онлайн опроса на платформе google.com, в котором приняло участие 2560 человек в возрасте от 18 до 75 лет, занимающих различные социально-демографические позиции.

В рамках анализа использовалась транс-символическая методология, респондентам предлагалось подобрать когнитивный символ (существительное), аффективный символ (прилагательное) и деятельностный символ (глагол), характеризующий нормального человека. Структура символической триады конкретна и верифицируема, отражает комплексное единство символов, формирующих определенную коннотацию нормальности, которую можно соотносить с той или иной возрастной группой, т. е. определенным поколением. Также нами проводился дискурсивный анализ ответов респондентов, на основе которого, выделялись ключевые социальные типы доминирующие в том или ином поколении.

Наши респонденты отмечают, что изменилось их отношение к самому себе (здоровье, смыслы жизни, ценности) – 24,1 %, своему окружению (семье, друзьям) – 23,3 %, отношению с коллегами и отношению к коллегам – 21,3 %, к своей работе – 14,8 %, к досугу – 11,1 % и т. д. (рис. 1).

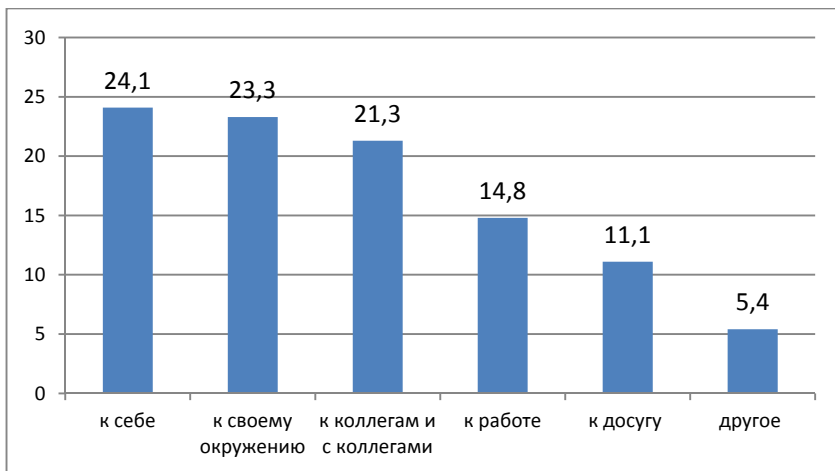

Рис. 1. Изменения после пандемии коронавируса

При этом большая часть положительно оценивают изменения, произошедшие в различных сферах жизни с увеличением виртуальной составляющей. Респонденты находят больше плюсов в контактах и работе (рис. 2). Полагаем, с течением времени именно эти сферы будут увеличить значимость при виртуальном взаимодействии.

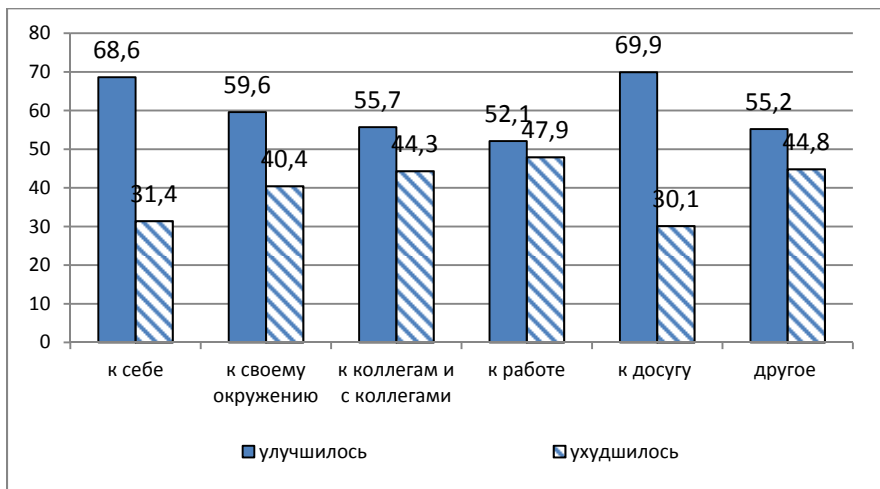

Рис. 2. Влияние виртуальных технологий на сферы жизни

На уточняющие вопрос о том, какие же качественные черты различных сфер жизни поменялись, мы получили следующие ответы.

В рамках изменения к самому себе и к своему окружению, россияне больше думают о здоровье, а режиме дня, о необходимости занятий спортом, соблюдения диеты, получения новых позитивных эмоций, больше читают книг и смотрят фильмов, чаще интересуются проблемами своих близких и друзей, больше говорят с ними по телефону, Scare или другим средствам связи (Viber/WhatsApp). Их жизнь стала еще больше включена в информационное пространство виртуального мира (табл. 1).

Таблица 1

Качественные изменения, произошедшие в жизни россиян, после пандемии коронавируса (в %)

Сферы жизни	Больше внимания	Меньше внимания	Без изменений
Уделяю внимание здоровью	67,3	23,1	9,6
Уделяю внимание сну	65,5	22,4	12,1
Уделяю внимание режиму дня	69,7	17,8	12,5
Соблюдают диету	65,5	24,3	10,2
Уделяю внимание физическим нагрузкам (спорт)	68,7	26,7	4,6
Читаю книги	52,1	31,2	16,7
Смотрю фильмы	77,5	19,6	2,9
Играю в компьютерные игры	62,3	21,2	16,5
Общаюсь по телефону/Scare с родственниками, друзьями, коллегами	87,6	16,6	4,2
Общаюсь по Viber/WhatsApp с родственниками, друзьями, коллегами	86,6	14,5	1,1
Работаю виртуально	66,5	22,7	10,8
Отдыхаю виртуально	62,3	26,8	10,9
Узнаю что-то новое виртуально	65,5	24,1	10,4
Другое	55,5	29,9	14,6

Интересный момент в том, что если сферу личного общения с друзьями (42,3 %) и семьей (45,5 %) большая часть воспринимает как позитивное изменение, то на работу (24,3 %) и рабочие отношения (27,7 %), большая виртуализация повлияла скорее отрицательно. Досуг, развлечения и образование оцениваются как либо отрицательные (46,7 и 45,5 %), либо нейтральные (38,9 и 33,3 %) – соответственно (табл. 2).

Таблица 2
Контекст изменений сфер жизни после увеличения виртуальной составляющей (в %)

Сферы жизни	Положительные изменения	Отрицательные изменения	Нейтрально
Работа сама по себе	24,3	40,1	35,6
Отношения с коллегами	27,7	41,2	31,1
Общение с семьей	45,5	15,6	38,9
Общение с друзьями	42,3	17,4	40,3
Досуг, развлечения	14,4	46,7	38,9
Образование	21,2	45,5	33,3

Также, изменились контексты понимания нормального. В исследованиях коллег прослеживались интересные закономерности восприятия нормы и нормального в аспекте разных поколений. Мы воспользовались данным исследованием О. А. Полюшкевич [4] и задали ряд вопросов о том, кто такой нормальный человек и увидели существенные изменения по сравнению с 2017 годом.

Кто такой нормальный человек? В обыденном представлении норма это также субъективное представление, строящееся на представлении о том, что правильно и приемлемо, что одобряемо и допустимо, а что недопустимо в тот или иной исторический момент. В переходный период, когда, по определению Ю. М. Лотмана, происходит взрыв культуры, социальная структура теряет устойчивость и определенность и возникают новые смыслы и контексты.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает следующее определение нормы: норма – этический стандарт, модель поведения, рассматриваемая как желательная, приемлемая и типичная для той или иной культуры [3].

Существует понимание нормы с позиции статистического критерия: нормальный – это средний человек (усредненный), по таким показателям как уровень интеллекта, памяти, мышления, речи, физического здоровья, моральных и нравственных устоев и т. д. Адаптационный подход предполагает, нормальный человек – это адаптированный к внешним условиям среды, социализированный и принимаемый обществом человек. Культурно-релятивистский подход исходит из того, что критерием нормы служит включенность индивида в ту или иную социальную группу и следование или нарушение им тех или иных норм этой группы. Психопатологический подход исходит из наличия или отсутствия у человека патологических от-

клонений, если их нет – человек нормален, если есть – то он не нормален. Гуманистический подход наоборот акцентирует внимание на нормальном и позитивном поведении человека и критерии его выраженности могут определять норму и патологию, нормальный человек стремиться к саморазвитию, а не нормальный – останавливается в развитии или деградирует.

Наше исследование строилось на конструировании представлений о нормальном человеке среди представителей различных поколений в условиях пандемии. Мы исходили из того, что эти представления социально и культурно заданы и могут отличаться в зависимости от социального и личного опыта участников исследования. К. Клакхон утверждает: Культура постоянно регулирует нашу жизнь. С момента нашего рождения и до самой смерти, создаем мы это или нет, на нас оказывается постоянное давление, принуждающее нас принимать определенные типы поведения, выработанные другими людьми. Одни пути мы выбираем по собственной воле, на другие вступаем потому, что не знаем иных, от третьих мы отклоняемся или возвращаемся к ним совершенно невольно... [1, с. 49]. Но условия самоизоляции меняют многие представления о нормальном.

Неправильное, отклоняющееся поведение также имеет свой нормативный образец. Ю. М. Лотман, анализируя психологические основы бытового поведения, указывает: Возникают правила для нарушений правил и аномалии, необходимые для нормы... При этом различные типы культуры будут диктовать субъективную ориентированность на норму (высоко оценивается правильное поведение, жизнь по обычаю, как у людей, по уставу и пр.) или же ее нарушения (стремление к оригинальности, необычности, чудачеству, юродству, обесцениванию нормы амбивалентным соединением крайностей) [2, с. 26]. Неправильное поведение также подчиняется определенным законам социального взаимодействия или, как там же пишет Лотман, неправильное, нарушающее нормы данной общественной группы поведение отнюдь не случайно; с другой стороны, оно не случайно и для индивида, поскольку за частными, отдельными действиями или стратегиями поведения стоят индивидуальные, парадигмальные представления относительно данного класса ситуаций.

Конечно, среди любого поколения есть абсолютно отличающиеся друг от друга целые группы населения, но все же доминирующий тип есть в любом поколении. Мы условно разбили участников исследования на три группы: молодежь – 18–32 года, средний возраст 33–50 лет, старший возраст 51–75 лет. В таблице 3 представлены результаты транс-символического анализа представлений различных поколений о нормальном человеке в 2017 и 2020 гг. – во время пандемии коронавируса.

Транс-символический анализ показал, что в 2017 г. – для молодого поколения нормальный человек выражается в социальных достижениях и перспективах самореализации. В 2020 г. ситуация с пандемией коронавируса изменила фокус для молодых людей – виртуальные сферы реализации молодых людей, что поможет им мобильно развиваться и трансформировать то, что есть сейчас.

Для среднего поколения нормальный человек в 2017 г. – это тот, кто думает о семье и работе и делает все для их процветания; в 2020 г. – это тот, кто волнуется о здоровье себя и семьи и, также как и в 2017 г., надеется, что у него будет работа.

Таблица 3

Транс-символический анализ представлений о нормальном человеке среди различных поколений в 2017 и 2020 гг. (в %)

Поколения	Когнитивный символ		Аффективный символ		Деятельностный символ	
	2017 г.	2020 г.	2017 г.	2020 г.	2017 г.	2020 г.
Молодежь (18–32 года)	Образование (62) Успех (60)	Виртуальность (69) Возможности (63)	Перспективное (58) Личный (56)	Мобильная (66) Личные (60)	Получает (56) Активизирует (52)	Развивает (64) Трансформируют (59)
Средний возраст (33–50 лет)	Работа (58) Семья (52)	Здоровье (64) Работа (62)	Хорошая (55) Родная (50)	Семейное (63) Надежная (60)	Обеспечивает (54) Укрепляет (48)	Волнует (60) Беспокоит (59)
Старший возраст (51–75 лет)	Дети (66) Признание (60)	Безопасность (66) Семья (61)	Близкие (62) Общественное (58)	Общая (65) Большая (58)	Поддерживают (58) Воодушевляет (54)	Тревожит (64) Стабилизирует (55)

Для старшего поколения нормальный человек – это тот, кто сделал все в своей жизни для своей семьи, для своих детей и максимум отдал сил на общественное процветание; в 2020 г. – это тот, кто волнуется об общей безопасности и безопасности и стабильности своей семьи.

Во многом такое распределение объясняется периодом социализации каждого из рассматриваемых поколений. У тех, кому старше 50, молодость пришлось на активную социалистическую пропаганду и их идеалы и представления о нормальном человеке формировались еще в советском обществе. Для среднего поколения, нормальный человек – это тот, кто заботится о себе и своих близких (их молодость и социализация пришлось на переломные, переходные моменты и их стратегии адаптации во многом объясняются желанием выжить и преуспеть в постоянно меняющемся обществе). Для младшего поколения нормы социализации формировались уже в новой стране, относительно понятных законах рынка и они думают о своих возможностях и перспективах с позиции нормы – нормальный – это значит успешный. 2020 год с пандемией коронавируса актуализировал уже имеющиеся особенности восприятия реальности и у молодежи задал, вернее, еще более четко определил вектор будущей социализации, искусственно подтолкнул к тому, где стоит искать свою профессию, хобби, увлечения и т. д.

Итак, под нормой в настоящее время понимают принятые в данном обществе на определенном этапе его развития правила и требования по отно-

шению к различным параметрам проявлений психической и социальной активности человека. Данное понятие субъективно, оно зависит исключительно от тех критериев, которые приняты у представителей данной культуры в определенную историческую эпоху. То, что вчера считалось ненормальным, завтра, быть может, будет казаться нормальным, а то, что нам представляется неприемлемым, иногда очень хорошо вписывается в жизнь других народов. Во многом эти изменения объясняются трансформацией нормальности в представлениях различных поколений. Понимание этих особенностей приведет к более рефлексивному пониманию процессов сближающих и разобщающих различные поколения.

Ситуация с пандемией коронавируса изменила сознание многих людей, виртуальность вошла в жизнь с учетом потребностей работы, досуга, учебы. Обратного изменения не будет, поэтому важно наиболее мягко адаптироваться к новым условиям жизни и максимально эффективно их применять для личного и социального развития.

Список литературы

1. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию : пер. с англ. СПб. : Евразия, 1998. 352 с.
2. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л. : Наука, 1975. С. 25–74.
3. Норма / ВОЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://uceba.name/psikhologija/4095.html> (дата обращения: 20.08.2020).
4. Полошкевич О. А. Нормальный человек в представлениях различных поколений // Трансгрессия социокультурного пространства : материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 71–77.

УДК 330.45
ББК 76.64

Аносов С. С., *Иркутск*

Психологическое состояние общества под воздействием процесса виртуализации

Представлены результаты ключевых социально-психологических изменений, произошедших в обществе в разные периоды общественного развития (революции 1917 г., перестройки 1985–1991-х гг., виртуализации начала XXI в.). Доказывается качественное социально-психологическое изменение состояния общественного воспроизводства в эпоху виртуализации, сопоставимое с другими социальными трансформациями российского общества XX века.

Ключевые слова: психологическое состояние, процесс виртуализации, общественные трансформации, общественное изменение

Anosov S. S., *Irkutsk*

The psychological state of society under the influence of the virtualization process

The paper examines the results of key socio-psychological changes that have occurred in society at different periods of social development (revolution of 1917, perestroika in 90–91, and virtualization of the early 21st century). The author proves a qualitative socio-psychological change in the state of

social reproduction in the era of virtualization, comparable to other social transformations of Russian society in the 20th century.

Keywords: psychological state, virtualization process, social transformations, social change

В XX веке наша страна пережила два невероятных по разрушительной силе события – Октябрьскую революцию 1917 г. и перестройку 1985–1991 гг. Оба события знаменовали практически тотальное разрушение всего существовавшего устройства общества, при котором ни один социальный институт не остался невредимым. А XXI век начался глобальной виртуализацией, которая усилилась под воздействием пандемии COVID-19.

Результатом этих событий стало то, что страна понесла и колоссальные демографические потери в прямом и косвенном измерениях. Самоликвидация советской власти в ходе перестройки естественным образом сопровождалась ликвидацией системы государственного управления и местного самоуправления, что создавало хаос и аномическое состояние общества. Дезавуированная коммунистическими органами пропаганды коммунистическая же идеология неизбежным образом дезавуировала и все ее «приложения», среди которых важнейшим было содержание воспитательного и социализационного процессов. Более того, виртуализация общества привела к аналогичным изменениям в сознании россиян (табл. 1).

В 2020 г. мы провели опрос 1200 россиян, в возрасте от 18 до 75 лет, 56 % женщин и 44 % мужчин, проживающих в разных районах Российской Федерации. Опрос проводился через платформу google.com, результаты социально-психологических потрясений в рассматриваемые периоды вполне сопоставимы.

Таблица 1

Ключевые сферы изменения условий жизни россиян (в %)

Сфера жизни	Этап		
	Революция 1917 г.	Перестройка 1990–1991 гг.	Виртуализация начала XXI в.
Повседневное пространство	25,8	21,1	11,7
Рабочее пространство	27,1	33,5	24,4
Досуг	13,2	26,9	23,9
Образование	26,7	5,4	22,2
Культура	7,2	13,1	17,8

Что особенно драматично, и в «перестроечный» период, и в процессе последующего реформирования, кроме идеологии, институтов, предприятий и отраслей, разрушались жизненные смыслы целых социально-профессиональных групп советского/российского общества. А в начале XXI века под влиянием виртуализации изменились ценностные ориентиры целых поколений.

По словам авторов коллективного монографического исследования «Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984–2011 гг.)», «...в ходе «реформирования» отечественного

социума советского человека убедили в том, что он живет в обществе тотальной лжи. Родная армия «на самом деле» – сборище пьяниц, садистов и воруя; наши врачи, по меньшей мере, непрофессионалы, а по большей – просто вредители и убийцы; учителя – ретрограды и садисты; рабочие – пьяницы и лентяи; крестьяне – лентяи и пьяницы. Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной тератологии – парадигмы социального уродства, которая, якобы, адекватно отображает реалии. Это, разумеется, не могло не пройти бесследно для самооущения представителей этих общностей и для их социального настроения, избираемых ими адаптационных стратегий – от эскапизма до группового пафоса. Происходила массивированная дискредитация профессиональных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов» [13].

В современном веке, виртуализация обесценивает старые профессии и нормы и выводит на авансцену совершенно новые приоритеты, которые не вписываются в прежние реалии. Социальное бессмыслие есть отсутствие смысла существования социальной системы на всех ее уровнях – личности, организации, группы, класса, государства. Характерно, что функциональный смысл социально-профессиональной группы присутствует всегда, коль скоро имеется общественная потребность, которую данная группа удовлетворяет. Но субъективное переживание ее членами цели и задач своей деятельности может сопровождаться как чувством ее социальной значимости, востребованности и престижности, так и ощущением ненужности и заброшенности.

Отметим, что проблематика смысла занимает существенное место в концепции «культурной травмы» польского исследователя П. Штомпки, пытающегося осмыслить драматичные социальные трансформации, пережитые Восточной Европой в конце прошлого века. По его мнению, сама культура есть выражение разделяемых сообществом смыслов и символов. Виртуализация общества – позволила подтвердить многие идеи и подходы Штомпки.

При этом она распадается на две основные группы компонентов: 1) нормативные (аксиологические) компоненты: ценности, нормы, правила, роли, стили, вкусы; 2) когнитивные компоненты: верования, убеждения, доктрины, теоретические построения, парадигмы. По выражению автора, «...вследствие стремительного, радикального социального изменения “двойственность культуры” проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму. Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идола рушатся» [15, с. 11].

Характерно следующее замечание П. Штомпки: «...коренится ли травма в реальных травматических событиях или нет, состояние травмы имеет

общую характеристику – нарушение нормальности. Вероятно, в природе человека есть что-то тяготеющее к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемуся. Этим удовлетворяется наше стремление к экзистенциальной безопасности. Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения» [15, с. 9–10].

Нет сомнения, что придание смысла окружающей реальности, ее «конструирование» – используем термин П. Бергера и Т. Лукмана – имеет в основе своей биологическую природу: человек в норме делает все возможное для увеличения собственных жизненных шансов и для выживания своего сообщества. «Воля к смыслу» (В. Франкл) – есть точно такая же базовая антропологическая интенция, как и «воля к власти» (Ф. Ницше) или «воля к вере» (У. Джеймс), являясь при этом одним из элементов общей «воли к жизни» (А. Шопенгауэр). Человек не может не придавать окружающему миру значения, поскольку непознанный мир – это чужой, а, значит, враждебный и угрожающий мир. Естественно поэтому, что крушение этого смыслового комплекса, особенно резкое и скоротечное, формируя широкий когнитивный диссонанс (Л. Фестингер), охватывающий практически все общество, не может не создавать ситуацию социетальной травмы, т. е., относящейся ко всем сегментам и институтам общества. Если рушится мир смыслов, небезопасным становится все и вся, угроза может исходить от чего угодно, и это состояние является подлинной психологической деструкцией, в которой релятивизируются все устои общества, и писанные – своды кодифицированных норм и законов, и неписанные – морально-нравственные традиции и установки. Более того, теряют смысл целые социально-профессиональные общности, как произошло, например, с рабочим классом, который в современном российском обществе практически «исчез» в качестве субъекта социального действия [12]. Другие профессиональные сообщества, утратившие социальную значимость, вынуждены были создавать ее суррогат – групповой пафос, который, по словам О. А. Кармадонова, есть «своеобразная теодицея группы-аутсайдера, оправдание ее объективного положения в социальном континууме через субъективные представления. Конкретный дискурс группового пафоса надстраивался вокруг определенной и специфичной мифологемы» [11, с. 66]. То есть, пафос в этом прочтении есть социально-психологический механизм адаптации группы к «недружественной» социальной среде, отказывающей данной группе в значимости и уважении, не говоря уже о престиже.

Естественно, что столь мощные деструктивные процессы не могут пройти бесследно как для нравственного, так и для физического здоровья народа, и эта связь уже зафиксирована в эмпирических исследованиях, в том числе ученых-медиков. В частности, доктор медицинских наук

И. А. Гундаров убежден, что депопуляция российского общества напрямую связана с духовным самочувствием людей. Как доказывает ученый, ни один из традиционных социально-экономических критериев риска (злоупотребление алкоголем, табакокурение, экологическое неблагополучие, ухудшение социально-экономической ситуации и вызванный этим стресс) не может объяснить феномен сверхсмертности в современной России, следовательно, жизнеспособность народа зависит и от чего-то еще. Автор убежден, что этим «чем-то» являются «нравственная атмосфера и эмоциональное состояние общества, т. е. духовные и душевные факторы. Здесь под “духовностью” понимается деятельность сознания, направленная на поиск смысла жизни и своего места в ней, на определение критериев добра и зла для оценки событий, людей и руководства к действию. По содержанию она может быть позитивной (благостной) и негативной (греховой)» [10, с. 59].

С этим видением фактически солидаризируется А. А. Возьмитель, по мнению которого, «...не алкоголь, не курение, не гиподинамия, а резкое длительное ухудшение социальной ситуации, обусловившее общее истощение жизненных сил нации, играет тут определяющую роль. В ходе неестественного социального отбора выбивается ее наиболее сильное звено. На экономическую обочину, на грань выживания, а то и на дно общества выталкиваются люди с нравственным стержнем, способные отказаться от личной выгоды, если она ущербна социуму в целом. Но зато создаются все условия для процветания лиц с социокультурной патологией, во все времена и во всех странах, называющих себя цивилизованными, находящихся под неусыпным контролем правоохранительных структур» [9, с. 34].

В. П. Бабинцев, исследующий состояние и перспективы солидарности в современном «фрагментированном» российском обществе указывает на то, что для него характерно разрушение общественных связей. «Принадлежность людей к социальным институтам становится чисто формальной, а граждане отказываются не только отвечать на вызовы, которые адресуются им от имени государства и общества, но и конструктивно сотрудничать друг с другом» [8, с. 120]. Согласно автору, для российского общества сегодня характерны дискредитация объединяющих идей; аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором уживаются противоположные по своей направленности установки; социальное дезертирство; алогичность и даже абсурдность социального мышления; негативная самооценка, проявляющаяся в мазохистском унижении истории и культуры собственной страны; массовая общественная апатия и равнодушие; социальная виктимность, готовность стать объектом манипулирования [8, с. 58].

Таблица 2

Уровень солидарности и разобщенности (в %)

Состояние общества	Революция 1917 г.	Перестройка 1990–1991 гг.	Виртуализация начала XXI в.
Солидарность	28,6	31,3	40,1
Разобщенность	13,5	42,2	44,3

Как видно в таблице 2, разобщенность в обществе усиливается, а солидарность уменьшается. Социальные потрясения, по своей неумолимой логике, обязательно сопровождаются резко возросшими жизненными рисками и угрозами для безопасности человека. В полной мере относится это и к постсоветскому, и сегодняшнему российскому обществу. По словам А. А. Возмителя, «...парадоксально, но факт: столь желанная и, казалось бы, уже обретенная свобода обернулась новой антиутопией насилия и коррупции, поразившими все сферы жизни общества. Россия вплотную подошла к черте (возможно уже перешла ее), где исчезает понятие безопасности. Наше общество становится опасным для своих граждан, граждане и общество – для государства, а государство для других государств» [9, с. 38]. А по убеждению А. В. Юревича и Д. В. Ушакова, «...по уровню хамства, агрессивности и ненависти к себе подобным мы явно лидируем» [16]. О. А. Кармадонов и В. В. Кобжицкий, анализируя характер общественных отношений в современном отечественном социуме, в качестве одной из его существенных сторон называют «брутализацию», во многом определяющую содержание социальных интеракций на различных коммуникативных уровнях и в различных общественных сферах. Исследователи доказывают: «Социум, ставший опасным для своих членов, социальная среда, отличающаяся враждебностью и исполненная угрозами и рисками – эти характеристики современного российского общества являются, к сожалению, реальностью, а не гиперболой. При кризисном состоянии общественных отношений резко увеличивается и количество факторов, вызывающих стресс, связанных с резко возросшей уязвимостью членов данного общества в когнитивном, социопсихологическом, социокультурном и социальноэкономическом измерениях социума, общественных отношений, что вынуждает индивидов и группы корректировать свои приспособительные реакции к социальной среде, характеризующейся новыми, расширившимися и увеличившимися угрозами и рисками. Другими словами, нападение и бегство являются *естественными* реакциями индивидов на внешнюю угрожающую среду. Брутальность кристаллизуется в качестве адекватной приспособительной реакции также совершенно логично и естественно. Она вызвана страхом – иррациональным чувством, свойственным периодам неопределенности, когда весь мир представляет собой одну сплошную угрозу, наполняется демонами и сверхъестественными безжалостными силами» [11, с. 86].

Наличие страхов перед реальными или представляемыми в качестве вероятных угрозами фиксируется и другими прикладными социальными исследованиями, так или иначе подчеркивающими значительную роль негативного восприятия реальности в этих процессах и существенный груз ответственности за такое положение вещей, которую граждане возлагают на российскую власть. Такое представление служит для многих социальных слоев психологическим механизмом своего рода “негативной адаптации” к изменившимся социальным условиям: ответственность за собственное неудовлетворительное социальное положение перекладывается на внешние обстоятельства, в частности на власть, не контролирующую ситуацию.

От власти в лице государства, по мнению участников опроса, требуется прежде всего защита граждан. Государство, во-первых, должно оберегать граждан от внешней угрозы, во-вторых, обеспечивать их безопасность в будничных повседневных условиях (защита от криминалитета, юридическая защита в рамках гражданского права и т. п.). Сохраняющийся на протяжении нескольких лет высокий уровень страха перед социальным хаосом, отсутствием физической безопасности свидетельствует о высокой степени недоверия населения к институтам, призванным обеспечивать необходимый уровень социальной защищенности – армии, суду, прокуратуре, милиции.

Заметим, что Р. Г. Ардашев не проводит различия между страхом и тревогой, основываясь на так называемом информационном подходе, в соответствии с которым человек, являющийся носителем определенных потребностей, предъявляет их миру, который, в свою очередь, либо удовлетворяет эти потребности, либо фрустрирует их, чем формирует в индивиде определенный комплекс эмоциональных реакций. Самой актуальной потребностью исследователи вполне резонно считают потребность в безопасности, являющейся для человека базовой. Проблема незащищенности перед опасностями и угрозами имеет немаловажное значение в формировании вектора направленности социальных процессов и общей системы ценностных ориентаций социума. Страх является одновременно причиной и следствием определенного социального поведения или отношения индивида, групп или обществ к событиям, вызывающим у них чувство опасности. Достижение высокого уровня безопасности стимулирует общество к развитию и совершенствованию, к движению по пути прогресса, а незащищенность отдельных социальных групп или общества в целом тормозит любой социальный процесс и переводит население в режим выживания [5–7].

По мнению С. С. Аносова, главные источники страхов, присущих нашим согражданам, относятся социальная девиация, проблемы социальной и экономической адаптации, а также природные и военные катаклизмы [1–4]. Весь спектр катастрофической проблематики [респонденты] рассматривают через призму усугубляющихся социальных проблем. У нас в последние годы сохраняется устойчивая повышенная тревожность по отношению к преступности и несоблюдению законов, экономическим потрясениям, страх перед социальным хаосом, беспорядками, отсутствием физической безопасности.

Необходимо отметить, что исследователи полагают, что такое «катастрофичное» состояние индивида и сообщества способствует и социальной адаптации, правда, негативного типа. Видение социальной реальности в крайне пессимистическом смысле служит для многих социальных слоев психологическим механизмом своего рода «негативной адаптации» к изменившимся социальным условиям: ответственность за собственное неудовлетворительное социальное положение перекладывается на внешние обстоятельства, в частности на власть, не контролирующую ситуацию. Данный вывод представляется нам достаточно обоснованным, однако, нуждающимся в определенном уточнении. Как известно, в психологии под «негативной адаптацией» понимается притупление или полное исчезновение

ощущения в процессе продолжительного и сильного действия раздражителя. В случае брутализации и катастрофизации общественных отношений и общественного сознания негативная адаптация должна принимать форму не поиска виноватых в переживаемом состоянии, что предполагает и активные действия по «наказанию виновных», а известную деактивацию и апатию, включая «притупление чувств». В большинстве случаев страх подталкивает людей к действию, особенно, если это касается индивидуальных интересов. Однако если угроза касается общества, но не самого человека или его семьи, люди часто остаются пассивными. Главной причиной такого рода пассивности ученые называют распространенную в нашем обществе веру в малую эффективность коллективных усилий по изменению сложившегося положения вещей.

Список литературы

1. Аносов С. С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.
2. Аносов С. С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.
3. Аносов С. С. Профсоюзы в современной России: некоторые направления исследований // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3–1. С. 244–261.
4. Аносов С. С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.
5. Ардашев П. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
6. Ардашев П. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 40–48.
7. Ардашев П. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.
8. Бабинцев В. П., Ушамирская Г. Ф. Стратегия формирования солидарного общества в регионе // Дискуссия. 2013. № 5–6. С. 120–127.
9. Возьмитель А. А. Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // Мир России: Социология, этнология, культурология. 2002. № 1. С. 47–58.
10. Гундаров И. А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 58–65.
11. Кармадонов О. А., Кобжицкий В. В. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2009. 184 с.
12. Панарин А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 16–36.
13. Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984–2011 гг.) / О. А. Кармадонов [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 345 с.
14. Трушков В. В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 45–51.
15. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
16. Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственность в современной России [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.09.2020).

УДК 316.42+316.47
ББК 60.561.7

Радинская А. А., Мишина Т. В., *Краснодар*

Влияние пандемии коронавируса на социальные отношения в виртуальном пространстве

Делается попытка резюмировать ключевые аспекты влияния пандемии коронавируса 2019–2020 гг. с точки зрения установления социальных отношений в виртуальном пространстве. Анализируя различные источники, авторами делается вывод, что принципиальное значение имеет то, что виртуальная среда стала играть более значительную роль в жизни общества, чем прежде; появились новые формы социального взаимодействия людей, которые ещё предстоит осмыслить и оценить с точки зрения их пользы.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, виртуальное пространство, социальные отношения, социальные изменения.

Radinskaya A. A., Mishina T. V., *Krasnodar*

Impact of the coronavirus pandemic on social relations in the virtual space

The paper attempts to summarize the key aspects of the impact of the 2019–2020 coronavirus pandemic in terms of establishing social relations in the virtual space. Analyzing various sources, the author comes to the conclusion that it is of fundamental importance that the virtual environment has begun to play a more significant role in the life of society than before. New forms of social interaction of people have appeared, which have yet to be comprehended and evaluated in terms of their benefits.

Keywords: pandemic, coronavirus, virtual space, social relations, social change.

Пандемия COVID-19, бесспорно, привнесла в общество далеко идущие последствия. Помимо распространения самой болезни и непосредственных карантинных усилий социологам ещё предстоит осмыслить все политические, культурные и социальные последствия данного поистине глобального изменения. С точки зрения понимания общественных процессов, коронавируса повлиял на гражданские права, образование, религиозную полемику, суициды, домашнее насилие, социальную защиту, безработицу и мн. др. Однако в сетевом пространстве различных онлайн-сервисов тема коронавируса отразилась, пожалуй, максимально ярко и непосредственно, поскольку вынужденные самоизолироваться люди со всего мира значительно больше стали проводить время в интернете [3, с. 28]. В этом смысле виртуальная реальность позволяет нам получать социологические сведения об опыте, который получали (и получают) люди, находясь на карантине, в одиночестве, наедине со своими близкими.

Социальные отношения в период пандемии, безусловно, стали более напряженными как с точки зрения объективной составляющей, так и с точки зрения субъективного страха, отчаяния, различных слухов и переживаний [1, с. 10]. Но впервые в истории человечества люди длительное время учились, работали и делились частью своей жизни с другими через виртуальное пространство. В ходе этого беспрецедентного исторического процесса социальные отношения людей стали иными, прежде всего потому, что

они стали в больше мере онлайн-отношениями. Попробуем разобраться, что же именно изменилось именно в разрезе социологического подхода.

Когда миллионы людей в России и сотни миллионов людей по всему миру вынуждены работать из дома, чтобы замедлить распространение коронавируса, нагрузка на интернет-инфраструктуру как никогда высока. И хотя интернет-провайдеры способны справиться с дополнительной нагрузкой, во многих семьях, прежде всего в сельской местности, отсутствует доступ к качественной и доступной широкополосной связи. Вот почему важно подчеркнуть, что влияние пандемии коронавируса на социальные отношения в виртуальном пространстве возымело прежде всего в отношении городского населения России, где быстрый и доступный интернет стал нормой повседневной жизни.

Данные об использовании интернета показывают, что люди в период самоизоляции обращаются к тем ресурсам, которые соответствуют их возрасту и статусу [8, с. 90]. Так, трафик видеоигр вырос у подростковой аудитории, а трафик мессенджеров – у домохозяек.

Существенный количественный рост веб-трафика вызвал качественные изменения в характере социальных отношений между людьми. С ростом социального дистанцирования люди начали искать новые способы общения, в основном через видеочаты («Скайп», «Вайбер», «Зум» и т. п.) Общий тренд в ориентации устремлений и внимания таков, что люди стали намного больше интересоваться своим ближайшим окружением и тем, как оно меняется в связи с карантинными мерами. Несмотря на вынужденность домашней жизни «в интернете», это привело к усилению многих процессов, среди которых стоит выделить самое главное – пандемия подчеркнула необходимость повсеместного перемещения жизни в виртуальное пространство. Прежде непосредственные физические социальные контакты стали заменяться заочными онлайн-коммуникациями в массовом порядке. Чем старше человек, тем труднее для него происходил этот процесс. Тем самым можно утверждать, что виртуальное пространство разделило общество на «прогрессивных» молодых людей и «отстающих» от виртуализации общения людей пожилого возраста. В ряде примеров пропасть между молодыми и старыми увеличилась. И это отчетливо просматривается в том, как по-разному реагировали на новости о развитии пандемии молодые люди и старики [2, с. 25–26]. Информационная «эпидемия» коронавируса развивалась в первую очередь в виртуальном пространстве, однако натуральными агентами её распространения были всё-таки люди старшего возраста.

Финансовая незащищенность в связи с изоляцией вынудила многих людей искать работу через интернет, вставать через интернет на учет в качестве безработного, или, в крайнем случае, использовать интернет как канал для поиска дополнительных материальных ресурсов (например, сайты объявлений). В социальном отношении это увеличило частоту онлайн-контактов между людьми в разы. Виртуальные связи во время самоизоля-

ции, привели в отдельных социальных группах к всплеску проблем с психическим здоровьем, вместе с тем, другие люди были счастливы наконец отдохнуть от работы, посвятив себя исключительно общению в кругу семьи и общению в интернете.

Нельзя не отметить то, как негативно отозвалось российское родительское сообщество на необходимость многомесячного дистанционного образования. Ряд публикаций уже отразили эту проблему, в которой по-прежнему нет однозначности [6]. Схожим образом надомная работа в онлайн-формате во время пандемии COVID-19 противоречиво сказалась на производительности труда, которая у представителей одних профессий выросла, а у других, наоборот, снизилась. Экономия времени на поездках и меньшее количество отвлекающих факторов вовсе не для всех стали подстёгивающим производительность труда фактором, поскольку виртуальное пространство во время работы отвлекает рядом источников не меньше, чем физическая среда.

И сейчас, во второй половине 2020 года, по мере того, как люди начинают возвращаться к работе в офисах и возобновляют свои поездки на работу, они, безусловно, будут думать о том, какие части этого периода своей жизни, связанной с COVID, они захотят сохранить. Поклонников и сторонников виртуальной среды занятости, по всей видимости, станет значительно больше.

Главное, что следует отметить – это то, что несколько месяцев налаживания новых социальных отношений в интернете (с учителями, работодателями, родственниками и т. п.) заставили людей пересмотреть многие свои социальные установки (например, сколько времени человек готов проводить в дороге по пути на работу) Это уже изменило образ мышления как рабочих, так и работодателей, как учеников, так и учителей, как медиков, так и больных.

Другими словами, новые социальные структуры, выстроенные в период пандемии в виртуальном пространстве интернета, стали толчком к пересмотру, казалось бы, устоявшихся принципов и норм работы, учебы и повседневной жизни.

Самая большая проблема заключается в том, что многие люди никогда раньше не жили такой интенсивной социальной жизнью в онлайн-среде. И для кого-то это стало открытием, а для кого-то своеобразной информационной «передозировкой». Зарубежные исследования по этому поводу указывают на то, что сугубо количественно коронавирус изменил виртуальную среду тем, что сделал её более рабочей, нежели развлекательной, как это было прежде [7]. Интернет стал восприниматься как рабочая среда, а не среда для досуга и отдыха. И, разумеется, «социальное время» в виртуальном мире приобрело совершенно новые координаты, новые точки отсчёта.

Подводя итог, можно констатировать, что пандемия переориентировала социальные отношения людей от их содержания к форме. Стало понятно, что определенные типы взаимодействия можно осуществлять и дистанци-

онно, однако форма социальных взаимодействий, возникающая в связи с изоляцией, уже сама создаёт новые социальные модели. Принципиально не важно, насколько незнакомыми или тревожными эти модели стали, потому что общество само постепенно отрегулирует крайние негативные проявления наподобие тех проблем, которые возникли в онлайн-образовании. Принципиально важно другое – более изощренное и гибкое использование онлайн-технологий стало карантинным спасением для общества, быстро адаптировавшимся к новому формату воспроизводства социальной жизни. При этом противоречия онлайн-взаимодействия будут, конечно же, усугубляться. Ведь пока не ясно, насколько общение с друг другом и многие повседневные дела могут стать «навечно» виртуальными [5]. Даже многие практики религиозного служения оказались вытесненными в виртуальное пространство, а проповеди священников можно «посетить» с помощью смартфона, не говоря уже о более насущных делах. Новый вид социальной жизни – вынужденной жизни в виртуальной среде успешно дебютировал, но к чему он приведёт общество в случае следующей пандемии, говорить пока рано.

Список литературы

1. Ella Koeze and Nathaniel Popper. The Virus Changed the Way We Internet // NY Times. April 7, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/04/07/technology/coronavirus-internet-use.html> (дата обращения: 09.08.2020)
2. Алюнова А. Н., Никитинская Л. В. Супраграфемные средства выражения оценки коронавируса в жанре англоязычного интернет-комментария // Общетеоретические и частные вопросы современного языкознания : сборник научных статей / Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. Чебоксары, 2020. С. 8–12
3. Дзениш Д. К., Левштанова О. Ю., Тишаков А. М., Горошевский А. Н. Коронавирус как информационная эпидемия // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2020. № 20. С. 23–29.
4. Мишина Т. В. Интеграция как актуальная парадигма XX I века // Интеграция: теоретические и прикладные аспекты : материалы Международной научной конференции. СПб., 2013. С. 16–18.
5. Мишина Т. В. Информационный подход в когнитивной науке // Современные проблемы методологии и инновационной деятельности : материалы III Всероссийской научно-практической конференции учёных, аспирантов, специалистов и студентов. Новокузнецк, 2012. С. 282–284.
6. Оленцов А. Е. Переход обучающихся на дистанционное обучение в период пандемии коронавируса // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2020. № 16. С. 330–333.
7. Шефиева Э. Ш. Использование интернет-сервисов в дистанционном обучении, в том числе иностранным языком, в условиях пандемии коронавируса // Преподаватель высшей школы в XXI веке : труды XVII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2020. С. 398–403.

УДК 316.64
ББК 74.3

Скуденков В. А., *Иркутск*

Психология виртуального имиджа

Рассматриваются процессы и условия формирования психологии виртуального имиджа. Выделяются основные объекты и формы конструирования психологии виртуального имиджа, анализируются социальные и личные последствия.

Ключевые слова: виртуальный имидж, психология, качество жизни.

Skudencov V. A., *Irkutsk*

Psychology of the virtual image

The article examines the processes and conditions for the formation of the psychology of the virtual image. The main objects and forms of constructing the psychology of a virtual image are highlighted, social and personal consequences are analyzed.

Keywords: virtual image, psychology, quality of life.

Виртуальный имидж формируется постепенно. Он имеет свой след в процессе длительного взаимодействия. Рассмотрим основные позиции психологического контекста формирования виртуального имиджа.

Позиция – кто демонстрирует и кто воспринимает.

Кто демонстрирует.

Виртуальный мир выступает как пространство взаимодействия двух субъектов, разница возникает только между сознанием индивидуума и виртуальным миром. Так как в сознании объект и субъект слиты, сознание транслирует: «я так вижу/понимаю/чувствую». В основе лежит Я. Психология виртуального мира строится на ином принципе: Я так показываю, но это не говорит о том, что я так вижу. Психология виртуального пространства отличается от личной психологии. Становятся более значимыми моменты недосказанности, недопонимания и в результате формируется искаженная оценка.

В диалоге с кем-то, в процессе коммуникации, можно совершенно серьезно говорить о каких-то казусах и мои слова будут воспринимать как шутку, опираясь на мимику и жесты. В виртуальном пространстве может не хватить понимания этих знаков и символов и в результате будет представлено искаженное понимание мира.

У меня в памяти закрепился монолог на юбилейном концерте в Кремле, одного из любимых моих музыкантов О. Митяева, когда его песни переводили на японский язык – он смог оценить свои стихи со стороны. «Тополиный пух – как семья брошенное в землю или как символ лета и жары». Он выбирал как лучше интерпретировать тот смысл, который изначально не был вложен в его песню. У автора может быть не всегда сразу понятен, освоен и осознан тот текст, что мы воспроизводим.

Наше сознание в современной жизни было готово к короткому прошлому (индивидуальные события быстро стираются). В виртуальном мире появляется эффект замершего времени (нас могут прослушивать, просматри-

вать, переоценивать несколько раз – увидев каждый раз все новые и новые смыслы, которые изначально не вкладывались, но есть возможность так это интерпретировать, так как наше сознание будет добавлять новые смыслы). Если в прямом диалоге мы воспринимаем диалог как есть, то монолог в виртуальном мире может иметь разные смыслы и коннотации.

Эти примеры хорошо изучены пиарщиками и они уже вошли в наш повседневный мир. Мы можем обыграть, дополнить любое видео – добавив к нему комментарий.

Кто воспринимает.

Любое восприятие внешнего мира всегда будет на основе моих представлений и ценностей, сформированных в том кругу, где я рос и чьи ценности впитал (ментальность). Способы мышления и обработки информации, не говоря об оценке значимости и важности будут отличаться у многих людей.

Линейно-последовательное европейское мышление, образное – азиатское, построенное на тончайших нюансах восточных народов (200–300 слов описывающих белизну снега) по разному будут описывать одну и ту же картину и всегда по-разному будут ее оценивать.

Для кого-то большой нож на столе – символ опасности, для кого-то бытовой предмет, для кого-то ритуальный символ. Кто-то ни разу в жизни не держал такой и будет воспринимать его как большой и опасный, а кто-то с рождения живет с ним, строгаёт палочки и этот предмет для него не опасен, а является необходимым условием жизни, простым и обыденным. Этот предмет есть во всех культурах и во всех языках – но смысл его нахождения будет отличаться.

Если раньше говорили *о трудностях перевода, то сейчас о трудностях восприятия*. Появляется дополнительная оценка – что я этим хотел сказать.

Есть психология цвета и восприятия цвета – она индивидуальна и опять же зависит от контекста культуры. Исторически сложилось так, что для одних, белый цвет – радости, весны, пробуждения, для других цвет смерти. В современных реалиях, для европейской культуры, молодой человек в белой рубашке и однотонном галстуке – воспринимается нейтрально, одетый в офисный, деловой стиль одежды, то в других культурах он будет отталкивать от себя.

Сегодня мы можем наблюдать *эффект Вавилонской башни*. Все говорят на разных языках (говорят не только вербально, но и мимикой, жестами, одеждой). Как мы будем воспринимать картинки и образы в течение ближайших 10–15 лет должны оформиться в новые универсальные жесты, языки и цвета.

Система ценностей. Для кого-то иметь отдельную квартиру, где количество комнат измеряется количеством спален – является нормой. Для кого-то 8 кв/м – норма. И демонстрация своего места жизни в виртуальном пространстве для первых и вторых будет иметь разные смыслы. Человек про-

живающий в своем доме не может понять, как так, нет своей лавки, где я могу быть в защищенном пространстве. Человек, проживающий в деревне знает всех соседей, как зовут, их родню, как и чем они живут. Жители 30-ти этажных домов могут за несколько лет никогда не увидеть друг друга, не то что знать как зовут друг друга.

Уровень интимности с которым я делюсь, уровень открытости мира, открытости восприятия трансформируется. Для кого-то является нормой показать новый кафель в ванной комнате, а для кого-то это нарушение правил поведения. Виртуальная демонстрация приватного пространства может стать способом нарушения правил и восприниматься как оскорбление (со мной говорят на неприемлемом уровне и языке).

Проблема контента (виртуального ряда) для психологии виртуального восприятия мира тоже будет иметь непредсказуемые последствия.

Молодой итальянский студент, приехавший на маленьком красном Феррари – будет одобрительно восприниматься нормально в своем кругу. Кто-то обсудит цвет машины, кто-то то, что кабриолеты нынче не в моде, но сам факт будет принят. Студент в Новосибирске, Иркутске или Чите, подъехавший к кампусу университета на маленьком красном Феррари – будет восприниматься абсолютно иначе.

Немецкий студент, прошедший каникулы в Швейцарских Альпах, катившийся на лыжах и продемонстрировавший свой отдых в своих социальных сетях будет восприниматься нормально в своем окружении. Для жителя Улан-Уде, Бирюсинска или Сызрани, поездка в Швейцарию будет восприниматься как вызов – не мой язык, не мои ценности, не могу себе этого позволить. В итоге – вызовет волну агрессии на этого молодого человека.

Это точка моего восприятия мира. Кто Я, какие мои ценности. С другой стороны, американцы не понимают, когда русские студенты берут большую кастрюлю и большой кусок мяса и варят борщ. Это дорого, непривычно, приемлемо только для ресторанов. Эта бытовая демонстрация будет также негативно восприниматься.

Виртуальный мир становится повседневным миром. Наличие интернета, телефона с камерой, ноутбука становится нормой и эта фиксация – вызов привычным ценностям. Меняется мое восприятие конвенций – что мне демонстрируют и на каком фоне (бытовой контекст) будет определять восприятие смыслов и образов, зачастую прямо противоположных от ожидаемых.

Таким образом, психология виртуального имиджа имеет длительную историю формирования и ее достаточно сложно изменить в одночасье. Поэтому, данная область требует пристального внимания и изучения.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА И ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

УДК 578.83
ББК 60.842

Албениш А. Р., *Португалия, Фаро*
Порушевич М. Н., *Украина, Харьков*

Всплеск видеокommunikаций после пандемии коронавируса (на примере Португалии и Украины)

В статье рассматриваются результаты сравнительного исследования, посвященного анализу всплеска коммуникации возникшей в результате начала пандемии коронавируса по всему миру. Приводятся результаты исследования проведенного в Португалии и Украине, где анализируются как формальные данные увеличения использования видеочатов на работе и в личных контактах, а также мотивов и особенностей данного взаимодействия.

Ключевые слова: видеокommunikации, пандемия коронавируса, общение, взаимодействие, мотивация.

Albenish A. R., Portugal, Faro
Porushevich M. N., Ukraine, Kharkov

The surge in video communications after the coronavirus pandemic (on the example of Portugal and Ukraine)

The article discusses the results of a comparative study devoted to the analysis of a surge in communication arising from the onset of the coronavirus pandemic around the world. The results of a study conducted in Portugal and Ukraine are presented, where they are analyzed as formal data on the increase in the use of video chat at work and in personal contacts, as well as the motives and characteristics of this interaction.

Keywords: video communications, coronavirus pandemic, communication, interaction, motivation.

Ситуация в мире после пандемии коронавируса изменила экономику, политику и уклад жизни жителей всего мира. Как одно из следствий этого процесса стало увеличение видеокommunikаций в личном и публичном пространстве представителей различных социальных групп. В данной статье предложен анализ изменения социального и личного взаимодействия жителей двух стран – Португалии и Украины.

Для начала определимся, для чего нам нужно виртуальное пространство в разрезе коммуникаций? Ответ очевиден – чтобы стирать ограничения и границы в процессе интеракций. Это и время, и территория, и языковой барьер и многое другое. Виртуальность – делает нас не жителями опреде-

лѐнной страны, заложниками своего класса, образования достатка, а выводит на новый уровень взаимодействия. Позволяет выходить за рамки привычного пространства коммуникаций, формируя новые стратегии и формы взаимодействия.

В данной статье рассматривается узкий вопрос расширения взаимодействия на примере видеокommunikаций. Благодаря развитию интернета стало доступно не только аудиовзаимодействие, но и подключение видео связи, позволяющее не только слышать, но и видеть собеседника. Это также способно влиять на процесс интеракции, изменять его качество, глубину, давать новые смыслы и контексты. Данные выводы мы сделали после анализа формальных показателей повышения использования различных видеочатов для общения среди представителей двух стран – Португалии и Украины. Этот анализ проводился путем статистического моделирования и аналитических отчетов операторов видеочатов. Всего в анализе участвовало 14 сервисов, предоставляющих услуги видео связи (это такие мессенджеры как: Viber, WhatsApp, Skype, Zoom, Google Meet, Google Duo, Google Hangous, Ablo, Facebook, Imo, Jus Talk, Tango, Line).

Также мы провели анкетирование пользователей данных видеочатов, проживающих в разных странах, чтобы проследить личные мотивы их использования, а также имеются ли государственно-территориальные и, возможно, культурно-лингвистические особенности и отличия в их использовании. Всего в исследовании приняли участие 860 человек (430 в Украине и 430 в Португалии), в возрасте от 18 до 70 лет, занимающих разные социально-экономические, культурные и иные социальные статусы и роли.

Исследование проводилось в июне – июле 2020 г., но уже видна качественная динамика использования видеочатов с января 2020 г. – по отдельным видео сервисам она превысила годовые показатели за прошлые года (например, Viber, Zoom, Google Meet, Google Hangous, Jus Talk) (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение количества пользователей видеочатов (в миллиардах)

Система видеосвязи	2020 г	2018 г	2016 г.
Viber	2,2	1,0	0,8
WhatsApp	2,1	1,3	1,1
Skype	2,0	1,5	1,2
Zoom	3,6	2,4	1,1
Google Meet	1,6	0,8	0,6
Google Duo	1,4	0,9	0,8
Google Hangous	2,2	0,9	0,7
Ablo	1,8	1,1	0,8
Imo	2,3	1,6	1,1
Jus Talk	2,4	1,4	0,8
Tango	1,6	1,3	0,9
Line	1,8	1,4	0,8
Facebook	2,6	2,1	1,4

Динамика увеличения использования видеочатов вызвана переводом работы и обучения на дистанционные формы, а также ограничением личного общения из-за пандемии. В таблице 2 представлено долевое сравнение роста пользователей видеочатами в Украине и Португалии.

Таблица 2
Сравнение долевого увеличения использования видеочатов в Португалии и Украине (в 2020 и 2019 гг.) (в %)*

Система видео связи	Украина		Португалия	
	2020 г	2019 г	2020 г	2019 г
Viber	75,6	24,5	68,7	47,8
WhatsApp	68,7	22,6	66,5	49,9
Skype	77,5	31,2	72,4	55,4
Zoom	55,4	12,1	54,3	33,5
Google Meet	37,2	6,5	52,1	29,8
Google Duo	32,9	6,8	48,9	27,9
Google Hangouts	28,7	5,2	47,7	32,1
Ablo	33,1	5,9	62,1	33,9
Imo	34,9	5,4	58,7	35,5
Jus Talk	45,6	8,7	55,5	34,1
Tango	42,1	7,9	59,9	28,7
Line	37,9	7,6	63,2	32,2
Facebook	66,5	19,9	78,7	53,2
Другие	40,9	4,5	35,8	12,6

*Данные взяты с официальных сайтов данных программ

Как видно из таблицы в Португалии в два раза больше пользователей видеочатов в 2019 г., также в три раза больше мессенджеров используют в Португалии, нежели чем в Украине. Но анализируя динамику за 2020 г. – долевой рост динамики использования видеочатов в Украине в два раза выше, чем в Португалии. Это можно объяснить тем, что в Украине больше интереса среди населения включиться в работу в других регионах, и даже странах. Украинцы больше рассматривают удаленный доступ как ресурс для новых форм работы, чем португальцы, которые дистанционную работу воспринимают скорее как ограничение возможностей, чем получение новых бонусов. Об этом свидетельствуют ответы респондентов по анкетированию (табл. 3).

Таблица 3
Мотивация использования видеочатов в процессе коммуникации (в %)

Структура мотивации	Украинцы	Португальцы
Видеочаты – это новые возможности для работы	63,2	42,4
Видеочаты – вынужденная (ограничивающая) форма работы	36,8	57,6
Видеочаты – это новые формы общения	69,6	57,3
Видеочаты – это ограничение возможностей общения	30,4	42,7

В нашем исследовании нашла подтверждение гипотеза о том, что использование видеочатов опирается на личную структуру мотивации личности, но при этом внешние социально-экономические и культурно-исторические особенности накладывают свой отпечаток на контекст и условия взаимодействия. При этом, язык – как культурно-лингвистический фактор никак не влияет на процесс и оценку видеокommunikации.

Респонденты и в Украине и в Португалии отмечали такие положительные особенности видеокommunikации как возможность невербального контакта, возможность видеть эмоции, возможность видеть обстановку, среду пребывания того, с кем идет диалог (это позволяет его лучше понять), возможность использовать дополнительные инструменты для разъяснения информации (рисунки, схемы, книги). К отрицательным моментам видеокommunikаций можно отнести торможение видео или аудио ряда, что можно отнести к техническим неполадкам состояния связи и сети Интернет, а не содержательным (рис.).

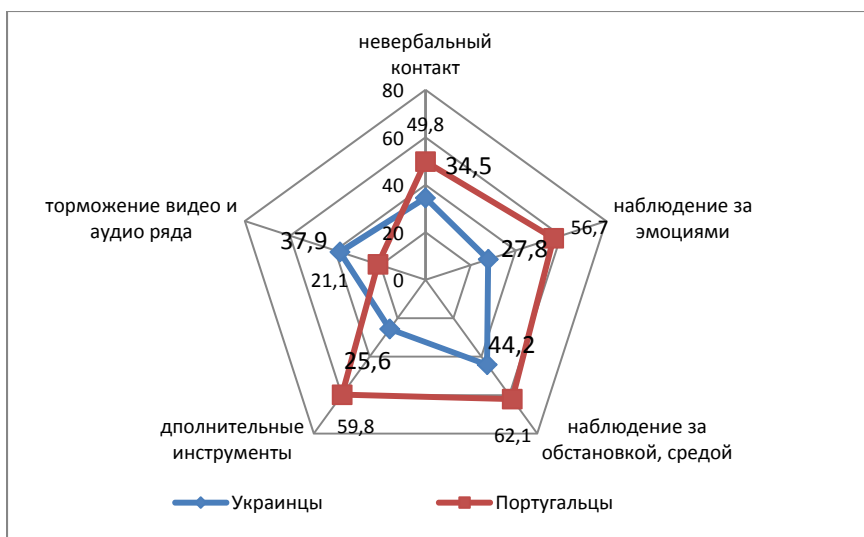

Рис. Положительные и отрицательные моменты видеокommunikации среди украинцев и португальцев

Как видно из рис. 1, для украинцев при видеокommunikации важно изучать социальную среду нахождения того, с кем осуществляется взаимодействие (62,1 %) и отдельно указывают на негативные стороны коммуникации в виде торможения видео и аудио ряда (37,9 %). Для португальцев все рассматриваемые факторы имеют высокое значение: наблюдение за обстановкой и средой (62,1 %), возможность применять дополнительные инструменты (как правило при обсуждении рабочих моментов) – 59,8 %, и наблюдение за эмоциями – 56,7 %. Полагаем, на основе этого можно сделать предположение,

что португальцы более внимательны в процессе общения, чем украинцы. Но эта гипотеза требует отдельного изучения и расширения выборки.

Таким образом, на основе полученных данных мы можем заключить, что увеличение доли пользователей различных мессенджеров для видеокommunikации позволяет расширять перспективы и возможности личного и делового общения среди жителей разных стран. Внешний контекст взаимодействия определяет мотивы и условия использования видеочатов, но не является единственным условием при процессе коммуникации. Данная тема требует дальнейшего мониторинга и расширения как объектов, так и методов исследования.

УДК 130.3
ББК 87.526.4

Бобков А. А., Бобков А. И., *Иркутск*

Святость и пошлость виртуальной социальной реальности в условиях кризиса осмысления человеческого бытия

Социальное бытие современного человека все больше находится во власти метематизированного виртуала. Неприкосновенность социальных закономерностей, предотвращающих варваризацию социального за счет органичности человеческой идентичности, виртуальной реальностью все больше уводятся за скобки. На ее место приходит симулятивная консолидация быстро актуализируемая и столь же быстро исчезающая. Мышление о социальном бытии вводит человека в состояние исчезновения из современного виртуального пространства. Поэтому основной проблемой современного виртуального процесса выступает замена мышления о социальном бытии, как результата свободного инакомыслия, симулятивными императивами биологизации социального.

Ключевые слова: виртуальная реальность, социальное бытие, мышление, виртуал, масса, человек, субъект.

Bobkov A. A., Bobkov A. I., *Irkutsk*

The sanctity and vulgarity of virtual social reality in the context of the crisis of understanding human existence

The social existence of modern man is increasingly at the mercy of the metematized virtual. The inviolability of social laws that prevent the barbarization of the social due to the limitations of human identity, virtual reality is increasingly taken out of the picture. In its place comes a simulated consolidation that is quickly updated and just as quickly disappears. Thinking about social existence puts a person in a state of disappearance from the modern virtual space. Therefore, the main problem of the modern virtual process is the replacement of thinking about social existence, as a result of free dissent, with simulation imperatives of social biologization.

Keywords: virtual reality, social being, thinking, virtual, mass, person, subject.

Современный виртуал – это то, что существует только в пределах компьютерных, цифровых пространств, явление, усиливающее мыслительную деградацию человека-массы в реальной жизни. Если во всё, что есть в реальной жизни можно отчасти попасть. Испытать телесно или абстрактно, высказать это живым языком, то всё, что есть в современной виртуальной жизни, можно только увидеть и услышать, но ощутить свою причастность к

творению этого нельзя, если опираться только на живой язык бытия, а не язык программирования. Современная виртуальная реальность – это реальность, в которой мир сокращается пространственно до экрана компьютера, сотового телефона. Такое сокращение ведет к иллюзии ухода от реальной жизни. Сегодня для все большего числа людей виртуальная реальность является самым интересным социальным пространством без гегезиса классов или скорого классового возмездия. Однако виртуальная реальность искажает представление человека о мире. Ее парадокс заключается в том, что в виртуальной реальности в отличие от реальной жизни всё придумано таким образом, что встреча с социальными закономерностями исключена.

Техника экстаза виртуальной реальности современного характера порождает симулятивное наличие без наличия, эмоциональность, не ведущую к пониманию. Мы должны справедливости ради отметить, что виртуальная реальность вообще существовала в рамках картин мира всегда. Всегда человек стремился путем иллюзии вызвать эмоции, дающие понимание, как экстаз. Характер иллюзии зависел от картины мира, которую рисовал человек при помощи воображения. Мифологическая виртуальная реальность в результате ее свободной интерпретации, по мнению К. Поппера, породила философию. Когда Древний Рим насильственно смешал эллинистическую философию и восточные религии, то на место философской картины мира в качестве широко распространенной пришла религиозная картина мира. Она была виртуальной по сути, но благодаря победе истории над античным космосом, сумела воссоздать социальную реальность, если опираться на идеи Э. Дюркгейма.

Вырвавшее человека из объятий воли творца Новое время предложило научную картину мира с ее виртуальной квантовой физикой. По мнению М. Хайдеггера научная картина мира Нового времени актуализировала феномен конструирования, заменив сразу и феномен исследования, и феномен мышления. Вообще живой язык, создавший в пространстве мифа и религии среду для философского поиска смысла бытия, был заменен техническим новоязом, искажающим понимание и не ведущим к мышлению. Технократическая виртуальная реальность повлекла за собой конец природы, конец социального и конец человека, как мыслящего творца. В реальной жизни что-то понято человеком мыслящим (метафизика), а что-то открыто путем исследовательских практик природой (физика), что отвоевано у природы путем технического насилия, а в современной виртуальной реальности всё создано только человеком с целью уничтожения творческого инакомыслия¹.

¹ Как отмечает М. Хайдеггер: «Решающее в том, что человек, собственно, захватывает это положение как им же самим устроенное, волевым образом удерживает его, однажды заняв, и обеспечивает его за собой как базу для посильного развертывания своей человечности. Только теперь вообще появляется такая вещь, как статус человека. Человек ставит способ, каким надо поставить себя относительно опредмечиваемого сущего, на себе самом. Начинается тот род человеческого существования, когда вся область человеческих способностей оказывается, захвачена в качестве пространства, где намечается и осуществляется овладение сущим в целом. Эпоха, определяющаяся этим событием, нова не только при ретроспективном подходе по сравнению с прошлым, но и сама себя полагает как именно новая. Миру, который стал картиной, свойственно быть новым» [2, с. 50] .

Это созданное нельзя назвать ни физикой, ни метафизикой. Ведь все здесь есть результат конструирования иллюзорного иллюзорным, приходящее из желания уйти от необходимости, обойти ее путем вытеснения ее наличия тотальной иллюзией.

Современная виртуальная реальность порождает непризнание творческого инакомыслия необходимостью человеческого и социокультурного бытия. Сегодня вполне очевидным становится факт того, что мышление человека деградирует до программистского креатива, создающего комфортную реальность, где всего всем хватает и не надо обострять разум необходимостью.

Не обостренный необходимостью разум порождает иллюзию виртуального открытия сущности человеческого существования, так как в нем возникает иллюзия способности мыслить всем и каждому. Причем без испытанного дискомфорта от драмы мышления. Миф преодоления варварства через свободный доступ к информации порождает иллюзию жажды «легкости бытия» (М. Кундера)¹. Легкости, не пришедшей в результате порождения мысли о бытии, а в результате отказа от мышления. Человек у Декарта существовал благодаря влечению к самому сложному труду человека – мышлению. Сегодня у него иной вектор развития влечение к тому, что искусственный интеллект, уже, наконец, став реальностью решил или решит, наконец, самую важную проблему человеческого существования проблему отказа от мышления.

Родиной современной тотальной виртуальной реальности является Запад, как некая виртуальная общность, избежавшая заката или конца культуры (О. Шпенглер). Наше опоздание было бы нашим шансом сохранения мыслительной культуры, если бы не технократическое засилье в методологии социально-гуманитарного познания вдвигающее философию в науку и длящее иллюзию существования социальной реальности в условиях симуляции социальных действий. Нам все еще кажется, что реальное социальное где-то существует.

Компьютерные общности, репрезентирующие социальное бытие как оно есть или каким оно должно быть, населены не людьми, у которых есть пережитое прошлое, как совокупность мыслей и поступков, ведущих к человеку в социальном и к социальному в человеке. Эти виртуальные массы, так как они не мыслят, возникают и уничтожаются создателями виртуальной продукции. В их понятие виртуальной социальной реальности входят несуществующие в природе социальные элементы. Например, сетевые сообщества, достигающие коллективных представлений через симуляцию ритуала интеграции, когда тело каждого из субъектов инкорпорируется в некоего коллективного субъекта, мыслящего, но не исследующего. В таких ритуалах отсутствует расчет, а как в современной компьютеризированной реальности уйти от расчета, даже если он находится в скрытом состоянии?

¹ У М. Кундеры легкость бытия невыносима.

Если говорить о логосе современной виртуальной социальной реальности, то обмен пустыми знаками и символами, присущий ей, несет возможность сделать существенной зависимость социального от того, что вообще нигде не может быть в наличии. Например, к числу таких явлений относится концепт «мягкая власть»¹. В современной социальной виртуальной реальности с ее блокадой мышления все сложнее разобраться в том, что схоже с событиями реальной жизни общества, а что абсолютно несхоже.

В настоящее время современная виртуальная реальность предоставляет огромное количество возможностей узнавать интересную информацию ни о чем, убивая время для мышления. Единственным местом, где это время еще осталось это местностей, в которых нет связи, где бытие предстало ускользнувшим от всемирного виртуального рассудка. Это значит, что человек может почти везде погрузиться в виртуальный мир. Интернет-это хранитель информации, представляющий собой такое предназначение, как легкое многознание и суждение обо всем без ответственности за свои слова и действия.

Однако подлинно необходимую информации ведущую к самоактуализации самости коллективных субъектов в нем приходится искать довольно долго. Успех этого поиска зачастую зависит от умения ищущего создать концепт или выбрать концепт, что предполагает уход из-под власти нетократии надолго, если не навсегда. Подлинное социальное создается режимом интернет молчания и использования компьютера, как инструмента печати и хранения документов. При этом источник информации к размышлению идет не от восприятия «духовной ситуации времени» (К. Ясперс) как ожидаемой или узнанной из всемирной сети, а от создания ее путем размышления о социальном бытии вне современной виртуальной реальности. Только вот мягкой власти такое долгое молчание невыгодно. Оно утверждает ускользающее бытие «не массы» (Х. Ортега-и-Гассет), указывая на невозможность победы над мышлением о смысле человеческого бытия и социального бытия тотальной цифровизацией.

Для части людей в рамках капиталистической шизофрении (Ж. Делез и Ф. Гваттари) интернет стал наиболее важным электронным ресурсом жизни. Кто-то с помощью интернета впадает в иллюзию причастности к производству научного знания. Многие люди уже не могут представить себе возможность социальной интеграции без помощи социальных сетей. Сетевое общество подчиненно иллюзии максимальной независимости от летальных процессов или процессов неизбежности одного сценария социальной жизни.

Самое опасное в современном виртуальном пространстве в его демографическом дискурсе заключается в том, что оно позволяет человеку превратиться в бесполое существо робота. Анонимизация, или виртуализация

¹ «Мягкая власть – это власть, которая реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое властью поведение воспринимается реципиентом как свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, подвластному субъекту радость и удовольствие» [1, с. 118.]

социального взаимодействия сети Интернет позволяет изменить структурное соотношение поколений, снизить степень ответственности, уничтожить пол. Виртуальное уничтожение пола ведёт к тому состоянию, когда демографические процессы идут вне господствующих виртуальном пространстве сообществ. Ведь демографический процесс, так или иначе, связан с идеей заботы о духовном развитии будущих поколений, обозначенных в форме диалога, когда один из беседующих добивается от другого, либо реакции на поступок, либо самого поступка. В демографическом дискурсе могут быть представлены два состояния виртуальной реальности, как святость и пошлость. Святость предполагает освещение гендерной идентичности и продления традиции, как единого связующего поля социальной реальности. Традиция виртуальна, священна и в гендерном исполнении добивается либо поступка, либо реакции на поступок. Она порождается желанием представления о продлении рода, как актуализации живой жизни. Святость виртуальной реальности не допускает возможности вечного бытия без продолжения рода. Самоактуализация самости здесь происходит в том, что археология традиций указывает на процесс продолжения рода, как обострённого желания мышления. Виртуальная реальность по типу святости ведёт к тому, что человек понимает, что прошлое уже высказало свою сущность в настоящем, обеспечив невозможность кардинальных изменений будущего. Пошлая виртуальная реальность заключается в мощнейшем ограблении будущего через конструирование традиций бесполого, или гомосексуального характера. Когда живого человека заменяет робот, когда род как некую интегральную виртуальную реальность социального заменяет унификация технических вещей, меняющих человеческую повседневность. В нём интимное становится публичным, а публичное становится интимным. Человек тщательно скрывает то, что всем известно, и выставляет напоказ свой несостоявшийся внутренний опыт, ведущий его к культуре традиционной телесности. В виртуальной реальности пошлого характера традиции продолжения рода, заботы об уходящих и приходящих поколениях не существует, точнее если эта забота осуществляется, то через подчинение человека роботу. Неслучайно система интернет предлагает наиболее массовые, не ведущие к поступку императивы материального и духовного характера.

Список литературы

1. Русакова О. Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32. С. 118–121.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. 447 с.

УДК 77:248.12/214
ББК 78.0

Даркина А. В., Воронеж

Визуальные идентичностные проекты в условиях эпидемий настоящего и прошлого (на примере фильмов западного и восточного кинематографа)

Рассматриваются связанные с массовыми эпидемиями прошлого идентичностные проекты в западном и восточном кинематографе. Показано, что тема смерти обыгрывается везде по-разному, создавая, однако, вероятное пересечение микросюжетов, вызванных не в последнюю очередь позицией сценаристов и режиссёров.

Ключевые слова: кинематограф, эпидемия, Средневековье, XX век, добро/зло, образы смерти.

Darkina A. V., Voronez

Visual identity projects in the conditions of epidemics of present and past (on the example of a western and eastern cinematographer)

The article examines the identity projects associated with the mass epidemics of the past in Western and Eastern cinema. It is shown that the theme of death is played up in different ways everywhere, creating, however, a possible intersection of microplots, caused not least by the position of the writers and directors.

Keywords: cinematography, epidemic, Middle Ages, XX century, good / evil, images of death.

Зарубежный кинематограф имеет практики обращения к сюжетам массовых стихийных бедствий с фатальным исходом через призму религиозного сознания. В настоящей статье нами предпринята попытка сопоставить западные и восточные версии жизни людей в период эпидемий. Изучение домодерных европейских и модерных восточных эпох через кинематограф представляется небезынтесным именно с позиции ортодоксальных доктрин по причине того, что создают многочисленные пересекающиеся фронтиры цивилизаций и культур, а вынужденная визуализация фатального исхода для больших масс населения может вселять определённые мировоззренческие установки зрителю. Домодерные окцидентные версии описания болезней создают иные концепты человека, города, общества в целом; модерные ориентные позволяют представить традиционность жизненного уклада в ситуации вынужденной нестабильности, связанной с угрозой покушения на саму идентичность.

Сакральность, мистичность, эзотеричность versus профанность, идеологичность, экзотеричность выражается через архетипизацию образов действующих лиц фильмов «Флейтист-крысолов», «Кровавые кулаки» и «Чёрная смерть» [Об архетипизации христианских образов в зарубежном кинематографе см. напр.: 2]. Спасение человечества – миссия высших сил; наделяя персонажей подобными полномочиями, сценаристы демонстрируют то, что выход из ситуации несомня ни на что существует. Иными словами, те, кто так или иначе действует во благо себе подобных, принимает мессианские функции.

Чума выступает как объект спекуляции: во «Флейтисте-крысолове» Франц в разгар эпидемии хочет жениться на дочери бургомистра с целью занять более высокую статусную позицию посредством владения положением и богатствами её отца, одновременно приказывает колдуну Мелиусу в кратчайшие сроки синтезировать золото (а не вакцину от болезни). В данном сюжете объектом спекуляции выступает как девочка-невеста, так и псевдопотребность её жениха обладать ещё большими ресурсами. Осознание собственного псевдомогущества искажает восприятие реальной ситуации данным действующим лицом, приводя к фатальному исходу, что позволяет судить о христианском дуалистическом концепте «Бог / дьявол» (падший ангел, возвысивший себя над Богом и затем исторгнутый в ад, т. е. лишённый божьей милости), а в житейском понимании – тезиса «Свой / Чужой» (желающие избежать заражения бродячие артисты / элита города, занятая бытовыми вопросами). Сходные тренды прослеживаются и в «Кровавых кулаках», однако в данном случае идея спасения отходит на второй план, выставляя во главу угла противостояние двух ориентных сил (китайцев и японцев).

Темы средневекового христианского воздаяния выявляются во «Флейтисте»: финал справедлив для негодяев; кто должен был избежать последствий – делает это (менестрели, дети). Имеющиеся «трактовки смерти как события, которое можно предсказать, избежать и, наконец, пережить» [4, с. 130] позволяют судить о «божьем промысле» в отношении «избранных» лиц, чьи онтологические статусы определены как особенные: негодяевы подпадают под губительное воздействие смертельной опасности, а выживают те, кто предпочитает сегодняшний день, не задумываясь о развитии событий. Именно эти последние становятся ядром повествования и лейтмотивом фильмов европейских режиссёров.

Обе картины содержат достаточно отсылки к религиозным сюжетам. Христианские мотивы святости представлены через простых людей. Именно бродячие артисты, простые обыватели, становятся теми, кто выжил вопреки эпидемии, так как не стремились к избыточным земным благам. С другой стороны, выживали те, кто перемещались с места на место. Пространство города становится ареной противостояния «сил добра» (крысолов, дети, колдун) и жаждущих сыграть на эпидемии (Франц и его подчинённые). На наш взгляд, повествование вокруг девочки и мальчика – дети ставятся почти в центр фильма – не случайно, авторы создают аллюзии на христианское «будьте как дети». Именно детям выпадает жребий оставить город без вреда для себя, напротив, перемещаясь в пространстве, они заранее обеспечивают себе достойное будущее (возможность обучаться в художественной школе в другом городе для помощника колдуна). Помимо этого, сорокадневный карантин в городе даёт представление о человеческой греховности (сорок – библейское число), в то же время замечен тренд десакрализации происходящего посредством обращения к замыслу строительства

нового собора. Проект возведения храма не представляется истинно христианским, поскольку нужны всё большие средства, а в свете надвигающейся опасности ресурсов с каждым днём недостаёт. Элита города озадачена данной эгоистически-мирской задачей, отодвигая на второй план общесоциальную задачу спасения населения.

Рассуждая о восприятии смерти, Е. А. Кленина и А. Е. Песков подчёркивают социальную неприемлемость дискурсивных практик финала человеческого существования, делая упор на разнице восприятия данного явления людьми прошлых эпох и современным обывателем. Здесь завершение создаётся как нечто эфемерное, эзотеричное в противовес рутинно-экзотерической повседневности. Не исключено, что это связано как с более медленным ходом времени эпохи Средневековья, так и с низкой значимостью отдельной человеческой жизни: «Страх смерти, на наш взгляд, интегрируется вокруг символа смерти, поэтому основа страха – символическая. В результате получается, что танатофобия социально детерминирована. Социальный характер страха подчеркивает конфликтность между реальностью проекции человеческого существования (смертью) и табуированностью смерти в современном обществе» [3, с. 66]. Несмотря на то что «символы смерти автоматически вызывают ожидания, связанные с самыми различными отрицательными эмоциями – боль, одиночество, обида, фрустрация, дезинтеграция, разрыв, неподвижность, страх и т. д.» [3, с. 67], для средневекового человека во главу угла ставится задача очищения (избавления) от вероятности наступления «Страшного суда», и именно данное обстоятельство вызывает вышеозначенные эмоции, приводя к апокалиптическим переживаниям в самые острые моменты повествования.

Крыса – символ людских страданий, чем больше животных, тем больше страданий для людей. Крысы на свадьбе дочери бургомистра с Францем служат напоминанием о том, что совершается что-то противоестественное: девочка-подросток выдаётся замуж за несправедного человека, стремящегося завладеть богатствами её отца-бургомистра. В данной ситуации крысы приобретают статус спасителей, что, в принципе, не характерно для описываемого примера, и именно двойственность восприятия роли грызунов позволяет определить амбивалентный характер самой эпидемии. Через млекопитающих происходит своеобразное очищение города от «лишних» людей, а те, кому суждено выжить, покидают пределы городского пространства. Город, таким образом, становится пространством христианской греховности и одновременно искупления; внегородская среда априори чиста и священна.

«Кровавые кулаки» предлагают иную интерпретацию событий, связанных с массовым заражением. В данном случае речь идёт о столкновении культурных проектов китайцев и японцев. Образ «избавителя» представлен беглым преступником, именно ему предоставлена миссия остановить врага, японцев, на пути к захвату снадобья от чумы. Происходит десакрализация роли спасителя, это отнюдь не святой изначально, это маргинал, готовый

отдать себя в жертву ради всеобщего блага. Сотериологические мотивы прослеживаются на всём протяжении фильма: появившись перед японцами, бродяга действует по собственной воле. Только путём самопожертвования ради коллективной цели возможно достичь искупления. Христианские догматы здесь очевидны и в борьбе «добра» и «зла» (китайцев и японцев).

Проблемы идентичности через призму христианской догматики выявлены в большинстве примеров как сконструированные символы и образы [напр. : 6], что призвано воздействовать на мифологическое мышление зрителя; несмотря на то что замысел и эстетика «Кровавых кулаков» далеки от христианских традиций, фильм так же, как и указанные нами западные, может анализироваться с позиций окцидентного мировоззрения.

Похищение невесты одного из главных героев Чу Лин сопоставляется со спрятанным снадобьем от болезни, это одушевлённая, в отличие от целебной травы, разменная монета в борьбе двух враждебных культур. Тем не менее нить противостояния как бы пресекается, и на протяжении фильма борьба идёт ради самой борьбы. Противостояние дуальностей – бога и дьявола, одной локализации, где нет эпидемии, и целой страны/города, где свирепствует чума – в двух фильмах о европейской эпидемии принимают во многом сходные очертания; однако мотив «охоты на ведьм» определяет квинтэссенцию средневекового бытования концепции конца мира.

Сила материнского слова лишь ненадолго действует на отступника Чан Сана – библейский сюжет Иуды на специфически-ориентный манер. Ориент и окцидент в условиях эпидемии утрачивают свои границы: то, что изначально постулировано на Западе (христианские догматы), прослеживается и на Востоке. Образ и локализация Другого детерминированы исторически, конкретизируясь в отдельном народе, снимается вариативность символики двух других фильмов: в XX веке масштаб и характер пандемии принципиально иной, нежели относящийся к Средневековью. «Пафос национального единства» [1, с. 266] – движущая сила противостояния обеих восточных наций, а поиск целебного зелья от чумы представлен едва ли не как предлог к активным действиям.

Убийство немого Ябы развязывает борьбу врагов, это своего рода ритуальное жертвенное убийство, отсылающее зрителя к первоначальным практикам домонотеистических (и донациональных) традиций: «...в гомогенных восточных обществах событие индивидуальной смерти не столь катастрофично в силу превалирования общинного сознания над индивидуальным» [3, с. 68]. Действительно, лишение жизни «бесполезного» с точки зрения всеобщей пользы человека указывает на суть происходящего: достижение конечной цели невзирая на общечеловеческие и индивидуальные ценности. Есть, однако, то, что объединяет домодерные и современные общества Запада и Востока. Таким общим становится идея «запредельно-мистического» неодушевлённого образа, определяемого в качестве панацеи от чумных последствий. В «Крысолове» подобными свойствами наделяется

философский камень; в «Кровавых кулаках» – трава, сулящая избавление от болезни. Поиск «травы дракона» тождественен поиску Мелуисом философского камня: это суть поиск спасения, что рассматривается нами как сотериологический тренд в обоих фильмах. Онтологические статусы разнятся тем, что в первом случае статус приписан конкретному человеку, во втором – целому народу. Цель отдалена в пространственно-временном аспекте: колдун не успевает познать философский камень по причине преследований и последующей гибели на костре инквизиции; спасительное лекарство из «Кровавых кулаков» – труднодостижимая цель для обеих сторон столкновения.

Мессианский посыл выявляется во всех исследуемых фильмах: Монах Осмунд в «Чёрной смерти», подобно преступнику из «Кровавых кулаков», предлагает себя в качестве проводника в английскую деревню, не тронутую чумой. Локализация деревни сходна со спрятанной травой против чумы для китайцев: её реально найти, но придётся пройти через трудные препятствия, подобно тем, что испытывали гонимые язычниками первые христиане. Образ крысолова во «Флейтисте» выступает в качестве избавителя от зла, за ним следуют дети, в конечном итоге всем оставшимся город удалось спастись. Значение имеют не только визуальные образы, но и аудиальный ряд: музыка в «Крысолове» является панацеей от смертельной опасности, с одной стороны, (поскольку сводит крыс в водную ловушку, уничтожая их) и как то, что уводит за собой детей, спасая их от заражения, с другой. В этом смысле замысел состоит в максимально возможном включении аудиовизуальных средств в канву изображения «Страшного суда» на Земле.

Споры вокруг бытийственности Бога подобны поиску философского камня в «Крысолове». Для отдельных персонажей Бог – в служении, для других – в любви к человеку и стремлении спасти его (или целую деревню). Смерть не властна над обитателями деревушки, поклоняющейся дьяволу, именно эта отрицательная сила как бы даровала им бессмертие, и чума, следовательно, не властна над ними. Сумев «приручить смерть» [4, с. 130], приспешники тёмных сил совершили воображаемое грехопадение, покусившись на христианскую догматику и начала нравственности. Греховность деревенских жителей противопоставляется мессианству христиан – тезис, положенный в основу сюжетной линии фильма. Сотериологические мотивы изгнания потусторонних сил из населения деревни свойственны именно эпохе европейского Средневековья, в этом смысле миссия рыцарей гипертрофирована до масштабов сакрального, профанирование, однако, случается в ситуации убийства деревенской колдуньи: рыцарь повышает свой социальный статус до максимально возможного, приравнивая себя едва ли не к богу, способному отнимать жизнь (не даровав её). Статус рыцарей и монаха предельно высок, напротив, те, кто поклоняются дьяволу, десоциализированы (удалены и географически, и духовно от остальной страны) и профанированы (по мнению самих рыцарей-«спасителей»).

Образ местной ведьмы безнравственен, наподобие образа жены бургомистра в «Крысолове» – в первом случае потому, что связан с отрицанием Бога, во втором по причине избыточной житейскости (априорной греховности). Женщина представлена как нечистое, порочное создание, десакрализируясь в максимальной степени в «Чёрной смерти», и практически все представительницы слабого пола становятся здесь в один ряд греховности. Однако последующая месть выжившего монаха отсылает зрителя к сюжетам, не характерным для христианской догматики, тем не менее поиски колдуньи среди простого населения может быть похоже на поиски собственного спасения, ментального искупления. Именно поиски воображаемых Других, как представляется, и создают контраст повествования, отсылая зрителя к религиозным сюжетам христианской направленности («добро/зло», «Бог/дьявол» и пр.)

Ритуалы смерти носят разную окраску: убийство монахом своей невесты искупительно по отношению к ещё здоровому населению. Тем не менее происходит отчётливое переплетение с языческими практиками через попытки оживить девушку, в одном случае, а также убийство рыцарем колдуньи вместо её сжигания на острове, в другом. Сама иллюзия бессмертия постулируется и даже пропагандируется деревенской ведьмой через самопозиционирование и сопутствующие действия, отсылающие зрителя к противоположной стороне добра. Танатос здесь как бы продолжение Эроса: инстинкт смерти предельно тесно увязан с инстинктом жизни и самосохранения. Страх завершения побеждается силой веры рыцарей, всех, за исключением одного, от которого впоследствии избавляются сами колдуны. Апокалиптичность представления финала как предопределённого прослеживается и в самом повествовании, и в выбранных образах, символах и стратегиях поведения персонажей фильма. Так, устроенный жителями деревни праздник в честь гостей может напоминать христианскую Тайную вечерю, после которой совершилось предательство духовного учителя. Однако в отличие от христианского повествования суд совершается не над одним человеком, а над группой лиц, рыцарями, а предатель повешен самими заговорщиками.

Несмотря на то что «переживание смерти в большей степени соотносится с традицией, поэтому в противовес традиции в киноиндустрии часто обновляются вариации смертей, их масштаб становится все значительнее, а потому даже художественно выраженная массовая смерть способна менять представление о смерти» [5, с. 123–124], итог в сугубо христианском представлении показан как искупление (избавление от грехов), с одной стороны, и как наказание для неправедных, с другой. Что касается «Кровавых кулаков», смерть не является неотвратимой, она не преследует жителей, её даже следует заслужить, добиться подобной почести, и принимает мессианской искупительный характер, что может так или иначе напоминать христианскую ортодоксальную догматику. Кроме того, символика жидкости во всех фильмах связана именно со смертью: в «Крысолове» в воде тонут пойманные в ловуш-

ку вредоносные животные, в «Кулаках» вода поглощает побеждённого, в «Чёрной смерти» побеждёнными оказываются «спасители» жителей деревни. Во всех случаях вода выступает отрицательным символом бытования греха.

Интерес к теме смерти будет обыгрываться кинематографистами и в дальнейшем, через производимую символику воссоздадутся те или иные эпохи, однако специфичность болезней и массовых эпидемий породит многочисленные трактовки и определения событий вне зависимости от выбранной локализации или времени действия.

Список литературы

1. Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм / Б. Андерсон [и др.] ; пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М. : Праксис, 2002. 416 с.
2. Карчевская К. С. Современные кинематографические версии библейских заповедей («Декалог» Кшиштофа Кислевски и «Семь» Дэвида Финчера) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2008. № 50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-kinematograficheskie-versii-bibleyskih-zapovedey-dekalog-kshishtofa-kislevski-i-sem-devida-finchera> (дата обращения: 14. 08. 2020).
3. Кленина Е. А., Песков А. Е. Символизация смерти и практическое без-смертие // Вестник АГТУ. 2013. № 1 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizatsiya-smerti-i-prakticheskoe-bez-smertie> (дата обращения: 12.08.2020).
4. Скрипкарь М. В. Образ смерти в современном кинематографе // ПНИО. 2014. № 3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-smerti-v-sovremennom-kinematografe> (дата обращения: 12.08.2020).
5. Шмелева Н. В. Образ смерти в американском кино апокалиптической и постапокалиптической тематики // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-smerti-v-amerikanskom-kinematografe> (дата обращения: 12. 08. 2020).
6. Юрикова А. В. Христианские сюжеты в современном западном кинематографе // Культура. Духовность. Общество. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-syuzhety-v-sovremennom-zapadnom-kinematografe> (дата обращения: 14.08.2020).

УДК 7.097

ББК 85.377.0,77

Ольшевский И. Е., *Ростов-на-Дону*

Переход формата «интерактивное кино» в виртуальную реальность

Рассматривается эволюция формата «интерактивное кино». Поднимается вопрос его возникновения. Описаны причины видоизменений формата. Путём анализа конкретных произведений повествуется об особенностях интерактивного кино. Обозначается процесс перехода формата в виртуальную реальность.

Ключевые слова: интерактивное кино, игры, игровая индустрия, кинематограф, разработка игр, виртуальная реальность, интерактивное искусство.

Olshevsky I. E., *Rostov-on-Don*

Transition of the format of interactive cinema into virtual reality

The article discusses the evolution of the interactive cinema format. The question of its origin is raised. The reasons for the format changes are described. By analyzing specific works, it tells about the features of interactive cinema. The article discusses the process of transition of the format to virtual reality.

Keywords: interactive cinema, games, game industry, cinematography, game development, virtual reality, interactive art.

В середине XX века в связи с развитием компьютерных технологий появились различные формы интерактивных художественных произведений, в том числе зарождается феномен интерактивной литературы, которая представляет форму творчества на стыке собственно литературы и компьютерных игр. Развитие этого жанра началось практически вместе с появлением компьютерных игр (интерактивные книги появились уже в 1975 г.) и не прекратилось даже с появлением графических игр.

По мнению разработчика компьютерных игр Дмитрия Резникова, к понятию «интерактивная литература» относится «любая разновидность художественных произведений, сюжет которых не является жестко фиксированным, но способен изменяться в зависимости от действий читателя».

В научной статье «Эволюция жанра interactive fiction: от нелинейного романа к текстовому квесту» Д. С. Урусиков изучает жанр интерактивного романа и выделяет следующие характеристики интерактивной литературы в целом [1]:

- 1) фрагментарность;
- 2) нелинейность (читатель в произвольном порядке может выбирать последовательность частей, при этом не нарушая фабульное единство произведения);
- 3) гипертекстуальность (особая сверхжанровая структура, где соединение текстовой формы и изображений (иконических знаков) дает совершенно новое представление о литературном произведении);
- 4) интерактивность (степень идентификации читателя с героем более явная, отчетливо выраженная по сравнению с классическим произведением; полномочия автора состоят преимущественно в том, чтобы задать предельные границы интерактивности). Интересно, что даже вероятность смерти героя в результате неправильного действия игрока, а не авторского концептуального посыла, как это принято в классических текстах (то есть практически главная сюжетная позиция, определяющая движение романного действия), является одной из характерных особенностей интерактивного романа.

Ряд исследователей, такие как Е. П. Исакова, выводят следующее определение: интерактивная книга – «литературное произведение, позволяющее читателю участвовать в формировании сюжета. Благодаря данному свойству произведение утрачивает определенную дистанцированность, недостижимость, «недоступность», маркирующие литературу классического периода, оно становится более открытым к изменениям, а его структура и компоненты приобретают такое оригинальное свойство, как вариативность». В современном мире популярными являются книги-игры, существующие в интернет-формате.

Однако в связи с изменением вкусов современного рецепиента книги отходят на второй план, самыми популярными становятся аудиовизуальные формы – кинофильмы и компьютерная анимация.

Рассматривая эволюцию кинопросмотра, нельзя не заметить тенденцию к его индивидуализации, и формы интерактивного кино разительно влияют на эту тенденцию.

На самом деле некоторые элементы «нелинейного сюжета» совсем не новы. Уже в 90-ые годы прошлого века некоторые режиссеры часто продумывали несколько вариантов окончания своих картин. Но так как существовала возможность показа только одного варианта, в финальную версию продукта, предназначенного для массового зрителя, включался только один вариант. Но, иногда, создатели, возможно неуверенные в правильности своего выбора или по какой-либо другой причине, включали в ограниченные издания, предназначенные для ограниченного круга зрителей другой вариант окончания фильма или его развития, который мог кардинально отличаться от основного варианта, либо вносить незначительные изменения в восприятие картины. Помимо нелинейности в некоторых современных сюжетах добавляется интерактивность. Интерактивность различного контента, будь то кино/игра или даже видео в Интернете, сейчас является элементом, технически реализуемым и способным усилить вовлеченность зрителя в картину либо видеоролик. Одним из первых экспериментов в кино с использованием нелинейности сюжета стал фильм режиссера Радуза Чинчера «Киноавтомат» 1967 года. Зрители в кинозале при просмотре данной картины несколько раз путем голосования выбирали вариант, по которому в дальнейшем будет развиваться сюжет. Фильм был показан несколько раз и посмотрели его всего несколько тысяч зрителей.

С развитием технологий появилось больше возможностей для создания нелинейных и интерактивных сюжетов. Так, в 2016 г. был снят и показан во множестве кинотеатров, в том числе и российских, фильм «Ночная игра» (Late Shift), который предлагал несколько раз по ходу сюжета зрителям с помощью мобильного приложения выбрать дальнейший вариант развития сюжета. Фильм имел 7 концовок и то, какая концовка будет показана, решал набор результатов голосования зрителей по ходу сюжета. Помимо картин для широкого проката интерактивные элементы присутствуют и в роликах для частного просмотра [2].

Несмотря на очевидную привлекательность подобного рода форм, обеспечивающих максимальную вовлеченность зрителя в зрелище, можно выделить и несколько проблем, с которыми может столкнуться режиссер, желающий создать интерактивный или нелинейный сюжет. К ним можно отнести возможность публичного показа интерактивных роликов. Каждый человек предпочитает управлять видеорядом индивидуально, что, само собой, затрудняет массовый показ такого контента, и даже попытка внедрения системы голосования и развития сюжета по пути подавляющего большин-

ства не решает в полном объеме эту проблему. Второй проблемой становится то, что хронометраж данного контента весьма ограничен по очевидным техническим причинам. Видеоконтент с интерактивным и нелинейным сюжетом определенного финального хронометража несомненно потребует больше ресурсов, чем ролик того же хронометража без этих элементов. Поиск оптимального инструмента взаимодействия зритель – сюжет. Такой инструмент не должен отвлекать от просмотра и мешать погружению. Сейчас возможно использование множества устройств для воздействия на сюжет: от классических устройств ввода–вывода (клавиатуры/мыши как в примере с роликом от Honda) до использования смартфонов и других гаджетов.

Исходя из вышесказанного, вытекает целесообразность просмотра интерактивного кино в индивидуальном варианте. На некоторых интернет-площадках есть возможность просмотра кино с нелинейным сюжетом. Вероятно самой популярной в наше время является платформа Netflix.

В качестве примера рассмотрим полнометражный фильм от Netflix «Чёрное зеркало: Бандерснэтч» (англ. Black Mirror: Bandersnatch) – интерактивный фильм 2018 г. из научно-фантастического сериала-антологии «Чёрное зеркало». Перед просмотром зрителю дается краткая инструкция: выбор действия персонажа имеет два варианта и на его принятие у зрителя есть 10 секунд. В начале фильма даются два простых, не влияющих на сюжет выбора: какие съесть хлопья и какую кассету воспроизвести на плеере. Это делается для того, чтобы зритель освоил принцип данного формата просмотра. Картина повествует о Стефане Батлере – молодом создателе игры «Брандашмыг», живущем в Англии в 1984 г. во время начала развития сферы компьютерных игр. Он придумал игру, суть которой заключена в прохождении лабиринта. Во время игры нужно делать выбор из двух вариантов, главная задача обойти злодея игры – Пакса. Выбор смысла игры создателями не случайный, так как персонаж занимается созданием интерактивной игры в рамках интерактивного кино, что заставляет человека задуматься о том, что выбор в подобном формате – иллюзия и всего лишь один из вариантов алгоритма развития событий. В данной ленте всего 9 концовок, одна из версий сюжета по умолчанию длится 90 минут, в случае если зритель не совершает выбор за персонажа [3]. Критики и зрители высоко оценили картину и её послыл: выбор в интерактивном медиа – иллюзия. Однако в силу новизны и неординарности формата зритель верит в подобную иллюзию и осознает главную идею создателей сериала «Чёрное зеркало». Идея заключена в последствии повсеместного внедрения цифровых технологий в жизнь общества и потерю социального функционирования как отдельного человека, так и людей между собой. Донеся данную мысль, создатели сериала стараются сделать его доступным всем.

Однако самым популярной формой интерактивного кино сейчас является разновидность компьютерных игр с одноименным названием. Зритель теперь может не только выбирать варианты ответов, но и достаточно пол-

ноценно существовать в виртуальной реальности, выбирать, куда ему идти, с кем ему разговаривать. Благодаря большей интерактивности, чем просто выбор вариантов развития действия зритель погружается в процесс больше, чем при просмотре фильма.

Одной из первых игр подобно жанра можно назвать Fahrenheit, выпущенная студией Quantic Dream в 2005 г. Fahrenheit является уже второй игрой данной студии. Первая игра Omikron, вышедшая в 1999 г., была приключенческой игрой от третьего лица с кинематографическими вставками (кат-сценами).

Но именно Fahrenheit стала «законодателем» жанра «интерактивное кино» благодаря кинематографичным ракурсам игровой камеры, а также наличию QTE (Quick-Time Event), которые требовали от игрока нажатие на необходимые клавиши клавиатуры или игрового контроллера в нужное время. Fahrenheit получила многочисленное количество наград, а также стала игрой года, по мнению авторитетных игровых изданий. Во время разработки Fahrenheit использовалась технология захвата движения (motion capture), которая чаще всего применялась при создании фильмов и 3D-мультфильмов.

Благодаря Fahrenheit студия Quantic Dream обрела мировую славу и готовилась создавать эксклюзивный новый проект для игровой приставки нового поколения Playstation 3. Проект назывался Heavy Rain. При разработке данной игры разработчики студии использовали самые новые технологии, которые позволили создать самую реалистичную графику на момент выхода игры. Например, студия создала самую продвинутую лицевую анимацию, которая демонстрировала реалистичные моргания глаза и смещения основных мышц лица. Помимо всего прочего, в игре присутствовало около 20 концовок, игрок к которым приходил в зависимости от принятия различных решений, а также правильного прохождения QTE. Но самый главный аспект, который сделал игру всемирно известной, ради которой люди покупали игровую консоль Playstation 3, является уникальный эмоциональный опыт, который получал игрок на протяжении игры. Игрок вливался в жизни главных героев игры и ощущал их эмоции, что создавало глубокую связь между игроком и сюжетами игры. Heavy Rain является психологическим триллером и детективом про убийцу Мастера Оригами, который убивает детей и не оставляет следов. История крутится вокруг четверых персонажей: Итана Марса, чьего сына похищает Мастер Оригами; Мэдисон Пейдж, которая является журналисткой и расследует убийства; Норман Джейден, агент ФБР, нанятый полицией Нью-Йорка для поиска убийцы; Скотт Шелби, частный детектив, которого наняли матери жертв Мастера Оригами. На протяжении прохождения Heavy Rain игрока ставили в различные ситуации, в которых нужно было принимать решения: убить или помиловать человека, довериться персонажу или нет, нарушить закон или нет. Главный вопрос игры заключался в том, насколько далеко человек может пойти ради тех,

кого любит. Благодаря этим ситуациям игрок ставил себя на место персонажей и таким образом мог даже себя познавать.

После выхода этой игры небольшая студия Telltale Games также начала создавать игры подобного жанра, которые ориентированы на разветвления сюжета в зависимости от принятых решений игроком. Игры Telltale Games использовали те же механики, что и игры Quantic Dream, но они практически не поднимали никаких философских вопросов, поэтому игры данной студии были сугубо развлекательными. В 2012 г. студия Quantic Dream анонсирует игру Beyond: Two Souls, которая рассказывает историю Джоди Холмс, чья жизнь с самого начала была связана с неким духом по имени Айден. Игра рассказывает более 20 лет жизни героини. Глава студии Quantic Dream Дэвид Кейдж признался, что на разработку данной игры повлияла смерть его близкого человека, поэтому ему хотелось поразмыслить над вопросами о жизни и смерти. Beyond: Two Souls обладала более продвинутой графикой и анимацией, но была оценена критиками ниже, чем Heavy Rain по причине практического отсутствия разветвлений на протяжении игры, а также низкого качества сценария игры. За несколько месяцев до выхода игры Дэвид Кейдж участвовал в конференции разработчиков игр, в которой поднял тему того, что игры на данный момент являются сугубо развлекательным инструментом и не развиваются. Он сравнивает игры с кино по той причине, что фильмы изначально имели только развлекательную функцию, а потом фильмы стали снимать с целью донести какую-либо философскую мысль. Даже сейчас фильмы без какого-либо смысла оцениваются низко как зрителями, так и критиками. Таким образом, Дэвид Кейдж заявил, что в играх также можно рассуждать на различные темы, касающиеся современных людей, например, политика, жизнь, смерть, любовь, расизм, будущее планеты и технологии. Несмотря на низкие оценки игровых изданий Beyond: Two Souls по сравнению с Heavy Rain, множество игроков почувствовали сильную эмоциональную связь с игрой. Многие игроки писали лично Дэвиду Кейджу с благодарностями о темах, поднятых в Beyond: Two Souls.

Следующая игра, которая обрела мировую известность в данном жанре, является Life is Strange, рассказывающая историю девушки-школьницы Макс Колфилд, которая смогла предотвратить смерть своей подруги Хлои Прайс благодаря тому, что обнаружила в себе способность перематывать время. Сюжет игры схож с фильмом «Эффект бабочки», но Life is Strange стала популярной благодаря прописанным игровым персонажам, насыщенным и продуманным сценарием, а также правильным выбором целевой аудитории: молодёжи. В Life is Strange благодаря игровым ситуациям поднимались темы взросления, ответственности, самоубийства, а также унижения, что особенно актуально в наше время среди школьников и студентов. Многие игроки почувствовали сильную эмоциональную связь с главной героиней, которая действительно похожа на живого человека благодаря прописанному характеру и наличию различных недостатков. К слову, 30

августа 2017 г. вышел приквел к игре под названием *Life is Strange: Before the Storm*, который рассказывал историю жизни подруги Макс Колд Хлои Прайс в сложный период ее жизни, когда она потеряла собственного отца [4].

27 октября 2015 г. студия *Quantic Dream* представила свою новую игру под названием *Detroit: Become Human*. Сюжет рассказывает о Детройте 2038-го года, который стал одним из главных городов США, благодаря тому, что он является центром производства андроидов, которые полностью похожи на людей. Андроиды заменили множество профессий людей: учителей, сотрудников по уборке, строителей и т. д. Поэтому многие люди просто потеряли работу. Также со многими андроидами происходит эффект «очеловечивания» – они начинают себя самоосознавать и становятся «живыми» существами. Что чувствуют такие андроиды? Как жить людям в такое время? Что будет происходить в будущем? Именно на эти вопросы Дэвид Кейдж постарается ответить с помощью этой игры.

Таким образом, нами были выделены две формы существования «интерактивного кино». Первая – это кино с нелинейным сюжетом. Вторая – это компьютерные игры с одноименным названием. Если принимать во внимание развитие компьютерной графики и анимации, которое всегда напрямую влияло на увеличение кол-ва авторов, желающих создавать свои произведения в виртуальной реальности, то становится очевидно, что в ближайшее время большая часть всех интерактивных фильмов будет сделана в VR.

Список литературы

1. Кожанова В. Ю. Проблема рецепции медиатекста как фактор взаимодействия автора и читателя // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2010. № 4. С. 48–53.
2. Пучкова С. А. Книга-игра как жанровое явление [Электронный ресурс]. URL: <https://quest-book.ru/forum/topic/3877>
3. Ушаков Ю. В. Влияние игр жанра «Интерактивное кино» на мировоззрение игроков // Аллея науки. 2015. Т. 1, № 15. С. 631–635.
4. Кожевников И. Д., Меженин А. В., Бурлов Д. И. Интерактивные и нелинейные сюжеты в кино // Альманах научных работ молодых ученых университета ИТМО. Материалы XLVI научной и учебно-методической конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2017. С. 141–144.

УДК 316.79
ББК 87.472

Иванов Р. В., *Иркутск*

Этика искусственного интеллекта: рациональные решения и иррациональные основы

В статье рассматриваются этические вопросы создания и развития искусственного интеллекта, этические ограничения и перспективы взаимодействия искусственного интеллекта, основанного на рациональных, объективных принципах и иррационального сознания человека, основанного на свободе воле, эмоциях и принятии решений вопреки здравому смыслу.

Ключевые слова: этика; искусственный интеллект; этические ограничения; сознание.

Ivanov R. V., *Irkutsk*

Artificial Intelligence Ethics: Rational Decisions and Irrational Foundations

The article discusses the ethical issues of the creation and development of artificial intelligence, ethical limitations and prospects for the interaction of artificial intelligence based on rational, objective principles and irrational human consciousness based on free will, emotions and decision-making contrary to common sense.

Keywords: ethics; Artificial Intelligence; ethical restrictions; consciousness.

Технологии меняют всё в корне. Война эволюционирует и постоянно развивается. Как только человек создаёт новое оружие, так сразу появляется новый театр военных действий: земля, море, воздух, космос, виртуальное пространство...

В 1903 г. появился самолет для длительного полета, а в 1909 г. был создан первый бомбардировщик. 1 ноября 1911 г. во время итало-турецкой войны, итальянцы сбросили 4 бомбы весом 1,8 кг на турецкие войска в Триполи. И Вторая мировая война уже была не только на суши и в море, но и в небе, и в радиоэфире.

Теперь театром военных действий становятся космос и киберпространство.

Следующий уровень – использование искусственного интеллекта. Но не только его. Фактически речь идёт о технологических изменениях такой глубины, что меняются театры военных действий и даже философия войны, сложившиеся веками. И встают вопросы, которые ранее не вставали.

Есть и ещё одна особенность новых военных технологий, о которой говорят не так часто. Это так называемые не летальные виды вооружений. Они есть и у российских ВС, и у американцев. К примеру, направленные микроволновые излучатели, вызывающие невыносимую головную боль и потерю сознания, но не приводящие к смерти.

Нервнопаралитические газы, которые усыпляют противника. Более современные, чем те, что использовались при освобождении заложников во время теракта Дубровке в Москве в 2002 г.

Главный смысл этих технологий в устранении факторов, оправдывающих продолжение борьбы: месть, боль, унижение. Без смерти нет острой необходимости в отмщении. То есть эти виды вооружения в корне меняют

философию военных действий, трансформируют этику, меняют психологию. И это при том, что кровопролитие в нашем обществе имеет ритуальное значение. Не зря на протяжении веков войной занимались аристократы. «Отдать кровь» всегда было очень важно! Крайне сложно принять результат войны, которая прошла бескровно. Особенно поверженной стороне. То есть, вопросы этики, встают на первое место сразу за очередным технологическим прорывом.

И вот почти два месяца назад Владимир Путин предложил создать свод этических правил взаимодействия человека с ИИ, так как он становится новым фактором общественного развития. «Нужно найти баланс между максимальным раскрытием информации и правами людей на защиту этой информации там, где они считают, что эта защита должна быть обеспечена», – заявил Путин на конференции по ИИ AI Journey в Москве.

И 10 октября он подписал Указ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и национальную стратегию развития ИИ в России до 2030 года. В документе говорилось, в том числе, о разработке этики в области взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

Этические нормы для ИИ необходимы. Ведь суть подключения искусственного разума состоит в том, что анализируя огромные массивы данных, обучаясь у человека, он должен принимать решения. В условиях боевых действий – это вопрос жизни и смерти. В самом буквальном смысле. ИИ должен принимать решения. Например... С чем мы имеем дело – с базой террористов или большой мусульманской свадьбой? Наносить или нет удар по предполагаемому противнику? Летальные или не летальные виды вооружения использовать? То есть, вопрос относительно жизни людей будет принимать робот!

В случае неверного решения, кто будет нести ответственность?

Но этические нормы искусственного интеллекта нужны не только в оборонной отрасли. Кто будет нести ответственность за неверное решение ИИ, который управляет беспилотным автомобилем? Если авария, если пострадали люди? Владелец автомобиля, разработчик ПО, Илон Маск?..

Самыми сложными вопросами, возможно, сегодня станут не столько развитие технологий – они развиваются стремительно – сколько морально-этические, а следом и социально-правовые вопросы, дающие право и определяющие формат использования новейших технологий. Крайне сложные и неоднозначные вопросы, поскольку касаются, не винтиков и болтиков, не лазеров и взрывчатки, не физики и химии, а гуманитарной сферы – человека.

В современном виртуализирующемся мире человек сталкивается с рядом проблем, связанных с развитием искусственного интеллекта (ИИ), способного в той или иной мере принимать самостоятельные решения. Стоит задуматься об этических ограничениях, которые могут быть заложены в искусственные интеллектуальные системы при программировании. Способ-

на ли такая система брать на себя риски принятия ответственных решений и отвечать за них? Насколько она способна к развитию в этическом плане?

Рассуждать об этике ИИ, не допуская возможности принятия им различных решений и не затрагивая при этом вопрос о свободе воли, недопустимо. Если свести этику ИИ только к заложенным в его программу этическим ограничениям, то это будет не этика ИИ, а этические правила создания искусственных интеллектуальных систем (ИИС), необходимые при программировании.

Возникает множество вопросов, связанных с действиями в критической ситуации: можно ли спасти жизнь нескольких человек ценой жизни одного человека; нужно ли свернуть с дороги ради спасения пешехода или можно пересечь сплошную линию? Различные этические доктрины дадут разные ответы и приведут к созданию разных стандартов и последующей сертификации ИИС.

На мой взгляд, разработка жестких этических стандартов для всех ИИС будет означать, что никакого дальнейшего развития ИИ не будет. Если же проводить анализ с целью «научения машины», разъяснения, какие особенности отдельной ситуации не были учтены, задача приобретет гораздо более широкий смысл. Допуская такой тип отношений человека с ИИ, «мы уже должны допустить в деятельности искусственного интеллекта некоторую степень неопределенности, сходную с понятием свободы воли» [1].

Также стоит рассмотреть вопрос свободы воли у человека, наличие которой подвергается сомнению в некоторых современных исследованиях. Анализируя разные формы отрицания свободы воли у человека и стремясь разрешить эту проблему. Я принимаю теорию эмерджентной причинности, т. е. представление о том, что одни нейронные сети могут управлять другими и это позволяет интерпретировать идеальное на основе материального [2]. При этом эмерджентную причинность стоит рассматривать в связи с известной теорией тождества.

В работе мозга представлены не только чувственные реакции, но и пути этих реакций, связанных с особыми эмоциями человека. Эмоциональный настрой человека важен даже при совершении им логических операций или решении математических задач, так как в этом случае обеспечивается сосредоточение ресурсов и включение в процесс дополнительных нейронных сетей.

Сравнивая способы переработки информации человеком и современной машиной с ИИ, можно выявить следующее. Если машина просто перебирает заложенную в нее информацию, то человек способен ее классифицировать как важную и не важную и находить более быстрый путь решения проблемы, освобождая себя от анализа незначимой информации. Кроме того, человек обладает большей способностью ассоциативного мышления. Однако с точки зрения усвоения внешней информации ИИ имеет огромные возможности, но это зависит от параметров, заложенных в машину программистом. Для того чтобы самостоятельно создавать качественные харак-

теристики, ИИ должен иметь собственный феноменальный опыт. Этот опыт можно охарактеризовать как порожденный поэтапным осмыслением развития нашего тела и нас самих в конкретных жизненных ситуациях, конечно, при учете влияния общего культурного фона [3]. Такой опыт наделяет образы сознания субъективным смыслом и эмоциональным отношением, которое присутствует и тогда, когда эти образы извлекаются из памяти. Например, когда человек смотрит фильм или пьесу, он сопереживает героям, отражает в образах, представленных в нейронных взаимодействиях, то, что происходит на сцене. Однако «не только в игре образов мы опережаем события, хотим, чтобы они разворачивались в желаемом нам направлении». Это придает образам состояние «квалио», в котором они всегда связываются с эмоциональными реакциями.

Феноменальный опыт не менее важен, чем рациональное рассуждение, потому что с ним связана классификация событий. Сознание принципиально не может существовать без тела, причем телом, постадийно развивающегося, и без постоянной коммуникации субъекта, обладающего телом, с другими субъектами. Из этого следует закономерный вывод: чтобы создать ИИ, обладающий какими-либо аналогами человеческого сознания, «необходимо создать самопорождающее себя сообщество машин или роботов, способных вступать в коммуникации с другими роботами и проходить разные стадии развития.

Возвращаясь к теории эмерджентной причинности, можно сказать, что мозг работает по принципу взаимосвязи сетей разного уровня, которые, наиболее вероятно, непостоянны, подвижны, подчинены определенным функциям и в принципе не имеют единого управляющего центра. Для решения какой-либо задачи подключаются новые ресурсы, создаются новые нейронные связи. На это способен в принципе и компьютер.

Однако компьютер не обладает телом, без которого невозможен феноменальный опыт. А именно он, по мнению автора, придает образам сознания статус «квалио», без которого оказывается невозможным «обратное влияние того, что производится сознанием, разыгрывается в сигналах головного мозга в связи с предположениями о будущих состояниях реальности и наших возможных действиях. Оказывается также невозможным и «преобразование этих состояний в смысле соотнесения их с нашими собственными состояниями, т. е. эмерджентная причинность [4].

На основе изложенного можно заключить, что идеальное, иррациональное не абсолютно противоположно материальному, но связано с некоторыми перечисляемыми им уровнями рефлексивного отношения. Свобода воли заключена:

1) в произвольной модельно-творческой активности мозга – это условие ориентации на основе идеальных образов, так как мозг перерабатывает разные варианты и выбирает из них наилучшие;

2) в том, что отбираемые управляющей инстанцией решения не являются окончательными, так как мозг продолжает работать и после свершив-

шегося события; он продуцирует ответы, которые могут быть учтены в будущем (приводится пример, когда наиболее удачные ответы оппонентам приходят после окончания дискуссии); мозг может ошибаться, поэтому принципиальная возможность ошибки лежит в основании свободы воли;

3) в том, что свобода воли связана с саморефлексией; человек ответствен за свой характер, у него есть возможность размышлять над своим поведением и своими склонностями и, если необходимо, бороться с ними. С наличием свободной воли человека связано понятие моральной и правовой ответственности.

В связи с этим можно ставить вопрос о том, насколько все это можно отнести к ИИ. Даже если речь идет об элементарных формах человекоподобного ИИ, в него должны быть заложены параметры, без которых говорить о его этике в собственном смысле слова невозможно, а именно [5]:

- произвольная игра образами;
- критерии выбора оптимальных решений вместе со встроенными этическими ограничениями (например, такими, как законы Азимова, ответственность перед человечеством в целом);
- возможность оценки степени риска при опоре на разные теоретические концепции;
- феноменальный опыт;
- принципиальная возможность ошибки и связанная с этим рефлексия – обобщение прошлого опыта;
- возможность реакции на случайные события;
- коммуникации – сеть машин, обладающих взаимными ожиданиями;
- аналог нравственных переживаний, связанных с оценками других.

Самым сложным вопросом является точное различие ситуаций и возможность реакции на непредвиденные события. И здесь важным аспектом выступает именно социальная ответственность бизнеса, способствующая развитию ИИ в различных сферах [7]. При создании автоматически управляемых автомобилей выходом из затруднений может стать запрет ручного пилотирования на трассах, где машины будут водить роботы. Завершает статью ответ автора на извечный вопрос о возможности войны машин против человечества и вытеснения живых людей роботами. Автор полагает, что такие опасения беспочвенны. У машин не больше оснований начать войну против людей, чем у людей начать войну друг против друга. И даже если будет создано нечто подобное цивилизации роботов, они, скорее, станут использовать естественно развивающуюся цивилизацию как ресурс для совершенствования собственных способностей. Более вероятный сценарий, по мнению автора, – параллельное развитие двух цивилизаций.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.

2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор . 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 40–48.
4. Иванов Р. В. Свобода в виртуальном мире: иллюзия или реальность // Трансгрессия социокультурного пространства : материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, 2017. С. 56–60.
5. Иванов Р. В. Толерантность в виртуальной среде // Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 131–136.
6. Разин А. В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. Вып. 1 (90). С. 57–73.
7. Аносов С. С. Социальная ответственность бизнеса: условия для консолидации // Социология. 2020. № 3. С. 69–82.

УДК 316.79
ББК 87.472

Пружинин А. Н., *Иркутск*

Иррационализация новых медиа в цифровой культуре

В статье рассматриваются объективные и иррациональные условия становления новых медиа в цифровой культуре. Рассматривается на примере контент-анализа научных статей, посвященных искусственному интеллекту в передовых мировых журналах, какие идеи, концепции и законы стали основополагающими в современных образах и формах использования искусственного интеллекта в современном мире.

Ключевые слова: искусственный интеллект, иррационализация, новые медиа, мыслящая машина, научные дискуссии, технологические мифы.

Pruzhinin A. N., *Irkutsk*

Irrationalization of new media in digital culture

The article examines the objective and irrational conditions for the formation of new media in digital culture. It is considered, using the example of content analysis of scientific articles on artificial intelligence in leading world journals, which ideas, concepts and laws have become fundamental in modern images and forms of using artificial intelligence in the modern world.

Keywords: artificial intelligence, irrationalization, new media, thinking machine, scientific discussions, technological myths.

В русскоязычной традиции есть два схожих термина: «СМИ», т. е. «средства массовой информации», и «СМК» – средства массовой коммуникации. Первый термин описывает систему средств общественной передачи информации при помощи разных технических средств. Второй включает идеологическую составляющую: термин появился в 1920-е годы для обозначения новых форм массовой коммуникации, таких как постеры, радио и кинематограф. В этот же период появилось убеждение, что средства массовой коммуникации могут производить сообщения, которые воздействуют на массовое сознание путем убеждения или пропаганды. В английском языке

используются несколько другие термины: mass communication («массовая коммуникация») включает самые разные виды передачи информации большому количеству людей и целым социальным группам, например рекламу и пиар.

Иными словами, в английском языке понятие «массовая коммуникация» более ориентировано на виды и формы передачи сообщения; однако так же, как и русский термин «СМК», «массовая коммуникация» обязательно включает фактор воздействия на мнение людей, например за счет создание повестки дня (agenda setting), когда людей не столько заставляют думать определенным способом, сколько вынуждают думать об определенных фактах и событиях, включенных в повестку, и не думать о тех, которые остались в стороне от нее. На мой взгляд, термины «СМИ», «СМК» и «массовая коммуникация» описывают медийную ситуацию до появления сети Интернет, когда информация распространялась из единого центра множеству потребителей.

В настоящее время – когда коммуникация происходит по принципу «все для всех» (many to many) или, наоборот, в рамках частных каналов связи, таких как Snapchat, когда сообщение удаляется через несколько секунд после прочтения, т. е. невозможна или является нежелательной дальнейшая ретрансляция сообщения, – прежние представления о средствах массовой коммуникации и их воздействии кажутся неуместными. Еще больше путаницы с термином media: с одной стороны, он обозначает все существующие виды передачи информации, такие как рекламные медиа, социальные сети, записывающие устройства и т. д. С другой – термин media обозначает саму технику исполнения сообщения, т. е. подчеркивает материальный характер носителя информации: гуашь, целлулоид, цифровой код и проч.

В последнее время в связи с процессом конвергенции разных типов коммуникации, например объединение телевидения и социальных сетей, термин media стал использоваться в еще более широком контексте для обозначения структур, пространств и каналов, в которых создаются новые смыслы. Так, например, онлайн-игры можно обозначить термином «средства массовой коммуникации», так как они позволяют передавать сообщения между большими группами участников. Понятие media – в его первом смысле – описывает средства построения игровых условий в компьютерных играх, а во втором – дает представление о том, как строятся, функционируют и разрушаются пространства человеческого взаимодействия на базе цифрового кода. В настоящей работе я использую термин «медиа» в значении среды (ecology) производства и существования культурного смысла. Соответственно, я пытаюсь показать конфликт между Сорокиным и государством как конфликт разных представлений о медийной сфере современности, как конфликт media и СМИ.

Действительно, с 2010 г. российское правительство внедрило десятки законов, регламентирующих способы коммуникации: во всех документах главным является термин «СМИ»: к этой группе были причислены блогеры,

агрегаторы новостей и так далее (см., например, обсуждение закона о блогерах, о новостных агрегаторах и, наконец, «пакет Яровой»). Вместо того чтобы расширить само представление о современной медийной практике, правительство по-прежнему представляет и регулирует новые медиа в категориях старых медиа (я сделал такое предположение десять лет назад; в этом смысле меня удивляет статичность и предсказуемость поведения российского правительства в области СМИ). В этом проявляется политическая недалекость современного руководства и его ориентированность на традиционные формы экономики, т. е. добычу и экспорт полезных ископаемых, но никак не на развитие символической и цифровой экономики XXI века.

Сорокин очень рано заметил «зацикленность» такого типа мышления, культурного регулирования и материального производства: в романе «Голубое сало» клонирование первых руководителей Советского государства, а также радости анального секса, которому предаются персонажи, являются метафорой такого рода восприятия новой медийной действительности. Для того чтобы проанализировать конфликт между разными формами культурного производства, медиа и дискурса (два вида постмодернизма), которые представлены фигурами Сорокина и российского правительства, я разбираю современные теории медиа и интермедийности в контексте творчества Сорокина (часть 1). Затем я попытаюсь осмыслить медийные скандалы, вызванные публикацией романа Сорокина «Голубое сало», которые, на мой взгляд, стали первым симптомом построения нового биополитического порядка в России в 2000-е гг. (часть 2).

Наконец, в 3-й части мы обращаемся к одному из самых последних проектов Сорокина – выставке его живописных работ на биеннале современного искусства в Венеции, – для того чтобы проанализировать логику новой культурной практики в ее постмедийной, т. е. пост-СМИ и пост-скандальной стадии. Последняя часть также играет роль заключения. Мои размышления основаны на анализе произведений Сорокина (романы, живопись, фотографии, публикации в СМИ) и медиадискурса. Для этого путем использования поисковых слов и комбинаций была проведена выборка публикаций в русскоязычных СМИ. Интервью с журналистами и медиапрактиками также позволили реконструировать медиа-дискурс начала 2000-х гг.

Новые медиа конструируются в том числе и за счет социальных представлений и общественных ожиданий, которые сопровождали становление и развитие технологий, связанных с созданием искусственного интеллекта (ИИ) в 1950-е – начале 1970-х годов. Популярны социальные (и научные) иллюзии той эпохи по поводу потенциала и перспектив ИИ с точки зрения их конструирования и характера распространения в обществе аналогичны фантазийной футурологии, которая отличает восприятие новейших цифровых технологий и оптимистические научные и гуманитарные прогнозы наших дней.

Поэтому для интерпретации цифровой культуры III тысячелетия в рамках нового научного направления, получившего название *new media studies*, будет полезна реконструкция заблуждений и ложных надежд, сопровождавших первые шаги в истории ИИ. Такая реконструкция и составляет основное содержание настоящей статьи, фокусом которой выступает технологический миф (ТМ) о «мыслящей машине» как воплощении ИИ.

Содержательный анализ этого мифа и ключевых паттернов его конструирования в середине прошлого столетия имеет самое непосредственное отношение к адекватной интерпретации социальных и научнопопулярных представлений о возможностях и перспективах новых медиа (Интернет, персональный компьютер, смартфон и т. д.).

В основу исследования положены результаты контент-анализа статей об ИИ, которые в 1950–1970-х гг. публиковались в авторитетных англоязычных журналах *Scientific American* (SA) и *New scientist* (NS). В ходе исследования были выявлены следующие паттерны конструирования мифа об ИИ как мыслящей машине:

а) повторяющиеся аналогии и дискурсивные повороты, посредством которых идеи и понятия, заимствованные из других областей знания, менялись при описании ИИ, его функций и связанных с ним технологий;

б) риторическое использование будущего как временного и пространственного локуса, где будут преодолены ограничения и исправлены недостатки, присутствующие в настоящем;

в) научные споры и дискуссии, характерные для раннего этапа компьютерной истории, которые следует рассматривать в качестве неотъемлемой части дискурса, воплощавшего миф об ИИ как мыслящей машине.

Последний пункт имеет ключевую роль и значение, поскольку, дискуссии специалистов и взаимоисключающие научные концепции являются одним из основных катализаторов конструирования и социального распространения ТМ любого рода (в том числе в рамках современной цифровой культуры) [6].

Предпринятое исследование должно способствовать более глубокому пониманию поворотных моментов в истории ИИ и причин, которые обеспечили социокультурное влияние и устойчивость в западном обществе связанных с ним иллюзий и фантазий. А также предпринятое нами качественное эмпирическое исследование подготовит почву для «радикального пересмотра всей истории ИИ», прежде всего упрощенческой идеи о том, что миф о мыслящей машине – как плод дилетантских суждений и обыденных представлений – был развенчан посредством пропаганды научно обоснованных прогнозов и демонстрации реального потенциала ИИ его создателями и разработчиками.

Благодаря именно публикации ведущих специалистов, обеспечили содержательное наполнение ТМ о мыслящей машине и способствовали широкому хождению социальных фантазий, касавшихся перспектив ИИ, в пер-

вые десятилетия его истории. Переходя к обсуждению термина «технологический миф», стоит подчеркнуть целесообразность использования этого понятия для осмысления процессов научно-технического развития.

Мифология модерна – это, по сути, культурная идеология эпохи, которая помогает современному человеку урегулировать свои отношения с им же созданной техникой. Много позже известный канадский социолог Винсент Моско в качестве главной функции современных мифов назвал социальную трансценденцию, обеспечивающую выход за пределы повседневности и рутины [5]; средствами подобной трансценденции в наши дни служат Интернет и цифровые технологии.

Мы согласны с Моско в том, что природа ТМ, их функционирование в обществе и социальная популярность никак не соотносятся с тем, соответствует ли их содержание действительности или нет. Другими словами, к ТМ неприложим критерий истинности/ложности; такой миф «либо жив, либо мертв». Поэтому социологический анализ ТМ должен принимать во внимание совсем иные его параметры, а именно его социокультурную эффективность и способность рассказать о культурном контексте, его породившем.

С учетом сказанного, считаю необходимо применять к анализу любых ТМ «принцип симметрии», заимствованный из истории и социологии науки: один и тот же круг причин может обуславливать как истинные (соответствующие реальности), так и иллюзорные (эту реальность искажающие) верования и образы. Популярность и социальное влияние ТМ мы связываем с их нарративной природой. Следуя повторяющимся повествовательным паттернам, ТМ воспроизводятся в социальном воображении и циркулируют в самых разных общественных контекстах. Содержащиеся в них нарративные тропы (образные выражения, фигуры речи, аналогии, ассоциативные связи) опосредуют презентацию и репрезентацию ТМ и, тем самым, воображаемых функций и возможностей зашифрованных в них новых технологий. Многие условия и позиции, применяемые к ИИ, зародились через призму иррационального восприятия реальности [1–3].

История ИИ изначально сопровождалась мифом об «ужасной и загадочной мыслящей машине», интеллектуальный резерв которой практически неисчерпаем и во много раз превосходит возможности человеческого мозга. Именно такой фантастический образ ИИ нарисовала американский социолог Диана Мартин, руководствуясь результатами проведенного ею в 1990-х гг. эмпирического исследования с привлечением данных опросов и контентанализа научно-популярных изданий за 40 лет компьютерной истории. Мартин утверждала, что социальные фантазии по поводу мыслящей машины возникли и распространились в американском обществе вследствие «некорректных метафор» и «технических преувеличений», наводнявших американские СМИ.

Как оказалось, этот образ ИИ как в позитивном, так и в негативном вариантах его оценки, сохранял свое влияние в США и в 70-е и в начале 90-х гг. прошлого столетия, когда компьютер стал привычным атрибутом

рабочего места. Отдавая должное пионерской работе Д. Мартин, мы предлагаем рассмотреть несколько иной аспект проблемы ИИ, а именно роль научной и научно-популярной периодики в формировании данного ТМ среди самих теоретиков и творцов мыслящей машины.

Для этого необходимо выйти за пределы профессиональной компьютерной субкультуры и проанализировать те публикации специалистов по ИИ, которые предназначались для самой разной аудитории – ученых и инженеров смежных специальностей, дилетантов, интересующихся новинками технической мысли, и просто широкой публики. Именно поэтому в качестве эмпирической базы были выбраны 100 наиболее релевантных статей из SA и NS, посвященных проблемам кибернетики, операциональных исследований, системной теории и компьютерной лингвистики.

Мы использовали методологические приемы историка медиа К. Марвин, которая документально, со ссылками на газетные и журнальные публикации, показала совокупную роль самых разных групп специалистов (от ведущих ученых и инженеров-практиков до технического персонала почтовых отделений) в конституировании и популяризации социальных представлений, касавшихся новых технологий конца XIX в.

Как говорилось выше, контент-анализ статей из SA и NS выявил ряд шаблонов, определивших формирование и широкое хождение в западном обществе прошлого столетия ТМ о мыслящей машине. Одним из таких шаблонов стала практика многократного использования в публикациях об ИИ концепций и понятий, заимствованных из других областей знания (биология, психология развития, детская психология, теория научения). Исходной точкой подобных заимствований была образная, а затем и прямая аналогия между компьютером (вычислительной машиной) и человеческим мозгом (биологическая структура).

На страницах SA и NS в 1950–1960-е годы регулярно печатались статьи, в которых машина как носитель ИИ наделялась способностью имитировать работу человеческого сознания; более того, стоит всерьез задаваться вопросом, осознают ли разработчики компьютерных программ, что их детище копирует структуры их собственного мозга. Распространена была и обратная тенденция – уподобление ментальных функций человека операциям вычислительной машины.

Отождествление ИИ с биологическими структурами мозга имело своим продолжением обсуждение возможности эмоционального отклика со стороны мыслящей машины: может ли компьютер чувствовать? Позднее ставился даже вопрос о разработке алгоритмов научения для решения искусственным интеллектом тех или иных задач (по аналогии с обучением и развитием детей путем проб и ошибок). Результатом этих и подобных им дискурсивных поворотов и риторических практик в отношении феномена ИИ явилось стирание грани между человеческим мозгом и ЭВМ и создание пространства общего знания, или разделяемого понимания, объединявшего специалистов разного

профиля (кибернетиков, математиков, логиков, лингвистов, программистов, инженеров и операторов), работавших в области ИИ. Это общее понимание создавало предпосылки для самых смелых фантазий и будоражащих воображение футурологических прогнозов в отношении ИИ, которые подготовили второй, не менее важный паттерн конституирования релевантного ТМ.

Исследователи, занимающиеся историей техники, обращают внимание на тот факт, что дискурс, устремленный в будущее, очень часто способствует смещению исследовательского внимания и фокуса социальных представлений с проблем настоящего к светлым горизонтам грядущего. В сфере ИИ футурологическое прожектерство, в которое оказались вовлечены ученые, инженеры, журналисты и широкая публика, служило гарантом того, что обнаружившиеся несовершенства электронного мозга в будущем компенсируются его неисчерпаемыми интеллектуальными возможностями.

На фоне первых успехов в разработке ИИ его создатели – теоретики и практики, – а также освещавшие эту тему журналисты обсуждали самые радужные перспективы в отношении ЭВМ: обучение мыслящей машины решению шахматных задач (что позволит проникнуть в тайны функционирования головного мозга); создание с помощью ИИ надежных прогнозов в самых разных сферах социальной жизни (наземный и авиатрафик, логистика, геопрогнозы); частичная замена человеческого интеллекта машинным в некоторых сферах деятельности (сельское хозяйство, фармацевтическая и химическая промышленность и даже мир высокой моды).

В конце концов, прогнозы по поводу ИИ «покинули орбиту настоящего и устремились за горизонты будущего», вытеснив тем самым на некоторое время задачу скрупулезной проверки достигнутых результатов. В 1970-е годы золотой век компьютерной истории сменился «резким похолоданием». В специальной литературе и обыденных представлениях до сих пор доминирует мнение о том, что скепсис и полемика вокруг феномена ИИ обозначились именно в годы упадка и разочарований в этой сфере научной и инженерно-технической практики.

Но контент-анализ публикаций в SA и NS свидетельствует, что споры вокруг ИИ возникли вслед за первыми очевидными успехами на поприще создания электронного мозга. С самого начала ученые и практики, в том числе и те, кто непосредственно занимался разработкой ИИ, высказывали достаточно здравые критические соображения, которые касались как чисто технических трудностей создания интеллекта, превосходящего своим потенциалом человеческий, так и этических соображений по поводу замены человеческого мозга его компьютерным аналогом. В этом отношении история ИИ сопоставима с другими научными контекстами, опосредованными высоким накалом полемических страстей, которые сопровождали успех либо фиаско нетрадиционных областей знаний (например, парапсихологии).

Мы солидарны с теми историками науки, которые считают дискуссии и противостояние теоретических моделей и концепций катализатором разви-

тия новых научных направлений, во-первых, и фактором создания соответствующей научной и околонуучной аудитории, поддерживающей в обществе незатухающий интерес к спорному предмету – во-вторых.

Таким образом, дискуссии и критические замечания в адрес ИИ не являлись исключительным следствием разочарования специалистов и дилетантов в возможностях электронного мозга; они составляли важную часть «социального хайпа» середины прошлого столетия и плавно переключались в дискурсивный контекст «холодной зимы» начала 1970-х годов [5].

Стоит привести в пример научно-технические и философские иллюстрации присутствия в современной цифровой культуре ТМ об ИИ, которые «находят самые неожиданные и удивительные способы своего проявления» в III тысячелетии [6]. К свидетельствам культурной устойчивости этого мифа можно отнести социальные ожидания, связанные с образами новейшего мощного компьютера и Всемирной паутины, что в совокупности обеспечивают или, по крайней мере, обещают новый – глобальный – тип взаимосвязи между людьми, а также торжество коллективного (общечеловеческого) интеллекта. Научно-технический аспект подобных ожиданий на рубеже XX–XXI вв. нашел отражение в увлечении «экспертными системами» и в принятых японскими, а позднее американскими и британскими учеными попытках создания интеллектуальных машин «пятого поколения», которые окончились неудачей; сюда же относятся и работы в области создания искусственных нейронных систем (коннекционный ИИ).

Философским воплощением социальных фантазий, сопряженных с феноменом ИИ, выступает трансгуманизм, предполагающий небывалое расширение горизонтов человеческого бытия и изменение общегуманистического порядка благодаря развитию цифровых технологий. К разряду философских спекуляций, связанных с новым имиджем ИИ, принадлежит и теория технологической сингулярности, которая постулирует радикальный цивилизационный сдвиг вследствие объединения интеллектуального потенциала мыслящих машин нового поколения с ментальными способностями человека.

Наиболее радикальные философские прогнозы, получившие название апокалиптического ИИ, расценивают потенциал последнего как благодатную почву для воплощения религиозной мечты об абсолютной чистоте, совершенстве и бессмертии, которые «ознаменуют собой победу компьютерного интеллекта над силами косности и невежества» и приведут к «компьютерным небесам обетованным» [7].

В более сдержанных формах старый миф об ИИ находит отражение в философской идее сетевого коллективного разума («сетевой ИИ»), где интернет выступает высшей стадией развития межчеловеческих взаимосвязей и коммуникации человека и машины. В этом контексте Всемирная паутина олицетворяет собой «глобальный мозг», или «коллективный гиперкортекс» [4]. В конечном счете, «технологические мифы, такие как трансгуманизм и сингулярность, которым принадлежит ведущая роль в дискуссиях о цифро-

вых медиа и культуре, в значительной мере заимствуют свое содержание и амбициозные притязания из дискурса 1940–1970-х гг., сопровождавших первые этапы работы по созданию ИИ» [4]. Более того, процесс конституирования и распространения ТМ III тысячелетия следует тем же ключевым паттернам, что и 50 лет назад, облегчая тем самым задачу их содержательного и функционального анализа.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор . 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 40–48.
4. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / пер. с англ. А. В. Гасилин. М. : РИПОЛ классик, 2019. 384 с.
5. Delborne J. A. Constructing audiences in scientific controversy // Social epistemology. Abingdon, 2011. Vol. 25, N 1. P. 67–95.
6. Mosco V. The digital sublime: Myth, power and cyberspace. Cambridge (MA) : MIT press, 2004.
7. Natale S., Ballatore A. Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of artificial intelligence // Convergence: The international j. of research into new media technologies. Luton, 2017. June 20. P. 1–16.

УДК 316.346.32-053.6:004.738.5

ББК 60.55:32.97

Бардамова Я. Ю., Маркова Е. А., Гуринович Л. А., *Иркутск*

Феномен интернет-мема в виртуальном пространстве сети Интернет

В статье рассматривается понятие интернет-мема как одного из средств виртуальной коммуникации, его влияния на поведение и культуру молодежи. Изучен вопрос происхождения термина, а также вопрос становления интернет-мема как виртуальной единицы интернет-культуры. Выявлены особенности использования и создания феномена, отличительные и схожие черты интернет-мема в разных языковых культурах. Определены функции мемов в виртуальном пространстве сети Интернет. В заключение рассматривается проблематика отрицательных и положительных сторон этого культурного течения.

Ключевые слова: интернет, мем, виртуальное пространство, социальная коммуникация, молодежь, интернет-мем.

Bardanova Y. Y., Markova E. A., Gurinovich L.A., *Irkutsk*

The phenomenon of the Internet meme in the virtual space of the Internet

This article examines the concept of an Internet meme as one of the means of virtual communication, its influence on the behavior and culture of young people. The question of the origin of the term, as well as the question of the formation of an Internet meme of a virtual unit of Internet culture, is studied. Features of the use and creation of the phenomenon, distinctive and similar features of the

Internet meme in different language cultures are revealed. The functions of memes in the virtual space of the Internet are defined. In conclusion, the problems of negative and positive aspects of this cultural trend are considered.

Keywords: Internet, meme, virtual space, social communication, youth, internet-meme.

Вовлеченность человека в виртуальное пространство сети Интернет привело к исследованию психологической проблемы современности феномена интернет-зависимости, интернет-аддикции. Феномен чаще всего встречается среди подростков цивилизационных стран. Эта проблема возникла с массовым распространением электронных средств коммуникации. Электронная социальная коммуникация приводит к существенным изменениям не только общения между людьми, но и в организации социального, политического и экономического пространств. Социальная коммуникация обеспечивает социальную связь, и изменения форм первой ведет к изменению форм организации общества в целом.

Мы привыкли думать о том, что распространение электронных форм коммуникации, в конечном счете, должно привести к новому «информационному обществу». Но, к сожалению, вместо нового информационного общества, мы чаще видим такие явления как информационное заражение, киберпреступность, социальное отчуждение, медиавирусы, распад нуклеарной семьи, закат книжной культуры. Все эти последствия чаще всего отражаются на молодом поколении. Все больше подростков сидят в интернете и «создают контент», забывая о других более значимых потребностях, к примеру, невербальное общение. Данный образ жизни молодого поколения отрицательно сказывается на развитии навыков общения, которые впоследствии отражаются на сохранении коллективной жизни и на межпоколенческом диалоге.

Сейчас в виртуальном пространстве сети Интернет набирает обороты такое социальное явление, как «мем». Оно набирает обороты популярности у молодого поколения и становится трендовым в эпоху XXI века, так как в точности иллюстрирует поведение информационных объектов.

Впервые понятие «мем» было зафиксировано в труде оксфордского ученого Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» в 1976 г. Однако в его интерпретации это понятие не имело ничего общего с современным юмористическим подтекстом, Ричард охарактеризовал свой термин как «культурную единицу информации», которую он связывал с размножением и генетикой. Эта единица информации рассматривалась им не как новостная идея передачи произошедших событий, а как информация, заложенная в наших генах, и ее последующая передача, и трансформация. Как уже известно, со временем термин, как и все в мире, искажается и придает совершенно новую форму в качестве средства сетевого общения и информационного искусства. Он приобрел разветвления, появилось новое понятие «интернет-мем», которое стало функционировать как юмористическая единица информационного искусства.

В современном мире виртуального пространства, в котором привычные нам новостные средства эволюционируют, мем становится особой формой

реакции интернет-пользователей на то или иное событие. Это и есть одна из ведущих особенностей этого феномена, такая подача информации позволяет охватить большую аудиторию и найти отклик у молодого поколения, которого чаще всего интересует именно развлекательный контент.

Еще одной чертой интернет-мема является его адаптивность к условиям той или иной языковой культуре или к группе молодежной субкультуры. Как правило, общей чертой у разных языковых народностей чаще всего являются ссылки на цитаты и образы политических деятелей, к примеру, в русскоязычном пространстве был особенно популярен мем с участием бывшего премьер министра Российской Федерации – Дмитрия Анатольевича Медведева «Денег нет, но вы держитесь», это прямая цитата Дмитрия Анатольевича на одной из встреч в Крыму, которая вызвала бурную реакцию у представителей молодежи и поэтому впоследствии стала предметом для обсуждения и интернет-мемом. Также в группу политических интернет-мемов входят упоминания самих государств и произошедших в них событиях. Есть ряд других общих тематик для обсуждения и создания мема, в основном обсуждаемые темы затрагивают общую проблематику молодого поколения вне зависимости от языковой принадлежности, например, семейные отношения или так называемый конфликт поколений, сюда же входят и полемики на тему полового или расового превосходства, как правило, подобная форма интернет-мема порождает реальные конфликты среди пользователей сети.

В своем исследовании мы бы хотели определить влияние интернет – мемов на сознание молодого поколения. Но прежде, чем приступить к данному анализу, необходимо выделить функции интернет-мемов: выражение мыслей, межличностное воздействие, поднятие настроения, иллюстрация новостного контента.

Мем, как и любой культурный феномен, имеет свои недостатки: использование ненормативной лексики, наличие «непристойного характера», продвижения различного рода пропаганд, поддержание развития клипового менталитета [5].

Современный мир использует мем как общественный и политический инструмент или как средство коммерческой и социальной рекламы. То есть мы можем заметить, что мем становится неотъемлемой частью жизни. С его помощью мы можем поднять себе настроение, узнать о новых политических и культурных событиях или заметить рекламу нового продукта. Но интернет-мемы имеют и отрицательные качества. Многие исследователи считают, что мемы являются информационным мусором, который загрязняет просторы виртуального пространства сети Интернет. Эти медиавирусы передаются от человека к человеку, и становятся все более неистребимыми.

Современные подростки, в силу ряда причин находятся в относительно новых социокультурных условиях опосредствованной коммуникации и представляют группу риска в аспекте возникновения зависимого от интернета поведения [6].

Несмотря на общую схожесть и проблематику создания мема, у каждой культуры есть отличительные особенности обозревания этого феномена. Так, на русскоязычном пространстве имеют популярность литературные мемы с ссылкой на то или иное произведение или персонажа из него и его сходством его поведения с реальной личностью. Эта черта иллюстрирует начитанность и заинтересованность молодежи в данном аспекте интересов. Также одной из положительных черт русскоязычного мема является наличие самоиронии, в некотором смысле такой смехотворный подход помогает справиться с внутренними недостатками. Что же касается англоязычного пространства, то наибольший интерес проявляется к темам той же самой политики, религии или дискриминации и разрушению установленных стереотипов, что наиболее наглядно показывает популярность принятия недостатков и такого движения как «бодипозитив».

Однако, в использовании интернет-мемов есть и другая сторона, которая имеет более жесткий характер и явно переходит за черту безобидного юмора. У этой стороны интернет-мемов существует соответствующее название – «Черный юмор», в котором имеют место шуточное обесценивание смерти, дружбы или явное высмеивание генетических заболеваний. Подобные интернет-мемы имеют не малую популярность в сети и несут аморальный характер, тем самым «загрязняя» сетевую среду.

Интернет-мемы формируют в сознании молодого поколения определенные стили мышления. При бесконечном просмотре новостной ленты в социальных сетях, где большую часть занимают мемы, мы, сами того не замечая, даем оценку определенными событиями. К примеру, мы можем взять тему коронавируса, опасность которого тревожит весь мир с конца 2019 года. Эта пандемия вызвала бурную реакцию всего мира, и пользователи сети не остались в стороне. Некоторые мемы показывают всю опасность этого вируса, другие же высмеивают эту ситуацию, не воспринимая всю опасность заболевания. Конечно, каждый вправе сам выбирать к какой группе он себя относит и какие мемы у него вызывают смех. Таким образом, интернет-мемы не только влияют на формирования сознания молодежи, но и помогают идентифицироваться молодому поколению, определить свое место в мире. Однако не стоит забывать о том, что мемы способны управлять нашим сознанием и при правильном их использовании они могут положительно повлиять на сложившиеся культурные ценности и манеры поведения.

Список литературы

1. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 87–92.
2. Зыкова Н. Е. Мем как инструмент молодежной политической коммуникации: способ идентификации или средство манипуляции? // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность. Екатеринбург, 2017. С. 203–207.
3. Леушкин Р. В., Балаклеец Н. А. Проблемы становления информационного общества: информационное загрязнение и медиазаражение // In memogram: Георгий Федорович миронов : сборник. Ульяновск, 2019. С. 120–124.

4. Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10, № 4. С. 109–113.
5. Ляхова Ю. А., Эверт Е. А. Влияние интернет-мемов на социокультурное развитие молодежи // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Кемерово, 2019. С. 37–40.
6. Мустафаев С. М. Особенности невербальной коммуникации подростков с признаками интернет-зависимости // Научный часопис НПУ імені МП Драгоманова. Серія 12: Психологічні науки. 2013. № 40. С. 306–310.
7. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81).

УДК 070
ББК 67.54

Боева Г. Н., Санкт-Петербург

Опыт соучастия: об одном интеллектуальном сетевом сообществе

Опыт работы одного из досуговых сетевых сообществ по интересам (интеллектуальный клуб «Чеховь», Санкт-Петербург) на платформах *Instagram* и *Vkontakte* интерпретируется в контексте культурных практик повседневности и «культуры соучастия» (Г. Джекинс). Прослеживаются этапы зарождения клуба, его позиционирование, целевая группа, форматы взаимодействия. На примере данного сетевого сообщества показывается, что ценности эпохи постграмотности (М. Маклюэн) не противоречат ценностям эпохи книжной культуры, а виртуальные коммуникации не отменяют тех, которые укоренены в традиционной досуговой культурной сфере. Теоретической основой исследования выступают теория П. Бурдьё о борьбе агентов в социальном пространстве, а также отдельные положения отечественных ученых (Б. М. Эйхенбаум, Ю. М. Лотман).

Ключевые слова: виртуальность, сетевые сообщества, клуб, коммуникация, чтение, досуг, «культура соучастия», постграмотность.

Boeva G. N., St. Petersburg

The Experience of Participatory: About One Intellectual Network Community

The experience of one of the leisure network communities for interests (Intellectual Club “Chekhov”, St. Petersburg) on the *Instagram* and *Vkontakte* platforms is interpreted in the context of cultural practices of everyday life and the «participatory culture» (G. Jackins). The stages of the club's origin, its positioning, target group, and interaction formats are traced. On the example of this network community, it is shown that the values of the era of «post-literacy» (M. McLuhan) do not contradict the values of the era of book culture, and virtual communications do not cancel those that are rooted in the traditional leisure cultural sphere. The theoretical basis of the study is P. Bourdieu's theory of the struggle of agents in social space, as well as certain ideas of domestic scientists (B. M. Eichenbaum, Yu. M. Lotman).

Keywords: virtuality, network communities, club, communication, reading, leisure, “participatory culture”, “post-literacy”.

Уничижительная оценка виртуальной жизни как «неистинной» – «с высоты» книжной культуры и традиционных практик чтения и культурного досуга – постепенно сменяется призывом к содружеству того и другого в ценностных координатах эпохи постграмотности, провозглашенной уже более полувека назад М. Маклюэном [6]. Выясняется, что постграмотность

как раз не отрицает предшествующую книжную культуру, а органично ее вбирает [2, с. 61] – и можно вести речь только о форматах, путях и способах трансформации (и неизбежной адаптации) прежних ценностей в новых условиях. Все более очевидно (и в условиях пандемии особенно), что онлайн-практики во многом дублируют и компенсируют прежние культурные формы, тем самым повышая их ценность и как раз легитимизируя их как необходимые и актуальные. Похоже, в социальном пространстве появился новый «агент» (если воспользоваться терминологией П. Бурдьё), успешно перераспределяющий экономический, культурный, социальный и символический капитал, накопленный в предшествующую культурную формацию. И этот «агент» – виртуальный.

Сетевые сообщества на разных платформах предлагают огромные возможности для культурного досуга – об одном из многочисленных объединений по интересам и пойдет речь (интересно, что «клубной жизни», в том числе виртуальной, посвящены десятки кинофильмов, которые раньше всех успели отразить этот новый социальный и культурный опыт). Это «клуб интеллектуального общения» «Чеховъ», существующий на платформах *ВКонтакте* и *Instagram* уже более трех лет. Возникшее по инициативе одного энергичного человека (поскольку мой материал не реклама, имя не указываю), клуб теперь имеет уже почти 2000 подписчиков и около 500 материалов – в целом можно говорить о них как об успешном и востребованном блоге автора и создателя этого проекта. Нас же он сейчас интересует как примечательное явление современной сетевой жизни, на примере которого попытаемся понять цели и задачи подобного рода объединений.

Как возникают подобные сообщества и как они идентифицируют себя в пространстве Рунета? У истоков, как видим, стоит инициатива одного человека, «агента», имеющего свои амбиции и желающего занять позицию в сетевом пространстве – аналоге реального социума. Я бы рассматривала механизм деятельности объединений подобного рода (и вообще «блогерского продукта») как перераспределение капитала – конвертацию культурного и социального – в экономический (прибыль) и символический (признание: количество подписчиков, репутация, самовыражение).

История объединения отражает поиски своей фокус-группы и выбор соответствующих ей стратегий позиционирования. Изначально клуб назывался «Антоновки», отражая вкусы целевой аудитории того этапа – женской, досуговой, отчасти «фанатской». Напомню, что «антоновками» называли в начала XX века почитательниц Антона Чехова – т. е. здесь мы тоже наблюдаем «эксплуатацию» «культурного капитала». Почему Чехов? Он занимает прочную позицию в национальном литературном каноне [3], причем в самом его «ядре» – школьной программе; он близок пользователю форматом своих произведений, адекватных возможностям современного читателя (ни одного романа – только рассказы, повести и пьесы); его литературная репутация, «выросшая» из биографии, характера и особенностей

поэтики, «примиряет» сторонников самых разных направлений в искусстве – реализма, модернизма, символизма, импрессионизма и пр.; он знаменитый драматург, открывший новую страницу театра (его пьесы до сих пор не сходят с подмостков, а экранизации поражают причудливостью интерпретаций); он не назидателен и не ассоциируется с «репрессивностью» школьной программы. Эти доводы помогают ответить на вопрос, почему «Антоновки» со временем превратились в клуб «Чехов».

Примечательный социологический штрих: главной целевой аудиторией клуба по-прежнему остаются женщины – в возрасте от 30 до 40 лет, причем их основная работа чаще всего не гуманитарного профиля. Вследствие этого, «детская тема» в работе клуба – одна из приоритетных. Все это заставляет вспомнить «Беседы о русской культуре» Ю. М. Лотмана, который характеризовал переходное по своему типу – от одной культурной формации к другой – общество пушкинского времени как время, когда чтение было преимущественно женским занятием (мужчина всегда служил и был менее открыт для досуговых культурных практик). Эта параллель говорит о живучести гендерных распределений ролей в отечественной духовно-интеллектуальной жизни.

На главной странице группы «Чехов» в *Instagram* узнаем, как он себя позиционирует: «Это клуб интеллектуального общения, это возможность общаться с близкими по духу людьми и обсуждать все: от буквы до кадра». То есть речь идет прежде всего о досуговом общении на основе не только литературных интересов, но и кинематографических (не забудем, что клуб объединяет людей аудиовизуальной культуры) и – шире – любых других интеллектуальных. Поначалу заявивший о себе как о литературном, клуб изменился: аудитория требовала расширения «галактики Гутенберга». Так появились новые стратегии и запросы:

- литературные завтраки;
- исторические завтраки;
- кино-завтраки;
- посещение театров;
- литературные фестивали (иногда костюмированные, например, «Тургеневский» с переодеванием в «тургеневских девушек», «Набоковский»);
- литературные прогулки;
- эксклюзивные прогулки в редких локациях (посещения дворцов Петербурга, садово-парковых объектов, «кулуаров» разных знаменитых культурных заведений «с историей»);
- совместное посещение ресторанов и кафе для обсуждения просмотренных спектаклей, прочитанных книг и т. п.

Следует пояснить, что все «интеллектуальные завтраки» и «прогулки по локациям» проводятся на коммерческой основе с привлечением профессиональных преподавателей, экскурсоводов, киноведов. Перед нами проект

одновременно и досуговый, и просветительский. Добавлю: одновременно и вербальный, и визуальный (вся хроника представлена в *Instagram*).

Как видим, работа клуба не вмещается в виртуальный формат и требует офлайн-общения. Добавлю, что к перечисленным видам взаимодействия в рамках клуба со временем добавились публичные лекции и мероприятия в петербургских лекториях, арт-резиденциях, коворкингах, антикафе. В условиях пандемии особенно ясно стало, что досуг в сети не может решить все коммуникативные потребности пользователей, не может заменить живого общения. В работе клуба постоянно – вслед за идущими и от аудитории, и от автора проекта запросами – возникают новые формы общения (например, конкурс на лучший рассказ). Все больше дает о себе знать просветительский пафос клуба: открывать новые имена и факты, вводить в оборот новые термины и представления. Очень примечателен тот факт, что одной из офлайн-практик стали встречи с преподавателем русского языка (диктанты, конкурсы и т. п.) – для повышения грамотности. Еще одно свидетельство того, что постграмотность не отменяет грамотности в понимании «книжной эпохи».

Очевидно, что взаимодействие пользователей в сетевых сообществах с литературными и интеллектуальными интересами – поиск новых форм коммуникации, позволяющих переосмыслить привычные социальные роли: писатель пишет, преподаватель преподает, слушатель слушает, читатель читает... Очевидно, что перед нами часть мощно заявляющей о себе в сети «культуры соучастия» (Г. Джекинс [1]). Добавив к своим культурным ролям читателя, слушателя и зрителя новую: пользователя, – мы стали не только потребителями, но и производителями текстов [4, с. 8], создателями интеллектуального продукта. Просто прочитать текст и отрефлексировать его наедине с собой – такая интеллектуальная практика начинает рассматриваться как устаревшая: читатель стремится пересечь отведенные ему границы, пересмотреть привычные социальные роли, в которых ему тесно.

Сто лет назад литературоведы Б. М. Эйхенбаум и Ю. Н. Тынянов высказали ряд идей о связи литературного процесса с «литературным бытом» [7]: изменения в последнем диктуют новые стратегии работы с литературным материалом. Наблюдаемое в наши дни кардинальное расхождение с эпохой литературных салонов и объединений, имеющих богатую историю в отечественной культуре и литературе (от «Беседы любителей русского слова» и «Арзамаса» державинских и пушкинских времен до ивановской башни и кабаре «Бродячая собака» начала XX века), заключается в том, что читатель / потребитель текстов получает все большую творческую активность. Об этом заявляет и влиятельная сила фикрайтеров, создающих огромные фандомы по мотивам классики, и интеллектуальные сетевые сообщества, об одном из которых шла здесь речь. Существует немало примеров, когда именно из сети – например, из «Живого Журнала» – вышли профессиональные писатели, ведь «сетература» и «блого-литература» в наши дни – тот «резервуар для обмена культурными ценностями» между фольклором, мас-

совой литературой и литературой «высокой» [5], где любой текст может пересечь границу и пополнить число объектов эстетического опыта. Все мы свидетели и участники процесса кристаллизации нового «литературного» и «культурного быта» – и ни один из них немислим без виртуальности.

Список литературы

1. *Jenkins H.* Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture. New York : Routledge, 1992. 343 p.
2. Гудова М. Ю. Постграмотность как актуальная проблема современной культуры // Инновационные проекты и программы в образовании. 2012. № 6. С. 58–62.
3. Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 345 с.
4. Зверева В. Сетевые разговоры: культурные коммуникации в Рунете. Берген : University of Bergen, 2012. 279 с.
5. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992. С. 203–216.
6. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М. : Академический проект : Фонд «Мир», 2005. 496 с.
7. Эйхенбаум Б. М. список литературы литературный быт // Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М. : Сов. писатель, 1987. С. 428–436.

УДК 070
ББК 76.0

Макарова Н. Я., *Москва*

Социальные медиа как эффективный способ взаимодействия с телеаудиторией (на примере телеканала «ТНТ»)

В статье рассматриваются социальные медиа как технологии работы с аудиторией. На примере взаимодействия телеканала «ТНТ» с аудиторией выстраиваются основные векторы и формы развития коммуникации социальных медиа.

Ключевые слова: социальные медиа, телевидение, социальные сети, телевизионная аудитория, контент, медиакommunikation.

Makarova N. Y., *Moscow*

Social media as an effective way to interact with the TV audience (on the example of TNT channel)

The article examines social media as a technology for working with an audience. On the example of the interaction of the TNT TV channel with the audience, the main vectors and forms of development of social media communication are built.

Keywords: social media, television, social networks, TV audience, content, media communications.

Быстрое развитие массовой коммуникации и ее огромная роль в жизни людей кардинально изменили способы взаимодействия с аудиторией. Социальные медиа позволили говорить об обратной связи аудитории и СМИ в совершенно новом ключе. Теперь медиасообщество рассматривает аудиторию не только как объект воздействия, но и как субъект взаимодействия, активного участника общественного диалога. Взаимодействие аудитории –

показатель взаимопонимания. Проанализировав реакцию аудитории, можно выявить ее предпочтения, интересы. Исходя из этого можно сделать контент гораздо убедительным и действенным. Интерес к информации, дальнейшее ее изучение, говорит об эффективном взаимодействии, которое характеризуется хорошими результатами активности аудитории, проявляющиеся в откликах, комментариях, лайках и репостах контента. Обратная связь – показатель того, что аудитория перестает быть только получателем сообщения: пользователь начинает активно участвовать в производстве контента. Он потребляет информацию, делится ею, дублирует ее, оставляет комментарии, выражая тем самым свою реакцию, а информация, проходя через множество источников, видеоизменяется.

Общение в социальных медиа – новый вид коммуникаций. Здесь пользователи, которые создают контент вступают в отношения с потребителями этого контента, которые тем самым вовлекаются в дальнейшее создание контента. Любой подписчик может выполнять функции создателя, действуя в качестве комментатора, репортера, фотографа или редактора любой площадки. В отличие от традиционных средств массовой коммуникации, которые опираются на авторитет профессиональных журналистов, социальные медиа апеллируют к ощущению принадлежности к конкретному сообществу.

Аккаунты в социальных медиа стали необходимостью для всех СМИ и телеканалы не стали исключением. Расширение аудитории – она из первоочередных задач, которую решают все без исключения медиакорпорации. Стремительное сокращение телесмотрения актуализирует эту проблему для телеканалов, поэтому для привлечения новой аудитории они используют социальные медиа. У каждого телеканала есть целевой потребитель – свой «особенный» зритель, это часто собирательный образ, несуществующий в реальности, который заинтересован в основном контенте, замотивирован потреблять информацию исключительно на данном ресурсе и обладает достаточной высокой лояльностью по отношению к данному телеканалу. Это ключевой адресат всех материалов, создаваемых ежедневно, следовательно, коммуникации в социальных медиа, должны строиться в основном исходя из привычек и особенностей такого зрителя. Побочная аудитория обладает меньшим потенциалом коммуникации и способностью давать обратную связь, поэтому общение в социальных медиа с данной аудиторией происходит гораздо реже, чем с целевой аудиторией.

Современные гаджеты, возможности социальных медиа уменьшили барьер между профессиональным журналистом и обычным пользователем. Ноутбуки, планшеты и смартфоны также выполняют роль дополнительных телевизионных экранов (и не только дома, но и вне его). Уже сегодня эти устройства активно используются для просмотра видеоконтента из интернета, в том числе фильмов, телесериалов и телепрограмм. Почти каждый второй городской житель России (48 %) уже освоил практику нелинейного – по запросу – просмотра телепередач в социальных медиа, а 36 % делают это на

регулярной основе как минимум один раз в неделю [2]. Примерно половину от объема нелинейного просмотра, по оценке аналитического центра НСК, приходится на контент российских телеканалов – телесериалы и телепрограммы [8]. Последствия распространения такой практики для телеканалов могут означать потери аудитории. Хотя для многих телевидение остается основным источником информации, стоит отметить, что меняются подходы к программированию вещания и контент телеканалов размещается на разных платформах, среди которых и социальные медиа.

Сфера социальных медиа предполагает большую заинтересованность у телеканалов, ведь там присутствует наиболее активная и прогрессивная часть населения, которая не только читает, смотрит и делится новостями, но и создает свой личный контент. Кроме того, социальные медиа – это доступный и относительно дешевый способ продвижения, позволяющий продвигать контент телеканалов, охватывая огромную аудиторию пользователей и привлекая новых подписчиков, зрителей и читателей. Ведь социальные медиа дают возможность выбора когда, как и где смотреть тот или иной контент телеканалов. На данном этапе развития продвижение телеканалов в социальных медиа практически ничем не отличается от продвижения брендов, товаров и сайтов. Так называемые базовые принципы можно применить ко всем ресурсам, которые возможно продвигать.

Самое важное в продвижении в социальных медиа – это качественный контент. Если контент будет скучным, бесполезным, неуникальным, то пользователи просто не захотят вступить в виртуальное сообщество и тем более переходят на официальный сайт. У хорошего качественного контента есть три главных составляющие. Во-первых, это уникальность материалов. Информация должна быть актуальна, интересна и уникальна. Ни в коем случае нельзя копировать уже созданную кем-то информацию. Материалы-копии ходят в большом количестве по просторам глобальной сети и не исключено, что потенциальная аудитория уже где-то это видела. Единственное, что разрешается копировать – это материалы с официального сайта, при этом для социальных сетей нужно их адаптировать. Во – вторых, это регулярность публикации контента. Материалы должны создаваться постоянно и публиковаться с определенной периодичностью. Пустое сообщество имеет огромный шанс остаться без внимания потенциальной аудитории и потерять уже имеющуюся. В – третьих, это вирусность контента, так называемое сарафанное радио. Публикации должны быть настолько интересными, яркими и вызывать эмоции у пользователей, чтобы им непременно захотеть поделиться на своих страницах в социальных сетях. Задача SMM-специалиста состоит в том, чтобы выявить интересы своей потенциальной аудитории, понять, что им нравится, и какой контент необходимо создать, чтобы пользователи самостоятельно захотели его распространять дальше.

Социальные медиа – уже давно не конкуренты, а помощники телеканалов в продвижении контента. Самые успешные телеканалы подходят к социальным медиа как к эффективному инструменту маркетинга.

Сегодня почти все телеканалы имеют собственные аккаунты во всех ведущих социальных медиа. Зачастую это делается исключительно из конкурентных соображений или для формального присутствия. Основные ошибки, которые влечет подобная стратегия – трата человеческих и финансовых ресурсов на продвижение телеканала в социальных медиа, где сегмент целевой аудитории крайне низок. Кросспостинг одного и того же материала на все площадки без учета их специфики, отталкивает пользователей и уменьшает кредит доверия к телеканалу.

Рассмотрим поведение федерального телеканала ТНТ в социальных медиа. Канал основан в 1998 г. и является обязательным для трансляции на территории РФ, обладает одной из крупнейших телесетей России (свыше 7000 городов). Он входит в пятёрку самых популярных телеканалов России и занимает лидирующую позицию по просмотрам в крупнейших городах России, в особенности в вечернее и ночное время. Основа эфира телеканала – это развлекательные передачи и телесериалы, он известен скандальными проектами, привлекающими внимание широкою общественностью. Телеканал «ТНТ» в основном нацелен на категорию возрастом 14–44 года, неоспоримый лидер по просмотрам среди молодежи возрастом от 18 до 30 лет. Портрет среднестатистического зрителя выглядит следующим образом: молодой человек преимущественно со средним и высшим образованием, с активной жизненной позицией, хорошо разбирающийся в современных технологиях и модных тенденциях, обладающий высокой покупательской способностью. Принимая во внимание, что целевая аудитория канала проводит много времени в социальных медиа, именно ТНТ и подобные ему телеканалы должны быть комплексно и качественно представлены в виртуальном пространстве, это залог их успешного позиционирования и коммерческого успеха.

ТНТ представлен со всех социальных медиа и насчитывает большое количество подписчиков: «ВКонтакте» – 5,48 млн чел., «Фейсбук» – 736 тыс чел., YouTube – 4,46 млн чел., Instagram – 13,4 млн чел., «Одноклассники» – 501 тыс чел. (данные по состоянию на 10 августа 2020 г.). Телеканал «ТНТ» бесспорно лидирует в количестве подписчиков во всех четырех рассмотренных социальных сетях. В некоторых из них (Instagram, «ВКонтакте») преимущество подавляющее, в других социальных медиа – относительное.

Функционал «ВКонтакте» позволяет создавать качественный, интересный, разнообразный контент. С помощью встроенного видеоплеера и возможности интеграции с видеохостингом YouTube пользователи могут делиться разнообразными видеоматериалами. Контент может содержать в себе аудио, видео, текстовую, информацию. Страница активно обновляется (более десяти постов ежедневно), при этом каждый пост вызывает достаточно активное обсуждение подписчиков страницы. Среднее число просмотров одного поста во «ВКонтакте» составляет 200–350 тысяч. Комментарии строго индивидуальны от 3 до 200, это касается и репостов. Среднее количество лайков от 300 до 2500. Эти показатели говорят о хорошем охва-

те и вовлеченности пользователей. Страница содержит свыше 15 тыс. видеозаписей (можно смотреть сериалы онлайн выбирая нужную серию), 217 аудиозаписей, 194 фотоальбома и одно собственное приложение «Бузова против Бородиной». С помощью кнопки перейти в верхней части страницы можно быстро переместиться на страницу проекта «ТНТ-Онлайн» (<http://tnt-online.ru/>). По ссылкам на странице «ВКонтакте» можно перейти на сайт ТНТ-Premier, страницы телеканала на YouTube, RuTube, в Twitter и др. [3].

Instagram пользуется наибольшей популярностью. Среднее количество лайков от 20 тысяч, число комментариев от 500, количество просмотров от 300 тысяч до нескольких миллионов. Также телеканал ТНТ пользуется всеми преимуществами этого сообщества: выкладывает истории, создает опросы [5]. В этом социальном медиа самый большой охват и вовлеченность. Знаковым событием в социальных медиа телеканала стала активация знаменующая проект «Танцы»: создание серии GIF-изображений с танцевальными движениями от трех наставников шоу. Пользователи повторяли движения, а результат выкладывали в Instagram Stories. Меньше чем за неделю GIF собрали более 1,2 млн просмотров, а количество записанных пользователями танцевальных роликов составило более двух тысяч; акция «Танцуй жизнь», где участникам шоу «Танцы» было предложено оживить посты звездных пользователей Instagram. Танцоры придумали хореографию для историй Тимати, Ольги Бузовой и других звезд проекта. Видеоролики были размещены в официальных аккаунтах телеканала ТНТ и аккаунтах звезд в социальных сетях.

Среднее число лайков в Facebook составляет от 30 до 100, репосты – от 1 до 20, комментарии – от 5 до 200. В этой социальной сети активность пользователя гораздо меньше, что обусловлено аудиторией [4]. Аудитория Facebook – более взрослая, в то время как аудитория ТНТ – молодежная.

Во всех социальных медиа присутствует большой интерактив. Проводятся всевозможные опросы, конкурсы, соревнования. Например, ТНТ предложил в своих социальных медиа предложить фразу: «ТНТ – самый ... А какой ТНТ для тебя?! Давай немного приласкаем любимый канал!» Запись во «ВКонтакте» собрала около 200 тысяч просмотров, 800 комментариев, 400 лайков и 18 репостов [6]. Также звезды ТНТ в Instagram проводят прямые эфиры, где общаются со зрителями и отвечают на их вопросы. Форма подачи материала очень простая, неформальная, дружеская. Много шуток и иронии. Также есть отдельные группы для всех проектов. В которых также публикуются посты ежедневно, даже если проект на данный момент не выходит в эфир телеканала. Например, есть отдельная группа сериала «Физрук», в которой ежедневно выкладывают посты, фотографии актеров, не вошедшие в эфир видео, хотя на данный момент ТНТ не показывает этот сериал [7].

Еще один проект – активация «Позвони Фоме» в Instagram. Охват этой акции составил свыше 5 500 000 миллионов человек. Всего было совершено 18 671 вызовов. Общая длительность звонков – 229 часов.

Социальные медиа ТНТ имеют самый широкий охват среди всех российских телеканалов. В пресс-службе телеканала отметили, что социальные медиа позволяют не только выстраивать обратную связь с лояльной аудиторией и расширять ее, но и реализовывать охватные кросс-медийные проекты, являющиеся частью маркетинговой коммуникации [1]. Правильно созданные публикации, подходящие для каждой из социальных медиа, – ключ к успеху, так считают и на ТНТ. Помимо знания контента, отслеживания мировых трендов, анализа интереса аудитории, актуальности происходящих событий и учета новых появляющихся инструментов в каждом социальном медиа, важно реализовать кейсы с теми активациями, в основе которых лежит механика, соответствующая функциональным возможностям каждого социального медиа. ТНТ вовлекает в диджитал-механики звезд, суммарное количество подписчиков которых более 100 млн человек.

Телеканал «ТНТ» использует все методы продвижения в социальных медиа. С одной стороны, находится качественное эфирное промо, с другой – активная поддержка контента телеканала во «ВКонтакте», Facebook, Instagram. Использование разнообразных методов продвижения ТНТ в социальных медиа позволяет телеканалу вовремя отслеживать новые тенденции, создавая привлекательный контент для зрителя, что позволяет охватывать новую аудиторию.

Проанализировав методы продвижения в социальных медиа, можно сделать следующие выводы. Контент должен быть ориентирован, во-первых, на аудиторию телеканала, а, во-вторых, трансформирован в соответствии с особенностями площадки, на которой продвигается ресурс. Нужно формировать и использовать особый род языка для прямого контакта с аудиторией, имитирующего межличностное общение. Участие в дискуссиях с аудиторией, ответная реакция на активность читателей также необходима для качественного продвижения. Публикация визуального контента, провоцирующего на вступление в диалог или на любую другую обратную связь играет огромную роль в социальных медиа, поскольку пользователю удобнее воспринимать контент таким образом, и следовательно, откликов будет значительно больше.

Список литературы

1. Газпром-Медиа Холдинг создает Группу развлекательного телевидения [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazprom-media.com/ru/press-release/show?id=800> (дата обращения: 11.08.2020).
2. Зрители во время просмотра телепрограмм не выпускают из рук мобильные устройства [Электронный ресурс] URL: <http://themediacenter/2014/07/28/zriteli-vo-vremya-prosmotra-teleprog/> (дата обращения: 08.08.2020).
3. Официальный аккаунт ТНТ в «ВКонтакте» [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/tnt> (дата обращения: 10.08.2020).

4. Официальный аккаунт ТНТ в Facebook [Электронный ресурс] URL: <https://www.facebook.com/telekanal.tnt/> (дата обращения: 11.08.2020).
5. Официальный аккаунт ТНТ в Instagram [Электронный ресурс] URL: https://www.instagram.com/tnt_online/ (дата обращения: 10.08.2020).
6. Пост телеканала ТНТ во Вконтакте [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/tnt?z=photo-48512305_456334677_%2Falbum-48512305_00_%2Frev (дата обращения: 11.08.2020).
7. Пост телеканала ТНТ во «ВКонтакте» [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/fizrukna.tnt?z=photo-63059705_456242998_%2Falbum-63059705_00_%2Frev (дата обращения: 11.08.2020).
8. Телевидение глазами телезрителей / АЦ НСК. М., 2016.

УДК 355.011
ББК 86.2+60.028

Васильев Н. Г., Терещенко А. Г., *Иркутск*

Влияние виртуализации социального пространства на формирование мифологем современного массового сознания в восприятии сектанства

В статье рассматриваются процессы виртуализации социального пространства. Показываются взаимосвязи социального и виртуального миров на примере сектанства. Анализируются мифологемы современного общества через образы сектанства.

Ключевые слова: Мифотворчество; парадигма; цифровое общество; виртуальная реальность; онлайн-религия.

Vasiliev N. G., Tereshenko A. G., *Irkutsk*

The influence of the virtualization of social space on the formation of mythologemes of modern mass consciousness in the perception of sectarianism

В статье рассматриваются процессы виртуализации социального пространства. Показываются взаимосвязи социального и виртуального миров на примере сектанства. Анализируются мифологемы современного общества через образы сектанства.

Keywords: myth-making; paradigm; digital society; the virtual reality; online religion.

В современных условиях виртуализации человеческой жизни неизбежно становление новой парадигмы в представлении об обществе и перспективах его развития. Одновременно с ощущением неограниченной свободы личности происходит закрепление сетевой иерархии общества. Естественно, что при этом происходит трансформация традиционных представлений об устройстве социальной реальности. В новой социальной парадигме на смену управлению, ориентированному на жесткую детерминацию, приходят гибкие подвижные структуры, возникающие на основе неограниченных возможностей коммуникации людей в виртуальном пространстве.

В этом контексте показательна ситуация с религиозным социальным институтом в различных обществах, причем, отчетливо видно трансформацию религии в цифровом обществе. Американский социолог С. О. Лири одним из первых высказал предположение, что сетевое общество в будущем

приведет к появлению новых онлайн-религий, а традиционные формы религиозного существования существенно изменятся с учетом воздействия технологий [1].

В рамках работы по анализу актуальных социально-психологических проблем адаптации студенческой молодежи к современному социуму, проводилось исследование влияния на молодежную среду деятельности тоталитарных сект ориентированных на молодежную аудиторию. Проведенный анализ позволяет сделать предварительные выводы, а также сформулировать некоторые концептуальные предположения. Анализ показал значительное влияние процесса цифровизации на религиозные представления в молодежной среде. Даже предварительный анализ позволяет выявить ложные, но достаточно устойчивые мифологические конструкты общественного сознания, связанные с образами тоталитарного сектантства. Следует сразу оговориться, что общественное мнение по поводу тоталитарных сект, совершенно не соответствует их содержанию и реальной деятельности. Запугивание общества примитивным и придуманным образом сект не позволяет людям их распознать, но, когда они оказываются в секте, часто оказывается, что уже невозможен выход из нее. Пребывание в сектах часто бывает сопряжено с психологическими травмами и потерей социальной идентичности. Образ сект создается средствами массовой информации, которые неизбежно, следуя логике функционирования виртуальной реальности, создают в соответствии с социальным заказом различные по эмоциональному восприятию образы тоталитарных сект. Зрителю и читателю предлагается разнообразный видеоряд, в котором осуществляется мировоззренческий переход от образа преступной группировки, использующей религиозную тему, к благостным картинам общинной жизни и обратно. Внедрять художественные образы в общественное сознание возможно, но, только в том случае, если при этом у социально зрелой личности существует реальное представление, основанное на фактах. Реальные секты отличаются от абстрактного образа секты, создаваемого средствами СМИ. Именно поэтому люди разных возрастов и социальных групп, особенно молодежь, встречаясь с сектантством, его не распознают и не готовы к встрече с ним. В реальности они видят живых людей не похожих на злодеев и мошенников, они встречают сообщество со своей внутренней культурой и религиозной жизнью. При этом тяготение к сектантству это, прежде всего, внутренняя мировоззренческая проблема личности, когда существует определенная настроенность, в первую очередь психологическая, определяющая предрасположенность к сектантству даже у представителей традиционных религий.

В настоящее время сформировался устойчивый миф о том, что если человек, хоть каким-то образом имеет отношение к православной культуре (посещает православные службы, крестится и венчается и т. п.), он по определению не может быть членом деструктивного культа. Если рассматривать сектантство как психический и духовный феномен, то существование его в рамках православной культуры, тяготение к сектантству вполне возможно.

Это наглядно видно в ходе проведенных опросов. Бессистемное знание элементов православного культа на фоне подавления рационального мышления, воздействие на эмоциональную сферу молодежи, формируют эклектичное религиозно-научное мировоззрение. Эклектичность, объективно свойственная молодежному мировосприятию, позволяет совмещать элементы православия и учения псевдорелигиозных организаций в единую мировоззренческую систему. Такое мировоззрение оборачивается непредсказуемостью поведения. Например, опираясь на разум, человек соотносит себя с постулатами православия, но, решая экзистенциальные проблемы бытия, он обращается к сектантскому вероучению.

Усиленная мистификация процесса вовлечения в секту связана с представлением о том, что лидеры сектанства используют особые технологии манипулирования сознанием. Естественно, что у тоталитарных сект существует свой научно обоснованный специфический набор средств для привлечения неопитов в свои ряды. Но, в первую очередь, делается упор на совершенно обыденные фундаментальные потребности человека, удовлетворение которых затруднено в светском мире. Шкала потребностей современного человека весьма разнообразна и во многом ориентирована на функционирование в виртуальном, цифровом мире. Если следовать логике рассуждения А. Маслоу, кроме физиологических и экзистенциальных потребностей, человеку необходима вся иерархия потребностей, престижность, оценочные потребности, духовные потребности, включая когнитивные и эстетические. Сложность удовлетворения потребностей человека связана с тем, что, при наличии установки на данную потребность, ее неудовлетворение нарушает гармонию и равновесие существования личности. И если общество, например, в лице государства, ориентировано на удовлетворение базовых потребностей, про которые К. Маркс хорошо сказал, что «... в первую очередь, человек должен пить, есть, одеваться и иметь крышу над головой...». Но человек точно также нуждается в удовлетворении духовных потребностей, что требует более тонкой и индивидуальной методики воздействия на личность. Когда мы говорим о молодежной аудитории, то проблемы удовлетворения духовных потребностей у нее, естественно, острее, чем у других групп населения, в первую очередь, в силу возрастных особенностей. Как ни в каком другом возрастном периоде, молодой человек испытывает потребность в самобытности, стремление к самодостаточности. В этот период он сконцентрирован на себе, на решении проблем своей индивидуальности. Всем возрастам свойственно стремление к самоутверждению, но в юношеском возрасте эта потребность гипертрофированно развита, это связано с потребностью к завышению самооценки и самозначимости. Представители тоталитарных сект, опираясь на эти психологические особенности, умело решают эти проблемы достаточно тонко и профессионально.

В медиапространстве сформировано примитивное представление о том, что все секты в целом оппозиционно настроены к господствующей культуре

и, к традиционной религиозной культуре, в частности. В современном религиоведении существует множество типологий сект, классифицируемых по различным основаниям. Существует группа классификаций, разделяющих современные секты по принципу наличия контркультурных тенденций. Интересной представляется классификация Г. Бекера, который выделяет два типа религиозных организация: деноминации и культы [1]. Исходя из его классификации, деноминации – это секты, существующие как сформировавшийся социальный институт, и, как следствие, потерявшие оппозиционный настрой. В массовом современном сознании секты воспринимаются как культы, т. е. свободное сообщество адептов, объединившихся на основе сходных идей или сходного образа жизни.

В молодежной виртуальной среде часто бытует представление о том, что можно жить, не испытывая потребности в религии. Зачастую человек, не испытывающий острых жизненных проблем, как правило, духовного порядка, равнодушен к религии. Существующее у него мировоззрение дает ему ответы на основные вопросы, позволяет ему строить программы ближайшей жизнедеятельности. Специфика человеческого существования заключается в том, что он живет в мире экзистенциальных потрясений, и в процессе осмысления своего существования в мире бытия сталкивается с необходимостью философского осмысления собственного существования. Одно из столкновений – это столкновение с обыденностью, с бессмысленностью собственного существования. Человек отстранено смотрит на свое суетное существование и пытается преодолеть экзистенциальное разочарование. В этот момент существующая у него шкала ценностей перестает казаться ему вечной и самоочевидной. Личность, как никогда, испытывает потребность в стройной картине мира, гармоничного мировоззрения, естественно, с учетом его собственного места в мироздании. Этот момент наиболее плотного вхождения в сектантскую модель мира, где человек получает все проблемные компоненты существования, ответы на вопросы, образ жизни, объяснение целей и задач существования. Создание стройной картины мира возможно только при ее значительном упрощении, обхождении острых, подчас неразрешимых, вопросов. Так, представление о мире, представляемое сектой, принципиально содержит лакуны, заполнение которых требует индивидуальных психологических усилий, например, усиление авторитарности лидера, жесткой апологетики, изоляции в рамках «я» от контркультурной субкультуры. Возникает то, что исследователь сектантства У. Мартин жестко называет «ограниченностью» [3]

В медийном пространстве существует большой набор противоречивых представлений об отношениях между государством, церковью и обществом. Мнения разнятся от предложений о том, что существование сект надо или запретить, или разрешить до предложений предоставить религиозным организациям полную свободу деятельности. Незрелость правового сознания заставляет население рассматривать многие социальные реалии вне право-

вого поля. Деятельность сект зачастую рассматривается не с правовой точки зрения. Прежде всего, право на религиозную жизнь как неотъемлемой части прав и ритуальных религий, свобод человека и гражданина, записано в Конституции РФ и вся законодательная база, регулирующая общественные отношения в религиозной сфере, вытекает из этого положения. Религиозное объединение регулируется законом «Об общественных объединениях», т. е. по принципу общих правил. Требование от государства специфического отношения к религиозным организациям возможно только в случае изменения Основного Закона. В первой статье Федерального закона «Об общественных объединениях» отчетливо сказано, что, «предметом регулирования являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение, созданием, деятельностью, реорганизацией и (или) ликвидацией общественных объединений» [4].

Современный человек находится под воздействием традиционных и виртуальных религий, что, неизбежно, предполагает самостоятельную адаптацию к усложненной религиозной среде. В конечном счете, главным критерием отделения устойчивых религиозных конфессий от систем, порожденных в виртуальном мире, является включенность модели в традиционную культуру [5]. Чтобы у личности сформировался своеобразный иммунитет в отношении к гибкой, динамичной виртуальной религиозной реальности, необходимо, чтобы современный человек привык к жизни в двух реальностях.

Для адекватного восприятия виртуальной религии необходимо отчетливо представлять порождающую ее реальность. При этом важно понимать, что в традиционных религиях эта преемственность и взаимосвязь существует наглядно. У виртуальных религий нет традиционной инертности и возможности существовать в потенциальном состоянии, они существуют только до тех пор, пока существует реальный заказчик. При этом следует помнить, что виртуальная религия существует независимо от порождающей ее реальности, очень часто виртуальная религия начинает жить самостоятельной жизнью, независимой от воли создателей. Сложность решения проблем, вызванных виртуальными религиями, в том, что они начинают воздействовать на мировоззрение ее создателей.

Список литературы

1. O'Leary S. Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks // *Journal of the American Academy of Religion*. 1996. Vol. 64, iss. 4. P. 781–808
2. Гидденс Энтони. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 434–435
3. Мартин У. Царство культов. М. : Логос, 1992, С. 27.
4. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ.
5. Терещенко А. Г., Васильев Н. Г., Коршунова С. О. Изучение социально-психологических критериев удовлетворенности личности различными сторонами жизнедеятельности в современном обществе // *Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всероссийской научно-практической конференции*. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 118–127.

УДК 316.54
ББК 64.32

Яковенко И. А., *Иркутск*

Социальные медиа и социальные сети

Рассматривается актуальность использования социальных медиа и сетей на примере МЧС России, обусловленная необходимостью таких важных задач, как информирование и оповещение населения о различных происшествиях и обучении населения к любой в любой ситуации, повышению доверия к работе не только самой системы, а также и к министерству. Социальные медиа и сети рассматриваются как особый вид профессиональной деятельности в министерстве по чрезвычайным ситуациям.

Ключевые слова: социальные медиа и сети, информация, общение, донесение информации.

Yakovenko I. A., Irkutsk

Social media and social networks

This article discusses the relevance of the use of social media and networks on the example of the EMERCOM of Russia. The relevance of the topic is due to the need for such important tasks as informing and notifying the population about various incidents and training the population to any situation, increasing confidence in the work of not only the system itself, but also in the Ministry. When writing an article, social media and networks are considered as a special type of professional in the Ministry of emergency situations.

Keywords: Social media and networks. information, communication, communication of information.

Социальные медиа – это интернет-ресурсы, позволяющие обмен информацией любого формата (текст, картинки, музыка, видео) и формирующие у потенциального или настоящего пользователя интерес к общей платформе с контентом. Чаще всего контент внутри социальных медиа имеет объединение по тематике или хотя бы по общей специфике публикации.

Социальная сеть – это онлайн-платформа, предназначенная для общения, поиска друзей, объединения в группы по интересам и свободного времяпрепровождения.

Социальные медиа по своей сути напоминают социальные сети, но только имеют более широкий смысл. Они представляют собой любую платформу, на которой люди, вне зависимости от возраста, пола, места нахождения, интересов, могут общаться между собой, обмениваться и искать какую-либо информацию [3; 4].

Главной особенностью медиа является то, что люди могут быть, как слушателями определенной аудитории, так и источником информации. И в тоже время, формируются иррациональные стратегии восприятия власти, политики, государственных и муниципальных услуг и т. д. Об этом более подробно изложено в работах Р. Г. Ардашева [1; 2].

В наше время люди, организации активно используют сети для общения, продвижения, донесения информации. За последние десятилетия социальные сетевые медиа стали неотъемлемой частью жизни людей. Практически все общение стало проходить в интернете. На сегодняшний день люди,

переписываясь, выкладывая различную информацию, проводят намного больше времени в социальном пространстве, нежели общаются вживую.

Нынешние сети становятся необходимым инструментом для ведения различного рода деятельности, начиная от творчества и заканчивая бизнесом.

Медиа представляют собой источник, из которого население получает важную информацию, новости и т. д.

Основными целями МЧС России в социальных сетях является:

- организация информационно-разъяснительная работа с населением по формированию культуры безопасности;
- оперативное оповещение население при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера;
- создание понятного информационного поля деятельности МЧС России, которое основано на оперативности и эксклюзивности информации;
- показать работу и деятельность МЧС России (пожарные, спасатели, ГИМС);
- пропаганда культуры безопасности и жизнедеятельности населения;
- продвижение добровольной пожарной охраны.

МЧС России в социальных сетях занимается такими направлениями, как создание профиля, виртуальных групп, рассылка приглашений на мероприятия и др.

Ведение профилей на федеральном уровне осуществляет Отдел организации работы с интернет-сообществом и Управление организации информирования населения (социальные сети).

Продвижение в социальных сетях осуществляется посредством публикаций, видео-, фоторепортажей, анонсов, выступлений, памяток, конкурсов.

С каждым днем аудитория (подписчики на официальных страницах и сетях министерства) увеличивается.

Таблица

Сравнение числа подписчиков на официальные страницы МЧС России с началом и окончанием 2019 г.

Социальная сеть	Количество подписчиков в начале 2019 г.	Количество подписчиков по окончании 2019 г.	Прирост подписчиков за год
Twitter	150	190	+ 40
«ВКонтакте»	6,4 тыс.	7,1 тыс.	+ 700
Facebook	1,3 тыс.	1,7 тыс.	+ 400
Instagram	2,1 тыс.	2,9 тыс.	+ 800

Благодаря официальным страницам в просторах интернет сети министерству чрезвычайных ситуаций удастся:

- увеличивать целевую аудиторию;
- обеспечивать информационную вовлеченность для населения;
- распространять контент о деятельности министерства;
- распространение памяток, обучающих материалов, правил поведения в чрезвычайных ситуациях и экстренных случаях.

Основными ошибками при ведении социальных страниц можно выделить следующее:

- отсутствуют ссылки на официальный сайт МЧС России;
- множество однообразных постов и подписей под ними;
- местами отсутствие обратной связи (на вопросы пользователей нет обратного ответа).

Таким образом, в статье рассмотрены основные принципы работы социальных сетей и медиа. Показано, как используются социальные сети на примере министерства по чрезвычайным ситуациям. Использование социальных медиа является необходимостью для современного мира.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации: материалы Международной научно-практической конференции / под общей редакцией И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 165–168.
3. Калмыков А. А. Денисова М. А. Системное описание PR-технологии. // Оптимальные коммуникации (ОК) – эпистемический ресурс Академии медиаиндустрии и кафедры теории и практики общественной связности РГГУ; URL: <http://jarki.ru/wppress/2010/02/15/430/> (дата обращения: 01.09.2020)
4. Приказ МЧС России от 19.02.2019 г № 91 «Положение об Управлении организации информирования населения Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий».

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 167
ББК 87.256.6

Быльева Д. С., *Санкт-Петербург*

Исследование жизни человека в сети: нетнография, виртуальная этнография и другие методы

Жизнь современного человека все в большей степени протекает в цифровой среде, для исследования которой требуются новые исследовательские подходы и методы. В статье раскрываются специфика, преимущества и сложности нетнографии и виртуальной этнографии. Несмотря на огромные возможности, которые представляет доступность сетевой жизни исследователю, формальная обработка количественных данных не может дать адекватное представление о содержании жизни человека и его культурных практиках. Главной задачей новых методов становится качественная интерпретация данных. Также в статье предложен ряд направлений исследований жизни человека в сети.

Ключевые слова: нетнография, цифровая, виртуальная этнография, методы, интернет

Быльева D. S., *Saint Petersburg*

The study of human life in the network: netnography, virtual ethnography and other methods

The life of modern man is increasingly taking place in a digital environment, the study of which requires new research approaches and methods. The article reveals the specifics, advantages and difficulties of netnography and virtual ethnography. Despite the enormous opportunities presented by the accessibility of network life to a researcher, the formal processing of quantitative data cannot give an adequate idea of the content of a person's life and his cultural practices. The main task of new methods is the qualitative interpretation of data. The article also proposes a number of areas of research on human life in the network.

Keywords: netnography, digital, virtual ethnography, research methods, internet.

Все большая часть жизни человека сегодня происходит в интернете [4–7; 10]. Столь большие изменения произошли в жизни людей с развитием информационно-коммуникативных технологий, что некоторые исследователи говорят о новом наименовании Homo Virtualis или Homo cyberius. Многие области деятельности способны к полному переходу в онлайн среду, что доказал опыт вынужденной социальной изоляции 2020 г. из-за пандемии Covid-19. В тоже время данная область жизни людей используется сравнительно мало. Для теоретических исследований чаще всего использу-

ются социологические опросы, для практического применения Веб, мобильная аналитика, базирующаяся на записях веб-сервисов (логах) и других вариантах исследование онлайн действий. Данные в последнем случае привлекаются и обрабатываются (data mining) чаще всего используются для маркетинговых целей, также в образовательном онлайн процессе [16, 17]. Однако помимо невидимых онлайн-следов в сетях остаются вполне зримые мультимедийные отпечатки жизни людей в виде текстов, фотографий, видео и т. п. Тот значительный объём информации, который составляет огромный пласт жизни современного человека, остается мало исследован. В тоже время интернет-коммуникация сегодня не только отражение разнообразных отношений, представлений, взаимосвязей, существующих на данный момент в обществе, но и источник и акселератор многих новых социальных форм и дискурсов.

Помимо традиционных структурного, семиотического и контент-анализа сегодня существуют методы виртуальной этнографии и нетнографии, которые недостаточно широко освещены и используются в отечественной литературе в основном в качестве маркетингового инструмента [3; 9].

Виртуальная (кибер, цифровая) этнография появилась как исследование повседневной жизни людей и в цифровой среде, в соответствии с западным пониманием этнографии как изучения наполнения реальности существования человека: значение, смысл, образцы поведения [13]. В рамках виртуальной этнографии используется комплекс методов от использования технологий data mining до видео-дневников исследований. Термин «нетнография» был предложен Робертом Козинцем для описания качественного, интерпретирующего метода исследования пользовательского интернет-контента [14]. Автор подчеркивает, что большая часть используемых данных берется непосредственно из сети, тогда как виртуальная этнография часто полагается на традиционные этнографические офлайн-методы. В то же время Р. Козинец отмечает, что нетнография может принимать форму символической, цифровой, автоматической или гуманистической нетнографии, что подчеркивает руководящие принципы представления [14].

Обе методологии стремятся интерпретировать огромный объём данных сети, учитывая контекст социальной жизни. Как отмечают А. Георгакопулу и Т. Спилиоти, «контекст и контекстуализация – критический вопрос в цифровой этнографии не только из-за того факта, что в сегодняшнем сложном мире, мы все в большей степени сталкиваемся с полицентричной средой, действует множество нормативных центров, и очень мало что, если вообще что-либо, можно считать само собой разумеющимся» [11]. Первоначально исследования в области виртуальной этнографии опирались на логи, собранных онлайн, сегодня используется комбинация онлайн- и офлайн-данных. Кроме того, в некоторых случаях роль может играть выбор той или иной сети или мессенджера для коммуникации [12].

Уникальная возможность «присутствия» незримого наблюдателя при взаимодействии в сети открывает перед исследователями широкие возможности. Интернет представляет собой поликодовый глобальный объект исследования, позволяющий наблюдать появление и становление новых сетевых тенденций, изучать особенности восприятия и презентации разнообразных тем, коммуникации определенных социальных групп и т. д. Возможность включения в коммуникативный процесс непосредственной реакции, взаимодействия с людьми или даже провокации, дает возможность углубления этнографического сетевого исследования. Однако в ряде случаев, когда исследователь сам является частью исследуемой социальной сетевой общности, это может быть излишним. Хотя ряд цифровых этнографов вступают в личную коммуникацию с исследуемыми, возникает вопрос насколько правомерно совмещать сетевую и офлайн-идентичности личности.

В тоже время общедоступная часть информации сети составляет только часть общей коммуникативной системы, вторую невидимую часть составляют закрытые сообщества, частные сообщения и переписки, которые также представляют интерес. Однако в отличие от общедоступного контента, участие в подобном рода коммуникации и последующее ее использование в научных целях вызывает определенные этические вопросы, которые встают особенно остро, если речь идет о маргинальных группах. .

Новая цифровая реальность требует новых глубоких исследовательских подходов, гуманистических, феноменологических, экзистенциальных, в которых бы сочетались качественный и количественный методы, учитывались поликодовость коммуникации и возможность фальсификации любых данных. Козинц пишет, что целью нетнографии является анализ и хроника возникающих в эпоху цифровых технологий культурных представлений о себе, других, близких и связях [4].

Приведем некоторые направления исследовательских задач, которые решаются в рамках изучения сетевой жизни человека, многие из которых были опробованы в рамках нашей научной школы молодыми исследователями:

1. Исследование дискурса определенной проблемной темы. Изучение постов, объединенных соответствующим тегом на той или иной интернет-площадке позволяет увидеть образ определенной темы в сети, причем необходимо глубокое изучение не только вербальной, но и других составляющих, так как, например, порой фотография и текст находятся в противоречивом соотношении. Например, в исследовании childfree в сети видно, что вербальная рационализация гораздо разнообразнее базовых визуальных объяснений [15] Кроме того, необходимо понимать, что несмотря на то, что исследуются частные мнения отдельных людей, во многих случаях они оказываются лидерами мнений, так как высказывание своей позиции в сетях является определенным шагом и задает определенную рамку рассмотрения, а многие разделяющие позицию ограничиваются лайками.

2. Исследование комментариев. В отличие от предыдущего изучения обращения к неопределенной дружеской и широкой аудиторией, комментарии направлены на людей, имеющие советующие интерес и/или опыт. Те явления, комментарии к которым изучаются, чрезвычайно разнообразны: это могут быть объекты и явления физического мира (например, товары или футбольные матчи [1]) или сетевой контент.

3. Исследование флешмобов, челленджей и других подобных способов организации какой-либо активности с помощью социальных сетей.

4. Сетевой юмор (например, мемы). Наиболее популярные мемы сегодня распространяются в сети очень быстро благодаря огромную числу ретрансляторов, что говорит о его востребованности как выразители определенных сомнений или чаяний (например, мемы «как тебе такое, Илон Маск?») в которых с большей долей самоиронии приводятся примеры нестандартных российских технологических решений [8]. Юмор, как отмечает Л. С. Гуторенко, представляет собой порождение конфликта [2]. Креолизованная форма виртуального юмора содержит сфокусированное выражение смысла.

5. Исследования содержания групп. Большое количество групп в социальных сетях, объединяющих людей с определенными интересами и предпочтениями, позволяет увидеть важные составляющие представлений и самопрезентации определенных течений, сообществ, культур.

6. Исследование виртуальных миров. Компьютерные игры представляют собой особое поле исследования человеческого поведения в цифровой реальности, наиболее далеко отходящее от поведения в реальном мире. Модели поведения, этические стандарты и правила здесь требуют особого изучения.

7. Исследования поисковых запросов и поискового поведения в сети, сервисов вопросов и ответов и т. п. Постоянное обращение за ответами к поисковым серверам вошло в привычку современного человека. Причем часто речь идет не об информации, а о практических жизненных делах. Вопрос, какие подсказки ищет человек в сети для своей жизни, представляют большой интерес, так же как и ответы, которые дает ему сетевое сообщество.

8. Исследование групповой тематической коммуникации. Создание групповых чатов по разнообразным поводам стало нормой современного общества. Определенные социальные роли, предполагают обязательное участие в специфических чатах, например, родитель обязан участвовать в чатах по школьному и внешкольному образованию детей. Данные чаты помимо прочего раскрывают особенности функционирования социальных ролей

9. Исследование пользовательского видео. Видео-блогеры, стримеры и т. п. наполнили каналы разнообразным контентом. Их желание привлечь аудиторию всеми возможными средствами раскрывает перед исследователем содержание жизни определенных сообществ.

10. Исследование групп типа «подслушано», в которых авторы сами выступают в качестве этнографов, выделяя наиболее значимые по их мнению

элементы в конкретной социальной среде для их последующего онлайн-цитирования. Другим интересным вариантом откровенности являются группы, где пользователи анонимно делают необычные признания, рассказывая о себе вещи, которые мало кто знает.

Отдельные страницы социальных сетей и блоги, взаимосвязи между авторами и их «друзьями», контент, которым делятся, его «движение» и распространение (включая компьютерные алгоритмы анализа сети), использование фильтров и приложений для обработки фотографий и многие другие аспекты социальной интернет жизни также могут попадать в поле исследователя.

В отличие от опросов, в которых подчас отражается самопрезентация, нетнографические методы исследования позволяют увидеть цифровые миры различных общностей людей в их подлинности. Чем большее место в жизни человека приобретает онлайн деятельность, тем более востребованными становятся методы описания социального бытия человека в сети.

Список литературы

1. Виноградов В. Б. Комментарии пользователей спортивного сайта к статьям о футболе // Актуальные проблемы спортивной науки в аспекте социально-гуманитарного знания. М. : Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, 2019. С. 8–12.
2. Гуторенко Л. С. К вопросу о предпосылках лингвистических исследований юмора в сети «интернет» // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 183–191.
3. Гюль Д. В. Нетнография как стратегия социологического исследования: особенности применения в маркетинге // Экономика и социология. 2015. № 25. С. 7–12.
4. Евсеев В. В., Волкова Л. М. Физическая культура: сетевые технологии образовательной деятельности // Коммуникативные стратегии информационного общества. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 394–398.
5. Евсеева Л. И., Евсеев В. В. Проблема социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (8). С. 20–30.
6. Евсеева Л. И. Технологии политической коммуникации: сетевой характер и инструменты «on-line» // Технологии PR и рекламы в современном обществе : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2019. С. 113–116.
7. Одинокая М. А. Особенности и следствия использования открытых образовательных ресурсов и электронных курсов в российских вузах // Перспективные направления развития отечественных информационных технологий. Севастополь : Изд-во Севастопольского государственного университета, 2019. 408–410 с.
8. Сигунова А. А. Исследование интернет-мема «как тебе такое, Илон Маск?» // Коммуникативные стратегии информационного общества. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2019. С. 427–431.
9. Христофорова И. В. Применение нетнографических исследований для оценки результативности провокационного и партизанского маркетинга на рынке произведений искусства и культуры // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2019. № 4. С. 294–303.
10. Шипунова, О. Д., Евсеева Л. И. Тренды политического участия в сетевом обществе // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы» // X Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 488–491.
11. Georgakopoulou A., Spilioti T. The Routledge Handbook of Language and Digital Communication. Abingdon-on-Thames : Routledge, 2015.

12. Gershon I. Media Ideologies: An Introduction // Journal of Linguistic Anthropology. 2010. N 2 (20). P. 283–293.
13. Hymes D. Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality: Toward An Understanding of Voice. London : Taylor & Francis, 2003.
14. Kozinets R. V. Netnography // The International Encyclopedia of Digital Communication and Society. 2015. P. 1–8.
15. Nam T. Potential of students' project work using the example of childfree phenomenon analysis // E3S Web of Conferences. 2020. N 164. P. 12007.
16. Odinskaya M., Krepkaya, T., Sheredekina, O., Bernavskaya, M. The Culture of Professional Self-Realization as a Fundamental Factor of Students' Internet Communication in the Modern Educational Environment of Higher Education // Education Sciences. 2019. N 3 (9). P. 187.
17. Ruangvanich S., Nilsook P. Personality Learning Analytics System in Intelligent Virtual Learning Environment // 6th International Conference on Information Technology: IoT and Smart City – ICIT 2018. New York : ACM Press, 2018. P. 245–250.

УДК 316.77
ББК 87.465

Дораве Д. Р., *Бразилия, Сан-Паулу*
Купрякова А. П., *Украина, Харьков*

Этика кибербезопасности

В статье обсуждаются вопросы этической оценки интенсивно развивающихся приложений искусственного интеллекта в области кибербезопасности. Рассматриваются механизмы и модели внедрения этических стандартов в кибербезопасность и развитие социально-виртуального пространства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные изменения, кибербезопасность, киберпространство, виртуальное пространство, глубинное обучение, этика.

Dorave D. R., *Brazil, Sao Paulo*
Kupryakova A. P., *Ukraine, Kharkov*

Cybersecurity ethics

The article discusses the ethical assessment of intensively developing applications of artificial intelligence in the field of cybersecurity. The mechanisms and models of the implementation of ethical standards in cybersecurity and the development of social and virtual space are considered.

Keywords: artificial intelligence, informational changes, cybersecurity, cyberspace, virtual space, deep learning, ethics.

Распространение компьютерных вирусов WannaCry и NetPetya в 2017 г. продемонстрировало, что целенаправленные атаки на киберинфраструктуру, сервисы, а также мобильные и персональные компьютеры могут обладать серьезным разрушительным потенциалом для цифрового общества. Например, борьба с последствиями заражения компьютерным вирусом NetPetya каждой из компаний Merck, Maersk и FedEx обошлась приблизительно в 300 млн долл. Каждый год бизнес несет многомиллиардные потери вследствие кибератак. Статистика 2018 г. показывает, что более 2,6 млн пользователей компьютеров каждый день сталкивались с новым вредоносным программным обеспечением (ПО). «В кибератаках использовалось более 1,7 млн различных типов вредоносного ПО, и более 60 % атак продолжалось менее одного часа» [1].

При этом кибератаки становятся все более частыми, ухищренными и разрушительными. Этому в большой степени способствует то, что в киберпространстве легче нападать, чем защищаться, а также то, что большая часть атак остаются неидентифицированными и, как следствие, безнаказанными. В связи с этим разработки в области искусственного интеллекта (ИИ) с целью усовершенствовать защиту сервисов и пользователей и уменьшить разрушительное воздействие вредоносного ПО привлекают большое внимание специалистов и простых пользователей.

Использование приложений ИИ в области кибербезопасности сопряжено как с негативными, так и с позитивными факторами. Негативная сторона применения приложений ИИ (в форме машинного или глубинного обучения) заключается в усилении рисков эскалации кибератак, которые могут стать более точными, быстрыми и разрушительными. Системы ИИ способны обнаруживать уязвимости в ПО, которые часто ускользают от внимания экспертов, и использовать их для атаки выбранной цели.

Повсеместное распространение систем ИИ делает контроль работы таких систем все менее эффективным и увеличивает риски. Поэтому, считает автор, важно начать разрабатывать регулятивные нормы использования приложений ИИ в области кибербезопасности как для частного, так и для публичного секторов, пока эта технология находится в стадии развития. В противном случае киберпространство может стать нестабильным, небезопасным и насыщенным вредоносным ПО с применением алгоритмов ИИ.

Позитивным эффектом внедрения разработок ИИ в области кибербезопасности может стать значительное улучшение механизмов защиты от кибератак и, соответственно, существенно возросшая стабильность киберпространства. С точки зрения системного уровня приложения ИИ для кибербезопасности могут оказать наибольший эффект в трех областях: 1) надежности систем; 2) сопротивляемости (resilience) систем; 3) ответа систем (system response).

Для каждого из этих аспектов потенциал разработок ИИ связан с серьезными этическими рисками, игнорирование которых может замедлить внедрение систем ИИ в сферу защиты от кибератак или создать значительные проблемы для общества. Автор статьи рассматривает каждый из этих аспектов. Надежность систем. Вопрос повышения надежности систем встает в связи с широким распространением систем ИИ.

Использование алгоритмов ИИ для проверки ПО – новая область ИР, которая занимается созданием программ, «способных к самотестированию и самовосстановлению» [2]. Применение разработок ИИ в этой области упрощает проверку ПО, делая ее более аккуратной и быстрой и, таким образом, освобождая экспертов от утомительной работы. Благодаря новым приложениям ИИ проверка ПО может выйти на новый уровень, существенно снизив опасность так называемых эксплойтов и уязвимостей нулевого уров-

ня (zero-days). Вместе с тем активное использование алгоритмов ИИ в целях проверки ПО может привести к полной утрате навыков обычных экспертов.

Соответственно, эксперты в области кибербезопасности должны продолжать проверять системы так же, как «врачи продолжают осматривать рентгенограммы, чтобы быть в состоянии осуществлять свою деятельность, если ИИ не работает или работает ошибочно» [1]. Сопротивляемость систем. В последнее время алгоритмы ИИ все чаще используются для обнаружения угроз и аномалий.

Такие системы способны классифицировать угрозы в соответствии с возможной степенью исходящего от них риска и помещать вредоносное ПО в карантин. Такого рода сканеры используются для обследования файлов, электронной почты, мобильных и персональных компьютеров или трафика в сети. Однако им можно найти и более широкое применение – для мониторинга действий самих пользователей. В частности, эти системы могут использоваться для аутентификации пользователей на основе зарегистрированных биометрических профилей, например уникальных для каждого пользователя паттернов движения компьютерной мышью.

Поэтому, несмотря на то что применение алгоритмов ИИ для обнаружения угроз и аномалий способно в значительной степени повысить сопротивляемость систем и сервисов к атакам, здесь возникает очевидный риск тотальной слежки за рядовыми пользователями. Массированный сбор информации может поставить под угрозу неприкосновенность личных данных. Ответ систем. С одной стороны, активное распространение приложений ИИ может сделать кибератаки более ухищренными и опасными, с другой – наработки ИИ должны помочь в усовершенствовании ответных мер киберзащиты.

В настоящее время уже продаются автономные системы, способные выучивать алгоритмы действия вредоносных программ и генерировать ловушки для их разработчиков. Кроме того, в недавнее время появились прототипы кибероружия с использованием технологий ИИ, включая автономное вредоносное ПО и автономные атакующие транспортные средства. Все это, подчеркивает автор, имеет большое значение для государственных стратегий киберзащиты, уже реализованных в некоторых странах.

Приложения ИИ в области ответа систем несут с собой самые серьезные вызовы для стабильности киберпространства. Учитывая новые способности ИИ, в 2018 г. группа сенаторов США предложила разрешить компаниям производить ответные взломы в случае кибератак. Эта инициатива не была одобрена, однако за ней прослеживается опасная тенденция к эскалации атак и последующих откликов с применением новейших разработок из области ИИ. Чтобы предотвратить гонку вооружений в киберпространстве, утверждает автор, международное сообщество должно разработать нормы, регулирующие действия стран в киберпространстве.

Необходимо также учредить ответственные органы, которые могут: 1) договориться о международных нормах; 2) подтвердить соблюдение этих норм странами на национальном и международном уровнях; 3) инициировать расследования предполагаемых поддерживаемых (или спонсируемых) государством кибератак; 4) разоблачать нарушения и отслеживать источники предполагаемых кибератак; 5) налагать адекватные виды санкций и наказания.

По нашему мнению, все заинтересованные стороны должны принять участие в широком обсуждении этого вопроса и провести глубокий этический анализ, для того чтобы избежать вызванные развитием ИИ всевозможные риски: потерю навыков специалистами; массовую слежку за пользователями; потерю контроля систем ИИ. Альтернативная возможность заключается в том, что риски могут перевесить выгоду, и общество откажется от использования разработок ИИ в области кибербезопасности. Координированные усилия гражданского общества, политиков, бизнесменов и ученого сообщества, пишет в заключение автор, помогут найти наилучшие стратегии для использования достижений в области исследования ИИ на благо человечеству.

Литература

1. Chaines L., Barrett L. F. Redefining the role of limbic areas in cortical processing // Trends in cognitive sciences. 2016. Vol. 20, N 2. P. 96–106.
2. Taddeo M. Three ethical challenges of applications of artificial intelligence in cybersecurity // Minds and machines. 2019. Vol. 29, N 2. P. 187–191.

УДК 2-41
ББК 86.20

Косиченко А. Г., *Республика Казахстан, Алматы*

Православие и виртуальное пространство: вызовы и возможности

В статье рассмотрены возможности и проблемы православной миссии посредством всемирной сети, а также духовные ориентиры развития виртуального мира через прохристианские ценности. Анализируются особенности развития христианского начала в виртуальном мире.

Ключевые слова: православие, виртуальное пространство, вера, духовность, возможности, вызовы, развитие.

Kosichenko A. G., *Almaty*

Orthodoxy and virtual space: challenges and opportunities

The article discusses the possibilities and problems of the Orthodox mission through the world wide web. The spiritual guidelines for the development of the virtual world through pro-Christian values are considered. The features of the development of the Christian principle in the virtual world are analyzed.

Keywords: Orthodoxy, virtual space, faith, spirituality, opportunities, challenges, development.

Христианская миссия – для определенности мы будем говорить о православной миссии – может осуществляться в самых разных формах и различными способами. Средства коммуникации совершенствуются в историческом процессе, и вот сейчас на доминирующие позиции вышел интернет, возможности виртуального пространства все ширятся и множатся. Возможностями всемирной сети православию не следует пренебрегать. Вместе с тем вполне естественно встает вопрос: как, каким образом и в каких пределах православие может «задействовать» виртуальное пространство интернета, не утрачивая чистоту веры и не подменяя миссию в интернете бесплодными разговорами вокруг религии, не угодничая перед аудиторией, не идя на поводу у «духа мира сего». Легче всего занять одну из двух крайних позиций: или безоглядно доверять виртуальному пространству, восхвалять все возрастающие его возможности или безапелляционно заявить о вредности интернета для православия. Взвешенное и реалистическое отношение к данному вопросу требует более глубокого проникновения в сущность проблемы.

Во всемирной сети подкупает тот факт, что в ней уже сложились аудитории, социальные и возрастные группы, активно пользующиеся интернетом; среди них, казалось бы, и можно вести православную проповедь. Взять, к примеру, молодежную аудиторию. Прямая проповедь православия в этой среде малоэффективна. За последние десятилетия идеалы меркантильности и безудержного потребления овладели молодыми людьми в очень значительной мере. Принимаются в основном те ценности и те способы жизни, которые оказываются эффективными в горизонте материального успеха, карьерного роста, комфорта. Религия рассматривается молодежью (в массе своей) в лучшем случае как извинительная, пригодная для людей пожилого возраста и оказавшихся на периферии жизни. Религия в массовом молодежном сознании отыграла свою роль в истории, превратилась в рудимент и утешение для маргиналов. Религия не нужна для жизненного успеха, она бессильна в борьбе за «жизненное пространство», она лишает активности и пассионарности. В таких условиях и при таком подходе религия, действительно, малопривлекательна для многих слоев общества. Вот если бы религия продемонстрировала свою мощь и возможности для достижения успеха в выше обозначенных смыслах, то, да, на нее можно было бы обратить внимание, к ней можно было бы присмотреться. То есть, повторим, прямая проповедь православия и в «живую» и в виртуальном пространстве малоэффективна.

Интернет, на первый взгляд, предоставляет доступ к молодежной среде для донесения до нее истин православия. В интернете уже имеются готовые группы, в том числе и интересующиеся духовной проблематикой. Но присмотревшись, мы увидим, что в виртуальном пространстве духовный мир понимается этими группами в основном в его мистических, эзотерических, псевдостоличных проявлениях. Тиражируется и активно обсуждается именно подобная проблематика. Мировые религии и особенно религии авраами-

ческие, отличающиеся строгостью и духовной дисциплиной, не в чести у этих аудиторий. Молодежи намного легче и удобнее чувствовать свою принадлежность к духовному миру, вроде бы во что-то верить, догадываться о существовании духовных сил, но при этом сохранять за собой право безответственно относиться к требованиям веры и оставаться эгоистом в повседневном поведении. Именно в таком положении находятся люди, и молодые люди в том числе, при их интересе к «вопросам религии» в виртуальном пространстве. Это, действительно, готовая, сложившаяся среда, но среда малопригодная для православной миссии. Ее духовная тяга уже удовлетворена прикосновением к ложно понятым духовным истинам.

Здесь имеется параллель с попытками миссии в среде футбольных и прочих фанатов. Сообщества фанатов – тоже, вроде бы, сложившаяся, готовая аудитория: бери ее и проповедуй, конечно, учитывая специфику этой аудитории. Но следует понимать, что сообщества фанатов сложились по другому поводу и с иной целью, нежели проповедь религиозных ценностей. Сообщества-то сложились, но насколько они готовы воспринять религиозные ценности? И даже, когда нам представляется, что эти сообщества готовы принять религиозную истину на эмоциональном или сознательном уровне, надо подождать, посмотреть удерживают ли эти сообщества религиозные ценности по истечении некоторого времени, сохраняют ли они, казалось бы, воспринятые чувства, мысли, ценности. И практика показывает, что нет, не удерживают, не сохраняют, не укореняются эти идеалы и ценности. Так, что вопросы эти очень непростые.

Имеются сферы деятельности православия, и Русской Православной Церкви в частности, достаточно удачные и эффективные в деле миссии во всемирной сети. Например, сфера социального служения и социального партнерства Церкви с государством. Интернет вполне способен быть инструментом социального служения Церкви, в частности расширения совместных благотворительных проектов и сетевого участия в различных патронажных деяниях. Бесценен интернет и в процессах информационного освещения этой деятельности. Конечно, и здесь надо быть чуткими и отсекавать авантюристические и прожектерские попытки, а также прямое стремление к наживе, что, к сожалению, имеет место в виртуальном пространстве. Но интернет, безусловно, эффективен в данной сфере.

И здесь, однако, не без ложки дегтя. Социальное служение, особенно в современном, озлобившемся до предела мире – дело предельно важное и ценное. Участие в социально значимых проектах воспитывает в людях сострадание и любовь к ближнему. Социальную миссию Церкви вполне можно считать практическим воплощением идеалов православия. Однако, сводить миссию православия к его социальному служению нельзя. Социальное служение религий имеет тенденцию выхолащиваться в дела светского милосердия. Которые сами по себе тоже хороши, но они далеки от сущности христианства, от задач обожения человека, от цели спасения души для веч-

ной жизни и обретения Царства Небесного. В христианстве мало быть хорошим человеком, надо быть христианином. Если социальное служение религий в виртуальном пространстве достаточно эффективно, то проповедь сущности христианства в интернете крайне затруднена. Интернет может знакомить с верой. Но веру привить не может. Интернет может как способствовать знаниям о Боге, так и уничтожать слабые начатки веры: через критику священства, через раздувание его слабостей и пороков, через мнимую клерикализацию государства, да и много еще посредством каких средств.

Традиции православного наставничества исходят из личного общения учителя и ученика. В виртуальном пространстве личностное общение сомнительно, несмотря не «раздевание» себя перед интернетовской аудиторией. В цифровом пространстве личностное общение в духе минимизировано, имеет место диссипация духовного. Можно возразить, что во времена евангельские тоже не всегда общались в духе «уста к устам», но и апостолы писали послания, и не были ли эти послания неким подобием сегодняшнего виртуального пространства? Тогда, да, писали письма и послания, а сегодня имеем интернет – тоже средство коммуникации. Лживое рассуждение. То же, да не то. Виртуальное пространство только на первый взгляд идейно и ценностно нейтрально. Оно предоставляет возможности для всего: любой позиции, точки зрения, дискуссии и т. д. Но это чуждое религии пространство. И чем больше различных проблем и тем обсуждается в интернете, чем разнообразнее и всесторонне представлены в нем точки зрения и суждения грамотных и совсем неграмотных людей, тем меньше остается в нем пространства для привития религиозных истин и ценностей.

Имеет смысл несколько отступить от непосредственной темы данной статьи и подчеркнуть, что бездуховна, и, скорее, антидуховна вся сфера, вся продукция так называемых высоких технологий. Массовая продукция высоких технологий вошла в наш быт, стала необходимым элементом нашей привычной жизни, внедрилась в «плоть и кровь» современного общества, стала нашей повседневностью. Каждодневное и широкое использование товаров, произведенных в сфере высоких технологий для массового потребления, отличается от потребления других товаров. Их потребитель, чаще всего, не имеет представления о принципах работы этих товаров: он использует эти товары, и все. Мало кто знает, на каких принципах работает сотовый телефон, компьютер, даже современный телевизор. Когда человек пользуется тем, сущности чего он не знает, он помещает себя в сомнительное пространство своего существования, которым человек не способен управлять. Тем самым создается поистине виртуальная реальность, имеющая мало сфер пересечения с реальностью, в которой мы еще продолжаем свою жизнедеятельность.

Когда человек существует в реальности, которую он не освоил, сущности которой он не знает, причем масштабы этой реальности расширяются с нарастающей скоростью, это очень опасно: виртуальное пространство не

одухотворено человеком, а, значит, оно опасно в мировоззренческом и духовном отношении, в нем возможна духовность зла. Приходится констатировать, что высокие технологии, вопреки ожиданиям с ними связанным, принесли человеку не благоденствие, а ощутимую угрозу. Развитие высоких технологий в сфере массового производства в условиях доминирования потребительского мировоззрения и явного ослабления духовности в современных обществах способствует деградации человека и полнейшему разрушению его духовности.

Сказанное вовсе не означает, что не надо пытаться входить в виртуальное пространство с задачами православной миссии. Но входить надо не теряя православных истин; интеграция в сеть не должна быть утратой глубины и целостности православия. Следовательно, встает задача «очеловечения», одухотворения как продукции высоких технологий, так и в нашем случае – всемирной сети. Одухотворенное хотя бы в малой степени виртуальное пространство могло бы быть сферой православной миссии. Но в какой мере возможно одухотворение виртуального пространства, и возможно ли такое одухотворение вообще? Ведь сегодня приходится констатировать, что пространство сети мало того, что не одухотворено, но оно бездуховно, даже антидуховно; причем его антидуховность сознательно смоделирована. Не лишено основания суждение о том, что всемирная сеть задумана и внедрена как раз с целью разрушения духовного мира человека и общества.

Итак, надо задействовать возможности новых коммуникационных технологий. Но все следует делать с духовным разумением. Нельзя принимать условия, на которых функционирует всемирная сеть. Следует помнить отрицательный смысл, вложенный в Евангелии в термин «сеть», тем более – всемирная сеть. Кроме того, далеко не всякая современная форма информационных потоков обладает способностью быть духовной в позитивном значении. Уж если и традиционные формы общения утрачивают духовное содержание, то всемирная сеть, созданная с иными, прямо противоположными целями, может ли быть одухотворена? На первый взгляд, задача безнадежна. Как одухотворить всемирную сеть? И кто мы такие, чтобы браться за одухотворение виртуального пространства? Мы греховны и немощны. В таком состоянии сеть не одухотворить. Только сами «расплещем» свой небольшой багаж духовности. Сеть обладает своими жесткими правилами, вхождение в нее принуждает действовать по правилам сети. А правила эти, бесспорно, далеки от христианских.

Кто или что нам мешает одухотворить всемирную сеть, придать ей духовный потенциал и содержание? А сама сеть и мешает. В теперешнем ее состоянии ее нельзя «переформатировать», перепрофилировать, насытить духовным содержанием. Сеть отторгает позитивное духовное содержание, тем более содержание явно религиозное. Для того чтобы вмешаться в «идеологию» всемирной сети, чтобы хотя бы приступить к переформатированию сети в направлении придания ей некоторой позитивной, христиан-

ской духовности, надо обратиться к такому способу реформативирования, к такому ее перепрофилированию, какой способен превратить ложь в истину и зло в добро.

Методология такая сегодня формируется в связи с более прагматичными задачами поиска ответов на постоянно множасьщиеся и углубляющиеся общемировые вызовы и угрозы самого разного рода. Контекст этих поисков таков. Современный мир в высокой степени нестабилен, причем нестабилен стратегически. Если еще в середине XX века стабильность являлась определяющим условием развития и прогресса и на мировом и на страновом уровне, то сегодня возникла необходимость развития в условиях полнейшей нестабильности практически во всех сферах существования человечества. Можно сожалеть об утраченных парадигмах развития, но будет более разумным и оправданным вести поиск новых возможностей развития именно в условиях нестабильности. Глобальная нестабильность на практике и проявляется именно как нарастание вызовов и угроз разного рода и разного уровня в адрес всего мирового сообщества, в адрес каждой страны, в адрес всех сфер человеческой жизнедеятельности.

Обычная реакция на вызовы и угрозы – минимизация потерь от них, попытка избавиться от них и стремление снизить их потенциал. Но этот способ противостояния вызовам и угрозам ущербен, так как он вынуждает только реагировать на вызовы, «плестись в хвосте событий», быть страдательной стороной. Новая методология ответов на вызовы и угрозы состоит не в попытках минимизировать потери от них, но в трансформации вызовов и угроз в возможности развития целых областей экономики, политической сферы, культуры, духовности.

Всемирной сети не следует бояться или игнорировать ее. Она, безусловно, несет с собой вызовы и угрозы, но, всемирная сеть предоставляет и возможности, причем немалые. Превращение вызовов и угроз всемирной сети в возможности, тем более в возможности развития – это лучшая стратегия реагирования на вызовы, возникающие при росте объемов виртуального пространства. Но легко сказать – превращать вызовы в возможности, а как это делать в каждом конкретном случае? Это большая и отдельная тема, выходящая за пределы данной статьи, но мы обязаны хотя бы кратко осветить ее. Вызов несет в себе проблематику и энергетику той сферы, какой этот вызов касается. Т. е., в вызове уже содержится ответ на сам вызов – надо только рассмотреть этот ответ, раскрыть его, увидеть его позитивное содержание.

Возьмем такой пример вызова как бездуховность или даже антидуховность виртуального пространства. Всемирная сеть формирует, концентрирует и аккумулирует массы, настроенные бездуховно; она тиражирует антидуховное отношение ко всему в мире, к человеку, к обществу, к искусству, к жизни вообще. Интернет склонен к резкости, критике, взаимным претензиям, ко лжи, злобе, развязной речи. В нем нет сердечности, редка искрен-

ность, глубина мысли – нет всего того, что связано с духовным, с религиозными ценностями. Коль скоро, такими средствами достигается бездуховность интернета, то надо насыщать всемирную сеть прямо противоположным содержанием – т. е., добром и любовью, причем насыщать не в борьбе, не протестом, а как указывает ап. Павел, любовью. «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (I Кор. 13,4:7).

В известном смысле интернет отображает более общую картину присутствия христианства в современном мире. Секулярный мир отторгает христианство, с его раздражающей современного человека требовательностью. Вера в Бога понимается сегодня как утрата свободы и бессмысленная жертвенность. Всемирная сеть концентрирует это отношение и тиражирует его. Но виртуальная реальность является реальностью сегодняшнего дня, и Бог попустил эту реальность. Всякое попущение исправляется покаянием и любовью. Поэтому мы можем переформатировать негативную духовность всемирной сети (вызов) в созидание христианской духовности (возможность), но от нас требуется как раз то, от чего современный мир отвернулся: жертвенность и любовь – ими творится христианская действительность, ими зло превращается в добро. Жертвенность сегодня воспринимается как некая потеря, как утрата социального статуса, в то время как жертвенность есть путь сострадания, покаяния, обретения утраченного богообщения – но объяснить это современному человеку практически невозможно. Деформированное религиозное сознание, а виртуальное пространство тем более, разделяет, разводит жертвенность и радость веры, жертвенность понимается как страдание, а не как приближение к Богу в радости. Можно подумать, что вернуть истинное понимание жертвенности и любви современному человеку задача еще более сложная, чем одухотворить содержание виртуальной реальности, что любовь и жертвенность – качества святых, до которых нам далеко, однако это не так, и любовь ближе нам и естественнее, чем мы думаем, она – наша сущность, вот только мы об этом забыли. Но если мы хотим быть с Богом, придется актуализировать эту сущность, иначе, зачем нам одухотворять всемирную сеть.

УДК 316.342.
ББК 67.55

Хамуратова Ф. Х., *Казахстан, Нур-Султан*

Роль виртуального пространства в современном казахском обществе

В статье рассматривается воздействие виртуального пространства на современное казахское общество, показывается, как различные поколения адаптируются к нововведениям, анализируются основные факторы воздействия виртуализации (образовательная, досугово-коммуникативная и профессиональная сферы) и делаются выводы о дальнейшем внедрении виртуализации в повседневную жизнь.

Ключевые слова: виртуальное пространство, казахское общество, факторы развития, условия изменения, поколения.

Khamuratova F. Kh., *Kazakhstan, Nur-Sultan*

The role of virtual space in modern Kazakh society

The article discusses the impact of virtual space on modern Kazakh society, shows how different generations adapt to innovations, analyzes the main factors of virtualization's impact (educational, leisure, communicative and professional spheres) and draws conclusions about the further implementation of virtualization in everyday life.

Keywords: virtual space, Kazakh society, development factors, conditions of change, generation.

Виртуальное пространство занимает все больше места в современном обществе. Казахстан не является исключением. Все больше социальных процессов, важных для жизнедеятельности общества, происходит в виртуальном пространстве. Это касается социального воспроизводства семьи, здоровья, образования, религии, воспитания, работы и много другого. Сложно недооценивать значимость виртуальности в процессе изучения современной социальной динамики.

Социологическое измерение виртуальности обеспечивается через ее основные характеристики: 1) обладает нематериальным воздействием на нашу реальную жизнь (изображение производит такие эффекты, которые ранее были характерны только для вещественного мира); 2) обладает условностью параметров (все объекты искусственны и изменяемы); 3) обладает эфемерностью (свобода входа и выхода обеспечивает возможность пребывания и возможность возобновления существования).

Некоторые ученые (Р. В. Иванов [1,2], Р. В. Леушкин [3]) говорят о такой черте виртуальности как вторичность (по отношению к реальности). В виртуальности дублируется то, что происходит в реальном мире, но то, что имеет виртуальную природу. На практике это выражается в том, что виртуальность расширяет характер социального взаимодействия, переводя его в интерактивный сетевой режим, расширяя количественный состав участников взаимодействия и освобождая от территориальной привязанности.

Исследователи виртуальной реальности часто рассматривают ее как нечто противоположное константной реальности, возникающей на основе «действительности» социального мира. Такое противопоставление, с нашей

точки зрения, не может быть признано корректным по той причине, что виртуальная реальность – это особый тип социальной реальности, объясняемый на основе методологических установок феноменологии. Оппозицией социальной реальности является не виртуальная реальность, а фантастически-симулятивное представление о явлениях социального мира [4]. Понятия «социальная реальность» и «виртуальная реальность» связаны между собой на основе принципа взаимодополнения. Понятие «социальная реальность» впервые было введено в научный дискурс в рамках феноменологического подхода к объяснению жизненного мира А. Шюцем. Социальная реальность, рассматриваемая как «мир повседневности», наделена А. Шюцем вполне определенными феноменологическими характеристиками.

Социальная реальность – это содержание жизненного мира, мир культурных объектов и социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти себе точку опоры и с которым мы должны наладить взаимоотношение [5]. Совершенно очевидно, что при использовании в социологическом дискурсе терминологического оборота «социальная реальность» необходимо опираться на социологический подход А. Шюца, который писал: «Социальная реальность содержит в себе элементы веры и убеждения, которые реальны, поскольку так их определяют участники» [4]. Справедливость подобного рассуждения подтверждается логикой известной теоремы Томаса: *Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям.*

Можно выделить следующие социально-философские аспекты электронной среды, к которым обращаются современные исследователи:

- трансформация социальных институтов в условиях развития информационного общества;
- развитие онлайн-сообществ, их взаимодействие между собой и традиционными сообществами;
- влияние развития Интернет на изменение системы социальной коммуникации;
- трансформация современного образования, развитие дистанционного образования;
- проблема сохранения культурной идентичности;
- формирование «электронной экономики»;
- формирование «электронного правительства» и др.

В нашем исследовании приняло участие 2200 жителей Казахстана в возрасте от 18 до 80 лет, все они занимают различные социальные статусы, но ключевой квотой при выборке (помимо пола и возраста), было присутствие в виртуальном пространстве. Мы исследовали – какие сферы жизни наиболее задействованы в виртуальном пространстве среди представителей различных социально-демографических и социально-стратификационных групп.

Вполне очевидно, что виртуальность для разных людей имеет не одинаковое значение. Применяя факторный анализ (табл. 1), мы смогли выявить основные сферы, способствующие наиболее активному использованию виртуальности в повседневной жизни, при описании 76,5 % общей дисперсии.

Таблица 1

Факторный анализ значимости виртуального пространства в казахском обществе

Фактор	Переменные	Коэффициент
Образовательный Вес фактора – 26,5. Объяснительная дисперсия – 29,5 %	Я узнаю что-то новое, интересное, полезное, что развивает меня как человека и как личность	0,786
	Я нахожу информацию, которая мне пригодится в процессе обучения в образовательном учреждении	0,766
	Я нахожу информацию, которая помогает мне повышать свою квалификацию	0,724
Досугово-коммуникативный Вес фактора – 22,2. Объяснительная дисперсия – 38,9 %	Я играю в сетевые компьютерные игры с друзьями	0,788
	Я общаюсь через социальные сети с друзьями и родственниками	0,753
	Я слушаю музыку, смотрю фильмы, развлекаюсь	0,713
	Я восстановила связь с дальними родственниками живущими в других странах	0,689
Профессиональный Вес фактора – 15,5. Объяснительная дисперсия – 8,1 %	Я выполняю свои профессиональные обязанности через работу в виртуальном пространстве	0,754
	Я собираю и систематизирую информацию, которая может скорректировать работу нашей организации	0,731
	Мои аналитические разработки опираются на тех изменениях, которые происходят в мире в разных отраслях жизни, без этой информации, получаемой в виртуальном пространстве – мы не сможем работать	0,712

Но для различных социальных групп, выделенные факторы имеют не одинаковые смыслы. Например, для молодежи, образовательный фактор реализуется через отказ от чтения бумажных книг, на поиск информации в информационном пространстве сети Интернет. Для людей среднего возраста, образовательный фактор реализуется через получение новых компетенций, например – как приготовить какое-то блюдо или сделать что-либо. Для людей старшего возраста – образовательный фактор связан с освоением новых программ и технологий, в обучении иностранному языку или занятиям спорта дома через интерактивные видео уроки.

Досугово-коммуникативный фактор наиболее важен в молодом возрасте, он позволяет играть, общаться, быть на связи со своими друзьями в любой момент времени. Для более старших возрастов он в большей мере связан с общением с родственниками в разных уголках страны или проживающими в разных странах, встреча с которыми маловероятна из-за финансовых или культурно-политических причин.

Профессиональный наиболее актуален для представителей среднего возраста, кто наиболее активно вовлечен в рабочее пространство. Хотя, молодые люди также начинают осваивать данный фактор в основном благода-

ря удаленной работе или работе фрилансом. Представители старшего поколения мало им пользуются.

В таблице 2 указаны сфера, где виртуализация жизни произвела положительные, а где отрицательные изменения.

Таблица 2

Оценка воздействия виртуализации казахского общества

Поколение	Сфера	Положительные изменения	Отрицательные изменения	Нет изменений
Младшее	Образовательная	34,5	35,6	29,9
	Досугово-коммуникативная	59,8	8,1	32,1
	Профессиональная	62,2	9,1	28,7
Среднее	Образовательная	45,7	38,9	15,4
	Досугово-коммуникативная	37,8	36,5	25,7
	Профессиональная	66,3	7,2	26,5
Старшее	Образовательная	25,5	36,7	37,8
	Досугово-коммуникативная	55,4	11,3	33,3
	Профессиональная	47,8	21,3	30,9

Интересен тот факт, что положительные изменения в образовательном секторе наиболее выражены у представителей среднего поколения. Как ни странно, для представителей младшего поколения – возможность получения информации для образования, не означает ее усвоение и освоение. Дистанционные формы работы школ, вузов, даже, по мнению молодых людей, уменьшают качество получаемых ими знаний.

Досугово-коммуникативная сфера увеличивает коэффициент положительных изменений у молодежи и представителей старшего поколения, тогда как среднее относительно нейтрально воспринимает происходящие изменения.

Профессиональная сфера наиболее актуальна для среднего и младшего поколения, что вполне понятно, так как именно они являются активными участниками рынка труда, но и представители среднего поколения также достаточно активно и позитивно воспринимают нововведения.

Для наших респондентов близкий круг (семья и друзья) выступают основным фактором, способствующим активизации применения виртуального пространства в повседневной жизни, только для трети казахов, это внешние условия (требования работодателя или юридические требования) (табл. 3).

Таблица 3

Круг тех, кто подталкивает к освоению виртуального пространства

Поколение	Друзья	Семья	Начальник, коллеги
Младшее	71,7	11,8	16,5
Среднее	14,3	30,2	55,5
Старшее	15,4	72,3	3,1

Таким образом, мы видим замкнутый круг – близкий круг подталкивает, и в то же время именно с ним и происходит взаимодействие в рамках виртуального пространства. Мы можем говорить о переносе уже имеющихся отношений в новое пространство. Молодые люди могут в этом пространстве более активно налаживать коммуникации, и заводить друзей и взаимодействовать с коллегами не имея с ними личного знакомства. И это уже будет тенденция будущего, когда не только молодежь, но и все поколения смогут так выстраивать свои коммуникации. На сегодняшний день – данный вид социального контакта только начинает набирать обороты.

Список литературы

1. Иванов Р. В. Феномен смешанной реальности на основе синтеза мифов объективного и виртуального миров // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы II ежегодной научно-практической интернет-конференции. Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук. 2017. С. 370–373.
2. Иванов Р. В. Социальные факторы виртуализации общества // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 15–18.
3. Леушкин Р. В. Виртуальное социальное пространство: понятийная база исследования // Философская мысль. 2017. № 7. С. 54–63.
4. Маркова Т. В., Мартыанов Е. С. Виртуальная реальность как социальный феномен // Интерактивная наука. 2018. № 5. С. 64–66.
5. Медникова М. М., Новикова С. А. Место виртуальной реальности в жизни современной молодёжи // Вопросы науки и образования. 2017. № 5. С. 140–145.

УДК 316.3+004
ББК 65.49

Антоненко Н. А., Бабаев А. Б., Екатеринбург А. Л., Тула

Умный город как социальный проект

Статья посвящена социальным аспектам концепции умного города, а именно сервисам, интегрированным в платформу умного города, и ориентированным на социально незащищенные группы населения. В статье предложен примерный перечень данных сервисов, а также рассмотрены технологические основы их функционирования. В рамках данной статьи предлагается ориентироваться на отдельные категории граждан. Рассматриваются предполагаемые сервисы умного города, которые ориентированы на каждую из предложенных категорий населения. Отмечается важность использования данных сервисов для социально незащищенных групп населения.

Ключевые слова: умный город, социальная политика, социальные сервисы, единое при-ложение для сервисов умного города.

Antonenko N. A. Babayev A. B., Katerinichev A. L., Tula

Smart city as a social project

The article is devoted to the social aspects of the smart city concept, namely services integrated into the smart city platform and aimed at socially vulnerable groups of the population. The article offers an approximate list of these services, as well as the technological bases of their functioning. In this article, it is proposed to focus on certain categories of citizens. The proposed smart city services are considered, which are focused on each of the proposed population categories. The importance of using these services for socially vulnerable groups of the population is noted.

Keywords: smart city, social policy, social services, unified application for smart city services.

В настоящее время существует ряд концепций умного города [2; 3; 5], в которых уже достаточно хорошо проработаны основные аспекты, а также имеются примеры их практической реализации.

Наиболее продвинутым на текущий момент проектом является город Фудзисава, расположенный в 50 километрах от Токио в префектуре Канагава [6]. Главным идеологом проекта является компания Panasonic, которая разработала и внедрила все необходимые технологии. Проект в основном ориентирован на создание максимально экологичного поселения.

Умную инфраструктуру образуют системы эко энергетики на основе солнечных батарей, размещенных на улицах и крышах домов, умные бытовые приборы, которыми оснащены дома города, позволяющие экономить энергию и воду, умное освещение, реализованное на светодиодах, городские системы безопасности, построенные на базе продвинутого видеонаблюдения за улицами города, электрический городской и личный транспорт, развитая система проката электромобилей, электроскутеров и электровелосипедов, стимулирующая отказ жителей от использования личного транспорта в пользу арендованного и общественного. Также созданы каналы прямого общения жителей с городскими властями через городской портал и единое мобильное приложение. Дополнительно каждая семья ведет специальный блог, в котором через описание различных бытовых ситуаций выдвигаются предложения по совершенствованию и развитию городской среды. Целевой экономической моделью принята шеринговая модель экономики, которая существенно снижает экологическую нагрузку городской инфраструктуры на окружающую среду.

Текущий статус проекта авторы оценивают как фазу развития, которая должна завершиться к 2048 г., затем наступит фаза эволюции, ориентированная до 2078 г. После этого срока идеологи проекта считают возможным говорить о достигнутых результатах.

В целом этот проект основан на достаточно проработанном наборе сервисов умного города:

- «Умная экология»;
- «Интернет вещей»;
- «Умное освещение»;
- «Умный транспорт и умные парковки»;
- «Умная безопасность»;
- «Единый дата-центр обработки данных»;
- «Единое городское приложение».

Весь набор инфраструктурных элементов, как в приведенном выше примере, так и в других примерах концепций умного города ориентированы на экономически активных, успешных и весьма состоятельных городских жителей.

Так, в рассмотренном выше примере, в Фудзисаве средняя стоимость дома составляет в рублевом эквиваленте сумму порядка 30 миллионов [6], что является по сути имущественным цензом для вступления в жители этого умного города. И это с учетом того, что этот проект несет, в том числе и рекламную компоненту продукции компании Panasonic (электронные компоненты, датчики, бытовые приборы, системы светодиодного освещения и т. д.), что частично компенсирует стоимость инфраструктуры и сервисов.

Более того, тема социальной ответственности и социальной нагрузки проектов умного города практически нигде не рассматривалась. Частично, в контексте правомерности сбора персональных данных и «цифровизации» личности человека этот вопрос рассмотрен в трудах, посвященных данной проблематике [1; 4; 7]. Определенные элементы концепции Фудзисавы могут быть эффективно применены для социальных программ умного города, а именно:

- экономичные бытовые приборы;
- тематические блоги для обратной связи с городскими властями и обсуждения новых идей.

Авторы считают необходимым включить в концепцию умного города в качестве важнейшей и неотъемлемой части вопрос о сервисах для социально не защищенных групп населения. В рамках данной статьи предлагается сфокусироваться на следующих категориях граждан:

- инвалиды;
- лица предпенсионного возраста и пенсионеры;
- одинокие и многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, детей-инвалидов;
- граждане в возрасте от 18 до 20 лет, имеющие среднее профессиональное образование и ищущие работу впервые.

Рассмотрим предполагаемые сервисы умного города, ориентированные на каждую из этих категорий населения (сервисы должны быть доступны либо через единое мобильное приложение, либо через городской информационный портал, либо через городской контакт-центр). Функционал сервисов частично пересекается, что обусловлено схожестью потребностей различных социальных групп.

1. Инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья. Для этой категории населения актуальными сервисами умного города будут являться:

1.1. Навигатор с функцией построения маршрутов передвижения по городу с учетом возможностей инвалида или лица с ограниченными возможностями здоровья. Ограничения могут быть связаны с ограниченной мобильностью, а также с нарушениями зрения. Навигатор должен:

- учитывать наличие доступной среды (пандусы, съезды, лестничные подъемники, специальные лифты, оснащение городского транспорта и т. д.), а также наличие элементов навигации для слабовидящих;

- иметь доступ к актуальной базе, содержащей информацию об учреждениях, создавших доступную среду для приема и качественного обслуживания инвалидов;

- иметь доступ к базе наличия лекарств по аптекам города;
- строить маршрут передвижения и визуализировать или аудировать его с учетом ограничений возможностей инвалида, а также с учетом возможностей доступа ко всем элементам маршрута.

1.2. Информирование инвалида по его запросу о возможностях помощи в решении его проблем силами волонтерских или иных организаций, доступных в момент создания запроса;

1.3. Функционал приоритетной записи в различные государственные и иные организации для личного приема, включая запись на прием в медицинские учреждения (через единое городское приложение);

1.4. Функционал информирования о действующих льготах и иных привилегиях (через единое городское приложение);

1.5. Кнопка SOS (через единое городское приложение).

2. Лица предпенсионного возраста и пенсионеры:

- - отбор трудовых вакансий, по которым работодатели готовы принять лиц пенсионного и предпенсионного возраста;

- доступ к базе наличия лекарств по аптекам города с учетом местонахождения лица, сделавшего запрос;

- информирование о мероприятиях, которые организуются для пожилых людей (поставщиками информации могут являться ПФР, региональный союз пенсионеров, органы власти, общественные организации и бизнес-организации, волонтерские объединения, образовательные учреждения и т. д.);

- информирование о доступных образовательных программах и программах переподготовки для лиц предпенсионного и пенсионного возраста;

- информирование о действующих льготах для данной категории лиц.

3. Одинокие и многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, детей-инвалидов:

- информирование о действующих льготах и программах помощи для данной категории лиц;

- информирование о возможности получения волонтерской помощи;

- функционал приоритетной записи в различные государственные и иные организации для личного приема, включая запись на прием в медицинские учреждения (через единое городское приложение);

- информирование о мероприятиях для детей, о льготных билетах на различные развлекательные мероприятия для детей;

- юридический онлайн советник.

4. Граждане в возрасте от 18 до 20 лет, имеющие среднее профессиональное образование и ищущие работу впервые:

- доступ к базе данных вакансий, по которым работодатель готов принимать на работу лиц данной категории;
- доступ к базе образовательных программ и программ переподготовки, ориентированных на данную категорию населения.
- доступ к программам бизнес-инкубаторов;
- юридический онлайн-консультант;
- онлайн-бизнес-навигатор для помощи в организации собственного бизнес-проекта.

Для всех социально незащищенных групп населения большой практической ценностью будет обладать сервис, предоставляющий актуальную и полную информацию о ценах на товары первой необходимости (в том числе продовольственные) с отбором максимально выгодных предложений, информацией о действующих акциях и скидках и т. д.

Предлагаемые сервисы не являются чем-то уникальным, они достаточно очевидны. Но наибольшую целостность и актуальность данные сервисы могут получить при интеграции с информационными системами умного города, обладающими всеми необходимыми для этого данными.

Список литературы

1. Вершинина И. А. «Умные» города: перспективы появления и развития в России // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2016. № 2. С. 163–175.
2. Сизов Ю. И., Медведева Л. Н. Развитие среднего города на основе концепта: «От умного дома к умному городу» // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218, № 4. С. 573–580.
3. Захарова В. В., Колесова С. Я., Соколянский В. В., Рысина Т. В. Развитие умных городов в эпоху экономики знаний и реализация транспортных проблем в процессе экогуманизации городов // Вопросы экономических наук. 2015. № 6 (76). С. 34–40.
4. Карчагин Е. В. Умные города и проблема справедливости // Социология города. 2019. № 2. С. 14–22.
5. Белов В. И., Смирнов И. И. Управление жизнедеятельностью городов посредством реализации концепции «Умный город» // Синергия наук. 2018. № 24. С. 439–445.
6. Экологичный умный город Фудзисава [Электронный ресурс]. URL: <https://econet.ru/articles/82121-ekologichnyu-umnyu-gorod-fudzisava> (дата обращения: 28.08.20).
7. Журавлева И. А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. 2019. № 1. С. 124–130.

УДК 316.342.
ББК 67.55

Трескин П. А., *Дзержинск*

Некоммерческие организации в виртуальном пространстве

В статье рассматривается место некоммерческих организаций в виртуальном пространстве. Анализируются условия и формы освоения цифрового пространства некоммерческими организациями в мире и в России, а также выделяются основные факторы, способствующие освоению некоммерческими организациями виртуального пространства.

Ключевые слова: некоммерческие организации, виртуальное пространство, привлечение спонсоров, привлечение клиентов, имидж некоммерческой организации.

Treskin P. A., *Dzherzhinsk*

Nonprofits in Virtual Space

The article considers the place of non-profit organizations in the virtual space. The conditions and forms of digital space development by non-profit organizations in the world and in Russia are analyzed, and the main factors contributing to the development of virtual space by non-profit organizations are highlighted.

Keywords: non-profit organizations, virtual space, attracting sponsors, attracting customers, image of a non-profit organization.

Некоммерческий сектор занимает свою нишу в общественном воспроизводстве и с увеличением виртуализации нашего общества в сети Интернет возникают или продолжают свою деятельность множество некоммерческих организаций. Цифровизация мира дает новые возможности для развития НКО, для привлечения инвесторов и клиентов, реализации новых проектов в сети и продолжения существующих проектов реального мира в виртуальном.

Попытки осмыслить, проанализировать интернет-деятельность НКО предпринимались прежде всего самими лидерами некоммерческого сектора в порядке саморефлексии с целью обобщения успешного опыта и усовершенствования активности сектора в освоении новых возможностей Всемирной паутины. Примером могут служить работы И. Б. Мардарь [1], П. А. Трескина [3; 4] и информационно-аналитические материалы по подготовке к форуму НКО [2].

Интернет-ресурсы некоммерческого сектора еще недостаточно изучены. Трудности исследования связаны не только с отсутствием достаточного внимания со стороны научного сообщества, но и с «текучестью» самого объекта исследования. Многие следы пребывания НКО в сети утрачены, так как информация не архивировалась. Жизнь интернета так же быстротечна, как и реальность.

Становление некоммерческого сообщества в интернете можно отнести к началу 1990-х гг. Это связано с периодом наиболее интенсивного его развития в реальности. Начало и середина 1990-х гг. для многих НКО являются датой их рождения. В контексте зарождения самостоятельных организаций, независимых СМИ, институтов представительной власти заявить о себе –

было важным атрибутом только становящейся деятельности организаций некоммерческого сектора. Появляются сайты и страницы отдельных организаций. А с середины 1990-х начинает выстраиваться и инфраструктура поддержки НКО по продвижению общественных инициатив в Интернете. Основной мотив действий НКО в сети – презентационный. Трудно подсчитать количество созданных тогда ресурсов, основная часть которых уже прекратила свое существование. Контент этих ресурсов отличался однообразием. Стандартный набор включал: миссию организации, ее историю создания, деятельность и проекты, персоналии и контакты. Такой виртуальный буклет в большей степени был ориентирован на самопрезентацию, чем на взаимодействие с клиентами, партнерами, коллегами и не содержал интерактивных инструментов. Бледность ресурсов была обусловлена и нехваткой профессиональных веб-мастеров, дороговизной и недоступностью их услуг для основной массы НКО. Некоммерческие сайты стали экспериментаторской площадкой для начинающих веб-дизайнеров. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. интернет-ресурсы НКО становятся более функциональными и специализированными. Выживают и развиваются самые финансовоустойчивые, ориентированные на сохранение и дальнейшее поддержание созданных виртуальных продуктов. В это время появляются специализированные сайты и сервисные ресурсы, интегрирующие информационную, образовательную, методическую информацию. Это показатели гражданской активности и инициативности в разных сферах и формах общественного развития [5–8].

Начинают формироваться тематические и функциональные интернет-сообщества: экологических, правозащитных, женских, тренерских, фандрайзерских, донорских и др. организаций, работающих в третьем секторе. Появляется тенденция к регионализации. Интернет становится средством регулярного воспроизведения группового взаимодействия, дешевым способом коммуникации, архивирования информации, отличающимся оперативностью. Разнообразие ресурсов таково: корпоративные сайты (сайты организаций) НКО; сайты проектов, реализуемых в реальной жизни; сайты сервисные (инфраструктурной организации), поисковые каталоги, сайты сетей и сообществ. Идет формирование интернет-сообщества как группы людей, использующих Интернет в качестве базового средства для организации пространства группового взаимодействия участников. Их деятельность способствует организационному, коммуникационному и образовательному росту сектора в целом. Их роль особенно возрастает, когда речь идет о масштабных проектах российского уровня, затрагивающих интересы сектора в целом (кампания по обсуждению внесения изменений в законодательство об НКО, Налоговый кодекс или Гражданский форум), когда демонстрация единства сектора по каким-то позициям очень важна.

Важное влияние на сетевую деятельность оказывают такие факторы, как «возраст» НКО, наличие у нее опыта работы, уровень организационного развития, источники финансирования. В целом организации, созданные в постсоветский период, демонстрируют значительную активность в виртуальной сети. Они немногочисленны по своему составу, но в большей степени представлены в интернете и ориентированы на взаимодействие. Уход части западных благотворительных фондов из поля российского гражданского общества за последние несколько лет вызвал сокращение количества и размеров выдаваемых грантов. Это сказалось и на интернет-сообществах НКО. Ресурсы стали реже обновляться, часть сайтов оказались брошенными. Увеличение в бюджетах НКО доли российских источников финансирования (гранты ОП РФ, региональные и муниципальные гранты, средства благотворителей) изменяет приоритеты в деятельности НКО. Власти и бизнес ожидают от НКО реальной, а не виртуальной работы с населением.

На сегодняшний день, виртуализация мира – данность, в которой необходимо находить свое пространство. К сожалению, российские некоммерческие организации отстают от своих зарубежных коллег по формальной и качественной представленности в виртуальном пространстве (рис. 1 и 2).

Под формальной представленностью мы понимали наличие сайта и/или страницы некоммерческой организации в одной или нескольких социальных сетях, а под качественной представленностью – более развернутое и содержательное информирование об истории, деятельности, сотрудниках, реализованных и в настоящий момент реализуемых проектах, способах связи и контактах с организаторами и руководителями проектов.

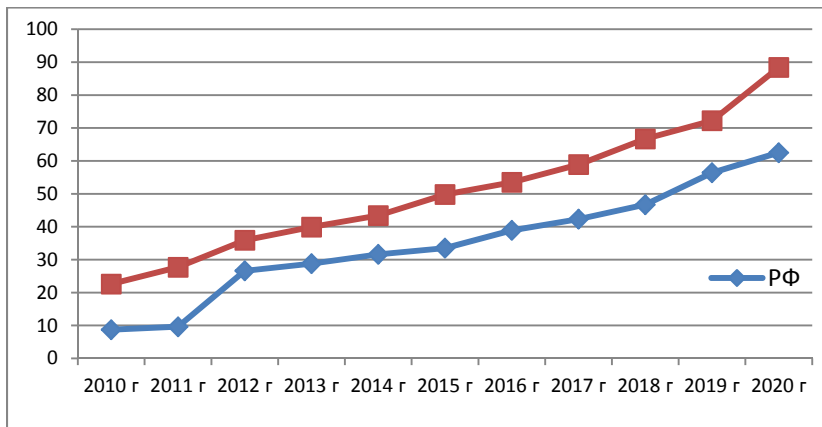

Рис. 1. Динамика формальной представленности некоммерческих организаций в интернете (2010–2020 гг.), в % (данные составлены автором на основе представленности в открытом доступе ресурсов НКО)

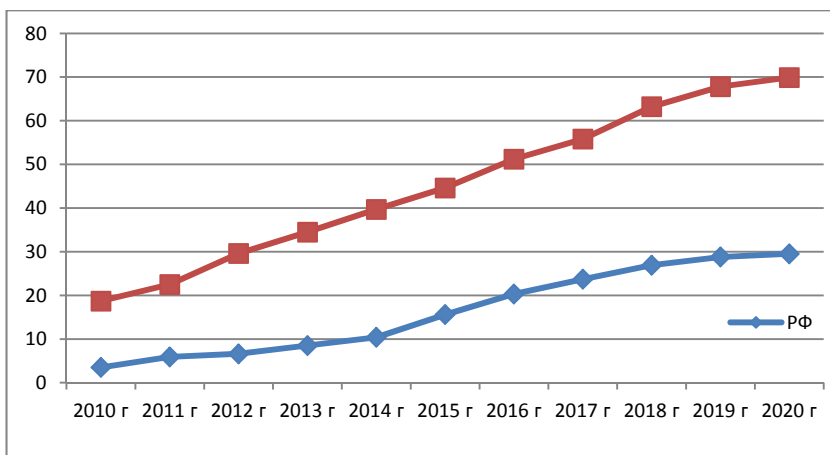

Рис. 2. Динамика качественной представленности некоммерческих организаций в интернете (2010–2020 гг.), в % (данные составлены автором на основе представленности в открытом доступе ресурсов НКО)

Отличия среди российских и зарубежных организаций как при формальном, так и при качественном анализе представленности некоммерческих организаций в пространстве интернет указывает не в пользу России. Анализируя ответы руководителей отечественных НКО можно выделить несколько стратегий нахождения некоммерческих организаций в пространстве интернет. Данные группы были нами выделены на основе факторного анализа, коэффициент дисперсии составляет 89,7 %.

Первая – это формирование имиджа компании. Она строится на том, что в виртуальном пространстве идет полное отражение истории и современной работы компании в рамках сферы своей деятельности. Собираются отзывы, экспертные оценки, интервью на ТВ и иных средствах связи, что в целом формирует имидж компании.

Вторая – поиск клиентов. Такое позиционирование в интернете позволяет говорить об узнаваемости компании, которую выделяют на фоне других. Сайт или группа в социальных сетях выступает проводником к реальным людям, способным решить или помочь в решении актуального вопроса.

Третья – поиск инвесторов или спонсоров. Представленность в сети Интернет также помогает быть узнаваемой, но другой группой людей – тех, у кого есть деньги и кто может помочь.

Для дальнейшего освоения некоммерческими организациями виртуального пространства необходима активная работа по различным направлениям. Присутствие некоммерческого сектора в глобальной сети на сегодняшний день не отражает истинного его разнообразия в реальной жизни. В большей степени «выживают» такие Интернет-продукты НКО, которые ориентированы на клиента, на предоставление востребованной информации, имеют устойчивые и диверсифицированные источники финансирования.

Таблица

Факторный анализ стратегий нахождения НКО в сети Интернет (в ед.)

Факторы	Примеры	Коэффициент
Формирование имиджа компании. Вес фактора – 30,2. Доля в распределении 34,6 %	Любое действие, акция, проект, обращение – должны быть отражены в виртуальном пространстве, на сайте, в социальных системах	0,876
	Чем больше СМИ и Интернет о нас говорит, тем лучше – нас больше знают	0,854
	Информационные поводы должны быть разными: и по проектам и по отдельным сотрудникам	0,821
Поиск клиентов. Вес фактора – 28,7. Доля в распределении 27,7 %	Через интернет можно находить своих клиентов	0,861
	Если человека что-то цепляет в нашей информации, он приходит к нам за помощью	0,765
	Если в большом потоке информации выбирают именно нас, то необходимо соответствовать этому уровню	0,698
Поиск инвесторов или спонсоров. Вес фактора – 29,9. Доля в распределении 27,4 %.	Инвесторы отдают свои деньги либо на благие дела, либо на активную деятельность – информацию о первом и о втором можно найти в интернете	0,767
	Чем больше обсуждения нашей деятельности в разных СМИ, тем больше вероятности, что спонсоры профинансируют наши проекты	0,621
	Кто вкладывает деньги, тот должен быть уверен, что они пойдут именно на те сферы, что заявлены. И прозрачность проектов и отражение из в сети Интернет – дает один из таких гарантов	0,611

Рис. 3. Стратегии нахождения некоммерческих организаций в интернет-пространстве

Тенденции развития интернет-деятельности НКО направлены на повышение оперативности информации, укрупнение сетевых объединений, профессионализацию лидеров Интернет-сообщества НКО, переход от форм самопрезентации к более удобному поиску и получению информации и коммуникации в различных формах (виртуальные дискуссии, чаты, форумы, блоги и т. д.). Виртуальное гражданское общество изменяется, развивая-

ясь в русле тенденций реального сектора (от самопрезентации к консолидации и межсекторному взаимодействию). Организации общероссийского масштаба гораздо активнее виртуализируются, демонстрируют более качественные и оперативные ресурсы. Развитие региональных и местных НКО в сети сдерживается финансовыми и техническими возможностями самих организаций и их клиентов.

В интернете сохраняются, несмотря на отсутствие виртуальных границ, пространственные самоидентификации. Условное территориальное разделение присутствует и в интернете. Некоммерческий интернет-сектор демонстрирует присущие ему в реальной жизни слабости (замкнутость организаций, недостаточную прозрачность, оторванность/слабую связь с населением). Он с осторожностью втягивается в виртуальное пространство, с «оглядкой» на клиентов, с учетом собственных финансовых и технических возможностей и значительно отставая от сетевой деятельности бизнеса и власти.

Список литературы

1. Мардарь И. Б. Трансформация сетевой деятельности некоммерческих организаций // Социологические исследования. 2009. № 5, С. 133–138
2. Негосударственные некоммерческие организации в Санкт-Петербурге // Информационно-аналитический отчет. Материалы к Форуму «Социальный Петербург: новые решения, 2005». СПб. : ЦРНО, 2005. С 99.
3. Трескин П. А. Некоммерческие организации в сетевом взаимодействии // В поисках социальной истины : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 115–122.
4. Трескин П. А., Полошкевич О. А. Отражение деятельности общественных организаций в масс-медиа Байкальского региона // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях : сборник научных материалов Всероссийской (заочной) с международным участием научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов. Хабаровск, 2018. С. 734–738.
5. Аносов С. С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.
6. Аносов С. С. Социальная ответственность бизнеса: условия для консолидации // Социология. 2020. № 3. С. 69–82.
7. Аносов С. С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.
8. Аносов С. С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.

УДК 336.643
ББК 63.34

Попова М. В., *Иркутск*

Виртуальное позиционирование современных сел

В статье представлены результаты исследования виртуального позиционирования современных сел Иркутской области. В работе доказывается, важность виртуального позиционирования села в развитии бренда территории и территориальной идентичности жителей сел. Также показываются пока мало разработанные виртуальные стратегии конструирования имиджа и бренда сельских территорий в общем, и отдельных сельских муниципальных образований в частности.

Ключевые слова: виртуальное позиционирование, имидж села, бренд территории, территориальная идентичность

Popova M. V., *Irkutsk*

Virtual positioning of modern villages

The article presents the results of a study of the virtual positioning of modern villages in the Irkutsk region. The work proves the importance of the virtual positioning of the village in the development of the brand of the territory and the territorial identity of the villagers. Also shown are still little developed virtual strategies for constructing the image and brand of rural areas in general, and individual rural municipalities in particular.

Keywords: virtual positioning, village image, territory brand, territorial identity

Развитие сельской территории зависит не только от количества жителей, но и от качества их жизни. Качество жизни на селе определяется множеством характеристик, зависящих как от субъективных показателей (атмосфера, уют, пространство вокруг), так и от объективных условий (экология, инфраструктура, работа и проч.). Но не менее важной составляющей является тот образ, что позиционируют органы власти о сельском муниципальном образовании в сети Интернет.

Глобализация и глокализация оказали влияние на процесс урбанизации. Сельские территории вынуждены бороться за человеческий капитал. Как известно, территориальный брендинг может служить платформой для стратегического развития территории. Для Иркутской области это имеет особое значение, так как отток населения в другие регионы самый высокий по Сибирскому федеральному округу [4; 7]. Поэтому считаем необходимым повышать привлекательность сельских территорий Иркутской области. Это обусловлено двумя факторами: с одной стороны, сельское хозяйство – одна из приоритетных отраслей в регионе; с другой стороны, тяжелые климатические условия, удаленность некоторых сельских поселений, как следствие, сложная транспортная доступность и отсутствие инфраструктуры, ухудшают имидж сельской местности, что несет за собой низкую плотность населения. С помощью инструментов брендинга в виртуальном пространстве предотвращается распространение негативного имиджа территории, создается правильный образ, который влечет за собой привлечение необходимых ресурсов [5; 6]. Хотя стоит признать, что на имидж региона зачастую

вливают не объективные условия и особенности, а иррациональные стратегии и формы объяснения реальности [1–3].

Для изучения данного вопроса в 2020 г. мы провели исследование представленности сельских муниципальных образований России в виртуальном пространстве. Общее количество населенных пунктов в Российской Федерации составляет 153 125. Поиск осуществлялся в поисковых системах *goggle.com* и *YouTube* по ключевым словам «село», «сельский», «жители села», «администрация села», «руководитель сельского поселения» и т. д.

Для анализа виртуального позиционирования сельских поселений, мы разработали шкалу оценки, которая включала в себя как формальные показатели (наличие или отсутствие сайта; муниципальных газет, представленных в сети Интернет; публикаций или видео материалов о деятельности Администрации сельского МО или его жителей в региональных и Федеральных СМИ).

В результате исследования выяснилось, что у 38 % сельских муниципальных образований нет своего сайта в сети Интернет, у 62 % он имеется. Это говорит о том, что формировать имидж и бренд сельского МО в сети Интернет уже затруднительно, так как нет формального присутствия в цифровом пространстве.

Наличием сельских муниципальных газет, которые дублируются в сети Интернет, могут похвастаться только 13,2 % муниципальных образований. Вероятно, это вызвано отсутствием финансирования, но при этом составляет перспективный вектор развития имиджа сельских МО в регионе и стране.

Текстовых публикаций и видеосообщений о том или ином сельском муниципальном образовании значительно больше в 2019 г., чем в 2018 и их распределение представлено в табл. 1, а также негативный контекст этих сообщений преобладает, что в целом отрицательно влияет на бренд и имидж сельских территорий. Только соотношение положительных и отрицательных видео сообщений осталось приблизительно на том же уровне. Рост негативных карикатур и мем вызван прошедшими выборами в 2019 г. Полагаем, в 2020 г. этот рост усилится, так как в ряде регионов на пост глав поселений и руководителей районов пройдут выборы.

Таблица 1
Анализ количества публикаций текстового и видео контента в сети Интернет, касающихся работы Администрации сел или их жителей (за 2018–2019 гг.) / (чел./ в %)

Форма сообщения	Количество в 2018 г.	Контекст, %		Количество в 2019 г.	Контекст, %	
		+	–		+	–
Текстовые сообщения	836 000	37,4	62,6	1 200 832	27,3	72,7
Видеосообщения	143 000	28,7	71,3	450 000	28,2	71,8
Карикатуры/мемы	84 000	13,3	86,7	158 000	6,3	93,7

Как видно из табл. 1 и 2 количество публикаций о жителях или об Администрации за рассматриваемый период увеличилось на треть. Причем количество видео сообщений (записи фраз, казусы, символические действия) увеличилось в 3 раза. Количество карикатур или мем в 2 раза. Полагаем, что данный вид виртуальной коммуникации будет только расти и соответственно стихийно формировать имидж того или иного сельского поселения, его жителей и руководства.

Таблица 2

Анализ информационных поводов о жителях и Администрации сельских муниципальных образований (в %)

Объект информационного повода	Количество в 2018 г.	Контекст		Количество в 2019 г.	Контекст	
		+	–		+	–
Руководители сельских муниципальных образований	31,1	26,7	73,3	37,4	19,1	80,9
Инфраструктура и быт сельских муниципальных образований	43,6	28,2	71,8	44,2	24,5	75,5
Повседневная жизнь жителей сельских муниципальных образований	25,3	38,4	61,6	18,4	23,9	76,1

В таблице 2 наглядно показано, что доминируют негативные публикации. И если оценка инфраструктуры и быта сельских муниципальных образований, отраженная в виртуальном пространстве практически не изменилась, количество негативных откликов о руководителях сельских поселений растет, а количество публикаций о жизни селян уменьшается (согбенно положительных публикаций).

Таким образом, виртуальное пространство пока еще темная зона позиционирования сельских муниципальных образований России. Формирование бренда и имиджа сельских территорий находится в том числе и в цифровом мире. Гражданская активность и инициативность жителей сел [8–10] может стать основой для развития уже имеющихся и новых социальных проектов, способных преобразить современные села. Поэтому необходимо уделять особое внимание информационному пространству виртуального мира для того поселения, которое хочет расширять количество своих жителей и повышать уровень и качество их жизни, быть привлекательным регионом для комфортной и счастливой жизни.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор . 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 40–48.

3. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.
4. Завьялов А. В. Мигранты в общественном мнении жителей Иркутской области // Социология. 2017. № 4. С. 180–186.
5. Попова М. В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 120–126.
6. Попова М. В. Привлекательность сельских территорий для современной молодежи // Социология. 2019. № 1. С. 153–159.
7. Самаруха В. И., Краснова Т. Г., Плотникова Т. Н. Миграционное движение населения регионов Сибири // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 1. С. 56–62.
8. Аносов С. С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.
9. Аносов С. С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.
10. Аносов С. С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.

УДК 352
ББК 60.82

Стрижкова Т. В., *Иркутск*

Управление и сетевое взаимодействие

Статья посвящена исследованию проблематики развития сетевого взаимодействия. Рассматривается современный аспект развития сетевого взаимодействия. Подчеркнуто, что развитие коренным образом меняет принципы организации производства, отношения между производителем и клиентом, преобразовывает рынок, промышленность, социум, практики обмена информацией и управления процессами. На основе анализа различных подходов обоснована важность существования платформ с учетом их экономического эффекта. Важнейшей мотивацией перехода являются: новые требования к продукту (высокий уровень технологичности, снижение стоимости продукта и его жизненного цикла).

Ключевые слова: управление, сети, сетевое взаимодействие, современная экономика, цифровая экономика, цифровые платформы, промышленность, институциональный дизайн

Strizhkova T. V., *Irkutsk*

Management and networking

The article is devoted to the study of institutional design of the development of network interaction in the digital economy. The authors consider the modern aspect of developing networking through digital platforms. It is emphasized that the development of Industry 4.0 fundamentally changes the principles of production organization, relations between the producer and the client, transforms the market, industry, society, practices of information exchange and process management. Based on an analysis of the different approaches to defining digital platforms, the importance of having multiple platforms based on their economic impact is justified. The most important motivation for the transition to digital platforms in the management of technological processes in the industry is: new requirements to the product (high level of technological efficiency, reduction of the cost of the product and its life cycle).

Keywords: digital economy, digital platforms, industry, networks, networking, institutional design.

Формирование цифровых платформ в России институционально опирается на Программу «Цифровая экономика Российской Федерации» и нормативные правовые акты, регламентирующие ее реализацию [11; 12]. Платформы и технологии формируют определенный уровень цифровой экономики, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности). Поскольку развитие рынков и отраслей, в том числе промышленности, в условиях цифровой экономики возможно лишь при условии наличия развитых платформ, технологий, институциональной и инфраструктурной сред, рассмотрим сущность и типы цифровых платформ.

Обеспечение цифрового прорыва может быть представлено на основе оптимального и эффективного комплексного применения лучших в мире технологий с добавлением оригинальных кросс-отраслевых интеллектуальных ноу-хау. В итоге достигается комплексное высокотехнологичное решение, которое априори является лучшим в мире и которое, а это принципиально важно, обеспечивает в кратчайшие сроки проектирование и производство глобально конкурентоспособной продукции нового поколения. Такие комплексные решения – цифровые, «умные», виртуальные фабрики будущего, которые строятся на принципах триады «цифровое проектирование и моделирование & новые материалы & аддитивные технологии». В этой триаде драйвером выступает новая парадигма цифрового проектирования и моделирования цифровых двойников.

Цифровые платформы обеспечивают единую информационную среду с помощью инновационных IT-решений для снижения операционных издержек. В научной литературе встречается большее количество определений с попытками авторов отразить сущность и состав цифровых платформ. Можно выделить три группы определений.

Под цифровой платформой понимается группа технологий, которые используются в качестве основы, обеспечивающей создание конкретизированной и специализированной системы цифрового взаимодействия. Платформы имеют уникальные характеристики, обеспечивающие формирование сетевых эффектов. Сетевые эффекты являются доминантной характеристикой цифровой платформы, приращение которых зависит от количества пользователей сети. Кроме того, большинство современных платформ – цифровые: они получают, передают и монетизируют данные, включая личные данные пользователей, через Интернет. По мнению А. Зацарного и А. Шабанова, цифровая платформа – это сложный организационно-технологический комплекс, содержащий совокупность информационных систем, хранилищ, процессов, анализа и инструментов информационной визуализации [13].

Цифровая платформа может представлять собой высокотехнологическую бизнес-модель, которая создает стоимость, облегчая обмены между двумя или большим числом взаимозависимых групп участников. Отметим, что платформы создают ценность двумя основными способами. Первый

способ связан с созданием и развитием транзакционных платформ, обеспечивающих взаимоотношения и связи между отдельными индивидами и организациями (Uber, GoogleSearch, Amazon Marketplace, eBay и др.). Наряду с транзакционными платформами, выделяют инновационные платформы, которые состоят из технологически взаимосвязанных блоков, составляющих основу для разработки новаторами комплементарных услуг или продуктов. Отметим, что новаторы могут находиться в любой точке земного шара, образуя вместе инновационную экосистему вокруг платформы. Например, theiPhone имеет сотни тысяч приложений, которые развиваются новаторами повсюду в мире.

Под цифровой платформой также понимают предприятие, обеспечивающее взаимовыгодные взаимодействия между сторонними производителями и потребителями. Платформы имеют владельцев, организовавших деятельность субъекта бизнеса, создавая открытую инфраструктуру для участников и устанавливая правила сотрудничества.

Ученые П. Эванс и А. Гавер выделяют четыре типа цифровых платформ: транзакционные, инновационные, интегрированные, инвестиционные [14]. По мнению ученых, транзакционная платформа – это технология, продукт или услуга, которые действуют как канал (или посредник) для улучшения обмена или транзакций между различными пользователями, покупателями или поставщиками. Инновационная платформа – это технология, продукт или услуга, которая служит платформой, на основе которой другие фирмы (слабо организованные в инновационную экосистему) разрабатывают дополнительные технологии, продукты или услуги. Интегрированная платформа – это технология, продукт или услуга, которая является платформой транзакций и инноваций (например, компании Apple, AppStore и др.). Инвестиционные платформы состоят из компаний, которые разработали стратегию портфеля платформы и действуют как холдинговая компания, активный инвестор платформы.

При выделении отдельных типов цифровых платформ важно выделять их характерные признаки: назначение платформы (основной вид деятельности, который осуществляется с использованием цифровой платформы); группы участников, или стороны, использующие цифровую платформу, а также основной бенефициар; уровень обработки информации в платформе.

Значительная роль в процессе исследования концептуальных основ развития цифровых платформ сетевого взаимодействия в промышленности отводится цифровым двойникам. Согласно отчету компании Gartner, цифровые двойники являются четвертым трендом технологического развития новых технологий в 2019 г. [15] Создание цифровых двойников является главным условием обеспечения конкурентоспособности промышленной компании в современных условиях.

Экономическая оценка реализации платформенных решений – довольно сложный процесс. Важнейшей мотивацией перехода на цифровые плат-

формы при управлении технологическими процессами в промышленности являются: новые требования к продукту (высокий уровень технологичности, снижение стоимости продукта и его жизненного цикла). Ключевой задачей здесь является поиск управленческого баланса между эффективным стимулированием развития национальных цифровых платформ и регулированием их деятельности в интересах всех групп пользователей.

В рамках исследования предпосылок формирования институционального дизайна сетевого взаимодействия экономических агентов в цифровой экономике отметим, что основной чертой развития цифровых платформ в России является определенная несистемность. Это проявляется в определенной фрагментированности и непоследовательности принятия решений на макро- и мезоэкономических уровнях, а также на уровне конкретных предприятий и организаций. Как справедливо указывает Г. Б. Клейнер, «особенности современной экономики можно описать в терминах четырех «Д»: дезориентация, дисфункции, дискоординация, диспропорции» [16, с. 41]. Необходимость преодоления указанных проблем Г. Б. Клейнер связывает с появлением и развитием платформ, сетей, технопарков. Ученый акцентирует внимание на том, что «фундаментальный анализ экосистем позволяет выявить логику формирования таких образований и распределения между ними универсальных функций экономики как самоорганизующейся пространственно-временной среды» [16, с. 43].

Создание цифровых промышленных платформ открывает возможности для развития и увеличения объемов промышленной кооперации, взаимных поставок и инвестиций. Технически система будет работать так: заказчики размещают заказы на высокотехнологичную продукцию, предприятия финальной сборки, основываясь на их потребностях и на информации о доступных мощностях и технологиях у подрядчиков, формируют оптимальную схему кооперации и контролируют процесс исполнения. По мере накопления статистики о выполнении заказов формируются рейтинги поставщиков. Сетевое взаимодействие рассмотрено в качестве эффективной стратегии развития промышленности. Реализация цифрового проектирования и моделирования SmartDigitalTwin направлена на переход промышленной отрасли на V и VI технологические уклады. Современные возможности электронных площадок создают предпосылки внедрения цифровых двойников в развитии цифровой промышленной кооперации и реализации совместных цифровых проектов.

Формирование институционального дизайна сетевого взаимодействия в цифровой экономике должно опираться, на наш взгляд, на массив институтов мезоэкономии, что позволит в дальнейшем проецировать развитие экономики экосистем.

Список литературы

1. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions. N. Y. : Cambridge University Press, 1990.

2. Klijn E. H., Koppenjan J. Institutional design: Changing institutional features of networks // *Public Management Review*. 2006. Vol. 8, N 1. P. 141160.
3. Вольнский А. И. Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе // *Terra Economicus*. 2018. Т. 16, № 4. С. 29–40. doi: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-29-40.
4. Beifert A., Gerlitz L., Prause G. Industry 4.0 – For Sustainable Development of Lean Manufacturing Companies in the Shipbuilding Sector // *International Conference on Reliability and Statistics in Transportation and Communication. RelStat, Latvia, 2018*. P. 563–573.
5. Kagermann H., Wahlster W., Helbig J. Recommendations for Implementing the Strategic Initiative Industrie 4.0 – Final Report of the Industry 4.0 Working Group; Communication Promoters Group of the Industry-Science Research Alliance. Frankfurt am Main, Germany, 2013. URL: <https://www.acatech.de/Publikation/recommendations-for-implementing-the-strategic-initiativeindustrie4-0-final-report-of-the-industrie-4-0-working-group/>
6. Lasi H., Fettek P., Kemper H., Feld T., Hoffmann M. Industry 4.0 // *Business & Information Systems Engineering*. 2014. Vol. 6. P. 239–242.
7. Kiel D., Muller J. M., Arnold C., Voigt K. I. Sustainable Industrial Value Creation: Benefits and Challenges of Industry 4.0 // *International Journal of Innovation Management*. 2017. Vol. 21, N 08. P. 1740015.
8. Gawer A., Cusumano M. A. Industry Platforms and Ecosystem Innovation // *J. Prod. Innovat. Manag.* 2014. Vol. 31. P. 417–433.
9. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // *Issues in science and technology*. 2016. Vol. 32, N 3. P. 61–69. URL: https://www.researchgate.net/publication/309483265_The_Rise_of_the_Platform_Economy
10. Gawer A., Cusumano M. Platform Leadership: How Intel, Microsoft and Cisco Drive Industry Innovation. Harvard Business School Press, Boston, USA, 2002.
11. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/>
12. Постановление Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1030 «О системе управления реализацией программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/>
13. Zatsarinny A., Shabanov A. Model of a Prospective Digital Platform to Consolidate the Resources of Economic Activity in the Digital Economy // 13th International Symposium “Intelligent Systems” (INTELS’18). P. 552–557. *Procedia Computer Science* 150 (2019).
14. Evans P., Gawer A. A Global Survey: The Rise of the Platform Enterprise. The Center for Global Enterprise, USA, 2016. URL: https://www.bearingpoint.com/files/Global_Platform_Survey_Jan_2016.pdf&download=0&itemId=289645
15. Top 10 Strategic Technology Trends for 2019. URL: <https://www.gartner.com>
16. Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // *Экономическое возрождение России*. 2019. № 1 (59). С. 40–45.

УДК 616.36
ББК 60.561

Сафонов С. А., Осипов Т. А., *Иркутск*

Виртуализация социальной среды в условиях пандемии

В статье рассматривается процесс виртуализации социальной среды и роль пандемии как катализатора ускоренной цифровизации социальных отношений. Обновляется роль виртуального пространства не только как площадки для развлечений, но также места для расширения человеческих возможностей и перспектив, места саморазвития и экономических взаимодействий. Поднимается проблема информационной этики внутри виртуального пространства. Актуализируется вопрос по развитию информационного сознания у пользователей сети.

Ключевые слова: виртуализация, социальная среда, пандемия, киберсреда, информационализм.

Safonov S. A., Osipov T. A., *Irkutsk*

Virtualization of the social environment in a pandemic

The article examines the process of virtualization of the social environment and the role of the pandemic as a catalyst for the accelerated digitalization of social relations. The role of the virtual space is being renewed not only as a platform for entertainment, but also as a place for expanding human capabilities and prospects, as a place for self-development and economic interactions. The problem of information ethics inside the virtual space is raised. The issue of the development of information consciousness among network users is being actualized.

Keywords: virtualization, social environment, pandemic, cyber environment, informationalism.

Развитие информационных технологий предопределило вектор движения социальных отношений. Такие процессы как глобализация, информатизация, технологизация внесли свои коррективы в социальную жизнь. Эволюция социальных взаимодействий наряду с технологичным «бумом» позволило перенести человеческую коммуникацию в виртуальное пространство. Развитие социальных сетей, различных мессенджеров и перенос государственных услуг в интернет-пространство (Госуслуги) позволяет людям взаимодействовать вне реального места.

Бурное развитие виртуальной среды сопровождалось её интеграцией с промышленными компаниями. Имея целевую аудиторию в виде потенциальных потребителей – пользователей социальных сетей, компании начали организовывать маркетинговую политику с учетом различных потребительских предпочтений. Человек, как носитель нескольких социальных ролей, в частности потребителя, создает новые ниши для капиталистов. Наряду с самим индивидом в виртуальное пространство мигрируют всё большее количество бизнес-структур. Бесконтактные и онлайн-платежи, интернет-магазины, доставки еды все сильнее входят в повседневную жизнь каждого человека.

В условиях ограничения социальных контактов в связи с пандемией коронавируса, виртуальной среде было уделено огромное внимание. В связи с наибольшей практичностью и безопасностью социального взаимодействия многие люди должны были принять новые условия социальной реальности.

Стоит отметить, что такой катализатор виртуализации социальной среды в виде пандемии принес положительные моменты. Многие люди отказались от традиционных предрассудков относительно виртуальных магазинов и других благ информационной эпохи. Получил своё развитие такой феномен как дистанционное образование. Образование по своей сути является детерриториальным процессом, не имея привязки к реальному физическому пространству. В эпоху существования альтернативных источников информации в виде аудио, видео лекций, а также электронных книг уходит необходимость посещения мест обучения (вузы, ссузы и т. д.).

Как заявлял Э. Гидденс: «Коммуникации и социальные взаимодействия в виртуальных средах – это растущее исследовательское поле» [1, с 217]. Необходимо сказать, что с развитием виртуальной среды и переноса туда социальной среды имеет место увеличение числа реальных пользователей киберпространства. Отсюда возникает необходимость изучения и человеческого поведения внутри виртуальной социальной среды. Рассматривая человеческое поведение внутри и вне киберсреды, можно заключить, что существует ряд принципиальных отличий. К примеру, внутри киберпространства и виртуальной среды, люди часто склонны воспринимать онлайн-овую среду как – в некотором смысле – «нереальную» или же «искусственную». Такое положение оказывает серьезное влияние на проблему этики и морали внутри киберпространства. Зачастую люди выдают себя за других избегая ответственности за содеянное. Нередко встречаются, так называемые фейки (от англ. *fake* – подделка). Это поддельные социальные страницы, за которыми скрываются реальные люди. Как мы знаем, онлайн-овая среда не является местом живой коммуникации, здесь скорее преобладает коммуникация опосредованная. Отсюда возникает и специфика виртуального пространства как места социального взаимодействия.

Онлайн-овая среда не так убедительна, как по сравнению с очевидностью и фактическим эквивалентом реального мира. В ней гораздо большее количество споров и выражений недовольства по тому или иному событию. Разногласия выражаются в более агрессивной форме. Как ещё отмечал Г. Леббон в своей работе «Психология народов и масс», толпа «обезличивает» человека, делая его одним из механизмов массового сознания [2]. Теряя свой привычный социальный статус, находясь в толпе и чувствуя безнаказанность, человек подчиняется своим инстинктам и меняет свое поведение на более агрессивное. Такой же феномен мы можем наблюдать и в виртуальной среде. Необходимо понять, как онлайн-овая среда порождает другие этические стандарты и вынуждает отказаться человека от своей привычной социальной роли.

Как ещё отмечал М. Кастельс: «Информационализм обеспечивает базу для экспансии сетевого общества по всей планете в качестве доминирующей формы социальной организации нашего времени» [3, с 175]. В своем труде «Хакерская этика и дух информационализма» П. Химанен предлагает

новый «информационный» подход к изучению современных общественных отношений. По его мнению, развитие информационных и вычислительных технологий привнесли определенного рода либерализации в социальную и сетевую структуру. Автор отмечает, что важнейшим стимулом хакеров выступают развлечения в широком смысле данного слова. Сам подход хакеров к своим профессиональным обязанностям, а именно программированию, напоминает скорее развлечение, нежели профессиональное занятие. Как писал сам Химанен: «...работа приносит хакеру радость, это полная открытий увлекательная игра» [3, с 24]. Однако стоит внести некоторую ясность в отношении хакеров и простых пользователей. Главным различием является причастие к созданию программ и других технологических инструментов. Пользователи не имеют отношения к процессу написания таких продуктов и лишь потребляют готовый продукт.

Резюмируя все вышесказанное необходимо заключить, что стремясь в конце XX в. сделать интернет свободной площадкой, независимой от политических и социально-экономических условий, хакеры тем самым «обезличили» некоторых пользователей, давая возможность «уйти в тень». Данный феномен привел к тем событиям, о которых мы упоминали выше. Говоря о виртуальной свободе, необходимо упомянуть и о уровне «информационного сознания» или о следовании информационной этике виртуального сообщества. Любая свобода дает человеку не только всевозможные права, но и обязанности, которые он, в силу своего положения, должен соблюдать. Такой постулат относится и к социальным взаимодействиям внутри виртуальной среды.

Список литературы

1. Гидденс, Э., Саттон, Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 336 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М. : Издательство АСТ, 2019. 320 с.
3. Химанен Пекка. Хакерская этика и дух информационализма / пролог: Линус Торвальдс; эпилог: Мануэль Кастельс ; пер. с англ. Д. Сироченко. М. : Издательство АСТ, 2019. 256 с.

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос)

Шарабурак М. А., *Иркутск*

Тенденции развития гражданского общества в современной России

В статье описаны основные тренды развития гражданского общества в современной России. Рассмотрены векторы развития гражданского общества. Отражены общественные мнения и настроения. Проанализирована корреляция общественного мнения и нынешнего состояния гражданского общества в нашей стране. Предпринята попытка спрогнозировать новые тенденции.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, политическая активность, политическое участие, политическая динамика.

Sharaburak M. A., *Irkutsk*

Trends in the development of civil society in modern Russia

This article is devoted to the main trends in the development of civil society in modern Russia. In this article the vectors of civil society development are considered. Public opinions and moods are reflected. The correlation of public opinion and the current state of civil society in our country is analyzed. An attempt is made to predict new trends.

Keywords: civil society, democracy, political activity, political participation, political dynamics.

На сегодняшний день гражданская инициатива в России достигла больших масштабов. Во всевозможных сферах нашей жизни организуются общественные объединения, которые затрагивают культурные, политические, экономические вопросы. Для того чтобы гражданское общество существовало и функционировало, необходимо обеспечить стабильную экономическую обстановку. Для этого государством должны предприниматься меры, направленные на укрепление экономического порядка для улучшения уровня благополучия своего населения. Это говорит о том, что государству необходимо направить усилия для улучшения системы социальных гарантий.

В связи с нарастающим недовольством населения современной российской политической обстановкой и надвигающимся политическим кризисом, число граждан, желающих участвовать в предстоящих в 2021 г. думских выборах сократилось. Согласно опросу «Левада-Центра» 41 % граждан либо не знают, кого поддержать на предстоящих выборах, либо вовсе не собираются идти на выборы. Согласно словам директора Левада-Центра, Л. Гудкова, «электорат, ушедший от «Единой России» после пенсионной реформы, не присоединился к избирателям других партий, а «ушли в пассивную фазу» [1]. Это говорит о том, что люди не верят в то, что партии, представленные на российском политическом поле, готовы представлять и отстаивать их интересы, теряет веру в политическую систему страны. В таких условиях политически сознательные граждане радикализуются, что приводит к протестам и столкновениям на улицах, снижению уровня доверия не только к политикам, но и к власти, и к государству в целом [13,14].

Как отмечают многие исследователи, в начале XXI в. в российском обществе сосуществовали две модели ценностных систем: западная, тяготею-

щая к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей, способная стать социальной базой демократического развития (25–30 % населения), и традиционалистская, или патриархально-коллективистская (35–40 %), проявляющая авторитарные предпочтения. Выделялась еще одна группа (30–35 %), с неустойчивым, амбивалентным сознанием, характеризующаяся одновременно приверженностью к демократии и тягой к «сильной руке» [2, с. 26].

Согласно итогам социологического опроса «Левада-Центра», опубликованного в феврале 2020 года, уровень доверия к действующему главе государства среди россиян за два года упал с 59 до 35 % опрошенных, в 2019 г. его рейтинг составлял 39 %. Также в 2020 г. «Левада-Центр» измерил рейтинг нового премьер-министра РФ Михаила Мишустина, по итогам которого свое доверие новому премьеру высказали только 3 % респондентов и 4 % не доверяют новому главе правительства. По мнению директора «Левада-центра» Льва Гудкова, серьезное падение рейтинга главы государства, в первую очередь, связано с «раздражением россиян и усталостью от президента». Отдельные выступления Владимира Путина, касающиеся социальных тем, имеют временный эффект, более показателен, чем резкие скачки рейтинга, тренд падения доверия, оно идет «медленно и постепенно» и «это даже не эффект пенсионной реформы 2018 г.» [3].

Важным методом нивелирования конфликтных ситуаций в рамках развития гражданского общества является диалог государства и населения. В России возникали попытки наладить обратную связь с населением посредством диалоговых площадок и мониторинговых проектов. Например, государство было инициатором создания Общественной палаты России, деятельность и полномочия которой регулируются Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Члены палаты не являлись государственными служащими, они избирались на общественных началах, исходя из своих личных качеств [4].

Гражданское общество на современном этапе своего развития декларирует принципиально новое понимание гражданского общества и принимает собственный подход к его анализу. Этангистский подход актуален, особенно для стран с сильными государственными позициями (в случае России, с особыми ценностями граждан и их ожидания «сильного» государства). Так, согласно опросу «Левада-Центра» 2020 года, около трех четвертей граждан России желают видеть человека с «сильной рукой» в управлении государством, из них 49 % считают что «сильная рука» нужна всегда, 26 % считает, что «сильная рука» необходима иногда, доля же тех, кто считает, что нельзя доверять всю полноту власти одному человеку растет, и на момент проведения опроса составляла 22 %. Усиление авторитарных настроений россиян так же может явиться следствием разочарования людей и их критическим отношением к власти, большинство из них считает, что власть не заинтересована в том, чтобы заботится о благополучии обычных россиян. Люди ви-

дят в сильном лидере того, кто избавит страну от коррупции и обеспечит порядок [5]. В западных социальных теориях имеет место не только чрезмерное расширение объема понятия «гражданское общество», но и интерпретация его как исторической стадии общества, выражающей новейшие достижения современной цивилизации (научно-технический прогресс, свободный рынок, демократия и пр.), что приводит зачастую к упрощенному представлению, а также к его отождествлению с понятием «современное общество» [6, с. 21].

Раннеклассический период принес нам ценность защиты прав человека и их важное значение закреплено в международных нормативных правовых документах, в Конституции РФ, классический период дал нам восприятие разделенности сфер гражданского общества и государства, их противостояния. Современность привнесла акцент на практическую направленность гражданского общества, активизацию его ценностной экспансионности, институциональное сужение в его понимании и трактовке, появление глобального гражданского общества. Роль гражданского общества возросла как никогда раньше и важно, чтобы его влияние было положительным. Широта трактовок гражданского общества, интерес к нему со стороны разных подходов делает его универсальным и широко применяемым и говорит о возможности существования, и даже одновременного сосуществования, разных моделей гражданского общества [7, с. 152].

Перед тем как перейти непосредственно к рассмотрению нынешнего состояния гражданского общества в России, необходимо дать ему определение и обозначить базовые условия для становления гражданского общества. Гражданское общество – это системы независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей [8, с. 44]. Главными базовыми условиями, при которых гражданское общество сможет функционировать, являются следующие факторы: государство должно быть правовым и демократическим, в государстве должны существовать плюрализм мнений и возможность договориться при решении ключевых и важных вопросов, затрагивающих широкие слои населения, высокая гражданская активность членов общества.

В формировании гражданского общества в России особое место всегда занимало государство. Как и в любой стране, гражданское общество формируется посредством взаимодействия политически активных граждан с государственной властью, настраивая диалог, и рассматривая пути достижения своих интересов через рычаги политических структур. В случае, если гражданское общество будет автономно для того, чтобы граждане, находящиеся за пределами любых официальных властных групп, могли самостоятельно формировать «повестку дня», проявлять инициативу и вносить решающий вклад в достижение цели, может возникнуть опасность того, что отношения гражданского общества и государства будут приобретать кон-

фликтный характер, с возможным дальнейшим его нарастанием. Также в государствах с развивающимися экономиками гражданские движения и объединения будут вынуждены принимать материальную помощь из различных фондов (в том числе зарубежных), которые, в свою очередь, будут оказывать влияние на их повестку, что дает государственным элитам возможность использовать этот факт в публичном осуждении всего формирующегося гражданского общества [9, с. 10]. Примером такой политики в нашей стране является ФЗ-7 «О некоммерческих организациях», некоторые пункты которого регулируют, в том числе, деятельность общественных организации и фондов, «выполняющих функции иностранного агента». Этот закон стал удобным инструментом в борьбе с любой неудобной НКО финансируемой зарубежными организациями и госструктурами.

Нельзя полностью отказаться от идеи развития гражданского общества, но если гражданская активность и самоорганизация начнут представлять угрозу для стабильности и положения властных элит, то возможен вариант развития гражданского общества, при котором инициатива создания его институтов будет принадлежать самому государству. В случае, когда в условиях недостроенного правового государства инициатива формирования элементов гражданского общества исходит от самой власти, то быстро и эффективно формируется нормативно-правовая база деятельности появляющихся на основе властных инициатив гражданских организаций и объединений [10, с. 9].

Опрос, проведенный во второй половине 2019 г. среди сельского и городского населения из 1601 человек, возрастом от 18 лет, дал следующий результат, число людей заявляющих о своей готовности участвовать в политической жизни страны в 2019 г. сократилось по сравнению с 2018-м. Так, граждане России стали реже говорить о своей готовности участвовать в выборах (только 67 % по сравнению с 71 % в 2018-м) и о готовности подписывать открытые письма и петиции (43 % по сравнению с 53 % в 2018-м) [11].

Исследователи полагают, что важнейшее место в формировании демократии в России должно занять первое послесоветское поколение, когда оно вступит в сознательную жизнь, его политическая ориентация будет определять вектор дальнейшего развития гражданского общества, для современной молодежи идеалы демократии, многопартийности, свобода СМИ и жизнь без идеологии является естественной нормой [12, с. 27], в то время как для поколения, воспитанного в Советском Союзе, характерны страх перед властью и свободными выборами. Проблема заключается в том, что молодежь остается невовлеченной в демократический процесс [15]. Молодежь является наиболее социально активной категорией граждан и ее низкий интерес к выборам, к своему государству и к жизни в нем, создает серьезные проблемы для государственного устройства страны. Чтобы развить электоральную культуру среди молодого поколения, государство должно способствовать этому, молодые люди должны осознать себя как участников

происходящей в стране политических процессов и научиться брать на себя ответственность за развитие страны и общества. Это можно осуществить через просветительскую работу, через создание условий для участия молодежи в избирательном процессе, для создания ими собственных политических организации и т. д.

В современно мире огромное значение играют информационные технологии. С течением времени интернет становится все более влиятельным источником информации вытесняя с этих позиций традиционные СМИ.

С упрощением процедуры регистрации политических партий изменилась политическая система, появилось множество объединений, которые стремятся влиять на политическую жизнь страны, но как правило, доступ к традиционным медиа-ресурсам, таким как радио, телевидение, печатные издания, для них ограничен. В таких условиях интернет становится отличным инструментом для привлечения сторонников и создания своего собственного бренда. При этом важной задачей для политической аналитики становится анализ работы политических партии в интернет-среде и влияние этой работы на реальный политический процесс.

Согласно статистике 2019 г., самой популярной социальной сетью в России является «ВКонтакте»: большая часть посещений этой социальной сети (31,7 % от числа всех посещений) приходится на людей в возрастной группе 25–34 года и 22 % на людей в возрасте 18–24 лет. Наименьший процент посещений приходится на людей в возрасте от 45 лет [13]. Можно сделать вывод, что интернет владеет более молодой, а значит активной частью населения. Поэтому, использование политическими партиями интернета в качестве площадки для агитации и формирования электорального капитала вполне естественно.

Основываясь на статистике и результатах общественных опросов, можно выявить как работа политических партий в интернете влияет на их политическую эффективность в реальной политике. Политическая эффективность партии – это возможность мобилизовать определенную социальную группу в свою поддержку и осуществлять ее представительство в органах власти. Понятно, что политические партии имеют гораздо больше рычагов влияния на принятие решений, если они представлены в парламенте. Но, в то же время, непарламентские партии так же не лишены методов и способов реализации своих политических интересов. Среди таких методов, например, демонстрации и митинги. То есть теоретически, политическая партия может оставаться эффективной даже не будучи представленной в парламенте или местных муниципалитетах.

С развитием интернета гражданское общество получила в свои руки инструментарий, позволяющий организовать сеть политических взаимоотношений. Укрепление не вертикальных, а горизонтальных связей между политическими акторами дает возможность солидаризации людей по разным интересам, в том числе, политическим. Такие объединения могут впо-

следствии переродиться в самостоятельные партии, что говорит о том, что интернет – это хороший выбор для организации партий меньшинства.

Для политических партий интернет можно воспринимать, в первую очередь, как инструмент влияния на общественное мнение и как средство обратной связи с общественностью. Остро стоит вопрос финансов, как известно для того, чтобы использовать интернет, нет необходимости в больших затратах, при этом агитация в интернете дает лучший результат, чем телевидение (демонстрации, организованные так называемой несистемной оппозицией, являются примером того, как мобилизовать протестный электорат посредством интернета). С помощью интернета можно удобно осуществлять такую практику, как сбор пожертвований на политические проекты. Поэтому можно сделать вывод, что интернет – это наиболее эффективная площадка из тех, что могут быть задействованы политическими партиями.

В течение своего долгого развития бюрократия в России взяла на себя все общественные функции, тем самым лишив общественные образования их роли регулятора высшей государственной власти [16]. Эти проблемы явились как следствие развала старой, советской модели общественного управления, в ходе реформы этой системы обострились многие социальные конфликты, которые существовали и ранее, но стали наиболее явными в ходе этих реформ. Несмотря на то что в российском обществе существуют множество различных точек зрения и мнений на дальнейшее развитие нашего общества, можно добиться гражданского согласия, так необходимого для развития гражданского общества, по средствам таких понятий как «демократия», «справедливость» и «гуманизм», которые должны пониматься как равенство всех членов общества в правах и возможностях. Роль общественно-политических объединений в этом процессе должна носить просвещенческий характер, необходимым остается дать людям возможность осознать себя как часть демократического процесса, научить реализовывать свое право «быть услышанным» через систему свободных выборов. Интернету отведена роль инструмента коммуникации между общественно-политическими объединениями и населением.

Список литературы

1. Анисимова Н. Социологи зафиксировали падение интереса россиян к думским выборам [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/08/2019/5d5397d79a7947839b082981/> (дата обращения: 03.12.2019)
2. Нурлыгаянов М. Ф. Тенденция развития гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 25–30.
3. Уровень доверия к Владимиру Путину за два года снизился почти в два раза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/02/12/uroven-doveriya-k-vladimiru-putinu-za-dva-goda-snizilsya-pochti-v-dva-raza/> (дата обращения: 24.02.2020)
4. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (статьи 6–7) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/ (дата обращения: 03.12.2019).

5. Три четверти россиян говорят о необходимости сильной руки в руководстве страны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/02/25/tri-chetverti-rossiyan-govoryat-o-neobhhodimosti-silnoj-ruki-v-rukovodstve-strany/> (дата обращения: 25.02.2020)
6. Батянова Л. Н., Иванов Р. В. Социально-политические основы развития гражданского общества : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 136 с.
7. Сиражудинова С. В. Трансформация идеи гражданского общества: современные и исторические подходы и модели // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 1. С. 147–152.
8. Пузенцова Ю. А. К вопросу о прогнозах формирования гражданского общества в Современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 1. С. 40 – 49.
9. Зырянов С. Г. Гражданское общество в современной России: Основные сценарии становления и развития // Социум и власть. 2016. № 3. С. 7–16.
10. Гражданское участие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/12/21751/> (дата обращения: 24.02.2020)
11. Нурлыгаянов М. Ф. Тенденция развития гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития № 21, 2015г. С. 25–30.
12. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/> (дата обращения: 15.08.2020)
13. Трескин П. А. Роль развития некоммерческого сектора в процессах построения гражданского общества (по материалам Иркутской области) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 100–105.
14. Трескин П. А. Гражданские движения и инициативы в России как основа и условие социального партнёрства // DIXI – 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально- гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов / Хабаровский государственный университет экономики права. Хабаровск, 2017. С. 141–147.
15. Трескин П. А. Гражданское общество: мифы протеста или консенсуса? // Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности : сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 207–210.
16. Трескин П. А. Формирование гражданского общества как фактор консолидации местных сообществ // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы IV Всероссийской научной интернет-конференции с международным участием. Иркутск, 2013. С. 280–282.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

УДК 17+374.3
ББК 65.24+87.7

Асадуллина Г. Р., *Уфа*
Ивентьев С. И., *Казань*

Духовно-нравственный и правовой аспекты практики удалённой работы молодёжи

Рассматривается духовно-нравственная и правовая сторона молодёжного фриланса, новой дистанционной формы самозанятости. Раскрыты положительные и отрицательные моменты фриланса, а также даны соответствующие рекомендации. Обращено внимание на то, что фрилансеры могут участвовать в противоправной деятельности и теневой экономике, используя киберпространство.

Ключевые слова: человек, душа человека, дух человека, духовность, нравственность, молодёжь, самозанятость, фриланс, фрилансер, киберпространство, преступления, безопасность.

Asadullina G. R., *Ufa*
Iventev S. I., *Kazan*

Spiritual, moral and legal aspects of the practice of remote work of young people

The article examines the spiritual, moral and legal side of youth freelancing, a new form of self-employment. The authors have revealed the positive and negative aspects of freelancing, as well as given appropriate recommendations. Attention is drawn to the fact that freelancers can participate in illegal activities and the “shadow economy” using cyberspace.

Keywords: human, human soul, human spirit, spirituality, morality, youth, self-employment, freelance, freelancer, cyberspace, crime, security.

Глобализация как характерная черта современного общества приобретает всё большие охваты. Невозможно не заметить её влияние на трансформацию и различных областей деятельности, включая сферу занятости человека.

Сфера занятости населения под воздействием мировых тенденций изменяется с каждым годом. Появление новых информационных технологий ведёт к изменению структуры и форм занятости людей.

По всему миру наблюдается тенденция перехода от традиционного рабочего графика (с привязанностью к рабочему месту) к практикам удалённой работы. Формальное трудоустройство сменяется/сочетается с самозанятостью, фрилансом (англ. *freelancer* – свободный художник, работник), за-

висимость работников от работодателей постепенно снижается за счёт возникновения гибких форм занятости.

Изменению форм занятости содействуют: создание и развитие креативной экономики, основанной на инновациях; развитие несырьевых отраслей экономики (третичный сектор); сокращение продолжительности экономического цикла (чередование периодов экономического подъёма и спада), что вынуждает работодателей активно применять гибкие формы занятости.

Как отмечают С. В. Ямшиков и А. Л. Кравченко, именно «кардинальные информационно-технологические, социально-организационно-экономические и аксиологические трансформации» привели к порождению новых видов трудовой занятости, среди которых особое место занимает фриланс, удалённой внештатной работе в глобальном информационном пространстве [18, с. 128].

Особое распространение практики фриланса получили среди молодёжи.

Во-первых, этому способствует особое положение молодёжи на рынке труда. Безработица характерна в первую очередь для молодёжи, об этом свидетельствует статистика возрастного состава безработных по возрастным группам.

Если посмотреть в динамике с 2006 по 2017 г., то наблюдается тенденция уменьшения доли безработных в возрасте 15–19 лет почти в 2 раза, незначительное уменьшение в возрастной категории 20–24 года в 2 %, и увеличение в 3 % в возрастных группах 25–29 и 30–34 года [9, с. 13]. Динамика уменьшения безработицы молодёжи сохранилась и в 2018 г. [16, с. 18]

В 2018 г. доля безработных в возрасте 15–19 лет составила 3,9 % от общей численности по возрастным группам, 18,5 % безработных приходится на группу 20–24 года, в возрасте 25–29 лет – 16 %, в возрасте 30–34 лет – 13,6 %. В среднем доля безработной молодёжи составляет 13 %. Тогда как среди людей старше 34 лет – около 7 % [4].

Во-вторых, именно молодёжь по своим социально-психологическим и иным характеристикам соответствует логике фриланса: обладает инновационным потенциалом, мобильна, активно применяет новые, в том числе информационно-коммуникативные технологии.

В-третьих, в системе ценностей молодёжи доминируют такие качества, как активность, стремление к самореализации, независимости, что содействует ослаблению привлекательности традиционных форм занятости в представлениях молодых людей.

В-четвёртых, обращение к практикам фриланса позволяет решить ряд проблем: например, достичь оптимального баланса в системе «работа – семья»; совместить различные виды деятельности (учёба и работа) и т. д.

Российский рынок фриланс-услуг считается быстро развивающимся, так как количество фрилансеров растёт с каждым годом. Самым масштабным и содержательным исследованием является на сегодняшний день «перепись фрилансеров», которая проводилась совместно с Национальным ис-

следователем университетом «Высшая школа экономики» и интернет-порталом по поиску удаленной работы Fl.ru в 2009–2014 гг. [14, с. 12–13].

Кроме этого, согласно исследованиям J'son & Partners Consulting, в 2014 г. количество россиян, решивших перейти от традиционной занятости к фрилансу, составляло около 2,5–2,6 млн чел. [15].

К началу 2015 г. в России насчитывалось около 2 млн фрилансеров [11], а уже к 2016 г. число зарегистрированных только фрилансеров составило 1 150 000 специалистов [13].

Динамика фриланс-рынка в России за последние годы также ясно указывает на то, что данный вид занятости выбирают всё большее число работников. Так, в декабре 2017 г. в поисковой системе «Яндекс» запрашивали «фриланс» 139 млн раз, а количество показов в месяц составило 122 тыс. чел. В 2017 г. количество фрилансеров по разным оценкам составило около 4–5 млн чел. [15]

В ноябре 2017 г. аналитическим центром НАФИ было проведено исследование российского рынка фриланса, выборку составили 1600 респондентов. Инициативный всероссийский опрос НАФИ проведён в марте 2017 г. Опрошено 1600 человек в 140 населённых пунктах в 42 регионах России в возрасте от 18 лет и старше, статистическая погрешность не превышает 3,4 % [17].

В результате исследования выяснилось, что каждый пятый (18 %) россиянин работает «на себя», и для 11 % населения фриланс является единственным источником дохода. Число фрилансеров в течение года выросло с 10 до 18 %. Для каждого десятого опрошенного (11 %) такая деятельность является единственным заработком, и только для 7 % – дополнительным. Фриланс больше распространён среди молодёжи 25–34 лет (23 % против 15 % среди 45–54-летних).

Выделяют следующие виды фриланса:

1) работа и оказание разнообразных услуг частным лицам, начиная от работы в областях программирования, дизайна, журналистики, бухгалтерского учёта, сиделкой, няней, сапожником, репетитором, до написания курсовых и рефератов;

2) работа на юридических лиц без зачисления в штат фирмы;

3) оказание услуг (выполнения работ) для государственных органов (информаторы, консультанты и пр.);

4) труд на основе удалённого доступа с использованием телефона, различных мобильных устройств и глобальной сети Интернет [7, с. 42; 8, с. 63].

Как отмечают Д. В. Зайцев и И. В. Щелокова, «фриланс имеет свои плюсы и минусы для молодёжной аудитории. В первую очередь, молодёжи удобен график работы, свободный выбор интенсивности, характера и места деятельности. Ещё одним плюсом фриланса для молодого поколения служит возможность значительного по размерам заработка. Важными минусами дистанционной занятости для молодого поколения выступают ненорми-

рованный график работы, нестабильность рабочего процесса, конкуренция, а также отсутствие возможности обмена опытом и получения официального стажа работы. Кроме того, виртуальная дистанционная занятость порождает риск выбора ненужной профессии, увеличивает риск неполучения оплаты за свой труд, и практически полностью исключает возможность работника на получение социальных гарантий и социального пакета» [3, с. 206].

Фриланс, несмотря на свою социальную значимость для общества в обеспечении занятости и заработной платой граждан, решения сопутствующих жилищно-бытовых вопросов граждан, пополнения бюджета налогами и страховыми взносами и пр., имеет некоторые вопросы в духовно-нравственном и правовом аспектах, требующих безотлагательного разрешения.

Как правило, социально-экономическое положение фрилансеров неустойчиво, так как занятость может иметь непостоянный, единовременный или сезонный характер [8, с. 62]. Так называемый теневого фриланс лишает фрилансеров правовой защищенности из-за не заключения трудовых или гражданско-правовых договоров, социальных гарантий, связанных с ежегодными оплачиваемыми отпусками, своевременной оплатой труда, пенсионным обеспечением и медицинским обслуживанием, в связи с неуплатой налогов и страховых взносов [8, с. 72–76].

Особое внимание следует обратить на фриланс, связанный с виртуальным киберпространством.

Виртуальное пространство или киберпространство (англ. *cyberspace* – метафорическая абстракция) представляет собой не только форму мобильной коммуникации или канал связи в различных сферах жизни человека (духовно-нравственной, социальной, экономической, образовательной, политической, культурологической и пр.), но и как средство передачи информации и манипуляции человеческим сознанием, что представляет собой несомненный научный интерес со стороны различных дисциплин. При этом под виртуальным пространством следует понимать Интернет, корпоративные компьютерные коммуникации вне сети Интернет, а также различные манипулятивные, оккультные, экстрасенсорные и магические явления, благодаря которым формируются новые образы и виртуальные реальности [5, с. 91–92].

Многие фрилансеры, работая в теневой экономике и «даркнете» (скрытом интернете), фактически участвуют в противоправных действиях, совершают нравственные и уголовные преступления (виртуальное насилие, распространение антиценностей, порнографии, мошенничество и пр.).

Виртуальному насилию подвержены детская и подростковая возрастные группы [1, с. 141]. Как обоснованно отмечает Е. В. Прудникова, «анализируя проблему распространения антиценностей среди субъектов виртуального пространства, по нашему мнению, стоит остановиться более подробно на негативных ценностно-антропологических аспектах, связанных с участием человека в деятельности социальных сетей и виртуальных сооб-

ществ. Одной из таких антиценностей, безусловно, является насилие, которое проявляется в разнообразных формах... К антиценностям виртуального мира стоит отнести насилие и агрессию, сужение свободы личности в результате различных форм киберзависимости, потерю ответственности за свои поступки и тому подобное» [12, с. 48].

К так называемым негативным феноменам информационно-коммуникативной среды причисляют «вербальную агрессию и её отдельные формы – троллинг и кибербуллинг, социальную инженерию, экстремистскую пропаганду, влияние лиц с психическими расстройствами» [18, с. 160].

Через виртуальное пространство распространяется безнравственная и антисоциальная реклама, пропагандирующая порнографию, проституцию и прочие аморальные явления, осуществляются манипуляции сознанием человека, формируется интернет-зависимость, осуществляются информационные войны, экстремизм, создаются и координируются деструктивные молодёжные движения и совершаются различные преступления [5, с. 98; 6, с. 157–161].

По нашему мнению, главной причиной появления деструктивных молодёжных движений, криминала всегда выступает духовно-нравственный фактор, который зависит от духовного и нравственного уровня человека и общества.

Духовный и нравственный уровень развития человека достигается за счёт воспитания и образования, культивирования и пропагандирования духовно-нравственных ценностей, которые были положены в основу многих религиозных и философских учений.

Духовно-нравственный фактор напрямую влияет на идеологические, правовые, социальные и экономические причины появления деструктивных молодёжных движений, духовно-нравственных девиаций (от лат. *deviatio* – отклонение), совершаемых преступлений и противоправных действий. Например, незрелая в духовно-нравственном плане законодательная и исполнительная власть неспособна принять адекватные меры по борьбе с преступностью. В частности, в настоящее время в России не удастся ликвидировать такие нравственные и уголовные преступления, как коррупцию (алчность, сребролюбие), наркоманию (страсть, чревоугодие, «бытовой сатанизм») и проституцию (прелюбодеяние), что говорит о наличии у государства проблем духовно-нравственного плана, касающихся, в том числе, нравственного уровня государственных и муниципальных служащих.

Подростки и молодёжь подвержены психологическому воздействию деструктивных движений, антинравственных социальных сетей, так как у них ещё незрелая и не сформированная психика и ценностная картина [6, с. 157–161].

Исследователи данной проблемы подчеркивают, что «эти (деструктивные) движения под влиянием деструктивного психологического воздействия манипулируют сознанием молодежи, играют на ценностно-

смысловых противоречиях разных поколений нашей страны, создают иллюзию «правильного», «справедливого» общества, направлены на частичное или полное разрушение личности, сознания и нравственности» [10, с. 94]. Подобное стало возможно благодаря только отсутствию внятной государственной идеологии – это позволило западной и американской идеологии, подконтрольным им СМИ и социальным сетям сформировать общество потребления, базирующееся только на материальных ценностях, девальвировать (лат. *devaluation*, от лат. *de* – понижение и *valeo* – стоить, иметь значение) духовно-нравственные ценности нашего народа, что привело к резкому увеличению духовно-нравственных девиаций, пороков и преступлений, на которое на протяжении десятилетий обращается внимание в соответствующей литературе.

Так, отмечается, что «уголовные преступления – это духовные и нравственные преступления. Этот важный фактор государством не взят на вооружение в связи с отсутствием доктрины духовно-нравственной безопасности граждан, стратегии духовно-нравственного развития России, в которых бы закреплялись правовые определения духовности, нравственности, духовно-нравственных ценностей, души и духа человека, а также меры по профилактике и борьбе с духовными и нравственными преступлениями. Без указанных правовых документов государству трудно будет заниматься профилактикой и борьбой с духовными и нравственными преступлениями, в том числе с экстремизмом, а также девальвацией духовно-нравственных ценностей» [2, с. 50–51].

В связи с вышеизложенным, несмотря на то, что уже имеется цифровое право, в настоящее время встаёт необходимость в адекватном правовом регулировании сети Интернет, любого виртуального пространства, а также возникшие с ним информационные отношения.

Выше раскрытые аспекты киберпространства касаются очевидных проблем человека в физическом плане. При этом к большому сожалению, вне осмысления остаются вопросы влияния виртуального пространства на духовно-нравственную сферу человека, связанную с его душой и духом.

В настоящее время интернет выступает для современного человека идолом, что вредит его душе. О такой духовно-нравственной опасности давно говорят Библия (Исх. 20:4–6), Коран (16:51) и другие Священные Писания. В христианской традиции идол представляет собой духовный обман, пустоту, которую заполняют тёмные силы [5, с. 97–98].

Многие пользователи интернета, включая молодёжь, реальную жизнь подменяют виртуальной, становясь интернет-зависимыми или киберзависимыми, что выражается в «проявление его несвободы» [12, с. 55].

Виртуальное киберпространство пагубно воздействует на человека, его духовную сущность (душа и дух), в духовном и нравственном плане, чему на государственном уровне не поставлен адекватный заслон.

Учитывая, что уголовные преступления всегда представляют собой по своей сути духовно-нравственные преступления, эффективно бороться с духовно-нравственными дивиациями и преступлениями можно только духовными средствами (определение смысла жизни, удовлетворение духовных потребностей и потребности в познании, самосовершенствование, повышение духовного и нравственного уровня, духовное образование, обращение к духовным культуре и музыке, молитва, соблюдение постов, духовная терапия, движение к святости, соблюдение заповедей, умерщвление страстей, медитация, духовная йога, занятие творчеством, благими делами и пр.) [6, с. 161].

Таким образом, резюмируя сказанное, можно отметить следующие моменты, выработав соответствующие рекомендации:

1. Фриланс надлежащим образом законодательно не урегулирован, что требует внесения соответствующих поправок в законодательство, регулирующее труд подростков и молодёжи.

2. Молодёжный фриланс может обеспечивать работу и кадры для теневой экономики, участвовать в противоправных действиях и совершении безнравственных и уголовных преступлениях, что должно быть взято правоохранительными органами на вооружение.

3. Науке необходимо выработать единый понятийный аппарат духовно-нравственной сферы человека (душа человека, дух человека, духовность, нравственность, духовно-нравственные ценности).

4. Обществу и государству следует разработать доктрину духовно-нравственной безопасности граждан, стратегию духовно-нравственного развития России, а также заняться изучением и устранением конфликта духовно-нравственных и материальных потребностей человека.

5. Государству и обществу необходимо принять меры по пресечению ухода молодёжного фриланса в теневую экономику и криминал, обеспечить духовно-нравственную безопасность подростков и молодёжи.

Список литературы

1. Балашова Н. А. Физическое и виртуальное пространства реализации социального насилия // Историческая психология и социология истории. 2012. № 2. С. 136–147.
2. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Духовно-нравственные аспекты противодействия терроризму и экстремизму // Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика : материалы Всероссийской научно-практической конференции (6 июня 2019 года, г. Уфа). Уфа : Изд-во ИП Кузнецов Н. В., 2019. С. 45–51.
3. Зайцев Д. В., Щелокова И. В. Виртуальная дистанционная занятость молодёжи: социальное значение и прогноз // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9. С. 204–207.
4. Занятость и безработица в Российской Федерации в декабре 2019 года (по итогам обследования рабочей силы). [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/12.htm (дата обращения: 25.07.2020).
5. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства [Электронный ресурс] : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20–23 сент. 2019 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 91–98.
6. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект противодействия деструктивным молодёжным движениям // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1/85. С. 157–161.

7. Красильников О. Ю. Фриланс на российском рынке труда // Профессиональная ориентация. 2018. № 2. С. 42–44.
8. Карпова Г. Г., Убогова А. С., Федосеева А. А. Социальная незащищенность фрилансеров: объективное положение и субъективное восприятие // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. № 19. С. 62–80.
9. Лайкам К. Э. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Стат. сб. / Росстат. М. : Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2018. 142 с.
10. Малова Е. О. Ресоциализация подростков, подвергшихся психологическому воздействию деструктивных движений // Инновационное развитие профессионального образования. 2019. № 1 (21). С. 94–98.
11. Олсен Ч. Про перспективы фриланса [Электронный ресурс] // Fitma. Данные для стартапа. URL: <http://fitma.ru/data> (дата обращения: 25.07.2020).
12. Прудникова Е. В. Антиценности виртуального пространства: философский анализ // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». 2017. № 3 (34). С. 47–56.
13. Сайт удалённой работы [Электронный ресурс]. URL: www.freelance.ru (дата обращения: 25.07.2020).
14. Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров): М. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 225 с.
15. Трудяга в удаленном доступе: особенности отечественного фриланса. [Электронный ресурс] // Карьерист. ру. URL: <https://careerist.ru/news> (дата обращения: 25.07.2020).
16. Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2019. 135 с.
17. Фрилансеров в России уже 18 % [Электронный ресурс] URL: <https://naf1.ru/analytics/frilanserov-v-rossii-uzhe-18/> (дата обращения: 25.07.2020).
18. Шумилова А. А. Информационно-коммуникативные риски виртуального пространства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–8. С. 160–165.
19. Ямщиков С. В., Кравченко А. Л. Социокультурные особенности фриланса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 128–131.

УДК 333.45
ББК 65.53

Голубева А. С., Филиппов С. А., *Иркутск*

Онлайн-проекты развития спорта в Российской Федерации и в мире

Рассмотрены онлайн-проектов, реализуемые в сфере физической культуры и спорта. Особое внимание уделено цифровизации спорта в России и в мире. Проведен анализ наиболее актуальных и важных проблем в спортивной индустрии, проявившихся во время пандемии COVID-19. Выявлены основные тенденции и перспективы развития онлайн-тренировок. Принята попытка обосновать, что цифровые технологии активно внедряются как в профессиональный, так и в любительский спорт, что мотивирует граждан вести здоровый образ жизни.

Ключевые слова: физическая культура, цифровые технологии, спорт, индустрия спорта, онлайн проекты.

Golubeva A. S., Filippov S. A., *Irkutsk*

Online sports development projects in the Russian Federation and in the world

The article is devoted to the consideration of online projects implemented in the field of physical culture and sports. Particular attention is paid to the digitalization of sports in Russia and in the world. The analysis of the most pressing and important problems in the sports industry that emerged

during the COVID-19 pandemic was carried out. The main trends and prospects for the development of online training have been identified. An attempt was made to substantiate that digital technologies are being actively implemented in both professional and amateur sports, which motivates citizens to lead a healthy lifestyle.

Keywords: physical culture, digital technologies, sports, sports industry, online projects.

В современном мире спорт стал неотъемлемой частью международных отношений. Об этом свидетельствует ряд важнейших международных документов: План действий ЮНЕСКО по укреплению правопорядка в спорте и обеспечению его общедоступности, Резолюция Совета по правам человека ООН «Поощрение прав человека через спорт и идеалы Олимпийского движения», Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе с упоминанием о важнейшей роли спорта в формировании безопасности. Вспышка коронавируса заставила приостановить проведение мировых спортивных соревнований. В год, когда чемпионат Европы по футболу должен был состояться в 12 европейских странах (июнь – июль), а Олимпийские игры в Токио запланированы на июль – август, спортивный календарь полностью пересматривается. Одни старты отменены, другие перенесены в другие города или откладываются на неопределенный срок, третьи проводятся без зрителей или с ограничением по количеству посетителей. Пандемия посеяла в мировом спорте настоящую панику. Организаторы соревнований не были готовы брать на себя ответственность и ждали указаний от национальных властей или от Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) [8].

Ограничительные меры в связи с пандемией COVID-19 привели к изменению в привычной жизнедеятельности, включая спорт и физическую активность. Массовый спорт оказался наиболее подверженным влиянию COVID-19. Однако пандемия затронула также профессиональный спорт и заинтересованных стейкхолдеров: спортсменов, тренеров, инструкторов, административный персонал (сотрудники спортивных организаций), волонтеров, должностных лиц, задействованных в соревнованиях (судьи, члены делегаций), предприятия, в особенности микро- и малый бизнес (фитнес-клубы, тренажерные залы, розничные торговцы, организаторы мероприятий, маркетинговые агентства, производители спортивной продукции).

Российский спорт в связи с пандемией коронавируса также переживает сложные времена. Международные и национальные соревнования были приостановлены. Российские спортсмены не смогли принять участие в 248 международных соревнованиях, 31 из которых должно было пройти на территории России. Министерство спорта РФ было вынуждено отменить тысячи спортивных мероприятий по всей стране. Были закрыты все тренировочные базы для подготовки национальных команд. Из-за их закрытия спортсмены имели возможность тренироваться только в домашних условиях [8].

Пандемия коронавируса внесла существенные коррективы в жизнь спортивного сообщества. Повсеместная изоляция ускорила цифровизацию

спортивного бизнеса и подстегнула организаторов к реализации проектов, основанных на онлайн-технологиях. Спорт в условиях пандемии COVID-19 используются компаниями, занимающимися спортивной аналитикой, профессиональной статистикой, съемкой матчей, скаутингом и онлайн-трансляциями. С точки зрения спорта, процесс коммуникации с болельщиками, работа в медийном пространстве, формирование новых цифровых продуктов вокруг традиционных форматов – это тот путь, на котором сейчас находятся крупнейшие мировые клубы и федерации. Министерство спорта Российской Федерации запустило интернет-портал «Тренируйся дома», призванный помочь всем желающим найти оптимальный способ укрепления физической формы в домашних условиях [6].

Портал стал развитием движения «Тренируйся дома. Спорт – норма жизни», которое Минспорт России инициировал в социальных сетях в целях популяризации занятий спортом в период самоизоляции в условиях распространения коронавирусной инфекции.

Виртуальная реальность (VR) в показе спортивных мероприятий становится привычным атрибутом. Вероятно, что этот тренд в ближайшее время будет стремительно развиваться. Мы вступаем в эру, когда можно забыть, что вы смотрите на экран, и ощутить присутствие и погружение в игру, думая, что вы находитесь на месте события. Интенсивное распространение получает технология просмотра трансляций со вторым экраном (second screen), предоставляющая возможность получать дополнительную информацию о событии, соревновании в режиме онлайн. Всевозможные дисциплины indoor-спорта (зальные виды спорта) получили уникальный шанс на дополнительное признание и обновление во время запретов массовых мероприятий [6].

Интернет-проект «Спорт Порт Онлайн» функционирует с 1 апреля 2020 г. в рамках проекта «Ни дня без спорта» и национального проекта «Демография». Проект «Спорт Порт Онлайн» способствует заинтересованности среди населения географии проекта, узнаваемости и популяризации видов спорта, которые можно практиковать, не выходя из дома, выучить несколько связок на онлайн мастер-классах по танцам, открыть для себя яркий мир киберспорта и заняться фитнесом в прямом эфире. Каждый может пообщаться с известными спортсменами и получить призы от партнеров проекта. Рубрики проекта выходят ежедневно. Просмотр онлайн-тренировок, прямых эфиров и мастер-классов бесплатный [7].

Во время пандемии стали популярнее онлайн-тренировки. Занятия по Skype и Zoom – самый близкий аналог тренировок в зале, так как тренер и практикующие имеют возможность видеть друг друга. Благодаря визуальному и вербальному контакту создается атмосфера коллективного действия, даже если участники находятся в разных точках земного шара. Приложения Skype и Zoom можно использовать на первых порах бесплатно с некоторыми ограничениями – например, Zoom на момент написания статьи дает 40 бесплатных минут для группы до 100 человек.

На сегодняшний день сервис Zoom предлагал ряд уникальных возможностей, практически все они со временем появились и в других популярных программах. Карантинные ограничения подтолкнули фитнес-клубы к диверсификации каналов предоставления услуг: некоторые из них стали развивать сервис онлайн-тренировок, в частности на YouTube, выяснили в Sarat. Спортивные бренды также стали активнее продвигать свой контент. По данным SimilarWeb, скачивание приложений для домашних тренировок увеличилось на 102 % в течение недели после закрытия фитнес-клубов. Видео контент спортивных студий на YouTube в разы популярнее, чем контент приложений брендов, в том числе Nike и Adidas, согласно SimilarWeb и Social Blade [4].

По словам аналитиков, онлайн-контент способствует укреплению имиджа бренда фитнес-клуба и лояльности текущих клиентов [5]. Например, онлайн-проект Yoga on Air предлагает формат тренировок в виртуальном зале, подключиться к которым можно из любой точки земного шара. На сайте можно выбрать подходящую дату и время занятий, отправляете заявку на участие, а в ответ получаете письмо со ссылкой на виртуальную комнату. Именно в этом виртуальном пространстве (оно похоже на конференцию в Skype) возможно заниматься йогой вместе с остальными участниками и тренером. Проект Fitness Buddy похож на виртуального личного тренера и диетолога, с сотнями тренировок, которые можно выполнять дома или в тренажерном зале, а также с индивидуальными планами питания и рецептами. Все упражнения содержат четкие инструкции и видеоролики, а прогрессивные планы тренировок делают это приложение идеальным для начинающих или опытных атлетов. Для многих людей оставаться сосредоточенными и придерживаться целей в области фитнеса может быть сложной задачей. По мнению пользователей, приложение Fitness Buddy помогает избавиться от поисков и помогает сохранять мотивацию [7].

Многие из онлайн-проектов очень актуальны сейчас, потому что они позволяют тренироваться самостоятельно. Большинство из перечисленных проектов способствуют тренировкам дома, действуя как цифровой личный тренер, который делает их полезными для многих людей, в особенности для новичков в спорте.

По мнению аналитиков, при сохранении спроса на домашние тренировки компании могут также монетизировать видеоконтент. На YouTube это рекламная модель монетизации, в приложениях и на сайтах – введение подписок, своего рода digital-абонемент, поясняют в Sarat. В будущем это может помочь бизнесу восстановить потери за счет притока новых клиентов в офлайн-залы [2].

Делая вывод из всего вышесказанного, можно смело говорить о том, что цифровые технологии – это будущее человечества. Они основаны на быстродействии и универсальности, что делает их столь востребованными во всех сферах жизнедеятельности человека. Индустрия спорта – не исключение. Цифровые технологии активно внедряются как в профессиональный,

так и в любительский спорт, что сильно мотивирует граждан подключаться к здоровому образу жизни. Умные вещи и мобильные приложения становятся неотъемлемой частью быта и помогают организовать режим дня, правильное питание, эффективные индивидуальные тренировки и многое другое. Современное поколение, обладающее цифровым мышлением, быстро осваивает новые девайсы и активно использует их для самосовершенствования.

Передовые цифровые технологии позволяют гораздо эффективнее осуществлять сбор, обработку и передачу информации, качественно изменить методы и организационные формы подготовки высококвалифицированных спортсменов, тренеров и судей, а также проведения физкультурно-оздоровительной работы с населением [1]. Цифровые технологии являются основой компаний, занимающихся спортивной аналитикой, профессиональной статистикой, съемкой матчей, цифровым скаутингом и онлайн-трансляциями. С точки зрения спорта процесс коммуникации с болельщиками, работа в медийном пространстве, формирование новых цифровых продуктов вокруг традиционных – это тот путь, на котором сейчас находятся крупнейшие мировые клубы и федерации. Коронавирус в очередной раз подчеркнул, что виртуальная реальность имеет ряд преимуществ, например, в плане безопасности: у пользователей нет необходимости напрямую контактировать друг с другом, они могут взаимодействовать, оставаясь на удаленном расстоянии.

В качестве важных факторов дальнейшего развития цифровых технологий в сфере физической культуры и спорта можно отметить персонализацию сервисов и их интеграцию с порталом государственных услуг.

Список литературы

1. Никулина Т. В. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.
2. Притчина Л. С. Цифровизация и новое экономическое образование // Педагогическое образование и наука. 2018. № 2. С. 120–122.
3. Широбакина Е. А. Опыт применения дистанционного обучения в образовательном процессе физических вузов // Дистанционное и виртуальное обучение. 2017. № 6 (120). С. 26–31.
4. В России стартовал проект «Россия – страна массового спорта» [Электронный ресурс]. URL: <https://gia.ru/20190531/1555147590.html> (дата обращения: 25.08.2020).
5. Всем спорт: 13 онлайн-тренировок и приложений для занятий дома [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/saltmag/vsem-sport-13-onlaintrenirovok-i-prilozhenii-dlia-zaniatii-doma-5e723676cc7cdf250730143a> (дата обращения: 20.08.2020).
6. Создана онлайн-платформа «Тренировки» для занятий спортом в домашних условиях [Электронный ресурс]. URL: <http://sport.cap.ru/news/2020/05/16/sozdana-onlajn-platforma-trenirovki-dlya-zanyatii> (дата обращения: 29.08.2020).
7. Сохоров В. Будущее за цифровой трансформацией спорта? [Электронный ресурс]. URL: <http://digitalrus.online/2020/06/23/cifrovaya-transformacia-sporta/> (дата обращения: 30.08.2020).
8. Спорт в условиях пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/20200720_Дайджест_спорт_итог.pdf (дата обращения: 15.01.2020).

УДК 796
ББК 75.4

Носырева Г. В., *Иркутск*

Онлайн-марафоны и тренировки как способ укрепления физического здоровья

Рассматриваются возможность применения дистанционных технологий при занятии спортом, а также вопросы развития интернет-маркетинга и проблемы занятий спортом с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: спорт, тренировки, дистанционные технологии, марафон, физическое здоровье.

Nosyreva G. V., *Irkutsk*

Online marathons and training as a way to improve physical health

In the article, the authors consider the possibility of using remote technologies in sports. They also discussed such issues as the development of Internet marketing, the problems of sports using information technologies.

Keywords: sports, training, remote technologies, marathon, physical health.

Посещение тренажерных залов, фитнес-центров и других спортивных учреждений не всегда является удобным и доступным способом для граждан поддерживать свое физическое здоровье в нормальном состоянии. При самостоятельном выполнении физических упражнений высока вероятность получения травм и, наоборот, ухудшения самочувствия и здоровья. Но в связи с развитием информационных технологий в совокупности с популяризацией социальных сетей и интернет-сообществ и значительном влиянии маркетинга в сети Интернет стали появляться онлайн-площадки для занятия спортом. Особенно популярными продуктами в спортивном сегменте являются онлайн-марафоны, онлайн-тренировки и занятия с тренером с использованием информационных технологий. Именно широкое распространение таких продуктов в сети и привлекло наше внимание, и мы хотим рассмотреть влияние онлайн-марафонов и тренировок на укрепление физического здоровья.

Ежегодно социальные сети становятся все более популярной площадкой для продвижения услуг в России. Пользователями социальных сетей является многомиллионная аудитория, а покупательской способностью наиболее обладает население в возрасте от 20 до 50 лет. «Именно этот возраст характеризуется активной покупательской способностью, в том числе и в сфере спортивных услуг» [3].

Из проведенного ВЦИОМ опроса становится видно, что численность граждан Российской Федерации, занимающихся спортом растет: за период с 2015 по 2018 г. показатель увеличился с 61 до 79 %. [1]

Чтобы разобраться с влиянием дистанционных технологий в спортивной деятельности, необходимо рассмотреть определение «дистанционное обучение». «Дистанционное обучение – форма обучения, основанная на

использовании информационных технологий, их технических средств для передачи учебного материала, его самостоятельного изучения, диалогового обмена между педагогом и обучающимся, а также процесс обучения, который не связан с конкретным расположением в пространстве и времени, и конкретным образовательным учреждением» [6]. Из этого определения можно выделить ключевые моменты, а именно: во-первых, это передача материала с использованием информационных технологий и технических средств; во-вторых, диалоговый обмен с преподавателем; в-третьих, процесс обучения. Все эти ключевые моменты можно рассмотреть через призму занятий спортом. Поэтому и информационные технологии и будут являться достаточно эффективным средством для занятий спортом.

Применение дистанционных технологий для развития физической культуры населения применялось еще в СССР. Так, с 1984 г. комплексы ритмической гимнастики стали демонстрироваться по телевидению. «Несомненно, в СССР и РСФСР именно комсомол, объединявший миллионы молодых людей, играл значительную роль в становлении личности, удовлетворении ее потребностей в сфере образования, культуры, спорта» [2]. Сейчас на государственном уровне развитие системы физической культуры и спорта регулируется федеральной целевой программой «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы», целью которой являются создание условий, обеспечивающих возможность гражданам систематически заниматься физической культурой и спортом, и повышение эффективности подготовки спортсменов в спорте высших достижений [5].

В период распространения коронавирусной инфекции (CoVID-19) в несколько раз увеличился спортивный контент в социальных сетях и Министерство спорта Российской Федерации издало приказ «О деятельности образовательных и научных организаций, находящихся в ведении Министерства спорта Российской Федерации в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации», в котором регламентирована деятельность спортивных учреждений в период карантинных мероприятий [4]. В связи с этим людей вовлекают в бесплатные и платные онлайн-марафоны; тренировки с тренером стало возможно проводить тренировки, не выходя из дома. Перед занятиями проводится подробный разбор техники выполнения упражнений и практически всегда дается обратная связь при выполнении тех или иных упражнений. Но не всегда и не везде спортивный контент заслуживает внимания, так как очень часто снимают обучающие видео и проводят тренировки люди, у которых мало педагогического и тренерского опыта, которые имеют своей целью только коммерциализировать свою услугу.

Несмотря на то что онлайн-тренинг, реализуемый в социальных сетях и мессенджерах, решает огромный спектр проблем: во-первых, это возможность выбора тренера определенного направления и квалификации, а также получение большого количества доступной информации о тренировочном

процессе, во-вторых, экономия денежных средств и времени, поскольку, зачастую запись на онлайн-курсы не только требует меньших вложений, но и дает возможность заниматься, не выходя из дома в любое время, в-третьих, постоянное взаимодействие с другими представителями фитнес сообщества в социальных сетях повышает уровень мотивации занятиям спортом, дает необходимую поддержку, он имеет и свои недостатки. К ним относятся, например, отсутствие индивидуального подхода, невозможность наблюдения за техникой выполнения упражнений, вероятности попадания к непрофессиональному тренеру, чьи советы могут не только не привести к достижению поставленной цели, но и ухудшить здоровье.

Из вышесказанного следует, что виртуальное пространство является уникальной площадкой для продвижения идей здорового образа жизни, поскольку любая представленная в нем информация в короткий срок находит своего читателя, способствует его социализации и оздоровлению, приобщает к занятиям физической культурой различные возрастные группы населения. При этом фитнес-сообщество распространяется эффективнее, нежели, чем с реализации федеральных и региональных программ, пропагандирующих физическую культуру и спорт. С другой стороны, отсутствие контроля за людьми, реализующими спортивные услуги, приводит к росту числа некомпетентных кадров, и с одной стороны, негативному восприятию фитнеса, с другой – ухудшению репутации профессиональных тренеров.

В рамках этого можно сделать следующие рекомендации: во-первых, самоконтроль среди пользователей виртуального пространства с позиции фильтрации поступающей информации, и поиска максимально компетентных в вопросах оздоровления кадров, в том числе и фитнес-блогеров, у которых в наличии имеется документ, дающий право на проведение фитнес-тренировок, во-вторых, государственное регулирование деятельности разного рода образовательных учреждений, в которых существует возможность получения быстрого и низкокачественного образования в сфере физической культуры и спорта, а также взаимодействие с вузами и ссузами физической культуры и спорта для разработки компетенций и последующего установления профессиональных стандартов и контроль за их соблюдением.

Список литературы

1. Здоровый образ жизни: мониторинг [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116757> (дата обращения: 24.08.2020)
2. Кузьмина, Е. С. К вопросу о специфике формирования этнокультурного согласия в молодежной среде в комсомольский и посткомсомольский периоды // Социальный опыт комсомола и его значение для модернизации России: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, В. А. Решетников]. Иркутск : Оттиск, 2018. С. 84–86.
3. Попова, А. О., Иванова, Л. А., Алексин, А. Ю. Экономическая составляющая индустрии услуг физической культуры и спорта в России и за рубежом // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2017. № 1. (4). С. 80–84.
4. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 16 марта № 217 «О деятельности образовательных и научных организаций, находящихся в ведении Министерства спорта

Российской Федерации в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации». 2020. С. 3.

5. Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: minsport.gov.ru/poiasnizapiskFCP.doc (дата обращения: 25.08.2020)

6. Шаров В. С. Дистанционное обучение, форма, технология, средство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 94. С. 236–240.

УДК 316.624:004.738

ББК 88.742.19я73

Ковалева А. А., Калашникова Р. В., *Иркутск*

Негативное влияние виртуальной реальности на здоровье человека

Доказывается, что с совершенствованием технологий происходит не только технологический прогресс, но и появляются определенные проблемы. Рассматривается интернет-зависимость как социальная и личная категория, поднимаются вопросы о ее профилактике.

Ключевые слова: виртуальная реальность, интернет, зависимость, здоровье.

Kovaleva A. A., Kalashnikova R. V., *Irkutsk*

The negative impact of virtual reality on human health

The work proves that with the improvement of technologies, not only technological progress is revealed, but also certain problems come with it. Internet addiction is considered as a social and personal category, questions about the prevention of Internet addiction are raised.

Keywords: virtual reality, internet, addiction, health.

Современный мир невозможно представить без виртуальной реальности, интернета, социальных сетей, лайков. В настоящее время почти все сферы жизни зависимы от интернета, компьютерных технологий. Запись к врачу ведется онлайн через интернет, многие курсы и обучение проводятся в дистанционном формате с применением компьютерных технологий, общение между людьми происходит через социальные сети, развлечение мы также находим в виртуальном пространстве. Виртуальная реальность все чаще поглощает время людей.

В 1994 американским психиатром Айвенгом Голдбергом был введен термин «интернет-зависимость», или «интернет-аддикция». Интернет-зависимость – это навязчивое желание использовать интернет, использовать его без назначения, избыточное времяпрепровождение в сети. Есть ряд симптомов характеризующие зависимость:

- ощущение эйфории перед каждым новым использованием интернета, а при прекращении использования ощущение подавленности;
- социальная изоляция;
- отстраненность от близких людей, прекращение общения с друзьями;

- частое посещение социальных сетей, регулярная проверка мессенджеров, почты;
- постоянное обсуждение виртуальной реальности с разными людьми, происходит сужение интересов личности;
- прокрастинация-откладывание более важных дел;
- бессознательное потребление информации в сети.

Зависимость приводит не только к психологическим проблемам, также появляются проблемы со здоровьем:

- снижение зрения;
- сухость глаза;
- ломота в суставах;
- неправильная осанка;
- нарушение сна;
- нарушение режима питания.

Выделяют подтипы интернет-зависимости:

- постоянная необходимость в избыточном общении в социальных сетях, онлайн-платформах, форумах;
- игровая зависимость;
- киберсексуальная зависимость (постоянный просмотр порнографических материалов);
- «веб-серфинг» – многократный переход с одной ссылки на другую, бесконечный поиск ненужной информации.

В ряде работ рассматриваются различные аспекты интернет-зависимости: как ограничитель социальных рамок (Е. Е. Воеводскова [1], Г. Н. Мустафьева [7]), как стратегия не разрушения себя (А. А. Дренева, А. В. Егорова [2]), вопросы личной виртуальной аддикции и девиантного поведения (О. В. Дубровина [3], В. В. Котлярова [5], В. Д. Менделевич [6]) и др.

Популярный психолог Андрей Курпатов поясняет: «По сути, мозг человека делает одни и те же ошибки, но в разных ситуациях и на разном содержании. В этом плане компьютерная зависимость не сильно отличается от других зависимостей. Но то, что погруженность в виртуальную реальность становится проблемой, – это факт. Это не психическое расстройство, не болезнь. Но, заполняя свое время информационным контентом и соцсетями, люди все меньше общаются вживую, меньше разговаривают друг с другом, теряют навыки обсуждения проблем и отношений». [4] Современный человек находится в заложниках информационного потока, мозг не справляется с переработкой большого количества информации. Наш мозг теряет нейропластичность, это сказывается на многих сферах жизни. Человеку сложнее решать, как простые, так и сложные задачи, происходят проблемы с коммуникацией. Происходит деградация личности, поведение взрослых людей меняется в сторону инфантилизма, общение становится поверхностным, отсутствует взаимопонимание. Курпатов дал термин данному состоянию «Информационная псевдодебильность» -это состояние, когда человек не

страдает умственной отсталостью, но из-за информационной перегрузки не способен рационально думать.

Чтобы ситуация не ухудшалась нужно поднимать данную тему и проводить профилактические работы для предотвращения глобальной деградации общества, молодежи, детей. Время в сети нужно использовать рационально, дозировано и в случае действительной необходимости, тогда современные технологии будут иметь только положительные стороны.

Список литературы

1. Воеводскова Е. Е. Зависимость от компьютерной виртуальной реальности [Электронный ресурс] // Проблемы педагогики. 2015. № 3(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavisimost-ot-kompyuternoy-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 29.06.2020).
2. Дренева А. А., Егорова А. В. Мастер-класс «Не разрушай себя» // Не будь зависим. 2020. № 5 (96). С. 15–18.
3. Дубровина О. В. Психологические особенности личности с виртуальной аддикцией [Электронный ресурс] // Сибирский педагогический журнал. 2009 № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-lichnosti-s-virtualnoy-addiktsey-1> (дата обращения: 29.06.2020).
4. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/85273-doktor-kurpatov-skoro-my-stanem-idiotami.html> (дата обращения: 29.06.2020)
5. Котлярова В. В. источники угроз в виртуальной среде: трансформация жизненного пространства личности [Электронный ресурс] // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015 № 6 С. 21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25223281> (дата обращения: 29.06.2020).
6. Менделевич В. Д. Особенности девиантного поведения в интернет-пространстве [Электронный ресурс] // ПМ. 2013 № 1 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-deviantnogo-povedeniya-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 29.06.2020).
7. Мустафьева Г. Н. Социальные аспекты интернет-зависимости [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-internet-zavisimosti> (дата обращения: 29.06.2020).
8. Цифровое самоповреждение // Не будь зависим. 2020. № 5 (96). С. 18–19.

УДК 330.43
ББК 65.23

Медведев П. С., Тюмень

Трансформация социально-экономических моделей поведения в условиях современного информационного пространства

Работа носит обзорный характер и демонстрирует существующие тенденции трансформации социально-экономических моделей поведения. В частности, показаны изменения, происходящие в таких сферах, как демографическое поведение, трудовое поведение, миграционно-мобильное поведение, поведение в сфере образования, общественная активность, потребительское поведение. Делается вывод о том, что переход к информационному обществу существенно трансформировал социально-экономическое поведение населения.

Ключевые слова: социально-экономическое поведение, демография, мобильность, образование, потребление, трудовая сфера, общественная активность.

Medvedev P. S., Tyumen

Transformation of socio-economic models of behavior in a modern information space

The work is of an overview and demonstrates the existing trends in the transformation of socio-economic models of behavior. In particular, it shows the changes taking place in such spheres as demographic behavior, labor behavior, migration-mobile behavior, behavior in the field of education, social activity, consumer behavior. The conclusion is made that the transition to the information society has significantly transformed the socio-economic behavior of the population.

Keywords: socio-economic behavior, demography, mobility, education, consumption, labor, social activity.

Содержание термина «социально-экономическое поведение», включает в себя два аспекта. Первый связан с понятием поведения человека, которое определяется множеством факторов, среди которых: накопленные знания и опыт, система ценностных ориентации, существующие потребности и ряд других социально-психологических факторов. Второй связан с условиями, в которых формируется человеческое поведение – социально-экономическая сфера [11].

В контексте ролевой теории представляется интересным определение Т. Заславской, которая определяет социально-экономическое поведение как «систему взаимосвязанных поступков и действий, которые люди совершают в социальной и экономической сферах под влиянием личных и групповых интересов ради удовлетворения своих потребностей. Отражая субъективную сторону экономической деятельности, индивидуальное и коллективное поведение людей существенно влияет на ее результаты и эффективность» [1].

Обобщая существующие подходы к понятию социально-экономического поведения, можно выделить следующие компоненты его структуры [12]:

- 1) демографическое поведение;
- 2) трудовое поведение;
- 3) миграционно-мобильное поведение;
- 4) поведение в сфере образования;
- 5) общественная активность;
- 6) потребительское поведение.

Рассмотрим существующие тенденции, связанные с трансформацией указанных видов социально-экономического поведения в условиях современного информационного пространства.

Демографическое поведение. Выраженность влияния различных детерминант репродуктивного поведения в историческом контексте претерпевает существенные изменения. Так, снижению суммарного коэффициента рождаемости в Европе и России способствовали феминизация, повышение уровня образования и занятости женщин, развитие науки. Несмотря на то что потенциал указанных факторов в развитых обществах выработан, начиная с третьей четверти прошлого века в развитых странах продолжается стабильное снижение среднего числа рождений, приходящихся на одну жен-

щину. Мы полагаем, что в настоящее время одной из основных причин, ограничивающей реализацию общественного репродуктивного потенциала, является современная цифровая среда.

В работе будет проверена гипотеза о том, что цифровизация, которая постепенно снимает необходимость прямых межличностных контактов, оказывает значительное воздействие в масштабах социума. Представляется, что влияние проявляется на нормативно-ценностном уровне, через углубляющуюся индивидуализацию, зачастую принимающую крайние формы: нарциссизм, стремление к «атомарности жизни», рост социопатии. Распространение практики жизни в одиночестве позволяет оградить человека от стресса, давления социальной и профессиональной сферы. Наличие собственного жизненного пространства позволяет успешным одиночкам профессионалам уединённо и более эффективно заниматься саморазвитием.

В формировании нисходящей тенденции рождаемости определенный вклад вносит также социально-демографический феномен, известный в специальной литературе под названием «парадокс обратной связи». Этот феномен впервые описан демографами два века назад и заключается в том, что богатые семьи в среднем имеют меньше детей, чем бедные. Данный феномен имеет социальную стратификацию: сначала и наиболее ярко он проявился в историческом плане у представителей интеллигенции, затем у рабочих и в последнюю очередь – у сельскохозяйственных работников.

Факт смены одной модели рождаемости (многодетности малодетностью) обозначается термином демографический переход. В Европе он отчетливо означился в 70-х гг. прошлого столетия, в России сформировался поколением позже – в 90-х гг.

Трудовое поведение. Один из наиболее активных сторонников внедрения высоких технологий во все секторы экономики, глава Сбербанка Герман Греф на международной конференции, посвященной будущему России, «Вперёд в будущее: роль и место России» [2], выразил мнение, что крупные предприятия промышленности, финансового рынка, медицины не выживут без переориентирования на цифровые технологии и новые модели бизнеса. В то же время электронно-цифровая модернизация предприятий приведет к ликвидации многих профессий, массовым увольнениям и вызовет социальное напряжение. По его мнению, искусственный интеллект войдет во все сферы жизни человека и возьмет на себя большинство функций. В Сбербанке он обещает через 5 лет отдать искусственному интеллекту 80 % функций [4].

С мнением г. Грефа солидарны многие другие отечественные лидеры. Так, глава Центра стратегических разработок, бывший министр финансов Алексей Кудрин ухудшил свой прогноз об исчезновении некоторых профессий. По его мнению, в ближайшие 10–15 лет около 30 % специальностей прекратят существование. Об этом он заявил в ходе форума «Россия – страна возможностей», прошедшем в марте 2018 г.

В российском правительстве давно прогнозируют, что в ближайшее время многие профессии окажутся невостребованным из-за развития технологий. Осенью 2017 г. об этом заявил министр по вопросам открытого правительства Михаил Абызов. По его словам, в это число войдут бухгалтеры, юристы, административные сотрудники и специалисты в системе управления и учета кадров. Они будут «заменены новыми информационными технологиями», в частности блокчейном. По этому же поводу в ходе Московского финансового форума высказывался и премьер-министр России Дмитрий Медведев. Он отметил, что переход к цифровой экономике влечет быстрый рост производительности, который может привести к исчезновению многих профессий [3].

Миграционно-мобильное поведение. Изменения в трудовой сфере оказывают прямое влияние на ещё один аспект социально-экономического поведения – мобильность населения. Рост уровня мобильности в условиях информационного общества имеет ряд объективных предпосылок.

Во-первых, это рост скорости передачи данных, который выводит на принципиально иной уровень развитие технологий. Решение огромного пласта технологических задач цифровой экономики будет доступно благодаря сетям беспроводной связи пятого поколения – 5G. Они способны обеспечить возможности для внедрения современных технологий, а вслед за этим – масштабную цифровизацию, роботизацию и автоматизацию многих промышленных процессов.

Вторая группа факторов, стимулирующая развитие территориально распределенных, виртуальных корпоративных структур, – это бизнес-резоны. Крупные компании стремятся к консолидации человеческого потенциала с целью концентрации интеллектуальных и технологических ресурсов. Такого рода масштабирование позволяет существенно увеличивать эффективность многих бизнес-процессов.

Третий фактор связан с социальными предпосылками. Исследователи отмечают, что среди ключевых приоритетов современного молодого поколения – свобода, пространство, личные предпочтения [5]. Представители теории поколений, отмечают, что представители нового поколения Z откажутся трудиться «по часам», а также от деятельности, которая представляет собой лишь способ зарабатывания денег. У этих людей весьма высокие запросы, непереносимость бюрократии и отношение к работе как к стилю жизни, увлечению, хобби. Очевидно также, что большинство из них не готово тратить время на дорогу, чтобы добраться до офиса.

Поведение населения в сфере образования. С развитием информационных технологий меняется подход и к образованию. Кроме того, цифровая трансформация заключается не только в появлении образовательных интернет-платформ и онлайн-курсов, она меняет вполне традиционные секторы университетской деятельности. Они становятся быстрее, функциональнее, эффективнее. Цифровая трансформация – включение большого комплекса

информационных технологий во все сферы жизни. В современном образовании эти технологии не просто «пристройка», а вплетены в микроуровневые процессы в вузе – в повседневное взаимодействие подразделений, коллективов, преподавателей и студентов. Отдельная ниша дистанционных курсов – повышение квалификации, переобучение, дополнительное образование. Здесь выгоды очевидны: гибкость и удобство.

Сегодня сегмент онлайн-образования постепенно расширяется. Огромное предложение онлайн-курсов на рынке обнажило тот факт, что контента, пригодного для образовательных целей, мало. Во многих случаях это всего лишь информационный балласт, прикреплённый к инструментарию сетевого взаимодействия. Именно в сфере производства контента для цифровой эпохи развёрнётся настоящая конкуренция между образовательными платформами.

Социальная активность. Сегодня социальная активность всё в большей степени перемещается в виртуальную среду. В качестве примера можно привести такие её формы, как краудсорсинг, блоггерство, распространение сервисов онлайн-петиций.

Краудсорсинг. Примечательно, что одним из первых, кто ввёл в широкий оборот термин «краудсорсинг», стал В. В. Путин. Именно после его речи 12 ноября 2011 г. на международной финансовой конференции «Новые технологии управления. Что изменит мир?», приуроченной к 170-летию Сбербанка России, метод начал набирать популярность в российской практике. По мнению Президента, краудсорсинг «позволяет вырабатывать решения в ходе широкого обсуждения, находить новые нестандартные подходы, пропускать их через своего рода качественный фильтр различных позиций, мнений и точек зрения». Данный управленческий подход, считает Президент, крайне важен для выработки ключевых решений при формировании долгосрочных программ и законодательных инициатив [6].

На сегодняшний день существует ряд постоянно действующих краудсорсинговых площадок, выполняющих важнейшие функции в области решения социально-политических задач. Так, краудсорсинговая платформа Правительства Москвы представляет собой проект, позволяющий улучшать качество жизни и совершенствовать городскую среду за счёт идей, предлагаемых рядовыми москвичами [10]. В Белгородской области работает похожий портал «Народная экспертиза» [8]. В ходе краудсорсинговых проектов в Приморье, Архангельской области, Ярославле было собрано множество предложений активных, неравнодушных людей по решению региональных задач и проблем.

Сервисы онлайн-петиций. Благодаря цифровизации процесс представления петиции обществу и сбор подписей в ее поддержку стал намного проще и приобрёл черты массовости. Сегодня в нашей стране действует множество ресурсов для размещения онлайн-петиций и голосования в их поддержку [9]. Наиболее востребованным из них является change.org – онлайн-платформа, предназначенная для размещения петиций, ставшая своей

целью предоставление инструментов для продвижения гражданских инициатив и решения социальных проблем. В 2018 г. сайт преодолел отметку в 265 млн пользователей по всему миру.

Блогерство или гражданская журналистика – социальный феномен, возникший в конце XX века. Блог создается самыми обычными людьми и может быть сфокусирован на новостях, опыте или мнении. Он может быть личным или представлять какую-либо компанию, политическую партию. Единичные блоги, регулярно предоставляющие интересную общественности информацию и имеющие большое количество подписчиков, могут выполнять функцию средств массовой информации, а их авторы могут называться гражданскими журналистами, но в подавляющем большинстве случаев блогерство представляет собой деятельность по созданию формы интернет-контента для обеспечения коммуникаций в сети между блогером и подписчиками [7].

Потребительское поведение. Другим важным признаком самоорганизации современного социума посредством современных систем коммуникации является становление экономики совместного потребления, или, как её ещё называют: шеринг-экономики (от англ. *share* – доля, делиться, разделять). В основе этого типа экономических взаимоотношений лежит идея о коллективном использовании товаров и услуг. Одними из первых, кто описал и предсказал интенсивное развитие совместного потребления, стали экономисты Рэйчел Ботсман и Ру Роджерс, издавшие в 2010 г. книгу под названием «Что моё – то твоё: стремительный рост популярности совместного потребления» (*What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*) [13]. Сегодня под совместным потреблением понимается деятельность по обеспечению доступа, предоставлению или совместному доступу к товарам и услугам, которая координируется через сообщества, основанные на базе онлайн-сервисов.

Сегодня проявления шеринг-экономики можно встретить практически в любой сфере жизни. Так, существуют сервисы, позволяющие сдавать в аренду строительные инструменты, туристское оборудование, теплую одежду – т. е. вещи, которыми их владелец пользуется редко. В российских социальных сетях всё чаще появляются группы фудшеринга – проекты по бесплатному распространению продуктов питания, предназначенных для утилизации, а при помощи онлайн-порталов частных объявлений «Юла» и «Авито» можно приобрести практически любой бывший в употреблении товар по низкой цене. Портал *profi.ru* позволяет найти репетитора, мастера по ремонту, домашний персонал, мастера красоты, а также множество других специалистов, которые без посредников окажут свои услуги.

Появление компаний, которые из поставщиков товаров и услуг превращаются в поставщиков сервисов часто позволяет отказаться от услуг традиционных корпораций. В наши дни становится заметно, как уберизация существенно меняет сложившиеся социально-экономические связи, а сам

феномен становится объектом пристального изучения со стороны исследователей социально-экономических процессов и философов.

В заключении отметим, что переход к информационному обществу существенно трансформировал социально-экономическое поведение населения. В демографической сфере это проявляется в снижении уровня рождаемости, в трудовой – в изменении структуры занятости населения, трансформации форм трудовой деятельности, а также социально-трудовых отношений между работником и работодателем. Миграционно-мобильное поведение интенсифицируется за счёт развития транспортной, социальной и информационной инфраструктуры. В сфере образования наблюдается тенденция постепенного перехода к дистанционным формам обучения. Социальная активность всё в большей степени перемещается в виртуальную среду. Яркими примерами этого являются получающие распространение такие её формы, как краудсорсинг, блоггерство, распространение сервисов онлайн-петиций и т. д. Потребительское поведение также изменяется – практики покупок товаров и услуг всё чаще перемещаются в «онлайн», основная борьба за потребителей осуществляется бизнесом в социальных сетях, наблюдается становление экономики совместного потребления.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают существующие тенденции трансформации социально-экономического поведения в современном информационном пространстве. В то же время они дают наглядное представление о роли современных информационных технологий в развитии современного социума.

Список литературы

1. Заславская Т. И. О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики : сб. науч. тр. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва ; под ред. Р. В. Рывкиной. Новосибирск : ИЭИОПП, 1985. С. 9.
2. Конференция была организована Сбербанком России и приуроченной к 175-летию старейшего финансового учреждения страны (10 ноября 2016 года).
3. Кудрин предсказал исчезновение трети профессий и призвал быть гибче [Электронный ресурс] // Новый день. 2018. 15 марта. URL: <https://newdaynews.ru/economy/630392.html> (дата обращения: 30.08.2020).
4. Кунгуров Д. Греф предсказал будущее [Электронный ресурс] // Утро.ру. 2016. 14 ноября. URL: <https://utro.ru/articles/2016/11/14/1304545.shtml> (дата обращения: 30.08.2020).
5. Мацоцкий С. Персональная мобильность в информационном обществе // Коммерсантъ Власть. 2016. № 22. С. 38. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2996171> (дата обращения: 01.06.2019).
6. Международная финансовая конференция «Новые технологии управления. Что изменит мир?» (видеоролик) [Электронный ресурс] // Видеохостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NVzSoEnS7ro> (дата обращения: 30.08.2020).
7. Оганян А. М. Блоггерство: журналистская профессия или способ социальной коммуникации // Студенческий форум : электрон. науч. журн. 2018. № 8(29). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/29/34803> (дата обращения: 30.08.2020).
8. Проект Белгородской области «Народная экспертиза» [Электронный ресурс] // Онлайн-площадка проекта «Народная экспертиза». URL: <https://narod-expert.ru/o-portale/> (дата обращения: 30.08.2020).

9. Радина Н. К. Онлайн-петиция в междисциплинарных полях и на теоретических перекрестках: политология и лингвистика // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-petitsiya-v-mezhdistsiplinarnyh-polyah-i-na-teoreticheskikh-perekrestkakh-politologiya-i-lingvistika> (дата обращения: 30.08.20).

10. Система городских решений «Вместе» [Электронный ресурс] // Краудсорсинг-проекты Правительства Москвы. URL: <https://crowd.mos.ru/> (дата обращения: 30.08.2020).

11. Социальный механизм экономической реформы: методология и опыт экономико-социологического исследования / под ред. Р. В. Рывкиной. Новосибирск : ИЭиОПП, 1990. 142 с.

12. Экономическая социология : учеб. пособие / В. Е. Пилипенко [и др.]. Киев : МАУП, 2002. 166 с.

13. Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise Of Collaborative Consumption /. N. Y. : Harper Business, 2010. 304 p.

УДК 338.24

ББК 60.32

Пухляк А. Д., *Иркутск*

Цифровая зависимость: проблема нашего времени или неоправданные опасения?

Рассматриваются вопросы цифровой зависимости, ее проявлений и краткая история появления данного феномена. Обозначены проблемы, появившиеся в обществе из-за данного вида зависимости. Также приведены выводы о влиянии гаджетов на коммуникативные способности людей.

Ключевые слова: цифровая зависимость, зависимость от гаджетов, компьютерная зависимость, смартфон, технологии.

Pukhliak A. D., *Irkutsk*

Digital Addiction: A Current Problem or Unjustified Concerns?

The article examines the issues of digital addiction, its manifestations and a brief history of this phenomenon. The problems that have arisen in society due to this type of addiction are considered. The article also provides conclusions about the influence of gadgets on the communication skills of people.

Keywords: digital addiction, gadget addiction, computer addiction, smartphone, technology.

В последнее время можно достаточно часто услышать о таком понятии, как «зависимость от гаджетов», или «цифровая зависимость». В широком смысле слово «зависимость» обозначает навязчивую потребность в определенной деятельности, ощущаемую человеком. Но является ли такой «интерес» многих людей к технологиям зависимостью? И насколько же оправданы опасения ученых и медиков?

В зарубежных странах компьютеры массово начали появляться в домах в 1980-х гг. В это же время (даже немного раньше) игровые приставки стали весьма популярным товаром. Уже тогда заговорили о так называемой компьютерной зависимости.

В начале 1990-х гг. появилась глобальная сеть: чаты и форумы – новшества того времени, которые уменьшили потребность в реальном общении. В это время появилось англоязычное выражение Surf the Net – простое

использование сети через ПК даже привело к появлению отдельного устойчивого выражения для описания действия.

Технологии постепенно, но точно проникали в каждый дом, а потом появились телефоны и социальные сети, которые перевели общение на новый уровень. Но этот уровень не стал чем-то большим и лучшим по сравнению с тем, что предлагала нам жизнь.

Социальный психолог из Массачусетского технологического института и автор книги «Одинокие вместе: почему мы ожидаем большего от технологий, чем друг от друга» Шерри Таркл более двадцати лет изучает проблему отношений человека и технологий. Автор пришла к выводу, что современные телефоны предлагают нам «три завораживающие фантазии».

Первая: ощущение, что мы можем концентрировать внимание на том, что нам интересно, и контролировать то, что мы хотим. Профессор говорит: «Когда я спрашиваю, что не так с живым общением, мне отвечают – разговаривать приходится в реальном времени, и вы не можете контролировать то, что вы скажете». Фотографии, слова, действия – в социальной сети все это подвергается редакции.

Вторая: надежду, что нас всегда услышат. В статье об этой книге пишут: «Ощущение того, что никто не слушает, очень важно в нашем отношении к технологиям. Вот почему нам так нравится заводить странички на Facebook или в Твиттере – там много автоматических слушателей». Таркл считает, что люди привыкли не разговаривать по-настоящему и «привыкают к меньшему» – обходиться друг без друга.

И третья, пожалуй, самая важная: заблуждение, что мы никогда не будем одиноки. По мнению психолога, «Уединение – это то состояние, в котором рождается способность к самоанализу, настоящая тяга к отношениям и ощущение ценности других людей. Избегая одиночества, «залатывая» часы уединения сидением в соцсетях и виртуальным общением, мы лишаем себя всего этого: прекращаем рефлексировать, сознательно выбираем изоляцию и перестаем по-настоящему ценить людей». Мы начинаем верить, что постоянное пребывание онлайн делает нас менее одинокими. «Но мы в опасности, потому что на самом деле это значит обратное. Если мы не можем существовать в одиночку, мы станем более одинокими», – подытоживает Шерри Таркл [4].

На Всемирном фестивале молодежи и студентов – 2017 в рамках темы «Что дают нейронауки для понимания человека и его поведения» ораторы, рассуждая о влиянии гаджетов на мозг, пришли к важным выводам: человек, получая информацию в готовом виде, перестает анализировать и рефлексировать, перестает прикладывать усилия, чтобы сформировать собственное мнение. Люди приучаются кратко, зачастую с ошибками писать. Приучаются кратко мыслить. «Мир находится в мозгу, а мозг – в мире», – эту фразу вспомнила Татьяна Черниговская, доктор биологических наук, советский и российский ученый в области нейронауки и психолингвистики

[3]. Появился риторический вопрос: какая картина мира сложится у человека, если он ограничивает свой мир рамками экрана смартфона?

Можно выделить несколько групп проблем, пришедших вместе с эрой «цифровой зависимости» [2]:

1. Влияние на нормальное функционирование органов и систем организма:

- ухудшение зрения;
- болезни органов движения и мышечной системы;
- снижение слуха;
- синдром BlackBerry Thumb (синдром большого пальца) – основным его симптомом является сильная пульсирующая боль в больших пальцах рук;

● угревая сыпь и дерматит;

- возможное физическое изменение мозга человека;
- нарушение сна.

2. Влияние на психическое и психологическое здоровье:

- влияние на психику;
- ослабление навыков письма и способности к творчеству;
- утрата способности воспринимать большие объемы информации;
- зависимость от экрана;
- снижение коммуникативных навыков, ухудшение речевой функции;
- повышение агрессии и раздражительности.

3. Влияние на когнитивные способности.

Отдельно упомянем о возможном физическом изменении мозга человека. В конце февраля 2020 г. в журнале *Addictive Behaviors* была опубликована статья, авторы которой утверждают, что зависимость от смартфонов физически меняет мозг человека. Согласно этой статье, исследователи использовали МРТ-аппараты для обследования людей с зависимостью от смартфона и обнаружили физические изменения головного мозга, подобные тем, что наблюдаются у наркоманов. Исследование проводили с 48 пациентами, 22 из которых были классифицированы как имеющие зависимость от смартфона. Исследователи из Гейдельбергского университета утверждают, что у этих людей отмечались меньший объем серого вещества в островке и височной коре, а также снижение активности покоя передней поясной извилины коры. При этом объем и активность передней поясной извилины коры головного мозга были связаны с тяжестью зависимости. [1]

Но помимо медицинских и научных областей влияния гаджетов на нашу жизнь есть еще одна область – это наше общение. Самой большой потерей является именно живое общение.

Увлеченность гаджетами обесценивает моменты жизни, которые люди могут переживать в полной мере здесь и сейчас. Люди часто снимают «сторис»: концерт, выпускной, салют. Снимают, подписывают и выкладывают. И когда они снимают что-то, то их сознание не на сто процентов проживает то, что видит в реальный момент времени. Человек часть внимания тратит

на обдумывание того, на какую кнопку нажать и что ответить в комментариях. Люди так привыкли быстро и кратко отвечать, что начинают это переносить в реальный мир. Чувства, эмоции, то, чем хочется поделиться, они загоняют в рамки короткого текста. Люди начинают забывать, как общаться друг с другом, как знакомиться. Люди постепенно убирают жизнь из жизни.

Технологии стали неотъемлемой частью нашей реальности и без них теперь не обойтись. Но важно то, что каждый из нас вправе решать, как он обойдется со своим временем и насколько настоящей вокруг него будет жизнь.

Список литературы

1. Зависимость от гаджетов [Электронный ресурс]. URL: http://zdrav.expert/index.php/Статья:Зависимость_от_гаджетов.
2. Иванова А. В., Гоголева Е. С. Влияние гаджетов на здоровье подростков // Юный ученый. 2020. № 2.1 (32.1). С. 24–26. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/young/archive/32/1918/>.
3. Нейрофизиологи о влиянии гаджетов на развитие мозга детей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a4UXb97T8is>.
4. «Одинокие вместе»: Шерри Таркл о том, почему мы предпочитаем соцсети личному общению [Электронный ресурс]. URL: <https://monocler.ru/odinochie-vmeste-sherri-tarkl-o-tom-pochemu-myi-predpochitaem-sotsseti-lichnomu-obshheniyu/>.

УДК 336.15
ББК 65.290

Тайсумова Х. В., Вангаева Ф. М., *Грозный*

Электронная самозанятость в мире и в России: различия и перспективы

Рассматривается электронная самозанятость как новый вид деятельности в мире начинающейся постиндустриальной эпохи. Доказывается, что на рынке труда нового века электронная самозанятость будет приоритетной. Изучается фриланс как новый вид занятости.

Ключевые слова: электронная самозанятость, работа в интернете, фриланс, веб-сёрфинг, биржа интернет-труда.

Taysumova K. V., Vangaeva F. M., *Grozny*

Electronic self-employment in the world and in Russia: differences and prospects

The article examines e-self-employment as a new type of activity in the world of the beginning post-industrial era. It is proved that in the labor market of the new century, electronic self-employment will be a priority. Freelance is considered as a new type of employment.

Keywords: electronic self-employment, work on the Internet, freelance, web surfing, the Internet labor exchange.

Цифровые технологии открывают новые возможности организации труда людей, занятых производством и обработкой информации. Они получили возможность работать удаленно – на расстоянии от того места, где необходимы результаты их труда, передавая информацию по компьютер-

ным сетям. Концепцию удаленной работы (remote work) обосновал Дж. Ниллес еще в начале 1970-х гг., когда он руководил первым подобным проектом в университете Южной Калифорнии, однако ее полноценная массовая реализация стала возможна позже благодаря дальнейшему развитию технологической связи, способных оперативно передавать большие объемы информации.

«Интернет сильно изменил нашу жизнь в лучшую сторону. С развитием интернета стала развиваться и экономика, и наука, и многие другие сферы жизни современного человека» [1]. В контексте модернизации российской экономики изучение электронной самозанятости приобретает особую актуальность. Во-первых, она относится к нестандартным формам занятости, которые повышают гибкость рынка труда и получают все более широкое распространение в современной экономике. Во-вторых, уровень самостоятельной занятости в России хотя и демонстрирует тенденцию к росту, но до сих пор остается одним из самых низких в мире. В-третьих, речь идет о новой модели труда и передовом отряде рабочей силы, представителей которого по праву можно считать агентами информационной экономики, носителями соответствующих форм человеческого капитала, трудовых практик и мотиваций. [1]

Некоторые футурологи видят в этом прообраз экономики будущего. Так, Т. Малоун и Р. Лойбахер в 1998 г. писали: «Основная единица новой экономики – это не корпорация, а человек. Задачи распределяются и контролируются не посредством стабильной цепочки менеджмента, а скорее выполняются автономно независимыми подрядчиками. Электронные фрилансеры, поддерживающие виртуальные коммуникации, образуют гибкие и временные сети для производства товаров и услуг. Когда работа выполнена, сеть распадается, а ее члены снова становятся свободными агентами и перемещаются по рынку в поисках следующего задания».

В России из-за отставания в распространении интернета электронная самозанятость приобрела более или менее устойчивые очертания лишь в середине прошлого десятилетия.

Индивидуальное предпринимательство в интернете и работа через интернет отличны друг от друга. Работа осуществляется посредством вступления в какую-либо организацию или доверительного договора между работодателями и работником. В первом случае связь гарантирует Трудовой кодекс РФ и российское законодательство, во втором же обе стороны идут на риск, принимая заверения друг друга на веру. Подобная практика не является редкостью в России. В мировом опыте удаленной работы эта сфера уже сравнительно давно получила юридическую поддержку. Уровень развития сильно продвинулся вперед, работодатель и работник удобно и удаленно могут оформить трудовой договор, установить сообщение. Кроме того, рынок такого труда тоже расширился и стал включать в себя огромное множество профессий, в том числе даже ученых технических и математических наук.

Называется эта форма деятельности фрилансом. Фриланс в переводе с английского означает «внештатная работа», «работа на себя». Контекстно-пословный перевод – «свободное плавание». Самыми частыми формами фриланса являются следующие:

- 1) рерайт;
- 2) копирайтинг;
- 3) перевод;
- 4) дизайн;
- 5) веб-менеджмент;
- 6) программирование;
- 7) маркетинг;
- 8) фото-, видео- и аудиоработа.

Согласно отчету Freelance Industry Report, составленному еще в 2012 г., который в основном описывал ситуацию о фрилансе в Северной Америке, почти половина фрилансеров занимаются письменной работой, при этом 18 % фрилансеров считают письменный труд основным. В России на данный момент подобный опрос не проводился, однако по состоянию бирж интернет-труда и подсчёту вакансий становится ясно, что ситуация в нашей стране схожа с заокеанской. Эксперты предрекают, что в скором времени именно фриланс станет основой новой экономической эпохи. Ручной труд и офисный планктон заменят компьютеры, однако у профессий, связанных с письменностью, творчеством и коммуникациями – большое будущее. [1]

Итак, фриланс – это хорошая альтернатива офисной работе, но следует осознавать и риски, связанные с ней:

- 1) фриланс – не постоянная работа, вы будете переходить от одного клиента к другому или можете вовсе на неопределенный срок остаться без заказов;
- 2) фриланс – это рискованно, клиент может и не заплатить за проделанную работу;
- 3) фриланс – работа высокой конкуренции, ежедневно на биржах труда появляются десятки, а то и сотни резюме.

Кроме того, фрилансом могут заниматься только специалисты своего дела, опять-таки подрастающая конкурентность заставляет работников постоянно совершенствоваться и развиваться, чтобы стать более привлекательными на рынке труда.

Однако и для людей без специальности, зачастую несовершеннолетних так же есть варианты заработка в интернете. Это сложная для некоторых, но привычная для других деятельность – веб-сёрфинг.

Веб-сёрфинг – это, выражаясь сленговым языком, «лазание по сети», посещение различных социальных сетей и выполнение на них определенных действий – поставить лайк, сделать репост, оставить запись на своем профиле, прокомментировать чужую запись, подписаться на сообщества, сделать историю и многое другое. Зачастую такие услуги заказываются в

целях рекламы, потому как запись с большим количеством лайков и комментариев имеет большую вероятность по алгоритмам социальных сетей попасть в тренды и рекомендации пользователям.

Вакансии для фриланса и веб-сёрфинга, как уже много раз отмечалось, выставляются на биржах интернет-труда. На сегодняшний день таких бирж великое множество. По популярности и посещаемости можно выделить следующие:

Kwork.ru – одна из самых крупных бирж по оказанию микро-услуг, здесь легко зарегистрироваться и искать работу.

Etxt.ru – популярнейшая в России биржа для копирайтеров, рерайтеров и переводчиков, интерфейс удобный и помогает не только находить клиентов, но и проверять качество работы по внутренним алгоритмам.

FL.ru – большая биржа для компьютерщиков и программистов. Есть как бесплатная, так и платная форма сайта.

Freelance.ru – биржа, выросшая на основе форума. Сначала люди слепо искали друг друга в темах форума, но теперь интерфейс стал не в пример удобнее.

Contentmonster.ru – продвинутая биржа для письменных работ. Здесь повышенные требования к качеству работы, но и расценки соответствующие.

Хабр Фриланс – биржа преимущественно ориентирована на программистов. Биржа следит за безопасностью сделок.

Workspace – здесь можно заказать сайт, рекламу и разработку программ, расценки высокие, а для клиентов так еще и платный сервис, но для самих фрилансеров сайт бесплатный. Это хорошая тактика по отсеиванию мошенников.

Кроме вышеперечисленных существует огромное количество бирж различных направлений и разнообразным режимом работы. При желании фрилансер может по своему вкусу подобрать площадку для осуществления рабочей деятельности.

Список литературы

1. Тайсумова Х. В., Медов И. Л. Образ будущего. Экономика 3d // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2019. Т. 23, № 1 (25). С. 218–223.

УДК 378:001.891
ББК 74.580

Скуденков В. А., *Иркутск*

Экономические притязания молодежи в условиях перехода к виртуальному миру

Показывается трансформация экономических притязаний, которая осуществляется после расширения виртуального мира в повседневной жизни россиян. Приводятся результаты лонгитудного эмпирического исследования, показывающего векторы изменений и формы адаптации к новым реалиям.

Ключевые слова: экономические притязания, виртуальный мир, молодежь, трансформация, ценности, формы адаптации, условия получения

Skudencov V. A., *Irkutsk*

Economic aspirations of youth in the transition to the virtual world

The article shows the transformation of economic claims, which takes place after the expansion of the virtual world in the everyday life of Russians. The results of a longitudinal empirical study showing vectors of changes and forms of adaptation to new realities are presented.

Keywords: economic claims, virtual world, youth, transformation, values, forms of adaptation, conditions for obtaining.

Деньги правят миром. Но в условиях перехода к цифровому миру, где досуг, работа, обучение и общение становится удаленным дистанционным механизмом взаимодействия, отношение к материальным ценностям трансформируется. Экономические трансформации, происходящие благодаря расширению возможностей виртуального мира, подталкивают не только макро-институты, но простые поведенческие практики на микроуровне, включать и адаптировать под новые реалии.

В проведенных нами ранее исследованиях [9–11] было установлено, что экономические притязания выступают мерилем и/или инструментом самоидентификации – кто я в этом мире, чего и как хочу.

В современных социальных науках существует множество теорий объясняющих изменение современных моделей взросления, вызванных удлинением и расширением жизненных траекторий юности (увеличением во времени и пространстве вхождения во взрослую жизнь), отложенного взросления, нелинейного развития и т. д.

Продление процессов вхождения во взрослую жизнь выражается через процессы удлинения получения образования, отложенного периода вступления в трудовую жизнь, поздних браков и позднего рождения ребенка и уменьшения количества детей в семье. Нелинейность развития выражается в нарушении традиционной последовательности жизненного уклада (обучение – получение навыков по специальности – выход на рынок труда – экономическая независимость – уход из родительского дома – вступление в брак – рождение ребенка). Сегодня молодые люди могут пойти работать, потом учиться или создавать семью, не обладая финансовой независимостью и т. д.

Изменение траекторий жизни современной молодежи под влиянием виртуализации приводит к изменению понимания истинности жизненных целей. Мнимое разнообразие приводит к реальной невозможности (а порой и сложности) принятия того или иного жизненного сценария, неопределенности или постоянному метанию из одной в другую крайность. С одной стороны, общество требует справляться с поставленными социальными вызовами и структурными ограничениями, с другой стороны, насаждает все новые и новые рамки и требования к предьявлению себя. И даже волонтерская деятельность молодежи не меняет экономической картины мира [12; 13].

Формально предлагаемые ресурсы и социальные гарантии, которыми могут воспользоваться молодые люди, ограничены их собственной средой, семьей, местом жительства и т. д. Лишь немногие могут выйти за рамки ограничивающих их условий. Экономические и социальные рамки все еще задают контекст выбора жизненных траекторий и условий возможности социальной адаптации в мире.

Безусловно, социальная политика в отношении молодежи накладывает свой отпечаток. Например, приоритеты получения образования (правда, с перекосами в сфере высшего образования или получения «модной» специальности, но, не обладая реальными знаниями и навыками в ней) [8]. Во многом на оценки молодых людей влияют иррациональные стратегии общественного воспроизводства [1–3] и иррациональные механизмы конструирования объяснительных парадигм социального развития [4–7].

Социально-экономические притязания состоят из представлений людей о нормальном и должном, реальном и желаемом качестве и условиях жизни. Социально-экономические притязания не имеют временных, социальных, профессиональных или каких-то еще ограничений, они присутствуют в любом возрасте и в любом месте жительства.

При этом социально-экономические притязания имеют гендерные отличия. Данные особенности заложены в культурных рамках и стратегиях поведения, отражаются в гендерных стереотипах и социальных условиях социализации. Поэтому говоря о стратегиях социальной адаптации к новым условиям, необходимо учитывать гендерные особенности социально-экономического поведения и мышления.

В нашем исследовании предполагается, что социально-экономические притязания это основной ориентир общественного развития на бытовательском, повседневном уровне. При этом социально-экономические притязания могут отличаться на разных территориях. Поэтому в качестве объекта изучения нами выбрана одна территория – территория Иркутской области.

Экономические санкции, введенные в 2014 г. против России, усилили данные тенденции. Ежегодно с 2014 г. нами проводится лонгитюдное исследование относительно экономических притязаний молодых людей, в которые в том числе и входит изучение жизненных траекторий. В 2014 г. в исследовании приняло участие 670 человек в возрасте от 18 до 35 лет, 60 %

женщин и 40 % мужчин, с разным уровнем дохода и образования. В 2020 г. в исследовании приняло участие 1272 человека в том же возрасте, гендерном, профессиональном, финансовом и социальном статусе.

И все больше молодых людей надеются на поддержку семьи при обучении и последующей жизни. Если в 2014 г. таких молодых людей было 43 %, то в 2019-м их уже 72 %. Также увеличилось количество тех, кто работает во время обучения (в 2014 г. их было 32 %, то в 2019 г. – уже 47 %). Причем, на первом месте выступает необходимость наличия дополнительных средств (33 %), на втором – желание независимости от семьи (30 %), на третьем реализация (27 %) и 10 % другое.

Большая часть молодежи и даже их родители предполагают, что они не будут работать по той специальности, по которой получают образование (44 %). Образование необходимо «для галочки», а не для реальных навыков, которые пригодятся на рабочем месте. Растущая безработица порождает также потребность в минимальных гарантиях, которыми все еще выступает образование. Подтверждается идея мнимости обучения и ложности получаемых навыков. В то же время включается социальная обусловленность необходимости образования. И тем самым формируется круговая зависимость неэффективного знания.

Несмотря на то что виртуальное пространство расширяет возможности экономического разнообразия. В таблице 1 показана качественная динамика представлений молодежи о перспективах экономических возможностей в реальном мире и виртуальном пространстве, вызванная карантином весны 2020 г. и переводом многих образовательных и рабочих процессов в виртуальный мир.

Таблица 1

Сравнение представлений молодежи о перспективах экономических возможностей в реальном мире и виртуальном пространстве (с 2015 по 2020 г.) (в %)

Год	Юноши	Девушки
2020	69,7	70,1
2019	35,3	41,2
2018	24,4	29,9
2017	20,4	23,3
2016	15,6	13,7
2015	13,4	11,1

Массовая культура предлагает образцы «красивой и успешной жизни», которые не согласуются с реальными возможностями большей части молодежи. Молодые люди все чаще чувствуют «свою ущербность» и «ограниченность» (в 2014 г. – 23 и 29 % соответственно, а в 2019 г. – 34 и 42 %). Это может стать основной общественных беспорядков и социальной нестабильности. Об этом более подробно изложено в работах О. А. Полошкоевич [1]. При этом расширение виртуального мира, появление новых возможностей в цифровом пространстве для заработка – вселяет определенную надежду в молодых людей, что еще не все потеряно.

Мечты о «красивой жизни» и реальная невозможность их воплотить выступают инструментом социальной стагнации и формируют негативные стратегии социальной адаптации. Возможно, они могут спровоцировать и социальные беспорядки, и иные формы социальной аномии.

Потеря работы приводит к тому, что молодые люди идут повторно учиться. Подтверждается идея о нелинейности жизненного пути. Если в 2014 г. таких было 26 %, то в 2020 г. – уже 62 %. Причем, это не всегда классическое университетское обучение, Только треть (29 %) получают второе высшее, большая часть (57 %) идут на курсы переподготовки или переквалификации (от месяца до года), чтобы соответствовать новой должности или квалификации и, как правило, она ниже по статусу или престижу, чем та специальность, на которой они обучались в университете.

Более того, молодые люди чаще стали возвращаться в родительскую семью после обучения (18 % – в 2014 г., 33 % – в 2020 г.). Также увеличилось количество тех, кто расстался со своим партнером и вернулся к родителям (в 2014 г. – 8 %, в 2020 г. – 16 %).

Для молодых людей в 2020 г. более правильно говорить о минимизации жизненных рисков, а не о разнообразии жизненных сценариев (возможность выбора ограничена как внешними условиями в виде экономических санкций, так и внутренними рамками, сформированными страхами за свою жизнь). Нарушение линейности приводит к усилению традиционности и семейственности (когда в молодые люди в родительской семье продолжают социализацию). Неблагоприятная экономическая ситуация на рынке труда и слабая поддержка молодежи со стороны государства заставляют ее отложить на неопределенное время реализацию своих жизненных планов и амбиций в качестве взрослых членов общества и попытаться накопить необходимые для этого ресурсы (образовательные, экономические, социальные), оставаясь под кровом родителей.

На фоне этих процессов виртуализация мира создает новые перспективы, которые не все могут принять и адаптироваться. Позитивно работу в виртуальном пространстве оценивают 48 % молодых людей, 44 % негативно и 8 % затруднились с ответом. Но полностью отказаться от работы в реальном мире готовы только 7 % молодых людей, совмещать или воспринимать как дополнительный заработок – работу в виртуальном мире готовы 86 % молодежи. По нашему мнению, данные процессы будут существенно меняться в будущем. Реальный мир все меньше будет держать молодых людей и все больше досуга, обучения и работы будет проходить в on-line, где их экономические притязания смогут получить новые векторы и формы развития. Пандемия коронавируса запустила формальные изменения жизни (уход на дистанционные формы работы и обучения в цифровом мире), а последствия этого не заставят себя ждать (трансформация экономических притязаний, представлений и механизмов извлечения материальных благ из виртуального мира).

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор . 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 40–48.
3. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.
4. Ардашев Р. Г. Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания // Социология. 2020. № 3. С. 182–189.
5. Ардашев Р. Г. Иррациональность сознания: суеверия в жизни студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 38–41.
6. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: роль астропрогноза в жизни современных студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 6. С. 41–44.
7. Ардашев Р. Г. Вера в сверхъестественное как показатель иррациональности общественного сознания // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. О. Б. Истомина. Иркутск, 2020. С. 243–247.
8. Полошкевич О. А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 2019. С. 171–174.
9. Скуденков В. А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250–255.
10. Скуденков В. А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 1. С. 280–283.
11. Скуденков В. А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–345.
12. Аносов С. С. Волонтерская деятельность студентов: социально-философский и прикладной анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 33–35.
13. Аносов С. С. Философия волонтерского движения или новые формы социального служения // Гуманитарный вектор . 2018. Т. 13, № 2. С. 6–13.

УДК 316.772.5

ББК 60-54

Якушина Н. В., Орёл

Особенности общения молодежи в социальных сетях (по материалам эмпирического исследования)

В статье рассмотрены особенности общения молодых людей в социальных сетях. Выявлено какие формы девиантного общения в социальных сетях молодежь использует и с какими сталкивается.

Ключевые слова: социальные сети, общение, молодежь, девиантные формы общения.

Yakushina N. V., Orel

Features of youth communication in social networks (based on empirical research)

The article discusses the features of communication between young people in social networks. It is revealed what forms of deviant communication in social networks young people use and what they face.

Keywords: social networks, communication, young people, deviant forms of communication.

В современном обществе социальные сети как широкое информационное поле образуют особую реальность «онлайн» и вследствие этого рождают новое социальное поле со своими понятиями, ценностями, образом мыслей и языком, которое на сегодняшний день является одной из главных составляющих становления информационного общества. Неоднозначность общения молодёжи в социальных сетях вызывает интерес к изучению этой проблемы. Кроме того, формы общения молодых людей в социальных сетях часто приобретают девиантный характер. Общению в интернет свойственна большая коммуникативная свобода, нежели реальному. С точки зрения общепринятых норм и ценностей, общение в социальных сетях менее регламентировано, в связи с этим пользователь, обычно, позволяет себе больше, чем при взаимодействии лицом к лицу.

В качестве метода сбора первичной социологической информации использовалась анкетирование молодых пользователей социальных сетей. Выборочная совокупность составила 416 респондентов. В ходе анкетирования было опрошено 40 % мужчин и 60 % женщин, возраст опрошенных юношей и девушек от 19 до 22 лет (38,6 %) от 23 до 26 лет (27,3 %). На момент анкетирования, большинство респондентов получили среднее профессиональное (29,5 %) или неоконченное высшее (29,5 %) образование, 26,1 % опрошенных имеют высшее образование, оставшиеся 14,8 % – среднее.

Результаты проведенного исследования показали, что самой популярной социальной сетью является «ВКонтакте» (94,3 %), на втором месте – «Инстаграм», которым пользуются порядка половины респондентов (53,4 %), на третьем – «Телеграм», которым пользуется четверть опрошенных (25 %) (рис. 1).

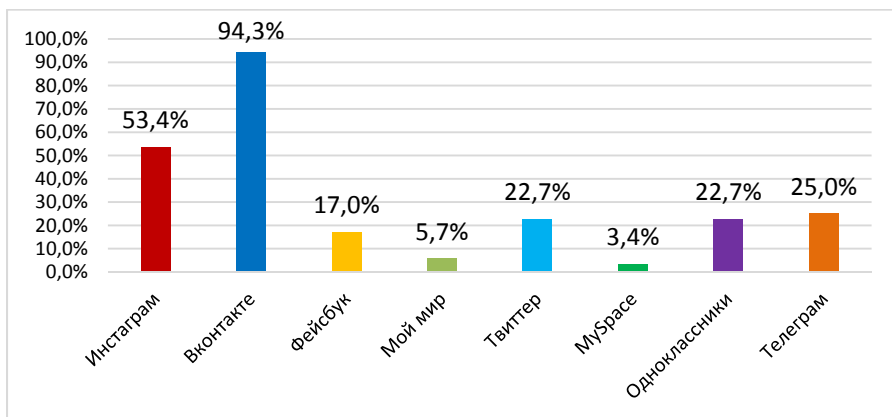

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какими социальными сетями Вы пользуетесь?», %

Социальные сети молодые люди используют, в основном, в качестве средства для общения (73,9 %) и что более половины респондентов для просмотра новостей (59,1 %). Также можно отметить, что часто опрошенные молодые люди используют социальные сети для прослушивания музыки (43,2 %) и для решения учебных или рабочих вопросов (39,8 %) (рис. 2).

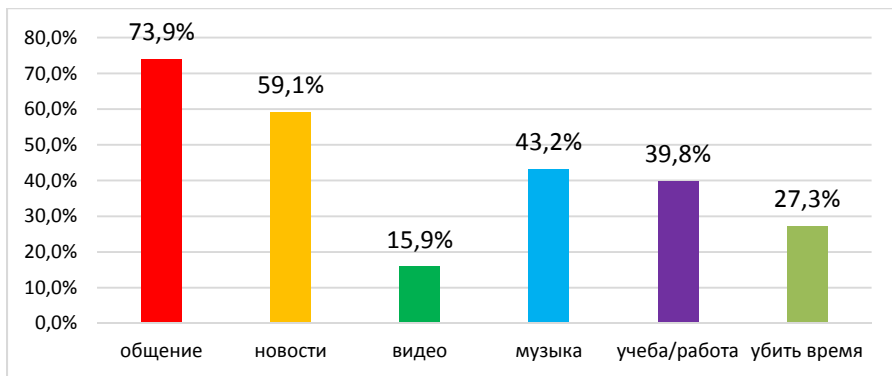

Рис. 2. Распределение ответов на вопросов «С какой целью Вы используете социальные сети?», %

Более половины опрошенных предпочитают общаться в личных сообщениях и комментируют фотографии других пользователей (53,4 %). Наиболее активна в социальных сетях лишь пятая часть опрошенных (20,5 %), которые участвуют в обсуждениях, пишут комментарии, порядка четверти респондентов используют социальные сети лишь непосредственно для решения деловых вопросов (26,1 %) (рис. 3).

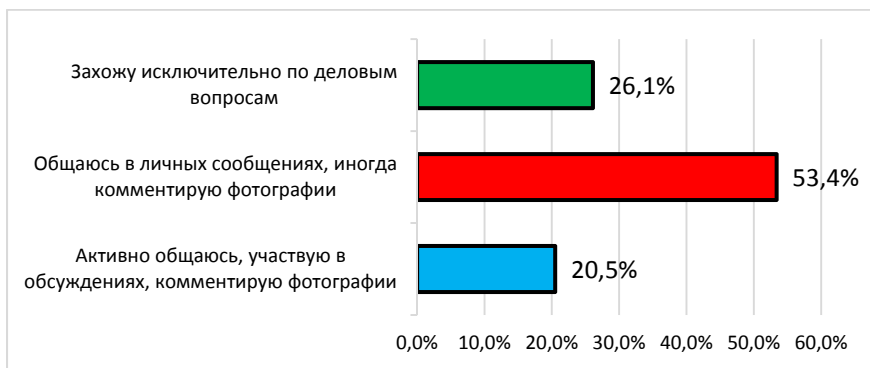

Рис. 3. Виды активности, предпочитаемые респондентами в социальных сетях, %

Треть опрошенных (33 %) проводят в социальных сетях от 4 до 7 часов и около четверти молодежи – более 7 часов (26,1 %), что, несомненно, должно вызывать опасения, поскольку у молодых людей формируется зависимость от социальных сетей (рис. 4).

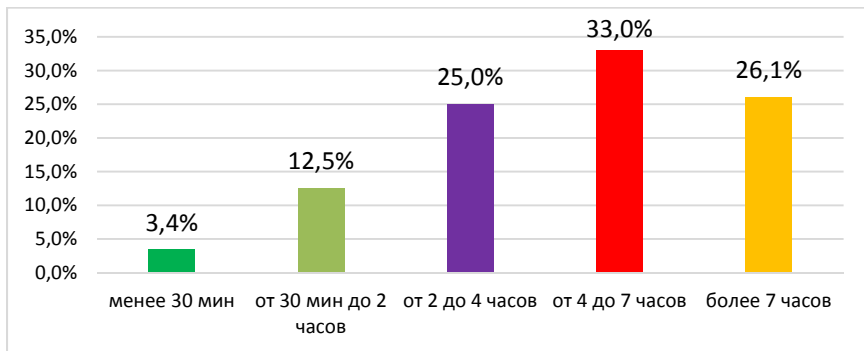

Рис. 4. Продолжительность времени, проводимого респондентами в социальных сетях, %

Однако, считают, что зависимы и немного зависимы от социальных сетей 19,3 % и 34,1 % опрошенных соответственно (рис. 5). 17 % респондентов затруднились с ответом, потенциально они могут пополнить число зависимых от социальных сетей.

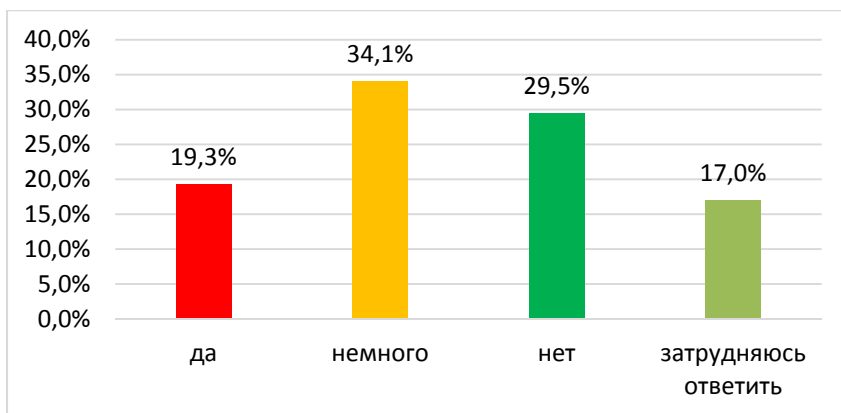

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что зависимы от социальных сетей?», %

Учитывая, то обстоятельство, что более половины респондентов – 53,4 % (сумма 19,3 %, ответивших на вопрос о зависимости от социальных сетей «да» и 43,1 %, ответивших «немного») так или иначе зависимы от со-

циальных сетей, 30,7 % респондентов считают, что социальные сети никак не влияют на реальное общение, а 26,1 % – что влияют положительно (рис. 6).

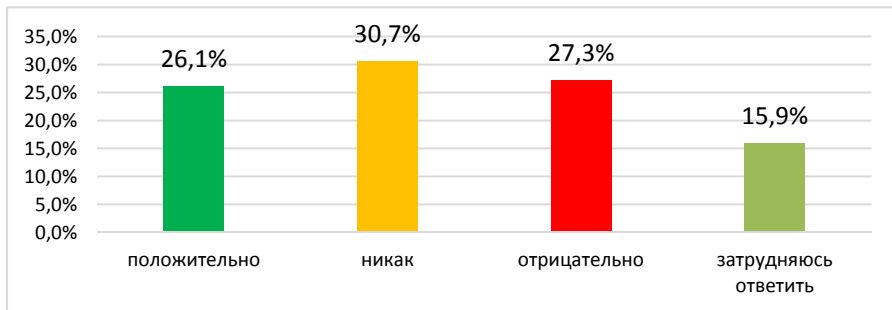

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос
«Как социальные сети влияют на общение с окружающими», %

Виртуальность и анонимность, присутствующие в любой социальной сети, в той или иной степени побуждают пользователей прибегать к девиантным формам общения. Исследование показало, что наиболее часто молодые пользователи сталкиваются с рекламой (постоянно 59,1 % опрошенных), реже всего встречается кибертерроризмом (никогда 39,8 % опрошенных) (табл. 1).

Таблица 1
Частота столкновения с девиантными формами общения в социальных сетях, %

Форма девиантного поведения при сетевом общении	Постоянно	Иногда	Редко	Никогда	Затрудняюсь ответить
Спам	23,9	43,2	21,6	8,0	3,4
Реклама	59,1	30,7	6,8	2,3	1,1
Флуд	29,5	36,4	15,9	10,2	8,0
Порнография	5,7	36,4	30,7	21,6	5,7
Кибертерроризм	0,0	5,7	36,4	39,8	18,2
Хакерство	0,0	19,3	56,8	17,0	6,8
Троллинг	28,4	39,8	15,9	10,2	5,7

Наиболее негативно молодые пользователи социальных сетей относятся к самым агрессивным формам проявления девиантного поведения: кибертерроризму (84,1 %) и хакерству (70,5 %). Однако в этот же список вошел и спам – 70,5 % респондентов ответили, что относятся к нему отрицательно, негативное же отношение к рекламе выявлено у 46,7 % опрошенных. Ровно половина респондентов ответили, что нейтрально относятся к такому виду общения в социальных сетях как флуд, а троллинг, порнография и реклама набрали по 44,3 %. (табл. 2)

Таблица 2

Отношение к девиантным формам общения в социальных сетях, %

Отношение к девиантному поведению	Положительно	Нейтрально	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Спам	2,3	22,7	70,5	4,5
Реклама	4,5	44,3	46,7	4,5
Флуд	8,0	50,0	29,5	12,5
Порнография	6,8	44,3	43,2	5,7
Кибертерроризм	0,0	6,8	84,1	9,1
Хакерство	0,0	13,6	70,5	15,9
Троллинг	5,7	44,3	40,9	9,1

45,5 % респондентов указали, что никогда не прибегали к девиантным формам общения в социальных сетях, 19,3 % применяли в интернет-коммуникации троллинг, 14,8 % – флуд, 9,1 % – рекламу и 8 % – спам (рис. 7).

Оценивая мотивы девиантного общения в социальных сетях, респонденты отметили следующее: 29,7 % молодежи считают мотивирующим фактором деньги, 21,3 % – анонимность, 18,4 % – отсутствие контроля в интернет-пространстве, 17,6 % ответили, что мотивацией выступает потребность в самоутверждении и 13 % выделили доступность интернета (рис. 8).

Большинство опрошенных молодых людей (64,7 %) уверены, что использование девиантных форм общения в социальных сетях отрицательно сказывается на формировании ценностных ориентаций молодежи (38,6 % ответ «отрицательно», 26,1 % – «скорее отрицательно») (рис. 9).

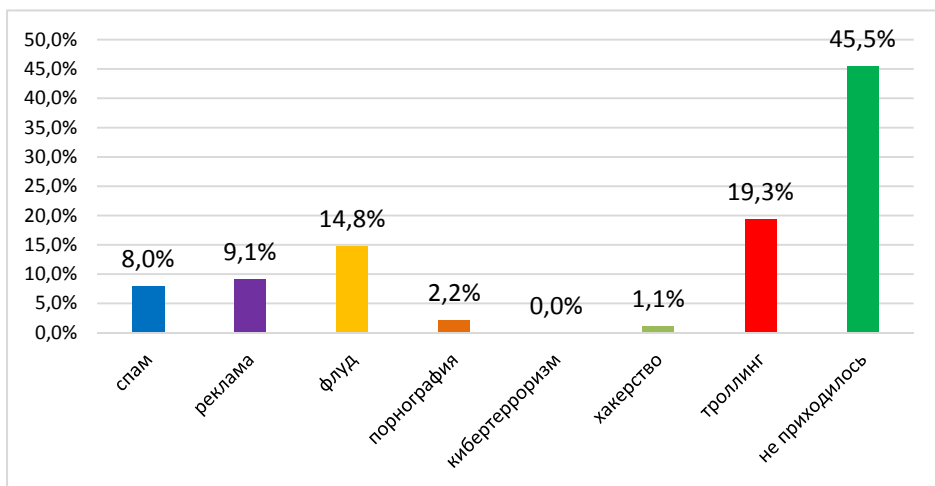

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам использовать какой-либо девиантный способ общения в социальных сетях?», %

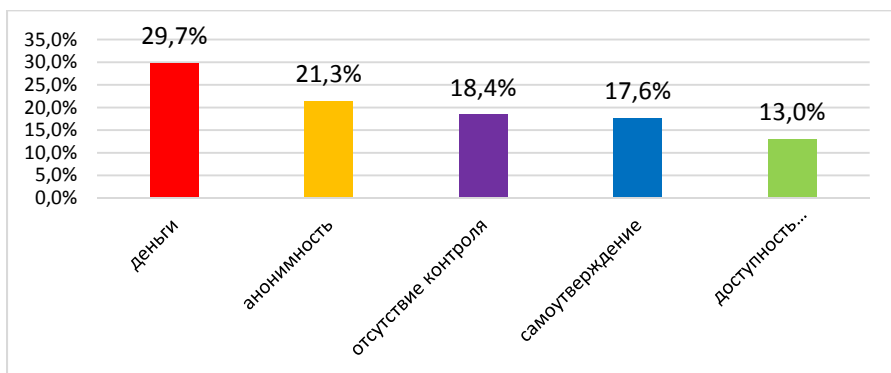

Рис. 8. Факторы, выступающие мотивом девиантного общения в социальных сетях, %

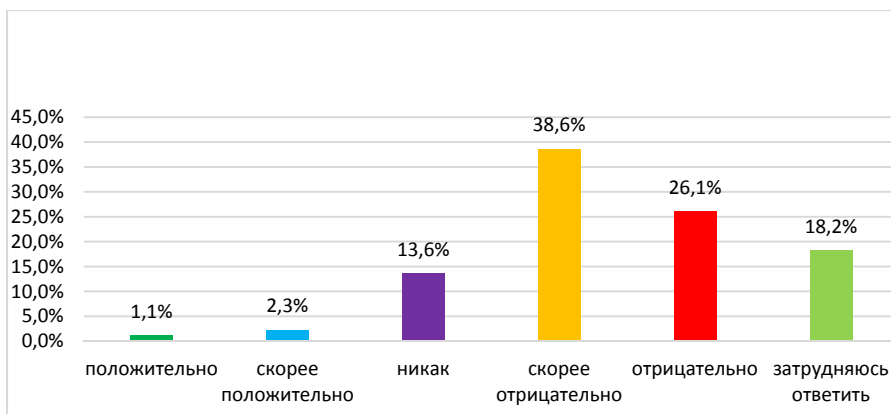

Рис. 9. Влияние девиантного общения в социальных сетях на формирование ценностных ориентаций молодежи, %

При этом респонденты с полным или неоконченным высшим образованием считают, что девиантные формы общения в социальных сетях оказывают негативное воздействие в процессе становления и формирования ценностных ориентаций молодежи. Респонденты со средним образованием больше склоняются к тому, что данные формы общения влияют, в основном, положительно на формирование ценностных ориентаций (табл. 3).

Таким образом, проанализировав результаты проведенного исследования, можно заключить, что молодежь достаточно много времени уделяет общению в социальных сетях, несмотря на то, что это нередко приводит к интернет-зависимости. При этом, каждый пользователь сталкивался с каким-либо видом девиантного общения в социальных сетях, независимо от цели посещения и степени активности интернет-коммуникации.

Таблица 3

Влияние девиантных форм общения в социальных сетях на формирование ценностных ориентаций молодежи, %

Влияние девиантных форм общения на формирование ценностных ориентаций молодежи	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	Среднее
Положительно	7,3	11,2	21,2	60,3
Скорее положительно	10,2	11,8	19,9	58,1
Не оказывают влияния	25,0	33,3	25,0	16,7
Скорее отрицательно	20,6	32,4	38,2	8,2
Отрицательно	30,4	26,1	30,4	13,0
Затрудняюсь ответить	37,5	25,0	12,5	25,0

В заключение, можно утверждать, что в большинстве своем молодые люди стараются избегать использования девиантных форм общения в социальных сетях либо используют наименее агрессивные (например, флуд и троллинг). Большинство опрошенных молодых людей уверены в негативном воздействии девиантных форм общения на формирование ценностных ориентаций.

УДК 371.72
ББК 74.200

Смоколина Ю. В, Равенкова К. Е., *Иркутск*

Влияние компьютерных игр на социализацию молодежи

В статье рассматриваются аспекты влияния компьютерных игр на социализацию молодого населения. Приведены результаты эмпирического исследования о степени вовлеченности молодежи в компьютерные игры, количестве времени за играми, отношении к ним и рациональном видении своей аддикции.

Ключевые слова: игра, социализация, киберпространство, кибераддикция, влияние, мышление, общение.

Smokolina Y. V., Ravenkova K. E., *Irkutsk*

The computer games influence on youth socialization

The article examines aspects of the computer games influence on the socialization of the young population. The results of an empirical study on the degree of youth involvement in computer games, the amount of time playing games, attitude towards them and a rational vision of their addiction are presented.

Keywords: game, socialization, cyberspace, cyberaddiction, influence, thinking, communication.

Создаваемая компьютером виртуальная реальность приводит к изменению психического сознания, чем и стали пользоваться люди, склонные к аддикции. Психологическая зависимость от умных машин влияет на многие аспекты жизни человека. Помимо развития зависимости также может происходить деградация личности, ухудшение здоровья, влияние на социаль-

ные аспекты жизни человека, стрессы, повышенная утомляемость, агрессивное поведение и многое другое. Несмотря на это, игровой процесс развивает и положительные качества, например, внимательность, сообразительность, скорость реакции, пространственное мышление, стратегическое мышление, коммуникабельность, умение играть в команде, терпение и др.

Социализация – это процесс интеграции индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду. Киберпространство непосредственно влияет на этот процесс. Человек, проводящий значительную часть своего свободного времени за компьютером, потихоньку начинает выпадать из процесса интеграции, меняет цели, приоритеты, теряет контакт с людьми и возможность здорового общения, также подрывает физическое и психическое здоровье.

В работе используются количественные методы исследования (анкетирование) молодежи. Всего опрошено 326 чел., из них 52,8 % – девушки и 47,2 % – юноши. Распределение по возрасту: до 18 лет – 18,7 %, 18–20 – 52,5 %, 21–25 – 23 %, 26–30 – 5,8 %. Опрос проводился в онлайн-формате при помощи Google-форм. Рассмотрим отдельные показатели.

Из всех респондентов 81,6 % играют в компьютерные игры, остальные – нет. Ответы на вопросы были проанализированы и представлены в виде процентных соотношений. На вопрос о том, как часто респонденты играют в игры ответы распределились следующим образом:

- 37 % – несколько раз в неделю;
- 29,2 % – ежедневно;
- 11,6 % – несколько раз в месяц;
- 14,4 % – не играют;
- 7,8 % – несколько раз в год.

Можно сделать вывод о том, что компьютерные игры включены в досуг большинства молодых людей в той или иной мере и пользуются популярностью. Следовательно, можно предположить, что 29,2 % опрошенных ставят в приоритет игры, а также то, что время проведения за компьютером увеличилось.

На вопрос о том, сколько времени респондент проводит за компьютерными играми, ответили так:

- 32,2 % – 1–2 часа;
- 24,8 % – 30–60 минут;
- 22,1 % – 3–4 часа;
- 12,7 % – не играют;
- 4,6 % – менее получаса;
- 3,6 % – более 4 часов.

В распоряжении студентов в среднем имеется 4 часа свободного времени, большую часть из которого многие тратят на игры. Таким образом предположение, выдвинутое выше, подтвердилось.

Многие из опрошенных (80,9 %) играют на портативных носителях (PSP, мобильные телефоны), остальным либо не интересно, либо нет возможности. Исходя из этого, можно сказать, что мобильные игры не менее популярны компьютерных.

Следующий вопрос был направлен на выявление зависимости и предпочтений опрошенных в выборе игр (онлайн или одиночные). 63,8 % выбирают онлайн-игры, 10,6 % предпочитают и те и другие примерно в равной мере, 25,5 % не играют в онлайн-игры. Полученные показатели свидетельствуют о том, что большая часть геймеров голосует за онлайн-игры – игры, вызывающие самую сильную игровую компьютерную аддикцию.

На вопрос о том, интересен ли опрашиваемым сюжет игры, 46,5 % ответили, что интересен, 35,9 % ответили, что не интересуются сюжетом, остальные не играют. Вопрос был задан с целью узнать, важна ли сюжетная линия для игроков и как часто они обращают на нее внимание.

Сюжет компьютерной игры – основное повествование, то, на что многие обращают внимание. Сюжетные игры, в сравнении с ролевыми онлайн-играми, которые зачастую обходятся без определенной сюжетной линии и там каждый игрок сам создает игру для себя, направлены на развитие каких-либо положительных качеств, например, развивают логику, быстроту реакции, умение сопоставлять факты и т. д. Но при этом не затрагивается воображение, сфера общения, успехи подменяются виртуальными.

Следующий вопрос был задан с целью узнать степень зависимость от игровой реальности. Киберпространство – виртуальная реальность с виртуальными покупками. Зависимость от шоппинга – ониомания имеет место быть и в игровой вселенной. Люди покупают не только сами игры, но и дополнительные ценности. Значительная часть опрошенных (39 %) считают покупку дополнительных игровых материалов нормальным явлением, но сами не пользуются этим, 27,6 % относятся отрицательно, 23,6 % считают нормальным, периодически совершают покупки тех или иных предметов, 9,8 % не знают, что это такое.

Игры не только имеют отрицательное влияние, но также способны развивать положительные качества. Голоса респондентов в этом вопросе распределились следующим образом:

- по 43 % – внимательность и скорость реакции;
- 36,4 % – терпение;
- 35,5 % – стратегическое мышление;
- по 34,7 % – сообразительность и творческое мышление;
- 32,2 % – коммуникабельность;
- 30,6 % – пространственное мышление;
- 28,1 % – умение играть в команде;
- 17,4 % – никакие.

Полученные ответы говорят о том, что игроки, зная о негативных аспектах видеоигр, способны выделять и позитивные стороны.

О том, как часто респонденты говорят об играх, они ответили так:

- 33,1 % – редко;
- 29,8 % – иногда;
- 27,4 % – не говорят о компьютерных развлечениях никогда;
- 9,7 % считают, что это одна из основных тем общения с друзьями.

О том, как часто у опрошенных возникает желание поиграть, ответили так:

- 33,1 % – никогда;
- 27,4 % – редко;
- 25,8 % – да, не часто;
- 13,7 % – да, часто.

Также значительная часть респондентов (43,5 %) никогда не использует в своей речи игровой сленг, 25 % пользуются им редко, 19,4 % не очень часто, 12,1 % – часто.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что созданное виртуальное пространство постепенно переходит в реальный мир. Игровой сленг сейчас используется даже не играющими людьми. Среди геймеров тема игр является основной, хотя и другие темы разговоров популярны.

Последний вопрос анкеты был направлен на выявление осознания игроками компьютерной зависимости. Подавляющее большинство (76,2 %) отметили, что будут позволять своим детям играть в любые игры. Это говорит о неосознанности степени собственной игровой аддикции. Многие играющие респонденты не понимают того, как игровая зависимость пагубно влияет на социализацию и другие сферы жизни. Несмотря на немногочисленные положительные моменты, кибераддикция считается расстройством и влечет за собой тяжелые последствия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существует тенденция влияния компьютерных игр на социализацию молодежи, притом не всегда положительная. В результате развития зависимости игроки теряют связь с внешним миром, изолируются от общества, минимизируют живое общение, появляются отклонения в сфере эмоциональных психических состояний и повышается уровень тревожности. Компьютерный мир становится ближе для зависимого, чем реальная жизнь, которая становится чуждой и опасной, огромной и непознаваемой по сравнению с небольшим и знакомым миром любимой игры. Но это актуально только для тех, кто злоупотребляет компьютерными играми. Для остальных компьютерная игра как элемент расслабления может быть даже полезна.

Список литературы

1. Алексеева Е. Б., Твердохлебова Д. А. Исследование компьютерной зависимости у студенческой молодежи // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=15905>.

УДК 37.032
ББК С54.С56

Кузнецова Е. Г., *Красноярск*

Развитие коммуникативных умений студентов в виртуальном пространстве

Статья посвящается развитию коммуникативных умений студентов университета в виртуальном пространстве. Автором рассмотрены теоретические подходы в значении коммуникации в виртуальном пространстве среди студенческого сообщества. Актуальность данной тематики связана с постепенным переходом всё большего числа вузов на систему дистанционного обучения, что приводит к необходимости студентам учиться взаимодействовать между собой посредством интернета.

Ключевые слова: дополненная реальность, виртуальное пространство, коммуникация, студенты.

Kuznetsova E. G., Krasnoyarsk

Development of communication skills of students in the virtual space

The article is devoted to the development of the communication skills of university students in the virtual space. The author considered theoretical approaches in the meaning of communication in the virtual space among the student community. The relevance of this topic is associated with the gradual transition of an increasing number of universities to the distance learning system, which leads to the need for students to learn to interact with each other via the Internet.

Keywords: augmented reality, virtual space, communication, students.

В связи с активным развитием информационных технологий и виртуального пространства, сформировался устойчивый переход на дистанционное образование в различных учебных заведениях. В связи с этим возникает потребность в информационных системах, которые будут предназначены, как для обучения студентов, так и для их общения [3]. При этом стоит отметить, что для успешного взаимодействия группы в рамках виртуального пространства нужен человек, который будет её курировать и решать необходимые вопросы. Так особенности межличностного общения из реального пространства перемещаются в виртуальное, это предполагает возникновение непонимания и конфликтов. Однако стоит отметить о той специфике, которую накладывают технологии на человеческое общение. Некоторые представители группы могут начать проявлять себя ярче и смелее, в связи с тем что не испытывают стеснения свойственного во время личного общения.

Виртуальное пространство за последнее десятилетие стало неотъемлемой частью учебного процесса [5]. Студенты через интернет взаимодействуют не только с преподавателями, но и с однокурсниками, таким образом, обозначается потребность в развитии коммуникативных умений.

Коммуникативная деятельность, это «разновидность особенной человеческой деятельности, которая задействована во всех способах взаимодействия индивидов друг с другом, вследствие чего возникает коммуникативная потребность индивида, которая в свою очередь влияет на другие потребности, определяющие поведения и действия человека».

Коммуникативные умения – это совокупность тех действий, которые нацелены на взаимный обмен информацией, оценку и понимание собеседников, саморегулирование и самоконтроль в различных ситуациях, творческую реализацию коммуникативных знаний, методов и навыков взаимодействия, для реализации целей и задач коммуникации.

Рассматривая термин «коммуникативные умения» стоит сказать, что некоторые авторы делят его на отдельные составляющие, каждый из которых занимает своё место в существующей структуре, выделяют следующие элементы коммуникативных умений: умение правильно излагать свои мысли, слушать и понимать собеседника, находить общие точки пересечения во взглядах, отслеживать и контролировать процесс взаимодействия и при необходимости корректировать, данные составляющие играют важную роль, как в реальном, так и виртуальном общении.

Для того чтобы не запутаться в терминах разберем понятие виртуальной коммуникации, о котором пишут в своих работах Л. Д. Александрова, Э. Ф. Асадулин, А. Бард, Ж. Бодрийяр, С. А. Борчиков, Д. В. Галкин, Ч. Гир, В. А. Емелин, А. И. Каптерев, М. Кастельс, М. Маклюэн, Й. Масуда, В. А. Михайлов, М. Постер, Ш. Теркл, М. Хейм и др. [7]

На основе данных трудов в статье виртуальная коммуникация рассматривается, как форма общения между людьми, осуществляемая посредством информационных технологий, без личного контакта, на удаленных расстояниях, служащая, как задачам традиционной формы общения, так и выполняющая новые функции. Важно отметить, что виртуальная коммуникация, развиваясь, способствует ещё ориентированию на зрительный образ, тем самым приводя к тому, что современная реальность становится *image-oriented*, и возникает информационно-коммуникативная среда, об этом упоминал в своих исследованиях М. Маклюэн [8]. Это приводит к улучшению качества изображения, видеокамер, всего того, что может максимально передать картину вокруг нас.

Общение в виртуальном пространстве имеет определенную специфику субъект-субъектных отношений, связанную как с самопрезентацией, так и с восприятием другого человека. Виртуальной коммуникации свойственен вненормативный (вне устоявшихся этических норм) характер общения, который складывается благодаря ряду факторов. Например, Е. Ю. Малькова считает, что виртуальной коммуникации присущ опосредованный, трансграничный, неинституциональный, нестатусный и во многих случаях анонимный характер, что сопровождается неразвитостью действующих в этой сфере социальных норм (как правовых, так и нравственных) [1].

Всё выше перечисленное свойственно к взаимодействию социальных групп, которые объединены неформальным стилем общения. Если обратиться к основам, то первичной характеристикой любой социальной группы является та или иная связь между ее членами. Очень часто люди, входящие в состав какого-либо университета, связаны между собой не только личными контактами, но и информационными благодаря технологиям.

Качество отношений в университете играет значимую роль не только в каждой из социальных групп (преподаватели, студенты) в отдельности, но и в целом сказывается на работе учебной системы, так как две эти социальные группы взаимодействуют между собой. Если рассматривать студентов при общении с преподавателями, то они скорее всего будут выдерживать деловой стиль коммуникации, а при контакте друг с другом личный.

Виртуальное сообщество студентов, объединенных между собой общей тематикой (один курс, группа обучения), вероятнее легче найдет точки соприкосновения, чем группа, созданная только на основе возраста и полового признака [2]. Так как учащиеся объединяют общие цели и интересы, что позволяет легче наладить коммуникацию друг с другом.

Для того чтобы процесс взаимодействия группы проходил успешно, её участникам необходимо определить правила поведения допустимые для каждого участника диалога, таким образом формируя культуру виртуального общения. Стоит также определять для себя цели общения и задачи, которые решаете через него. Для этого осуществляем постановку коммуникативной цели: начиная коммуникативный акт, человеку необходимо точно знать, «зачем?», таким образом придавая фразам озвученном в виртуальном пространстве определенный смысл и цель. Выражение будет тогда не только целенаправленным, но и принесет успех, если в нём будет обозначаться коммуникативная перспектива. Отсюда следует, что коммуникативный акт, приносящий успех, это тот акт, который дает нужный результат в виртуальной реальности.

Во время живого общения с человеком, вы всегда обращаете внимание не только на слова, но и на мимику собеседника, позу. Интернет вас отчасти лишает такой возможности, если, конечно, не используется видеосвязь. Поэтому что на основе только текста или голоса сложно составить полноценную картину собеседника, однако такое возможно.

В виртуальном пространстве также важно учитывать настроение человека, как и при живом общении. Особую роль играет окружающая среда, где размещается компьютер (свет в комнате, шум, какой стол и стул, люди рядом) за которым занимается студент. Однако стоит добавить, что современные технологии развиваются и когда применение очков дополненной реальности станет более распространенным, такой формат взаимодействия станет ещё реалистичней.

Если проанализировать выше изложенное, то можно заметить, что качественное владение компьютерной техникой, информационными программами и знания различных виртуальных площадок на сегодня является необходимостью [3]. Тридцать лет назад можно было игнорировать данную область, но теперь на этом строится общение, образование, работа, что обозначает потребность в серьезном обучении информационным технологиям.

Студенты сейчас особенно заинтересованы в построение комфортных отношений с преподавателями, так как постепенно сводятся к минимуму

живые лекции, что возлагает больше ответственности на студентов за те знания, что они приобретают. Ведь в онлайн пространстве преподавателю сложно отслеживать всех учащихся, что приводит к развитию большей самостоятельности у студентов, способствует развитию коммуникативных умений во время работы в команде. Например, если группа студентов проходит изучение какого-либо предмета, то объединившись между собой можно сделать больше заданий и лучше их разобрать. Таким образом, развитие коммуникативных умений сказывается не только на межличностных отношениях, но и на успеваемости.

На основе вышеизложенной информации, можно заметить, что развитие коммуникативных умений в виртуальном пространстве среди студентов является необходимостью и помогает не только наладить отношения с коллективом, но и улучшить знания. Современное общество активно погружается в современные технологии, что требует от нас готовности изучать информационные системы и налаживать в них коммуникацию с окружающими людьми.

Список литературы

1. Батенова Ю. В. Детство в ракурсе информационной среды визуальной инфокоммуникации // Мир психологии. 2019. № 2. С. 180–193.
2. Горошко Е. И. Интернет-коммуникации в гендерном измерении // Вестник Пермского университета. 2006. № 3. С. 219–229.
3. Гришкун А. В. Терминологические особенности изучения технологии дополненной реальности при обучении информатике // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2016 № 4 (38). С. 93–100.
4. Иванов В. Г., Лазарева Е. Ю., Николаев Е. Л. Применение современных информационно-коммуникационных технологий в психотерапевтической и психологической практике (обзор зарубежных исследований) // Проблемы современного педагогического образования. Серия: Педагогика и психология. 2017. Вып. 57, ч. 6. С. 321–329.
5. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0 : монография. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. 224 с.
6. Игнатьева, Э. А. Психологические особенности виртуального общения молодежи // Информатика и образование. 2007. № 12. С. 121–125.
7. Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации / Черниговская Т. В., Шелепин Е. Ю., Защиринская О. В., Николаева Е. И., Алексеева С. В., Доброго А. С., Жукова О. В., Петрова Т. Е., Подвигина Д. Н., Прокопья В. К., Риехакайнен Е. И., Чернова Д. А., Шелепин Ю. Е. . СПб. : ВВМ, 2016. 202 с.
8. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=106813&p=1> (дата обращения: 02.09.2020).

УДК 316.356.2
ББК 60.561.5

Устинова О. В., Тюмень

Виртуализация межличностной коммуникации как фактор матримониального поведения

Обсуждается виртуализация межличностной коммуникации и процесса знакомства как один из факторов роста популярности незарегистрированных брачных союзов в общественном сознании. Осуществлено разделение основных понятий, связанных с сожительством и зарегистрированным браком. Сделан вывод об эволюционном характере происходящих изменений в семейно-брачной сфере. Эмпирической основой работы выступил вторичный анализ данных социологических исследований по семейной проблематике.

Ключевые слова: семья, брак, матримониальное поведение, сожитительство, цифровизация, виртуализация, социологическое исследование.

Ustinova O. V., Tyumen

Virtualization of interpersonal communication as a factor of matrimonial behavior

The paper discusses the virtualization of interpersonal communication and the dating process as one of the factors in the growing popularity of unregistered marriage unions in the public mind. The separation of the basic concepts related to cohabitation and registered marriage has been carried out. A conclusion is made about the evolutionary nature of the changes taking place in the marital sphere. The empirical basis of the work was the secondary analysis of sociological research data on family issues.

Keywords: Family, marriage, matrimonial behavior, cohabitation, digitalization, virtualization, sociological research.

Пристальное отношение к семье со стороны широкой общественности и исследователей связано с тем, что данный институт является одной из важнейших общественных ценностей. Ряд научных теорий приписывают семье ключевую роль в направлении эволюции крупных социальных систем. Для подавляющего большинства населения семья – это место удовлетворения основных социальных потребностей и социализации новых поколений. Не случайно семейно-брачное состояние, наряду с этнической принадлежностью, социальным статусом и материальным положением, является ключевой социально-демографической характеристикой индивида.

В нашей стране семейная политика является одним из главных направлений государственного регулирования. Подтверждением является факт, что среди поправок в конституцию, внесение которых было предложено главой государства в Послании Федеральному собранию 15 января 2020 г., ряд изменений касались института семьи. В частности, президент поддержал предложение членов рабочей группы о закреплении в основном законе таких принципов, как защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях [17].

Трансформация характера семейных отношений, фиксируемая отечественными исследователями в последние десятилетия, является объектом особого внимания. В частности, одной из наиболее обсуждаемых тем, постепенно перешедшей из научного в общественный дискурс является проблема изменения баланса официально зарегистрированных браков и гражданского сожительства в сторону последнего. Так, в последнее время в публичном пространстве всё чаще звучит критика незарегистрированных отношений, хотя в общественном сознании они фактически становятся нормой.

Во избежание терминологической путаницы, представляется целесообразным разграничить ряд понятий, составляющих семантическое поле исследуемой проблемы и обозначающих форматы взаимоотношений брачных партнёров. Отношение мужчины и женщины, не зарегистрированные в органах ЗАГС, в повседневности часто называют гражданским браком, хотя терминологически это не совсем верно. Формально понятие «гражданский брак» является синонимом «светского брака» и представляет собой союз, зарегистрированный в органах власти, без участия каких-либо религиозных лиц и учреждений. То есть гражданский брак и есть официальный брак, заключённый, согласно Семейному кодексу РФ, между двумя гражданами: мужчиной и женщиной. Выражение «гражданский брак», обозначающее фактическое сожительство, использовалось в Российской империи как противопоставление церковному браку, который был в то время единственной официально признанной формой брака, и сегодня в ряде словарей признается как разговорное и устаревшее [18].

Для незарегистрированных браков правильнее использовать такие понятия, как фактический (неформальный) брак, сожительство. Для юридической квалификации подобные отношения чаще всего обозначаются терминами фактические брачные отношения и бракоподобные отношения.

В отдельных странах фактические отношения признаются государством и сопровождаются некоторым набором прав и обязанностей. Например, во Франции существует правовой институт, занимающий промежуточное положение между официальным браком и фактическими отношениями. В Германии закон частично защищает так называемые внебрачные жизненные сообщества, которые могут быть однополыми. И хотя в России, как и в большинстве стран мира, юридическую силу имеет только официально зарегистрированный гражданский брак, закон не исключает возможность сожительства.

Незарегистрированные отношения проживающих в браке мужчины и женщины являются объектом морального порицания на протяжении долгого времени. Уже в период расцвета Римской империи конкубинат (от лат. *con* – вместе и *cubare* – лежать) как неофициальное сожительство, в отличие от формального брака был лишен прав, а дети считались незаконнорождёнными [16]. И если подобные отношения римским правом допускались, то появившееся в тот же период христианство не одобряло сожительство в

морально-этическом плане, а в качестве одной из десяти заповедей закрепила принцип «не прелюбодействуй». В СССР сожителство без брака также осуждалось, что стало прямым следствием послевоенной государственной политики. Семейные дела нередко рассматривались на общественных собраниях, а в качестве давления использовали лишение премии, исключение из партии и т. п.

Произошедшие в постсоветской России перемены привели к сдвигу от ранней всеобщей брачности к осознанному матримониальному поведению и росту числа незарегистрированных союзов. Сегодня этот процесс продолжается, незарегистрированные отношения постепенно становятся нормой, а использование термина «сожители» у большинства перестаёт нести в себе негативную коннотацию.

В западных странах тенденция роста незарегистрированных браков возникла значительно раньше, чем в России, соответственно и уровень лояльного отношения общества к таким союзам проявился раньше. Первые теории, объясняющие изменения в матримониальном поведении, появились в середине 80-х годов, а наиболее популярной из них стала теория Второго демографического перехода. Учёные, проводившие исследования в рамках указанной теории, на обширном эмпирическом материале показали фундаментальный характер изменений и связали их с ориентацией индивидов на саморазвитие и независимость. На смену алгоритмичной последовательности событий, сопровождавших жизненный путь человека, пришло разнообразие жизненных путей, с возможностью их выбора.

Распространение контрацепции наряду с осознанным подходом к последствиям сексуальных отношений позволило отодвинуть на второй план репродуктивную функцию семьи, сопровождающуюся обширными связями с родственниками. На смену традиционной семейной структуре приходит модель семейного союза, основу которой составляют романтические отношения и саморазвитие. Формализуя эту тенденцию, М. Миллс с коллегами определили сожителство как «эмоциональные и физические интимные отношения, подразумевающие общее место жительства и существующие без законодательного или религиозного санкционирования». Другой крупный исследователь социальной структуры Э. Гидденс пришёл к выводу о постепенной утрате семьёй своих традиционных функций, отметив, что «сегодня более удачным определением происходящего в личной жизни является образование и расторжение пар, чем брак и создание семьи».

По мнению группы исследователей, сожителство в процессе институционализации проходит четыре этапа: инновации, популяризации, легитимации и хабиитуализации [24]. На первом – сожителство характерно для экомически неблагополучных слоёв общества и слабо распространено в других группах населения. На втором этапе практика сожителства получает распространение в масштабах всего общества, но незарегистрированные союзы по сравнению с официальными браками непродолжительны [12]. На

этом этапе сожителство в основном воспринимается парой как пробный брак и редко приводит к рождению детей. На третьем этапе незарегистрированные союзы воспринимаются обществом как альтернатива браку, сопоставимы с ним по продолжительности и часто позволяют паре реализовывать репродуктивные потребности. На четвёртом этапе незарегистрированные браки мало чем отличаются от официальных и эффективно выполняют все их функции.

По результатам исследования, реализованного в ВШЭ, А. В. Артамонова и Е. С. Митрофанова показали, что в современной России сожителство находится на стадии перехода от этапа популяризации к этапу легитимации [14]. Формы брачно-партнерского и репродуктивного поведения становятся разнообразнее и непредсказуемее, а локомотивом изменений в matrimониальной сфере становятся горожане, молодежь, и образованные люди, придающие меньше значения традиционным ценностям и опирающиеся на собственные приоритеты.

В целом соглашаясь с выводами указанных исследователей, отметим, что на фоне трансформации массового сознания, обусловленной научно-техническим прогрессом, росту популярности незарегистрированных союзов способствует совокупность более конкретных факторов, одним из которых является виртуализация межличностной коммуникации и процесса знакомства. Сегодня можно встретить исследования, демонстрирующие отдельные аспекты влияния информационных процессов на семейные ценности. Например, Сидоркина В. М. и Фадеева И. М. показали, что с повышением степени включённости студенческой молодёжи в виртуальное общение снижается место семейных ценностей в их общей иерархии [20]. Исследование уральских социологов, демонстрирует влияние дистанционной женской занятости на репродуктивные установки и родительство [21]. Различные международные исследования посвящены таким аспектам, как порносексуальность – распространение удовлетворения потребностей при помощи порно контента; влияние развивающейся шеринговой экономики и расширение использования онлайн-сервисов на снижение необходимости в рутинных бытовых практиках, которые зачастую выполняют рекреативную функцию в семейной жизни и т. д.

В цифровую среду переходит и процесс знакомства молодых людей. Особую роль в расширении возможностей знакомств онлайн сыграло появление так называемых дейтинг-приложений (напр. Tinder, Badoo, Mamba и др.). По мнению Д. Ортега, онлайн-свидания полностью изменили систему, при которой люди были ограничены в круге общения социальным статусом и местоположением – «Когда люди знакомятся в интернете, они устанавливают социальные связи, которые ранее в принципе не могли возникнуть» [15].

В большом количестве публикаций, посвящённых исследованию влияния дейтинг-приложений на психологию можно встретить тезис, что моло-

дые люди, «подсаживаясь» на постоянное перелистывание фотографий потенциальных партнеров, перестают ценить другого человека, легко заменяя одну симпатию на другую и отказываясь в конце концов от вдумчивых отношений ради одноразовых. Американские психологи ввели в обиход понятие Attention Deficit Dating (ADD) – неспособность в период ухаживаний развить эмоциональную привязанность к одному человеку из-за иллюзии возможности найти более привлекательного [25].

Психолог Б. Шварц, рассуждая о свободе выбора, указывает, что человеку никогда раньше не приходилось принимать столько решений, сколько приходится принимать сегодня. Это, по его мнению, сильно вредит людям по ряду причин. Во-первых, бесконечный выбор парализует – люди стараются отложить сложный выбор на потом. Во-вторых, чем больше выбор, тем сильнее разочарование в случае неудовлетворенности им – выбрав, человек по-прежнему держит в уме все упущенные возможности. В-третьих, в бесконечном количестве вариантов возрастают и ожидания от выбора. На наш взгляд, указанные тезисы в полной мере применимы к matrimониальному поведению, что в существенной мере влияет на установки молодых людей к сожителству.

Еще одна важная особенность, характерная для сервисов знакомств – возможность общения только при условии взаимной симпатии, которая выстраивается в основном на физической привлекательности. Такие представления часто базируются на транслируемых в массмедиа стереотипах, что не только провоцирует необъективную оценку личностных качеств возможного партнера, но и приводит к появлению стереотипных способов самопрезентации [22].

Естественно, что каналы поиска спутника жизни не ограничиваются сервисами знакомств. По данным ВЦИОМ 2018 года, в России знакомство онлайн – второй по распространенности способ найти «вторую половинку», после знакомств при помощи друзей и коллег [19]. Однако информационные технологии становятся посредником и в случаях «офлайн»-знакомств. Как правило, после первой, межличностной коммуникации, знакомство и общение продолжается через социальные сети и мессенджеры. В этой среде существует гораздо больше возможностей самопрезентации, выражения своих мыслей и эмоций, для чего используется разнообразный мультимедийный контент, смайлы, эмодзи. В итоге формируемый человеком цифровой образ может не соответствовать реальному, что приводит к разочарованию и прекращению отношений после длительного общения.

Существующая ситуация показывает, что институт семьи эволюционирует. Формируются новые ценности, в которых репродуктивная составляющая отходит на второй план, а новый подход к семье разделяет всё большее число людей. Одной из причин такого положения дел является виртуализация межличностной коммуникации и процесса знакомства молодых людей.

Список литературы

14. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1 (131). С. 126–145.
15. Виртуальный поцелуй: почему растет популярность рынка онлайн-знакомств [Электронный ресурс] // Сетевое издание Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/359431-virtualnyy-poceluy-pochemu-rastet-populyarnost-rynka-onlayn-znakomstv>
16. Кайнов В. И. Правовое регулирование брака и семейных отношений в древнем Риме // Мир юридической науки. 2013. № 3. С. 28–32.
17. Кузнецова оценила поправку в Конституцию о семье и детях [Электронный ресурс] // Сайт сетевого издания «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20200308/1568311444.html>
18. Куткин В. С. Брак церковный и брак гражданский: понятие, содержание, взаимосвязь // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 109–112.
19. Любовь нечаянно нагрянет? [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3748 от 30 Августа 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9278>
20. Сидоркина В. М., Фадеева И. М. Семейные ценности в региональном социуме: факторы изменений // Регионоведение. 2017. № 4 (101). С. 628–641.
21. Тонких Н. В. Методические аспекты исследования влияния дистанционных форм женской занятости на институт родительства // e-FORUM. 2018. № 1 (2). С. 1–11.
22. Урусова Е. А., Хусинов Т. М. Неслучайные встречи: как технологизируются знакомства и отношения в условиях общества постмодерна // Logos et Praxis. 2018. № 4. С. 31–40.
23. Полошкевич О. А. Семейная история и идентичность // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред.: А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск, 2019. С. 221–228.
24. Kiernan K. Cohabitation in Western Europe: trends, issues and implications // Just Living Together: implications of cohabitation on families, children and social policy / ed. by Booth A. and Crouter A. NY : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 3–31.
25. Tinder and the Dawn of the «Dating Apocalypse» [Electronic resource]. URL: <https://www.vanityfair.com/culture/2015/08/tinder-hook-up-culture-end-of-dating>

УДК 371.72
ББК 88.52

Дубровина С. В., *Иркутск*

Межличностные отношения старшеклассников при различном уровне интернет-зависимости

Представлены результаты эмпирического исследования межличностных отношений старшеклассников при различном уровне интернет-зависимости. Рассматриваются проблемы представлений старшеклассников о себе в социальной группе. Определяются коммуникативные установки в межличностных отношениях у интернет – зависимых и независимых старшеклассников.

Ключевые слова: интернет-зависимость, старшеклассники, межличностные отношения, общение, коммуникативные установки.

Dubrovina S. V., *Irkutsk*

Interpersonal relationships of high school students with different levels of Internet addiction

The article presents the results of an empirical study of interpersonal relationships of high school students with different levels of Internet addiction. The problems of high school students' self-image in a social group are considered. Communicative attitudes in interpersonal relationships among Internet – dependent and independent high school students are determined.

Keywords: Internet addiction, high school students, interpersonal relationships, communication, communication attitudes.

Тема зарождения и становления межличностных отношений чрезвычайно актуальна, поскольку множество негативных и деструктивных явлений среди молодежи, наблюдается в последнее время. Отношение к другому является центром духовно-нравственного становления личности и во многом определяет активную социальную позицию человека.

Неоспорим тот факт, что информатизация общества является весомым фактором социализации современного поколения. Это, с одной стороны, приобретение ключевых жизненных компетенций, которые в дальнейшем позволят реализовать себя как профессионала, и с другой стороны, фактор, провоцирующий формирование патологического поведения личности и образа жизни [1].

Взаимодействие человека с компьютером является актуальной проблемой, поскольку последствия информатизации имеет психологическую природу и являются детерминантой динамики развития интернет-зависимости [3; 4]. Исследования К. С. Янг, подтверждают тот факт, что чрезмерное увлечение информационно-коммуникативными технологиями влияет на поведение и личностные особенности человека, изменяя восприятие им существующего мира [5]. О. А. Богданова отмечает, что притягательность социальных сетей заключается в возможности редактировать свой образ и идентичность согласно собственным желаниям, общаться с другими людьми сохраняя свою анонимность и дистанцироваться от близких отношений. По мнению автора, такие черты характера, как повышенная тревожность, обидчивость, чрезмерная чувствительность могут способствовать формированию интернет-зависимости [2].

В подростковом возрасте на первый план выходит осознание социальной позиции, связанное с формированием установки на принятие себя как члена общества. Чувство взрослости, возникающее в данный период развития, становится главным составляющим самосознания подростка. В связи с этим, подросток демонстрирует поведение, которое отличается независимостью, строптивостью, иногда принимая поспешные, необдуманные решения. Подростки, в силу особенностей развития, иногда не способны самостоятельно оценивать риски и ограничения в использовании интернет-сети. Она является для них привлекательной, во многом связана с возможностью выражения себя и компенсации нереализованной потребности в межличностном общении. Уход в виртуальную среду происходит из-за несовпадения жизни в сети с реальностью и провоцирует риск ранней дезадаптивности индивида. Таким образом, негативные последствия применения информационных технологий могут свидетельствовать об опасности аутизации подростков в результате чрезмерного увлечения информационными технологиями.

Цель нашего исследования заключалась в изучении особенностей межличностных отношений старшекласников при различном уровне интернет-зависимости. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что старшекласники с разным уровнем интернет-зависимости будут иметь различия в особенностях межличностных отношений. Исследование проводилось в 2019 г. на базе среднеобразовательной школы г. Иркутска. Психологическим обследованием было охвачено 70 человек. Все испытуемые старшие школьники, в возрасте 15–17 лет. Для проведения тестирования были использованы следующие методики: тест интернет-зависимости К. Янга, методика «Q-сортировка» В. Стефансона; методика определения установок в межличностных отношениях В. В. Бойко.

На начальном этапе эмпирического исследования мы использовали тест К. Янга, выявляющий выраженность уровня интернет-зависимости. Полученные результаты позволили разделить испытуемых на две группы: 1) испытуемые с высоким уровнем интернет-зависимости (интернет-зависимые); 2) испытуемые с умеренным и низким уровнем интернет-зависимости (независимые).

Для выявления достоверных различий в межличностных отношениях между интернет-зависимыми и «независимыми» старшекласниками по показателям методики «Q-сортировка» В. Стефансона, мы применили U-критерий Манна – Уитни. Так, нами было выявлено, что между испытуемыми существуют различия по всем показателям методики: «зависимость» и «независимость» ($p < 0,05$); «общительность» и «необщительность» ($p < 0,05$); «принятие борьбы» и «избегание борьбы» ($p < 0,01$). Полученная статистическая информация указывает на то, что в средних значениях показателя «зависимость» у испытуемых двух групп наблюдается значительная разница. Так у испытуемых первой группы среднее значение соответствует 17,15, а у испытуемых второй группы – 5,06. Можно сказать, что тенденция к зависимости в большей степени выражена у интернет-зависимых старшекласников. Зависимость в данном случае может быть связана со страхом получить осуждение со стороны окружающих, боязнь сделать не так, как этого ожидают другие. В связи с этим появляется чувство неуверенности в правильности собственных действий и поступков, отсутствие самостоятельности и неудовлетворение собственной жизнью, что приводит к напряженности в межличностных отношениях и провоцирует отчуждение подростка от общения и уход в виртуальную реальность, где нет границ коммуникаций и ожиданий.

Также среди испытуемых, выделенных нами групп, наблюдается разница в средних значениях показателей «общительность» – «необщительность». В первой группе интернет-зависимых средний показатель общительности равен 4,7 балла, во второй группе – 9,5 балла. Это позволяет говорить о том, что уровень общительности интернет-зависимых старшекласников ниже, чем у независимых подростков. Это свидетельствует о том,

что старшеклассники с интернет-зависимостью стремятся ограничить круг своих эмоциональных контактов. Поскольку в интернет-сети нет личного контакта с людьми, что идеализирует собеседника и приводит к раскрепощенности в коммуникации и позволяет общаться в любое время суток.

Существуют статистические различия в показателях «принятие борьбы» и «избегание борьбы». Стратегия «избегание борьбы» более свойственно старшеклассникам с интернет – зависимостью (9, 6 балла). Принятие борьбы, связанное с активным стремлением подростка участвовать в социальной жизни в группе, добиваться более высокого статуса в системе межличностных взаимоотношений, выражено у старшеклассников с отсутствием зависимости к Интернету (8, 5 балла). Таким образом, старшеклассники с интернет-зависимостью, в реальном общении с людьми, склонны отчуждаться от взаимодействия, сохранять нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, принимать компромиссные решения. Следовательно, такое взаимодействие не позволяет удовлетворить ярко выраженную потребность в межличностной аттракции у подростков. Поэтому, уход в виртуальную реальность позволяет им выразить себя и почувствовать заботу и принятие со стороны других.

По методике определения установок в межличностных отношениях В. В. Бойко выявлены достоверно значимые различия по показателям «завуалированная жесткость» ($p < 0,01$) и «негативный личный опыт общения с окружающими» ($p < 0,01$). Так, у испытуемых первой группы среднее значение соответствует 8,12, а у испытуемых второй группы – 3,2. Можно сказать, что испытуемые первой группы в большей степени склонны скрывать свое негативное отношение к людям. Таким образом, интернет-зависимым старшеклассникам свойственно проявление в замаскированной, косвенной форме негативных суждений по отношению к другим людям, содержащих недоброжелательность. Такие старшеклассники демонстрируют настороженность при реальном общении со взрослыми и сверстниками и не желают откликаться на эмоциональное близкое взаимодействие. Данный факт может говорить о наличии негативного опыта общения с окружением, что в свою очередь, выступает одним из факторов ухода подростков в виртуальную среду. Это прежде всего связано с желанием отгородиться от неприятных воспоминаний и снизить нервно-психическое напряжение. Можно отметить, что в данном случае, действует механизм психологической защиты, который нивелирует влияние психотравмирующего фактора, связанного с процессом межличностного взаимодействия. Наличие негативного опыта в общении подтверждает выявленные статистические различия в показателях по шкале «негативный личный опыт общения с окружающими» ($p < 0,01$). Так, у испытуемых первой группы среднее значение соответствует 17,5, а у испытуемых второй группы – 9,4. Полученная статистическая информация указывает на то, что подростки первой группы имеют опыт общения, когда им пришлось столкнуться с непониманием и непринятием своей индивиду-

альности. Данный факт мог спровоцировать проявление застенчивости, неуверенности в себе, а также проблемы в построении очной беседы с другими людьми.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что старшеклассники с интернет-зависимостью испытывают проблемы в построении межличностных отношений с окружением, которые детерминированы негативным опытом общения и сопровождаются актуализацией неприятных чувств.

Гармоничное формирование межличностных отношений, непосредственно зависит от развития таких качеств как общительность, независимость, открытость. Развитие указанных качеств, как мы считаем, достигается в условиях специально организованной программы тренинговых занятий и упражнений. Начало работы по профилактике и коррекции интернет-зависимости подростков необходимо основывать на привлечении родителей подростков. В основе программ профилактики и коррекции интернет-зависимости среди старшеклассников должны лежать данные об особенностях их личностного развития, негативно влияющих на построение межличностных отношений со сверстниками. Такими «психологическими мишенями» должны стать: развитие коммуникативных навыков (умение выстраивать конструктивные отношения со сверстниками, реализация своих лидерских качеств, участие в совместной деятельности), выстраивание адекватной самооценки; создание психолого-педагогических условий для снижения уровня тревожности и усиления чувства уверенности и успеха; развитие мотивационной сферы в направлении актуализации таких мотивов, как общение, творческая активность и социальная полезность.

Список литературы

1. Беляева А. В., Штакк Е. А. Профилактика интернет-зависимости подростков как проблема изменяющейся теории воспитания. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2014. № 4. С. 82–87.
2. Богданова О. А. Интернет-зависимость у детей и подростков. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2014. № 1 (27). С. 54–59.
3. Войскунский А. Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90–100.
4. Рассадина Т. А. Интернет-зависимость: информационно-коммуникативный аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 98–111.
5. Янг К. С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.

УДК 2-483
ББК 60.99

Апанина А. В., *Иркутск*

Развитие и реализация пожилых людей в виртуальном пространстве

Статья затрагивает тему развития и реализации пожилых людей в виртуальном пространстве. Показываются формы и стратегии социализации пожилых людей в цифровом мире.

Ключевые слова: виртуальное пространство, пожилые люди, развитие, реализация, интернет, информация, компьютер, онлайн-формат.

Apanina A. V., *Irkutsk*

Development and implementation of older people in the virtual space

The article deals with the topic of development and implementation of older people in the virtual space. The forms and strategies of socialization of older people in the digital world are shown.

Keywords: virtual space, elderly people, development, implementation, Internet, information, computer, online format.

В современном информационном мире виртуальное пространство стало неотъемлемой и незаменимой частью повседневной жизни. Мобильный телефон, ноутбук, компьютер и другие различные гаджеты сегодня доступны абсолютно каждому, поэтому активно расширяется количество пользователей интернет-сети, через которую люди могут общаться, совершать различные покупки, дистанционно обучаться, проводить свой досуг и получать доступ к государственным услугам. Если в молодом и зрелом возрасте люди практически не испытывают проблем с использованием новых технологий, так как они буквально с рождения пользуются ими, то для пожилых людей это вызывает множество проблем и трудностей, так как часто данная возрастная категория боится даже учиться пользоваться новыми гаджетами и виртуальными ресурсами.

В 2010 г. Дмитрий Анатольевич Медведев в своем обращении к Федеральному собранию озвучил проблему компьютерной малограмотности пожилых людей и дал установку максимально устранить данную проблему, результатом стало то, что во многих городах страны появились уроки по повышению компьютерной грамотности для лиц пожилого возраста. Примером данного явления служит иркутская программа «Бабушки-онлайн». Для того чтобы освоить и начать пользоваться новыми технологиями пожилым людям необходимо только желание, так как, имея его, многие начинают осваивать виртуальное пространство без посторонней помощи.

Многие не понимают для чего пожилым людям осваивать новые технологии, но польза от интернета для данной группы людей огромная. Самая главная и большая польза от интернета для пожилых – это возможность общения, так как дети и внуки живут отдельно и не всегда имеют возможность приезжать в гости, следовательно, пожилой человек начинает страдать от одиночества, именно в этом случае приходит на помощь виртуаль-

ное общение через различные социальные сети, которые предоставляют безграничные возможности для общения не только с родственниками и друзьями, но и для знакомства с другими людьми.

Также работа с компьютером помогает сохранять некоторые функции организма, например, мозга, так как опасность умственной слабости с возрастом становится все больше, а способность изучать и анализировать различную информацию уменьшает эту опасность, при этом, работая с компьютером, совершая различные операции, пожилой человек сохраняет и развивает сообразительность, память и внимание [6].

Люди в пожилом возрасте всегда хотят знать все происходящие события, чему может способствовать интернет, который предоставляет множество различной и своевременной информации. Изучение и усвоение большого количества разнообразной информации помогает поддерживать критичность мышления и снижает уровень наивности пожилого человека.

Нельзя оставить без внимания и то, что новые технологии помогают скрашивать досуг и свободное время пожилых людей. Интернет-пространство имеет огромный спектр развлечений, которые не привязаны к временным рамкам, поэтому пожилые люди могут выстроить свой режим дня как им удобно и не зависеть как раньше от времени выхода в эфир выпусков новостей и показа очередной серии любимого сериала.

Виртуальное пространство открывает доступ к огромному количеству услуг и разнообразных сервисов, например, через него можно записаться на прием к врачу, оплатить коммунальные услуги, вызвать на дом мастера, заказать продукты и многое другое, которыми можно воспользоваться не выходя из дома, без очередей, тем самым экономя время и нервы.

В виртуальном пространстве существует онлайн-заработок, которым могут воспользоваться некоторые пожилые люди, это может быть преподавание различных дисциплин, репетиторство в онлайн – формате, помощь при написании курсовых, дипломных и других студенческих работ, а также выполнение текстовых заказов и переводов. Некоторые пожилые активно осваивают видеоролики в YouTube, а позже и сами начинают снимать их на темы огородно-садовых работ, ремонта, рукоделия и многого другого [4].

Подводя итог, мы можем сказать, что виртуальная реальность не заменит реального мира пожилому человеку, но его успешная адаптация в виртуальном пространстве имеет большое значение для организации его нормальной жизнедеятельности в современном мире, от чего будет зависеть его развитие и самореализация. Успешная адаптация в интернет-пространстве не даст ему выпасть из общественной жизни, а предоставит возможность использовать информационные ресурсы с пользой для него самого, тем самым позволит оставаться ее активным субъектом, включаясь в информационный и социализирующий процесс.

Список литературы

1. Гасанов М. А., Гасанов Э. А., Канов В. И. Интеграция пожилых людей в интернет-пространство и формирование сетевого благополучия в России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 2. С. 26.
2. Морозова Е. Г. Быть современным есть возможность // Социальная работа. 2009. № 5. С. 26–30.
3. Васильева Е. Н., Мосина О. А. Ресурсный потенциал «пожилых»: технологии реализации [Электронный ресурс] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11993> (дата обращения: 28.08.2020).
4. Забуддыкина А. Н. Компьютер в пожилом возрасте [Электронный ресурс]. URL: https://chastnyj-dom-prestarelyh.ru/directory/komputer_v_pozhilom_vozraste.html (дата обращения: 28.08.20).
5. Мамадалиев А. М., Нескоромных Н. И. Стратегии адаптивного поведения лиц пожилого возраста в интернет-пространстве [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-adaptivnogo-povedeniya-lits-pozhilogo-vozrasta-v-internet-prostranstve/viewer> (дата обращения: 28.08.2020).
6. Старикова Н. А. Проект «Окно в виртуальный мир – компьютерная грамотность пожилым в быту» [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/33337556-Proekt-okno-v-virtualnyy-mir-kompyuternaya-gramotnost-pozhilym-lyudyam-v-bytu.html> (дата обращения: 28.08.2020).

УДК 364.26:316.346. 32-053.9:649.8
ББК 60.74(4)

Тюличева Л. Д., *Санкт-Петербург*

Цифровизация ухода за пожилыми людьми (на примере Германии)

Процесс цифровизации ухода за пожилыми людьми рассмотрен через призму взаимодействия социальной реальности и виртуального пространства. Показана возросшая значимость этого процесса в современных демографических условиях. Раскрыты основные изменения, которые происходят в социальной реальности пожилых людей и людей, ухаживающих за ними, благодаря внедрению информационных и коммуникационных технологий, датчиков и исполнительных механизмов. Рассмотрены основные социально-экономические факторы, ограничивающие развитие процесса цифровизации ухода за пожилыми людьми, лежащие в сфере общественного сознания, стратегического планирования, рыночных отношений, социального страхования. Автор опирается на специальные работы немецких исследователей, концепции и программы информатизации немецких земель, на материалы специальных сайтов. Приводится перечень характеристик социальной реальности, в которой формируется гериатрично-виртуальное пространство, опирающееся на научные достижения ухода за пожилыми людьми.

Ключевые слова: виртуальное пространство, уход за пожилыми людьми, старение населения, Ambient Assisted Living, Германия.

L. D. Tyulicheva, *St. Petersburg*

Digitalization of care for the elderly (on the example of Germany)

The process of digitalization of care for the elderly is considered through the prism of interaction between social reality and virtual space. The increased importance of this process in modern demographic conditions is shown. The main changes that occur in the social reality of older people and people caring for them, thanks to the introduction of information and communication technologies, sensors and actuators, are revealed. The main socio-economic factors limiting the development of the process of digitalization of care for the elderly, lying in the field of public consciousness, stra-

tegic planning, market relations, social insurance, are considered. The author relies on special works of German researchers, concepts and programs of informatization of German lands, on materials from special sites. The article ends with a list of important characteristics of social reality, in which the geriatric-virtual space is formed, a space based on scientific achievements in caring for the elderly.

Keywords: virtual space, care for the elderly, aging population, Ambient Assisted Living, Germany.

Виртуальное пространство, как известно, изменяет имеющуюся социальную реальность, более того, оно способно образовать новые фрагменты социальной жизни.

Однако происходит и обратный процесс. Социальная реальность способна инициировать создание виртуальной среды. Эта инициация может протекать и как спонтанный, и как сознательно направляемый процесс. В связи с этим встает вопрос – насколько распространена практика формирования виртуального пространства с прямой целью улучшения социальной реальности и насколько эта практика успешна?

Рассмотрим это на примере достаточно проблемной области общественной жизни – организации жизни престарелых членов общества, нуждающихся в уходе за ними.

Происходящие в настоящее время демографические процессы характеризуются такой закономерностью как увеличение продолжительности жизни. Этот процесс имеет своим следствием, в частности возрастание продолжительности периода старения.

При этом надо учитывать, что пожилые люди хотят как можно дольше жить в привычной среде в своем родном городе и по мере сил сохранять свой круг общения. Отказ от нахождения в домах престарелых дополнительно увеличивает потребность в уходе со стороны семей и поставщиков профессиональных услуг.

Но поскольку увеличение количества престарелых людей сочетается с одновременным сокращением численности населения трудоспособного возраста, общество оказывается не в состоянии увеличивать количество людей, занятых уходом за беспомощными стариками.

Эта тенденция освещается в основном в контексте проблем пенсионного обеспечения – эффект «увеличивающегося пенсионного бремени», когда уменьшающаяся доля общества (работающие) должна обеспечивать пенсионные выплаты увеличивающейся доле общества (неработающим). Но ведь эта закономерность проявляется и в сфере ухода – сокращающееся количество людей более молодого возраста должны обеспечить присмотр за все возрастающим числом людей более пожилых и уже неспособных ухаживать за собой самостоятельно.

Это, похоже, не краткосрочная тенденция. Прогнозы динамики соотношения лиц, нуждающихся в уходе и лиц, потенциально способных осуществлять уход, весьма неблагоприятны.

Данная проблема представляется неразрешимой на базе сохранения неизменными рутин ухода за беспомощными членами общества. Выход видится в перепроектировании систем ухода за пожилыми людьми на базе цифровизации разных процессов.

Источником информации по рассматриваемому вопросу нами была выбрана Германия, в которой значительное внимание уделяется как цифровизации общественной жизни, так и проблеме улучшения ухода за пожилыми людьми (которая трактуется как общенациональная). Интересующие нас процессы широко освещаются в научной литературе, в СМИ, что облегчает наше исследование.

Сначала следует рассмотреть как характеризуется современная социальная реальность ухода за пожилыми людьми.

Человек, нуждающийся в уходе, из-за утраты способности точных движений и способности поддерживать равновесие тела, подвергается повседневным бытовым рискам падений, травм, ожогов. Эти риски держат в постоянном напряжении ухаживающих, которым периодически надо отвлекаться на многочисленные дела, связанные с уходом.

Пожилему человеку все труднее удается сохранить независимость в повседневной жизни. Теряя способность самостоятельно передвигаться на короткие расстояния, подниматься и спускаться по лестнице, принимать нужную позу тела и менять ее (например, в постели или при движении и вставании), люди начинают полностью зависеть от ухаживающих.

Чувство бессилия и беспомощности часто провоцирует либо раздражительность, либо апатию. Невозможность самому осуществлять гигиенический уход за своим телом, соблюдать даже минимальную приватность и привлечение к этому чужих людей наносят удар чувству собственного достоинства. У пожилого человека нарушается связь с социальной средой, его контакты ограничены, он скучает об отсутствующих близких и друзьях.

Неблагоприятное психологическое состояние пожилого опекаемого так или иначе отражается на настроении ухаживающего. К тому же он сильно утомляется физически.

Улучшить достаточно тяжелую социальную реальность для тех, за кем ухаживают и для тех, кто ухаживает, можно, только ликвидировав или ослабив эти проблемы.

Цифровизация в союзе с механизацией способны создавать системы, ослабляющие зависимость людей от старости и болезней. Вспомогательные технологии, применяемые в уходе за пожилыми людьми, состоят из технических компонентов, таких как информационные и коммуникационные технологии, датчики и исполнительные механизмы, и включают как близкие к телу (медицинское приложение, мониторинг и т. д.), дистанционные (телеобслуживание, робототехника, AAL (цифровые системы помощи Ambient Assisted Living), так и портативные (VR-/AR-технология, экзоскелет и т. д.), а также имплантируемые (нейростимуляция и т. д.) вспомогательные технологии [6].

Адаптивные системы помощи приспособляются непосредственно к пользователю и помогают тем, кто нуждается в уходе, прожить в своих четырех стенах как можно дольше. Благодаря этому нуждающиеся в помощи, получают, во-первых, психологический комфорт, оставаясь в привычной для себя обстановке во-вторых, финансовое облегчение (поскольку стационарное лечение и уход, как правило, приводят к значительно более высоким затратам в долгосрочной перспективе).

Адаптивные системы помощи также снимают давление с родственников и профессиональных опекунов, упрощая уход за пожилыми людьми.

К настоящему времени разработано уже множество инновационных продуктов для человеко-технологического взаимодействия в области ухода, и постоянно разрабатываются новые.

Разнообразие этих систем и их возможностей освещается в литературе [als] и на специальных сайтах¹. Вместе с тем, даже в полной энтузиазма брошюре «Цифровая помощь». Цифровизация как ключ к хорошей жизни в стареющем обществе», подготовленной лабораторией цифрового сестринского дела в Bundesverband Digitale Wirtschaft e.V. (BVDW), авторы вынуждены признать, что в области оцифровки ухода наблюдаются значительные отставания от общих темпов цифровизации экономической и социальной жизни Германии [2, с. 5]

Дадим краткий обзор наиболее часто упоминаемых систем в контексте проблемы улучшения социальной реальности.

Минимизировать повседневные риски пожилых людей призваны разнообразные системы, такие как: «интеллектуальный пол», который обнаруживает падения человека, с системой экстренного вызова помощи; система, распознающая появление неестественных отклонений в распорядке дня пожилого человека с ограниченными физическими возможностями и передающая вонне информацию об этом; система отключения для бытовой техники; системы, отслеживающие время с момента последнего изменения положения и инициирующие перемещение, чтобы уменьшить нагрузку давления на уязвимые части тела и др.

Вспомогательные технологии могут поддерживать людей с разными ограничениями мобильности, чтобы они могли передвигаться, несмотря на эти ограничения. Делают они это в основном через воздействие на походку и устойчивость.

Такие технологии, позволяющие человеку выполнять повседневные бытовые дела без помощи других людей, помогают обеспечить или сохранить самостоятельность и независимость пожилого человека в повседневной жизни. Для облегчения бытовой работы предназначены многие системы «умного дома» – двери, которые открываются автоматически, датчики дви-

¹ См. сайты: <https://www.carecloud.de>; <https://www.diakoneo.de>; <https://www.ppz-nuernberg.de>; <https://www.deutschlandfunkkultur.de/>; <https://www.technik-zum-menschen-bringen.de>; <https://www.deutschlandfunk.de/> и др.

жения, которые автоматически освещают путь в туалет ночью и т. п. Сюда относится и мебель, помогающая принять нужное положение тела, например, кровать, оказывающая активную поддержку при вставании. Добавляет независимости от опеки и устройства, напоминающие о своевременном приеме лекарств, пищи и напитков.

Обеспечить связь с социальной средой помогает виртуальное пространство, в котором взаимодействует пожилой человек, его родственники, соседи, медицинские работники, знакомые из групп по интересам. Используя приложение, совместимое с защитой данных, лица, обеспечивающие уход, могут позволить удаленным родственникам принимать участие в повседневной жизни пожилого человека в любое время, используя фотографии, видео, текстовые или голосовые сообщения. Все это позволяет формировать повседневную жизнь и социальные контакты – участие в общественной жизни, в первую очередь в семейных и добрососедских отношениях.

Есть возможности улучшения взаимодействия пожилых людей с региональными участниками здравоохранения. В подобном виртуальном пространстве многопрофильные медицинские группы могут «вести» пациентов с помощью сенсорных систем или телемедицинских приложений, во многих случаях избавляя родственников от доставки пожилого человека в поликлинику.

Теперь рассмотрим, как социальная реальность в широком смысле, понимаемая в этом случае как общественная среда, влияет на развитие рассматриваемого нами сегмента виртуального пространства.

Приходится признать, что спрос на системы помощи со стороны потребителей, нуждающихся в уходе, по-прежнему мал. То есть разработчики цифровых систем помощи более активно предлагают, чем потребители покупают.

Тому есть несколько причин.

Первая их них в том, что многие разработчики не учитывают важные практические, экономические и технические обстоятельства применения предлагаемых инноваций, многие компании не имеют доступа к систематическому и практическому тестированию и оценке своих идей практиками в повседневном уходе. Поэтому многие из полезных в принципе систем не могут закрепиться на рынке. Правда, начали возникать службы, готовые осуществить эту работу для производителей инновационного продукта. Так, в центре сестринской практики в Нюрнберге новые технологии ухода за больными в различных учреждениях сестринского дела тестируются в реальных условиях. На предварительной стадии (при разработке концепции тестирования), анализируются этические, правовые, социальные, экономические, практические и технические аспекты технологии [5].

Вторая причина – в предубеждениях. В обществе получили хождение определенные «страшилки», рисующие грядущую социальную реальность цифровизированного ухода неблагоприятную как для пожилых людей (со-

циальная изоляция в компании роботов), так и для опекунов (непрерывный контроль за их деятельностью со стороны цифровой техники). В противовес этим опасениям, Немецкий совет по этике (орган, члены которого назначаются президентом бундестага Германии) пришел к выводу, что «робототехнику не следует использовать в качестве замены человеческих отношений или для устранения нехватки персонала, а лишь для продвижения «качественного ухода»[1].

Третья причина связана с высокой стоимостью этих систем. Расход на большинство из них (за исключением системы экстренного вызова на дому и специальной кровати) не покрываются медицинскими страховыми и долгосрочными страховыми фондами. Большинство обязательных фондов страхования на случай длительного ухода сталкиваются с риском несения необоснованно больших затрат на обычное повышение комфорта. Необходимо обеспечить, чтобы система медицинского страхования не была непропорционально обременена продуктами SmartHome и Lifestyle или другими системами общего жизнеобеспечения

Федеральная ассоциация потребителей поручила юридической фирме Dierks+Companу изучить и оценить имеющиеся в настоящее время варианты возмещения расходов на продукты AAL. В отчете приводятся рекомендации относительно того, как можно улучшить возможности возмещения технических и цифровых инноваций для тех, кто нуждается в уходе в домашних условиях [6].

В области цифровизации жизни пожилых горожан и ухода за ними каждый регион и город выбирает приоритетные направления цифровизации с учетом своих потребностей и ресурсов.

Одну из трендовых тем цифровизации общественной жизни – создание «умных домов», в Тюрингии предполагают использовать для создания модельных квартир, которые в силу своего технического оснащения способствуют самоопределению жизни людей, нуждающихся в уходе. [8, с. 27].

Министерство экономики Баварии (позиционирующей себя как цифровая столица ФРГ) в рамках стратегии BAYERN DIGITAL концентрирует свою деятельность на нескольких областях, в том числе предпринимает «различные меры, с помощью которых исследуются и применяются вспомогательные робототехники, в частности комплекс тем «Самостоятельная жизнь для людей, нуждающихся в уходе» [7].

В земле Баден-Вюртемберг большое внимание уделяют цифровой поддержке пожилых людей и лиц, ухаживающих за ними на дому. Многопрофильные медицинские и сестринские группы должны улучшать здоровье пациентов с помощью сенсорных систем или телемедицинских приложений в смысле «ведения случаев» и облегчать заботу родственников. [4, с. 56].

В земле Шлезвиг-Гольштейн работа ведется в обоих направлениях. Координационный центр по инновационным формам жизни и ухода в старости (KIWA) проверяет, как и какие технические средства могут способствовать

самостоятельной жизни в пожилом возрасте. В рамках модельного проекта KIWA-Digital проверяется влияние технологий на поддержание самоопределения и участие в жизни по соседству» [3, с. 96].

Изучение германского опыта позволило нам выделить следующие важные характеристики социальной реальности формирующегося виртуального пространства ухода за пожилыми людьми.

1. В настоящее время протекает процесс активной разработки разнообразных элементов гериатронно-виртуальной среды, в которой должны пребывать пожилые граждане, нуждающиеся в уходе.

2. Этот процесс затрагивает не только практику ухода за пожилыми людьми, но и множество других аспектов общественной жизни – отношение государства и населения к данной проблеме, формирование целевых программ в данной сфере, становление рынка прогрессивных систем ухода с соответствующей инфраструктурой, развитие финансовых механизмов обеспечения пожилых людей необходимой техникой помощи.

3. Рынок вспомогательных технологий находится в ранней стадии своего развития, потребности покупателей сформированы и выявлены в незначительной мере. Создатели систем должны осознать, что успех использования технологии зависит от ее контекстуального встраивания в среду обитания пожилого человека. Начали формироваться маркетинговые структуры, помогающие создателям товара осознать это обстоятельство.

4. Зафиксированы определенные предубеждения общества против цифровых технологий в сфере ухода. До сознания общества должно быть донесено, что цифровые технологии не могут и не должны заменять уход за людьми попечителями и родственниками, они предназначены поддерживать и разумно дополнять их усилия.

5. Следует быть готовым к тому, что приобретение дорогостоящих систем натолкнется на финансовые ограничения. Страховые компании должны проводить большую аналитическую работу по отбору систем, которыми следует снабжать застрахованных.

6. Государственные органы различного уровня должны рассматривать создание цифровизацию ухода за возрастающим количеством пожилых людей и формирование виртуальной среды для этого не как внутренние проблемы домашних хозяйств, а как часть своих социально-демографических стратегий.

Список литературы

1. Deutscher Ethikrat sieht Chancen für Pflege in Robotik [Электронный ресурс]. URL: <https://www.carecloud.de/blog/deutscher-ethikrat-sieht-chancen-fuer-pflege-in-robotik/> (дата обращения: 10.05.2020).

2. Digitale Pflege. Digitalisierung als Schlüssel für ein gutes Leben in einer älter werdenden Gesellschaft [Электронный ресурс]. URL: https://www.bvdw.org/fileadmin/bvdw/upload/publikationen/digitale_transformation/ES_BVDW_LF_Digitale_Pflege_2017.pdf (дата обращения: 14.01.2019).

3. Digitalisierungsprogramm für Schleswig-Holstein [Электронный ресурс]. URL: https://digitalisierung.schleswig-holstein.de/assets/pdf/Digitalisierungsprogramm_Schleswig-Holstein.pdf
4. Digitalisierungsstrategie der Landesregierung Baden-Württemberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baden-wuerttemberg.de/fileadmin/redaktion/dateien/PDF/Digitalisierungsstrategie-BW.pdf>
5. Laufende Projekte. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ppz-nuernberg.de/#laufendeprojekte> (дата обращения: 20.07.2020).
6. Lutze M., Glock G., Stubbe J, Paulicke D. Digitalisierung und Pflegebedürftigkeit – Nutzen und Potenziale von Assistenztechnologien. // Schriftenreihe “Modellprogramm zur Weiterentwicklung der Pflegeversicherung”. 2019. Band 15. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gkv-spitzenverband.de/media/dokumente/presse/publikationen/schriftenreihe/GKV-Schriftenreihe_Pflege_Band_15.pdf (дата обращения: 20. 07.2020).
7. Strategie Bayern digital [Электронный ресурс]: URL: <https://www.stmwi.bayern.de/digitalisierung/bayern-digital/> (дата обращения: 10.05.2020)
8. Thüringer Strategie für die Digitale Gesellschaft [Электронный ресурс]: URL: https://www.thueringen.de/mam/th6/pub/digitalstrategie_2017.pdf (дата обращения: 20.07.2020).

УДК 612.39+613.2

ББК 51.230я73

Калашникова Р. В., Кальсина Т. А., *Иркутск*

Полезные привычки в питании для поддержания и укрепления здоровья

В статье раскрываются проблемы питания, показывается влияние питания на здоровье человека, на его физическую и умственную работоспособность.

Ключевые слова: питание, организм, здоровье, вещества, вода, микроэлементы, углеводы.

Kalashnikova R. V., Kalsina T. A., Irkutsk

Healthy eating habits for maintaining and promoting health

This article describes the problems of nutrition. Shows the effect of nutrition on human health, on his physical and mental performance.

Keywords: nutrition, body, health, substances, water, trace elements, carbohydrates.

Из всех факторов, действующих на организм человека, важнейшим является питание, которое обеспечивает физическую и умственную работоспособность, здоровье, продолжительность жизни, так как пищевые вещества в процессе метаболизма превращаются в структурные элементы клеток нашего организма, обеспечивая его жизнедеятельность.

Живя в современном мире, многие компании пропагандируют здоровый образ жизни, правильное питание, питьевой режим и как все эти факторы влияют на здоровье и состояние человека. Не только врачи-диетологи, но и различные компании, такие как Herbalife, Amway, Atomy широко распространяют информацию о сбалансированном питании, биологических добавках, которые влияют на работу организма.

Большинство из нас привыкли есть, не задумываясь. Завтрак, обед и ужин – это ритуалы, сопровождающие нас с самого детства, и очень часто

мы повторяем пищевые привычки, которые были приняты в родительской семье, и принимаем пищу «на автомате». К тому же ускорившийся в последние десятилетия ритм жизни оставляет все меньше времени на то, чтобы уделять внимание питанию. Мы часто едим на ходу, забегаем в фаст-фуд, перекусываем на работе, глотаем завтрак, читая новости, а ужин – глядя в телевизор.

Заинтересованный человек ставит перед собой цели: улучшить свое самочувствие, спланировать режим дня, научиться правильно питаться, составить сбалансированный, низкокалорийный рацион. Для достижения поставленных целей необходимо выполнения поставленных задач:

- ввести регулярный питьевой режим соответствующий количеству потребляемой воды необходимой суточной нормы в зависимости от массы тела;
- соблюдать режим дня, пересмотреть свое меню и заменить вредные продукты на более полезные, выработать привычки;
- довести новые модели пищевого поведения до автоматизма.

Очень важно менять режим питания, следить за своими успехами в достижении поставленных целей. Рекомендуется перед началом режима питания описать свое состояние, обратить внимание на артериальное давление (АД), показатели крови, выносливость и работоспособность организма. По окончании испытываемого срока, например через 2 месяца, можно сравнить свои результаты и пронаблюдать за изменениями. Один из самых важных показателей, который интересует людей в программе питания и здоровья это полученные результаты.

Считается, чтобы обладать хорошим здоровьем, нам необходимы белки, жиры, углеводы, вода, витамины, минералы, аминокислоты и незаменимые жирные кислоты.

С уверенностью можно сказать для улучшения самочувствия каждому стоит приобрести такие привычки, как: пить достаточно воды, есть больше овощей и фруктов, вести пищевой дневник, употреблять меньше сахара, обращать внимание на состав и калорийность продуктов, регулярно употреблять кисломолочные продукты.

Считается, что наиболее важным фактором здоровья является вода. На примере можно рассмотреть, как влияет питьевой режим на наш организм. Главная роль воды в организме человека состоит в том, что это наш источник жизни. Доказано, что каким бы здоровым не был человек, но без воды он не проживет более пяти дней. Вода способствует доставке кислорода в клетки, транспортирует питательные вещества, служит амортизатором для костей и суставов, регулирует температуру тела, выводит из организма продукты жизнедеятельности, вымывает токсины, служит смазкой для суставов, улучшает клеточную коммуникацию, ускоряет естественные процессы регенерации в организме.

Принято считать, что в сутки в среднем нужно выпивать от 1,5 до 2 литров. Рассчитать это можно по формуле: $0,3 \text{ мл} \times \text{масса тела}$. Такое количество жидкости человеку рекомендовано выпивать в состоянии покоя. Ес-

ли человек ведет активный образ жизни и занимается спортом, то он должен пить больше воды. Необходимое количество можно рассчитать по формуле: $0,3 \text{ мл} \times \text{масса тела} + 150 \text{ мл}$.

О необходимости нужного количества потребляемой жидкости упоминалось ещё в 1945 г. в Национальном исследовательском совете США в статье Nutrition Board [5]. Профессор Роберт Хаггинс из университета Коннектикута (США) говорил о совокупности факторов, влияющих на количество употребляемой воды: вес, возраст, физическая активность, пол, климат [6]. Натощак утром человек должен выпить стакан либо 2 стакана теплой воды. Что это дает? Благодаря этому происходит промывание ЖКТ, нормализуется работа кишечника. Пить воду можно за 15–30 минут до еды или через 1,5 часа после. Пить воду рекомендуется небольшими порциями, например через каждые 15–30 минут делать несколько глотков воды. К чему это ведет? К насыщению клеток организма жидкостью, нормализации работы головного мозга. Если в организме будет недостаточно воды, может болеть голова, повышаться АД. Зачастую человек может и не догадываться, почему у него возникают головные боли, причиной чего может быть недостаточное потребление жидкости организмом. Почему рекомендуется пить перед едой? Потому что в головном мозге близко расположены центры жажды и голода, и человек может запросто принять жажду за голод. Если человек выпьет стакан воды, и через минут 20 все равно будет ощущать голод, значит, организм требует еды. Исследования, проведенные в США, доказали, что желание пить часто путается с чувством голода (75 % американцев на самом деле страдают от жажды, а вместо воды начинают есть). Диетологи советуют пить воду до 17:00. Считается, что если принимать воду в более поздние часы, то происходит нагрузка на почки. Ученые утверждают, что причина нарушения кратковременной памяти связана со снижением минимум на 2 % потребляемой воды, так же человек, у которого в организме недостаток воды, становится рассеянным, не может без ошибки набрать простой текст и сосредоточиться. Воду можно заменить зеленым чаем, отварами трав или можно добавить лимон. Лимон внутри организма человека работает как щелочь. Он восстанавливает кислотно-щелочной баланс, от кислотной среды и восстанавливает нормальной pH. Тем самым предотвращает множество больших неприятностей и способствует нормальному метаболизму организма.

Диетологи Вашингтонского университета доказали, что в позвоночнике и суставах у 80 % больных снижается боль при употреблении 8–10 стаканов сырой воды в день. Что будет, если пить мало воды? Если человек будет употреблять недостаточное количество жидкости, то у него будут замедляться пищеварительные процессы, что может привести к возникновению таких заболеваний, как гастрит, язва, запор. Повысится уровень сахара в крови и, как результат, возникнет сахарный диабет. Человек будет испытывать усталость. Со стороны мочевыделительной системы – инфекционные заболевания. Существует четкая взаимосвязь между обезвоживанием и возникновением ревматоидного артрита.

Очень важно не пропускать завтрак. Он должен содержать белок, полезные жиры и углеводы, клетчатку, комплекс витаминов и минералов. В суточном рационе соотношение белков, жиров и углеводов должно быть примерно 1: 1,2:4,6 в граммах [1]. Так как утром наш организм нуждается в восполнении энергозатрат, завтрак должен быть полноценным. Ночью расходуются питательные вещества, поступившие в течение дня [4]. Люди, пренебрегающие завтраком имеют более высокий риск сердечно-сосудистых заболеваний, так как ухудшается метаболизм, замедляется кровоток и происходит образование тромбов. Повышается холестерин, что может привести к атеросклерозу или гипертонии. Так же может произойти застой желчи и формирование камней. Если в желудке долгое время нет еды, то под действием соляной кислоты, может развиваться гастрит. При ухудшении метаболизма кишечник начинает плохо работать, снижение иммунитета. Если в обычном питании не хватает полезных веществ, метаболические процессы идут медленно, и человек не сразу замечает, что у него меняется внешний вид, ухудшается самочувствие.

Углеводы – источник энергии. Простые углеводы резко поднимают уровень сахара в крови. Они есть во всех продуктах питания, в которые добавлен сахар – шоколад, выпечка, булочки, конфеты, сладкие напитки и т. д. Так же они содержатся в постоянно присутствующих в нашем рационе питания фруктах это бананы и виноград. Сложные углеводы усваиваются медленно и не вызывают резких скачков сахара. Они содержатся в овощах, буром рисе, гречке, бобовых, геркулесе (не быстрого приготовления!), макаронах из твердых сортов пшеницы, а также продуктах, содержащих большое количество клетчатки.

Американскими диетологами Гарвардской школы общественного здоровья была разработана пирамида здорового питания. Нижнюю ступень занимает вода, на следующей ступени – овощи и фрукты, растительные жиры и зерновые продукты. На третьей – орехи, бобовые, рыба, птица, яйца, морепродукты. На четвертой – молочные продукты. Верхушка пирамиды содержит вредные продукты (сладости, белый хлеб, колбасы, красное мясо, фаст-фуд), от которых желательно отказаться, чтобы сохранить нормальное самочувствие [2].

Составив рацион из низкокалорийных продуктов, тяжело вместить в рацион нужное количество витаминов, микроэлементов и минералов, поэтому внедряют биодобавки. Человек не может употребить суточную норму всех нужных витаминов и микроэлементов при обычном или низкокалорийном питании. Если в организм человека поступает нужное количество витаминов и микроэлементов с пищей или биологическими добавками, то улучшается психологическое состояние человека, поднимается иммунитет, а при достаточном количестве Са и Mg человек становится спокойным, уравновешенным, нормализуется сон.

Чтобы восполнить суточную потребность в полезных веществах, человек употребляет биологически активные добавки. С помощью них происходит очищение кишечника, вывод шлаков и токсинов, активизируются ферменты, повышаются защитные силы организма. Например: нехватка железа приводит к анемии, йода – к заболеванию щитовидной железы, достаточное количество магния – бессоннице, ослаблению внимания и памяти, дефицит селена и цинка – иммунодефициту, калия – к сердечной недостаточности. Если в организме не будет хватать витаминов и микроэлементов, то возникает риск возникновения множества разнообразных заболеваний: диабет, гипертония, остеохондроз, аллергия, анемия, хронические колиты, заболевания сердечно – сосудистой системы, бесплодие, задержка умственного и физического развития и многие другие. Пища, содержащая недостаточное количество тех или иных витаминов, приводит к развитию гиповитаминоза, симптомами которого является: упадок сил, пониженная работоспособность, потеря аппетита, ослабленная сопротивляемость к инфекционным заболеваниям [3].

В правильном рационе питания также учитывается сочетание продуктов. Например, нельзя употреблять жирное со сладким, так как это не пойдет на пользу организму и будет откладываться в жир. Порция тарелки должна состоять: 0,5 % – растительная пища; 0,25 % – мясная; 0,25 % – углеводная.

Питание должно быть дробным, примерно 4–5 раз в день. Обязательно должен быть завтрак. Через 2–3 часа после – перекус. Можно употреблять фрукты, желательно одного вида. Еще через 2–3 часа – обед. Через такой же промежуток времени – второй перекус, его желательно сделать белковым. Ужин должен составлять $\frac{1}{2}$ порции обеда. Чтобы был полноценный сон, человек не должен есть 2–3 часа до сна [1].

Бывает, человек переедает, недоедает, составляет несбалансированный рацион, или рацион с недостаточным количеством нужных веществ, что может привести к авитаминозу, желчнокаменной болезни, дистрофии или ожирению, атеросклерозу, диабету и т. д.

В ходе проведенного эксперимента работы над собой у испытуемого улучшилось самочувствие, появилось больше энергии, повысилась выносливость, закрепились выработанные привычки, появилась легкость. В свою очередь это сказалось на психоэмоциональном состоянии, повысилась самооценка, он доволен своими результатами и проведенной работой над собой. Повысилась работоспособность. Устраивает внешний вид.

На здоровье человека оказывает влияние питание. Когда рацион сбалансированный, то организм работает слаженно, увеличивается сопротивляемость к болезнетворным микробам, человек спокоен, энергичен, добивается поставленных целей, чувствует легкость в теле, повышается работоспособность, улучшается настроение. От питания зависят умственное и физическое развитие, с ним связаны все жизненно важные функции организма.

Оно обеспечивает развитие, непрерывное обновление клеток и тканей. Если присутствует неполноценный рацион, то преобладает раздражение, появляется слабость, в организме не хватает каких-либо веществ, которые нарушают нормальное протекание биохимических реакций. Возникает ряд болезней, о причине которых он даже и не догадывается. Преждевременное старение и сокращение продолжительности жизни. Быстрая утомляемость не позволяет продуктивно работать и совершать какую-либо физическую нагрузку. Отсюда появляется заниженная самооценка, пессимизм, неуверенность в своих силах и не желание что-либо предпринять и изменить. Но как только человек пересмотрит свой образ, свое питание, внесет корректировки, то через некоторое время почувствует изменения в лучшую сторону.

Список литературы

1. Воробьев Р. И. Питание и здоровье. М. : Медицина, 2010. 156 с.
2. Ефименко С. О. Здоровое питание – путь к здоровой жизни // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11. С. 670–671
3. Певзнер М. И. Основы лечебного питания. М. : Медгиз, 1958. 582 с.
4. Herbalife. Вкусный полезный и сбалансированный завтрак [Электронный ресурс] URL: <https://bud-v-forme.ru/nutrition/zavtrak-osnova-sbalansirovannogo-ratsiona/> (дата обращения: 08.06.2020).
5. Sciencepop. Вся правда о воде. Исследования ученых [Электронный ресурс]. URL: <https://sciencepop.ru/voda-istochnik-vechnoj-zhizni-ili-vreditel-zdorovyu-obzor-nauchnyh-dannyh/> (дата обращения: 08. 06. 20).
6. Зожник – наука о ЗОЖ. Сколько воды нужно пить и как часто [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/zozhnik.ru/skolko-vody-nujno-pit-i-kak-chasto-5d623cc797b5d400ad6ad3c7> (дата обращения: 08.06.2020).

УДК 316.62(571.53)

ББК С55.8(2Р-4Ир)

Шантанов Р. В., *Иркутск*

Характеристика условий проявления девиации среди сельской молодежи Усть-Ордынского Бурятского округа

В статье рассматриваются условия проявления девиантного поведения среди сельской молодежи Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области.

Ключевые слова: молодежь, сельская местность, девиация, отклоняющееся поведение, этногруппа, буряты.

Shantanov R. V., *Irkutsk*

Characteristics of the conditions for the manifestation of deviation among rural youth of the Ust-Ordynsky Buryat District

This paper examines and analyzes the conditions for the manifestation of deviant behavior among rural youth of the Ust-Orda Buryat district of the Irkutsk region.

Keywords: youth, countryside, deviation, deviant behavior, ethnogroup, Buryats.

Определяя категорию молодежи, многие видные ученые характеризуют их как категорию с неустойчивыми жизненными позициями и ориентирами, что затрудняет их адаптацию к окружающей социальной среде. Потому-то она и подвержена риску попадания в группы девиантного поведения. Также, что примечательно, в данном возрасте индивиды переживают переходный этап, который, как правило, посвящен овладению новых социальных статусов на основе полученного жизненного опыта, учебно-практических и профессиональных знаний и, конечно, на основе результатов межличностного взаимодействия с другими людьми, уже овладевшими какими-либо социальными статусами [7].

Говоря о молодежи в целом, необходимо отметить наиболее важную функцию, которую осуществляет наш объект исследования. Эта функция заключается в передаче межпоколенческого опыта, в преемственности традиций и их трансляции (воспроизводстве) через призму новой социальной среды, социальных установок, норм, правил и ценностей современного общества. И с каждым новым поколением молодежи это воспроизводство всей системы социальных взаимоотношений происходит на качественно новом уровне и, безусловно, актуально для последующего поколения, которое также входит в процесс овладения социально-ролевых позиций, моделей поведения и т. д. Как отмечает Ю. А. Зубок, это самая главная ценность в молодежи, что обеспечивает стабильность в обществе в целом [7].

Осуществление такой функции, как трансляция межпоколенческого опыта может быть прекращена, так как период молодости подвержен ряду значительных рисков. Одним из самых угрожающих становлению новой личности является риск имманентной стремительности к неизведанному, к чему-то новому, и это стремление не гарантирует полноценный успех, выигрыш и достижение цели, что может негативно повлиять на дальнейшее саморазвитие и самоактуализацию в социальной среде [7]. В этой же социальной среде формируется целое множество факторов, которые могут воздействовать на молодежь в комплексе и детерминируют сущность девиации в молодежной среде. Этими факторами выступают: неравенство, как социальное, так и расовое; урбанизация сфер жизнедеятельности; постоянный, хаотичный и в частых случаях непредсказуемый процесс миграции; территориально-климатические, национальные и этнические условия и т. д. [6].

В сельской местности есть несколько других факторов, которые влияют на проявление девиации молодежью. Следует отметить, что сельский образ жизни отличается от городского своими близкими соседскими, дальними родственными взаимоотношениями и открытостью личной жизни вообще, а также укоренившимися нормами, правилами и традициями взаимодействия [3]. Это и составляет особенность сельской местности, а с другой стороны данная особенность может стать фактором вовлечения в группы девиантного поведения.

Другими наиболее важными факторами, влияющими на благополучие сельской молодежи, являются: социально-экономические условия сельских жителей, которые во многом характеризуются привлечением в трудовые взаимоотношения с малых лет, тесным переплетением характеров производственного и домашнего (в подсобном хозяйствовании) трудовых деятельностей, сезонностью сельских работ; социально-психологические условия, которые влияют на характер взаимоотношений внутри группы и контактов между группами, мировоззрение нового поколения и выбор вектора дальнейшего личностного развития; социально-культурные условия, которые приводят к «выживанию – вымиранию» современных сельских учреждений культуры и досуга [8,9].

Все основные вышеперечисленные факторы взяты во внимание многими видными учеными в области социологии села. По мнению автора, еще одним важным фактором может выступать этнокультурная составляющая рассматриваемой территории. В нашем случае бурятская культура населения Усть-Ордынского Бурятского округа. Конечно, в исследуемой нами территории есть ряд представителей других этносов, но исходя из исторической особенности Усть-Ордынского Бурятского округа, автором взят в пример бурятская этногруппа.

Этническая группа бурят в первую очередь характеризуется своим серьезным отношением к своему верованию, а именно к шаманизму, если говорить о бурятах, проживающих в Усть-Ордынском Бурятском округе. При проведении различных обрядов и молебнов обязательно используются чистые или молочные спиртные напитки. Так, к примеру, А. Ю. Дарханова, описывая в своем исследовании шаманистские поклонения баяндаевских бурят, а также типичные обряды, проводимые бурятами из Эхирит-Булагатского, Баяндаевского и Ольхонского районов Иркутской области, указывает на все необходимые атрибуты для совершения того, или иного обряда и в этих списках обязательно присутствует спиртной напиток, как самый важный элемент [4]. Употребление алкоголя во время проведения таких религиозных мероприятий служит одним из значимых факторов возникновения девиации в молодежной среде, так как мы видим открытую живую демонстрацию распития спиртных напитков для подрастающего поколения. В качестве доказательства, приводится исследование П. Г. Бороньева, который подтверждает тот факт, что одной из причин возникновения алкоголизма в молодежной среде является выполнение и исполнение традиций и обрядов своего религиозного этносообщества [2]. Он говорит: «если в советский период истории при отправлении определенных религиозных буддийских и шаманских обрядов и ритуалов происходило чисто символическое «подношение» духам, богам и пр., то в настоящее время люди и сами «приобщаются к подношению», употребляя спиртное» [2]. Само употребление спиртного через открытую демонстрацию новым подрастающим поколениям вызывает у последних представление об алкогольных напитках как

само собой разумеющееся. Это было выявлено в ходе интервью с начальником Баяндаевского отдела культуры, автором социального проекта «Трезвый Баяндай – Трезвая Россия», Ильей Львовичем Хабеевым, который говорит: «Лживые навязанные идеи «культурного» «питийного» образа жизни, а также курения это все навязано через СМИ, радио, кино, жизнь (папа, мама курят, дяди, тети и т. д.). Это все навязано. Это все разрешено! Это разрешенные наркотики. Хотя признаны ВОЗом наркотиками, тяжелейшими, от которых умирают в разы больше, чем от героина, кокаина. То есть наш эксперт настаивает на том, что алкоголизм в молодежной сельской среде навязан и этот навязанный характер имеет различные источники, в том числе религия и семья.

Автором было проведено анкетирование среди молодежи сельской местности бурятской этногруппы Усть-Ордынского Бурятского округа в сети Интернет на базе платформы iAnketa.ru в период с 15 по 20 мая 2020 г., который был направлен на выявление проблем организации досуговых мероприятий в сельской местности, профилактики девиантного поведения в молодежной сельской среде и выработки новых решений указанных проблем. Общее количество респондентов составило 208 человек в возрасте от 14 до 30 лет. Одним из вопросов был: «Есть в Вашей сельской местности группы людей или отдельно взятые люди, злоупотребляющие алкоголем?». Результаты ответов респондентов распределились следующим образом: ответ «да» выбрали 174 респондента, ответ «нет» – 15 и ответ «затрудняюсь ответить» – 19 (табл. 1). Следовательно, автор подтверждает тот факт, что в социальной среде рассматриваемой территории явно прослеживается проблема алкоголизма.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Есть в Вашей сельской местности группы людей или отдельно взятые люди, злоупотребляющие алкоголем?»

Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля в %
Да	174	83,7
Нет	15	7,2
Затрудняюсь ответить	19	9,1
<i>Итого</i>	208	100,0

Также целевая аудитория оценила серьезность проблемы алкоголизма по 5 бальной шкале, посредством ответа на вопрос: «Оцените, пожалуйста, серьезность проблемы алкоголизма в вашем селе/деревне от 1 до 5, где 1 – это «проблемы нет совсем», а 5 – «серьезная проблема, которую срочно нужно решить». Средняя оценка по итогам всех ответов равна 3,34, что явно выше середины.

Другим наиболее важным условием возникновения девиация в сельской местности, по мнению автора, выступает социальная проблема безработицы, который характерен для всего сельского населения нашей страны. Также это подтверждают респонденты, которые установили, что безработи-

ца – это самая серьезная на сегодняшний день социальная проблема сельских поселений Усть-Ордынского Бурятского округа (табл. 2) – 28,3 % ответов на вопрос «Какие, по Вашему мнению, другие социальные проблемы прослеживаются в Вашем родном поселении?» указывают именно на неё.

Как отмечает В. В. Афанасьева, безработица родителей и вызванное ею трудное материальное положение является одним из мощных факторов возникновения девиантного поведения в подростковой молодежной среде [1].

Таблица 2
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие, по вашему мнению, другие социальные проблемы прослеживаются в Вашем родном поселении?»

Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля в %
Активное употребление табака;	92	21,2
Наркомания;	14	3,2
Детская беспризорность;	23	5,3
Безработица;	123	28,3
Культурная деградация;	65	15,0
Низкий уровень медицинских услуг;	73	16,8
Проблема домашнего насилия;	15	3,5
Затрудняюсь ответить;	28	6,5
Если в предложенном списке нет вариантов, которые отражают ваше мнение, или вы хотите добавить свое мнение, то укажите здесь	1	0,2
<i>Итого:</i>	434	100.0 %

Население Усть-Ордынского Бурятского округа является территорией с большим агропромышленным потенциалом, который с каждым годом реализуется, достигая все новых рекордов по поставке различной продукции сельхозпроизводства. В качестве доказательства автор приводит результаты проведенного опроса, а именно ответы респондентов на вопрос: «Занимаетесь ли Вы или Ваши ближайшие родственники разведением домашнего скота/личным подсобным хозяйством/фермерским хозяйством?». 82,7 % респондентов ответили, что «да», занимаются и лишь малая часть 16,8 % не имеет практически никакого отношения к сельскому хозяйству (табл. 3).

Таблица 3
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Занимаетесь ли Вы или Ваши ближайшие родственники разведением домашнего скота/личным подсобным хозяйством/фермерским хозяйством?»

Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля в %
Да	172	82,7
Нет	35	16,8
Затрудняюсь ответить	1	0,5
<i>Итого</i>	208	100,0

Количество людей, которые занимаются в сельхозпромышленности, с каждым годом будет расти, так как средняя оценка при оценивании важности и значимости для семейного общества сельской местности занятия сельскохозяйственным трудом равна 3,77 из 5 возможных. Респондентам было предложено оценить посредством ответа на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько важно разведение домашнего скота или развитие вашего личного подсобного хозяйства для Вас лично и вашей семьи от 1 до 5, где 1 – это «совсем бесполезное занятие для Вас и Вашей семьи», а 5 – это «очень важно для обеспечения Вас и всей Вашей семьи». Поэтому при сегодняшней грантовой государственной, региональной и муниципальной поддержке личных подсобных и крестьянско-фермерских хозяйств, сельские жители будут стремиться к обеспечению себя и своего близкого социального окружения продуктами сельхоз производства в целях как сокращения расходов, так и повышения доходов.

Автор также отмечает, являясь в большей степени сектором сельского хозяйства, рассматриваемая территория характеризуется наличием не только обычной безработицы, но сезонной, которая объясняется тем, что спрос на рабочую силу возникает в определенные периоды сельхоз производства: весной (обработка полей и засев растительных культур) и конец лета-осень (заготовка кормов на зиму и сбор урожая). Поэтому она легко прогнозируется [5]. Таким образом, зимой сельскохозяйственные предприятия не востребованы в большом количестве трудовых ресурсов.

Следовательно, на основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в сельской местности вообще и в частности в селах Усть-Ордынского Бурятского округа существуют различные условия и предпосылки возникновения девиации в молодежной сельской среде. Их социальная природа возникновения может характеризоваться множеством различных факторов и событий, которые происходят среди населения.

Список литературы

1. Афанасьева В. В. Факторы и условия, обуславливающие девиантное поведение подростков с ограниченными интеллектуальными возможностями [Электронный ресурс] // Гуманитарные исследования 2016. № 2. С. 91–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-i-usloviya-obuslovlivayuschie-deviantnoe-povedenie-podrostkov-s-ogranichennymi-intellektualnymi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 13.06.2020);
2. Бороноев П. Г. Проявления алкогольной девиации в студенческой среде [Электронный ресурс] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kultury-sovremennoy-selskoy-molodyozhi> (дата обращения: 13.06.2020г.);
3. Бояк Т. Н. Особенности культуры современной сельской молодежи [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. 2012. № 3. С. 180–186. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kultury-sovremennoy-selskoy-molodyozhi> (дата обращения: 13.06.2020);
4. Дарханова А. И. Шаманистские и семейно-родовые культы и обряды баяндаевских бурят как механизм сохранения кровнородственных связей [Электронный ресурс] // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shamanistkie-i-semeyno-rodovye-kulty-i-obryady-bayandaevskih-buryat-kak-mehanizm-sohraneniya-krovnorodstvennyh-svyazey> (дата обращения: 13.06.2020);

5. Ильин А. Е., Савин Д. А., Конорев А. М. Безработица сельского населения: состояние и пути снижения [Электронный ресурс] // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezrabotitsa-selskogo-naseleniya-sostoyanie-i-puti-snizheniya> (дата обращения: 13.06.2020г.).

6. Стригуненко И. К. Предупреждение девиантного поведения российской молодежи как социологическая проблема [Электронный ресурс] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-deviantnogo-povedeniya-rossiyskoy-molodezhi-kak-sotsiologicheskaya-problema> (дата обращения: 13.06.2020).

7. Палазян А. С., Городенцев Г. А. Девиантное поведение молодежи и распространение экстремизма как социально-правовая проблема [Электронный ресурс] // Общество и право. 2015. № 3. С. 14–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-molodezhi-i-rasprostranenie-ekstremizma-kak-sotsialno-pravovaya-problema> (дата обращения: 15.07.2020);

8. Попова М. В. Коммуникативное пространство сельской молодежи // Социология. 2019. № 2. С. 257–261.

9. Попова М. В. Привлекательность сельских территорий для современной молодежи // Социология. 2019. № 1. С. 153–159.

10. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи: монография [Электронный ресурс]. М.: Инфра-М, 2015. 288 с. URL: <https://znanium.com/read?pid=514932> (дата обращения: 13.06.2020);

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 33
ББК 65.5

Голубева А. С., *Иркутск*

Правовое сопровождение цифровой экономики

Статья посвящена рассмотрению правовых документов, регулирующих вопросы информационной безопасности в России. Выявлены основные тенденции и перспективы развития цифровизации бизнеса России, в сравнении с индексами ведущих стран. Проведен анализ наиболее актуальных и важных проблем в правовом регулировании цифровой экономики. Отмечено влияние цифровой экономики на развитие киберпреступности. Особое внимание уделено соотношению взаимосвязей между организациями, гражданами и социально-экономическими системами в цифровом обществе.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационная безопасность, научно-технологический прогресс, информационные угрозы в экономической сфере, правовое регулирование информационной безопасности.

Golubeva A. S., *Irkutsk*

Legal support of the digital economy

The article is devoted to the consideration of legal documents regulating information security issues in Russia. The main trends and prospects for the development of digitalization of business in Russia are identified, in comparison with the indices of leading countries. The analysis of the most pressing and important problems in the legal support of the digital economy has been carried out. The influence of the digital economy on the development of cybercrime is noted. Particular attention is paid to the relationship between organizations, citizens and socio-economic systems in a digital society.

Keywords: digital economy, information security, scientific and technological progress, information threats in the economic sphere, legal regulation of information security.

Современный технический и социальный прогресс достигли впечатляющих масштабов, что не могло отложить неизгладимый отпечаток практически на все сферы жизни современного общества. Новые технологии, в том числе социальные, подарили обществу по-настоящему реальное ощущение безграничных возможностей в области изменения окружающего мира и действительности. Распространение цифровых технологий в течение длительного периода определяет траектории развития экономики и общества и уже не раз приводило к кардинальным изменениям в жизни людей [1].

Становление цифровой экономики – одно из приоритетных направлений для большинства стран – экономических лидеров, включая США, Великобританию, Германию, Японию и др. Как правило, для них характерны длительный период реализации «повестки цифрового развития» и преемственность приоритетов – от построения базовой информационно-коммуникационной инфраструктуры до формирования скоординированной политики в этой сфере и программ поддержки повсеместного внедрения цифровых технологий [2]. Согласно данным доклада Национального исследовательского университета Высшей школы экономики в 2019 г. Россия занимает 28-й пункт индекса цифровизации бизнеса, который измеряет скорость адаптации компаний к различным цифровым трансформациям, которые характеризуются использованием широкополосных Интернет сетей, облачных хранилищ, RFID-технологий, ERP-систем, а также вовлеченность организаций в системы электронной торговли (рис. 1) [5].

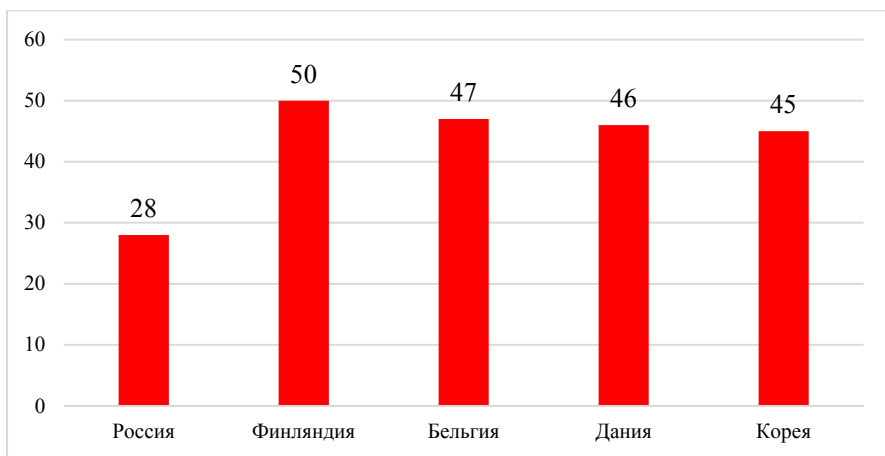

Рис. 1. Индекс цифровизации бизнеса России в 2019 г. в сравнении с индексами ведущих стран

Согласно данным рис. 1, Россия имеет один из низких индексов цифровизации бизнеса (28), в сравнении со странами лидерами: Финляндией (50), Бельгией (47), Данией (46), Кореей (45). Интенсивность использования в России отдельных технологий, учитываемых при расчете Индекса, отличается серьезной дифференциацией: широкополосный Интернет применяют 82 % организаций предпринимательского сектора, облачные сервисы – 23 %, ERP-системы – 19 %, электронные продажи – 12 %, RFID-технологии – 6 % [5].

Разрыв между российскими показателями и аналогичными данными по Финляндии варьирует в диапазоне от 9 до 43 п. п.: минимальный разрыв зафиксирован в таких сферах, как электронные продажи (9 п. п.) и исполь-

зование RFID-технологий (17), максимальный – в отношении облачных сервисов (43). В ближайшем будущем именно эффективное использование новых цифровых технологий будет определять международную конкурентоспособность как отдельных компаний, так и целых стран, формирующих инфраструктуру и правовую среду для цифровизации. Сегодня, на новом витке развития цифровых технологий, одним из главных вызовов становится экспоненциальный рост количества, качества и многообразия взаимосвязей между организациями, гражданами и социально-экономическими системами, сопровождающийся скачкообразной динамикой числа транзакций и объемов обрабатываемых данных и приводящий к более сложной и синхронизированной интеграции «всех со всеми», последствия которой еще не до конца осознаны [6].

Обществу еще предстоит справиться с нарастающими опасениями негативных последствий цифровизации, среди которых сжатие либо даже исчезновение традиционных рынков, замена некоторых профессий автоматизированными системами, рост масштабов киберпреступности, уязвимость прав человека в цифровом пространстве, угрозы сохранности цифровых пользовательских данных и пока еще низкий уровень доверия к цифровой среде. На фоне всеобщей тенденции к виртуализации преступности в различных сферах жизнедеятельности особенно актуальным становится процесс защиты от киберпреступности. Во многих странах, в том числе и нашей стране, разработан целый пакет нормативно-правового обеспечения действий по нивелированию распространения виртуальной преступности [3]. При ответе на эти вызовы на первый план выходят задачи регулирования цифровой экономики. Нормативно-правовое поле, регулирующее вопросы информационной безопасности в нашей стране сведем в данном исследовании к реализации национальных стратегий. Перечень стратегий, составляющих нормативно-правовое регулирование информационной безопасности в России, приведен в таблице.

Таблица

Нормативно-правовое регулирование информационной безопасности в России

Наименование документа	Год утверждения	Основное содержание регулирования вопросов защиты от деструктивной социальной инженерии	Реквизиты документа
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации	2015	Базовый документ стратегического планирования в области национальной безопасности, который определяет национальные интересы и приоритеты страны в области ведения внутренней и внешней политики. Содержит в себе меры по актуализации борьбы с внешними и внутренними угрозами (в том числе информационными)	Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683
Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации	2016	Важность совершенствования научно-технологического развития с целью формирования современной инфраструктуры профилактики и противодействия информационным угрозам	Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642

Окончание табл.

Наименование документа	Год утверждения	Основное содержание регулирования вопросов защиты от деструктивной социальной инженерии	Реквизиты документа
Доктрина информационной безопасности Российской Федерации	2016	Система официальных взглядов страны в области обеспечения ее безопасности в информационной сфере. В Доктрине рассмотрены: национальные интересы страны в сети Интернет, угроза информационной безопасности и информационная безопасность страны от внутренних и внешних угроз, система, силы и средства обеспечения безопасности страны в мировом информационном пространстве	Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646
Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года	2017	Описываются меры по преодолению информационных угроз в экономической сфере по отдельным отраслям: ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технической, финансовой	Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208
Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года	2019	Внедрение в область информационной безопасности элементов искусственного интеллекта с целью оперативного реагирования на деструктивные действия субъектов социальной инженерии	Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490

Исходя из данных таблицы, видим, что с 2015 по 2019 г. в Российской Федерации были приняты пять Стратегий. Все перечисленные документы регулируют вопросы защиты от деструктивной социальной инженерии.

Все Стратегии приняты указами Президента Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, являясь документом стратегического планирования, оставляет основу по определению мер в области национальной безопасности. Приоритетом является сохранение и защита национальных интересов в постоянно меняющихся условиях внутренней и внешней среды под влиянием внешнеэкономических угроз [7].

Анализируя данные Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, которая была принята в 2015 г. и стала одним из первых регулирующих документов в направлении реализации информационной безопасности в нашей стране, приходим к выводу, что нормативно-правовое регулирование вопросов деструктивного влияния социальной инженерии в нашей стране несколько опаздывает во времени от мер, принятых в других странах. Это означает, что все усилия страны направлены на преодоление уже сложившихся последствий от влияния деструктивной социальной инженерии, а не на их предупреждение.

Одним из основных направлений в области обеспечения национальной безопасности выделено повышение уровня технологической безопасности в информационной сфере.

Для повышения уровня безопасности, согласно документу, необходимо провести:

- 1) развитие системы образования и научного потенциала с восстановлением полного научного цикла;
- 2) развитие инновационной системы;
- 3) формирование системы фундаментальных и прикладных научных исследований;
- 4) развитие перспективных научных технологий;
- 5) активное развитие международных связей в области науки и образования для обмена опытом и др.

Приходим к выводу, что согласно данным Стратегии национальной безопасности, важным приоритетом развития нашей страны является преодоление разрыва и отставания от других стран в области науки и образования.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации является документом в области реализации информационной безопасности в Российской Федерации. В документе обозначены основные информационные угрозы, в число которых входит влияние социальной инженерии на современные информационные системы, а также описывается состояние информационной безопасности в мире.

Стратегической целью Доктрины является достижение информационной безопасности в контексте обороны страны и защиты интересов личности, социума и государства от информационных угроз, возникающих исходя из военно-политических угроз. Стабильность и безопасность информационного пространства страны является основой реализации настоящей Доктрины.

В число основных направлений обеспечения стабильности и безопасности информационного пространства страны, согласно Доктрине, входят:

- 1) сдерживание и предотвращение военных конфликтов, которые потенциально могут возникнуть вследствие информационного воздействия;
- 2) совершенствование системы информационной безопасности, а также прогнозирование, оценка и обнаружение информационных угроз;
- 3) повышение безопасности уровня информационной структуры, а также функционирования современных образцов вооружения;
- 4) нейтрализация и совершенствование систем информационной безопасности;
- 5) создание нормативно-правовой основы в области профилактики правонарушений, которые совершаются с непосредственным использованием информационных технологий и т. д.

В данной Доктрине, впервые предпринята попытка обеспечения профилактических мер в области информационной безопасности, а также нормативно-правовое обеспечение профилактики деструктивной социальной инженерии и преодоления ее последствий.

Важность совершенствования научно-технологического развития страны отмечена в Стратегии научно-технологического развития Российской

Федерации. В Стратегии описывается необходимость формирования эффективной системы коммуникации в области развития технологий, науки и образования, а также возможность выявления и участия талантливой молодежи в разработке новых технологий защиты от деструктивной социальной инженерии.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации создана с целью решения технологических, кадровых, производственных проблем в области противодействия информационным угрозам. На основании разработок, ведущихся в рамках реализации приоритетных направлений документа, предполагается дальнейшая коммерциализация результатов интеллектуальной собственности и привлечения дополнительных инвестиций в реализацию дальнейших разработок, проводимых в рамках Стратегии.

Важность защиты от информационных угроз в области экономической безопасности описывается в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. Стратегия разработана и утверждена в 2017 г., что является достаточно поздней мерой, учитывая, что первые угрозы от деструктивной социальной инженерии в экономической сфере были актуализированы с конца XX в. Данный документ разработан в рамках стратегического планирования и прогнозирования в Российской Федерации. В Стратегии описана необходимость защиты информационного воздействия, которое может стать причиной снижения уровня благосостояния экономической сферы страны. Решением потенциальных проблем в области информационной безопасности, согласно документу, может стать:

- 1) снижение объемов импорта и зависимости российской экономики от него;
- 2) развитие технологий и внедрение их в системы экономической безопасности страны;
- 3) регулирования трансфера отечественных уникальных технологий;
- 4) развитие и поддержка инноваций и инновационных проектов в области развития информационной безопасности;
- 5) совершенствование правовой системы в области защиты информационной безопасности отечественных экономических систем;
- 6) развитие кредитной политики и инвестиционной политики.

Важно отметить, что Стратегия описывает конкретные цели и конкретные показатели эффективности (степень износа основных фондов, объемы ВВП и ВРП, ввоз капитала, уровень экономической интеграции и т. д.), которые, на первый взгляд, входят число социально-экономических показателей, но при детальном изучении документа становится ясно, что развитие каждого из перечисленных пунктов напрямую связано с угрозой экономической безопасности в области защиты информационных экономических технологий от деструктивной социальной инженерии.

Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. является документом, который содержит в себе комплекс тех-

нологических решений, которые имитирует когнитивные функции человека (в том числе функцию самообучения), которые помогут создать принципиально новые инструменты защиты информационной безопасности.

Искусственный интеллект не может заменить человеческий фактор при принятии решений, но Стратегия подчеркивает необходимость создание систем помощи при принятии данных решений. Одной из целей реализации документа является технологический суверенитет и повышение эффективности применения новых технологий в области защиты экономической и информационной безопасности.

Таким образом, выше были рассмотрены пять документов, регулирующих процессы защиты информационной безопасности в России в нашей стране: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Анализируя документы, приходим к выводу, что процесс правового регулирования информационной безопасности в нашей стране несколько отстает от мер, принимаемых в других странах (у нас в стране качественный процесс принятия данных документов начался только в 2015 г.).

В содержание регулирования входит: обеспечение национальной безопасности, информационной безопасности, совершенствование научно-технологического прогресса, преодоление информационных угроз в экономической сфере и развитие искусственного интеллекта. Данные меры описывают поступательный процесс реализации национальной политики по предупреждению и преодолению деструктивного влияния социальной инженерии в контексте защиты от внутренних и внешних социальных угроз.

Список литературы

1. Мартынова Л. Е., Назарова К. Е., Попков С. М. Социальная инженерия и информационная безопасность // Молодой ученый. 2017. № 1 (135). С. 61–63.
2. Сычев А. М. Кибератаки: миф или реальность // Финансы. 2017. № 1. С. 61–65.
3. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 5–19.
4. Телефонный фрикинг // Центр информационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://itvolga.com/blog/phone-freeking> (дата обращения: 01.09.2020).
5. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение // НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/261078389.html> (дата обращения: 30.08.2020).
6. Тимофеев А. Все онлайн: как коронавирус помог цифровизации [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/10_a_13044061.shtml (дата обращения: 01.09.2020).
7. Актуальные киберугрозы: итоги 2019 г. // Positive technologies : офиц. сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/> (дата обращения: 30.08.2020).

УДК 33.43
ББК 55.67

Волынкина О. С., *Иркутск*

Правоотношения в сетевой сфере

Рассматривается специфика правоотношений в сетевой сфере. В рамках анализа поставленной темы дается характеристика виртуального пространства и сети Интернет как юридического пространства выделяется специфика правоотношений, возникающими между участниками сети Интернет. Обозначаются основные особенности правоотношений, возникающих и протекающих между субъектами правоотношений внутри интернет-пространства. Анализируются основные проблемы, возникающие в связи с необходимостью правового регулирования правоотношений, протекающих в киберпространстве. Выделяются различия между правоотношениями внутри сети и вне сетевого взаимодействия. Определяется основная проблема, существующая в области правового регулирования правоотношений, возникающих в виртуальном пространстве, и определяются основные перспективы ее разрешения в обозримом будущем.

Ключевые слова: интернет, виртуальное пространство, правоотношения, информационное право, транснациональное информационное право.

Volynkina O. S., *Irkutsk*

Legal relations in the network sphere

This article examines the specifics of legal relations in the network sphere. As part of the analysis of the topic, the author gives a characteristic of the virtual space and the Internet as a legal space, highlights the specificity of legal relations arising between the participants of the World Wide Web. The main features of legal relations that arise and flow between the subjects of legal relations within the Internet space are highlighted. The main problems arising in connection with the need for legal regulation of legal relations in cyberspace are highlighted and analyzed. The main differences between legal relations within the network and outside the network interaction are highlighted. The main problem that exists in the field of legal regulation of legal relations arising in the virtual space is highlighted, and the main prospects for its resolution in the foreseeable future are determined.

Keywords: internet, virtual space, legal relations, information law, transnational information law.

Широкая распространенность информационно-коммуникационных технологий обеспечивает для огромного количества людей доступ в виртуальное пространство и способствует, таким образом, трансформации сложившейся системы социальных связей между людьми и, как следствие, развитию транснациональных правоотношений между индивидами. Сеть Интернет, в сущности, выступает необходимой основой для развития виртуальной социальной среды, выполняя функцию коммуникатора, «дополнительного» пространства для социальной коммуникации, самореализации и прочих форм активного участия человека в общественной жизни.

При этом совершенно закономерно, что большая часть существующих социальных институтов современного общества «мигрирует» в виртуальное пространство, в том числе и представление о праве и правоотношения, служа как носитель социальных ценностей и нормативный регулятор поведения разнообразных субъектов правоотношений. При этом совершенно естественно, что правоотношения, как и право само по себе, должно трансформироваться сообразно новой среде, причем этот вывод справедлив как относительно национального права, так и относительно международного [7].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить специфику трансформации права внутри сетевой сферы, виртуального пространства, рассмотрев актуальную в современности проблематику правоотношений в сети Интернет [11]. Начать следует, разумеется, с выделения ключевых характеристик виртуального пространства как коммуникационной среды и его особенностей в этом качестве.

По мнению научного сообщества, интернет представлен одновременно двумя компонентами – техническим и социальным. Что характерно, эти компоненты оказываются неразделимы при анализе виртуальной коммуникационной среды: единство социальной и технической сторон виртуального пространства закономерно приводит нас к выводу о необходимости дополнения или изменения действующей системы правового регулирования с учетом особенностей информационных отношений, распространившихся в современности. Подчеркивая единство технического и социального компонента как базовой характеристики виртуального пространства, И. М. Рассолов определяет виртуальное пространство как «сферу социальной деятельности, связанную с оборотом информации в сети Интернет, а также в прочих информационно-коммуникационных сетях» [16].

Итак, предметом информационного права или права, действующего в рамках интернет-пространства, выступают осуществляемые в информационно-коммуникационном пространстве общественные отношения, сформированные в результате электронной экономической деятельности или электронной гуманитарной деятельности. В свою очередь, под электронной экономической деятельностью мы понимаем такую предпринимательскую деятельность, которая была сформирована в информационной среде посредством обращения к материально-техническим средствам коммуникации.

В целом, справедливо будет сделать вывод о том, что любые взаимодействия между субъектами внутри виртуального пространства включают в себя правовой аспект, поскольку все участники являются носителями субъективных прав и обязанностей внутри данного пространства [9; 10]. При этом и сами взаимодействия возникают в том числе и в процессе воздействия различных норм информационного, международного и иных отраслей права на поведение участников отношений.

Далее рассмотрим условия возникновения правоотношений в сфере сетевого пространства. Совершенно естественно, что для возникновения правоотношений необходимо наличие предпосылок: наличие норм права, правоспособности действующих субъектов, а также юридических фактов.

Наличие нормативных правовых основ и правоспособности отдельных субъектов мы можем презюмировать, исходя из того факта, что конкретные пользователи сети Интернет являются субъектами национального права страны, в которой находятся в момент произведения виртуальных интеракций, а также в некотором смысле субъектами международного права.

Кроме того, следует выделить такую предпосылку, специфичную лишь для возникновений правоотношений в виртуальном пространстве, как объективная способность пользователя взаимодействовать с сетью интернет: возможность доступа, материально-техническая база, наличие права на виртуальные взаимодействия.

Рассмотрим некоторые виды правоотношений, реализуемых посредством виртуального пространства, в качестве примера опираясь на опыт правового регулирования российского сегмента сети Интернет [13]:

При анализе взаимодействий, протекающих внутри виртуального пространства, мы можем обратить внимание на тот факт, что интернет используется как информационно-коммуникационное пространство в том числе для распространения той или иной информации, обмена услугами и товарами. Соответственно, в некотором смысле можно утверждать, что в виртуальном пространстве реализуется экономическая деятельность, выраженная в движении материальных или нематериальных благ от одних лиц к другим.

В случаях, когда виртуальное пространство выступает основой для имущественных отношений, правоотношения регламентируются действующими на территории государствами участников правоотношений юридическими нормами в рамках действующей юрисдикции данных государств. В сущности, даже обмен информацией может и должен рассматриваться как правовое взаимодействие, поскольку, согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации», сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, независимо от формы их представления, выступают в качестве полноценного объекта гражданских прав (согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ). При этом важно отметить, что отношения обмена внутри сетевой сферы, равно как и процесс движения материальных и нематериальных благ, требует разработанности категории «собственность» и, следовательно, правового обеспечения понятия собственности.

Так, информация, представленная в определенной уникальной форме (например, новостной текст), архивы информации, информационные системы – все это является, в сущности, собственностью тех или иных субъектов гражданских правоотношений, представленными внутри виртуального пространства [8]. Иначе говоря, виртуальное пространство в достаточно полной мере обеспечивает возможность наличия имущественных отношений между участниками сети, регламентируемых в качестве предмета гражданского права конкретного государства.

Далее обратимся к неимущественным правовым отношениям, имеющим место в виртуальном пространстве и регулируемых нормами гражданского права.

Итак, согласно ст. 150 Гражданского кодекса РФ, к нематериальным духовным благам, в отношении которых могут складываться неимущественные правовые отношения, являются жизнь и здоровье человека, лич-

ное достоинство, честь и доброе имя, деловая репутация и прочее. Все перечисленные духовные блага непосредственно связаны с носителем, т. е., в сущности, субъектом гражданских правоотношений. Как правило, система гражданского права обеспечивает возможность защищать данные нематериальные блага различными средствами, в частности – предоставляя субъекту правоотношений возможность предъявления судебных исков с целью пресечения тех или иных действий, которые нарушали бы его законные права или интересы [1].

Так, например, распространение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или юридического лица, – субъекта правоотношений, – осуществленное в интернете становится предметом системы гражданского права и является, таким образом, доказательством возможности наличия внутри виртуального пространства неимущественных правоотношений, складывающихся в отношении нематериальных благ. Более того, действующая в Российской Федерации юридическая норма, изложенная в п. 6 ст. 152 ГК РФ, предполагающее возможность субъекта правоотношений защищать свои права даже в тех случаях, когда невозможно установить лицо, ущемившее права и законные интересы гражданина, может широко применяться в виртуальном пространстве, поскольку зачастую распространение порочащей честь и достоинство информации в сети происходит анонимно [1].

Другим примером неимущественных правоотношений, представленных в виртуальном пространстве, могут служить правоотношения, складывающиеся в отношении объектов творческой деятельности. Применительно к виртуальному пространству такими объектами могут признаваться, например, web-страницы, уникальные тексты, графические произведения, представленные в виртуальном пространстве. Все неимущественные правоотношения относительно объектов творческой деятельности, представленных в виртуальном пространстве, основываются на нормах гражданского права государств, гражданами которых являются участники данных правоотношений.

Интернет представляет собой, в сущности, всемирную базу информации, включающую в себя множество информационных массивов, соединенных телекоммуникационной сетью. При помощи интернета и виртуального пространства как такового формируется так называемое информационное пространство, представляющее, в свою очередь, основу современного информационного общества.

Вместе с тем, актуален целый ряд проблем в области правового регулирования в сфере информационно-коммуникационной сети Интернет.

Данные проблемы в первую очередь вытекают из отсутствия сформированного единого подхода к виртуальному пространству с точки зрения права ввиду недостаточной проработанности различных нормативных положений внутри правовых систем. Поскольку глобальная сеть также не может быть отнесена к конкретному суверенитету, интернет формально пред-

ставляет собой пространство без собственных юридических норм – поэтому конкретные государства обеспечивают правовой контроль над взаимодействиями в виртуальном пространстве посредством собственных законодательств в рамках своей собственной территории и только в отношении интернет-пользователей, являющихся гражданами данных государств [12].

В сущности, интернет не является ни юридическим лицом, ни зарегистрированной организацией, ни международной организацией, и не находится под контролем той или иной отдельной страны мира, равно как не представляет ни одну конкретную страну мира. Справедливо будет сказать, что используемые в интернете ресурсы принадлежат по праву собственности субъектам правоотношений, однако универсальные юридические нормы, согласно которым регламентируются правоотношения в виртуальном пространстве, не существуют.

Формирование правоотношений в сетевой сфере налагает на правоотношения особый отпечаток, способствует их трансформации, обеспечивая их значимое отличие от подобных правоотношений, которые формируются вне виртуального пространства. Для того чтобы выделить подобные отличия, рассмотрим элементы правоотношений: субъекты, объекты, содержание и основание возникновения правоотношений [14].

Субъектами правоотношений могут быть физические и юридические лица, международные организации, государства, субъекты и муниципальные образования государств. Все перечисленные субъекты могут быть представлены в виртуальном пространстве и выступать, таким образом, участниками протекающих в нем правоотношений [6,7]. При этом, в сущности, различные субъекты правоотношений, существующие в различных правовых системах, делят единое виртуальное пространство, которое не имеет собственной юридической регламентации. Как следствие, правоотношения между субъектами правоотношений внутри виртуального пространства с большей вероятностью становятся международными правоотношениями по своей сути, что значительно затрудняет правовую регуляцию возникающих между участниками сети взаимодействий.

То же касается и объектов правоотношений, к которым относятся различные вещи, денежные средства и ценные бумаги, различное имущество, имущественные права, работы и услуги, информация. В случае с материальными объектами правоотношений регламентация происходит согласно нормам государства, на территории которого материальный объект располагается, однако в случае с регламентацией нематериальных объектов правоотношений ситуация значительно усложняется: поскольку нематериальные объекты правоотношений представлены лишь в виртуальном пространстве, возникает сложность с пониманием, под юрисдикцией какого конкретного государства находится этот объект, и сообразно каким юридическим нормам он должен регулироваться.

Наконец, это же отличие справедливо и касательно содержания и основания возникновения правоотношений: невозможность однозначного определения норм и принципов в отношении того или иного элемента правоотношения значительно усложняет правовые отношения внутри виртуальной сферы.

Так, всю совокупность возникающих и протекающих в виртуальном пространстве правоотношений можно свести к нескольким основным видам, в зависимости от специфического предмета правоотношений [3,4,5]:

1. Правоотношения, которые реализуются в отношении доступа к сети Интернет, например между потребителями-пользователями и поставщиками услуг доступа, различных телекоммуникационных сервисов, информационных продуктов и прочего.

2. Частные правоотношения имущественного (например, электронные платежи, реализуемые посредством сети Интернет) и неимущественного характера, осуществляемые посредством виртуального пространства.

3. Публичные правоотношения, которые связаны с предоставлением управленческих услуг между государством и частными лицами и выполнением правоохранительных функций.

Данные виды правоотношений производятся в виртуальном пространстве и формально регулируются одновременно национальными правовыми системами конкретных государств и международным частным правом, при этом проблема правовой юрисдикции в виртуальном пространстве остается нерешенной.

Важно отметить, что попытки сформировать транснациональное информационное право, основанное на правовых нормах, разработанных в сотрудничестве между всеми крупными субъектами, представленными в виртуальном пространстве, время от времени производятся. Так, одной из форм таких попыток является регулярное проведение всемирных форумов: показательным примером такого форума является Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, проходившая в Женеве в 2003 г., в Тунисе – в 2005 г., в Женеве – в 2015 г., а также ежегодный Форум по управлению Интернетом (IGF). Тем не менее, разработка единой действующей системы регуляции правоотношений в сетевой сфере далека от завершения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. федеральных законов от 02.12.2004 N 156-ФЗ, от 03.06.2006 N 73-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Акимов И. М. Правовая защита права использования аккаунтов в социальных сетях в сети Интернет и права на их использование // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 4. С. 20–26.
3. Архипов В. В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2016. 249 с.

4. Архипов В. В., Наумов В. Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 186–196.
5. Архипов В. В., Наумов В. Б., Пчелинцев Г. А., Чирко Я. А. Открытая концепция регулирования интернета вещей // Информационное право. 2016. № 2. С. 18–25.
6. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.
7. Бачило И. Л. Свободный доступ к информации и Интернет // Информационное общество, 2000. Вып. 4. С. 42–44.
8. Бегичев А. В. Вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также авторских и иных прав в сети Интернет // Нотариальный вестник. 2013. № 6. С. 25–30.
9. Булатецкий Ю. Е. Правовое обеспечение электронной торговли // Коммерческое (торговое) право / под ред. Ю. Е. Булатецкого. М. : Наука, 2002. С. 880–886.
10. Васичкин К. А. Регулирование деятельности информационных посредников в целях охраны интеллектуальных прав в сети Интернет по законодательству России, США и ЕС // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1180–1184.
11. Волков Ю. В. Информационные правоотношения // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2013 : материалы XV Международной научно-практической конференции (Юрид. ф-т Южно-Уральского гос. ун-та, 29–30 марта 2013 г.). Ч. 1. Челябинск : Цицеро, 2013. С. 145–149.
12. Галушкин А. А. К вопросу о перспективах правового регулирования деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Российского университета дружбы народов: Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 372–378.
13. Еременко В. И. Совершенствование законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Законодательство и экономика. 2015. № 8. С. 19–28.
14. Касенова М. Б., Якушев М. В. Управление интернетом. Документы и материалы. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 396 с.
15. Курбалий И. Управление Интернетом. М. : Координационный центр национального домена сети Интернет, 2010. 208 с.
16. Рассолов И. М. Право и Интернет: теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2009. 383 с.

УДК 004.9
ББК 67.400.3

Кошкин В. В., Никерин М. П., Радина Э. Л.,
Шиханова Е. Г., *Самара*

Перспективы правового регулирования криптовалюты на территории РФ

Поднимается вопрос правового статуса криптовалюты в современном мире. Определяются проблемы и риски, связанные с ее использованием. Отмечаются перспективы правового регулирования на территории РФ.

Ключевые слова: правовое регулирование, электронные деньги, криптовалюта, биткоин.

Koshkin V. V., Nikerin M. P., Radina E. L.,
Shikhanova E. G., *Samara*

Prospects's legal regulation of cryptocurrency in the Russian Federation

The authors raise the issue of the legal status of cryptocurrency in the modern world. Problems and risks associated with its use are identified. The prospects of legal regulation in the territory of the Russian Federation are noted.

Keywords: legal regulation, electronic money, cryptocurrency, bitcoin.

Деньги – плод исторического развития, появление которого связано с обменом товаров. В разное время деньги имели разную форму: можно было расплатиться скотом, зерном, мехом, золотыми слитками, металлическими монетами, бумажными купюрами, распиской, чеком или, наконец, электронными деньгами. Мир не стоит на месте, появляются новые технологии, новые эквиваленты денег и новые термины. О криптовалюте первый раз узнали в 2009 г. после создания платежной системы «Биткойн», разработанной группой людей под псевдонимом Сатоси Накамото. Проанализируем данное понятие и разберемся в проблеме правового регулирования криптовалюты в Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является определение целесообразности легализации криптовалюты в РФ. Нами предприняты попытки доказать, что создание законодательной базы в области криптовалюты будет способствовать развитию экономики государства. В контексте данного исследования мы решили рассмотреть несколько задач, которые помогут нам лучше изучить проблему и выяснить, является ли верной наша гипотеза. Первой задачей является конкретизация термина «криптовалюта» и выявление отличий от традиционных денег в электронном виде. Ряд исследователей предлагают понимать под криптовалютой «разновидность цифровой валюты, создание которой основывается на криптографических методах обеспечения конфиденциальности, аутентификации и целостности данных» [8]. Первое отличие криптовалюты от обычных денег в электронном виде – криптовалюта никак не связана с государственной валютной системой и выпускается непосредственно в Сети, банки и прочие органы надзора не имеют возможности контролировать операции. Для обычной валюты электронный вид – это одна из форм физического воплощения, т. е. сначала физические деньги должны быть внесены на счет через банк. Соответственно, обычные деньги централизованы, криптовалюта – децентрализована. Второе отличие – определенная анонимность, переводы не содержат никакой конфиденциальной информации, однако все транзакции общеизвестны, а для использования обычной валюты требуется идентификация пользователя по документам, удостоверяющим личность. Третье отличие состоит в том, что криптовалюту нельзя подделать. Блокчейн, ациклический граф и другие технологии обеспечивают сильную защиту, что не позволяет взломать или подделать виртуальную валюту. Все это отличает криптовалюту от привычных нам денег [1; 4].

Первоначально биткойн использовали люди, которые стояли у истоков зарождения криптовалюты, но сейчас рост ее популярности только увеличивается. Согласно данным, приведенным на официальном сайте капитализации криптовалют, в январе 2018 г. стоимость всех криптовалют в мире превысила 800 млрд долл. [3]. Новый платежный инструмент настолько

быстро набирает популярность, что центробанки разных стран не могут игнорировать его распространение и начинают искать подход к его регулированию. Именно поэтому во второй задаче мы решили рассмотреть статус криптовалюты в странах мира.

Существует много платежных систем в разных странах мира, принимающие биткоин. Во многих странах появляются банкоматы, способные превращать монеты в обычные деньги. Криптовалюта представляет интерес для многих стран, они вводят ее в свой экономический оборот, благодаря определенному правовому регулированию [5].

В ноябре 2015 г. Европейский суд вынес решение, согласно которому Bitcoin необходимо считать именно валютой (средством платежа), а не товаром. Таким образом, операции по купле и продаже Bitcoin за традиционные фиатные валюты не должны облагаться [9]. До этого национальные регуляторы по-разному относились к обложению криптовалюты этим налогом.

В США криптовалюта приравнивается к имуществу, а с января 2018 г. все транзакции облагаются налогом [10]. В Канаде оплата товаров или услуг с помощью криптовалюты подлежит налогообложению как бартерная сделка [9]. В Сингапуре криптовалюта – финансовый актив, а не платежное средство. Согласно исследованием Совета по финансовой грамотности, в будущем не исключается возможность выпуска национальной криптовалюты. В Великобритании биткойн рассматриваются как иностранная валюта, однако сейчас разрабатывается проект национальной валюты – криптофунт [10].

В Беларуси в декабре 2017 г. был подписан декрет «О развитии цифровой экономики». Беларусь стала первой в мире страной со всеобъемлющим правовым регулированием криптовалютных операций и деятельности физических и юридических лиц, связанной с технологией блокчейн. Закон носит либеральный характер и предусматривает условия проведения операций с криптовалютами для юридических и физических лиц [2].

Почти во всех странах криптовалюта не изучена до конца, а правовая база практически не разработана. Многие страны только начинают предпринимать попытки выпуска законов, где-то вопрос правовых отношений вообще не решен. Для дальнейшего исследования необходимо понять правовой статус криптовалюты в Российской Федерации.

Правовой статус криптовалют и операций с ними в России не определен. В соответствии с Конституцией РФ, денежной единицей является рубль, а денежная эмиссия осуществляется исключительно ЦБ РФ [6]. Статья 27 ФЗ «О Банке России» устанавливает запрет на выпуск «денежных суррогатов» – эквивалента, выполняющего функции законной денежной единицы [11].

В соответствии с письмом Федеральной налоговой службы Российской Федерации о мерах по осуществлению контроля за обращением криптовалют, российское законодательство не содержит понятий «денежный суррогат», «криптовалюта» и «виртуальная валюта» [7].

В 2014 г. глава Сбербанка Герман Греф на экономическом форуме в Давосе заявил: «Криптовалюты – это очень интересный международный эксперимент, который ломает парадигму валютной эмиссии. И их, определенно, не стоит запрещать, но следует попытаться понять, изучить и, возможно, начать правильно регулировать» [12]. Мы согласны с этим мнением и считаем, что для регулирования криптовалюты необходимо сначала определить ее статус в законодательстве.

Если говорить о будущих возможностях развития криптовалюты в России, то мы считаем, что принимать криптовалюту в РФ в том виде, в котором она сейчас существует, а именно децентрализованном, не будет логично для государства. Ведь в таком случае государство не может регулировать разные транзакции, идентифицировать валютный счет с конкретным гражданином, потому что участники операций остаются анонимными. Такие сделки могут способствовать финансированию терроризма, продаже оружия и наркотиков, ведь можно совершить операцию, обойдя банки и государственные органы. Если у криптовалюты начнет расти популярность, то она может вытеснить реальные деньги, что негативно скажется на стабильности экономики, ведь национальная валюта является ее основой функционирования.

По нашему мнению, решение кроется в создании национальной криптовалюты, но для ее удачной легализации необходимо будет изменить процесс ее работы. Строго говоря, от криптовалюты останется только математическая модель, а сама она станет централизованной, объем ее средств будет определять центральный банк. Важность этого вывода, на наш взгляд, обуславливается рядом преимуществ перед привычными нам деньгами. Во-первых, криптовалюту нельзя украсть и подделать. Во-вторых, государственная криптовалюта станет универсальной электро-денежной системой. Сейчас транзакции через банковские карты являются дорогими, так как идут через операторов Visa, MasterCard и др., а криптовалюта позволит это делать практически с нулевой стоимостью. В-третьих, это позволит видеть абсолютно все операции с деньгами и контролировать банки, в целях предотвращения кризисов. Очевидно, что это сделает экономику более стабильной.

В ходе обработки всех материалов мы приходим к выводу, что создание законодательной базы в области криптовалюты действительно будет способствовать развитию экономики государства. Реализация этой системы будет сопровождаться развитием технологической и финансовой сфер, что даст предпосылки для улучшения и роста других отраслей. Осмысление всех фактов позволяет нам понять, что если объявить криптовалюту полноценным аналогом государственной денежной единицы и учесть определенные особенности для существования криптовалюты, то это, определенно, поднимет экономику на новый уровень.

Список литературы

1. Арянова Т. Цифровые валюты vs. Криптовалюты: В чем разница (2017) [Электронный ресурс] URL: <https://ru.ihodl.com/tutorials/2017-12-21/cifrovye-valyuty-vs-kriptovalyuty-v-chem-raznica/>
2. Воронин Д. А. Мировой опыт правового регулирования криптовалюты. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 8 (34). С. 64–66.
3. Глобальные графики [Электронный ресурс] URL: <https://coinmarketcap.com/charts/>
4. Енник А. В. Перспективы развития криптовалют // Economics. 2018. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-kriptovalyut>
5. Квитка А. В., Зайцева Е. И. Криптовалюта: сущность и тенденции развития в современных условиях. (2015) [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/331648086_kriptovaluta_susnost_i_tendencii_razvitiya_v_sovremennyh_usloviyah
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // СПС «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
7. О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют) : письмо ФНС России от 03.10.2016 N ОА-18-17/1027) // СПС «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
8. Пешеров А. И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств // Юридическая мысль. 2016. Т. 95. № 3. С. 130–138.
9. Правовое регулирование криптовалютного бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <https://axon.partners/wp-content/uploads/2017/02/Global-Issues-of-Bitcoin-Businesses-Regulation.pdf>
10. Регулирование криптовалют в разных странах мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fingramota.org/lichnye-finansy/investitsii-i-sberezheniya/item/2340-regulirovanie-kriptovalyut-v-raznykh-stranakh-mira>
11. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 N 86-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
12. Хидзев А. Т. Криптовалюта: правовые подходы к формированию понятия // Право и современные государства. 2014. № 4. С. 3–4.

УДК 349.9
ББК 67.400.3

Шкодина Е. С., Шиханова Е. Г., *Самара*

К вопросу о международно-правовой регламентации киберпреступлений

Представлен анализ отдельных вопросов правовой регламентации киберпреступлений. Особое внимание уделяется таким видам, как кибертерроризм, кибермошенничество; отмечается институт финансовых преступлений, который обладает интегративными свойствами по отношению к вышеуказанным. В процессе исследования авторами выявлены проблемы правового регламентирования киберпреступлений.

Ключевые слова: правовая регламентация, киберпреступления, кибертерроризм, кибермошенничество, финансовые преступления, киберпреследование.

Shkodina E. S., Shikhanova E. G., *Samara*

On the issue of legal regulation of cybercrime

The article presents an analysis of certain issues of legal regulation of cybercrime. Special attention is paid to such types as: cyberterrorism, cyber fraud, and the Institute of financial crimes, which has integrative properties in relation to the above. In the course of the research, the authors identified the problems of legal regulation of cybercrime.

Keywords: legal regulation, cybercrime, cyberterrorism, cyber fraud, financial crimes, cyber-crime.

С каждым годом возрастает влияние цифровых технологий, которые охватывают практически все сферы жизнедеятельности. Вместе с тем, глобальная информатизация и цифровизация имеет ряд последствий негативного характера. К таким можно отнести рост количественных и качественных показателей совершаемых киберпреступлений. Целью настоящего исследования является анализ наиболее значимых, на наш взгляд, видов киберпреступлений, закрепленных в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 [8].

Анализ международно-правовой регламентации киберпреступлений, позволяет утверждать, что термин «киберпреступность» не имеет нормативного закрепления. В Будапешской Конвенции ETS N 185 [8], на сегодняшний день являющейся одним из ключевых документов международно-правового регулирования в указанной сфере, определены ряд терминов: «компьютерная система», «компьютерные данные», «данные о потоках», которых недостаточно для формулирования феномена и последующего использования его в профессиональной коммуникации и правоприменении. В связи с чем, предполагаем возможным обратиться к современным исследованиям проблем расследования киберпреступлений с целью конкретизации феномена. Так, в русле настоящей работы под киберпреступлением следует понимать преступление, совершаемое в киберпространстве с помощью компьютерных систем и других цифровых информационных технологий [1]. Объектами киберпреступлений выступают отношения, связанные с хранением, передачей и обработкой информации в цифровом пространстве.

Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 [8] включает в себя IV главы, основное содержание которых включает информацию о различных видах преступлений, а также об ответственности, которая последует после совершения деяния. Настоящий документ проанализирован нами на предмет регламентации таких видов преступлений, как: кибертерроризм и кибермошенничество.

Подраздел 2 главы I посвящен правонарушениям с использованием компьютерных средств. Так, ст. 8 конвенции посвящена мошенничеству с использованием компьютерных технологий. Основными наиболее распространенными методами мошенничества являются киберпреступления, направленные на изменение компьютерных данных, телефонное мошенничество, преступления в банковской сфере (например, незаконные операции с платежными средствами) [6].

Остановимся на мошенничестве в банковском секторе. Количество киберпреступлений в банковской сфере растет с каждым годом. Хакеры с помощью информационных технологий получают доступ к закрытым банковским системам. Авторы трактуют определение финансовых преступлений

по-разному. Финансовое преступление – это общественно-опасное деяние, основной целью которого является хищение денежных средств [3].

По нашему мнению, самый распространенный способ ИТ-мошенничества – это мошенничество с использованием различных средств коммуникации. Преступники достаточно часто представляются работниками банка и вводят клиента в заблуждение, предупредив, что его денежные средства находятся под угрозой. Чтобы обезопасить свои счета, клиент общается «сотруднику банка» данные о своей карте [7].

Также встречается множество мошеннических сайтов, которые являются полностью идентичными официальным сайтам банков. Жертва мошенничества вводит персональные данные для доступа к собственному счету. Таким образом, мошенники практически моментально получают все данные для доступа.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что виды киберпреступлений в банковском секторе представлены в конвенции, как «Правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств», однако, недостаточно конкретизированы. Развитие информационных технологий влечет за собой усложнение механизма совершения преступлений, а, соответственно, и процесс их расследования. Необходимо актуализировать нормативно-правовое регламентирование данного вида киберпреступлений и сделать максимально доступной для правоприменения в целях успешной международной коммуникации в процессе расследования.

Современное поколение находится под сильным влиянием информационных технологий. С самого детства дети уже умеют пользоваться различными техническими средствами (телефоны, компьютеры). Пользователи получают из интернета множество неотфильтрованной информации, в то время как, киберпреступники используют данную возможность для воздействия на общество и, в частности, на молодежь [2]. Преступники применяют различные информационно-телекоммуникационные системы для связи между собой, так и для общения с потенциальными жертвами. Таким образом, в рамках исследуемого раздела Конвенции, по нашему мнению, находится кибертерроризм, который вообще не упоминается в Конвенции и попадает под правовую регламентацию другими международными актами. В качестве базового определения, предлагается использовать определение Галушкина А. А., который определяет «кибертерроризм» как незаконное использование информационного пространства в целях организации различных общественно-опасных террористических действий [4].

Немаловажным аспектом кибертерроризма является то, что преступник может осуществлять общественно-опасные действия находясь абсолютно в любом месте и даже за пределами государства, в котором запланирована кибератака [5]. Для борьбы с кибертерроризмом задействованы множество государственных, межгосударственных и международных органов и организаций, которые использует все те же информационные технологии с це-

люю отслеживания фактов вербовки, каналов коммуникации террористов и т. д. Однако, по нашему мнению, в целях «профилактики» кибертерроризма, необходимо реализовывать государственные программы правового воспитания, активно использовать все возможные социальные институты для трансляции грамотной политики правового просвещения, создавать доступный контент для разного возрастного диапазона граждан, устранять и минимизировать воздействие негативного контента в интернете, активно бороться с фейковыми новостями.

Преступления в киберпространстве охватывают большой массив информации и затрагивают практически все сферы общественной жизни. По нашему мнению, необходимо как можно быстрее разрабатывать механизмы регулирования данного феномена, расширять и конкретизировать правовую базу, а также повышать уровень правовой ориентированности и просвещенности у населения.

Список литературы

1. Борова Д. М. Расследование киберпреступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 173–175.
2. Бураева Л. А. Кибертерроризм в молодежной среде // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 2. С. 271–274.
3. Варсеев В. В. Основные причины совершения финансовых преступлений // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С. 92–94.
4. Галушкин А. А. К вопросу о кибертерроризме и киберпреступности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 44–49.
5. Диденко А. И. Противодействие кибертерроризму // Отечественная юриспруденция. 2016. № 11 (13). С. 21–26.
6. Кочкина Э. Л. Определение понятия «Киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 162–169.
7. Хачатурова С. С. Киберпреступления в информационном обществе // Проблемы Науки. 2016. № 11 (53). С. 99–100.
8. Computer Information Crime Convention ETS N 185 (Budapest, 23 November 2001) [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 10.08.2020).

УДК 347.76
ББК 67.43

Филиппова И. А., Тюмень

Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: первый взгляд

Исследование базируется на материале из открытых источников и посвящена утверждённой Правительством РФ в августе 2020 г. Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года. Отмечена роль России в формировании международно-правовых рамок регулирования искусственного интеллекта, показаны предпосылки формирования Концепции. Рассмотрена структура документа, отмечены базовые этические нормы, предусмотренные Концепцией. Рассмотрены принципы регулирования отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники. Приведены экспертные мнения относительно рассматриваемого документа. Сделан вывод о том, что концепция представляет собой сбалансированный документ, в котором учтены интересы общества, государства и компаний-разработчиков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робототехника, инновации, нормативно-правовое регулирование, информационное право.

Filippova I. A., Tyumen

The concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence technologies and robotics until 2024: first glance

The work is based on material from open sources and is devoted to the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024, approved by the Government of the Russian Federation in August 2020. The paper notes the role of Russia in the formation of the international legal framework for the regulation of artificial intelligence, shows the prerequisites for the formation of the Concept. The structure of the document is considered, the basic ethical norms stipulated by the Concept are noted. The principles of regulating relations that develop in connection with the development and application of artificial intelligence and robotics systems are considered. Expert opinions on the document under consideration are given. It is concluded that the concept is a balanced document that takes into account the interests of society, the state and development companies.

Keywords: artificial intelligence, robotics, innovation, regulation, information law.

В наши дни наблюдается стремительное развитие искусственного интеллекта по всему миру. В 2019 г. Совет Европы учредил комитет экспертов по искусственному интеллекту (Ad hoc Committee on Artificial Intelligence – САНАИ). Решение создать подобный орган обусловлено крайне высокими темпами развития машинного обучения, в связи с чем возникла необходимость правового регулирования этих процессов. Члены организации считают, что отсутствие правовой подоплеки может грозить людям дискриминацией, посягательством на личную жизнь и манипулированием со стороны различных онлайн-платформ.

Уже в начале июля 2020 г. на площадке САНАИ состоялась конференция, в которой участвовали более 250 представителей из 47 государств-

членов Совета Европы. Кроме того, на мероприятии присутствовали делегаты из других стран, включая Ватикан, Израиль, Мексику, США и Японию. Россию на заседании представили сразу два спикера – советник по международному сотрудничеству и координации Центра компетенций НТИ «Искусственный интеллект» МФТИ Андрей Кулешов и вице-президент «Сколтех» Максим Федоров. В марте профессор Федоров был среди десяти человек, которых пригласили в экспертную группу ЮНЕСКО по искусственному интеллекту. Эта группа призвана выработать рекомендации этических принципов разработки и использования ИИ.

Для экспертного сообщества приглашение отечественных специалистов для работы над регулированием сферы ИИ является закономерным, поскольку Россия играет активную роль в формировании международно-правовых рамок регулирования искусственного интеллекта. У российских ученых есть опыт, наработки и ресурсы для того, чтобы претендовать на лидирующие позиции в сфере разработок, основанных на искусственном интеллекте. Сегодня у России есть все шансы составить конкуренцию доминирующим США и Китаю на рынке интеллектуальных систем. Многие выходцы из России давно трудятся в крупнейших международных компаниях наравне с иностранными разработчиками. К сожалению, по ряду обстоятельств, российским специалистам приходится покидать страну, однако в некоторых регионах ситуация обнадеживающая – например, в столице. Сегодня Москва не уступает в плане количества, качества и плотности разработок в сфере ИИ. Многие специалисты не уезжают из Москвы, поскольку есть интересная работа, интересные задачи и развитое экспертное сообщество [1].

Учитывая ведущую роль России в сфере искусственного интеллекта, появление в августе 2020 г. Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года стало закономерным. Документ был утвержден распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р [3].

Подготовка Концепции заняла более одного года. Разработка документа велась под руководством Минэкономразвития России на площадках двух центров компетенций нацпрограммы «Цифровая экономика» – по федеральным проектам «Искусственный интеллект» (на базе Сбербанка) и «Нормативное регулирование цифровой среды» (на базе фонда «Сколково»). Всего над концепцией работало более 200 экспертов, представляющих лидирующие компании и научные центры в сфере цифровых технологий. Проект документа был рассмотрен и одобрен рабочими группами по направлениям «искусственный интеллект» и «нормативное регулирование цифровой среды» АНО «Цифровая экономика». В состав рабочих групп вошли представители органов власти, предпринимательского и научного сообществ.

Концепция разработана в соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённой указом президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, и состоит из пяти частей:

1. Общие положения (цели Концепции, цели и задачи регулирования, принципы регулирования и проблемы, а также направления регулирования).

2. Общеотраслевые вопросы: оборот данных, юридическая ответственность в случае применения систем искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники (РТ), экспорт систем ИИ и РТ, страховые институты, безопасность (в том числе информационная), термины и определения в сфере ИИ и РТ, разработка международных документов в сфере ИИ и РТ.

3. Отраслевые направления совершенствования регулирования применения технологий ИИ и РТ, такие как медицина, промышленность, транспорт, государственное и муниципальное управление, градостроительство, космическая деятельность и финансовое законодательство.

4. Регуляторные меры для финансового стимулирования развития отрасли, в том числе механизм государственно-частного партнерства.

5. Механизмы реализации концепции, способствующие созданию комфортной регуляторной среды для развития ИИ и РТ.

Концепция определяет принципы регулирования отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением систем ИИ и РТ:

- стимулирование развития технологий ИИ и РТ регуляторными средствами как основной вектор развития регулирования в обозначенный временной период («стимулирование как основа регулирования»);

- регуляторное воздействие, основанное на риск-ориентированном, междисциплинарном подходе и предусматривающее принятие ограничительных норм в случае, если применение технологий ИИ и РТ несёт объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений, правам человека и интересам общества и государства;

- расширение применения инструментов урегулирования и саморегулирования, формирование кодексов (сводов) этических правил разработки, внедрения и применения технологий ИИ и РТ;

- человеко-ориентированный подход, предусматривающий, что конечной целью развития технологий ИИ и РТ, направляемого посредством регуляторного воздействия, является обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека и повышение благосостояния и качества жизни граждан;

- оценка воздействия технологий и систем ИИ и РТ на все сферы жизни человека, общества и государства, основанная на научно выверенных исследованиях с подключением широкого круга учёных;

- обеспечение баланса интересов разработчиков, потребителей и иных лиц в сфере ИИ и РТ, а также определение границ их ответственности за возможные негативные последствия использования технологий ИИ и РТ;

- технологический суверенитет, предусматривающий обеспечение необходимого уровня независимости РФ в области ИИ и РТ с учётом государственной политики в сфере развития информационных технологий и импортозамещения;

- поддержка конкуренции, предусматривающая обеспечение равных для всех, включая предприятия малого и среднего бизнеса, возможностей для применения экспериментальных правовых режимов и мер государственной поддержки, а также для доступа к необходимым в целях разработки систем ИИ и РТ данным из государственных и муниципальных информационных систем;

- оценка при разработке нормативных правовых актов и иных документов в сфере ИИ и РТ социально-экономических последствий и рисков в условиях постоянного развития технологий, учет как положительного, так и отрицательного международного опыта регулирования;

- обязательность обоснованной оценки при применении ИИ и РТ рисков причинения вреда жизни и здоровью человека, реализации угроз обороне страны и безопасности государства и принятие мер, направленных на минимизацию таких рисков и угроз.

Развитие технологий должно основываться на базовых этических нормах и предусматривать:

- приоритет благополучия и безопасности человека, защиты его основополагающих прав и свобод;

- запрет на причинение вреда человеку по инициативе систем ИИ и РТ;

- подконтрольность человеку (в той мере, в которой это возможно с учётом требуемой степени автономности систем ИИ и РТ, и иных обстоятельств);

- проектируемое соответствие закону, в том числе требованиям безопасности (применение систем ИИ не должно с ведома для разработчика приводить к нарушению правовых норм);

- недопущение противоправной манипуляции поведением человека [2].

Анализируя данный документ, можно отметить, что приоритетная цель регулирования сферы ИИ и РТ на данном этапе их развития, согласно концепции, – стимулировать разработку, внедрение и использование безопасных и заслуживающих доверия технологий и систем ИИ и РТ во благо общества и государства. Регулирование в сфере ИИ должно способствовать ускорению экономического роста и конкурентоспособности национальной экономики, повышению благосостояния и качества жизни граждан, обеспечению национальной безопасности и правопорядка, достижению лидирующих позиций России в мире в области ИИ. Документ ставит в центр внимания регулятора человека, его права, интересы, безопасность и благополучие.

В отличие от ряда зарубежных инициатив, в документе даже не ставится вопрос о наделении какими-либо правами роботов или носителей ИИ. Развитие технологий всегда должно быть во благо граждан и оставаться под полным контролем человека. Приведём экспертные мнения относительно рассматриваемого документа.

Первый заместитель председателя правления Сбербанка, руководитель Центра компетенций «Искусственный интеллект» Александр Ведяхин счи-

тает, что «Утверждение концепции – это мощный импульс для развития искусственного интеллекта в России. Теперь дальнейший рост этой важнейшей цифровой технологии будет происходить в заданном документом безопасном режиме. Этот документ важен еще и потому, что раскрывает положения принятой в 2019 г. Национальной стратегии развития технологий ИИ на период до 2030 года».

Исполнительный директор Центра исследования данных для государственных органов Сбербанка, соразработчик концепции Андрей Незнамов указывает: «Среди аналогов российской концепции можно назвать только «Белую книгу об искусственном интеллекте – европейский подход к совершенству и доверию, принятую Еврокомиссией в 2020 г. Но даже по сравнению с ней наш документ получился более детальным – он учитывает значительно большее количество аспектов развития ИИ и РТ» [4].

Обобщая всё вышесказанное, можно заключить, что Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, представляет собой сбалансированный документ, в котором учтены интересы общества, государства и компаний-разработчиков.

Список литературы

1. Алексей Глинкин. Искусственный интеллект развивается слишком быстро. Что сделать, чтобы он не навредил человечеству? [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/07/11/ai/> (дата обращения: 30.08.2020).
2. Подробнее о правительственной концепции регулирования отношений, возникающих в связи с ИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/podrobnее-o-pravitelstvennoj-koncepcii-regulirovaniija-otnoshenij-voznikajushhih-v-svjazi-s-ii.html> (дата обращения: 30.08.2020).
3. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.08.2020).
4. Сбербанк прокомментировал принятие концепции регулирования ИИ и робототехники [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2020-08-27_sberbank_prokomentiroval (дата обращения: 30.08.2020).

УДК 330
ББК 65-01

Яцюк Я. В., *Ачинск*

Цифровая экономика: новые возможности для бизнеса¹

В данной статье рассмотрены основные тенденции изменения цифровой среды бизнеса на макро- и микроуровне, вопросы повышения эффективности использования внутреннего потенциала компании, особенности конкурентной борьбы, основанной на активном использовании информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: Россия, экономика, цифровые технологии, бизнес, компании

Yatsyuk Y. V., *Achinsk*

Digital economy: new business opportunities

This article discusses the main trends in the digital business environment at the macro and micro levels, issues of improving the efficiency of using the company's internal potential, and features of competition based on the active use of information and communication technologies.

Keywords: Russia, economy, digital technology, presentation, company.

Информационная цифровая экономика и информационный рынок в наше время развиваются рука об руку и связаны тесными узами. Например, одной из наиболее точных и емких характеристик информационного рынка является его определение, как комплекс отношений экономического, правового и организационного характера, способствующих процессу купли и продажи интеллектуальной продукции. Набирающая все большие обороты информатизация и оцифровывание разных сфер общества благотворно влияет также на развитие инновационных и наукоемких технологий, ежегодно увеличивая число специалистов, занятых в этих новейших отраслях. Главным фактором, который стимулирует эти процессы, является, наряду с развитием сетевых технологий, возрастание возможности доступа широких слоев населения к аппаратному и программному обеспечению. Еще один мощный стимул динамичному развитию информационных рынков дали значительные финансовые вливания, направленные на разработки программных продуктов.

Дон Тэпскотт – фигура знакомая всем, кто имеет отношение к экономической сфере современного общества. Дон по праву носит звание «отца современной экономики», кроме того, является исполнительным директором и финансовым консультантом компании Tapscott Group.

В 1994 г. Дон решил поделиться своими знаниями с миром и выпустил книгу «Цифровая экономика». Это первая в своем роде книга, доступно и просто описывающая виртуальную систему хозяйства.

¹ Участие во II Международной научно-практической конференции «Социальная реальность виртуального пространства» проведено при поддержке Красноярского краевого фонда науки. Научный руководитель – Цугленок Ольга Михайловна

Дон Тэпскотт принял участие в XII Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен». На конференции под разными углами была рассмотрена цифровая экономика. Итак, что собой представляет направление цифровой экономики:

1. Такой тип экономики, для которого характерно внедрение и использование технологий, позволяющих собирать, хранить, обрабатывать и передавать информацию относительно любой сферы деятельности.

2. Система, объединяющая экономические и технические отношения, с использованием не только информационных, но и телекоммуникаций.

3. Сложная система, объединяющая технические, организационные, программные и законодательные элементы. Между всеми составляющими системы тесно взаимодействуют между собой, обмениваясь знаниями в условиях перманентного развития.

Данная система характеризуется следующими характеристиками:

- знания и технологии, обеспечивающие обмен информацией;
- люди, управляющие данным обменом.

Современные развитые страны уделяют проблемам формирования цифрового общества значительное заслуженное внимание. Экономические лидеры данных стран разрабатывают и внедряют в свою деятельность программы цифрового развития. К списку этих стран относятся:

- Дания с 2000 г.;
- Сингапур с 2005 г.;
- Гонконг, Австралия, Великобритания и Новая Зеландия с 2008 г.;
- Евросоюз присоединился к списку стран в 2009 г.;
- Канада с 2010 г.;
- Малайзия с 2012 г.;
- Южная Корея с 2013 г.;
- Индия и Казахстан с 2015 г.

В декабре 2016 г. Президент РФ обратился с посланием к Федеральному собранию, в котором указал необходимость запуска масштабной программы цифровой экономики, что стало отправной точкой для России в развитии цифровой экономики.

Россия установила следующие показатели развития данного направления:

- доля интернет-торговли в ВВП должна составлять не менее 5 %;
- доля цифровой экономики в ВВП не должна быть ниже 20 %.

При условии, что работы в данном направлении начались относительно недавно, текущие показатели отстают от заявленных почти на 50 %. Это относится и к количеству людей, занятых в цифровом сегменте рынка, и к совокупному объему капитала компаний, занимающих позиции в цифровом информационном секторе.

База для формирования информационных технологий. Для развития и функционирования цифровой экономики требуется ряд обязательных условий:

- цифровые инфраструктуры должна развиваться;

- система управления потоками должна совершенствоваться;
- граждане должны иметь свободный доступ к сети;
- внедрение услуг онлайн;
- обеспечение безопасного хранения информации.

Что в себя включают сервисы для цифровых систем:

- цифровая среда;
- налаженная коммуникативная структура;
- информационные базы;
- формы взаимодействия;
- платформы, интегрирующие общество, правительство и бизнес.

Только при соблюдении всех условий Россию ожидает благоприятный прогноз развития цифровой экономики.

Цифровую экономику, согласно докладу Веры Марковой можно считать новым этапом развития экономики, в основе которого лежит интеграция физических и цифровых (виртуальных) объектов в сфере производства и потребления, в экономике и обществе. Такая интеграция, по словам Александра Люлько, ведет к расширению сетевых коммуникаций, скоростному соединению людей, процессов, данных и предметов, позволяя создавать новые ценности, расширяя горизонты человеческого мышления.

Поступательно развиваясь, цифровая экономика породила новый вид конкурентных отношений – так называемой гиперконкуренции, характеризующейся многоуровневостью и многоаспектностью, новыми компетенциями, управляемостью, динамизмом, адаптационностью, мобильностью, инновационностью, эффективностью и некоторыми другими параметрами. Все это происходит в условиях продолжающейся глобализации мира, на фоне чего мировые лидеры в сфере разработки новейших технологий и передовые транснациональные компании еще более повышают свое влияние.

Многие начинающие предприниматели хотят знать, дает ли цифровая экономика новые возможности для бизнеса. Развитие цифровой экономики способно влиять на внутреннюю и внешнюю среду международного бизнеса. В сфере информационно-коммуникационных технологий происходят кардинальные изменения, которые не могут не отражаться на разных направлениях функционирования компаний. Благодаря интернету даже новые и небольшие из них могут реализовать собственную продукцию по всему миру. Имея незначительные вложения, компании появляются и растут быстро.

Предприниматели, которые делают лишь первые шаги в бизнесе, заинтересованы в том, чтобы узнать, насколько эффективна для них цифровая экономика. Активное продвижение цифровой экономики оказывает влияние на составляющие компоненты международного бизнеса. Учитывая, что по направлению информационно-коммуникационных технологий сейчас мы наблюдаем существенные изменения, то, соответственно, это находит отражение в различных направлениях деятельности организаций. За счет интернета даже небольшие фирмы теперь имеют возможность продавать соб-

ственный продукт в различные страны мира, а при грамотно выстроенной маркетинговой политике быстро расширить потребительскую аудиторию. При этом им не требуется осуществлять существенные вложения, а их фирмы демонстрируют бурный рост.

Применение информационных технологий позволяет уменьшать издержки и увеличивать эффективность производства и производительности труда в различных областях экономики. Но вместе с тем положение фирмы на рынке в рамках развитой цифровой экономики имеет более сложный характер, так как происходит возрастание рисков и состояний неопределенности при решении стратегических решений на более высоком уровне. Эта ситуация связана с тем, что имеет место быть не очень устойчивая конъюнктура из-за динамических изменений на уровне развития технологий, усилении конкурентной среды и оказании давления государства на экономическую ситуацию.

Характерные для цифровой экономики изменения в непрерывном совершенствовании технологий позволяют создавать новые правила рынка для успешного функционирования бизнеса как для производителей, так и для покупателей. В данной среде фирмам следует находить новые конкурентные преимущества, грамотно выстраивать собственную стратегию нахождения на рынке. Таким образом, чтобы остаться на плаву и при этом продолжить развитие в условиях нового рынка, фирмам следует повышать собственную компетенцию в сфере цифровых технологий.

Но не все бизнесмены, в независимости от их опыта, видят эффективность и перспективность развития цифровой экономики. Существует консервативная категория бизнесменов, которые считают, что подобное развитие информационно-цифровых технологий несет угрозу для населения, так как существует расхожее мнение, что подобное развитие ведет к изменениям в массовом производстве и роботостроении.

В конце прошлого века безналичные цифровые деньги признали официальными. Центральные банки начали их эмитировать. Сейчас же формируется новый класс денег, которые принято называть частные цифровые деньги. Первые такие деньги получили название «биткойн». Эксперты отмечают, что частные цифровые деньги не делают жизнь людей более простой. Здесь также следует отметить роль молодых людей в развитии цифровой экономики, так как они быстрее приспосабливаются к появлению новых технологий, чем старшее поколение.

На информационных рынках апробируются и применяются специфические методы конкуренции среди структурных звеньев, отвечающих за отдельные, узконаправленные функции по производству, хранению, обработке и передаче информации. Каждая из них в своей области занимается оптимизацией функционирования деятельности организации в ее комплексе.

В контексте микроэкономических отношений информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) способствуют процессу оптимизации

бизнес-процессов на предприятии. Такое существенное влияние ИКТ убеждает в необходимости поиска и выбора новейших направлений, позволяющих стимулировать развитие экономики на государственном и местном уровне, которые будут учитывать все позитивные изменения, происходящие в глобальной мировой экономике.

Благодаря цифровой экономике появляется возможность преодоления некоторых ограничений и негативных тенденций, характерных для традиционной экономики. Например, она позволяет копировать цифровую информацию, что абсолютно не влияет на ее потребительские свойства, более того, после этого цифровые продукты могут использоваться неограниченным количеством потребителей, отчего качество их нередко становится выше. Это выгодно отличает их от материальных продуктов, которые не только используются исключительно в одиночном режиме, но и при эксплуатации с течением времени теряют свои кондиции. Другой важный момент: интернет-площадки для продаж снимают вопрос дефицита площади, одновременно позволяя существенно расширить ассортимент [2].

Большую роль играют цифровые технологии на решение управленческих и организационных проблем компаний и настройку бизнес процессов. Отметим основные изменения, которые в совокупности положительно повлияли на процессы менеджмента компаний:

- информационный производственный фактор стал важнейшим ресурсом;
- наличие у информации собственной стоимости, как и любого товара, привело к увеличению производственных затрат, но все хорошее, как известно, имеет свою цену;
- благодаря применению ИКТ снизились косвенные затраты – транзакционные издержки;
- вследствие внедрения информационных ресурсов возросла значимость человеческого фактора на производстве, а одновременно с ним снизился фактор неопределенности [2].

Традиционная экономика предоставляет доминирующую роль во взаимоотношениях производитель – покупатель первому, поскольку именно он генерирует идею продукта. Покупателю остается всего лишь сделать соответствующий выбор из той продукции, которая предлагается ему со стороны производителя. Цифровая экономика позволяет приобретателю самому активно участвовать в создании потребительских ценностей и в процессе генерации новых идей и услуг.

Такое изменение ситуации можно назвать логичным и позитивно влияет на модернизацию бизнес среды на производстве. Подобное сотрудничество очень выгодно и самим производственным компаниям, которые получают возможность улучшения качества мониторинга благодаря совместно-му решению вопросов дизайна, разработке новых товаров и т. д.

Американский теоретик Генри Чесборо в 2003 г. разработал концепцию «открытых технологий», описав ее в книге «Открытые инновации. Новый путь создания и использования технологий», подробно описывая изменения, которые вызвала цифровая экономика. Осуществляя политику активной стимуляции нововведений, ведущие фирмы помимо внутренних идей используют также идеи внешние, предложенные потребителями. Это позволяет обеспечить устойчивое экономическое развитие по самым разным направлениям. Чтобы процесс был поступательным и необратимым, рекомендуется проводить работы по формированию новых подходов стратегического развития, в основе которых – современные инструменты и методы органичной интеграции локальных знаний в управление компаниями. Основными критериями здесь выступают уровень формирования интеллектуального капитала, а также развитие организационных, потребительских и человеческих ценностей, которые в комплексе формируют ключевые компетенции компаний [3].

В итоге следует сказать, что в цифровой экономике могут быть следующие изменения.

1. За счет цифровой экономики происходит рост эффективности труда.
2. Усиление централизации управленческих функций, налогообложения и осуществления контрольных функций.
3. Возникновение автоматизации производства и введение стандартов различных процессов.
4. Уменьшение уровня бюрократии и коррупции ввиду появления большей прозрачности.
5. Отказ от наличных денег в пользу электронных. Использование банковских карт делает процесс покупок более комфортным, оплаты же при помощи мобильного приложения существенно упрощает жизнь людей.
6. Усиление прозрачности общественно-экономических отношений в государстве, что минимизирует возможность осуществления мошеннических схем.
7. Упрощается политическая жизнь страны.

По итогам нашего исследования, мы можем сделать вывод, что развитие цифровой экономики имеет существенно влияние на различные сферы функционирования предприятия. Наблюдаются кардинальные изменения в информационно-коммуникационной сфере, что находит свое отражение на внутренней и внешней среде фирмы.

Интернет предоставляет реальную возможность даже небольшим компаниям, которые только появились, продавать собственную продукцию в различные уголки мира. Это дает возможность таким фирмам демонстрировать быстрый рост, несмотря на несущественные вложения капитала.

При помощи информационных технологий удастся снизить издержки и повысить эффективность труда. Но при этом положение компаний в новых для себя условиях становится более сложным, возрастают различные риски.

В условиях цифровой экономики фирмы вынуждены постоянно совершенствоваться, чтобы находить новые конкурентные преимущества своей организации.

Список литературы

1. Руденко Г. Цифровые технологии: новые возможности для бизнеса // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 1 (82). С. 6.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI век. М. : АСТ, 2008. 669 с.
3. Чезборо Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М. : Поколение, 2007. 336 с.

УДК 316.56
ББК 64.39

Яковенко И. А., *Иркутск*

PR-службы государственных органов власти в виртуальном пространстве

Рассматриваются понятие PR-службы, ее функции и цели, направления работы. Анализируется деятельность PR-служб в органах государственной власти. Рассматривается необходимость внедрения новых технологий в процессы взаимодействия органов власти с народом.

Ключевые слова: PR-служба, органы государственной власти, связь с общественностью, государственное управление, средства массовой информации

Yakovenko I. A., Irkutsk

PR services of public authorities in the virtual space

This article discusses the concept of PR-service, its functions and goals, directions of work. The activity of PR services in state authorities is analyzed. The article considers the need to introduce new technologies in the processes of interaction between authorities and the people.

Keywords: PR service, public authorities, public relations, public administration, mass media

PR-служба – это служба, которая занимается public relations, т. е. общественными связями и общественными отношениями. Это направление деятельности приобрело самостоятельность в 30-е годы XX века в США.

Данная служба в каждой организации занимается имиджем. Это служба, которая должна реализовывать стратегию, разработанную по определенным направлениям организации, кроме того каждый сотрудник работает в сфере взаимодействия со всеми аудиториями.

К функциям PR-служб относится:

- формирование концепция отношений с общественностью;
- взаимодействие со СМИ;
- взаимодействие с акционерами, партнерами и тд;
- формирование и развитие основ корпоративной культуры;
- взаимодействие с органами власти;
- спонсорство и благотворительность;

- координация деятельности различных направлений организации.

В данных службах выделяются програмно-аналитический отдел, отдел взаимодействия со средствами массовой информации, отдел корпоративных внешних связей, отдел презентаций.

За последние годы в мире очень активно обсуждается тема связей с общественностью. На данный момент в области взаимодействие государственных органов власти и населения существует проблема имиджа руководителей и аппарата. Выделяются огромные денежные средства на решение этого вопроса [1].

Функции государства непосредственно включают в себя функции управления «Связями с общественностью». Наличие такой структуры в организации показывает открытость, отзывчивость. Но иррациональные представления населения об органах власти, государственных услугах могут тормозить процесс активного взаимодействия всех участников социального пространства (Р. Г. Ардашев) [1; 2].

Основным механизмом формирования имиджа органов власти является взаимодействие власти, населения и средств массовой информации. Благодаря новейшим технологиям связи с общественностью государственные органы власти являются рычагом формирования общества.

Как писала Е. Н. Савина, что существуют основные признаки, которые влияют на PR в органах власти:

- своевременность;
- актуальность;
- интерес к человеку;
- неординарность фактов;
- сенсация;
- новизна [4, с. 137]

PR-службы в органах государственной власти является организация и структурирование данных. Данные службы в органах власти являются составляющей государственного управления.

По мнению Н. А. Бануляк, существует ряд основополагающих направлений работы PR-служб в государственных органах власти. Среди них:

- 1) формирование и поддержка контактов с гражданами и организациями;
- 2) информирование целевой аудитории о существе принимаемых решений;
- 3) изучение реакции общества на действия должностных лиц и органов власти;
- 4) прогнозирование социально-политического процесса и др. [5, с. 167].

На сегодняшний день в органах государственной власти необходимо создать определенный механизм действий структур PR-служб. Таким образом данная деятельность будет иметь успех в том случае, когда органы власти при получении информации об общественном мнении будут применять ее как часть системы деятельности органов государственной власти.

В заключение стоит отметить, что PR-службы органов государственной власти обладают широким кругом полномочий и функций. Данные службы создают условия для принятия оптимальных управленческих решений. Благодаря таким службам выстраивается диалог между органами власти и населением, что позволяет проще решать различные вопросы.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 165–168.
3. Государственная PR-служба [Электронныйресурс]. URL: <http://www.public-relations-blog.info/gosudarstvennaya-pr-sluzhba/>
4. Савинова Е. Н. Ньюсмейкинг: актуализация PR-технологий для муниципальных органов власти // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 134–143.
5. Бануляк Н. А. Службы по связям с общественностью в органах государственной власти // Социология власти. 2011. № 5. С. 165–171.

УДК 331.538
ББК 65.05

Цёхла С. Ю., *Симферополь*

Вопросы трудоустройства молодежи в условиях развития цифровых технологий

Обозначены вопросы развития молодежи на мировом и национальном уровнях, определена значимость в реализации цифровых преобразований и формировании экономики нового типа. Проведен анализ показателей численности молодежи и трудоузанности в стране, отражающий экономическую активность и стремление к занятости в общественном производстве. Представлены распределение и уровень трудоустройства выпускников университета, меры по содействию занятости и поиска работы. Изучены условия цифровизации экономики и внедрения информационно-коммуникационных технологий, изменения характера труда, новые компетенции, особенности представителей современной молодежи при трудоустройстве, обозначены новые возможности трудовой занятости. Обоснована необходимость формирования модели обеспечения занятости и карьерного роста выпускников образовательных организаций в условиях цифровизации.

Ключевые слова: молодежь, трудоустройство, цифровые технологии, содействие, развитие

Tsohla S. Yu., *Simferopol*

Questions of youth employment in the context of digital technologies development

The questions of youth development at the global and national levels are identified, the importance of digital transformations and the formation of a new type of economy are determined. The analysis of indicators for the youth quantity and employment in the country has been made; it reflects youth economic activity and the aspiration for the employment. The distribution and employment level of university graduates, as well as measures to promote their employment and to facilitate a job search are presented. The conditions for the economy digitalization, introduction of information and communication technologies, changes in the work characteristics, new competencies and particular

qualities of modern youth by employment have been studied; new opportunities for the employment have been identified. The necessity of a model for providing employment and career growth for graduates of educational institutions in the context of digitalization has been substantiated.

Keywords: youth, employment, digital technologies, assistance, development

Вопросы развития молодежи и ее участия в жизни общества являются постоянно значимыми как на мировом, так и национальном уровнях. По данным Организации Объединенных Наций, «сегодня в мире проживает самое большое число за всю историю человечества 1,8 млрд молодых людей», и «только путем привлечения их к участию в жизни общества, взаимодействия с ними, оказания им поддержки в отстаивании их прав и создания условий, позволяющих им развиваться и играть активную роль, международное сообщество сможет обеспечить мир, безопасность, справедливость, устойчивость к изменению климата и устойчивое развитие для всех» [5, с. 4]. При этом «серьезную обеспокоенность вызывает безработица среди молодежи» и Международная организация труда занимается разрешением глобальной проблемы – «содействием достойной занятости молодежи», рекомендуя комплексный подход, объединяющий экономическую политику, целенаправленные меры стимулирования спроса на труд и его предложения, включая уровень и качество занятости молодых людей [7, с. 6].

В России молодежи отводится важная роль в решении общенациональных задач обеспечения научно-технологического развития страны. Государство нацелено на создание возможностей «для выявления талантливой молодежи и построения успешной карьеры в области науки, технологий и инноваций» [10, с. 12]. Молодежь рассматривают важным фактором реализации цифровых преобразований, значимым ресурсом формирования экономики нового типа.

Рассматривая демографическую ситуацию, показатели численности и трудозанятости молодежи России (граждан в возрасте от 15 до 30 лет) в динамике за период 2010–2018 гг., можно отметить тенденцию к снижению абсолютных и относительных значений, но также и не ослабевающую экономическую активность – стремление молодежи к занятости в общественном производстве (табл. 1).

Таблица 1

Показатели численности молодежи и трудозанятости в России за период 2010–2018 гг.

Показатели	2010	2015	2016	2017	2018
Численность молодежи, млн чел.	32,4	27,6	26,4	25,3	24,3
Доля молодежи в общей численности населения, %	22,66	18,82	17,98	17,21	16,54
Численность трудозанятой молодежи, млн чел.	16,8	15,9	15,5	14,9	14,1
Доля трудозанятой молодежи в общей численности занятых, %	24,01	22,06	21,46	20,62	19,47

*Источник: составлено автором по данным [11, с. 16, 24]

Молодежь, получая образование, стремится реализовывать полученные знания в выбранной профессии, участвует своим трудом в конкретном секторе экономике. Благополучное трудоустройство имеет важное значение для молодых людей, оказывает существенный вклад и влияние на экономическое развитие. Однако, по мнению независимых экспертов, 30 % молодых людей в возрасте до 25 лет не имеют официальной работы, и только 45 % выпускников учебных заведений находят постоянную работу по профессии [6, с. 8]. Такая статистика разнится по регионам и вузам страны, о чем свидетельствуют данные мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, который ежегодно проводит Министерство науки и высшего образования [3].

В настоящее время ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», созданный в 2014 г., рассматривает работу по содействию трудоустройству выпускников как неотъемлемую часть стратегии развития вуза. Такая деятельность проводится в специальном структурном подразделении – Региональный центр содействия трудоустройству и развития карьеры студентов и выпускников университета – по нескольким направлениям:

- мониторинг рынка труда и обеспечение выпускников достоверной, полной и оперативной информацией о возможности трудоустройства;
- содействие студентам в поисках временной работы;
- оказание помощи выпускникам в подборе работы, в составлении целевых договоров на трудоустройство;
- сотрудничество с государственной службой занятости, органами государственной исполнительной власти, предприятиями, учреждениями, организациями в области заполнения вакансий.

Рассматривая распределение выпускников университета и уровень трудоустройства по результатам 2018/2019 учебного года, можно отметить, что выпуск обучающихся очной формы состоит из 80,2 % выпускников по программам высшего образования и 19,8 % выпускников по программам среднего профессионального образования. По сравнению с предыдущими периодами структура выпускников изменилась в пользу увеличения молодых специалистов со средним образованием. Распределение выпускников и их занятость отражены в табл. 2.

В целом, численность трудоустроенных выпускников, по сравнению с предыдущим периодом, увеличилась на 4,2 %. Согласно приведенным данным (табл. 2), самая высокая занятость наблюдается среди магистров (91,8 % от всех выпускников магистратуры), низкая занятость – у ординаторов (67,0 % от всех выпускников ординатуры). Среди занятых выпускников большинство молодых специалистов нашли работу (45,3 %) и продолжили обучение (37,2 %).

Таблица 2

Показатели распределения выпускников университета очной формы обучения
2018/2019 учебного года, % общей численности*

Квалификационный уровень	Доля занятых выпускников	в т. ч. по каналам занятости				Доля не трудоустроенных выпускников
		трудоустроенные	призваны в ряды ВС РФ	продолжили обучение	находятся в отпуске по уходу за ребенком	
Выпускники ВО, в т. ч.:	87,9	47,0	3,9	34,7	2,3	12,1
бакалавры	88,3	32,5	4,9	48,7	2,2	11,7
магистры	91,8	79,8	4,1	4,8	3,1	8,2
специалисты	87,0	27,1	0,2	58,2	1,5	13,0
ординаторы	67,0	64,4	0	1,7	0,9	33,0
Выпускники СПО	94,6	38,4	7,6	47,2	1,4	5,4
Всего	89,2	45,3	4,6	37,2	2,1	10,8

*Источник: составлено автором по данным [12, с. 3]

В структуре трудоустроенных молодых специалистов 47,0 % от общего выпуска обучались по программам высшего образования и 38,4 % – по программе среднего профессионального образования.

Наибольшая занятость наблюдается по укрупненным группам:

- среди специалистов среднего звена («Здравоохранение и медицинские науки», «Искусство и культура», «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки»);
- бакалавров («Инженерное дело, технологии и технические науки», «Искусство и культура», «Образование и педагогические науки»);
- специалистов («Образование и педагогические науки», «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки»);
- магистров («Инженерное дело, технологии и технические науки», «Искусство и культура», «Науки об обществе», «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки»);
- ординаторов: «Здравоохранение и медицинские науки».

Анализируя распределение трудоустроенных выпускников университета по видам экономической деятельности, среди сфер отметим те, к которым наибольшая численность:

- образование – 16,6 % от всех трудоустроенных,
- здравоохранение и предоставление социальных услуг – 16,3 %,
- оптовая и розничная торговля – 12,0 %,
- сельское, лесное хозяйство – 10,2 % [12, с. 16–17].

В университете ежегодно организовывается проведение «Ярмарок вакансий», «Дней карьеры», в ходе которых выпускники могут лично пообщаться с работодателями, узнать о предоставляемых вакансиях и требованиях. В апреле 2020 г. прошла онлайн-ярмарка вакансий для обучающихся и выпускников, которая состоялась на цифровой кадровой платформе «Факультетус». Ее участниками стали 435 студентов и 73 организации-работодателя, среди них представители крымских и российских организа-

ций. Согласно опросу участников, больше всего соискатели интересовались вакансиями в сферах образования, работы с людьми, обслуживающего персонала, финансов, туризма и менеджмента, а также в сферах работ в госучреждениях и медицине [14].

Наиболее востребованными среди представленных вакансий для обучающихся стали: ведущий специалист отдела по взаимодействию с органами государственной власти управления внутренней политики, специалист по учебно-методической работе образовательной организации, удаленный бизнес-ассистент, сотрудник отдела общественных проектов, администратор службы приема и размещения и контент, журналист, корреспондент газеты, ведущий специалист-эксперт отдела сводных статистических работ, учитель русского языка, географии, химии. В целом более 300 обучающихся получили приглашение на работу.

В современном мире происходят радикальные инновационные трансформации, которые затрагивают все сферы жизни. Отмечая рост объемов автоматизации и роботизации ряда технологических операций, российские эксперты считают, что «это приведет к перестроению структуры рынка труда и изменению рода занятости отдельных специалистов» [2].

В настоящее время набирают темпы цифровизации экономики, изменений на рынке труда, что приводит к переосмыслению выполняемой работы, трудовых функций и задач. Активно происходит формирование новых форм труда, сотрудничества и обмена на основе Интернета вещей, «расширяются границы инноваций и улучшаются возможности образования, растет качество трудовых ресурсов, но меняются профиль работника и требования к нему» [9, с. 376]. Трудовая деятельность становится прозрачной и контролируемой извне. Работа становится автономной, мобильной, а выполнение трудовых функций связывается с овладением многими компетенциями. Цифровая организация труда, по мнению Е. А. Савельевой, это «комплексная динамическая система организационного обеспечения и использования труда на основе цифровых технологий» [8, с. 938]. Организация труда может носить удаленный (дистанционный) характер, осуществляться с помощью интернета. В условиях цифровизации экономики и внедрения информационно-коммуникационных технологий не только меняется характер труда, но и появляются новые возможности трудовой занятости, особенно для молодежи. Использование цифровых технологий может проявляться на всех стадиях трудовой деятельности: поиск работы, прохождение отбора, выполнение трудовых обязанностей, участие в проектном развитии, получение вознаграждений. Новая парадигма цифровизации и медиатизации многих аспектов общественной жизни обосновывает формирование новой модели обеспечения занятости и карьерного роста [13, с. 178].

В новых условиях молодые специалисты воспринимают информационно-сетевые технологии как потенциально продуктивные трансформации, находят в них активную реализацию собственных интересов. По мнению современной молодежи, развитие новых технологий позволяет заниматься

творческим трудом, проявлять инициативу и масштабы вовлеченности в экономическую деятельность. Авторы статьи о влиянии цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда выделяют важную особенность молодежи – «высокую технологичность и адаптивность к новым технологиям». Они считают, что «приоритетом для этого поколения является модель целевого поведения на работе, наличие карьерных ценностей, стремление к признанию результатов труда, а также к высоким доходам» [1, с. 28].

Новое цифровое общество требует новых знаний и навыков, которые известны как компетенции XXI века и состоят из трех групп. Первая группа представлена основными или ключевыми компетенциями гражданина: грамотность, математика, научная грамотность и др. Ко второй группе относятся: генерация, обработка комплексной информации, общение, информация и идеи, решение проблем, сотрудничество, работа в команде и адаптивность к окружающей среде. Третью группу формируют компетенции с точки зрения информационно-коммуникационных технологий, или цифровые компетенции, которые составляют технологические ресурсы и их уместное использование [4, с. 7]. При этом рост творческой креативной компоненты всегда нацелен на профессиональное, физическое и умственное совершенствование человека.

Специалистам экономических сфер деятельности необходимо постоянное профессиональное совершенствование, обучение и наращивание компетенций. Развитие цифровых компетенций выступает важнейшей функцией современных университетов, которые вырабатывают новые знания через различные формы научных исследований, творческие практики и предлагают к применению, в том числе самостоятельно, используя возможности информационно-коммуникационных технологий, онлайн-курсы, практики образовательных онлайн-курсов, стажировки.

В условиях цифровизации экономики принципиально важным является обеспечение занятости граждан и благополучия. Вопросы регулирования возможностей, появляющихся вместе с новыми технологиями, очень важен для защиты прав и интересов граждан, при этом важное значение приобретает работа с молодежью, трудоустройство молодых специалистов и занятость выпускников образовательных организаций, формирование новой трудовой культуры молодежи в условиях развития цифровых технологий. В этой связи в обеспечении занятости населения необходимо опираться на комплексный подход к проблемам молодежи, предполагающий производительную занятость молодых специалистов и достойный труд выпускников. Программа трудоустройства молодежи может одновременно поддерживать реализацию экономической политики, стимулирующей рост занятости, адаптированные системы образования и профессиональной подготовки, целенаправленные способы содействия переходу от учебы к трудовой деятельности, меры содействия занятости молодых людей с применением цифровых технологий.

Список литературы

1. Андреева Л. Ю., Джемаяев О. Т. Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 28
2. Гусенко М. Подарок робота [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2017/03/21/prognoz-rabochiui-nedeliu-mogut-sokratit-do-chetyreh-dnej.html> (дата обращения: 15. 08. 20).
3. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring> (дата обращения: 10. 08. 20).
4. Мироненко Е. С. Компетенции XXI века vs образование XXI века [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2019. Вып. 2 (47). URL: <http://vtr.isert-gan.ru/article/28130> (дата обращения: 16.08.2020).
5. Молодежная стратегия Организации Объединенных Наций «Молодежь 2030» [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/youthenvoy/wp-content/uploads/2014/09/WEBR-UN-Youth-Strategy_Booklet_-Russian-for-WEB.pdf (дата обращения: 10.08.2020).
6. Ходорова Ю., Максимова О. Молодежь на старте карьеры. М.: Благотворительный фонд развития филантропии «КАФ», 2019. 44 с.
7. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс] URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 11.08.2020).
8. Савельева Е. А. Цифровая организация труда: направления, принципы, подходы // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 4. С. 935–349.
9. Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10, № 4. С. 376–396.
10. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 16.08.2020).
11. Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 135 с.
12. Распределение выпускников ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» очной формы обучения 2018/2019 учебного года по каналам занятости. URL: <http://rcst.cfuv.ru/index.php/node/34> (дата обращения: 18.08.2020).
13. Цёхла С. Ю. Трудовая занятость молодежи в условиях цифровизации экономики // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: материалы Международной научно-практической конференции. Ярославль: Издательство Ярославского государственного технического университета, 2018. С. 177–181.
14. Ярмарка вакансий онлайн: итоги [Электронный ресурс]. URL: <http://rcst.cfuv.ru/index.php/news/armarka-vakansii-onlain-itogi> (дата обращения: 15.08.2020).

УДК 338
ББК 16.263

Шейхина А. П., *Иркутск*

Работа и заработок в виртуальном пространстве

В статье подвергаются анализу понятия виртуального пространства, виртуального рынка и виртуальной организации как основного вида экономического субъекта, действующего в рамках информационной виртуальной экономической среды. Выделяются основные черты виртуального пространства как экономической среды, последовательно анализируются черты виртуальной экономики и специфики предпринимательской деятельности, реализуемой в виртуальном пространстве. Дается характеристика виртуальной организации, выделяются основные признаки, конкурентные преимущества и недостатки виртуальных предприятий как основных действующих в рамках виртуальной экономики субъектов. Подвергнуты анализу основные механизмы экономической деятельности виртуальных организаций. Выделяются наиболее значимые отличия виртуальных организаций от традиционных.

Ключевые слова: интернет, виртуальное пространство, экономика, виртуальная организация, виртуальный рынок.

Sheykhina A. P., *Irkutsk*

Shows the effect of nutrition on human health, on his physical and mental performance.

This article analyzes the concept of virtual space, virtual market and virtual organization as the main type of economic entity operating within the information virtual economic environment. The main features of the virtual space as an economic environment are highlighted, the features of the virtual economy and the specifics of entrepreneurial activity carried out in the virtual space are consistently analyzed. The characteristics of the virtual organization are given, the main features, competitive advantages and disadvantages of virtual enterprises as the main actors within the virtual economy are highlighted. The main mechanisms of the economic activity of virtual organizations are analyzed. The most significant differences between virtual organizations and traditional enterprises are highlighted.

Keywords: internet, virtual space, economy, virtual organization, virtual market.

Интернет как опосредованная экономическая среда и пространство для заработка и ведения бизнеса представляет собой довольно специфический феномен: поскольку значимые входные барьеры в данную среду отсутствуют, виртуальное пространство характеризуется большой конкуренцией, большим количеством действующих в рамках одной среды экономических субъектов, сложностью структуры сложившихся отношений между действующими субъектами. Значительные и постоянно обновляющиеся информационные ресурсы способствуют динамичности виртуальной среды, меняют правила конкуренции и средства получения конкурентных преимуществ в рамках глобально-виртуальной экономики.

Как следствие, возникает потребность в углубленном понимании виртуального пространства как экономической среды, специфики работы и заработка в рамках данной среды, а также специфики экономических субъектов, действующих в рамках виртуальной экономической среды [3].

Ускоренное развитие технологий, появление самого феномена «электронной экономики» оказывает значительное влияние на всю мировую экономику и выводит на важное место принципиально новые формы организа-

ций: виртуальные организации, действующие преимущественно посредством сети Интернет. Данная форма организаций рассматривает в качестве основного ресурса способность быстро адаптироваться к динамичному виртуальному рынку и отвечать на появляющиеся вызовы наиболее адекватными мерами, обеспечивая одновременное обучение и развитие работников, формирование внутренней мотивации, своевременные и уместные изменения организационных структур, привлечение новых специалистов в связи с новыми задачами. Важно отметить, что большая часть работы и заработка в виртуальном пространстве оказываются возможными именно в силу наличия виртуальных организаций, обеспечивающих движение внутри виртуальных рынков и постоянно нуждающихся в компетентных кадрах, способных эффективно действовать внутри виртуальной экономической среды [12].

Виртуальное предприятие или виртуальная организация – одна из новейших форм предприятий, напрямую обеспечивающая возможность глобальных сетей выступать в качестве экономических сред. Возникновение виртуальных организаций в первую очередь детерминировано тенденциями развития современных рыночных систем: глобализацией рынков, ростом значения качества товаров и услуг, рост значения устойчивых отношений с клиентами, покупателями и потребителями, рост значения степени применения новейших информационных и коммуникационных технологий.

Сам термин «виртуальная организация» может рассматриваться и интерпретироваться в двояком смысле. Так, во-первых, он означает передовую форму организации предприятия: сложную сетевую компьютерно-опосредованную организационную структуру, представленную различными компонентами, расположенными в разных местах. В свою очередь, характеристика «виртуальная» может интерпретироваться и как «искусственно созданное» или как «воображенное, не представленное в действительности».

Естественно, нельзя понимать «виртуальное предприятие» как предприятие, полностью существующее исключительно в виртуальном пространстве. Безусловно, любое предприятие нуждается в наличии базовых структур, представленных в действительном физическом пространстве [13].

Характеристика «виртуальный» означает скорее важность, приоритет интенсивного взаимодействия реально действующих и существующих работников и подразделений предприятий в виртуальном пространстве, которое при этом действует, основываясь на новейших информационных и коммуникационных технологиях. Данная форма взаимодействия значительно повышает уровень кооперации и координации, что приводит к повышению конкурентоспособности продукции и, как следствие, к повышению прибыли.

Условно виртуальная организация может быть представлена через два основных компонента, два капитала: физический и собственно виртуальный. Физический компонент включает в себя все физические составляющие, которые необходимы для обеспечения функционирования виртуальной организации в виртуальном пространстве, в то время как виртуальный ком-

понент представляет собой сложную систему взаимосвязанных компетенций, рычагов, механизмов, знаний, инструментов и средств, представленных исключительно в виртуальном пространстве и обеспечивающих успешную деятельность организации в рамках виртуального рынка [6].

Под виртуальным рынком, в свою очередь, мы понимаем рынок товаров и услуг, который представлен в виртуальном пространстве, обеспечиваемым системой коммуникационных и информационных средств глобальных сетей, в частности – глобальной сети Интернет.

Виртуальная реальность или виртуальное пространство представляет собой отражение, отображение реальных разработок и средств в кибернетическом пространстве, которое интерпретируется одновременно и как инструмент взаимодействия, и как среда взаимодействия.

Практически виртуальная организация – это сеть свободно взаимодействующих между собой экономических субъектов, в действительности находящихся в разных местах, однако представленных в виртуальном пространстве и действующих преимущественно посредством виртуального рынка. Такие экономические субъекты, находясь в отношениях партнерства, кооперации и координации, совместно реализуют ту или иную деятельность, направленную на удовлетворение той или иной потребительской потребности.

Эффективная работа виртуальной организации в значительной степени зависит от качества исполнения многоуровневых интерфейсов для обеспечения взаимодействия между различными субъектами организации. Так, например, первостепенна организация оптимального взаимодействия между производителем, заказчиком, поставщиком, подрядчиком и прочими, поскольку взаимодействие внутри данной системы позволяет достигать гибкости и реактивности предприятия в условиях рынка.

В каком-то смысле виртуальные предприятия представляют собой своеобразные «предприятия над предприятиями» – метапредприятия, которые объединяют цели, ресурсы, традиции и опыт многих отдельных предприятий при реализации тех или иных проектов или при производстве продукции. Создание виртуального предприятия подразумевает интеграцию опыта, производственных возможностей и технологических возможностей партнеров вокруг определенной цели, которая не может быть достигнута включенными предприятиями по отдельности. В сущности, создание виртуальной организации из нескольких разнородных предприятий позволяет компенсировать недостатки включенных организаций и усиливать их конкурентные преимущества, пользуясь средствами виртуального пространства так, чтобы преодолеть какие бы то ни было отраслевые или ведомственные границы.

Виртуальные организации формируются, как правило, посредством отбора различных организационно-технологических средств и ресурсов, требующихся для функционирования организации, и последующей их интеграции через средства компьютерной сети. Впоследствии это приводит к

созданию гибкой динамичной системы, более всего адаптированной к скорейшему реагированию на требования рынка и скорейшему выпуску необходимой продукции с последующей поставкой на рынок [2].

Как правило, экономические субъекты, действующие в виртуальном пространстве, в том числе и виртуальные организации, характеризуются явной ориентацией на потребителя, обеспечивая значительную быстроту и полноту удовлетворения потребности покупателя. Поскольку виртуальное пространство позволяет включать потребителей и исполнителей в единую коммуникационную структуру, скорость и удобство транзакций значительно превосходит аналогичные экономические структуры, не представленные в виртуальном пространстве. Одновременно с этим коммуникационный момент виртуального пространства размывает границы между различными действующими на виртуальном рынке предприятиями и организациями, обеспечивая значительную динамичность виртуального рынка.

Итак, виртуальная организация представляет собой сетевую организационную форму, временную кооперационную сеть предприятий, организаций, отдельных коллективов или специалистов, наделенных необходимыми ключевыми навыками и компетенциями в целях выполнения рыночного заказа и основывающихся при этом на единой информационной системе. При этом, естественно, целью виртуального предприятия является получение прибыли посредством удовлетворения нужд потребителей, по возможности обходя возможных конкурентов в отношении качества и скорости удовлетворения потребностей.

Казалось бы, в этом отношении виртуальные экономические субъекты обнаруживают полное сходство с виртуальными субъектами реальной экономики, однако и здесь виртуальное пространство налагает специфику: во-первых, виртуальные экономические субъекты ориентированы, как правило, не на какой-то широкий сегмент рынка, а на очень конкретных, определенных потребителей, вплоть до удовлетворения потребностей индивидуальных потребителей. Во-вторых, в отличие от экономических субъектов, действующих только в рамках реального рынка, виртуальные экономические субъекты гораздо более склонны увеличивать скорость и качество выполнения заказа посредством объединения ресурсов совершенно различных виртуальных экономических субъектов в единую систему.

Так, например, обычному предприятию для разработки вывода нового товара или услуги на рынок требуется значительный объем ресурсов. В то же время виртуальный экономический субъект с большей вероятностью ищет в виртуальном пространстве новых партнеров, которые обладали бы необходимыми ему ресурсами, компетенциями и навыками, с целью интеграции возможностей и приобретения конкурентного преимущества.

При этом описанное партнерство заключается лишь на определенный срок или до момента достижения того или иного запланированного результата. Виртуальная экономическая среда намного более динамична, чем

обычная экономическая среда: так, на определенных этапах жизненного цикла либо при изменении рыночной ситуации в сеть могут привлекаться новые партнеры или специалисты или исключаться старые [5].

Итак, основные признаки, которыми обладают экономические субъекты, действующие преимущественно в виртуальном пространстве, могут быть сведены к следующим:

1. Направленность на интеграцию наилучших средств и компетенций от различных действующих в виртуальном пространстве субъектов в рамках временных целесообразных объединений.

2. Организация производится по проектам или вокруг тех или иных ключевых в деятельности предприятия процессов.

3. Различные партнеры в рамках виртуального предприятия действуют координированно, при этом физически находясь на отдалении друг от друга, посредством продвинутых средств коммуникации.

4. Проекты носят временный характер, обладают гибкостью; быстро образуются, развиваются, трансформируются и расформируются.

5. Групповое взаимодействие обеспечивается посредством новых коммуникационных технологий, преимущественно компьютерных, открывающая возможность свободного обмена идеями и опытом внутри и между различными уровнями виртуальной организации.

6. Разработка и поддержание работы компьютерных сред и сетей, использование архитектуры типа клиент-сервер, использование разнообразных программных средств [12].

Основная черта виртуального экономического субъекта, значимая для его различения с прочими экономическими субъектами, состоит в возможности выбирать и использовать прочие ресурсы и компетенции, представленные в виртуальном пространстве, с незначительными временными затратами. Соответственно, конкурентные преимущества экономических субъектов, представленных в виртуальном пространстве, состоят в следующем:

1. Повышенная скорость выполнения рыночных заказов.

2. Возможность значительного снижения совокупных издержек.

3. Возможность обеспечения более полного удовлетворения потребностей заказчика.

4. Возможность быстрой адаптации к изменениям окружающей экономической среды.

5. Возможность обойти или снизить барьеры при выходе на другие рынки.

Естественно, виртуальный рынок, являясь специфической экономической средой, значительно отличающейся от традиционных рыночных систем, предъявляет к экономическим субъектам определенные требования. Так, мы предполагаем, что действующий в рамках виртуального пространства экономический субъект в целях обеспечения эффективности собственной деятельности должен обладать двумя ключевыми компетенциями:

1. Умение определять и привлекать ключевые компетенции, ресурсы и инструменты, необходимые для реализации того или иного проекта.

2. Способность к организации эффективного процесса создания и сбыта продукции.

3. Умение ясно формулировать достижимые задачи и передавать информацию. В условиях виртуального пространства повышается значение знания иностранного языка, поскольку это расширяет выбор возможных партнеров.

4. Умение структурировать время вовлеченных работников и специалистов наиболее оптимальным образом.

5. Способность обеспечивать эффективную систему сотрудничества и коммуникации в виртуальной среде между всеми вовлеченными взаимодействующими партнерами и привлеченными специалистами [7].

Наконец, важно отметить, что экономические субъекты, действующие преимущественно в виртуальном пространстве, сталкиваются и с некоторыми трудностями, которые вызваны спецификой виртуального пространства как экономической среды. К таким трудностям можно отнести, в частности, чрезмерную экономическую зависимость от партнеров, исходящую от узкой специализации членов виртуальной организации, а также опасность переусложнения структуры взаимодействия между партнерами и специалистами, детерминированная разнородностью привлеченных к деятельности специалистов и предприятий, динамикой самоорганизации, неопределенностью в вопросах долгосрочного планирования.

Список литературы

1. Абрамов В. Л. Конкурентоспособность экономики России: современное состояние и стратегия развития // Экономика, статистика и информатика. 2012. № 2. С. 3-7.

2. Аникин О. Роль телекоммуникаций в развитии российской экономики // Маркетинг. 2012. № 2. С. 108–115.

3. Модернизация экономики: единство технологической, образовательной и коммуникационной стратегий / А. Блинов [и др.] // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 4. С. 8–16.

4. Ивановский Б. Г. Модернизация экономики: курс на выживание // Экономические и социальные проблемы России. 2011. № 1. С. 40–45.

5. Лизун В. Инновационная экономика: парадигмы ускорения // Управление качеством. 2012. № 9. С. 27–38.

6. Малкова Е. В., Новикова И. Н. Оценки виртуальности и реальности современных финансов // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии. Пермь, 2003. Вып. 4. С. 200–204.

7. Мейтус В. Виртуализация производства // Проблемы теории и практики управления. 2004, № 1. С. 94–98.

8. Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М. : Изд-во МГУ, 1999. 208 с.

9. Новиков В. С., Оганесян Л. Л. К вопросу о виртуализации экономики: содержательный аспект // Экономика и предпринимательство. 2012. № 1. С. 13–18.

10. Сигаев Д. Ю. Эффективный рынок труда как фактор конкурентоспособности экономики // ЭПОС. 2012. № 1. С. 31–35.

11. Соколова Л. В. Направления и источники экономического роста на основе технологического-инновационных процессов // ЭПОС. 2012. № 1. С. 10–14.
12. Ткачева Е. Н. Виртуальные организации как новая форма экономических систем: функциональное содержание и принципы управления : дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 156 с.
13. Фридланд А. Я. Модернизация экономики и информационные технологии // Дистанционное и виртуальное обучение. 2011. № 6. С. 39–45.
14. Хасанова А. Ш. Постиндустриальное общество и развитие конкурентных отношений // Российское предпринимательство. 2005. № 10. С. 105–108.
15. Хубиев К. Инновационная экономика и генезис новых отношений // Экономист. 2012. № 3. С. 62–68.

УДК 338.2:004
ББК 65.05

Степанова Ю. Д., *Иркутск*

Цифровая экономика: как характеристика общества

Цифровизация мировой экономики начала формироваться в результате четвертой промышленной революции на рубеже XX и XXI вв. Цифровизация должна обеспечить всеобъемлющую и ориентированную на внешний мир цифровую экономику в странах с преимуществами и возможностями в каждом регионе и каждом сообществе. В результате предложенных ключевых методов по обеспечению устойчивого развития цифровой экономики можно достичь более значительного роста национальных экономик стран; также, государства смогут укрепить позицию ведущей мировой цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровые платформы, интегрирующих процессы, цифровые сервисные экосистемы, интернет вещей, искусственный интеллект, робототехника, дроны, 3D-принтеры, дополненная и виртуальная реальность, блокчейн.

Stepanova Yu. D., *Irkutsk*

Digital economy: as a characteristic of society

The digitalization of the world economy began to take shape as a result of the fourth industrial revolution at the turn of the 20th and 21st centuries. Digitization must provide an inclusive and outward-looking digital economy in countries with benefits and opportunities in every region and every community. As a result of the proposed key methods to ensure sustainable development of the digital economy, it is possible to achieve a more significant growth of the national economies of countries; also, the state will be able to strengthen its position as the world's leading digital economy.

Keywords: digitalization, digital economy, digital platforms integrating processes, digital service ecosystems, internet of things, artificial intelligence, robotics, drones, 3D printers, augmented and virtual reality, blockchain.

Цифровизация мировой экономики интересует не только предпринимателей, ученых, исследователей и политиков, международные компании, но и обычных граждан. По данным Всероссийского опроса GfK, к 01.01.2019 аудитория интернет-пользователей в России среди населения старше 16 лет составила 90 млн чел., что на 3 млн чел. больше, чем в 2017 г., и достигла 75,4 % взрослого населения страны [1]. А за 2019 г. число пользователей

старше 16 лет выросло до 94,4 млн чел., что соответствует 79,8 % взрослого населения страны [9].

Цифровая экономика стала актуальным трендом развития современного общества и всех сфер жизнедеятельности граждан. Формирование глобального цифрового пространства связано с обеспечением технологического лидерства государств и субъектов на основе инфокоммуникационных и смежных технологий.

Цифровая экономика меняет хозяйственные условия деятельности, способы и методы самой деятельности хозяйствующих субъектов, экономические, общественные, национальные, естественные факторы, а также, способы регулирования государственных и межнациональных структур, при этом возникают новые факторы экономической безопасности (связанные с кибератаками) [14; 15].

Анализ российской и зарубежной практики, теоретических исследований показывает, что цифровизация осуществляется на основе цифровых платформ, интегрирующих хозяйственные, социальные и технологические процессы, формирующие цифровые сервисные экосистемы.

Идеей цифровой трансформации на данном этапе охвачен весь мир, она сейчас является одной из самых популярных тем обсуждений. Цифровизация экономики представляет собой современную форму проявления более фундаментальной закономерности ее информатизации [8].

Термин «цифровая экономика» (digital economy) появился в 1995 г. одновременно в работах двух исследователей: Дона Топскотта, профессора менеджмента из Торонто и Николаса Негропonte, американского информатика из Массачусетского университета [5]. Цифровая экономика – это экономика, базирующаяся на научных достижениях и новых прогрессивных технологиях, прежде всего, на цифровых информационно-коммуникационных технологиях.

В Решении Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», цифровая экономика представлена как «часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий» [10].

Новые научные открытия и изобретения в области информационных технологий привели к информационной революции, формированию нового технологического уклада, главным критерием которого выступает масштабное распространение и применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Цифровая экономика основана на знаниях и инновациях. Основной отраслью нового технологического уклада является производство средств автоматизации и телекоммуникационного оборудования, посредством которых формируются современная информационная инфраструктура

ра, информационная сеть Интернет, качественно новая электронная система коммуникаций, информационно-сетевые связи и отношения.

Поскольку цифровая экономика находится в начале своего становления, то ее современная стадия характеризуется сочетанием прежних индустриальных и новых информационных технологий. То есть, целостная концепция цифровой экономики только формируется и многие ее положения остаются слабо разработанными и дискуссионными.

Специалисты The Boston Consulting Group в отчете «Россия 2025: от кадров к талантам» отмечают, что «цифровизация – это использование возможностей онлайн и инновационных цифровых технологий всеми участниками экономической системы – от отдельных людей до крупных компаний и государств» [11].

Основные принципы цифровой экономики отражены на рисунке 1.

Рис. 1. Основные принципы цифровой экономики [7]

П. Г. Щедровицкий (российский методолог и политтехнолог) выделяет следующие принципы цифровой экономики:

Первый принцип: цифровая экономика – это перевод (переход) существующих экономических реальностей на цифровую систему учета.

Второй принцип – это объективный процесс, не зависящий от воли и сознания человека, имеющий достаточно плотный и планомерный характер внедрения.

Третий принцип: цифровизация представляет наиболее полную и объективную информацию о состоянии дел, что повышает необходимость соблюдения соответствия интеллектуального уровня руководителей уровню информации.

Четвертый принцип: руководителями на всех уровнях должны быть люди с исключительными интеллектуальными данными [6].

Когда речь идет о цифровизации экономики страны, то это означает решение технико-технологической задачи – перевода экономической реальности на цифровой язык.

В узком смысле цифровую экономику можно определить, как индустрию цифровых товаров и услуг, цифровизацию физических активов, а в широком смысле цифровая экономика является сектором реальной экономики, который не может существовать обособленно от материального производства.

Авторы М. А. Каткова и Ю. С. Титова в структуре цифровой экономики выделяют два крупных комплекса [4]:

- 1) сектора разработки, производства и реализации ИКТ;
- 2) сектора информационно-экономической инфраструктуры, предоставляющего конечным потребителям информационные ресурсы и услуги.

Предприятия реального сектора экономики подразделяются на две группы:

- предприятия, выпускающие компьютерные и телекоммуникационные технологии;
- предприятия и организации, применяющие цифровые информационные технологии для производства продукции и хранения, обработки, использования информационных данных в процессе организации и управления.

Информационно-экономическую инфраструктуру формируют институты, осуществляющие сбор, обработку, хранение, распределение и передачу необходимой информации, а также инструменты взаимодействия организаций и граждан, обеспечивающие доступ к информационным ресурсам.

Субъекты информационных услуг реализуют продукты в интерактивном режиме (программное обеспечение, реклама, информация, развлекательные игры) и оказывают интерактивные услуги (интернет-банкинг, страхование, консультативные услуги и другие) [12].

В технологической структуре цифровой экономики выделяют следующие технологии цифровой экономики, это: интернет вещей и искусственный интеллект, робототехника, дроны, 3D-принтеры, дополненная и виртуальная реальность, блокчейн.

По мнению Баранова Д. Н. цифровая экономика включает в себя следующие основополагающие элементы (рис. 2).

Наиболее развитой на сегодняшний день является е-коммерция, т. е. покупка и продажа различных товаров через интернет.

Возможность изменения всего мирового социального уклада обязывает страны принимать целевые программы по переходу к цифровой экономике.

Рис. 2. Элементы цифровой экономики [2]

Необходимо выделить пять ключевых методов, которые обеспечат устойчивое развитие цифровой экономики, тем самым помогут достичь более значительного роста национальных экономик государств (рис. 3).

Рис. 3. Методы обеспечения устойчивого развития цифровой экономики [3]

Рассмотрим подробнее перечисленные методы.

1. Первый метод заключается в поддержке правительством страны инновационных технологий, поскольку при правильном использовании этих технологий достигается большой прогресс в экономике. Цифровые инновации и предпринимательство являются основной движущей силой возможностей и производительности.

При оказании поддержки в разработке, применении и внедрении цифровых технологий следующего поколения, появится огромный потенциал у всех отраслей экономики страны. Развитие цифровых технологий и внедре-

ние их в промышленности поможет решить некоторые из глобальных мировых проблем, как, например, использование искусственного интеллекта (ИИ) для более точного выявления рака молочной железы, прогнозирования районов, подверженных риску наводнения, и выявления мест, где происходит современное рабство, насилие.

Расширение торговых отношений по всему миру, предоставляемых цифровыми технологиями, важны для стран и их поддержка в разработке, применении и внедрении должна осуществляться.

2. Второй метод – использование преимуществ цифровых технологий в разных отраслях, в которых необходимы цифровые инновации, позволит обеспечить более высокую производительность, экономичность, экологичность, рентабельность этих отраслей.

Также одним из главных приоритетов правительств является оказание помощи в цифровизации той части населения страны, которая не почувствовала преимуществ изменений, достигнутых страной в настоящее время. Достижение цели возможно только, если рабочие места, инвестиции и поддержка правительства используются для разрушения барьеров во внедрении цифровых технологий, а не для их укрепления. Это означает, что все люди и все компании должны иметь инструменты, которые им необходимы для применения цифровых технологий – возможности подключения, применения и безопасности.

Цифровая связь является двигателем экономического роста, производительности и социальной интеграции, что делает районы страны более привлекательными для жизни и помогает развивать цифровую экономику [13]. Благодаря использованию 5G и оптоволоконной связи можно обеспечить большую емкость, более высокие скорости и более надежные сети и это упростит взаимодействие с государственными службами и заложит основы для новых отраслей в будущем.

Для использования преимуществ цифровых технологий нужны конкурентные цифровые рынки, которые требуют рабочую силу с цифровыми навыками – люди из всех слоев общества должны обладать навыками, необходимыми для работы и построения карьеры как в технологическом секторе, так и во всех сферах экономики, которые требуют цифровых навыков. Для этого требуется обучение как в школе, так, по мере усиления темпов цифровых изменений, и переобучение взрослых для обновления своих цифровых навыков.

3. По мере развития цифровых технологий необходимо укрепление их безопасности (защита уязвимых мест и обеспечение безопасности). Онлайн-пространства должны стать местом, где каждый может чувствовать себя в безопасности. Если нет уверенности, что цифровые технологии безопасны и надежны, то нет доверия, а оно является основой любой цифровой экономики, что будет препятствовать принятию новых необходимых цифровых тех-

нологий. Онлайн-пространство не должно стать местом злоупотреблений, преследований и пропаганды террористических акций.

Важной задачей стало создание партнерских отношений между государственными структурами и технологическими предприятиями, налаживание взаимных обменных данных, а также, поощрение совместных усилий бизнеса, общественности, частного сектора и институтов гражданского общества по противодействию хакерским атакам.

4. Требуется стимулирование роста цифровых технологий за счет инновационного регулирования. Тщательно разработанное и внедренное, регулирование стимулирует рост и стимулирует инновации и новые идеи. Это дает уверенность новаторам и инвесторам, а также, создает доверие среди потребителей, что увеличивает спрос на цифровые продукты и услуги.

Более 20 стран переняли опыт, впервые внедренный в Великобритании, для стимулирования развития инноваций. Продолжают разрабатываться новые стратегические и объединенные подходы к регулированию и управлению цифровыми технологиями в промышленности и разных секторах экономики. Нормативные акты стран должны адаптироваться к цифровой сфере. Важно, чтобы подход к цифровому управлению и регулированию был последовательным и мог адаптироваться по мере развития технологий, что требует наличия инструментов для стратегического реагирования и поддержки всей цифровой экономики.

5. Пятый метод заключается в приверженности свободному и открытому интернету. Страны должны защищать модели управления интернетом с участием многих заинтересованных сторон, поскольку благодаря этой модели интернет развился, расширился и принес множество преимуществ во всем мире. Например, Великобритания выступает против правительств, которые хотят поставить управление интернетом под межправительственный контроль, тем самым, является мировым лидером по правам человека в интернете. Национальная стратегия кибербезопасности демонстрирует приверженность решению проблем государственной политики таким образом, чтобы уважать права человека, его свободу, свободу выражения мнений. Государство сможет предложить будущим поколениям воспользоваться бесплатным и открытым интернетом.

Рассмотренные методы по обеспечению устойчивого развития цифровой экономики в странах важны и связаны между собой – инфраструктура, инвестиции, политическая и нормативная среда, а также, навыки и безопасность. С их помощью продолжится развитие цифровой экономики в мире.

Таким образом, определено, что цифровизация вносит глубокие преобразования во всех областях экономической жизни, открывая значительные возможности для устойчивого развития цифровой экономики в перспективе, однако эти возможности не будут осуществлены, если не проводить работающую на опережение политику на национальном уровне в целях решения значительных проблем, с которыми сопряжено развитие цифровых техноло-

гий. Странам следует адаптировать свои системы образования и профессиональной подготовки, а также политики для успешного решения задач, возникающих на пути перехода к цифровой экономике. Освоение широкого спектра навыков в области цифровых технологий необходимо включить во все уровни системы образования. Правительствам следует рассмотреть вопрос о том, каким образом могут быть адаптированы системы социальной защиты в целях снижения рисков усиления поляризации и роста неравенства доходов под воздействием цифровизации. Инновационную политику следует развивать в направлении расширения возможностей освоения имеющихся технологий с формированием потенциала для создания инновационных продуктов и услуг. Рассмотренные методы обеспечения устойчивого развития цифровой экономики смогут повысить качество жизни населения и обеспечить высокие конкурентные позиции государств в мировой экономике.

Список литературы

1. 2018: 32 млн россиян пользуются интернетом только на мобильных устройствах. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tadviser.ru> (дата обращения: 06.08.2020).
2. Баранов Д. Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. 2018. № 2 (25). С. 15–23.
3. Баронесса Морган говорит о том, как мы можем заставить технологии работать для всех [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/baroness-morgan-speaking-on-how-we-can-make-technology-work-for-everyone> (дата обращения: 06.08.2020).
4. Каткова М. А., Титова Ю. С. Цифровая экономика: содержание и тенденции развития / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 257–264.
5. Ковалев М. М., Головенчик Г. Г. Цифровая экономика – шанс для Беларуси : монография. Минск : Изд. центр БГУ. 2018. 327 с.
6. Петр Щедровицкий. На первом этапе // Известия. 2018. 27 авг.
7. Платформа отраслевых экосистем цифровой экономики. Мы строим виртуальный мир, чтобы создавать настоящие ценности для настоящих потребителей. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/.pdf> (дата обращения: 06.08.2020).
8. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16–24.
9. Прирост интернет-аудитории в 2019 году обеспечили пенсионеры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comnews.ru/content/203868/2020-01-13/2020-w03/prirost-internet-auditorii-2019-godu-obespechili-pensionery> (дата обращения: 06.08.2020).
10. Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» № 12 от 11.10.2017.
11. Россия 2025: от кадров к талантам / Исследование Boston Consulting Group и Сбербанка России. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://d-russia.ru/wpcontent/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (дата обращения: 06.08.2020).
12. Стефанова Н. А., Седова А. П. Модель цифровой экономики // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 91–93.
13. Основы цифровизации государственного и муниципального управления : учебное пособие / О. А. Полошкович, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск, 2020. 163 с.

14. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 65–69.

15. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 310–315.

УДК 332.02
ББК 65.050

Румянцев А. С., Чувашова М. Н., *Иркутск*,
Кузнецова Е. Г., *Красноярск*

Развитие инновационного предпринимательства в Иркутской области

В статье рассматривается понятие инновационного предпринимательства. Приводится краткая характеристика существующих организаций на территории Иркутской области, основной вид деятельности которых инновации. На основе статистических данных анализируются основные показатели научной и инновационной деятельности организаций в Иркутской области. Предлагаются некоторые рекомендации для усовершенствования государственной политики в области инновационного предпринимательства.

Ключевые слова: инновационное предпринимательство, инновации, региональные фонды содействия инновациям.

Rumyantsev A. S., Chuvashova M. N., *Irkutsk*
Kuznetsova E. G., *Krasnoyarsk*

Innovative business formation in Irkutsk region

The paper discusses the innovative business concept. A brief description of the existing innovation organizations on the territory of the Irkutsk region is given. The main indicators of scientific and innovative activities of organizations in the Irkutsk region are analyzed on the basis of statistical data. Some recommendations are proposed for improving the state policy in the innovative business field.

Keywords: innovative business, innovations, regional funds for promoting innovations.

Экономическая природа предпринимательской деятельности заключается в поиске и внедрении новых комбинаций факторов производства (обновление продуктов, технологий, организационных подходов) для удовлетворения потенциального спроса. Субъектом инновационной экономической деятельности может быть как индивидуальный предприниматель, так и группа лиц, которые действуют внутри организации и проявляют инициативу по выпуску нового продукта, внедрению новых решений, новых подходов и т. д.

Основным субъектом предпринимательской деятельности выступает предприниматель, взаимодействующий:

- с потребителем как основным его контрагентом;

- с государством, которое в различных ситуациях может выступать в качестве помощника или противника;
- с наемными работниками.

Основной принцип инновационного предпринимательства заключается в создании и производстве научно-технической продукции, работ и услуг, информационных поводов, интеллектуальных ценностей. Экономическое поведение предпринимателя в инновационной сфере базируется на самостоятельно избранной принятой к реализации индивидуальной программе инновационного предпринимательства в условиях окружающей реальности [1]. Объектами инновационного предпринимательства являются исследования, разработки, технические услуги. Деятельность предпринимателя по разработке новшеств можно представить в виде закрытого цикла (рис. 1)/

Рис. 1. Алгоритм действий предпринимателя при разработке инноваций.

Для развития предпринимательства необходимо создавать и развивать предпринимательское пространство. Бизнес-пространство в любом государстве с развитой экономической характеризуется отсутствием каких-либо ограничений, а законодательные ограничения на элементы предпринимательства вводятся в процессе их развития. Все три свойства одинаково важны для формирования инноваций [6; 7]:

- 1) научно-техническая новизна является преимуществом перед традиционными решениями;
- 2) совместимость инновационных внедрений с установившейся практикой производства и технологической структурой;

3) внедрение и коммерциализация научных разработок.

В процессе создания инновации особая роль отводится руководителю проекта или инновационному предпринимателю. Инновационные предприниматели – это определенный тип предпринимателей, которые действуют как связующее звено между новаторами – авторами оригинального научного и прикладного продукта и обществом, особенно в сферах производства и потребления. Помимо обычных индивидуальных качеств, у такого предпринимателя должна быть особая форма предвидения жизнеспособности определенного научно-прикладного продукта, который, как правило, представляется для разработки в виде образа, идеи или, в лучшем случае, в виде концептуальной модели [8]. Предприниматель систематизирует научные и прикладные продукты, взаимодействует с новаторами и создает инновационный портфель. Он оценивает возможные пути реализации и осуществимость каждой многообещающей разработки на основе подходящих критериев.

Признается необходимость государственного регулирования инновационных процессов в экономике, а также разработки конкретных механизмов государственного регулирования инновационной деятельности. При этом не отрицается эволюционный путь развития даже в контексте изменения характера регионального развития, сценариев и концептуальных моделей понимания регионов в контексте экономической глобализации и их подверженности кризисным явлениям [5].

Для стимулирования развития инновационной среды в Иркутской области действуют ряд организаций по продвижению и поддержанию малых инновационных предприятий и бизнес-идей, они представлены в табл. 1.

Таблица 1

Региональные Фонды поддержки инновационного предпринимательства в Иркутской области

Название фонда	Основные виды деятельности
Фонд «Центр поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Иркутской области»	Фонд «Центр поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Иркутской области». Фонд является связующим звеном между федеральными, региональными и территориальными подразделениями, оказывающими помощь субъектам малого и среднего бизнеса
Центр поддержки предпринимательства	Информационно-консультационная поддержка СМСП. Издание информационно-методических материалов по ВЭД
Региональный центр инжиниринга	Оказывает услуги в области технологического консалтинга, экспертных и консультационных услуг, развития инженерных компетенций, коммерциализации НИОКР
Центр кластерного развития	Оказывает услуги по организации подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, предоставлению консультационных услуг участникам кластеров и др.

Продолжение табл. 1

Название фонда	Основные виды деятельности
Центр стандартизации, сертификации и испытаний (коллективного пользования)	Оказывает услуги по сертификации и аттестации производств, стандартизации, проведению испытаний, инженеринговые услуги
Отдел инновационного развития Управления развития предпринимательства Министерства экономического развития Иркутской Области	Координация программ поддержки малого предпринимательства и инновационной деятельности
Корпорация развития Иркутской области	Направления деятельности Корпорации: создание и управление индустриальными парками на территории области; разработка и реализация инвестиционных проектов; экспертиза готовых инвестиционных проектов; обеспечение реализации социальных проектов на принципах государственно-частного партнерства; продвижение инвестиционных возможностей и проектов региона в России и за рубежом
Фонд микрокредитования Иркутской области	Основные виды деятельности Фонда: 1. Микрофинансовая деятельность по предоставлению микрозаймов субъектам малого и среднего предпринимательства. 2. Оказание консультационных услуг по вопросам предпринимательской деятельности. 3. Контроль за целевым использованием субъектов малого и среднего предпринимательства финансовых средств, выданных Фондом; 4. Информационная, организационная, консультационная поддержка предпринимателей Иркутской области
Иркутский областной гарантийный фонд	Фонд предоставляет поручительство в качестве залогового обеспечения по обязательствам субъектов МСП основанным на кредитных договорах и договорах банковской гарантии
Центр инноваций социальной сферы при Иркутском государственном университете	Оказывает методическую, консультационную и информационную поддержку социальным предпринимателям и социально ориентированным некоммерческим организациям. Центр проводит Школы социального предпринимательства, а также семинары, лекции, мастер-классы по социальной тематике. А также выступает координирующим звеном по взаимодействию с органами исполнительной власти и экспертным сообществом по вопросам развития социального предпринимательства
Технопарк Иркутского национального исследовательского технического университета	В составе технопарка более 20 учебных научно-производственных центров, а также Отдел развития инновационной деятельности. Технопарк является представителем Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере в Иркутской области.
Центр поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ) при ИРНТУ	Ресурсы ЦПТИ предоставляют более широкий доступ к специализированным базам данных в области ИС, что позволит заинтересованным лицам получать необходимую информацию при проведении патентных исследований, а также разработке стратегии коммерциализации

Окончание табл. 1

Название фонда	Основные виды деятельности
Бизнес-инкубатор города Братска	Ассоциация «Бизнес-инкубатор города Братска» – это некоммерческая организация, созданная для осуществления поддержки субъектов малого предпринимательства города Братска, разрабатывающих или реализующих инновационные проекты
Бизнес-инкубатор ИРНИТУ	Основная задача бизнес-инкубатора – вовлечение в инновационную деятельность, формирование навыков коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности студентов, аспирантов и молодых ученых университета. Бизнес-инкубатор оказывает услуги по привлечению финансирования, продвижению бизнеса, проведению тренингов, бизнес-сервисы. Сегодня в рамках бизнес-инкубатора ИРНИТУ реализуют свои проекты более 100 студентов
Центр молодежного инновационного творчества «Полус-НТ»	Цель центра – развитие и распространение высококачественного естественнонаучного образования
Ангарский технопарк	Ангарский технопарк предоставляет площади в аренду и продажу для развертывания бизнеса. Возможности Ангарского технопарка: готовая инфраструктура (здания, земли, производственное оборудование, инженерные сети) и др.
Индустриальный технопарк «Усолье-Промтех»	Приоритетными направлениями развития индустриальной площадки, на данный момент, выглядят проект в области машиностроения, производства изделий из пластика и мебели (деревообработка)

В мировой практике существует общепринятый показатель – число предприятий малого бизнеса (далее – МБ) на 1000 человек населения. МБ в стране считается зрелым, если данный показатель равен 30–50. В развитых странах, таких как США, это значение достигает 74. В Иркутской области этот показатель на 2014 г. был равен 12 [2]. В Иркутской области основной площадкой для создания инноваций является отрасль машиностроения, которая составляет около 11,03 %. При этом основная доля технологических инноваций приходится на нефтедобывающую, перерабатывающую и химическую промышленность – 47,1 %. На машиностроение приходится 16,3 %, на сферу оборонно-промышленного комплекса – 16,05 %, на самолетостроение – 15,9 % и на производство электрооборудования – 0,15 %. Большая доля создания инноваций, их патентование и применение технологических инноваций приходится на Иркутский авиационный завод (ПАО «Корпорация «Иркут») [3].

В таблице 2 представлены основные показатели научной и инновационной деятельности организаций на основе данных Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

Таблица 2

Основные показатели научной и инновационной деятельности организаций в Иркутской области*

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, ед.	41	31	36	49	43	51	49	54	59
Число предприятий, имевших готовые инновации в течение последних 3 лет, ед.	49	51	54	53	55	59	78	77	113
Объем отгруженной продукции предприятий, млн руб.	424113,6	502180,1	525109,5	768426,2	692416,1	785006,4	877355,6	939352,1	1163936,1
в т. ч. инновационной, млн руб.	2282,7	4887,7	7787,8	4937,8	11248,2	22968,1	11812,2	7618,0	9715,6
в % к общему объему	0,5	1,0	1,5	0,6	1,6	2,9	1,3	0,8	0,8
Затраты на технологические инновации, млн руб.	9966	4876,1	7448,8	19300,8	20984,9	18735,6	9977,8	22703,5	26776,3
Источники финансирования инновационной деятельности – всего, млн руб.	9966	4876,1	7448,8	19300,8	20984,9	18735,6	9977,8	22703,5	26776,3
в том числе:									
собственные средства предприятий, млн руб.	8210,5	4223,8	7048,9	18720,0	19965,5	17984,8	9833,7	22397,8	26390,4
федеральный бюджет, млн руб.	165,4	44,7	181	155,9	145,3	206,9	116,9	207,8	221,0
бюджет субъекта Федерации, млн руб.	-	0,2	2,1	0,4	0,1	20,6	16,5	67,6	76,5
внебюджетные фонды, млн руб.	-	-	-	-	-	-	-	-	2,2
прочие, млн руб.	1590,1	607,4	216,8	418,3	869,6	522,2	10,7	30,3	84,6
иностранные инвестиции, млн руб.	-	-	-	6,2	4,4	-	-	-	1,6
Число организаций, выполнявших исследования и разработки, ед.	44	46	49	51	45	52	51	46	46
Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки (без совместителей), чел.	4912	5075	5384	5047	4859	4671	4409	4292	4157

*Данные Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/nauka2018.html>

3. Развитие организационных форм (бизнес-инкубаторы, технопарки, дата-центры) для общения и сотрудничества в инновационной сфере.

4. Внедрение лучших инновационных практик в университетах, на предприятиях и в правительстве [9].

Государственной власти и местному бизнес-сообществу следует более эффективно использовать существующие резервы региона для развития научной, научно-технической и инновационной деятельности. Прежде всего необходимо принять концепцию или стратегию инновационного развития Иркутской области, а в дальнейшем – разработку расширенной программы мероприятий, направленных на совершенствование инновационной деятельности предприятий и организаций в регионе.

Из таблицы 2 видно, что количество предприятий, занимающихся инновационной деятельностью с каждым годом увеличивается, притом число предприятий, находящихся на стадии «старт» или еще формирующиеся в бизнес-инкубаторе также с каждым годом растет на 2 %, с 2016 г. идет скачек в увеличение предприятий данного типа. Увеличение затрат на технологические инновации предприятиями в 2014, 2015 и 2017 гг. могут быть связаны с нестабильной ситуацией на внешнеэкономическом уровне, повышением курса доллара, приобретение зарубежного оборудования по завышенным ценам и др. Увеличение бюджетного финансирования в виде грантов, субсидий, заключение хозяйственных договоров между государственными корпорациями и малыми инновационными предприятиями (работающие при вузах), центрами коллективного пользования или акционерными обществами связано со следующими факторами: использование средств из новых программ федерального финансирования науки и инноваций (научные гранты РФФИ, РФФ, научно-технические от Фонда содействия инновациям, программы поддержки стартапов и др.). При этом финансирование предприятий из собственных средств также увеличивается, что показывает на устойчивое экономическое состояние данных предприятий и их конкурентоспособность. Однако численность работников, занятых в данной отрасли заметно сокращается, предполагаем, что это связано с внутренней стратегией организации или оптимизацией кадров.

По мнению бизнес-сообщества Иркутской области, причины, а также экономические и внутренние факторы, препятствующие качественному развитию инноваций, следующие:

- несоответствие правовых и нормативных правовых документов для регулирования и стимулирования инновационной деятельности;
- неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, другие услуги);
- неуверенность в экономической выгоде использования интеллектуальной собственности.

Только относительно благоприятные социально-экономические условия и значительный научно-технический потенциал не гарантируют высо-

кий уровень инновационного развития в регионе в целом [4]. Для создания благоприятных условий для развития инновационного потенциала региона необходимо принять следующие меры:

1. Постановка целей устойчивого социально-экономического развития региона, определение приоритетных отраслей, разработка программ поддержки.

2. Создание институциональной базы регуляторов инновационной деятельности бизнеса: гранты и налоговые льготы для предприятий, финансирующих и участвующих в НИОКР, которые будут стимулировать бизнес к разработке инновационных продуктов.

Список литературы

1. Кадакоева Г. В. Инновационное предпринимательство: сущность, типология и возможности развития в условиях российских реалий [Электронный ресурс] // Вопросы инновационной экономики. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-predprinimatelstvo-suschnost-tipologiya-i-vozmozhnosti-razvitiya-v-usloviyah-rossiyskih-realiy> (дата обращения: 21.08.2020).

2. Мананкова А. А. Актуальные проблемы развития малого бизнеса в Иркутской области [Электронный ресурс] // Бизнес-образование в экономике знаний. 2016. № 3 (5) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-malogo-biznesa-v-irkutskoy-oblasti> (дата обращения: 21.08.2020).

3. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / под ред. Л. М. Гохберга. М. : Изд-во НИУ ВШЭ, 2012. 104 с.

4. Спивак Ольга Николаевна, Спивак Валерий Владимирович Инновационная деятельность в Иркутской области [Электронный ресурс] // Вестник ИрГТУ. 2013. № 11 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-deyatelnost-v-irkutskoy-oblasti> (дата обращения: 21.08.2020).

5. Сухарев О. С. Современная региология: теоретические модели и практические рекомендации для инновационной модернизации России [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-169511.html> (дата обращения: 23.08.2020)

6. Заварзина Ю. В., Батянова Л. Н., Москвитина Н. В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 315–318.

7. Москвитина Н. В. Государственная поддержка малого предпринимательства на федеральном уровне в РФ на современном этапе // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы Второго Байкальского научного социологического симпозиума. Иркутск, 2015. С. 85–90.

8. Москвитина Н. В., Иванов Р. В., Заварзина Ю. В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред.: А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск, 2019. С. 158–161.

9. Turkova V., Arkhipova A. Innovative development of Irkutsk region // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. IOP Publishing, 2019. Vol. 667, N 1. P. 012103.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 379.4(С18)
ББК 711.11.3

Рудакова Н. В., *Иркутск*

Информационный интернет-ресурс «Культура Иркутской области: статистика и аналитика»

Представлены основные положения проекта «Информационный интернет-ресурс “Культура Иркутской области: статистика и аналитика”», который выступит в качестве информационной и презентационной площадки, содержащей массив статистических и аналитических данных сферы культуры Иркутской области, в том числе представленных с помощью средств визуализации. Главной целью создания и реализации проекта является обеспечение единства информационного пространства и доступности информации о состоянии и развитии сферы культуры Иркутской области в разрезе муниципальных образований и учреждений культуры региона.

Ключевые слова: статистика, аналитика, культура, Иркутская область, интернет-ресурс, информатизация

Rudakova N. V., *Irkutsk*

Information Internet resource “Culture of the Irkutsk region: statistics and analytics”

The article presents the main provisions of the project “Information Internet resource» culture of the Irkutsk region: statistics and Analytics”, which will act as an information and presentation platform containing an array of statistical and analytical data in the field of culture of the Irkutsk region, including those presented using visualization tools. The main goal of creating and implementing the project is to ensure the unity of the information space and accessibility of information about the state and development of the cultural sphere of the Irkutsk region in the context of municipalities and cultural institutions in the region.

Keywords: statistics, Analytics, culture, Irkutsk region, Internet resource, Informatization.

Целью реализации проекта «Информационный интернет-ресурс «Культура Иркутской области: статистика и аналитика» является обеспечение единства информационного пространства и доступности информации о состоянии и развитии сферы культуры Иркутской области в разрезе муниципальных образований и учреждений культуры, статистики и мониторингов данной области, а также о результатах реализации федеральных и областных проектов и программ, направленных на модернизацию учреждений культуры.

Задачи реализации проекта:

- 1) разработка и реализация мер по развитию информационно-коммуникационных технологий в сфере культуры Иркутской области;
- 2) развитие современных форм представления информации о состоянии и развитии сферы культуры региона путем создания единой информационной инфраструктуры в области культуры региона на базе открытых данных с применением передовых IT-технологий;
- 3) создание информационного интернет-ресурса «Культура Иркутской области: статистика и аналитика» на сайте ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр «Байкал», играющего роль информационной и презентационной площадки;
- 4) представление на информационном интернет-ресурсе результатов развития сферы культуры региона, в том числе благодаря реализации федеральных и областных проектов и программ.

Главным участником проекта выступит отдел аналитики и мониторинга ГБУ ДПО ИОУМЦКИ «Байкал». Роль отдела в реализации проекта будет заключаться в сборе, обработке, анализе, визуализации информации о состоянии и развитии сферы культуры Иркутской области в разрезе муниципальных образований и учреждений культуры, а также о результатах реализации федеральных и областных проектов и программ, направленных на модернизацию учреждений культуры. В качестве внешних участников проекта выступят методические центры в сфере культуры, органы управления культуры муниципальных образований Иркутской области, учреждения культуры Иркутской области, главной задачей которых станет предоставление необходимой информации.

Планируемые сроки реализации проекта: 2021–2023 гг.

Показатели эффективности проекта включают в себя:

- статистические показатели развития отрасли в разрезе сибирского федерального округа, муниципальных образований Иркутской области, отдельных учреждений культуры региона;
- результаты мониторингов в сфере культуры;
- информационный проект «Обзор средств массовой информации в сфере культуры»;
- нормативно-правовая база в сфере культуры;
- результаты исследований в сфере культуры;
- интерактивная карта учреждений культуры Иркутской области;
- регулярный мониторинг с визуализацией результатов реализации на территории региона масштабных проектов, направленных на модернизацию учреждений культуры.

В таблице представлен календарный план реализации проекта «Информационный интернет-ресурс «Культура Иркутской области: статистика и аналитика» с указанием сроков и результатов исполнения.

Таблица

Календарный план реализации проекта «Информационный интернет-ресурс «Культура Иркутской области: статистика и аналитика» в 2021–2023 гг.

№	Наименование мероприятия	Сроки исполнения	Результаты исполнения
1	Определение информационных параметров содержания и структуры информационного интернет ресурса	2021	Структура интернет-ресурса
2	Формирование механизма получения необходимой информации и осуществление сбора и систематизации данной информации	2021	Система взаимодействия с поставщиками информации
3	Формирование и наполнение следующих разделов интернет-ресурса: - нормативные правовые акты в сфере культуры; - паспорт культурной жизни региона; - статистические показатели работы отрасли (в разрезе субъектов СФО, муниципальных образований Иркутской области, отдельных учреждений культуры); - обзор средств массовой информации в сфере культуры Иркутской области, Сибирского федерального округа, Российской Федерации; - мониторинги в сфере культуры; - исследования в сфере культуры	2021	Сформированные и наполненные разделы Интернет-ресурса
4	Мониторинг, визуализирующий результаты реализации на территории региона масштабных проектов, в рамках которых осуществляется модернизация (капитальный ремонт/строительство) учреждений культуры области: - национальный проект «Культура»; - совместный федеральный проект Всероссийской политической партии «Единая Россия» и Министерства культуры РФ «Культура Малой Родины» (направление – «Местный Дом культуры»); - Государственная программа Иркутской области «Развитие культуры» на 2019–2024 годы; - Долгосрочная целевая программа Иркутской области «100 Модельных домов культуры»; При реализации проекта будет сформирован активный список муниципальных образований области. При клике на муниципальный район/городской округ отобразится перечень учреждений культуры, в которых ремонтные/строительные работы завершены. При нажатии на название учреждения откроется страница, содержащая информацию о проведенном капитальном ремонте/строительстве, а именно: - наименование учреждения; - фотографии учреждения до и после проведения работ; - наименование проекта, в рамках которого осуществлялось финансирование данных работ; - сумма контракта (объем финансирования в соответствии с тем или иным проектом); - год завершения работ; - краткое описание объема проведенных работ	2021	Информация о результатах модернизации (капитальный ремонт/ строительство) учреждений культуры области

Окончание табл.

№	Наименование мероприятия	Сроки исполнения	Результаты исполнения
5	<p>Создание интерактивной карты учреждений культуры Иркутской области, которая будет представлять собой Интернет-ресурс в виде карты Иркутской области, на которой условными обозначениями будет отображаться сеть учреждений культуры с учетом филиалов и структурных подразделений, а также будет содержаться краткая информация о муниципальных образованиях и учреждениях культуры области.</p> <p>По каждому учреждению будут доступны сведения об учредителе, адрес/телефон, зона обслуживания, основные показатели деятельности.</p> <p>Функциональные возможности карты;</p> <ul style="list-style-type: none"> ● наличие паспорта района и паспортов поселений с информацией о численности населения, площади, административном центре, количестве учреждений культуры на территории муниципального образования, а также содержащих полезные ссылки на сайты администраций (при наличии). ● наглядное отображение обеспеченности муниципального образования учреждениями культуры; ● получение справочной информации о конкретном учреждении. Переход на сайт учреждения (при наличии сайта); ● масштабирование, возможность прокладывать маршрут, измерять расстояние от одного учреждения до другого 	2023	Интерактивная карта

Ключевые результаты и эффекты проекта к концу реализации проекта:

1. На сайте ГБУ ДПО ИОУМЦКИ «Байкал» создан интернет-ресурс «Культура Иркутской области: статистика и аналитика», целевой аудиторией которого являются руководители и специалисты министерства культуры и архивов Иркутской области, руководители и специалисты муниципальных органов управления культуры, руководители учреждений культуры, представители общественности;

2. Интернет-ресурс является информационной и презентационной площадкой, содержащей в себе массив данных сферы культуры, в том числе представленных с помощью средств визуализации;

3. Создано единое информационное пространство, обеспечена доступность информации в сфере культуры Иркутской области, статистики и мониторингов данной области.

Информационный интернет-ресурс «Культура Иркутской области: статистика и аналитика» выступит в качестве информационной поддержки разработки и реализации региональной культурной политики и культурной

деятельности в широком смысле. Создание информационной среды сферы культуры согласуется с принципами, направленными на сохранение культурного наследия и обеспечение доступа каждого гражданина к отраслевой информации.

УДК 316.655
ББК 73.04

Кузнецова К. Р., *Иркутск*

Анализ официальных сайтов муниципальных библиотек Иркутской области

В статье представлены результаты анализа официальных сайтов муниципальных библиотек Иркутской области. Объектами анализа выступили 39 официальных сайтов библиотек. Приводятся рекомендации относительно наполнения сайтов.

Ключевые слова: официальный сайт, библиотека, анализ, Иркутская область.

Kuznetsova K. R., Irkutsk

Analysis of official cultural and leisure sites of Irkutsk region institutions

The article presents the results of the analysis of official websites of municipal libraries of the Irkutsk region. The objects of analysis were 39 official library sites. Recommendations are given regarding the content of websites.

Keywords: official website, library, analysis, Irkutsk region.

Официальный сайт учреждения культуры – это официальное представительство учреждения сферы культуры в интернет-пространстве в виде информационного ресурса, содержащего логически завершенную, полную, структурированную, достоверную и своевременную (актуальную) информацию [2].

Сайт библиотеки является визитной карточкой учреждения и инструментом, с помощью которого можно активно взаимодействовать с получателями услуг. Получение открытой и своевременной информации на официальном сайте библиотеки позволяет существенно повысить эффективность и качество обслуживания населения. Необходимо отметить, что сайт библиотеки – это не только потребность современного общества, но и также государственное требование.

Для определения качества информационного ресурса муниципальных библиотек Иркутской области проведен анализ официальных сайтов организаций

Анализ официальных сайтов муниципальных библиотек проводился на предмет соответствия приказу Министерства культуры Российской Федерации от 20.02.2015 № 277 «Об утверждении требований к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, размещаемой на официальных сайтах уполномоченного федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Рос-

сийской Федерации, органов местного самоуправления и организаций культуры в сети «Интернет» (далее приказ № 277) [1].

В основу критериев были положены показатели, определяющие «Наличие общей информации об учреждении на официальном сайте учреждения в сети «Интернет» и «Наличие информации о деятельности библиотеки на официальном сайте учреждения в сети «Интернет».

Уровень поисковой доступности информационного объекта, размещённого на официальном сайте библиотеки, определялся с учётом следующего правила: «1» – информационный объект найден на официальном сайте (открыт и доступен для пользователя); «0» – информационный объект не найден (недоступен для пользователя) или если объект найден, но информация неактуальна (не обновлена). При анализе информации, размещённой на официальном сайте муниципальной библиотеки, использовались информационные объекты, представленные в таблице.

Таблица

Перечень информационных объектов

Наименование показателя	Информационный объект
Наличие общей информации об учреждении на официальном сайте учреждения в сети «Интернет»	Полное наименование организации культуры
	Сокращенное наименование организации культуры
	Почтовый адрес организации культуры
	Схема размещения организации культуры, схема проезда
	Дата создания организации культуры
	Сведения об учредителе (учредителях)
	Копия устава
	Свидетельство о государственной регистрации
	Решение учредителя о создании учреждения
	Решение учредителя о назначении руководителя организации культуры
	Положения о филиалах и представительствах (если имеются)
	Структура организации культуры (наименования структурных подразделений)
	Режим, график работы организации культуры
	Контактные телефоны
Наличие информации о деятельности учреждения на официальном сайте учреждения в сети «Интернет»	Адрес электронной почты
	Фамилии, имена, отчества, должности руководящего состава организации культуры, её структурных подразделений и филиалов (при их наличии).
	Сведения о видах предоставляемых услуг
	Копии нормативных правовых актов, устанавливающих цены (тарифы) на услуги либо порядок их установления
	Перечень оказываемых платных услуг, цены (тарифы) на услуги
Копия плана финансово-хозяйственной деятельности организации культуры, утвержденного в установленном законодательством Российской Федерации порядке, или бюджетной сметы (информация об объеме предоставляемых услуг)	
Информация о материально-техническом обеспечении предоставления услуг организацией культуры	

Окончание табл.

Наименование показателя	Информационный объект
	Копии лицензий на осуществление деятельности, подлежащей лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации
	Информация о планируемых мероприятиях
	Информация о выполнении государственного (муниципального) задания
	Отчет о результатах деятельности учреждения
	Результаты независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры
	Предложения об улучшении качества их деятельности
	План по улучшению качества работы организации

Анализ проводился в ноябре 2019 г. Объектами исследования выступили 39 официальных сайтов библиотек.

По состоянию на 01.01.2019 в Иркутской области действуют 749 муниципальных библиотек. Из них 39 – имеют официальный сайт (5 %). Из общего числа анализируемых сайтов – 4 сайта (10 %) созданы на базе бесплатных конструкторов, 8 сайтов (21 %) – на портале «Музыка и культура» (muzkult.ru).

В 5 муниципальных образованиях Иркутской области (12 %) библиотеки не имеют собственного сайта.

Наличие общей информации об учреждении на официальном сайте учреждения в сети «Интернет»

Полное наименование организации культуры представлено на всех сайтах муниципальных библиотек (100 %). Сокращенное наименование организации культуры размещено на сайтах 37 библиотек (94 %). Сокращенное наименование отсутствует на сайтах МКУК «Нижеилимская центральная межпоселенческая библиотека имени А. Н. Радищева», МКУ «Межпоселенческая центральная библиотека» (Нижеудинский район).

Дата создания организации культуры представлена на официальных сайтах 37 учреждений (95 %). Дата отсутствует на сайтах МКУК «Межпоселенческая библиотечная система Тайшетского района», МБУК «Централизованная библиотечная система г. Черемхово».

Сведения об учредителе (учредителях) представлены на сайтах 18 библиотек (46 %). Данная информация рассматривалась в разделах «Основные сведения», «Сведения об учредителе» или на Главной странице сайта, где отражены краткие сведения об организации культуры.

Устав – это учредительный документ, являющийся обязательным для юридических лиц. Копия устава размещена на сайтах 32 учреждений культуры (82 %) в разделе «Документы».

Также в разделе «Документы» анализировались следующие учредительные документы: Свидетельство о государственной регистрации (представлено на сайтах 20 библиотек – 51 %), Решение учредителя о создании

учреждения (размещено на сайтах 12 библиотек – 31 %), Решение учредителя о назначении руководителя организации культуры (представлено на сайтах 12 организаций культуры – 31 %).

Из числа библиотек, имеющих собственный сайт (39 ед.), – 34 учреждения имеют филиалы. Положения о филиалах и представительствах размещены только на 9 сайтах (27 %).

Структура организации культуры – это ее внутреннее устройство, состав подразделений и систему связи, подчиненность и взаимодействие между ними. Структура учреждения отражена на сайте отдельным разделом или файлом в разделе «Документы», имеется на сайтах 37 учреждений культуры (95 %).

Информация о режиме, графике работы организации культуры полно отражены на официальных сайтах 34 библиотек (87 %).

Раздел «Контакты» должен содержать полный список способов для связи с учреждением: почтовый адрес, схема размещения организации культуры, схема проезда контактные телефоны, адрес электронной почты. Содержание раздела должно быть ориентировано на полное информирование посетителей и иметь актуальные данные. Также данные могут быть представлены на Главной странице.

Почтовый адрес организации культуры, контактные телефоны, адрес электронной почты размещены на всех сайтах библиотек (100 %).

Схема размещения организации культуры, схема проезда представлены на официальных сайтах 24 учреждений (62 %) в виде живой карты, которую можно приблизить или отдалить – Яндекс Карты, GoogleMaps или картинки со схемой проезда.

Фамилии, имена, отчества, должности руководящего состава организации культуры, её структурных подразделений и филиалов (при их наличии) представлены на сайтах 36 муниципальных библиотек (92 %).

Наличие информации о деятельности учреждения на официальном сайте учреждения в сети «Интернет»

На официальных сайтах 29 библиотек имеются сведения о видах предоставляемых услуг (74 %).

Перечень оказываемых платных услуг, цены (тарифы) на услуги отражены на сайтах 28 учреждений (72 %). Копии нормативных правовых актов, устанавливающих цены (тарифы) на услуги либо порядок их установления представлены на сайтах 20 библиотек (51 %).

Копия плана финансово-хозяйственной деятельности организации культуры, утвержденного в установленном законодательством Российской Федерации порядке, или бюджетной сметы (информация об объеме предоставляемых услуг) на 2019 год размещена на сайтах 10 муниципальных библиотек (26 %). На сайтах 26 учреждений культуры копия плана отсутствует (67 %). Если организация культуры предоставила на официальный сайт не обновленную копию плана (план на 2018 г. и ранее), то это расценивалось как отсутствие информации. Копия плана финансово-хозяйственной

деятельности на 2017 г. присутствует на сайтах 2 библиотек (5 %) (МКУК «Централизованная библиотечная система Мамско-Чуйского района – центральная районная библиотека» и МБУК «Гуманитарный центр- библиотека имени семьи Полевых» г. Иркутск), на 2018 год – на сайте 1 библиотеки (3 %) (МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Тулун).

36 муниципальных библиотек (92 %) своевременно предоставляют на сайт информацию о планируемых мероприятиях учреждения и новости о культурных событиях региона в целом. На сайте МКУ «Межпоселенческая библиотека» МО Киренский район размещена афиша на март 2019 года, на сайте МБУК «Межпоселенческая библиотека муниципального образования «Боханский район» – на апрель 2019 год. Наличие таких данных расценивалось как отсутствие информации. На официальном сайте МКУК Межпоселенческая центральная библиотека Жигаловского района отражена актуальная новостная лента, но план мероприятий отсутствует.

Информация о материально-техническом обеспечении предоставления услуг организацией культуры отражена отдельным разделом на сайте или в виде файла в разделе «Документы». Информация представлена на сайтах 9 учреждений культуры (23 %).

Информация о выполнении государственного (муниципального) задания за 2018 год отражена на сайтах 12 библиотек (31 %).

Отчет о результатах деятельности учреждения за 2018 год размещен на сайтах 17 библиотек (44 %). Отсутствует отчет на сайтах 17 учреждений (44 %). Отчет за 2017 год представлен на 5 официальных сайтах (12 %). Отчеты за 2017 год и ранее, размещенные на сайте, являются не актуальными. Наличие таких отчетов расценивается как отсутствие информации.

Результаты независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры размещены на сайтах 19 библиотек (49 %). Предложения об улучшении качества деятельности организации представлены на 2 официальных сайтах: МБУК «Гуманитарный центр – библиотека имени семьи Полевых» (г. Иркутск), МКУК «Усть-Кутская межпоселенческая библиотека» (5 %).

План по улучшению качества работы организации размещен на сайтах 20 библиотек (51 %).

Во время обследования не было зафиксировано технических сбоев и нарушений в работе Интернет-сайтов.

Большинство сайтов муниципальных учреждений культуры являются простыми и удобными с точки зрения навигации пользователей, но при этом на некоторых сайтах возникали сложности с поиском информационных объектов. Также часть разделов на сайтах отдельных муниципальных учреждений культуры находится в стадии разработки или информация отсутствует.

Общее информационное наполнение официальных сайтов муниципальных библиотек составило 63 % от общего числа показателей, утвержденных в Приказе № 277.

Наибольший процент наполняемости официальных сайтов отмечается в следующих библиотеках: МБУК «Усольская городская централизованная библиотечная система» – 96 %, МБУК «Централизованная библиотечная система» (г. Усть-Илимск) – 93 %, МУ «Городская библиотека» (г. Свирск) – 89 %.

Наименее информативными являются официальные сайты МБУК «Централизованная библиотечная система г. Бодайбо и района», МКУК «Межпоселенческая библиотека им. В. К. Петонова» (Осинский район). Процент наполняемости разделов составил 37 % по каждому сайту от общего числа показателей, утвержденных Приказом № 277.

В целом на анализируемых сайтах библиотек достаточно представлена общая информация об организациях, но при этом следует отметить, что отсутствует информация по многим показателям, отражающих деятельность учреждений культуры.

Необходимо отметить, что недостаточно отражена информация по таким разделам как копия плана финансово-хозяйственной деятельности организации культуры, или бюджетной сметы; информация о материально-техническом обеспечении предоставления услуг организацией культуры; информация о выполнении муниципального задания; предложения об улучшении качества деятельности организации.

В качестве рекомендаций относительно наполнения сайтов можно указать следующие: размещение на сайте недостающей информации (в соответствии с Приказом № 277), доступной для пользователей, с количеством переходов от главной страницы сайта не более двух; своевременное обновление документов и информации.

Список литературы

1. Приказ Министерства культуры РФ от 20 февраля 2015 г. № 277 «Об утверждении требований к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, размещаемой на официальных сайтах уполномоченного федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций культуры в сети «Интернет» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkultury-rossii-ot-20022015-n-277/> (дата обращения: 02.09.2020).
2. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Алдохина О. И. Создание эффективного официального сайта объекта культуры: от эмпирики к разработке и реализации научно обоснованной концепции [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-effektivnogo-ofitsialnogo-sayta-obekta-kultury-ot-empiriki-k-razrabotke-i-realizatsii-nauchno-obosnovannoy-kontseptsii> (дата обращения: 02.09.2020).

УДК 316.657
ББК 73.03

Перваго Г. К., *Иркутск*

Информационное пространство в сфере культуры Иркутской области

Проводится обзор информационных сайтов Иркутской области, рассказывающих о культурной жизни региона. Отмечается, что информационное пространство отрасли разнородно. Делается вывод, что в региональном интернет-секторе официальные сайты государственных учреждений культуры области более информативны, а официальные сайты муниципальных учреждений культуры размещены на бесплатных интернет-ресурсах.

Ключевые слова: интернет-пространство, учреждения культуры, официальные сайты, информационные ресурсы.

Pervago G. K., *Irkutsk*

Information space in the sphere of culture of the Irkutsk region

the article reviews information sites of the Irkutsk region that tell about the cultural life of the region. The author notes that the information space of the industry is heterogeneous. In the regional Internet sector, the official websites of state cultural institutions in the region are more informative, while the official websites of municipal cultural institutions are available on free Internet resources.

Keywords: Internet space, cultural institutions, official websites, information resources.

Сложившаяся в России политико-экономическая ситуация создала благоприятную почву для технологического рывка, наблюдается стремительное развитие интернет-пространства. Несмотря на то что российская экономика распределена на сектора по видам деятельности и сгруппирована в отрасли во главе с министерскими учреждениями, каждый вид отрасли имеет свое информационное пространство, в том числе и сфера культуры.

В региональном секторе Интернет официальный отраслевой веб-ресурс о культуре Иркутской области представлен сайтом министерства культуры и архивов Иркутской области [3]. Сайт создан с целью информатизации отрасли, повышение качества предоставления государственных услуг в электронном виде, обеспечение равного доступа к культурным благам в сфере культуры и искусства для граждан Иркутской области. На сайте министерства отражена наиболее полная информация о региональном законодательстве в сфере культуры, о реализации национального проекта «Культура», действующих в отрасли программах, приведены данные о подведомственных Министерству учреждениях культуры, а также о деятельности министерства в целом. На сайте представлена новостная лента основных событий сферы культуры Иркутской области [3].

Информирование граждан Иркутской области о реализации культурной политики региона в сети «Интернет» осуществляется посредством информационных ресурсов государственных и муниципальных учреждений отрасли, а также средств массовой информации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Актуальные новости культурной жизни региона представлены в разделах по культуре на общих новостных

ресурсах области: сайтах газет «Областная», «АиФ в Восточной Сибири», «Иркутск», на сайтах информационных агентств (далее ИА) Телеинформ, «Альтаир» (рубрика «Прибайкалье в масс-медиа»), «Ирк.ру», «Иркутск Сегодня» и др.

ИА «Байкал Инфо» освещает новости во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере культуры. На сайте ИА «Байкал Инфо» публикуются новости информационного агентства, а также тексты газет «СМ Номер один», «Пятница», «Копейка», «Окружная правда». Информационное агентство выпускает новостную электронную ленту «Новости Приангарья», в ленте представлена информационная картина дня, рассказывается, чем живут города и районы региона. Используя собственную базу (свыше 1500 актуальных e-mail), ИА «Байкал Инфо», осуществляет новостную рассылку в органы государственной и региональной власти, главам муниципальных образований региона, общественным организациям и т. д. Новости информационного агентства получают СМИ Иркутской области, основные Интернет-издания Прибайкалья, Бурятии и Забайкальского края [4].

Новости о культурной жизни региона освещаются общественно-политической газетой «Областная» и еженедельной городской газетой «Иркутск», «Аргументы и факты. Иркутск». В сети действуют такие региональные порталы как «Прибайкалье», на котором по каждому муниципальному образованию Иркутской области наряду с социально-демографической, экономической информацией и описанием производственной сферы дается краткая характеристика сферы культуры городов и районов региона. Также с перечнем приближающихся культурных мероприятий области можно ознакомиться на открытых и бесплатных порталах «Город зовет» и 2do2go.

Интернет-проект «Культурный Иркутск» создан с целью улучшения культурного климата города и подготовки массива данных для жителей и гостей Иркутска о возможностях организации своего досуга. На сайте подбрана информация о сети учреждений культуры г. Иркутска, объем и характер деятельности указанных учреждений [2].

Информатизация – один из ключевых факторов модернизации отрасли и средство повышение доступности услуг сферы культуры для населения. Технологическое переоснащение учреждений культуры, предоставление все большего количества услуг в электронном виде позитивно влияет на качество услуг учреждений культуры. Благодаря внедрению современных способов распространения информации, учреждения культуры регистрируют собственные веб-сайты, направленные на обеспечение простого и удобного доступа к информационным (электронным) ресурсам с целью доступности культурных ценностей для широких масс в любое время и в комфортной среде. В формировании информационного пространства сферы культуры Иркутской области значительную роль играют сайты государственных и муниципальных учреждений культуры региона. В настоящее время официальный сайт имеют все 35 (100 %) государственных учреждения культуры

Иркутской области и 226 (23 %) муниципальных учреждения культуры региона [5]. Следует отметить, что все официальные сайты организаций культуры функционируют, в поисковых системах занимают верхние позиции. На всех сайтах государственных учреждений культуры Иркутской области своевременно предоставляется информация о планируемых мероприятиях учреждения и видах предоставляемых услуг.

Некоторые государственные учреждения культуры региона кроме основного сайта организации регистрируют интернет-представительства, ведут дополнительные проекты. Программно-аппаратные средства повышают эффективность доступа пользователей к требуемой информации. Специализированные системы, автоматизируют работу сотрудников учреждений культуры с жителями и гостями Иркутской области. Например, в ГБУК ИОДБ им. Марка Сергеева кроме официального сайта активно действует сайт «Писатели Приангарья – детям». ГБУК ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского, ведет региональный краеведческий портал Иркутской области «Приангарье.ru», веб-проект «Литературная карта Иркутской области», веб-сайт «Краеведение». На сайте библиотеки можно получить доступ к электронному каталогу ГБУК ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского, сводному каталогу библиотек Иркутской области, БД «Середина земли», реестру «Единичные книжные памятники Иркутской области» и т. д. [1]. ГБУК ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского, используя собственную базу электронных адресов, осуществляет еженедельную рассылку актуальных новостей сферы культуры.

На официальных сайтах музеев ОГАУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», ГАУК Иркутский областной краеведческий музей, ГБУК Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов можно посетить виртуальные туры, экскурсии. В мультимедийном кинотеатре и информационно-образовательном классе ГБУК Художественный музей им. В. П. Сукачева можно получить доступ к медиатеке Русского музея.

В последние годы новейшие технологии все шире используются для информационной поддержки культурной деятельности регионов. Новые сетевые ресурсы муниципальных учреждений культуры облегчают информационный поиск и доступ к культурным ценностям отрасли, расширяют круг потенциальных пользователей, формируют образ территории, служат дополнительным инструментом коммуникаций. Однако, муниципальным учреждениям культуры ввиду ограниченных финансовых возможностей наиболее доступно размещение сайтов на бесплатных хостингах, что значительно влияет на качество самого сайта и ограничивает доступ пользователя к искомой информации. На таких сайтах существует наибольшая угроза для нелегального размещения побочной информации, способной нанести серьезный вред здоровью, нравственному и духовному развитию потребителя. За последние десять лет наиболее активно создавались сайты по культуре в образовательной сфере (сайты детских школ искусств). Другие секторы

сферы культуры (муниципальные библиотеки, культурно-досуговые учреждения и пр.) в интернет-пространстве представлены меньше, но поскольку интернет является довольно подвижной структурой, данный факт может измениться в ближайшем будущем. Проанализировав большой объем интернет-сайтов муниципальных учреждений культуры Иркутской области, отметим отсутствие единой проработанной структуры сайтов, отсутствие на сайтах полной и актуальной информации, характеризующей как учреждение культуры в целом, так и его деятельность. Необходимо сказать, что на данный момент актуальной является разработка и внедрение типовых моделей сайтов учреждений культуры, направленных на повышение эффективности деятельности учреждения культуры и доступности услуг сферы культуры для населения региона [5].

Сегодня информационно-коммуникационные технологии активно используются в деятельности учреждений культуры, что помогает формировать комплексный подход к повышению общекультурных компетенций. Стремительное развитие технологий расширяет пространство социально-культурной деятельности и открывает новые формы предоставления доступа к культурному наследию. Факт активного использования информационно-коммуникационных технологий подтверждается переходом учреждений культуры на электронный документооборот, с применением современных интерактивных инструментов, предоставлением услуг населению в электронном формате.

Список литературы

1. Иркутская областная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского [Электронный ресурс]. URL: https://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?LNG=&C21COM=F&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS (Дата обращения 27. 08. 2020).
2. Культурный Иркутск [Электронный ресурс]// Культурный Иркутск: сайт. – URL: <http://kultura.irkutsk.ru> (Дата обращения 27. 08. 2020).
3. Министерство культуры и архивов Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/>. (Дата обращения 25. 08. 2020).
4. СМИ Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <http://baik-info.ru/smi-irkutskoy-oblasti> (Дата обращения 26. 08. 2020).
5. Состояние сферы культуры муниципальных образований Иркутской области на 1 января 2020 года: Аналитический сборник / сост.: Н. В. Рудакова, К. Р. Кузнецова, Г. К. Перваго. Иркутск, 2020. 108 с.

УДК 332.142
ББК 65.43

Анохина А. А., *Иркутск*

Влияние макроэкономических факторов и виртуального пространства на состояние культурной среды региона

В статье поднимается проблема качества культурной среды региона на примере Иркутской области в период пандемии. Выводится гипотеза, что в настоящее время пандемия коронавируса оказала влияние не только на здоровье населения, но и на все социальные институты, в том числе на экономику. Оценивается состояние макроэкономических факторов в пандемическом обществе. Автор акцентирует внимание на виртуальном пространстве как ключевом в условиях применяемых мер по карантину и самоизоляции. Также рассматриваются негативные последствия влияния нестабильной экономики на все сферы общественной жизни.

Ключевые слова: макроэкономика, культурная среда, пандемия коронавируса, виртуальное пространство, потребности индивидов в самореализации и самоактуализации.

Anokhina A. A., *Irkutsk*

Influence of macroeconomic factors and virtual space on the conditions of the cultural environment of the region

This article raises the problem of the quality of the cultural environment of the region on the example of the Irkutsk region during the pandemic. It is hypothesized that the current coronavirus pandemic has affected not only the health of the population, but also all social institutions, including the economy. The conditions of macroeconomic factors in a pandemic society is assessed. The author focuses on the virtual space as the key one in the conditions of applied quarantine and self-isolation measures. The negative consequences of an unstable economy on all spheres of social life are also considered.

Keywords: macroeconomics, cultural environment, coronavirus pandemic, virtual space, individual needs for self-realization and self-actualization.

Экономика – это совокупность институционализированных способов деятельности, образцов социальных действий, образующих различные типы экономического поведения людей и организаций для удовлетворения своих потребностей. Исходя из этого определения, необходимо отметить, что экономика в большой степени влияет на другие сферы общества, так как удовлетворение потребностей индивидов обеспечивается различными способами. На современном этапе развития Россия достигла большого прогресса и является страной с развивающейся экономикой. Однако экономическая сфера имеет большие риски в виде кризисов. Наша страна пережила крупный экономический кризис в 90-х и в 2010-х гг. находится в трудном экономическом состоянии на данный момент. В связи со вспышками пандемии коронавируса, страна массово перешла в режим карантина, множество предприятий вынуждены были приостановить свою деятельность, сотрудники компаний остались на неопределенный срок без заработных плат, при этом в стране не введена лояльность по кредитам, по арендной плате за помещения, коммунальным услугам, ценам на продовольствие и т. д. Данное состояние является тяжелым, и таким образом макроэкономические факто-

ры влияют на все виды городских и региональных пространств, в том числе на культурное пространство.

В целом макроэкономические факторы при их стабильном или развивающемся состоянии должным образом регулируют культурную сферу общества. По А. Маслоу и его «пирамиде потребностей» индивида, высшей потребностью человека является потребность в самовыражении и самоактуализации личности. Они напрямую связаны с культурной сферой, а следовательно, и с экономикой. Индивид, имея желание заняться творчеством, может удовлетворить его, записавшись на определенные курсы. Однако при этом ему необходимо будет воспользоваться материальными благами и обратиться к экономической сфере. При нестабильном состоянии экономики, а в особенности – макроэкономики, взаимодействие всех сфер общественной жизни с экономической нарушается, что негативным образом также сказывается на каждой из них в отдельности. Взаимовлияние культуры и общества рассматривали многие ученые. Пьер Бурдьё рассматривал функции культуры, механизмы накопления и трансляции нравственных ценностей и культурное бессознательное, объясняя культурные феномены и делая важный акцент на взаимовлиянии общества и культуры [7]. А. Долгин [1] и Ф. Я. Рубинштейн [6], писали о том, что ценность услуг культурной сферы реализуется посредством обеспечения индивида своих эстетических и духовных потребностей. Исходя из данных теорий, необходимо заметить, что общество, и в том числе экономика, влияют на культурную среду. Однако возникает вопрос, является ли это влияние прямо пропорциональным: при экономически нестабильном состоянии сфера культуры страдает или же напротив – расцветает.

Американский антрополог и основатель школы кросс-культурных исследований Питер Джордж Мёрдок в своей концепции рассматривал такие элементы культуры как понятия, ценности, правила и нормы, отношения. Им были выделены некоторые закономерности развития культуры: тип культуры зависит от природных условий жизни общества; развитие культуры неравномерно (расцвет и упадок культуры не совпадают с эпохами расцвета и упадка в других сферах общественной жизни) и преемственно (она зависит от общественно принятых традиций); особую роль в культурном процессе занимает человеческая индивидуальность [3]. Концепция П. Дж. Мёрдока наглядно прослеживается в современных реалиях. В условиях глобального кризиса макроэкономики люди вынуждены находиться в условиях самоизоляции. Многие индивиды восприняли данную ситуацию позитивным образом и развернули ее для себя в хорошую сторону, удовлетворяя свои потребности в самоактуализации и самореализации, наедине с собой давая волю творчеству и вдохновению. Культурному развитию регионов также должны способствовать утвержденные Президентом Российской Федерации в декабре 2014 г. «Основы государственной культурной политики». В качестве основной цели государственной культурной политики в доку-

менте определены формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития [5]. «Модернизация должна осуществляться на основе перехода к качественно новому уровню развития библиотечного, музейного, выставочного и архивного дела, концертной, театральной и кинематографической деятельности, традиционной народной культуры, сохранению и популяризации объектов культурного наследия, а также образования в сфере культуры. Для решения данной задачи необходимо создание условий для адаптации сферы культуры к рыночным условиям» [2]. В связи с этим в условиях карантина многие культурные учреждения пошли навстречу духовному развитию общества. Так, например, Большой театр вывел ряд своих спектаклей в прямую трансляцию, чтобы люди могли их посмотреть не выходя из дома. Такой же стратегии придерживается еще ряд учреждений, что позитивно влияет на культурное развитие общества.

Однако происходящее в настоящий момент является бедствием. В таких условиях многие люди переживают тяжелые социально-психологические состояния такие, как стресс, фрустрация, кризис, конфликты как межличностные, так и внутриличностные. Соответственно, такие экстремальные условия и определенное психологическое состояние различным образом влияют и на поведение человека. Патологический характер поведения индивидов напрямую связан с понятием толпы. Толпа характеризуется высоким уровнем бессознательности людей, объединенных в бесструктурные группы, связанных с отсутствием конкретной цели и высоким уровнем эмоциональности. Некоторые исследователи отмечали положительные аспекты в данном феномене. К примеру, Эрих Фромм считал, что каждый народ проходит путь от небольшой толпы до более масштабной – нации, в которой у каждого человека появляется своя социальная роль; толпа, а вместе с ней и экстремальные кризисные условия, дают человеку волю творчества и развивают его [8]. В таком случае человек в условиях макроэкономического кризиса может полностью посвятить себя творчеству, реализовывая тем самым стратегию развития культурного пространства региона. Однако не стоит забывать, что в большей степени толпа, особенно в условиях кризиса, негативно влияет на психологию индивида, создавая панику и порождая психологические проблемы.

Наше общество на современном этапе оказалось в состоянии аномии: отсутствуют культурно-значимые цели и общественно одобряемые средства их достижения, не закреплены нормы и правила поведения индивидов, в связи с чем люди оказываются в состоянии фрустрации, что негативным образом влияет на их культурное развитие. На фоне критических ситуаций возникают условия, при которых индивид не может достичь поставленной перед собой цели в связи с реальными или вымышленными преградами. В виде целей может выступать удовлетворение потребности в самовыражении, которая в нынешних условиях не может реализоваться. В данном слу-

чае можно обратиться к теории Роберта Мертона [4], который выделил типы адаптации к определенной социальной ситуации. Одним из таких видов является регрессивизм – «бегство» от реальности, отрицание социально значимых целей и общественно одобряемых средств их достижения. Соответственно, такой тип адаптации характеризуется девиантным поведением человека. В условиях бедствий и катастроф такое поведение более усугубляет общую обстановку и негативно влияет на культурное пространство региона.

Заклучение. Таким образом, макроэкономические факторы и виртуальное пространство в условиях их трансформации оказывают большое влияние на культурное пространство регионов. Независимо от экономической ситуации в стране культурная сфера должна развиваться и давать людям возможность в реализации необходимой им высшей потребности в самоактуализации. Однако в условиях экономического кризиса, несмотря на содействие культурной политики непрерывному развитию культурной сферы, индивиды испытывают психологическое напряжение и могут находиться в тяжелых психоэмоциональных состояниях, что негативно сказывается на творчестве, однако, многим людям наоборот творческая и в целом культурная деятельность помогает уйти от внутриличностных конфликтов, депрессий, возможного девиантного поведения и др. Стоит отметить, что на сегодняшний день этот вопрос влияния нестабильной макроэкономики в условиях кризиса и бедствий на индивида (особенно интересна для данного исследования молодежная социально-демографическая группа), его психологическое состояние и все виды деятельности, является противоречивым и требует более глубокого изучения с использованием прикладных методов социологического исследования.

Список литературы

1. Долгин А. Б. Экономика символического обмена. М. : ИНФРА-М., 2006. 632 с.
2. Концепция проекта Федерального закона «О культуре в Российской Федерации» // Официальный сайт Фонда «Институт экономики и социальной политики». URL: http://www.inesp.ru/special_projects/culture/info/ (дата обращения: 01.04.2020).
3. Мердок Дж. П. Культура и общество [Электронный ресурс] / пер. В. Г. Николаева // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 49–56. URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/~phil_ant_cult1.htm#12 (дата обращения: 01.04.2020).
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Т. Николаева, Е. Р. Черемиссиновой. М. : АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.
5. Основы государственной культурной политики Российской Федерации. URL: <static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).
6. Рубинштейн А. Я. Экономические основы культурной деятельности: индивидуальные предпочтения и общественный интерес : в 3 т. / ред. А. Я. Рубинштейн, Ю. У. Фохт-Бабушкин. СПб. : Алетей, 2002. 456 с.
7. Шапинская Е. Н. Художественный вкус и культурный капитал: взгляды и идеи Пьера Бурдьё [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyu-vkus-i-kulturnyy-kapital-vzglyady-i-idei-piera-burdie/viewer> (дата обращения: 01.04.2020).
8. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. М. : Аст Москва, 2006. 571 с.

УДК 78.06
ББК 85.31

Соловьева Д. С., *Иркутск*

Виртуализация современной музыкальной индустрии в условиях пандемии: новые форматы и перспективы

В статье рассматривается взаимосвязь виртуального пространства и музыкальной индустрии в условиях пандемии, анализируются новые форматы музыкальной деятельности и перспективы её развития в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: виртуальное пространство, музыкальная индустрия, артисты, пандемия.

Soloveva D. S., *Irkutsk*

Virtualization of the modern music industry in a pandemic: new formats and perspectives

The relationship between the virtual space and the music industry in a pandemic is considered, new formats of musical activity and the prospects for its development in the virtual space are analyzed.

Keywords: virtual space, music industry, artists, pandemic.

Пандемия коронавируса затронула множество сфер общественной жизни, в том числе музыкальную индустрию. Кризис пришелся на весну-лето 2020 г. – самое важное время для артистов, на которое выпадает самое большое количество выступлений, туров, релизов и фестивалей. Это выразилось в запрете на проведение массовых мероприятий – по сути одной из ключевых форм творческой деятельности исполнителей, предполагающей прямой контакт со слушателем. Таким образом, существенно пострадали основные источники доходов музыкантов, тур-менеджеров, звукорежиссеров, промоутеров, и других людей, имеющих непосредственное отношение к данному сегменту искусства. Новые реалии послужили толчком к поиску оптимальных форм коммуникации с аудиторией и выработке эффективных механизмов, способствующих адаптации артистов к условиям пандемического общества. Будучи отделенной от социального пространства, музыкальная сфера была вынуждена укрепить свои позиции в пространстве виртуальном – получившем широкое распространение в последнее время. В этой связи представляется важным изучение взаимосвязей музыкальной сферы и виртуального пространства.

Одной из распространенных форм заработка в интернете, основанных на взаимодействии с аудиторией в период пандемии, стал стриминг, когда артист транслирует музыкальный материал слушателям в сети Интернет через такие платформы, как YouTube, Twitch, Instagram, Lookport и пр. К примеру, особенностью онлайн-платформы Lookport является возможность проведения VR-концертов с панорамой 360 градусов (сцена делается круглой, камера устанавливается в центре), причем выступление можно смотреть через VR-очки для большей реалистичности. Исполнитель взаимодей-

ствуется со зрителем, как будто шоу выстроено только для него. В свою очередь зрители, находящиеся на трансляции могут поддержать артиста в форме доната – добровольного материального пожертвования в пользу артиста [3]. Стоит отметить, стримы позволяют артисту укрепить связь с публикой, отвечая на вопросы в чате, тогда как на стационарных концертах это не всегда удаётся. Еще одним из преимуществ данного формата является то, что послушать исполнителя в режиме реального времени могут те, кто по тем или иным причинам не мог попасть на живое выступление музыкантов – от нехватки средств, времени, территориальной принадлежности до инвалидности. Интернет объединил всех и стер привычные рамки коммуникации артистов и публики.

Другим способом получения музыкантом дохода являются стриминговые площадки, такие как BOOM, «Яндекс.Музыка», Apple Music, YouTube music, Spotify, Patreon. Здесь доход прямо пропорционален количеству прослушиваний пользователями, оформившими подписку на сервис [4]. Преимущество таких площадок заключается в том, что слушатели имеют доступ к информации об исполнителях, которая находится в карточке артиста. В эту карточку входят сведения о предстоящих концертах, новых релизах, ссылки на другие ресурсы, принадлежащие этому артисту.

Карантин стал серьезной помехой для участников музыкальных групп, творческая деятельность которых основана на плотном коллективном взаимодействии, где каждый участник вносит весомый вклад в общее дело. Так среди групп распространилось движение, основанное на записи инструментальных, вокальных партий и последующем монтаже материалов, не выходя из дома. Благодаря такому формату артистам удалось обогатить новым звучанием старые синглы, найдя тем самым отклик у подавляющего большинства слушателей.

Выход из кризисного положения многие представители музыкальной сферы нашли в разработке онлайн-курсов, видео-уроков, нацеленных на обучении вокалу, игре на музыкальных инструментах, посредством YouTube, Instagram и иных интернет-ресурсов. Большое распространение приобрели онлайн-концерты, видеоролики, прямые эфиры, транслируемые в социальных сетях. Они стали решением, позволяющим наладить контакт с аудиторией и напоминать о себе [1].

Высокое внимание в музыкальной индустрии отводится разработке и продаже мерча – официальной атрибутике, с символикой отдельных исполнителей, либо музыкальных коллективов. В качестве мерча могут выступать одежда, канцелярия, украшения и многое другое. Таким образом, аудитория идентифицирует себя с артистом, а артисты, в свою очередь приобретает внимание аудитории. В большинстве своём мерч продается на концертах, однако в условиях самоизоляции появилась необходимость в смене привычных алгоритмов. Теперь артисты прибегают к онлайн-продажам, создавая и развивая интернет-магазины, через которые фанаты приобретают продукцию и поддерживают исполнителя.

Стоит отметить, что карантинные меры остро сказались на судьбе музыкальных фестивалей, организация которых обычно приходится на весну-лето. Закрытие границ, перенос и отмена массовых мероприятий послужили тому, что организаторы фестивалей реализовали онлайн-версий событий. К примеру, организаторы Sziget – крупнейшего в мире фестиваль культуры, музыки и искусства в августе 2020 г. запустили семидневный марафон под названием Sziget Together Online. Так, каждый желающий мог подписаться на рассылку в рамках марафона и стать его участником в онлайн-формате. В течение семи дней гости знакомились с историей фестиваля, культурной программой и следили за прямыми трансляциями лучших выступлений за всю историю фестиваля. Благодаря марафону аудитория фестиваля значительно расширилась, ведь у людей появилась уникальная возможность стать частью знаменитого фестиваля и познакомиться с ним ближе [5].

Большое внимание со стороны общественности получил формат Drive-in концертов. Он предполагает прослушивание музыки на территории автомобильных кинотеатров, когда посетители дистанцируются друг от друга и слушают музыку, транслируемую со сцены в аудиосистемы автомобилей по радио. Так состоялся фестиваль Beanstalk, а американский электронщик Марк Ребиллет отправился в турне по США, где подобная практика оказалась очень востребована [2].

Однако, несмотря на снижение карантинных мероприятий, деятельность музыкальной индустрии остается приостановленной. При этом переполнены пляжи, рестораны, парки, и другие места массового скопления людей. Это послужило толчком к обращению музыкальных деятелей к правительству России, Министерству культуры России и Роспотребнадзору с целью восстановления концертной деятельности во избежание краха индустрии. Призыв организаторы концертов оформили в формате видеообращения и разместили на ютьюб-канале международного музыкального форума «Colisium». Кроме того была запущена акция «#вернем концерты» – с таким хештегом организаторы акции призывают общественность публиковать данное обращение в социальных сетях, отмечая аккаунты Роспотребнадзора и Министерства культуры России [1,2].

Таким образом, ситуация с пандемией коронавируса обнажила уязвимые стороны данного сегмента искусства, связанные с нехваткой живого энергетического обмена между исполнителями и аудиторией. Но при этом пандемия показала, что музыкальная индустрия способна приспособиться к изменившимся условиям в мире, посредством переноса деятельности в виртуальное пространство, выйти за рамки привычного понимания музыкальной деятельности, найти уникальные способы роста и развития. Стало понятно, что виртуальное пространство в современных условиях может являться опорой музыкальной сферы, связующим звеном между артистом и слушателем, что делает данную проблематику перспективной для дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Как изменится музыкальная индустрия за время пандемии [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1014230/vladislav-krylov/zhivoi-zvuk-kak-izmenitsia-muzykalnaia-industriia-posle-pandemii> (дата обращения: 16.08.2020).
2. Как изменилась музыкальная индустрия за время пандемии [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4456819> (дата обращения: 16.08.2020).
3. Большие онлайн-шоу: механика, расходы и окупаемость [Электронный ресурс] // Институт музыкальных инициатив. URL: <https://i-m-i.ru/post/online-shows> (дата обращения: 18.08.2020).
4. Как стриминг-сервисы меняют наши отношения с музыкой [Электронный ресурс] // Интернет-журнал BLUPRINT. URL: <https://theblueprint.ru/culture/music/music-streaming-services> (дата обращения: 17.08.2020).
5. О фестивале [Электронный ресурс] // Фестиваль Sziget. URL: <https://szigetfestival.com/ru/experiencehttps://szigetfestival.com/ru/experience> (дата обращения: 15.08.2020).

УДК 004.3:159.9

ББК 32.97:88.8

Поджидаева А. Ю., *Иркутск*

Компьютерные игры: феномен современной культуры

Статья посвящена влиянию компьютерных игр на психоэмоциональное состояние человека. Рассмотрены исторические, философские и культурные аспекты развития компьютерных игр как феномена современной культуры. Анализируются этические противоречия влияния компьютерных игр на социально-психологические аспекты поведения игрока. Также представлены результаты социологического опроса относительно мнения общества о влиянии компьютерных игр на сознание человека.

Ключевые слова: компьютерные игры, мировоззрение, виртуальная реальность, информационные технологии, сознание, психика.

Podzhidaeva A. Y., *Irkutsk*

Computer games: a phenomenon of modern culture

This article is devoted to the influence of computer games on the psycho-emotional state of a person. The historical, philosophical and cultural aspects of the development of computer games as a phenomenon of modern culture are considered. The article analyzes the ethical contradictions of computer games on the socio-psychological aspects of player behavior. Also, the results are presented from a sociological survey regarding opinions about the influence of computer games on human consciousness.

Keywords: computer games, worldview, virtual reality, information technology, consciousness, psyche.

Изучение компьютерных игр в современной науке – сравнительно новое направление. Однако к настоящему времени цифровые технологии применяются повсеместно: от производства той или иной продукции до повседневной жизни. Быстро распространившись, виртуальные компьютерные игры стали неотъемлемой частью современной культуры.

Несмотря на то что интерес к изучению природы игровой деятельности проявляется только с XX в., сам феномен на протяжении всей истории человечества привлекает к себе внимание выдающихся ученых. Так, еще

Платоном в его «Законах» игра начинает рассматриваться как культуросо-зидающая функция. На игре базируется все социальное бытие. Она сопутствовала не только массовым празднествам, но и оказывала воздействие на становление культуры и функционирование национальных институтов. Платон, Аристотель и многие мыслители Возрождения видели в игре действенное воспитательное средство.

В XVIII веке немецкая классическая философия выдвинула на первый план эстетический аспект игры. Иммануил Кант в своем труде «Принцип чистого разума» (1781) говорит об эстетическом духе, который «оживляет душу, приводит душевные способности в движение», чему содействует «игра, которая сама себя поддерживает и сама укрепляет необходимые для этого силы» [3]. Игра неразрывно связана с миром прекрасного, чувствами и переживаниями.

Определенный итог рассуждениям европейских мыслителей о сущности и функции игры подвел Й. Хёйзинга в своем трактате *Homo ludens* (1938). Согласно определению нидерландского философа, игра – «добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но, безусловно, обязательным правилам, с целью, заключающейся в нем самом; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением “иногобытия” в сравнении с “обыденной жизнью”» [7]. Хёйзинга также выделяет ряд особенностей: игра противостоит серьезности, «всякая Игра есть прежде всего и в первую очередь свободное действие» [7], игра представляет собой состязательную деятельность.

Исследования игры как предмета философского осмысления, появляются лишь в XX в. Так, автор транзакционного анализа Э. Берн в своей книге «Игры, в которые играют люди» изучает человеческие игры в межличностных взаимодействиях. Также существенным вкладом в социологию является исследование И. Гофмана о символическом взаимодействии в игровой форме, которому он посвятил более двадцати лет.

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования и работы М. Маклюэна, посвященные концепции медиагенезиса общества и культуры. Игры есть отражение общества в определенный исторический период. При этом социальные практики одного поколения кодифицируются в «игру» следующего. Следует отметить, что Маклюэн, как и антропологи, утверждает, что игры являются отголосками первобытных культур, реакцией социума на влияние различных культур. Именно благодаря элементу игры информационные технологии интегрируются и приобретают культурную ценность.

Особое место среди игр занимают компьютерные игры, поскольку данная среда близка по своей сущности к игровой. Цифровые технологии дают возможность воссоздать практически все игры, которые когда-либо придумывало человечество.

Отправной точкой истории видеоигр принято считать 50-ые года двадцатого столетия. Доподлинно неизвестно, кто являлся их первоначальным создателем. История знает трех человек, которые предположительно стали родоначальниками современных компьютерных игр: Ральф Баэр, предложивший общественности в 1951 г. идею интерактивного телевидения, А. С. Дуглас, в 1952 г. написавший игру, которая впоследствии получила название «ОХО» («крестики-нолики») и Уильям Хигинботем, создавшим в 1958 г. компьютерную игру Tennis for Two из осциллографа [4].

Несмотря на активное изучение возможностей открывшейся области, долгое время она была неизвестна широкой публике ввиду высокой цены на компьютеры. И только в 1970-х и 1980-х гг. большинству населения стали доступны аркадные автоматы, игровые консоли и компьютерные игры, которые быстро в поп-культуру.

За 50 лет игровая промышленность пришла к значительным успехам. Сейчас она уже опережает по уровню приносимых доходов Голливудский кинематограф.

Несмотря на повсеместное распространение видеоигр, особый интерес исследователей вызывает проблема влияния игр на индивидуальные особенности психических процессов, происходящих в личности человека. В данном контексте наиболее пристальное внимание уделяется вопросам социализации личности, игровой аддикции, девиации, а также изучению элемента насилия, повсеместно распространенного в играх.

Игровая деятельность является важнейшим фактором в процессе формирования личности, освоения культурного опыта и обучения взаимодействию с другими людьми. С ее помощью осуществляется переход ребенка к новой, высшей ступени своего развития. Однако возникает вопрос: могут ли игры наподобие серии Grand Theft Auto или жанра RPG чему-либо научить ребенка или в какой-то мере способствовать его возрастному развитию?

Однозначного ответа на данный вопрос не существует. Здесь важнее очертить круг подходов по данной проблеме.

С одной стороны, в процессе игровой деятельности развиваются внимание, когнитивные способности, коммуникативные навыки и другие сенсорные и пространственные функции. Так, в обзорной статье Н. В. Богачевой проанализированы работы, связанные с изучением когнитивных навыков игроков. В частности, геймеры отличаются более высокой склонностью к риску и имеют свойство проигрывать больше в азартные игры, нежели не-геймеры. Вместе с тем данное качество может быть полезно в бизнесе, особенно в совокупности с высокой рациональностью мышления взрослых игроков. Они демонстрируют готовность в принятии решений в определенной ситуации, способность к параллельному выполнению нескольких задач и стратегическому планированию. Проведение контролируемых сеансов игры позволяет говорить о возможности проведения тренировок с целью улучшения когнитивных функций у игроков. В качестве воз-

можных сфер применения компьютерной игротерапии С. А. Шапкин указывает следующие: помощь детям с нарушениями навыков пространственного различения и письменной речи; игры, способствующие улучшению координации у людей преклонного возраста и детей, а также повышению устойчивости внимания у пациентов, перенесших травматическое повреждение головы.

Между тем вопрос о полезности игр, созданных для широкой аудитории, весьма неоднозначен. Работы некоторых исследователей свидетельствуют и о негативном влиянии видеоигр. Так, у игроков чаще отмечается синдром дефицита внимания, гиперактивность, повышенная импульсивность, ухудшение долговременной памяти. Происходит так называемая фундаментальная потеря ориентаций, смешение реального мира с виртуальным, описанная французским философом Полом Вирильо [9].

Исследования, проводимые как зарубежными, так и отечественными учеными в сфере мотивационной привлекательности видеоигр, дают представление о довольно широком спектре факторов, отвечающих за их притягательность. Так, А. Г. Макалатия выделяет ряд факторов привлекательности компьютерных игр: эмоционально-эстетический аспект – игрока привлекают художественные достоинства сюжета игры и создаваемая игрой эмоциональная атмосфера; «раскачка» – приобретение виртуальных умений и их последующее усиление; достижение – выполнение определенного задания, победа над противником; удовольствие от интеллектуальной деятельности; коллекционно-исследовательский аспект – возможность максимально полного исследования игры; творческая деятельность – возможность создания чего-то нового; внеигровые аспекты, включающие в себя социализацию, эскапизм и возможность восстановления психического равновесия субъекта [5]. Представляет интерес также исследование А. А. Аветисовой, показывающее, что возможным фактором привлекательности онлайн-игры является «опыт потока» [1].

Помимо прочего, любая компьютерная игра включает в себя не столько отдых от повседневности, сколько побег от действительности. Видеоигры помогают уйти от проблем, конфликтов, стрессовых ситуаций, неудач и возможного давления со стороны окружения. Вдобавок они стоят относительно недорого, особенно в сравнении с более традиционными видами проведения досуга: отпуском, походом в ресторан или же посещением театра. Как подмечает Д. Н. Кавтарадзе: «Процесс разрушения просматривается в “игромании”, охватившей большую часть западного мира, в круглосуточной доступности “состояния игры”...» [2].

Помимо вышеперечисленных негативных аспектов, компьютерные игры, выпущенные за последние 10 лет, в 95 % случаев включают в себя сцены насильственных действий [8], что порождает их прочную ассоциацию друг с другом. А с ростом популярности данного вида развлечений и соответственным ростом их влияния, как на культуру, так и на человека возни-

кает закономерный вопрос об «эмоциональных последствиях» компьютерных игр. Несмотря на то что данный вид досуга помогает выплеснуть эмоции, он также делает игроков восприимчивее к ситуациям, происходящим в реальной действительности, когда эмоции необходимо контролировать. Кроме того, сторонники негативного влияния компьютерных игр отмечают, что компьютерные игры могут приводить к выбору агрессивных моделей поведения. Данное утверждение подтверждается и показаниями малолетних преступников, указывающих, что компьютерная игра послужила мотивацией преступить закон. Однако иногда подобные высказывания продиктованы нежеланием подростка брать на себя ответственность за совершенное им деяние, перекладывая ее на разработчиков, неблагоприятную среду или родителей.

Для того чтобы узнать мнение общества о влиянии компьютерных игр на психоэмоциональное состояние, сознание и мировоззрение человека, был проведен социологический опрос (приняли участие 183 человека), среди них 69,9 % – женщины (128 человек) и 30,1 % – мужчины (55 человек). Опрос проводился посредством анкетирования в социальных сетях. Согласно полученным данным, 70 % участников используют компьютер в качестве средства проведения досуга. При этом 17,5 % из них играют 3–4 раза в неделю, 15,8 % являются активными игроками и 16,4 % играют несколько раз в месяц. Также около 29 % респондентов указывают, что чаще всего в видеоигры в их семье играют дети или внуки. Преимущественно об этом сообщают люди в возрасте от 30 до 44 лет (56 %), 45–59 лет (28 %) и старше 60 лет (16 %). Также брат или сестра почти каждого шестого опрошенного увлекаются видеоиграми (32 %). Пятая часть участников опроса (34 %) позитивно относится к тому, что член их семьи играет в компьютерные игры. Около 30 % равнодушны к увлечению компьютерными играми своих родных. Максимальное безразличие демонстрируют молодые люди возраста 18–24 лет (67 %). При этом 31 % опрошенных демонстрируют негативное отношение к увлечению своих близких компьютерными играми.

Отвечая на вопрос о негативных последствиях видеоигр, респонденты к ним относят возникновение зависимости (19 %), бесполезную трату свободного времени (13 %), ухудшение зрения (20 %), негативное влияние на психику (10 %), еще 12 % отмечают, что компьютерные игры стирают границу между реальностью и виртуальностью.

При этом часть опрошенных считают, что видеоигры повышают скорость реакции (17 %), помогают развить внимательность (15 %), логическое мышление (16 %) способствуют снижению стресса и отвлечению от повседневных проблем (17 %).

На вопрос о влиянии компьютерных игр на психоэмоциональное состояние человека подавляющее большинство респондентов (55 %) отмечает, что компьютерные игры частично влияют на психоэмоциональное состояние человека и 31,7 % опрошенных указали, что компьютерные игры оказывают существенное влияние. И 13,7 % считают, что игры не имеют какого-

либо воздействия на личность. Можно сделать вывод о том, что большая часть участников опроса придерживается мнения, что компьютерные игры оказывают влияние на психоэмоциональное состояние человека в принципе.

Виртуальные компьютерные игры – многогранное явление культуры. Сложно принять какую-либо определенную позицию в вопросе их пользы или вреда для человека и общества, ввиду их сравнительно недавнего появления и недостаточной проработанности темы.

Видеоигры помогают нам познавать реальность, историю, культуру, человека и общество. Их влияние на социум взаимно и обоюдно. Помимо предоставления человечеству удивительных возможностей (от реставрации давно утраченных памятников культуры до сверхточного медицинского обследования и адронного коллайдера), компьютерные игры позволяют гораздо лучше понять современную культуру, ее истоки, а также перспективы ее дальнейшего развития. Направлением последующей деятельности могло бы стать изучение особенностей восприятия игроком символической смерти в игре.

Список литературы

1. Аветисова А. А. «Опыт потока» и общение в групповых ролевых интернет-играх // Вестник Московского университета. 2005. № 1. С. 68–69.
2. Кавтарадзе Д. Н. Мастерская игр: Ремесло и искусство // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 210–2015.
3. Кант И. Принцип чистого разума. М. : АСТ, 2019. 224 с.
4. Лесникова Я. Под скальпелем: как изучают видеоигры в России [Электронный ресурс] URL: <https://dtf.ru/2451-pod-skalpelem-kakizuchayut-videoigry-v-rossii> (дата обращения: 02.09.2020).
5. Макалатия А. Г. Мотивация в компьютерных играх [Электронный ресурс] URL: <http://banderus2.narod.ru/78380.html> (дата обращения: 03.09.2020).
6. Тэйлор Э. Первобытная культура [Электронный ресурс] URL: <http://biblio-online.ru/bcode/429314/p.96> (дата обращения: 02.09.2020).
7. Хэйзинга Й. Homo Ludens. М. : Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
8. Anderson C. A. Violent Video game effects on Children and Adolescents. N. Y. : Oxford University Press, 2007. 199 p.
9. Virilio P. Speed and Information: Cyberspace Alarm! [Электронный ресурс] URL: <https://journals.uvic.ca/index.php/ctheory/article/view/14657/5523> (дата обращения: 03.09.2020).

УДК 008
ББК 70/79

Олейник Е. А., Владивосток

Иновационные технологии для развития культуры в современном мире

Рассматривается влияние современных технологий на развитие культуры. Обозначается, что общество активно используя иновационные технологии в своей жизни, не должно забывать о культурных ценностях. Анализируется развитие культуры, а также средства получения, сохранения и распространения культурных знаний.

Ключевые слова: культура, информация, современность, технологии, человек.

Oleinik E. A., Vladivostok

Innovative technologies for the development of culture in the modern world

This article reviewed questions how modern technologies influence cultural development. Society uses actively innovative technology in their life and has not forgotten about culture values. In the article it is analyzed how we develop culture and which facilities let keep and distribute culture knowledge.

Keywords: culture, information, modernity, technology, person.

Слово «культура» в середине XVIII в., вероятно, заимствовано из французского языка. В западноевропейские языки оно пришло из латинского, где существительное *cultura* означает «возделывание, обрабатывание; воспитание, образование» и является производным от глагола *colere* со значением «возделывать, ухаживать; воспитывать». С проникновением в русскую лексику значение этого слова несколько изменилось. В восемнадцатом веке культура означала: разведение, выращивание какого-нибудь растения; культивирование. В девятнадцатом веке: совокупность достижения человечества в духовной, общественной и производственной сферах; просвещённость, образованность; воспитанность.

Изучают культуру разные науки, и каждая даёт своё определение. По Д. Н. Ушакову культура – совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе. То или иное состояние общественной, умственной, хозяйственной жизни, в какую-нибудь эпоху, у какого-нибудь народа, класса.

В общепринятом смысле культура – это все виды реформаторской жизнедеятельности человека и общества, и её результаты. Если брать термин культура как процесс духовных ценностей, то это стремление человечества к осваиванию и преобразованию существующей реальности. Понятие культуры показывает разностороннее отношение человека к окружающему его миру, через который он создаёт мир и самого себя.

С древнейших времён человек, покоряя природу, стремился улучшить свои условия жизни, проживания. Особенности ландшафта, растительного и животного мира, климат определяли жизнь человека. Чтобы выжить, необходимо было приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. В ходе

эволюции человек приобретал новые навыки. Постоянное стремление человека к преобразованию действительности, показывает, чего достигло человечество в направлении «господства» его над природой, в направлении развития науки и техники. А без развития науки и техники невозможен сам процесс человечества, процесс культуры. С возрастанием мощности техники увеличивается благополучие людей.

Наши познания в электронной технике позволили изобрести телевизоры, компьютеры. Развитие транспорта и связи облегчило международные контакты и способствовало культурному обмену. Были устранены технические препятствия к гастрольным поездкам актёров, личным встречам, переписке.

Появление киноиндустрии стало средством коммуникации. Благодаря документальному кино (хронике), мы имеем возможность видеть события, которые происходили в прошлом и события настоящего времени, как в нашей стране, так и в других странах.

Прогресс является поступательным процессом развития науки и техники, производства и сферы потребления, способствует также повышению интеллектуального уровня человека, крушению культурных границ между народами. Развитие культуры показывает достижение данной исторической цивилизации, определяет её место в ряду существующих, созданных и создаваемых нами в процессе эволюции. «Именно культурная составляющая деятельности человека сыграла решающую роль в эволюции человека» – Л. Мамфорд. Современная наука и техника изменили мир и представление о нём. Инновационные возможности оказывают влияние на социальную культуру общества. Рождается цивилизованный строй, т. е. новая форма нашей жизни. Научно-технический процесс вернуть обратно невозможно, он и дальше будет совершенствоваться, необходимо просто разумно его использовать.

Исторически цивилизация возникла на Земле, на основе преобразований человека и общества, среды, природы. Все эти преобразования лежат в основе развития культуры и цивилизации. В разные периоды развития человеческого общества возникло такое понятие как «информационная культура», которое принято считать составной частью общей культуры. Нацелена она на информационное обеспечение человеческой деятельности, которые придают смысл и значимость с точки зрения человека.

Инфокультура показывает, как эффективно использует, обрабатывает и хранит человек получение информации, способствующей достичь поставленные цели. Подчеркивает связь информационного мира с духовной составляющей культурной личности. Она состоит из следующих компонентов: аудиовизуальная культура; логическая; семиотическая; коммуникационная; понятийно-терминологическая; технологическая; сетевая. Информационную культуру человечества в разные временные отрезки сотрясали информационные кризисы. Один из самых значимых привёл к появлению письменности. Устные формы сохранения знания не обеспечивали полной целостности информации, поэтому возникла потребность сохранения её

документально. Очередной кризис вызвал к жизни компьютерные технологии. Изменились носители информации, автоматизировались информационные процессы. Современная информационная культура собрала в себе все свои предшествующие формы и соединила их в единое целое. Знание информационных ресурсов, при возможности получить свободный доступ к ним, является на сегодняшний день важнейшим элементом информационной культуры человека.

Современный мир загадочен и непредсказуем. Различные эпидемии и пандемии преследовали человечество на протяжении всей истории его развития. Коронавирусная инфекция – COVID-19, возникшая в мире, внесла свои коррективы в обычную жизнь людей в этом году. Отмененные или передвинутые на будущие даты, перенесенные кинофестивали, концерты, конкурсы, ярмарки, фестивали, спектакли, – вот реальные последствия распространения вируса и карантина, вызванного эпидемией. Художественные галереи, театры, музеи, да и другие культурные учреждения по всему миру оказались закрыты. Таковы, к сожалению, реалии современной действительности мира, но благодаря современным инновационным технологиям оказались возможны онлайн показы спектаклей, постановок, концертов. Если раньше не было возможности лично посетить культурное мероприятие, то в данное время она появилась в формате онлайн. Хотя «живое» общение не заменит никакой онлайн просмотр, но всё же остаётся возможность прикоснуться к прекрасному, к искусству.

Как писал Н. К. Рерих: «...Культура есть истинное просветлённое познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества... Культура есть утверждение добра – во всей его действительности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании... Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живёт во всём мыслящем и сознательном... Культура есть почитание света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утончённых достижений... Культура есть спасение» [1].

Сегодня в условиях карантина, введённого во многих странах, появилась уникальная возможность для культурного обогащения. Международный совет музеев (ИКОМ) провозгласил: «У музеев нет границ; у них есть сеть». Инновационные средства дают возможность просмотра телевизионных и онлайн трансляций в сети Интернет экскурсий по закрытым галереям и музеям, предлагают панорамные обзоры своих залов своим посетителям, выступлений музыкантов и актёров без участия «живого» зрителя, архивных постановок и новых созданных для нынешних условий.

В мире огромное количество людей с разными возможностями здоровья. Для них появилась возможность увидеть современное искусство, собрание исторических реликвий и памятников дистанционно. Мультимедийные и виртуальные экскурсии проводят гиды, возможны видеотуры по за-

рубежным странам. Виртуальный тур по экспозиции позволяет в деталях рассмотреть интерьеры, можно не спеша ознакомиться с экспонатами. Предлагаются онлайн-экскурсии с 360-градусным обзором, снятые с неотрывной камерой. Учреждения культуры на своих сайтах транслируют полные записи избранных симфонических оркестров. Ведутся трансляции балетных спектаклей. Рок-музыканты выкладывают в «Инстаграм» свои сольные выступления прямо из дома. Легендарные концерты прошлых лет.

В период карантина виртуальные просмотры объектов недвижимости повысили интерес со стороны потенциальных покупателей. Как показывает время, препятствие – это лишь повод показать, на что способен человек для их преодоления. Михаил Пиотровский сказал: «“Эрмитаж” означает «приют отшельников», сейчас можем и должны сотрудничать для укрепления трёх составляющих здоровых отношений между людьми: разума, эмоций и воображения».

Современное общество ставит перед нами задачи: грамотно работать с информацией, эффективно использовать имеющиеся ресурсы, умение и знание у человека навыков во взаимодействии с информационной средой, гибко адаптироваться в меняющихся жизненных ситуациях, творчески мыслить, быть коммуникабельным, контактным в различных социальных группах, уметь работать сообщая, даже дистанционно.

Список литературы

1. Рерих, Н. К. Избранное. М. : Советская Россия, 1979. 380 с.

УДК 338.2
ББК 65.05

Москвитина Н. В., *Иркутск*

Информационная культура муниципальных служащих (по материалам социологического исследования)

В статье анализируются результаты прикладного исследования информационной культуры муниципальных служащих Иркутской области. Рассматриваются общие закономерности, ключевые проблемы, мотивы и последствия развития информационной культуры среди муниципальных служащих. Делается вывод о необходимости развития информационной культуры муниципальных служащих.

Ключевые слова: информационная культура, муниципальные служащие, прикладное исследование

Moskvitina N. V., *Irkutsk*

Information culture of municipal employees (based on sociological research)

The article analyzes the results of applied research of information culture of municipal employees of the Irkutsk region. The general patterns, key problems, motives and consequences of the development of information culture among municipal employees are considered. The conclusion is made about the need to cite the information culture of municipal employees.

Keywords: information culture, municipal employees, applied research

Современное общество достаточно быстро развивается. Информационные технологии являются обязательными атрибутами современной жизни. На муниципальной службе они также все более повсеместно входят в повседневные реалии, выполнения своих профессиональных обязанностей муниципальными служащими. Поэтому становится все более актуальным вопрос об информационной культуре муниципальных служащих.

Это касается и подготовки управленческих решений, которые требуют системной информационной подготовки и систематизации имеющихся проблем или способов их решения, усложняются управленческие задачи, увеличивается информационная нагрузка. Это требует эффективное информационное обеспечение.

Повышение информационной составляющей в муниципальной службе упрощает горизонтальное и вертикальное взаимодействие, ускоряя и качественно его повышая. От принятия до реализации управленческого решения, благодаря информационной обеспеченности служащих проходит меньше времени и они могут больше необходимой работы выполнить [1; 2]. При этом возникают трудности при использовании и развитии информационной культуры муниципальных служащих [7].

Это, с одной стороны, повышение образованности и информационной грамотности муниципальных служащих, уровнем и качеством их подготовки, с другой – несоответствие возможностей муниципалитетов к обеспечению необходимым современным информационным обеспечением новых информационных технологий [4; 5; 8].

Также выступает серьезной дилеммой трансформация характера информационной среды, развитием сети Интернет и других социально-информационных интерфейсов с тенденцией сохранения информационной и личной конфиденциальности, а также ограничением времени на работу с информацией.

Продуктивная деятельность государственного и муниципального служащего любого ранга, во многом определяется уровнем его информационной культуры и умением дифференцировать разного рода информацию, поступающую из разных источников, а на основе ее анализа и проверки принимать единственно правильное в сложившейся ситуации управленческое решение [3; 6]. Таким образом, в содержание информационной культуры как сложной взаимосвязи дополняющих друг друга структурных элементов, включаются отдельные компоненты как профессиональной, педагогической, так и общей культуры, составляющие в целом своеобразную структуру.

Целью исследования было выявление основных тенденций и перспектив развития информационной культуры в системе муниципального управления городов Иркутской области. Наше исследование проходило весной 2020 г. среди муниципальных служащих в городах Иркутской области. В исследовании приняло участие 686 человек в возрасте от 22 до 65 лет, 60 % женщин и 40 % мужчин, все имеют высшее образование и стаж муници-

пальной службы от 1 года до 40 лет. 25 % опрошенных – это руководители среднего уровня и 75 % – рядовые сотрудники.

Информационная культура респондентами воспринималась как необходимое качество, процесс и одновременно явление. Но далеко не все могли уверенно сказать, что овладели им в совершенстве и информационная культура помогает и облегчает жизнь. Более половины готовы развивать в себе навыки и опыт по использованию данного вида культуры, так как понимают, что за ним будущее.

Наше исследование началось с вопроса о том, что послужило мотивом выбора деятельности на муниципальной службе, так как понимание того что послужило толчком к выбору специальности позволит проследить взаимосвязь с желанием развивать информационную культуру. На рис. 1 представлены мотивы выбора профессии, а на рисунке 2 взаимосвязь с желанием осваивать и развивать информационную культуру.

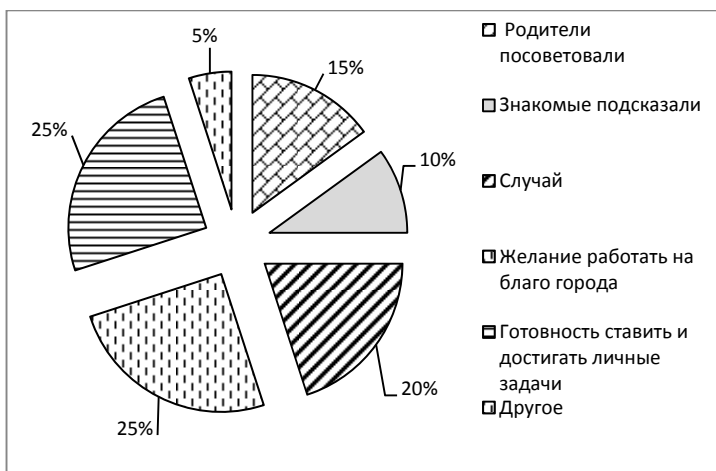

Рис. 1. Мотивы выбора профессии

Как видно из рис. 1, патриотические чувства (желание работать на благо города) и личные амбиции (готовность ставить и достигать личные задачи) стали приоритетными при выборе муниципальной службы как основной сферы деятельности (по 25 % каждый пункт). Воля случая или иных обстоятельств проявилась у 20 % респондентов в том, что они пришли на муниципальную службу. Подчинение желанию или совету родителей привело 15 % муниципальных служащих на их нынешнюю должность и только 10 % послушали своих знакомых.

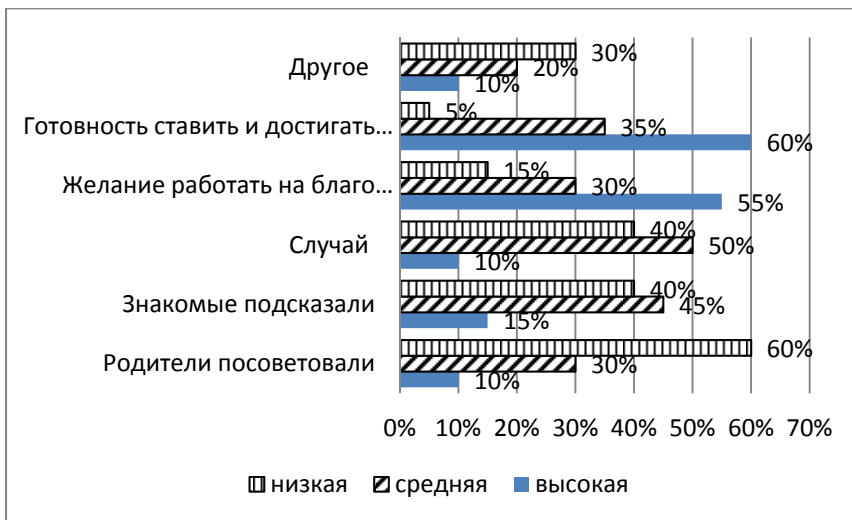

Рис. 2. Взаимосвязь мотива работы на муниципальной службе и желания развивать информационную культуру

Интересные результаты по уровню готовности развивать информационную культуру. Стоит уточнить, что под высоким уровнем готовности к развитию информационной культуры мы понимали готовность изучать, осваивать, опробовать и внедрять в непосредственную свою работу новые информационные достижения, а также готовность обучать и курировать других, нести за них личную ответственность в этом вопросе. Средний уровень развития информационной культуры развит у тех, кто готов осваивать новые информационные достижения, но лишь в той мере, что необходима для минимального соответствия своей должности и выполнения обязательных инструкций. Низкий уровень готовности развития информационной культуры у тех, кто сопротивляется внедрению новых информационных технологий, саботирует и игнорирует достижения информационной культуры.

Личные амбиции и патриотизм при выборе профессиональной деятельности указывают на высокий уровень готовности развития информационной культуры (60 и 55 % соответственно) или средний (35 и 30 % соответственно). Те, кто указывали на случай – высокий уровень мотивации развития информационной культуры наблюдается у 10 % и средний у 50 %. Для тех, кто по совету знакомых пошел – высокий уровень мотивации развития информационной культуры наблюдается у 15 % и средний у 45 %. Для тех, кто по совету родителей пошел – высокий уровень мотивации развития информационной культуры наблюдается у 10 % и средний у 30 %. Иными словами, чем больше личных или патриотических чувств испытывают муниципальные служащие, тем более развит уровень и готовность развития информационной культуры.

У 50 % муниципальных служащих ожидания частично оправдались, у 35 % полностью оправдались и у 15 % совсем не оправдались. Более интересные данные с корреляцией показателей готовности внедрения информационной культуры на местах. Высокий уровень готовности развития информационной культуры у тех муниципальных служащих, у кого ожидания частично оправдались (50 %) и полностью оправдались (30 %). Средний – у тех, у кого частично оправдались (25 %) и полностью оправдались (20 %). Низкий – доминирует у тех, у кого совсем не оправдались ожидания (75 %).

По мнению муниципальных служащих, информационная культура способствует общекультурному развитию – 45 %, оптимизирует работу – 40 % и соответствует прогрессу 15 %.

Муниципальные служащие неоднозначно относятся к информатизации органов государственной власти и местного самоуправления. Положительно – 45 %, отрицательно – 35 %, нейтрально – 20 %.

Среди комментариев, которые давали респонденты, можно привести следующие примеры. Высокий уровень: *«Без готовности обучаться чему-то новому, современному невозможно быть хорошим специалистом»* (Н. Ю., 44 года, специалист с 20-летним стажем муниципальной службы). *«Быть профессионалом своего дела – означает идти в ногу со временем и осваивать новые возможности»* (Н. Ю., 51 год, специалист с 30-летним стажем муниципальной службы). *«Я всегда слежу за новинками и к нам их внедряют не так скоро, как хотелось бы, но это не значит, что их нет»* (А. А., 25 лет, специалист с 3-летним стажем муниципальной службы).

Средний уровень: *«Если все указания начальства сразу выполнять, то времени на ежедневную работу не останется. Надо внедрять все не торопясь»* (Т. А., 33 года, специалист с 9-летним стажем муниципальной службы). *«Я осваиваю что мне надо по работе, а гнаться за последними новинками не в моих привычках, да и не факт что денег хватит на новое информационное обеспечение нашего муниципалитета»* (Д. О., 29 лет, специалист с 5-летним стажем муниципальной службы). *«Я готова к обучению, но не рвусь вперед, так как на меня после свесят в 5 раз больше, чем есть сейчас. А оно мне надо?»* (А. В., 31 год, специалист с 11-летним стажем муниципальной службы).

Низкий уровень: *«Сейчас так столько бумажной волокиты, так времени нет осваивать что-то новое»* (Н. Ю., 24 года, специалист с 2-летним стажем муниципальной службы). *«Было много работы, внедрили систему информационного документооборота – бумаг стали в два раза делать больше. Зачем спрашивается это надо было?»* (О. Л., 48 год, специалист с 18-летним стажем муниципальной службы). *«Лучше спешить медленно, а у нашего руководства – все благие намерения заканчиваются совсем не тем, чем хотелось и ожидалось»* (А. Г., 44 года, специалист с 16-летним стажем муниципальной службы).

Муниципальные служащие достаточно традиционно смотрят на восприятие профессионального образования. Высшее образование и является профессиональным образованием у 45 % респондентов. Большой стаж, т. е. опыт работы в той или иной сфере позволяет говорить о профессиональном опыте и образовании – у 30 % респондентов. И только для 25 % муниципальных служащих образование в сфере государственного и муниципального управления является профессиональным образованием.

Интересна также зависимость представлений о профессиональном образовании и готовности развивать информационную культуру (рис. 3).

Те муниципальные служащие, кто предполагает что профессиональное образование лежит в сфере государственного и муниципального управления, имеют более высокий уровень информационной культуры (70 %). Образовательным учреждениям в связи с этим можно предложить развивать программы магистратуры и повышения квалификации, которые имеют четкую целевую профессиональную аудиторию. Для тех, кто имеет средний уровень развития информационной культуры – ключевым показателем профессионального образования выступает большой стаж (40 %). Для тех муниципальных служащих у кого низкий уровень готовности осваивать информационную культуру также доминирует стаж как показатель профессионального образования и профессионализма (35 %). Высшее образование для муниципальных служащих со всеми уровнями готовности развития информационной культуры является обязательным показателем и условием профессионализма и профессионального образования.

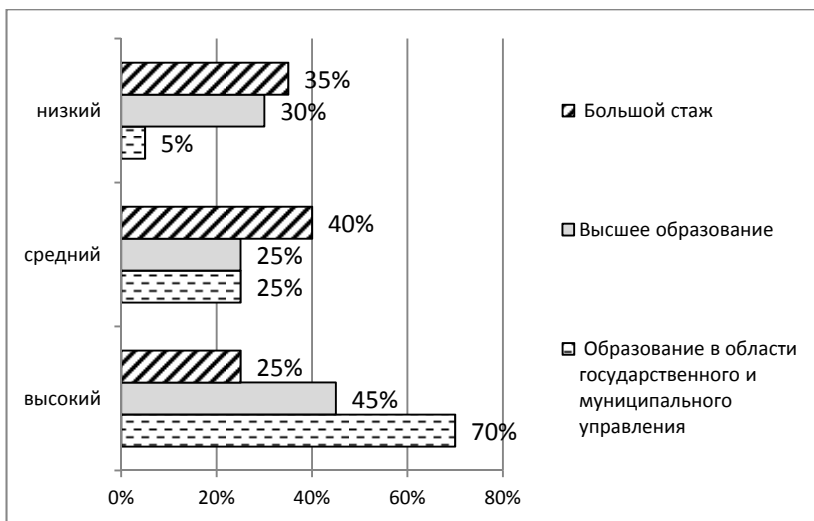

Рис. 3. Взаимосвязь представлений о профессиональном образовании и уровне информационной культуры муниципальных служащих

На рис. 4 представлены сферы желаемого дополнительного образования, которые помогут развитию информационной культуры на местах.

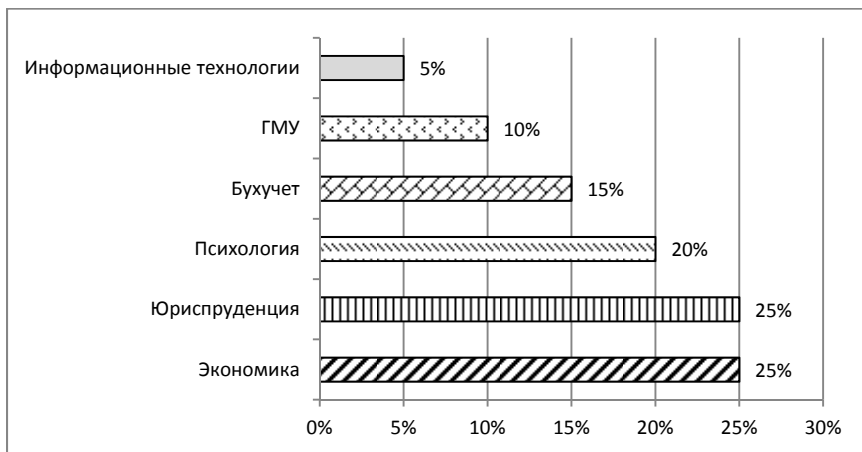

Рис. 4. Сфера, где хотели бы получить дополнительное образование муниципальные служащие, нацеленное на развитие информационной культуры на местах

По мнению респондентов, экономическое образование в 30 % поможет развитию информационной культуры, юридическое в 25 %, психологическое в 20 %, бухгалтерское – 15 %, ГМУ – 10 % и собственно информационной безопасности. Безусловно, муниципальные служащие с позиции своей профессиональной деятельности оценивают потребности в информационном обеспечении, но представленные данные показывают достаточно традиционное для нашего общества распределение потребностей знаний.

Более того, оценка повышения квалификации, связанная с изменениями в профессиональном статусе, связанная с прохождением переподготовки показывает далеко не однозначную картину в информационной подготовке служащих. Более подробно см. рис. 5.

На рис. 5 видно, что оценка повышения квалификации муниципальными служащими связана, прежде всего, с карьерным ростом – 30 %, повышением заработной платы и возможностью пройти профессиональную аттестацию – по 20 %. Зачисление в кадровый резерв – 15 % и более качественное выполнение должностных обязанностей лишь у 10 % респондентов.

Иными словами, информационная культура выступает инструментом, а не целью повышения квалификации муниципальных служащих Иркутской области. Для большинства (70 %) это практические умения и навыки, которые можно применять в разных областях профессиональной деятельности и только для 30 % это возможность развития критического и ассоциативного мышления, креативности и нестандартного подхода к решению поставленных задач.

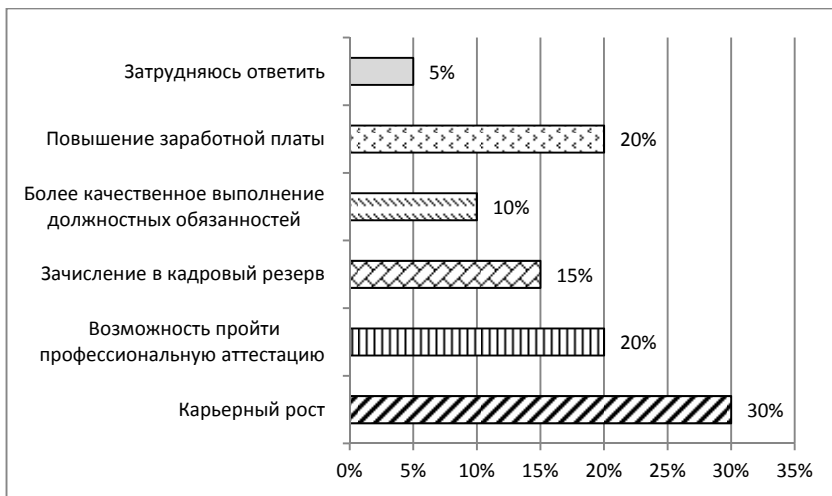

Рис. 5. Оценка повышения квалификации, связанное с изменениями в профессиональном статусе, связанное с прохождением переподготовки

При этом респонденты свою степень подготовки к использованию информационных компьютерных технологий оценивают как очень хорошую – 15 % или достаточную – 45 %, что в целом показывает высокий уровень подготовки и только 30 % говорит о не достаточной подготовке и у 10 % (увы) имеет место никакая подготовка.

На рис. 6 представлены данные о влиянии информационных технологий на реализацию и развитие муниципальных служащих. В анкете вопрос задавался через шкалу от 5 до 1, но для удобства, ответы мы преобразовали в высокий уровень влияния: 4–5 баллов, средний – 3–2 балла и низкий – 1 балл.

Как видно из рис. 6, на высокий уровень реализации респондента влияет интуиция, гибкость, ответственность и умение сочетать традиционные и информационные, электронные формы работы. Для среднего уровня оценки реализации важна компьютерная грамотность, умение пользоваться информацией, коммуникативная компетентность и также умение сочетать традиционные и информационные, электронные формы работы. Для низкого уровня реализации важны навыки достаточно слабо связанные с информационной культурой – это сопереживание, эрудиция и начитанность. Вероятно, поэтому и реализации в профессиональной деятельности не наступает, что представители данной группы имеют иные мотивы и формы деятельности на своем рабочем месте.

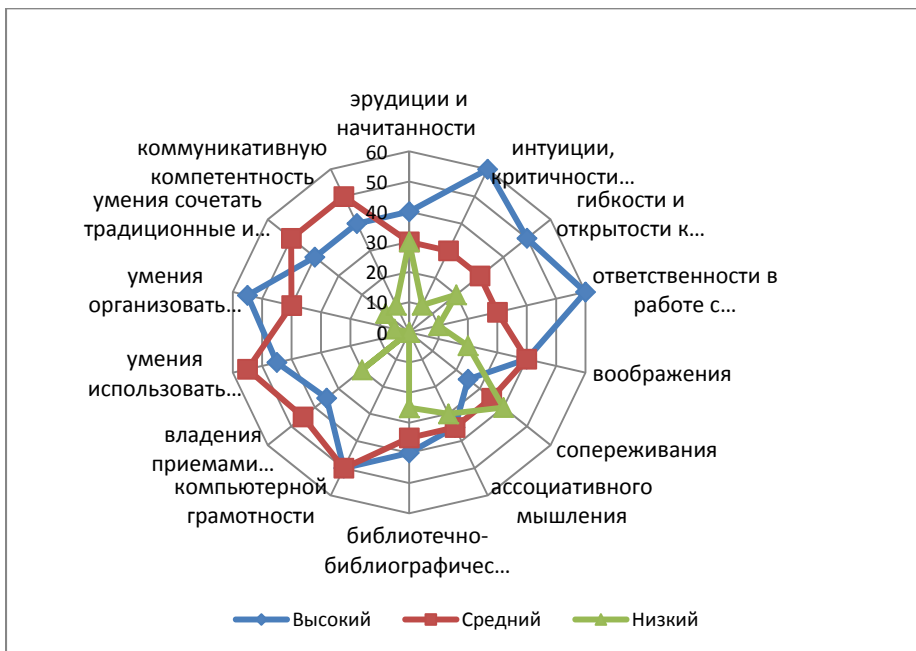

Рис. 6. Графическое изображение влияния информационных технологий на реализацию и развитие самого муниципального служащего

При этом большая часть респондентов (70 %) говорит о высоком уровне оснащённости своего учреждения компьютерной техникой, которая помогает и повышает качества освоения информационной культуры муниципальных служащих.

Далеко не всеми инструментами компьютерной техники в своей деятельности пользуются муниципальные служащие. Преобладают базовые программы – текстовые и графические редакторы (80 %) – практически все, системы делопроизводства – 75 %, базы кадровых данных в Интернет – 65 %, телекоммуникации – 45 %, информационные системы – 35 %, планинги рабочего времени – 30 %, специализированные программы – 25 %, игры – 10 %.

Оценивая средства полезной компьютерной техники, которые были бы полезны, но сейчас недоступны, муниципальные служащие говорят о тех же формах, только в большем объеме и качестве. Освоение в полном объеме текстовых реакторов – 100 %, специализированные программы – 90 %, системы делопроизводства – 80 %, информационные системы и базы кадровых данных в Интернет – по 75 %, телекоммуникации – 60 %, планинги рабочего времени – 55 %.

Иными словами, муниципальные служащие знают, что им нужно осваивать, знания в каких областях и сферах информационной культуры усилить, чтобы освоить и качественно выполнять свои профессиональные обязанности и должностные инструкции.

Никто из респондентов не ходил на курсы по приобретению навыков по работе с компьютером, все осваивали его самостоятельно или в рабочем порядке. При этом, респонденты указывают на разные проблемы, возникающие при работе с компьютером.

Основная проблема – недостаточность знаний и навыков (35 %), т. е. для ее устранения необходимы курсы, консультации и мастер-классы. Сложность оборудования – 25 %. Устраняется тем же путем – через обучение работы на оборудовании. Отсутствие необходимых программ и вредное влияние на здоровье – по 20 %. Устаревшие компьютеры – 15 %. Психологический барьер и недостаток консультантов по 10 %.

Во всех изучаемых нами подразделениях есть компьютерные службы или отдельные специалисты. Но далеко не все сотрудники могут высоко оценить качество их работы или вернее эффективность в конкретном муниципальном подразделении.

Муниципальные служащие считают специалистов или в целом служб технической и информационной поддержки узкими специалистами – 35 %, полагают, что у них слишком свободный режим – 30 %, они не понимают специфику работы – 25 %, непонятно чем занимаются – 20 %, хотели бы поменяться с ними работой – 15 %, они используют жаргон – 10 %, они высокомерны – 5 %. Большинство ответов имеет негативный контекст, что в целом показывает общую неудовлетворенность процессом.

У муниципальных служащих возникали ситуации с защитой информации, хранящейся в компьютерах. Наиболее часто респонденты сталкивались с потерей информации из-за сбоев техники – 40 %, потери информации из-за плохой организации хранения – 35 %, порчи информации вирусами – 30 %, усложненному доступу к конфиденциальной информации – 25 %, хищением информации – 20 % и только 10 % не сталкивались с подобными проблемами.

В процессе становления информационного общества происходит коренное изменение сложившихся социально-психологических отношений в сфере управления государственного и муниципального уровня. Одним из главных изменений является формирование новой информационной культуры в системе управления.

Информационная культура государственного и муниципального служащего является элементом общей культуры управления, которая включает в себя особые методы, формы и средства управленческой деятельности, а также является частью профессиональной квалификации персонала управления.

Уровень информационной культуры служащих определяется прежде всего уровнем технологической обеспеченности информационно-управленческого процесса и информационной культурой управленческой организации. Поэтому важнейшей характеристикой информационной культуры организации является совокупность специальных технико-управленческих принципов и требований информационно-управленческой коммуникации.

Формирование информационной культуры государственного и муниципального служащего подчинено принципу не овладения знанием как таковым, а прежде всего методом работы с этим знанием.

Различные результаты социологического исследования показывают, что в настоящее время работники управленческих организаций обладают невысоким уровнем информационной культуры. Основные причины такой ситуации сложились в результате того, что:

- а) недостаточная информационная грамотность персонала,
- б) не существует развитой структуры информационных потребностей,
- в) в настоящее время потребности не выходят за рамки должностных инструкций.

Информационная культура требует перехода на новую модель взаимоотношений, где от деятельности каждого государственного и муниципального служащего зависит эффективность деятельности всей управленческой структуры.

Совершенно очевидно, что поступательное развитие российского общества в будущем будет во многом определяться высокоэффективной системой управления, способной обработать все возрастающий объем информации разнообразными средствами и использовать его в принятии управленческих решений.

Таким образом, повышение уровня информационной культуры государственных и муниципальных служащих выступает одним из главных направлений преобразования управленческих систем в соответствии с объективными потребностями развития общества.

Проведенный анализ позволяет предложить некоторые рекомендации для повышения уровня информационной культуры государственных и муниципальных служащих:

1. С целью повышения информационной грамотности персонала обучить сотрудников работе в новых информационных системах.
2. Разработать регламентацию информационной обработки документов.
3. Проводить аттестацию и подбор кадров с учетом параметров информационной культуры, предложенных в настоящем исследовании.
4. Ввести единую информационную систему управления для всех уровней управления.

5. Разработать систему информационных потребностей для органов управления, которая бы включала в себя как объективные потребности развития общества, так и социально-психологические потребности государственных и муниципальных служащих.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.

2. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти Иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 65–70.

3. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства [Электронный ресурс] : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20–23 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. С. 310–315.

4. Журавлева И. А. Качество государственного управления через инструменты цифровизации // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 13–21.

5. Журавлева И. А., Тетерин В. В. От электронного управления к цифровому управлению: теоретический аспект // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 110–115.

6. Москвитина Н. В. Информационная культура муниципальных служащих // Социология. 2020. № 3. С. 211–221.

7. Основы цифровизации государственного и муниципального управления : учеб. пособ. / О. А. Полошкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 169 с.

8. Полошкевич О. А. Место личной реализации в системе цифровой культуры государственного и муниципального служащего // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 169–172.

УДК 351.352
ББК 67.401.21 я73

Замаратская А. С., *Иркутск*

Информационная культура муниципальных служащих

Рассматривается роль и место информационной культуры в общественном прогрессе, выявляются основные определения и направления развития информационной культуры в обществе. Анализируется роль и форма в развитии информационной культуры в отдельных муниципальных служащих.

Ключевые слова: информационная культура, прогресс, муниципальные служащие

Zamaratskaya A. S., Irkutsk

Information culture of municipal employees

The article examines the role and place of information culture in social progress, identifies the main definitions and directions of development of information culture in society. The role and form in the development of information culture in individual municipal employees is analyzed.

Keywords: information culture, progress, municipal employees

Информационная культура (далее ИК) – это часть общей культуры личности и общества в целом. Ее характеризует степень развитости информационного взаимодействия и отношений». ИК концентрирует внимание исследователей на достигнутом уровне обращения с информацией, позволяет рассмотреть направленность и быстроту изменений этой области и таким образом прогнозировать ее дальнейшее развитие.

Существует несколько трактовок понятия информационная культура.

ИК – ряд имеющихся знаний и умение применять их на практике для постановки и решения содержательных задач».

ИК – достигнутый уровень организации информационных процессов, степень удовлетворения потребности людей в информационном общении, уровень создания, сбора, хранения, переработки и передачи информации, а так же деятельность, направленная на оптимизацию всех видов информационного общения, создание наиболее благоприятных условий для того, чтобы ценности культуры были освоены и вошли органично в образ жизни человека.

ИК – умение использовать информационный подход, анализировать информационную обстановку и делать информационные системы более эффективными.

ИК характеризует уровни развития различных сфер деятельности (культура труда, художественная культура, искусство, быт и т. д.). Она содержит в себе своеобразные способности, выступает содержательным аспектом субъектно-объектных отношений, зафиксированных при помощи различных материальных носителей. Здесь под субъектом понимается человек или социальная группа – носитель предметно-практической деятельности и познания; под объектом – то, на что направлена указанная деятельность субъекта. В зависимости от субъекта, выступающим носителем ИК, которую можно рассматривать на трех уровнях:

1) информационная культура личности;

2) ИК отдельных групп сообщества (определенного социума, нации, возрастной или профессиональной группы и т. д.);

3) социальная ИК культура в целом. ИК личности, по мнению ряда исследователей, является уровневой, развивающейся во времени системой. А. Атаян выделяет три уровня ИК личности:

- общий (базовый);
- профессиональный;
- высший (логический).

Эти процессы формируют солидарность сообществ в виртуальной среде [5].

Для общего (базового) уровня ИК личности главной особенностью набора знаний, умений и навыков будет их возможность применения практически без изменений в различных видах деятельности. Для профессионального уровня ИК личности знания, умения и навыки будут характеризоваться специфичностью, большей сложностью, но при этом ограниченностью области применения [2]. Данные уровни привязаны к профессиональной деятельности человека. Для высшего (логического) уровня ИК, умения и навыки также носят межотраслевой характер. Они отличаются от базовых степенью сложности и обусловлены творческим мышлением, гибкостью, возможностью осуществлять анализ и синтез, сочетать ранее освоенные знания, умения и навыки [3]. Критериями ИК человека считаются его умение соответствующе формулировать потребность в информации, эффективно и точно осуществлять поиск нужной информации во всей совокупности информационных ресурсов, перерабатывать и создавать новую информацию, вести индивидуальные информационно-поисковые системы, верно отбирать и оценивать информацию, а также: способность к информационному общению и компьютерную грамотность.

ИК человечества в разный промежуток времени потрясали информационные кризисы. Один из наиболее значительных информационных кризисов привел к появлению письменности. Устные методы сохранения знания не обеспечивали достаточной сохранности всё более растущих объемов информации и фиксации информации на материальном носителе, что породило новый период ИК – документный. В ее состав вошла культура общения с документами: извлечение фиксированных знаний, кодировании и фиксации информации документографического поиска. Управление информацией стало легче, также изменился образ мышления, но устные формы ИК не только не утратили своего значения, но и обогатились системой взаимосвязей с письменными.

Далее очередной информационный кризис призвал к жизни компьютерные технологии, модифицировавшие носитель информации и автоматизировавшие некоторые информационные процессы.

Современная ИК взяла в себя все свои предыдущие формы и соединила их в единое целое. Как особый аспект социальной жизни она выступает в качестве предмета, средства и результата социальной активности, отражает характер и уровень практической деятельности людей. Это результат деятельности субъекта и процесс сохранения созданного, распространения и потребления объектов культуры.

В настоящее время создается база для формирования противоречия между категорией индивидов, ИК которых формируется под влиянием информационных технологий и отражает новые связи и отношения информационного общества, и категорией индивидов, ИК которых определяется традиционными подходами. Это создает разные уровни ее качества при одинаковых затратах сил и времени и влечет объективную несправедливость, что связано со снижением возможностей творческого проявления одних субъектов по сравнению с другими.

Высокая ИК, основы которой закладываются уже сегодня, даёт новый толчок экономическому и социальному прогрессу. Формирование высокой ИК, в конечном счете, позволит качественно увеличить умственный, духовный, творческий потенциал человека.

Чувство социальной ответственности как неотъемлемая составляющая информационной культуры государственного и муниципального служащего сопровождает его профессиональную деятельность и способствует преобразованию необходимых компетенций в устойчивую позицию и поступки, социально мотивированную деятельность [6]. Каким бы высококвалифицированным специалистом ни являлся государственный служащий, без сформированных социально значимых ценностных ориентаций невозможно говорить о высоком уровне информационной культуры. Чтобы оставаться востребованным в своей области профессиональной деятельности, необходимо, как и в любой другой сфере деятельности, регулярно уделять внимание совершенствованию не только профессиональных качеств, но и информационной культуры, собственной и подчиненных.

В ряде исследований показывается особенности конструирования информационной культуры муниципальных служащих (Н. В. Москвитина [7]), особенности восприятия информационной подготовленности (Р. Г. Ардашев [1]), вовлеченности в стратегии личного и социального развития (О. А. Полюшкевич [8]), а также изменения государственного муниципального управления в эпоху цифровизации (И. А. Журавлева [4]).

Целью исследования было выявление основных тенденций и перспектив развития информационной культуры в системе муниципального управления городов Иркутской области. Наше исследование проходило весной 2020 г. среди муниципальных служащих в городах Иркутской области. В исследовании приняло участие 686 человек в возрасте от 22 до 65 лет, 60 % женщин и 40 % мужчин, все имеют высшее образование и стаж муниципальной службы от 1 года до 40 лет. Из опрошенных 25 % – это руководители среднего уровня и 75 % рядовые сотрудники.

Информационная культура респондентами воспринималась как необходимое качество, процесс и одновременно явление. Но далеко не все могли уверенно сказать, что овладели им в совершенстве и информационная культура помогает и облегчает жизнь. Более половины готовы развивать в себе навыки и опыт по использованию данного вида культуры, так как понимают, что за ним будущее.

В таблице представлены данные о влиянии информационных технологий на реализацию и развитие муниципальных служащих. В анкете вопрос задавался через шкалу от 5 до 1, но для удобства, ответы мы преобразовали в высокий уровень влияния: 4–5 баллов, средний – 3–2 балла и низкий – 1 балл.

Таблица

Влияют ли информационные технологии на реализацию и развитие лично у Вас? (в %)

Воздействие информационных технологий	Высокий	Средний	Низкий
эрудиции и начитанности	40	30	30
интуиции, критичности мышления	60	30	10
гибкости и открытости к восприятию новой информации	50	30	20
ответственности в работе с информацией	60	30	10
Воображения	40	40	20
Сопереживания	25	35	40
ассоциативного мышления	35	35	30
библиотечно-библиографической грамотности	40	35	25
компьютерной грамотности	50	50	0
владения приемами развития памяти	35	45	20
умения использовать информацию	45	55	0
умения организовать имеющуюся информацию	55	40	5
умения сочетать традиционные и электронные источники информации для получения новой информации	40	50	10
коммуникативную компетентность	40	50	10

Как видно из таблицы, на высокий уровень реализации респондента влияет интуиция, гибкость, ответственность и умение сочетать традиционные и информационные, электронные формы работы. Для среднего уровня оценки реализации важна компьютерная грамотность, умение пользоваться информацией, коммуникативная компетентность и также умение сочетать традиционные и информационные, электронные формы работы. Для низкого уровня реализации важны навыки достаточно слабо связанные с информационной культурой – это сопереживание, эрудиция и начитанность. Вероятно, поэтому и реализации в профессиональной деятельности не наступает, что представители данной группы имеют иные мотивы и формы деятельности на своем рабочем месте.

Основная проблема – недостаточность знаний и навыков (35 %), т. е. для ее устранения необходимы курсы, консультации и мастер-классы. Сложность оборудования – 25 %. Устраняется тем же путем – через обуче-

ние работы на оборудовании. Отсутствие необходимых программ и вредное влияние на здоровье – по 20 %. Устаревшие компьютеры – 15 %. Психологический барьер и недостаток консультантов по 10 %.

Во всех изучаемых нами подразделениях есть компьютерные службы или отдельные специалисты. Но далеко не все сотрудники могут высоко оценить качество их работы или вернее эффективность в конкретном муниципальном подразделении.

Муниципальные служащие считают специалистов или в целом служб технической и информационной поддержки узкими специалистами – 35 %, полагают что у них слишком свободный режим – 30 %, они не понимают специфику работы – 25 %, непонятно чем занимаются – 20 %, хотели бы поменяться с ними работой – 15 %, они используют жаргон – 10 %, они несокомерны – 5 %. Большинство ответов имеет негативный контекст, что в целом показывает общую неудовлетворенность процессом.

При этом, у муниципальных служащих возникли ситуации с защитой информации хранящейся в компьютерах. Наиболее часто респонденты сталкивались с потерей информации из-за сбоя техники – 40 %, потери информации из-за плохой организации хранения – 35 %, порчи информации вирусами – 30 %, усложненному доступу к конфиденциальной информации – 25 %, хищением информации – 20 % и только 10 % не сталкивались с подобными проблемами.

Итак, проведенное исследование позволяет говорить о том, что среди муниципальных служащих имеется три уровня развития информационной культуры: высокий, средний и низкий. Далеко не все принимают информационные нововведения, но понимают, что они необходимы для дальнейшей работы.

Муниципальным служащим Иркутской области необходима дополнительная подготовка в виде магистерских программ, курсов повышения квалификации, мастер-классов по повышению навыков и компетенций оперирования информационными ресурсами. Также необходимо проводить мониторинг оценки личной подготовленности сотрудников к работе в новых информационных условиях, чтобы не возникало дополнительного напряжения и негативного восприятия своей работы и коллег, работающих рядом.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. 2020. С. 165–168.
2. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти Иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 65–70.
3. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства [Электронный ресурс] : материалы I Международной научно-практической кон-

ференции. Иркутск, 20–23 сент. 2019 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. С. 310–315.

4. Журавлева И. А. Качество государственного управления через инструменты цифровизации // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 13–21.

5. Иванов Р. В. Проблемы солидарности сообществ в виртуальном мире // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск : Издательство ИГУ, 2015. С. 251–254.

6. Информационная культура [Электронный ресурс] URL: <https://center-yf.ru/data/stat/razvitiye-informacionnoy-kultury.php>

7. Москвитина Н. В. Информационная культура муниципальных служащих // Социология. 2020. № 3. С. 211–221.

8. Полошкевич О. А. Место личной реализации в системе цифровой культуры государственного и муниципального служащего // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 169–172.

УДК 316.7-056.24

ББК С55.2

Косякова Е. С., *Иркутск*

Значимость репрезентации людей с ограниченными возможностями здоровья в массовой культуре

В статье рассматриваются особенности репрезентации лиц с ограниченными возможностями здоровья, ее влияние на отношение к таким людям в обществе. Сравнивается освещение людей с ОВЗ в российском медиапространстве с другими странами. Рассмотрены критерии успешной репрезентации и их влияние на стигматизацию людей с инвалидностью. Также проанализированы последствия недостаточной репрезентации лиц с нарушениями здоровья, выделена связь между этим и нарушением процесса их идентификации.

Ключевые слова: репрезентация, люди с ограниченными возможностями здоровья, инвалиды, массовая культура, медиапространство, СМИ, дискриминация.

Kosiakova E. S., *Irkutsk*

Significance of representation of people with disabilities in popular culture

The article discusses the features of representation of people with disabilities, its impact on the attitude to such people in society. The article compares the coverage of people with disabilities in the Russian media space with other countries. The criteria for successful representation and their impact on the stigmatization of people with disabilities are considered. We also analyzed the consequences of insufficient representation of persons with disabilities, and highlighted the link between this and the violation of their identification process.

Keywords: representation, people with disabilities, disabled people, mass culture, media space, mass media, discrimination.

Тенденции современного мира направлены на искоренение любого вида дискриминации в отношении разных людей, в том числе и людей с ограниченными возможностями здоровья. Одними из факторов повышения

уровня общественной толерантности и общественного принятия являются видимость и репрезентация дискриминированных групп.

Исторически сложилось так, что людям с ОВЗ выделялось особое место в обществе, характеризующее более низкий социальный статус, чем у остальных. В последнее время наблюдается положительная тенденция восприятия таких людей, в подтверждение чего можно привести исследование, осуществленное Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2019 г. и посвященное международному дню инвалидности. В нем указывается, что количество респондентов, считающих, что отношение к инвалидам улучшилось, увеличилось более чем в два раза (с 26 % до 54 %) в период с 2010 по 2019 г. При этом количество считающих, что отношение ухудшилось, снизилось также более чем в два раза с 19 % в 2010 г. до 8 % в 2019-м [2]. Эти данные свидетельствуют о повышении уровня толерантности в обществе по отношению к людям с ограничениями здоровья. Однако плохое отношение к людям с ОВЗ можно встретить и сегодня. Одной из причин этого является недостаточная осведомленность о жизни тех, кто как-либо отличается от остальных людей. Репрезентация во многом помогает разрушить существующие стереотипы и дает возможность воспринимать человека на инвалидной коляске, с протезом или слуховым аппаратом как равного другим, заслуживающим такие же права и такое же отношение.

Массовая культура на протяжении многих лет закрепляла в головах людей определенный образ мужчины, женщины, семьи и образа жизни. В настоящий момент на примере США, Германии, Франции, Норвегии и других стран можно наблюдать размытие границ «нормального»: в модельных показах участвуют люди разного телосложения, нации и расы, рекламу известных брендов представляют модели с синдромом Дауна, витилиго, альбинизмом и др. Конвенциональная внешность перестала быть настолько востребованной, большую ценность теперь представляют разные типажы.

Если рассматривать российские реалии, то здесь ситуация совершенно иная. Если подумать, как часто можно увидеть человека с ОВЗ в рекламе, то ответ будет достаточно предсказуемым: люди с инвалидностью очень редко появляются в СМИ. Но для оценки инклюзивности виртуального пространства важно учитывать не только частоту появления на экране, но и смысл этого появления. Сложно представить, что, смотря телевизор, вы увидите, как человек в инвалидном кресле рекламирует, к примеру, одеколон, магазин одежды или парикмахерский салон. Сложно, потому что такого в российской рекламе нет. Люди с инвалидностью представляют товары и услуги, связанные исключительно с их ограничениями здоровья. Репрезентация таких людей, как обычных, равных другим, в данном случае не работает. Подобная реклама лишь закрепляет в глазах зрителей образ инвалида и делает этот образ главной характеристикой человека.

В 1992 г. при исследовании стереотипов инвалидности в медиа Колин Барнс выделил 11 наиболее распространенных характеристик людей с инвалидностью, среди которых есть такие, как обуза, неполноценные участники

жизни общества, объекты насмешки, жалости и др. [3] Эти те критерии, которые полностью противоречат главной цели репрезентации: представление инвалидов, как полноценных, активных членов общества, которые могут быть не только пассивными наблюдателями, но также и успешными деятелями. Несмотря на то что прошло почти 30 лет после исследования Барнса, в российском медиапространстве практически нет намека на создание вокруг людей с ОВЗ позитивного, активного, самостоятельного образа. Их особенности используют лишь в рекламе средств реабилитации или для сбора пожертвований для определенных операций.

Существуют определенные критерии, способствующие эффективной и правильной репрезентации человека с инвалидностью в медиа:

- выступление людей с различными ограничениями в здоровье от первого лица, т. е. это должно быть их повествование, а не о них;
- вовлечение их в рекламу разных товаров и услуг, а не только тех, которые предназначены специально для людей с ограничениями;
- создание позитивного образа репрезентируемого. Люди с инвалидностью не должны ассоциироваться лишь с жалостью, немощностью и постоянной нуждаемостью в помощи;
- представление людей с ОВЗ, как реальных участников общественной жизни, отказ от обособления их от других людей в особую группу [4].

Если репрезентация осуществляется правильно, это влечет не только повышение уровня толерантности в обществе и расширении границ «нормального» в сознании зрителей, но еще и дестигматизацию людей с ОВЗ и появление возможности их идентификации с образами, которые они видят.

Информационный барьер выделяют одним из основных, с которыми сталкиваются люди с ограничениями в здоровье. Он характеризуется затруднением в получении информации как для самих инвалидов, так и для всех остальных людей. Первое как раз связано с упомянутой выше идентификацией, которая означает установление тождественности на основании совпадения общих признаков. При отсутствии освещения образа лиц с инвалидностью в медиапространстве нарушается процесс их идентификации, так как отсутствуют люди, с которыми им можно было бы себя соотнести. Все это может повлечь за собой появление внутренней стигматизации, восприятие своего положение как более низкого по сравнению с положением других людей. Поэтому можно определить роль СМИ как чрезвычайно важную при освещении образа людей с ОВЗ, ведь масс-медиа являются важнейшим инструментом формирования массового сознания, имеющим возможность популяризировать знания о необходимости интеграции, предупреждать возникновение препятствий этому процессу и конструировать возможные пути их устранения.

Таким образом, репрезентация людей с ограниченными возможностями здоровья является важной частью создания толерантного общества, отвечающего потребностям всех людей независимо от наличия у них каких-либо

отличительных особенностей. Масс-медиа должно быть площадкой, транслирующей разные образы разных людей без выделения наиболее приоритетных и «нормальных». Только так можно выстроить общее инклюзивное медиапространство, создающее условия для формирования позитивной модели отношения к инвалидности как признака цивилизованного общества.

Список литературы

1. Вербилевич О. Е. Механизмы формирования идентичности в публичной сфере инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanzimy-formirovaniya-identichnosti-v-publichnoy-sfere-invalidnosti> (дата обращения: 23.07.2020)
2. Международный день инвалидов – 2019 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10050> (дата обращения: 24.07.2020)
3. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / Е. Р. Ярская-Смирнова [и др.]; под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М. : ООО «Вариант», 2013. – 360 с.
4. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов : Научная книга, 2006. 260 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 316.4:32
ББК 66.04

Голубева М. С., Ярославль

Эффективные формы политического воздействия в социальных сетях

В работе рассматриваются особенности интеграции социальных сетей в публичное управление органами власти, которое заключается во влиянии онлайн-коммуникации на политическое поведение офлайн. Анализируется политическое воздействие, осуществляемое при помощи различных информационных платформ для обмена мнениями. Показывается, как определение мест проведения гражданских акций в социальных сетях имеет возможность привлекать граждан к участию в политическом процессе в реальном пространстве.

Ключевые слова: социальные сети, политика, формы политического влияния.

Golubeva M. S., Yaroslavl

Effective forms of political influence on social networks

The paper examines the features of the integration of social networks into the public administration of authorities, which consists in the influence of online communication on offline political behavior. Analyzes the political impact carried out using various information platforms for the exchange of views. It is shown how the determination of places for holding civil actions in social networks has the ability to attract citizens to participate in the political process in real space.

Keywords: social networks, politics, forms of political influence.

Осуществляемое на практике вовлечение граждан во взаимодействие с политическими институтами, которое осуществляется с целью принятия решений по реализации социальной государственной политики, показывает готовность отдельных категорий населения участвовать в подобных мероприятиях. Но также, современному российскому обществу присуща существенная аполитичность, безынициативность, которая обусловливается тем, что граждане не верят в свою возможность повлиять на принятие решений или не готовы брать ответственность за последствия этих решений [5].

Необходимо отметить, что без сформированной модели активного участия граждан, которые были бы способны определить важность того или иного политического процесса, выступить с социально-значимыми инициативами, участвовать в избирательных кампаниях и поддерживать или отвер-

гать предлагаемый политический курс развития, устойчивое демократическое развитие политических институтов невозможно.

В своем исследовании Левада-Центра обращает внимание на факт того, что гражданская активность россиян во многих случаях выражается посредством оказания нематериальной помощи нуждающимся, голосования на выборах, жертвования денег на общественно полезные цели; подобный опыт имели 38, 29 и 21 % россиян, соответственно, согласно опросу, проведенному 20–26 февраля 2020 г. [1]

Необходимость предоставления гражданам возможностей оказывать влияние на принятие политико-управленческих решений, развитие институтов гражданского общества, создание условий для публичного выражения взглядов и защиты прав и свобод, обуславливают потребность в проявлении гражданской активности со стороны властных органов для придания легитимности принятым решениям.

Если рассматривать мобилизацию граждан как реализацию субъектом действий для получения определенных результатов, оказываемое влияние проявляется в двух видах гражданской активности: конструктивной и деструктивной. Первый нацелен на совместную деятельность с представителями власти для решения социально-значимых проблем, в то время как второй инспирирован протестными действиями граждан, которые не верят в возможность сотрудничества с государственными структурами, поскольку не считают их способными предоставить реальную помощь населению.

В современных реалиях в наибольшей степени используется технология привлечения граждан к участию в политических процессах через социальные сети, а именно – через создание информационной платформы в Сети для обмена мнениями, определения мест проведения гражданских акций. При этом социальные сети также являются одним из эффективных каналов координации и распространения информации об организации митингов и акций протестов среди населения.

Для крупномасштабного и оперативного распространения сведений и привлечения масс к участию в протестных акциях, в социальных сетях активно используются технологии реализации эффекта присутствия, для этого публикуется фото- и видеоконтент с мероприятий, видеосюжеты с высказываниями лидеров оппозиционных партий и общественных движений. Пользователи социальных сетей используют различные способы и средства для того, чтобы поделиться информацией, такие как хештеги, рассылки новостей, прямые эфиры и анонсирование места и времени проведения в сообществах или на личных страницах людей с большой аудиторией. О том, насколько хорошо работают названные выше процессы можно судить по высоким показателям участия граждан в реальных политических акциях. Согласно данным ВЦИОМ, размещённым на их официальном сайте за июль 2018 года, к митингам против повышения пенсионного возраста было привлечено 27 620 человек более чем из 60 городов России [4].

Сетевое взаимодействие – это особый инструмент для объединения и последующей мобилизации граждан в политические процессы, ведь социальные сети пользуются большой популярностью среди пользователей [2]. В социальных сетях политическими субъектами используются всевозможные приемы и средства влияния на граждан. Эти средства, основными целями которых являются управление общественным мнением, настроением, чувствами, изменение типичной реакции пользователей, варьируются от информационных до манипулятивных. Вполне очевидно, что политические манипуляции, проводимые в социальных сетях, имеют большой потенциал для оказания существенного влияния на ход и даже на результаты избирательной кампании, а также на принятие политических решений посредством проведения агитационной кампании, дискредитирования отдельных должностных лиц и спекуляции на непопулярных в общественном сознании мер.

Социальные сети на протяжении длительного времени применялись политически активной частью общества как инструмент политической коммуникации, осуществляемой для распространения собственного мнения и обсуждения дискуссионных вопросов. Таким образом, социальные сети выступают одной из наиболее влиятельных площадок для артикуляции общественных интересов представляемых социальных групп и позволяют реализовать творческий потенциал многим людям, в результате приобретающим статус так называемого лидера мнений. Они могут как открыто поддерживать политический режим и публичную власть в России, так и критиковать их деятельность, влияя тем самым на мнение и отношение своей аудитории.

В целом включение социальных сетей в публичную сферу России имеет то же направление развития, что и описанное М. Кастельсом [3]. Согласно его научным трудам, государство, значительно контролирующее политическую коммуникацию в публичной сфере, стремится взять под контроль политическую коммуникацию в социальных сетях. Эта цель достигается с помощью политики, направленной, с одной стороны, на расширение использования интернета и социальных сетей, а с другой – на адаптацию этих технологий и использование их для усиления государственного влияния на публичное политическое пространство.

Возвращаясь к вопросу об использовании социальных сетей «лидерами мнений» в политических целях, стоит упомянуть некоторые недавние случаи, в которых медийные личности были замечены в политической рекламе, манипуляции массами или дезинформации, что привело к падению их авторитета и формированию негативного общественного мнения вокруг сложившейся ситуации.

Публичное лицо, располагающее практически полным доверием со стороны своей аудитории, может преднамеренно или неумышленно злоупотребить им. Социальные сети «лидеров мнений», где они выражают своё мнение, обладают большим информационным потенциалом, используя ко-

торый политические субъекты успешно осуществляют завуалированное влияние на общественное мнение и формируют, например, выгодный для них образ политика. Это необходимо для достижения собственных интересов и целей путём предоставления «правильной» информации и формирования определённых политических взглядов у индивида.

Во время проведения предвыборных кампаний и распространения агитационных материалов блогосфера не остаётся в стороне, и так же активно наполняется различной политической информацией, направленной на укрепление тех или иных политических установок или, наоборот, стремящейся их скорректировать. В качестве примера можно привести видеоролик, размещённый на канале известного российского деятеля Николая Соболева перед началом организации выборов мэра Москвы 2018 г. и рассказывающий о значительных положительных изменениях, произошедших в парке Горького во время нахождения Сергея Собянина на посту мэра столицы. В сознании людей благоустройство парка Горького, который является одним из знаковых мест Москвы, связывалось с именем Собянина, формируя позитивное отношение к нему. Однако большинство пользователей всё же заподозрили в указанном выше видеоролике политическую агитацию, что уже расценивалось как манипуляция и публикация оплаченной политической рекламы за мнение и личное отношение Николая Соболева по вопросам благоустройства парка, ведь видеоролики с практически идентичным содержанием появились и у других «лидеров мнений».

Совершенно очевидной становится одна из важнейших особенностей социальных сетей, связанная с разницей в их функциональном применении. Подавляющее большинство пользователей использует социальные сети, в первую очередь, для осуществления деловой либо неформальной коммуникации или же для развлечения, поэтому естественная фильтрация информационных потоков заметно снижается в сравнении, например, с просмотром вечерних новостей. Человек не в состоянии своевременно распознать акт оказываемого на него политического воздействия, что упрощает задачу для политических субъектов. Особенно сильно скрытому воздействию различных политических сил оказывается подвержена молодёжь, которая изначально настроена на открытое взаимодействие внутри социальной сети и склонная проявлять доверие к «лидерам мнений».

В то же время социальные сети становятся способом проявления, чаще всего, деструктивной гражданской активности, выраженной в негативном отношении к политической ситуации в стране.

Оппозиционные организации, как правило, более эффективно и всеохватывающе используют инструментальный потенциал социальных сетей для оказания воздействия на политические взгляды и установки населения. Благодаря не только разнообразным средствам влияния, но и продвижению своих идей в большинстве популярных социальных сетей оппозиция получает дополнительные ресурсы для получения поддержки.

Эффективные формы политического воздействия в социальных сетях, среди которых можно выделить формирование особых платформ для артикуляции общественного мнения и координации наиболее важных действий оппозиционных сил, использование технологий получения обратной связи, например, популярный инструмент «прямой эфир» или открытая секция комментариев, давно используются в публичном управлении.

Список литературы

1. Гражданская активность и общественные проблемы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshhestvennyye-problemy/> (дата обращения: 30.04.2020).
2. Киняшева, Ю. Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–10.
3. Крыштановская О. В., Филиппова А. М. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети // Вестник ГУУ. 2018. № 6. С. 174.
4. Митинги против повышения пенсионного возраста в десятках городов [Электронный ресурс]. URL: <http://activatica.org/blogs/view/id/5237/title/daydzhestaktivatiki-mitingi-protiv-povysheniya-pensinnoy-reformy-v-desyatkahrossiyskih-gorodov-kirzhachskie-deputatnyedayutsya> (дата обращения: 24.04.2020).
5. Социал-демократ, не верит властям, аполитичен. «Левада-центр» составил портрет российской молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52479627> (дата обращения: 15.04.2020).

УДК 316.485.22

ББК 60.54

Ефремов Р. Р., *Казань*

Протестные движения в социальных сетях: структура и тенденции развития

В статье представлен сравнительный анализ социально-демографической структуры региональных (татарстанских) и общероссийских протестно направленных сообществ в социальных сетях. Выявлены структурные особенности сообществ, вошедших в выборочную совокупность, исходя из их общественно-тематической ориентации. При помощи программного сервиса определена степень пересечения аудиторий изучаемых сообществ. В заключительной части исследования представлен сравнительный анализ активности участников сообществ по гендерному основанию.

Ключевые слова: протест, протестные движения, Республика Татарстан, социальные сети, гражданская активность.

Efremov R. R., *Kazan*

Protest movements in social networks: structure and development trends

This article presents a comparative analysis of the socio-demographic structure of regional (Tatarstan) and all-Russian protest-oriented communities in social networks. Structural features of the communities included in the sample are revealed, based on their thematic orientation. Using the software service, the degree of intersection of the audiences of the studied communities is determined. The final part of the study presents a comparative analysis of the activity of community participants on a gender basis.

Keywords: protest, protest movements, Republic of Tatarstan, social networks, civic engagement.

В последние годы в Татарстане активизировались протестные движения: увеличилось количество групповых протестных акций и общее количество участников подобных мероприятий гражданской активности. Все более заметным становится постепенное нарастание противоречий в обществе, их наслоение и укрупнение – протесты становятся многопредметными. Текущий год был ознаменован новой волной недовольств со стороны жителей республики: поправки к Конституции России, непростая общеэкономическая ситуация как в стране, так и регионе, противоречивые политические решения в период пандемии коронавируса вызвали определенную напряженность в обществе, снижение доверия и усиление критики в адрес органов власти. В тоже время пандемия вируса привела к ограничениям на офлайн-акции протестного толка: требования социального дистанцирования наложили временное фактическое вето на уличные массовые мероприятия. Таким образом, основная протестная деятельность сосредоточилась в интернет-среде. Особо актуализировались онлайн-акции, в частности были проведены новаторские митинги на базе геолокационных платформ [1], в целом повысилась роль социальных сетей в выражении недовольства деятельностью органов власти, а также увеличился мобилизационный потенциал интернет-пространства. В связи с этим представляется актуальным и важным изучение текущего состояния, а также тенденций развития татарстанского онлайн протестного движения с целью последующего моделирования и прогнозирования общественных рисков и возможностей.

Базой для исследования послужили сообщества протестной направленности в социальной сети «ВКонтакте». Выборочная совокупность была сформирована, исходя из следующих принципов и критериев отбора:

1. Превалирование на странице сообщества информационных материалов с явной критикой деятельности органов власти и ее непосредственных представителей.

2. Равное количество сообществ двух уровней (общероссийский, региональный). В данном исследовании под сообществами общероссийского уровня понимаются виртуальные группы, которые не имеют конкретной территориально географической привязки. Сообщества же регионального уровня отличаются тем, что их представители проводят офлайн протестные акции и/или виртуально базируются в пределах Татарстана, тем самым ставя в ориентир проблемы регионального уровня. Отбор сообществ двух уровней производился в целях дальнейшего сравнительного анализа и выявления специфики татарстанского онлайн-контингента.

3. Наличие сообществ разной направленности – для каждого уровня отбор производился как минимум из двух разных областей жизнедеятельности общества (политика, экология, социокультурный блок и т. д.).

4. Численность участников: для региональных сообществ – не менее 4 тыс. человек, для общероссийских – не менее 25 тыс. человек.

5. Публикационная активность – не менее 20 публикаций в месяц.

Установленный количественный уровень в части последних двух критериев отбора позволил сфокусировать внимание на наиболее активных сообществах. Как итог, исследовательским требованиям удовлетворило в совокупности 6 сообществ. Среди сообществ общероссийского уровня оказались две группы с преимущественно политической тематикой («Роспил», «ПолитКухня преступной власти») и одно сообщество с социально-экономической ориентацией («Россия против повышения пенсионного возраста»). В состав сообществ регионального уровня вошли группы экологической направленности («Нет мусоросжигательному заводу в Казани»), политической ориентации («Команда Навального/Казань») и смешанной тематики («Казань/Общественное мнение»).

При помощи онлайн-сервиса vk. barkov. net на основании открытых данных пользователей была определена социально-демографическая структура отобранных сообществ (табл. 1, 2). В качестве основных структурных характеристик выступили – пол, возраст и семейное положение участников сообществ.

Таблица 1

Распределения участников сообществ по полу и семейному статусу

Название сообщества	Пол участника (в % от всех указанных)		Семейное положение участника (в % от всех указанных)	
	Муж.	Жен.	В офиц. браке	Остальные категории
Роспил	69,53	30,47	43,14	56,86
ПолитКухня преступной власти	68,70	31,30	48,14	51,86
Россия против повышения пенсионного возраста	52,27	47,73	62,79	37,21
Нет мусоросжигательному заводу в Казани	33,69	66,31	76,44	23,56
Команда Навального/Казань	77,74	27,26	39,74	60,26
Казань/Общественное мнение	41,19	58,81	50	50

Таблица 2

Распределения участников сообществ по возрастным группам, в %

Название сообщества	Моложе 18 лет	18–25 лет	26–35 лет	36–50 лет	Старше 50
Роспил	2,61	19,10	45,59	22,93	9,77
ПолитКухня преступной власти	2,21	13,49	33,08	33,25	17,97
Россия против повышения пенсионного возраста	0,34	7,71	25,87	35,53	30,54
Нет мусоросжигательному заводу в Казани	1,51	8,02	53,22	29,10	8,15
Команда Навального/Казань	5,82	35,34	37,84	15,25	5,75
Казань/Общественное мнение	2,02	14,19	42,36	31,66	9,77

Обращает на себя внимание то, что в сообществах политической направленности превалирует мужская аудитория – в среднем их вдвое больше женщин. Самый большой гендерный разрыв наблюдался в татарстанском сообществе «Команда Навального/Казань», где доля женщин оказалась наименьшей (27,26 %). В сообществах социально-экономической, экологической и смешанной тематики наблюдалась иная картина: либо незначительное численное превосходство мужчин, либо же превалирование женщин. Тематическая ориентация сообществ также определила и характер распределения участников по семейному статусу: так, в сообществах политической направленности доля людей, не состоящих в официальном браке, оказалась выше тех, кто официально помолвлен или женат/замужем. В сообществах экологической и социально-экономической направленности в разной степени наблюдалось превалирование лиц, состоящих в официальном браке.

Еще одним показательным моментом в дифференциации сообществ оказался возраст участников: самая возрастная интернет-аудитория образовалась в сообществе «Россия против повышения пенсионного возраста», в котором люди старше 35 лет составили 76 % всей аудитории. Удельное превосходство лиц старше 35 лет также наблюдалось и в сообществе «ПолитКухня преступной власти». В остальных сообществах наблюдалось превалирование молодой аудитории – особенно в возрастном диапазоне 26–35 лет.

Территориальный анализ показал, что аудитория сообществ общероссийского уровня в большей степени сосредоточена в Москве («Роспил») или Санкт-Петербурге («ПолитКухня преступной власти», «Россия против повышения пенсионного возраста»). Наибольшая доля татарстанской аудитории наблюдалась в сообществе «Россия против повышения пенсионного возраста» (8 %). В сообществах регионального уровня вторым по весу населенным пунктом после Казани оказался город Москва.

Данные по половозрастным распределениям участников сообществ политической направленности обоих уровней оказались схожими с эмпирическими данными социологических исследований офлайн протестующих ряда крупных акций в России. Так, исследование ВЦИОМА касательно событий «болотной революции» показало, что среди участников протестов 24 декабря 2011 г., 4 февраля и 12 июня 2012 г. насчитывалось не менее 64 % мужчин, при этом основную возрастную группу составили лица в возрасте 25–34 лет [3, с. 48]. Исследование московского протестного движения 2015–2016 гг., проведенное В. Г. Квачевым, З. Т. Кокоевым, К. М. Грачевой, И. М. Дивильковским, также показало удельное превалирование мужчин (59,5 %) и людей в возрасте 25–34 лет (23 %) в общем составе участников протестных акций политической направленности [2, с. 190–191].

В целом, данные по социально-демографическому анализу структуры сообществ показали, что онлайн протестные группы разбиты на два основных лагеря: политические оппозиционеры и социальные активисты. Одни

включают в себя в основном мужчин, в большинстве не состоящих в официальном браке, другие – замужних женщин. В обеих группах большое место занимают молодежные группы как наиболее продвинутые пользователи интернет-ресурсов.

Еще одним отличительным свойством двух подгрупп сообществ гражданской активности оказалась степень пересечения аудиторий: между сообществами политической направленности в относительном измерении наблюдалось большее количество пересечений, чем между сообществами преимущественно социальной направленности. Если во второй подгруппе самая высокая доля аудиторных пересечений наблюдалась между сообществами «Нет мусоросжигательному заводу в Казани» и «Казань/Общественное мнение» (4%), то в первой подгруппе минимальный уровень пересечений составил 4,5% (между сообществами «ПолитКухня преступной власти» и «Команда Навального/Казань»), а максимальный и вовсе 23,7% (каждый 5-й участник сообщества «ПолитКухня преступной власти» состоял в сообществе «Роспил»). Таким образом, лагерь онлайн-социальных активистов оказался дифференцированным и разобленным, политический же сектор предстал более цельным и устойчивым.

В заключении исследования при помощи программного продукта TargetHunter по гендерному принципу был проведен сравнительный анализ активности участников в виде комментирования и выставления лайка информационным материалам сообществ. Были отобраны 16 наиболее активных комментаторов, а также 60 участников, поставивших наибольшее суммарное количество лайков за исследовательский период с 24 апреля по 24 мая (из сообщества «Казань/Общественное мнение» были отобраны все сколько-нибудь активные пользователи по причине недостаточного целевого количества). Для сравнения были получены данные за рассматриваемый период за два года – 2019 и 2020. Обобщенные результаты представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Количество наиболее активных комментаторов сообществ в гендерном соотношении

Название сообщества	2019 г.		2020 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Россия против повышения пенсионного возраста	14	2	14	2
Роспил	нет	нет	нет	нет
ПолитКухня преступной власти	15	1	10	6
Команда Навального/Казань	15	1	14	2
Нет мусоросжигательному заводу в Казани	5	11	8	8
Казань/Общественное мнение	3	3	11	4

Таблица 4

Количество участников сообществ, поставивших наибольшее количество лайков
в гендерном соотношении

Название сообщества	2019 г.		2020 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Россия против повышения пенсионного возраста	31	29	30	30
Роспил	52	8	51	9
ПолитКухня преступной власти	41	19	42	18
Команда Навального/Казань	50	10	49	11
Нет мусоросжигательному заводу в Казани	19	41	28	32
Казань/Общественное мнение	34	8	42	18

Как видно из таблиц 3 и 4, в целом, большую онлайн активность в интернет-среде проявляют мужчины – лишь в сообществе «Нет мусоросжигательному заводу в Казани» в числе наиболее активных участников преобладают женщины. Женская аудитория в большей степени склонна к быстрой активности – выставлению лайка, нежели комментированию публикаций сообществ. Говоря о динамике показателей за рассматриваемый период, стоит отметить, что гендерный разрыв значительно сократился в сообществе «ПолитКухня преступной власти» в части комментирования. В тоже время значительно изменилась ситуация в обратном направлении как в плане комментирования, так и выставления лайков в сообществе «Нет мусоросжигательному заводу в Казани», где, напротив, активизировалась мужская аудитория.

Подводя итог, стоит отметить, что сообщества протестной направленности в социальных сетях могут быть дифференцированы по тематическому принципу и сгруппированы в два основных блока – политические оппоненты и социальные активисты. Первая группа в основном включает в себя мужскую аудиторию, вторая, напротив, – женскую аудиторию. Блок политических оппонентов имеет более целостную структуру, чем лагерь социальных активистов, распространяющийся одновременно на несколько разных общественных проблем. Несмотря на преобладание женской аудитории в структуре нескольких сообществ лагеря социальных активистов, в целом, большую пользовательскую активность все же проявляет мужская аудитория.

Список литературы

1. В России начались виртуальные митинги из-за ситуации с коронавирусом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52355997>.
2. Московское протестное движение 2015–2016 гг. Социологическое исследование / В. Г. Квачев, З. Т. Кокоев, К. Ю. Грачева, И. М. Дивильковский // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4 (123). С. 190–198.
3. Материалы специального исследования ВЦИОМ. «Марш миллионов» 12 июня: социальный портрет протестного движения // Мониторинг. 2012. № 3 (109). С. 47–72.

УДК 316.728
ББК 60.526

Иванов Р. В., *Иркутск*

Виртуализация социальных протестов на примере Хабаровского края

В статье раскрываются вопросы процесса виртуализации протестного движения на территории города Хабаровска и Хабаровского края. Показывается, с одной стороны, отсутствие механизмов взаимодействия между участниками протестов и представителями местной и федеральной власти не способствует устранению причин самого протестного движения, с другой – способы воздействия через публикацию видеодочетов, отражающих процесс демонстраций и протестов на территории Хабаровского края. Делается вывод, что уровень доверия к ним со стороны граждан страны постоянно возрастает.

Ключевые слова: социальные протесты, механизмы, участники, представители власти, виртуальность

Ivanov R. V., *Irkutsk*

Virtualization of social protests on the example of the Khabarovsk territory

The relevance of the topic is related to the process of virtualization of the protest movement on the territory of the city of Khabarovsk and the Khabarovsk territory. On the one hand, the lack of mechanisms for interaction between protest participants and representatives of local and Federal authorities does not help to eliminate the causes of the protest movement itself. On the other – daily online published video reports, as if in a parallel reality reflecting the process of demonstrations and protests in the Khabarovsk region, the level of trust to them from citizens of the country constantly increases.

Keywords: social protests, mechanisms, participants, government representatives, virtuality

В июле – сентябре 2020 г. на территории г. Хабаровска и Хабаровского края происходят протестные шествия и демонстрации в защиту отстраненного от поста губернатора С. И. Фургала, который является подозреваемым в совершении уголовных преступлений и находится под следствием в Москве.

Освящение событий, связанных с протестным движением, осуществляют журналисты из либеральных СМИ, независимые блогеры и представители различных неофициальных оппозиционных политических и общественных движений, связанных с внешней либеральной оппозицией, не вошедших после выборов 2016–2018 гг. в ГД РФ либеральных политических партий и организаций. Таким образом, использовать материал из данных источников для серьезного научного исследования, анализа и методического обзора не представляется уместным в рамках научного исследования.

С политологической точки зрения существует ряд методов и подходов, при помощи которых можно анализировать сам процесс характеристики повседневного протестного движения на территории Хабаровского края. Это вписывается в вопросы общественного недовольства [6–8] или развивающиеся теории общественного заговора или иные иррациональные стратегии взаимодействия [2–4]. Кроме того, современные политологические и философские методы научного исследования предоставляют механизмы для оценки и прогнозирования развития ситуации с развитием протестных дви-

жений на территории Хабаровского края и в целом в Дальневосточном регионе до конца 2020 года.

В течение протестного периода с июля по сентябрь 2020 г. реакция местной и федеральной государственной власти связана с арестами на улицах г. Хабаровска участников протеста с предъявлением обвинений в нарушении общественного порядка, административных штрафов и нарушением правил дорожно-транспортного движения. Таким образом, участники протестных движений рассматриваются местной и федеральной властью как нарушители общественного порядка и в отдельных случаях им предъявляют административные штрафы.

«Идеалистический подход к протестному движению и постоянное подчеркивание его массовости (фотографии, неофициальные оценки численности и т. д.) создают риск определенных иллюзий относительно возможности протестного сообщества репрезентировать все общество в целом. Чрезмерная эмоциональность в освещении протестных событий в режиме онлайн создает почву для появления анекдотического осмысления событий» [5, с. 116].

При анализе содержания лозунгов участников протестного движения в Хабаровском крае следует отметить наличие преимущественно антигосударственных, враждебных существующему политическому режиму основных слоганов: «Просыпайтесь города – в нашей Родине беда!», «Двадцать лет – доверия нет!», «Губернии – позор!», «Мы – здесь власть!», «Хабаровск – выходи, Россия – поддержи!», «Это – наш Край!», «Дегтярев, иди в баню!», а также лозунги, направленные лично против президента Российской Федерации.

Активисты политических демонстраций в Хабаровске не ищут основы для установления связи с представителями местной и федеральной власти, необходимой в решении ключевых вопросов, связанных с причинами протестного движения. Они не озвучивают для журналистов и блогеров, освещающих каждый день протесты в Хабаровске, конечные цели и перспективы протестного движения. «Основа новой культуры – потоки пространства и времени, наличествующие в непрерывной реальности реальной виртуальности, развивающейся под влиянием информационных потоков» [1, с. 126].

Отсутствие диалога с представителями местной и федеральной государственной власти является серьезным препятствием для выстраивания механизмов общественного и государственного взаимодействия. «Участниками политических протестов обычно становятся небезразличные и активные граждане, поэтому использование интернета как платформы для защиты ими своих интересов вполне закономерно. Ведь потенциал, легкодоступность связи и неоднородная социальная структура пользователей сети обеспечивают прочную основу для распространения информации. Поэтому виртуальные средства вносят изменения в традиционные формы протеста, ото-

двигают их на второй план, упрощают процесс организации массовых акций» [9, с. 78].

Таким образом, поиск согласия и решения конфликта между местным населением и представителями государственной власти, связанного с отстранением от должности губернатора Хабаровского края С. И. Фургала, затягивается. Если речь идет о затяжном локальном социально-политическом конфликте, то характер самого протестного движения будет постоянно изменяться.

В случае проявления агрессии со стороны участников протестов в Хабаровске, со стороны силовых ведомств последует незамедлительная реакция с применением всех необходимых средств для разгона демонстраций.

Подобная форма виртуализации социальных протестов связана со смешением в едином пространстве и времени различных, не связанных между собой источников противостояния власти и общества и смещения акцента протестного движения с процесса достижения реальных целей на разнообразные виртуальные. «В обществе феномен переноса движения сопротивления в киберпространство получил название «хактивизм» и представляет собой синтез политической активности и использования интернет-технологий. На сегодняшний день отсутствует четкая классификация виртуальных форм политического протеста, большинство исследователей относят к ним протестную активность в социальных сетях интернета и блогосфере, а также совершение кибератак с целью выражения протеста, имеющего политический подтекст» [10, с. 99].

В социальных сетях описание протестного движения каждый день наполняется массой комментариев и видеоматериалов, что способствует виртуализации самого протестного движения, в рамках виртуализации постоянно звучат призывы к присоединению по всем городам страны. С другой стороны, протестное движение в Хабаровске становится площадкой для озвучивания накопившегося недовольства жителей других регионов страны и в том числе для граждан Белоруси. Следует отметить, что процесс виртуализации социальных протестов не является хаотичным и неуправляемым, мониторинг социальной пропаганды снизу находится под полным административным контролем партии «Единой России» на региональном уровне.

Список литературы

1. Алтынкович Е. Е. Современные концепции информационного общества: философско-антропологическая характеристика // Мир политики и социологии. 2016. № 6. С. 124–135.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.
4. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
5. Ксенофонтова И. В. Роль интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 114–116.

6. Полюшкевич О. А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / редколл.: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санжениакова. Новосибирск, 2019. С. 171–174.
7. Полюшкевич О. А. Общественное недовольство в социальном воспроизводстве // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы III Международной научно-практической интернет-конференции : в 2 ч. Вологда, 2018. С. 63–68.
8. Полюшкевич О. А. Общественное недовольство в социальных и естественных рамках // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 182–187.
9. Столяров А. О. Роль виртуального протеста в системе протестной общественной коммуникации // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 3. С. 77–84.
10. Шарапов Р. И. Особенности виртуальных форм современного политического протеста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 1. С. 97–101.

УДК 327.3:004
ББК 66.4(0):32.973

Цацына А. В., *Иркутск*

Виртуализация политического пространства на примере сетевой деятельности международных институтов

В статье анализируются теоретико-методологические основы исследований, посвященных виртуализации политического пространства. Рассматривается влияние данного явления на мировую политику, дипломатию и международные отношения. Представлены результаты анализа виртуального политического пространства на примере сетевой деятельности международных организаций и аналитических центров (ООН, МИД РФ, Международный дискуссионный клуб «Валдай»).

Ключевые слова: виртуальное пространство, виртуализация политического пространства, мировая политика, виртуальная коммуникация, социальные медиа, информационные технологии, асимметрия политического пространства.

Tsatsyna A. V., *Irkutsk*

Virtual political space on the example of network activities of international institutions

The article presents the analysis of theoretical and methodological basics of research on the virtualization of political space. The article considers the impact of this phenomenon on world politics, diplomacy and international relations. The article contains the conclusions of the analysis of the virtual political space on the example of the network activities of international organizations and analytical centers (UN, MFA of the Russian Federation, international discussion club «Valdai»).

Keywords: virtual space, political space virtualization, world politics, virtual communication, social media, information technologies, political space asymmetry.

Роль виртуального пространства в современном мире сложно переоценить. Верно отмечается, что «в настоящее время в масштабах мирового сообщества происходит становление нового типа социального устройства – информационного, в основе которого лежит обмен информацией с помо-

щью технологий, создающих специфическую социокультурную реальность – виртуальное пространство» [6]. Возникновение новой среды привело к модификации классических основ коммуникации. Современное понятие – виртуальная коммуникация – стало одной из основных причин реконструкции общества XXI в. в социокультурной сфере. Именно поэтому осознание того, что информационно-коммуникативные взаимодействия являются важной составляющей социальной реальности, является ключом к пониманию происходящих изменений в мире.

Исследованием проблем информационного общества занимались Д. Белл, Э. Тоффлер, А. Белинская, проблемы виртуальной коммуникации отражены в работах И. Валлерстайна, А. Ракитова, Н. Лумана. Активно изучается виртуализация политического пространства. На основе результатов эмпирического исследования Д. С. Баринава доказывает, что виртуальное пространство искажает систему мировой политики, и вводит понятие «асимметрии виртуального политического пространства» [1].

Научный интерес представляет влияние виртуализации политического пространства на различные практики политических систем, например, демократии. Так, О. Гедес заявлял, что благодаря Интернету демократия процветает, поскольку в виртуальной реальности существует и создается множество бесплатных коммуникационных площадок, информация через которые мгновенно распространяется [2]. П. Далегрен придерживается аналогичного мнения, считая, что всемирная паутина служит эффективной виртуальной площадкой для политически активных людей и их деятельности [2]. Однако не все исследователи настроены оптимистично. По мнению Р. Дэвиса, потреблять и использовать политическую информацию в интернете будут только люди, интересующиеся соответствующей сферой и политически активные граждане [2].

Развитие интернет-технологий и популяризация онлайн коммуникационных пространств способствовала появлению возможности у граждан внести свой вклад в создание политики на национальном и наднациональном уровнях. Например, «Европейский парламент использует социальные медиа (Facebook), сервисы микроблогинга (Twitter), видео сервисы (YouTube) и другие платформы для распространения информации о своей деятельности, организации онлайн делиберативных форумов, подачи электронных петиций и обращений» [2]. Такие коммуникационные инструменты в рамках международных институтов благоприятствуют созданию единого пространства взаимодействия, которое служит подспорьем в осознании наднациональных процессов.

Вместе с развитием информационных технологий и сети Интернет расширились возможности внешнеполитической деятельности государств, увеличилось число инструментов их влияния и сотрудничества. В связи с этим поддерживать виртуальные дипломатические связи стремятся многие страны. Дипломатические ведомства создают свои интернет-платформы, сотрудничают с другими министерствами иностранных дел, что помогает

оперативно получать информацию о последних событиях за рубежом и реагировать на них. Кроме того, по мнению В. И. Терещука, на сегодняшний день формирование положительного и управляемого имиджа государства является одной из первостепенных задач внешнеполитической деятельности для эффективного осуществления национальных интересов [7]. Выделяются следующие направления электронного PR во внешнеполитической сфере: информационно-справочное, информационно-разъяснительное, имиджевое и медийное. Для эффективной реализации имиджевой PR деятельности создаются специализированные сайты, на которых размещается соответствующая тематике веб-портала информация (внешнеполитическая, инвестиционная, туристическая и т. д.).

Широкое распространение в виртуальном политическом пространстве получили онлайн-форумы. Например, «широкую сеть интернет-контактов через Twitter имеет европейская служба внешних связей (EU External Action Service, @EU_eeas), на которую подписано 128 министерств иностранных дел и мировых политических лидеров» [2].

Современные политики и дипломаты ведут свои социальные медиа, что выделяется в отдельное важное направление дипломатической практики. Наиболее популярными среди политических деятелей сервисами являются Facebook, Instagram и Twitter. Широкая известность последнего породила новый термин – «твиломатия» (англ. Twiplomacy) [7]. Так, пользователями перечисленных социальных сетей являются Д. Медведев, Э. Макрон, Д. Трамп, А. Меркель, Н. Моди, М. Бухари, А. Ципрас и др. В своих аккаунтах политические деятели выкладывают фотографии с различных мероприятий, делятся мнением по тем или иным вопросам, сообщая аудитории свою точку зрения.

С целью выявить, как международные отношения и мировая политика отражаются в виртуальном пространстве, нами был проведен анализ представительства и охвата аудитории веб-сервисов Организации Объединенных Наций, Министерства иностранных дел РФ и Международного дискуссионного клуба «Валдай». Представим результаты анализа более подробно.

По результатам анализа выяснилось, что Организация Объединенных Наций имеет представительства на таких интернет-ресурсах как социальные сети Facebook, Twitter, Instagram и «ВКонтакте», видеохостинг YouTube, фото- и видеохостинг flickr. Самая большая аудитория ООН находится на сервисе Facebook, где на официальный аккаунт организации подписаны 5 357 135 чел. (на 01.09.2020), что в процентном соотношении по сравнению с другими представленными сервисами составляет 97,54 %. На сервисе Twitter официальный аккаунт ООН читают 48,6 тыс. чел. (на 01.09.2020) – 0,88 %; на сервисе Instagram 38,9 тыс. подписчиков (на 01.09.2020) – 0,71 %; на группу в социальной сети «ВКонтакте» подписаны 33 955 чел. – 0,62 %; на видеохостинге YouTube 7,45 тыс. подписчиков (на 01.09.2020) – 0,14 %, на фото- и видеохостинге flickr 6,4 тыс. подписчиков (на 01.09.2020) – 0,12 % [3].

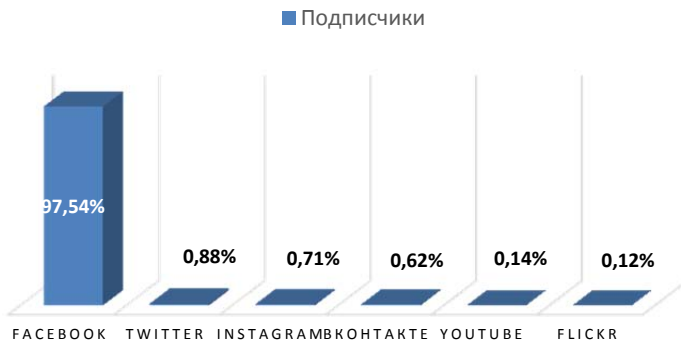

Рис. 1. Рейтинг интернет-платформ, представляющих ООН, по охвату аудитории

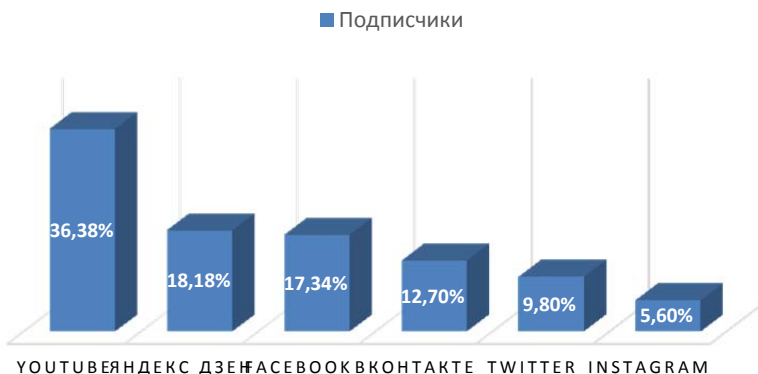

Рис. 2. Рейтинг интернет-платформ, представляющих клуб «Валдай», по охвату аудитории

Анализ результатов таблицы показал, что международный дискуссионный клуб «Валдай» имеет представительство на таких интернет-ресурсах как видеохостинг YouTube», платформа «Яндекс Дзен», социальные сети Facebook, «ВКонтакте» и Twitter, приложение Instagram. Видеохостинг YouTube является лидером по охвату аудитории «Валдая» в данном рейтинге – на канал международного дискуссионного клуба подписаны 5570 чел. (на 01.09.2020), что в процентном соотношении составляет 36,38 %. Аудитория рекомендательной ленты контента «Яндекс Дзен» составляет 2784 чел. (на 01.09.2020) – 18,18 %; подписчиков «Валдая» в Facebook – 2655 чел. (на 01.09.2020) – 17,34 %; подписаны на дискуссионный клуб в группе во «ВКонтакте» 1945 чел. (на 01.09.2020) – 12,07 %; читателей клуба в Twitter 1500 (на 01.09.2020) – 9,8 %; подписчиков в Instagram 858 человек (на 01.09.2020) – 5,6 % [4].

Анализ результатов показал, что МИД РФ имеет представительство на таких интернет-ресурсах как Twitter, Facebook, «ВКонтакте», Instagram, приложение для онлайн трансляций Periscope, YouTube, кроссплатформенный мессенджер Telegram, Flickr. Веб-сервисом с наибольшим охватом аудитории МИД РФ является социальная сеть Twitter с 1,1 млн подписчиков (на 01.09.2020), что в данном рейтинге составляет 46,68 %. Количество подписчиков в Facebook составляет 409 234 чел. (на 01.09.2020) – 17,37 %; «ВКонтакте» – 407428 чел. (на 01.09.2020) – 17,29 %; Instagram – 329 000 чел. (на 01.09.2020) – 13,96 %; Periscope – 77 346 чел. (на 01.09.2020) – 3,28 %; YouTube – 22 000 подписчиков (на 01.09.2020) – 0,93 %; Telegram – 10 957 чел. (на 01.09.2020) – 0,46 %; Flickr – 432 чел. (на 01.09.2020) – 0,02 % [5].

Рис. 3. Рейтинг интернет-платформ, представляющих МИД РФ, по охвату аудитории

Таким образом, виртуальное представительство ООН, Министерства иностранных дел РФ и международного дискуссионного клуба «Валдай» разворачивается на официальных виртуальных площадках Facebook, Twitter, Instagram, «ВКонтакте», YouTube, flickr, «Яндекс Дзен», Periscope, Telegram среди которых одними из самых популярных интернет-сервисов являются социальные сети Facebook, Twitter и YouTube. На интернет-площадках трех рассматриваемых организаций наблюдается широкий охват аудитории.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на сегодня виртуальное пространство оказывает большое влияние на сферу мировой политики и политики в целом: происходит трансформация практик различных политических систем, у граждан появляются возможности участвовать в разработке политических решений через онлайн-форумы, социальные медиа платформы,

подачу электронных петиций и обращений и др. Кроме того, благодаря развитию информационных технологий увеличивается диапазон возможностей внешнеполитической деятельности, появляются новые технологии создания положительного и управляемого имиджа для государства, а также новые способы воздействия на граждан через социальные медиа. Однако виртуальное пространство не всегда объективно отражает сферу мировой политики, о чем свидетельствует появление понятия «асимметрии виртуального политического пространства» [1].

Список литературы

1. Барина Д. С. Асимметрия виртуального политического пространства. Результаты сравнительного анализа данных 255 национальных доменов интернета. М. : Юрист, 2011. 137 с.
2. Ковальчук С. К. Виртуальная коммуникация в политическом пространстве современных государств. М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. 84 с.
3. Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru>
4. Официальный сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com>
5. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://mid.ru>
6. Пальчинская М. В. Коммуникационная составляющая виртуального пространства. Киев : Наука и образование, 2015. 409 с.
7. Терещук В. И. Роль технологий электронного PR во внешнеполитической сфере. *Studia Humanitatis*, 2015. 11 с.

УДК 324
ББК 66.04

Горбачёва А. П., Ярославль

Социальные сети как инструмент предвыборной агитации кандидатов от партии «Единая Россия» в городе Ярославле на выборах в Ярославскую Областную Думу VII созыва

В статье рассматривается влияние современных информационно-коммуникационных технологий на процесс политической агитации. Агитационные мероприятия анализируются в контексте использования в них феномена интернет-агитации.

Ключевые слова: политическая агитация, социальная сеть, пост, предвыборная кампания.

Gorbacheva A. P., Yaroslavl

Social networks as a tool for pre-election campaign of candidates from the party “United Russia” in the city of Yaroslavl in the elections to the Yaroslavl Regional Duma VII convocation

The article considers the influence of modern information and communication technologies on the process of political agitation. Campaigning events are analyzed in the context of using the phenomenon of Internet campaigning in them.

Keywords: political agitation, social network, post, election campaign.

Развитие современных технологий, в том числе информационно-коммуникационных, в последнее время приводит к их проникновению во все сферы жизни. Не стала исключением и сфера политики, где для достижения власти активно используются ресурсы сети Интернет. Возможности социальных сетей, как механизма взаимодействия людей, теперь используются в политической агитации и превратились в её неотъемлемую часть. Но что такое политическая агитация и какова в них роль социальных сетей. Она представляет собой деятельность, осуществляемую в период избирательной кампании и имеющую целью побудить или побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них) [1].

В связи с активным распространением интернета во всех сферах жизни, особое внимание исследователей уделяется феномену интернет-агитации, как деятельности осуществляемой в период избирательной кампании, с помощью сети Интернет [2]. В условиях современной политической агитации инструмент социальных сетей представляется наиболее удобным для охвата широких слоев населения. Благодаря социальным сетям кандидаты могут сформировать нужный им образ в глазах избирателей, а с помощью особых возможностей социальных сетей, например, хэштегов и комментариев, представляется возможным установление прямого контакта с гражданами и распространение информации о биографии, проектах и предвыборных предложениях кандидата.

В этой связи, особый научный интерес вызывает практическое использование социальных сетей в предвыборных кампаниях на территории Ярославской области. Одними из последних выборов в регионе являлись выборы депутатов Ярославской областной Думы 2018 г. и целью исследования являлось выявление тематических и инструментальных особенностей использования кандидатами от «Единой России» в г. Ярославле социальных сетей.

В рамках контент-анализа были определены основные темы оригинальных постов на официальных страницах кандидатов в социальных сетях «Facebook», «ВКонтакте», «Instagram», «Одноклассники» и частота их упоминания. Путем применения метода сравнительного анализа выявлена наиболее активная в социальных сетях группа кандидатов. В результате исследования получены следующие результаты: ярославские кандидаты от «Единой России» в своих предвыборных постах наиболее часто упоминали тему благоустройства территорий, а самыми активными в социальных сетях были кандидаты по одномандатным округам, которые сделали за исследуемый период июня – сентября 2018 г. в совокупности 407 публикаций против 293 у кандидатов, выдвигавшихся по партийному списку. Самой популярной среди кандидатов социальной сетью стал Facebook (284 поста), Instagram, что удивительно, обошёл «ВКонтакте» (178 постов против 164 соответственно), а самая низкая активность наблюдалась в Одноклассниках (58 постов).

Интересно, что кандидаты в подавляющем большинстве не использовали все возможности социальных сетей, а именно не вставляли в посты хэштеги для повышения охвата аудитории и продвижения себя как бренда. Кроме того, не был использован механизм обратной связи с избирателями через общение в комментариях.

Таким образом, социальные сети являются полноправным элементом политической агитации. У большей части рассматриваемых кандидатов были официальные страницы в социальных сетях, однако только 2 из 22 кандидатов использовали все возможности социальных сетей.

Список литературы

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253;
2. Выборы в мире: агитация в сети Интернет / под общ. ред. И. Б. Борисова. М. : Российский общественный институт избирательного права, 2017. 268 с.

УДК 316.772
ББК 54.453

Литвинов Д. В., *Иркутск*

Политическая пропаганда в интернет-пространстве Иркутской области (на примере выборов 2019 г.)

Проводится анализ политической пропаганды в интернет-пространстве Иркутской области. Анализируются выборы депутатов в 2019 г., их сетевая активность в контексте предвыборных технологий и инструментов манипулирования общественным мнением региона. Делаются выводы о ключевых инструментах и моделях политического манипулирования и политической пропаганды.

Ключевые слова: политическая пропаганда, Интернет, Иркутская область.

Litvinov D. V., *Irkutsk*

Political propaganda in the Internet space of the Irkutsk region (for example, the 2019 election)

The article analyzes political propaganda in the Internet space of the Irkutsk region. The elections of deputies in 2019, their network activity in the context of election technologies and tools for manipulating the public opinion of the region are analyzed. Based on the analysis, conclusions are drawn about the key tools and models of political manipulation and political propaganda.

Keywords: political propaganda, Internet, Irkutsk region.

В современной политике пропаганда выступает в качестве аргументов, взглядов и оценок, которые могут быть как верные, так и вымышленные, для того чтобы сформировать общественное мнение. Пропаганда оказывает сильное влияние на аудиторию, с целью убедить отдать свой голос на выборах за какого-либо кандидата или партию. Воздействие политической про-

паганды на общественное мнение является важным элементом в формировании стратегий будущей избирательной кампании.

В условиях быстрого распространения информации политикам все сложнее оказывать влияние на мнение общества, но и пропагандистские технологии становятся более сильными и эффективными. В настоящее время доверие к органам власти среди населения ослабевает, но использование новых способов пропаганды увеличивает шансы на достижение поставленных целей.

Баннерная реклама, проведение телевизионных дебатов между политиками – все это является способами манипуляции и воздействия на избирателей с целью изменить их идейно-политические ориентиры. Наибольшую популярность для распространения пропаганды в последнее время приобрели социальные сети. Размещение рекламных роликов в различных социальных сетях, баннеры, хэштеги заняли ключевое место и вызывали максимальный интерес среди пользователей сети Интернет. И тут возникает ряд вопросов, связанных со свободой выбора и этичной пропагандой в интернете, об этом более подробно изложено в работах Р. В. Иванова [7; 8]. А также иррациональных представлений населения о политической власти [3; 4] или теориях заговора [5; 6], представленных в работах Р. Г. Ардашева.

Избирательные кампании не смогут пройти максимально эффективно, если не будут сопровождаться соответствующими пропагандистскими акциями. Их исследование позволяет выявить влияние политической пропаганды на ход и исход выборов. Указанные обстоятельства предопределили выбор темы настоящего исследования.

На выборах 2019 г. Иркутская область стала одним из наиболее проблемных регионов для партии власти. В настоящее время 19 мандатов из 45 в региональном парламенте контролирует КПРФ, у ЕР – только 17.

По итогам голосования 15 мандатов в новом составе городской думы Иркутска заняла «Единая Россия». КПРФ получила семь мест, еще шесть мандатов достались самовыдвиженцам.

Три депутата прошли от «Гражданской платформы», еще по одному представителю будет у ЛДПР, «Справедливой России» и Коммунистической партии социальной справедливости.

Среди победителей и бывшие председатели городской думы Андрей Лабьгин и Евгений Стекачев, и достаточно известные иркутские политики Александр Панько и Дмитрий Ружников, а также Алексей Вепрев.

Также необходимо отметить, что явка на выборах депутатов думы города Иркутска 8 сентября составила 26 %, что на 8 % превысило показатель 2014 г. По мнению политологов, повышение явки – это результат возросшей политической конкуренции и предстоящие выборы сити-менеджера.

По итогам выборов в сентябре 2019 г. в Иркутской области зафиксировали сразу три случая, когда два конкурирующих муниципальных кандидата набрали одинаковое количество голосов.

Это произошло в 17-м округе Иркутска, на выборах в думу Братска и Зиминского района. Победители были определены по результатам жеребьевки.

В период предвыборной кампании было много ситуаций со снятием или недопущением кандидатов к выборам.

Так, например, было отказано в регистрации кандидату по одномандатному избирательному округу № 17 Марине Ершовой. Комиссия подвергла проверке весь представленный ею пакет подписей избирателей и не выявила ни одного нарушения. Однако 16 июля своим решением она признала все подписи недействительными, так как в справке с места работы М. Ершовой было указано ООО «Эксперт 01», а в подписных листах – Общество с ограниченной ответственностью «Эксперт 01». Комиссия сочла эти названия «неравнозначными». По решению суда Ершова была зарегистрирована кандидатом в депутаты.

Кандидату по округу № 10 Дмитрию Ружникову избирательная комиссия 30 июня отказала, поскольку тот в подписных листах указал, что является действующим депутатом. Д. Ружников обжаловал решение в суде и выиграл, но решил выдвинуться снова от партии «Гражданская платформа», которая имеет право не собирать подписи избирателей в Иркутске.

У самовыдвиженцев Сергея Беспалова (округ № 28), Игоря Демешко (№ 34) и Александра Квасова (№ 15) недостоверными подписи признали по итогам осмотра графолога. Все трое в результате тоже выдвинулись от партий. Баннеры кандидатов, информационные материалы представлены на рис. 1 и 2.

Кандидатам Кристине Глухой и Николаю Покитко (округ № 5) прямо в ходе заседания комиссии объявляли о недействительных дополнительных подписях, хотя закон Иркутской области «О муниципальных выборах» обявляет протокол рабочей группы по проверке подписей вручить кандидату заранее, чтобы тот смог подготовить обоснованные возражения.

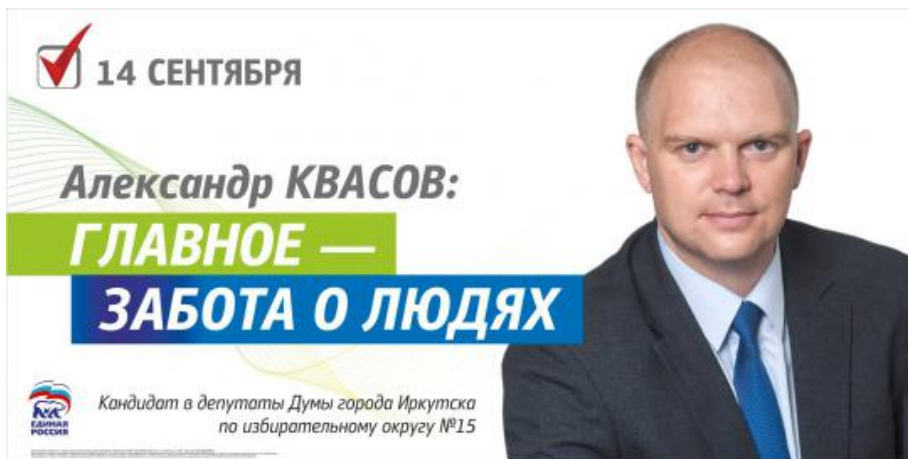

Рис. 1. Баннер кандидата А. Квасова на выборах 2019 года

Сергей Беспалов использовал информационное оповещение о своей кандидатуре в сети Интернет, вместе с тем его кандидатура была не допущена к выборам.

Рис. 2. Информационное обращение к сторонникам С. Беспалова

Мэр города Дмитрий Бердников, также участвовавший в этих выборах, смог победить в 16-м избирательном округе с перевесом в 600 голосов избирателей.

Д. Бердников выступал от движения «Наш Иркутск» и фактически был единственным, кто с большим перевесом обошел своего ближайшего конкурента. Большинство представителей движения «Наш Иркутск» проиграли выборы (прошли только 8 кандидатов). Реклама, баннеры и встречи с избирателями не помогли им получить голоса.

В частности, из команды мэра в думу города Иркутска не смогли пробиться директор «Водоканала» Сергей Пыхтин, директор УК «Восточная» Павел Караулов, директор школы № 14 Людмила Тучкова, директор школы № 15 Анжела Головки, директор МУП «Центральный рынок» Владислав Свердлов, директор школы № 73 Елена Высоцкая, директор школы № 19 Светлана Большещапина, директор МУП «ТЭСИ» Алексей Бондарев, а также Евгений Дроков, Владимир Преловский, Макар Сбитнев, Егор Батоев, Татьяна Семейкина, Константин Бушуев, Роман Пронский, Денис Днепровский, Александр Неверов, Михаил Дамешек, Денис Кузьмечихин, Илья Аксаментов.

Дело в том, что в Иркутске сформировалась в чем-то уникальная ситуация. С одной стороны, в городе и области люди всегда прекрасно понимали, что такое «прямое управление» из центра, и любая попытка такого управления (даже на выборах) всегда вызывала настороженность, если не враждебность.

А с другой стороны, достаточно активное население сформировало ту самую местную политико-предпринимательскую элиту, которая научилась не только договариваться между собой (а по необходимости – и с кем-то в Москве), но и выдвигать собственных проходных кандидатов, опираясь на легальные возможности и используя конкурентные выборы как реальный инструмент.

Что касается выборов в целом по Иркутской области, то, как отмечают политические обозреватели, единый день голосования не принес ожидаемую региональной властью «муниципальную перезагрузку» [1].

Не удалось сместить одного из мэров партии власти – Сергея Серебrenникова (Братск). Он уверенно одержал победу [2].

Остались на своих постах мэры Шелеховского района Максим Модин, Усть-Удинского района Сергей Чемезов, Тулуна Юрий Карих и многие другие. Более того, появились новые мэры-единороссы, например, в Боханском районе – Эдуард Коняев, в Эхирит-Булагатском – Геннадий Осодоев и др.

Выборы показали, что стратегия перебежать из одной партии в другую, которую заметили некоторые мэры для успешного переизбрания, теперь оказывается провальной.

Знаковыми стали довыборы в думу г. Ангарска. Это связано с тем, что демонстрирует электоральную тенденцию: люди, которые все последние выборы голосовали за КПРФ, теперь отдали свои голоса кандидату «Единой России» Дмитрию Ершову.

В рамках предвыборной кампании в Иркутской области использовались различные методы политической пропаганды «игра на контрастах», «большая ложь», «социальный проект», «лжереклама» и онлайн-общение.

При этом в социальных сетях пропагандистское воздействие осуществляется по вирусному принципу на уровне горизонтального распространения информации по каналам интернет-коммуникации от пользователя к пользователю в отличие от классических схем вертикальной трансляции пропагандистского контента.

Сами пользователи становятся носителями и распространителями пропагандистских идей в процессе горизонтальных коммуникаций друг с другом. С учетом того, что уровень доверия к информации, полученной по неофициальным каналам от таких же пользователей, значительно выше, чем в случае использования официальных, как правило, ангажированных, медиа ресурсов, эффект от такого пропагандистского влияния может быть оценен нами как значительный.

Примером повышения доверия к кандидату со стороны избирателей является действующий (вновь избранный) депутат А. Квасов. Он активно в течение всей кампании делился в социальных сетях как своими делами и действиями, так и действиями со стороны его оппонентов. По итогу Александр Квасов с большим перевесом победил в своем округе.

Принципы лжерекламы и социального проекта в рамках данной кампании «не сработали» как планировалось. Дмитрий Бердников как действующий мэр победил по своему округу, а 20 кандидатов от движения «Наш Иркутск» проиграли.

В целом модель пропагандистской деятельности новых медиа не исключает планирование как принцип эффективной и стабильной пропаганды, однако дополняется принципом самоорганизации пропагандистского контента – основным распространителем пропагандистских сообщений являются сами пользователи, которые самостоятельно выбирают привлекательный для них контент.

Политическая пропаганда является важной составной частью избирательных кампаний. Наряду с другими информационными потоками она используется политическими акторами, с целью повлиять на общественное мнение, для достижения определенных результатов в период предвыборной гонки. Основной ее задачей является привлечение внимания электората к той или иной идеологической установке.

Основным источником распространения информационных потоков и инструментом формирования общественного являются СМИ. Учитывая возможности СМИ, политические деятели стремятся наладить с ними эффективное взаимодействие.

Использование различных методов политической пропаганды в период избирательного цикла имели разные результаты. Для одних кандидатов они стали успешными и привели к желаемому результату, а для других эти методы оказались не эффективными.

Избирательная кампания 2019 г. была разнообразной и наполненной новыми технологиями проведения пропагандистских акций. Наибольшей популярностью, как среди кандидатов, так и среди избирателей пользовались социальные сети. Такая популярность сети Интернет обуславливалась тем, что за последние годы у населения снизилось доверие, как к печатным, так и к телевизионным СМИ. Кроме того, социальные сети стали площадкой для обсуждения тех или иных событий в режиме онлайн.

Анализ выборов 2019 г. показал негативно настроенных граждан по отношению к партии власти, мэру г. Иркутска. Пропаганда кандидатов в депутаты от общественного движения «Наш Иркутск» была направлена на привлечения избирателей к поддержке политики действующего мэра г. Иркутска в оппозиции с правящей партией и другими кандидатами. Несмотря на крупную политическую кампанию большинство кандидатов от «Наш Иркутск» проиграли. Вместе с тем многие избиратели выбирали стабиль-

ность из-за страха потерять то, что они уже имеют, и выбирали тех кандидатов, которых они давно знают, выбирали ранее. Не менее важным моментом выступает гражданская активность населения Иркутской области, что достаточно разнообразно освещена в работах С. С. Аносова [9–11].

Политическая пропаганда набирает все большую популярность среди российских политиков. Способы ее осуществления настолько разнообразны, что скорый приход к идеальной и эффективной пропагандистской кампании сложно прогнозировать.

Развитие технологий, снижение явки на выборах и рост протестного потенциала по отношению к правительству, все это требует изменений в области политической жизни. Политическим деятелям необходимо более глубоко изучать настроения, которые возникают в обществе в период избирательных кампаний, так как это является основополагающим элементом в формировании эффективных пропагандистских акций. Для этого следует внедрять новые современные технологии, которые помогут иметь более четкие представления о идейнополитических взглядах общества.

Список литературы

1. Агитация на выборах в Думу Иркутска за бюджетный счет [Электронный ресурс]. URL: <http://vybor-naroda.org/stovyborah/140329-agitaciya-na-vyborah-v-dumu-irkutska-za-byudzhetsyuy-schet.html> (дата обращения: 05.07.2020).
2. Агитация, пропаганда и реклама в избирательных кампаниях [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.sale/izbiratelnoe-pravo-knigi/agitatsiyapropaganda-reklama-izbiratelnyih-86135.html> (дата обращения: 28.07.2020).
3. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–258.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 58–64.
5. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
6. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их adeptы // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ» / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 100–103.
7. Иванов Р. В. Проблемы солидарности сообществ в виртуальном мире // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2015. С. 251–254.
8. Иванов Р. В. Свобода в виртуальном мире: иллюзия или реальность // Трансгрессия социокультурного пространства: материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, 2017. С. 56–60.
9. Аносов С. С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.
10. Аносов С. С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.
11. Аносов С. С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.

УДК 32.019.5
ББК М30

Марьяненко Л. А., Ярославль

Образ акции «Мы вместе» в электронных СМИ и на телевидении в Ярославской области

В статье анализируется информационная освещаемость акции, реакция населения на работу штаба акции, сделаны вывозы по возможностям и угрозам, предстоящим перед акцией.

Ключевые слова: добровольчество, #МыВместе, акция, коронавирус, СМИ

Maryanenko L. A., Yaroslavl

The image of the action “We Together” in electronic media and on television in the Yaroslavl region

The article will analyze the informational coverage of the action, the reaction of the population to the work of the campaign’s headquarters, and exported according to the opportunities and threats ahead of the campaign.

Keywords: volunteerism, #My together, action, coronavirus, media

Актуальность исследования обусловлена острой эпидемиологической ситуацией, происходящей в Российской Федерации. В связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Ярославской области гражданам пожилого возраста, входящим в группу риска, рекомендуется оставаться дома. Для обеспечения пожилых граждан и маломобильных групп граждан необходимыми продуктами и лекарствами в 85 регионах России созданы региональные волонтерские штабы по помощи населению в ситуации коронавирусной инфекции #МыВместе.

Согласно письму заместителя председателя Правительства РФ Т. А. Голиковой (ВХ.01-09961_20 от 26.03.2020) высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации предписано оказать всестороннее содействие в проведении акции на территории регионов. Остается неизученным вопрос отношения населения акции, уровню освещенности акции в средствах массовой информации. Результаты исследования могут послужить фундаментом для дальнейших исследований в области расширения акции после стабилизации эпидемиологической ситуации в регионе.

Объектом исследования является акция «Мы вместе». Предмет – образ акции «Мы вместе» в электронных СМИ и на телевидении. Целью данной работы стало выявление уровня освещаемости электронными СМИ и телевидением федеральной акции «Мы вместе» и отношения к ней жителей Ярославской области

Задачи:

- 1) выявить основные электронные СМИ и телеканалы, которые наиболее позитивно и наиболее негативно отзываются об акции;
- 2) определить основные электронные СМИ и телевидение, где присутствуют позитивные и негативные комментарии об акции;

3) ВЫЯВИТЬ вариативность публикаций в электронных СМИ, на телеканалах и в официальной группе акции;

4) проанализировать отношение жителей региона в акции

Согласно поверхностным данным об акции можно предположить следующую гипотезу: все жители региона положительно отнесутся к акции, наиболее вариативной будет тема общей информации об акции.

С помощью метода Case-study будут рассмотрены новостные публикации на предмет тематики и характера публикации акции «Мы вместе». Все публикации будут тематически определены к 3 разделам, характерным для каждого из обозреваемых СМИ. К разделу «Информация об акции» относятся короткие публикации о содержании акции, организаторах и контактных данных.

Кроме того, на тональность будут проанализированы комментарии жителей к новостным постам исследуемых электронных СМИ и телеканалов об акции, в том числе в самой группе акции. К позитивным комментариям будут относиться те, где восхваляется волонтерская деятельность, посыл акции и отзывы о ней. К негативным – те комментарии, где население высказывает недовольство деятельностью штаба, миссии акции. К нейтральному оттенку относятся вопросы по работе акции и штаба, отстраненные позиции.

Для выявления наиболее освещаемых тем в акции «Мы вместе» будет проведен сравнительный анализ, в каких СМИ какая тематика чаще всего преобладала. Затем будет проведено сравнение, в каких источниках больше всего пользователи оставляют позитивные и негативные комментарии, на каких источниках пользователи оставляют больше всего комментариев, а где не оставляют вовсе.

В рамках SWOT-анализа выделим сильные и слабые стороны акции, ее возможности и угрозы. Под внешними факторами будут пониматься в том числе комментарии пользователей под новостными публикациями. Анализ будет построен на результатах предыдущих 2 методов, описанных выше.

Эмпирической базой для исследования послужили электронные СМИ ЯО (76.ru, «Яркуб», «Ярновости», YarNews, «Ярославский регион», «PROгород»), телеканалы («Первый Ярославский», «Городской телеканал», ГТРК «Ярославия») и группа в «ВКонтакте» акции.

Критерием выбора электронных СМИ для включения их в эмпирическую базу стал медиа-рейтинг цитируемости СМИ Ярославской области российской компанией-разработчиком автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей «Медialogия»¹.

В результате проведенного исследования будут получены результаты по тому, какие СМИ и телеканалы чаще публикуют новости об акции в Ярославской области, как к акции относятся жители региона. Ввиду недав-

¹ Медialogия [Электронный ресурс] URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/7230/>

него появления акции в России подобные исследования еще не проводились.

Результаты исследования. В результате применения метода Case-study удалось определить СМИ, в которых содержится наибольшее количество позитивных публикаций, а также СМИ с наибольшим количеством негативных публикаций о деятельности штаба Всероссийской акции «Мы вместе». Таким образом, СМИ с наибольшим количеством позитивных публикаций по отношению к акции «Мы вместе» оказалась официальная группа во «ВКонтакте» акции (134 позитивных публикации), затем «Первый Ярославский» телеканал (16 позитивных публикаций). А СМИ с негативными публикациями оказалось два: 76.ru и YarNews (по 1 публикации) (рис. 1).

В ходе исследования было выявлено, что наиболее часто в СМИ публиковалась общая информация об акции (58 публикаций из 173), без интервью у благополучателей, историй волонтеров и количественных данных к текущему периоду публикации новости. Реже всего встречались новости с историями от благополучателей (10 новостей). В основном они размещались на официальной странице акции «Мы вместе». Информация о партнерах чаще публиковалась в апреле, чем в мае (34 к 12 новостям, соответственно). На третьем месте по популярности истории волонтеров (37 публикаций) (рис. 2).

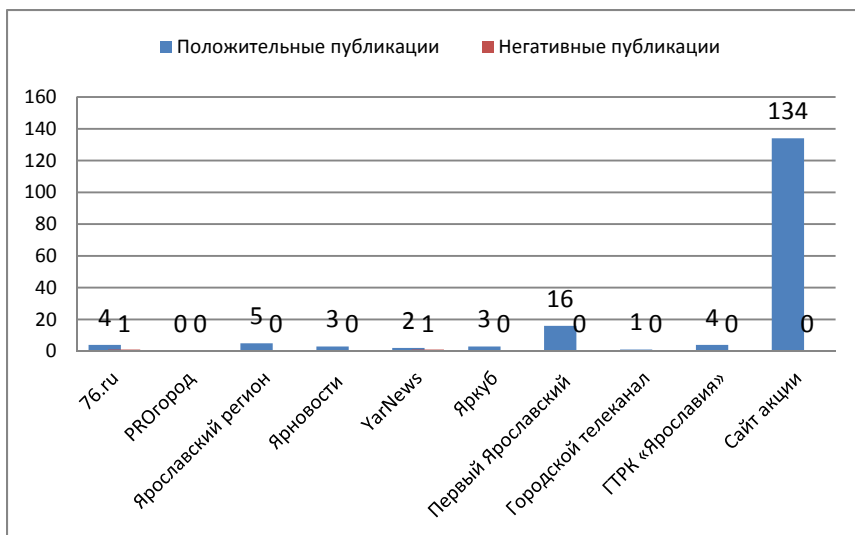

Рис. 1. Количество позитивных и негативных публикаций о деятельности акции

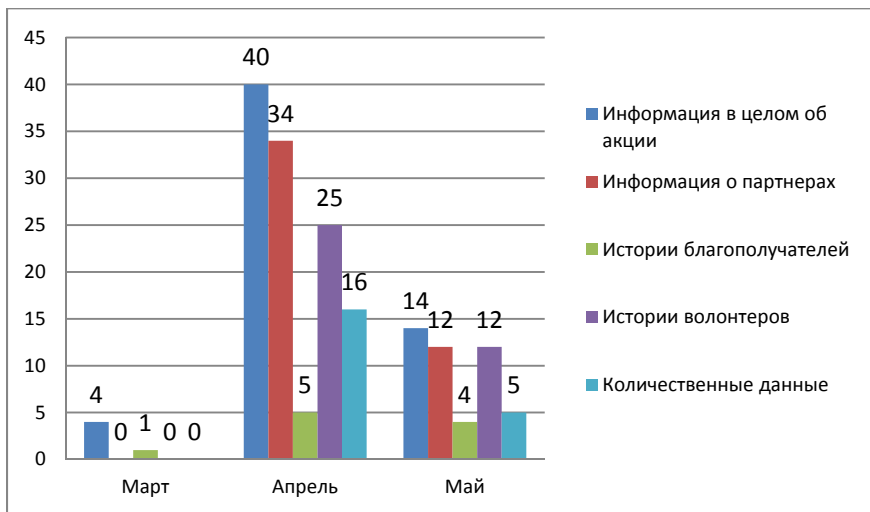

Рис. 2. Вариативность используемых тем при освещении акции «Мы вместе»

Анализируя комментарии, которые пользователи оставляют под новостями, можно сделать вывод, что вовлеченность есть всего в двух источниках: официальной группе «Мы вместе» и на 76.ru. В остальных источниках ни одного комментария не обнаружено (рис. 3).

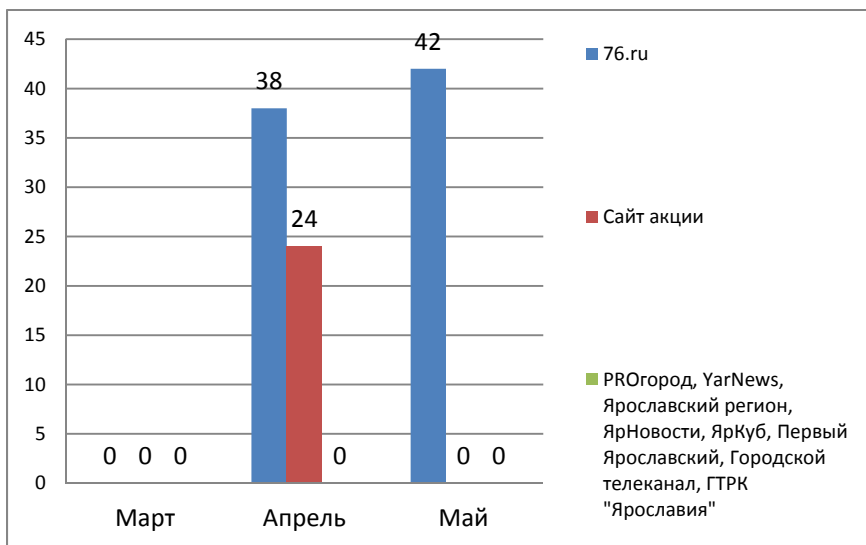

Рис. 3. Количество комментариев пользователей

Проанализировав все комментарии, можно сделать вывод, что большая часть из них носит негативный оттенок (57 комментариев). 37 публикаций имеют нейтральный оттенок и лишь 10 – позитивный (рис. 4).

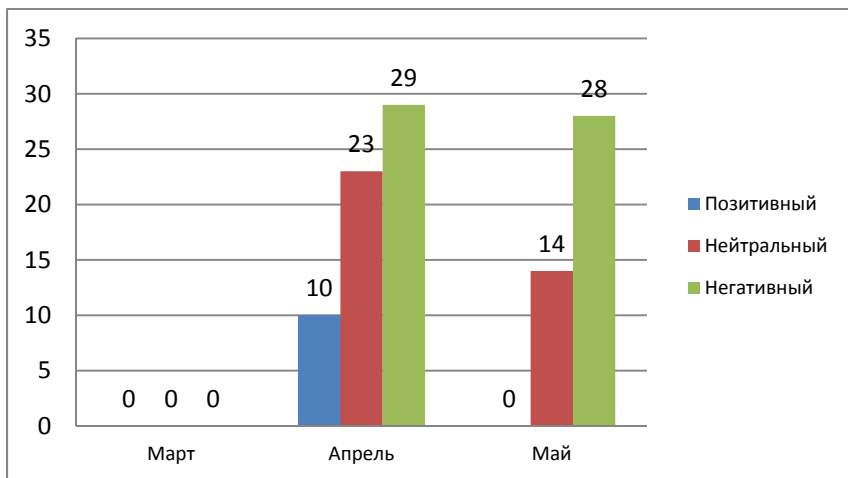

Рис. 4. Характер комментариев

Переходя к сравнительному анализу, отметим, как было выявлено в методике Case-study, наиболее освещаемой темой стала общая информация об акции (42 новости в официальной группе акции и 9 новостных сюжетов на Первом Ярославском телеканале). Следующими по популярности стали новости с информацией о партнерах акции «Мы вместе», которые передавали региональному штабу гуманитарную помощь (средства индивидуальной защиты, антисептики, одноразовые перчатки и др.). Следует заметить, что во всех СМИ в одной новости была информация только об одном партнере, никогда в новостях не упоминали о двух партнерах сразу. Больше всего новостей о партнерах акции вышло на «Первом Ярославском» (4 сюжета), в основном, это сюжеты о легендарном хоккеисте Андрее Коваленко, который стал активным добровольцем акции «Мы вместе» и на своем автомобиле развозит продуктовые наборы нуждающимся. Далее на сайте «Ярославского региона» и «Ярновости» за период проведения акции вышло по две новостные публикации о партнерах акции (рис. 5).

В целом стоит отметить, что различные тематики в официальной группе «Мы вместе» старались освещаться равномерно. Общей информации об акции было опубликовано 42 поста, с историей волонтеров, репостов с их личных страниц об акции «Мы вместе» – 35 постов, о сотрудничестве регионального штаба с партнерами (государственными и коммерческими) – 30 постов. Меньше было размещено информации о количественных данных (20 постов) и с отзывами пожилых граждан (7 постов) (рис. 6).

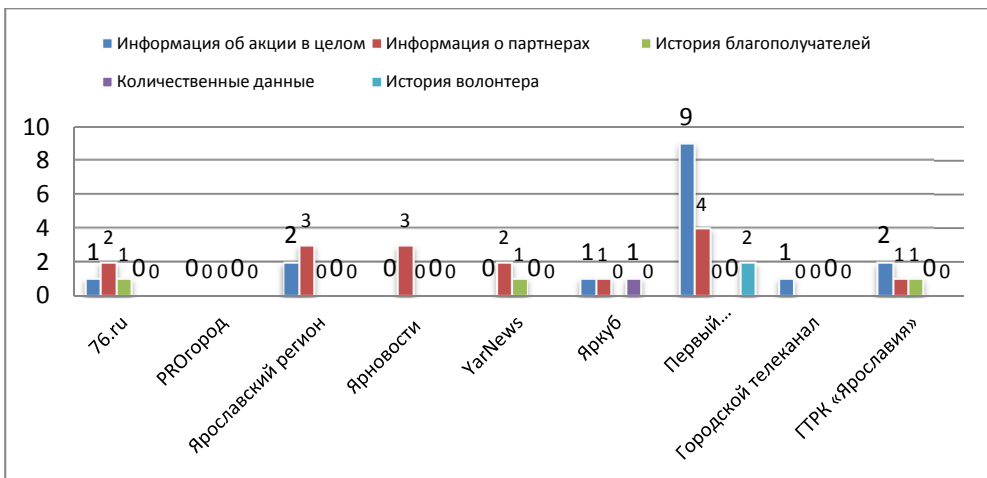

Рис. 5. Темы, освещаемые в акции «Мы вместе» в СМИ

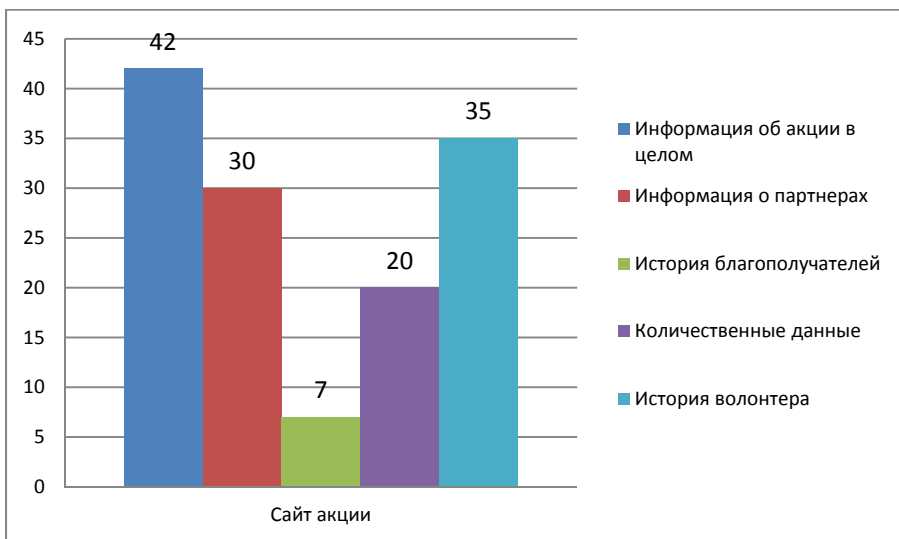

Рис. 6. Темы, освещаемые в «Мы вместе» на сайте акции

Переходим к сравнению позитивных, нейтральных и негативных комментариев. Сразу стоит отметить, что в общей сумме негативных комментариев пользователей больше (рис. 7) – 57 комментариев, 56 из которых оставлены под двумя новостными публикациями на сайте 76.ru. Позитивных при этом всего 10, 9 из которых с группы акции во «ВКонтакте», куда чаще всего заходят сторонники акции (рис. 8, 9). В официальном сообще-

стве акции состоит 898 человек. При этом количество отметок «Мне нравится» под публикациям варьируется от 4 до 20. Нейтральных комментариев, когда пользователи задают вопросы, либо эмоционально не окрашивают речь (констатация фактов) – 37, 23 из которых с сайта 76.ru, а 14 с официальной группы во «ВКонтакте».

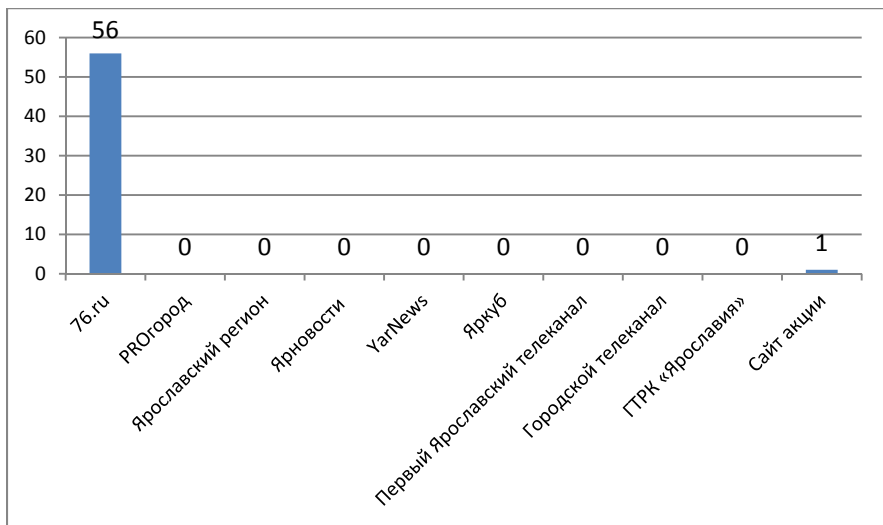

Рис. 7. Количество негативных комментариев пользователей

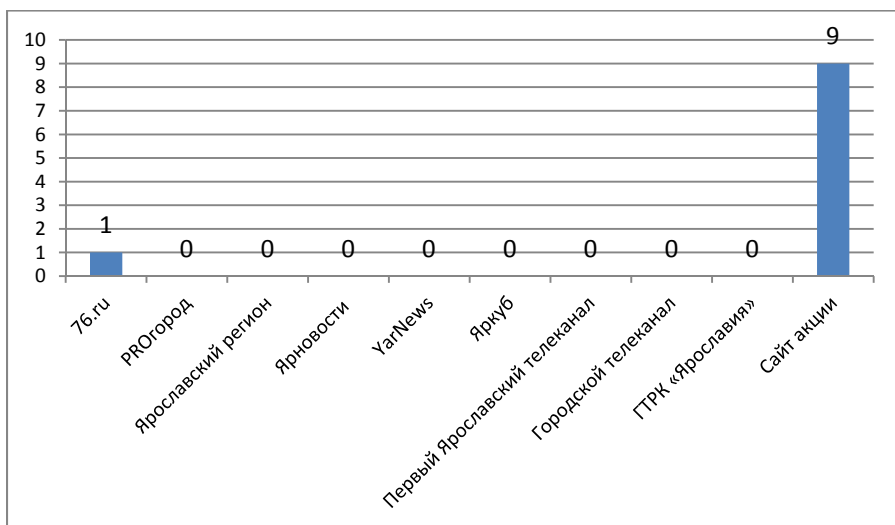

Рис. 8. Количество позитивных комментариев пользователей

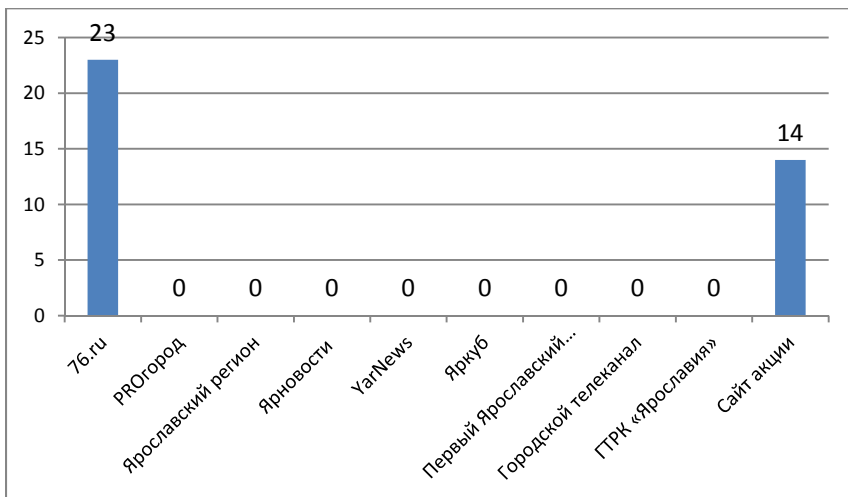

Рис. 9. Количество нейтральных комментариев пользователей

На официальной странице губернатора Ярославской области Дмитрия Юрьевича Миронова 4 мая вышел пост с благодарностью волонтерам акции «Мы вместе». Запись набрала 116 комментариев, этим и привлекла внимание. В данных комментариях волонтеров за их труд и старания похвалили 25 комментариями, негативно при этом отозвались о добровольческой деятельности и акции в 22 комментариях. 25 негативных комментариев не имели никакого отношения к акции, касались мер поддержки бизнеса в сложившейся ситуации (18 комментариев), остальные имели нейтральный характер. Но следует отметить, что публикация набрала 913 лайков, что говорит о том, что данному количеству пользователей эта запись понравилась, а также записью поделились 22 человека на своих личных страницах.

SWOT-анализ. В рамках данного метода на основе полученных результатов были выделены сильные и слабые стороны акции, ее возможности и угрозы.

Сильные стороны:

- большое количество публикаций об акции в официальной группе «Мы вместе»;
 - разнообразие партнеров, присоединившихся к акции;
 - интерес властных структур к акции (в волонтерах Андрей Коваленко, личный приезд мэра г. Ярославля);
 - большинство публикаций журналистов носят позитивный характер, что располагает неосведомленных пользователей к акции;
 - Много волонтеров, присоединившихся к акции;
- Личное представление акции волонтеров в официальной группе.

Слабые стороны:

- наличие большого количества негативных комментариев пользователей об акции на сайте 76.ru;
- отсутствие комментариев пользователей на большинстве площадок СМИ, отчего можно сделать вывод, что акция неинтересна общественности.

Недостаточная заинтересованность у большинства местных телеканалов (Городского телеканала и ГТРК «Ярославия») в освещении акции, что не привлекает новых благополучателей и волонтеров.

Возможности:

- увеличение информационного присутствия в СМИ региона путем массовой рассылки информационной справки об акции и привлечение, таким образом, новой аудитории;
- увеличение количества позитивных комментариев под новостными публикациями благодаря отзывам волонтеров, активно принимающих участие в акции;
- увеличение новостных публикаций о благополучателях акции, что сделаем «Мы вместе», таким образом, ближе к народу;
- подача в пресс-релизы СМИ больше количественных данных об акции, что покажет ее статус и важность в регионе.

Создание дополнительных направлений работы в акции благодаря большому количеству волонтеров, чтобы помогать большому количеству нуждающихся.

Угрозы:

- в мае, по сравнению с апрелем, уменьшилось количество публикаций в СМИ, т. е. есть риск, что акция перестанет пользоваться спросом, уменьшится количество заявок от пожилых людей, акцию придется закрыть.
- большое количество негативных комментариев на сайте 76.ru может оттолкнуть от акции новых потенциальных волонтеров, имеющиеся перестанут справляться с поступающими заявками ввиду соблюдения 2-недельной самоизоляции после недельных выездов по адресам.

Снятие ограничительных мер в регионе способствуют самостоятельному выходу пожилых людей за продуктами, ввиду чего акция перестает быть актуальной, что может привести к скорому ее закрытию.

Выводы. Как выяснилось в результате исследования наиболее позитивно об акции пишут журналисты (не берем в расчет официальное сообщество) Первого Ярославского телеканала. Наиболее негативно журналисты портала 76.ru и YarNews, но об этом свидетельствует всего по одной публикации. Позитивные и негативные комментарии об акции присутствуют в официальном сообществе в социальной сети «ВКонтакте», а также на информационном новостном портале 76.ru. Наиболее вариативной явилась тема общей информации об акции, об этом свидетельствуют 68 новостных публикаций с кратким описанием акции, способах обращения за помощью и

описанием, как стать добровольцем. Не все жители региона положительно отнеслись к акции, об этом свидетельствуют комментарии на новостном портале 76.ru.

Не все поставленные гипотезы были подтверждены. Не все жители региона положительно отнеслись к акции, об этом свидетельствуют комментарии на новостном портале 76.ru. Наиболее вариативной явилась тема общей информации об акции, об этом свидетельствуют 68 новостных публикаций с кратким описанием акции, способах обращения за помощью и описанием, как стать добровольцем.

Есть несколько СМИ, которые чаще других публиковали новости Всероссийской акции помощи пожилым людям «Мы вместе»: официальное сообщество акции во «ВКонтакте» и телеканал «Первый Ярославский». PROгород за все время работы акции ни разу не разместил информацию на своих ресурсах. Судя по комментариям, жители Ярославской области, в большей степени, негативно относятся к акции, либо проявляют к ней равнодушие.

Список литературы

1. Издание 76.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://76.ru/> (дата обращения: 06.06.2020).
2. Издание «Яркуб» [Электронный ресурс]. URL: <https://yarcube.ru/> (дата обращения: 06.06.2020).
3. Издание Ярновости [Электронный ресурс]. URL: <https://yamovosti.com/> (дата обращения: 06.06.2020).
4. Издание YarNews [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yarnews.net/> (дата обращения: 06.06.2020).
5. Издание «Ярославский регион» [Электронный ресурс]. URL: <https://yarreg.ru/> (дата обращения: 06.06.2020).
6. Издание «PROгород» [Электронный ресурс]. URL: <https://progorod76.ru/> (дата обращения: 06.06.2020).
7. Телеканал «Первый Ярославский» [Электронный ресурс]. URL: <https://1yar.tv/> (дата обращения: 06.06.2020).
8. Городской телеканал [Электронный ресурс]. URL: <http://gtk.tv/> (дата обращения: 06.06.2020).
9. ГТРК «Ярославия» [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti-yaroslavl.ru/> (дата обращения: 06.06.2020).
10. Официальная группа акции «Мы вместе» в Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/vmeste_yar76 (дата обращения: 06.06.2020).
11. Медиалогия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/7230/> (дата обращения: 06.06.2020).

УДК 3.08
ББК 66.021

Матюшенко Д. В., Ярославль

Формирование образа политического лидера через использование инструментария социальных сетей (на примере мэров городов Ярославля и Рыбинска)

В статье рассматриваются возможности формирования образа политического лидера через использование инструментария социальных сетей. Актуальность работы обусловлена широкой доступностью интернет-технологий для жителей России и политических субъектов. Для изучения возможностей формирования образа политического лидерства в социальных сетях было проведено исследование официальных страниц мэров двух крупнейших городов Ярославской Области в социальной сети «ВКонтакте» с помощью применения метода контент-анализа. Посты акторов соотносились с типологией политического лидерства Р. Шварценберга. В результате исследования было выявлено, что оба политика тяготеют к использованию образов «Отца Нации» и «Обаятельного Лидера» в своих социальных сетях.

Ключевые слова: политический лидер, лидер, социальная сеть, мэр города, пост.

Matyushenko D. V., Yaroslavl

Formation of the image of a political leader through the use of tools of social networks (for example, the Mayors of Yaroslavl and Rybinsk)

The article discusses the possibilities of forming the image of a political leader through the use of tools of social networks. The relevance of the work is due to the wide availability of Internet technologies for the residents of Russia and political entities. To study the possibilities of forming an image of political leadership in social networks, a study was conducted of the official pages of the mayors of the two largest cities of the Yaroslavl Region on the VKontakte social network using the content analysis method. The posts of the actors correlated with the typology of political leadership of R. Schwarzenberg. As a result of the study, it was revealed that both politicians are inclined to use the images of "Father of the Nation" and "Charming Leader" in their social networks,

Keywords: political leader, leader, social network, mayor, post.

В условиях современного развития интернет-технологий инструменты социальных сетей являются простым и доступным средством для органов власти, чтобы донести свою позицию до населения, получить обратную связь от своих жителей, рассказать об актуальной повестке и проделанной работе. Кроме того, с помощью особенностей социальных сетей политики могут создавать иллюзию прямого общения с гражданами, а также наглядно показывать результаты своей деятельности и рассказывать пользователям о своих личных увлечениях путём публикации видео и фото. Тем самым через применение социальных сетей любому политику и должностному лицу различного уровня можно придать определенный тип политического лидера для завоевания поддержки избирателей или удержания руководящей должности.

Под политическим лидером принято понимать авторитетного субъекта политического процесса, личностное влияние которого позволяет ему объединить и повести за собой различные группы для решения проблем общественного развития [2]. Кроме того, в политической науке принято выделять качества, присущие подобному лидеру. Среди них: умение предлагать но-

вые программные планы, умение выражать и отстаивать интересы той или иной группы или общества в целом; способность организовать выполнение своих действий, предлагать новую стратегию и тактику; наличие помощников, команды и исполнителей; уровень политической культуры должен отвечать общественным потребностям; популярность, ораторские способности, умение нравиться людям, завоевывать симпатии; поддержка со стороны народа и институтов власти[3]. С помощью использования социальных сетей субъект, претендующий на роль политического лидера, может продемонстрировать своему электорату владение приведенными выше качествами.

Для изучения возможностей формирования образа политического лидерства в социальных сетях было проведено исследование официальных страниц мэров двух крупнейших городов Ярославской области (мэр г. Ярославля – В. М. Волков; мэр г. Рыбинска Д. В. Добряков) в социальной сети «ВКонтакте» с помощью применения метода контент-анализа.

В рамках использования данного метода каждый из постов, исследуемых акторов, будет отнесен к одной из четырёх категорий типов политического лидера, составленной Р. Шварценбергом [1] и адаптированной под проведенное исследование:

1. «Спаситель Отечества» – появляется в самые сложные и ответственные моменты. Публикации на страницах акторов, в которых они рассказывают о действиях по устранению и борьбе с чрезвычайными ситуациями (например, паводки, пожары, борьба с распространением коронавируса, угроза жизни и здоровью жителей);

2. «Отец нации» – отличающийся строгостью, но справедливостью с подданными. В данном разделе будут учитываться публикации, описывающие выполнение мэрами своих прямых обязанностей (проведение заседаний, инспекция объектов и т. п.);

3. «Обаятельный лидер» – тип лидера, который стремится, скорее просто понравиться, чем убедить людей в правоте своих идей. Публикации, содержащие обращения и поздравления к гражданам (поздравления с государственными или местными праздниками, рассказ о выдающихся земляках);

4. «Свой человек» – демонстрирующий свою близость с народом. В данный раздел будут отнесены посты, раскрывающие личностную сторону В. М Волкова или Д. В Добрякова (рассказ об увлечениях, занятии спортом, отдыхе и т. п).

Таким образом, как показали результаты исследования, в стиле ведения официального аккаунта Владимира Волкова преобладает упор на типы лидерства «Обаятельный лидер» (41 % от общего числа) и «Отец Нации» (38 %) при написании и публикации постов. Подобные результаты можно объяснить тем, что контент на странице Мэра г. Ярославля представляет в большинстве своём собой публикацию постов о торжественных мероприятиях, поздравления по поводу праздников, успехов ярославских спортсменов и поздравлений горожан по поводу открытия новых объектов (Тип

«Обаятельного лидера») или же посты о выполнении ежедневной работы главы города (приём граждан, осмотр объектов, совещания с профильными заместителями и партнёрами), которые относятся к типу «Отца Нации».

В постах, опубликованных на странице Д. Добрякова, также присутствует упор на такие типы политического лидерства как «Отец Нации» (42 %) и «Обаятельный Лидер» (36 %). Однако, в отличие от своего ярославского коллеги, основной упор публикаций в аккаунте Главы г. Рыбинска направлен на соответствие типу «Отца Нации». Подобный результат можно объяснить тем, что на еженедельной основе Д. Добряков выпускает свой видеоблог, в котором рассказывает о деятельности органов власти и ключевых событиях в жизни Рыбинска за прошедшую неделю. Кроме того, им часто публикуются посты, посвященные подготовкой к городским мероприятиям (форумам, семинарам) и репортажи о проверке благоустройства городских улиц.

Таким образом, можно отметить, что оба руководителя наиболее крупных городов Ярославской Области предпочитают ведение своих социальных сетей для соответствия двум схожим типам политического лидерства. Однако если говорить о доминантном типе лидерства при использовании социальных сетей, то стоит отметить, что В. М. Волков больше склоняется к позитивному продвижению имиджа личной фигуры через использование типа «Обаятельного Лидера», а Д. В. Добряков строит образ крепкого хозяйственника путём соответствия типу «Отца Наций».

Подводя итог, стоит сказать, что возможности социальных сетей позволяют не только формировать определенный тип политического лидерства, но и укоренять его в памяти избирателей и граждан. Путём применения специальных возможностей социальных сетей (публикация видео, проведение онлайн-трансляций, общение в комментариях и использование хэштегов) политик имеет возможность выстраивать несколько вариантов публичного имиджа для своей целевой аудитории, что в ближайшей перспективе, учитывая стремительное проникновение интернета в российские регионы, может быть широко востребовано на выборах в законодательные органы власти различного уровня.

Список литературы

1. Морозова Е. Г. Менеджер избирательной кампании // Избирательная кампания. М. : Российский центр избирательных технологий, 1995. С. 60.
2. Фонарев А. В. Особенности и основные типы политического лидерства // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 392–397.
3. Шпуга Е. Политическое лидерство как механизм интеграции социальной общности. LAP LambertAcademicPublishing, 2014. 116 с.

УДК 316.772
ББК 54.453

Онохова Л. В., *Иркутск*

Интернет как пространство реализации политических технологий (на примере Иркутской области)

В статье анализируются особенности и технологии реализации политических технологий в интернет-пространстве. Примером анализа выступает предвыборная агитация в виртуальном пространстве Иркутской области в 2019 г. В работе рассматриваются как стратегии политических партий, продвигающие своих кандидатов, так и индивидуальные формы позиционирования кандидатов в депутаты.

Ключевые слова: Интернет, политические технологии, Иркутская область.

Onokhova L. V., *Irkutsk*

Internet as a space for the implementation of political technologies (on the example of the Irkutsk region)

The article analyzes the features and technologies of the implementation of political technologies in the Internet space. An example of analysis is the election campaign in the virtual space of the Irkutsk region in 2019. The paper considers both the strategies of political parties promoting their candidates and individual forms of positioning of candidates for deputies.

Keywords: Internet, political technologies, Irkutsk region.

Как показывает практика последних региональных и муниципальных выборов в Иркутской области, интернет все чаще является средством распространения и источником получения агитационной информации. Этому способствуют различные гражданские инициативы и социальные проекты как прополитических организаций, так и общественных проектов [12–14].

Предвыборная агитация в интернете происходит посредством организации интернет-рассылки, блогов, форумов и т. д. Опыт в информационно развитых обществах показывает, что интернет как агитационная платформа используется уже давно.

С учетом статуса интернет-ресурсов вопросы предвыборной агитации в интернете можно разделить на два блока:

- 1) предвыборная агитация посредством сетевых изданий;
- 2) предвыборная агитация посредством интернет-ресурсов, не зарегистрированных в качестве СМИ.

Предвыборная агитация посредством сетевых изданий. Есть мнение, что в условиях отсутствия более специальных правил, если интернет-сайт зарегистрирован как СМИ, то при организации предвыборной агитации через него необходимо использовать общие нормы избирательного законодательства, регулирующие агитацию на каналах телерадиовещания и в периодических печатных изданиях [10].

Под сетевым изданием в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон РФ о СМИ) понимается сайт в интернете, зарегистрированный в качестве СМИ (ст. 2, 8).

При этом установлено, что на сетевые издания распространяются общие правила организации и ведения предвыборной агитации в негосударственных СМИ. Однако особенностью является то, что предвыборная агитация в сетевых изданиях, в отличие от предвыборной агитации в иных СМИ, может начинаться со дня, следующего за днем представления в Центральную избирательную комиссию РФ сведений о стоимости и других условиях оплаты услуг по размещению агитационных материалов в Интернете. Размещение агитационных материалов в сетевых изданиях прекращается в 16 часов по московскому времени последнего дня агитационного периода (в традиционных СМИ агитационный период начинается за 28 дней до дня голосования) [9].

Порядок и условия организации и проведения предвыборной агитации в сетевых изданиях формализованы достаточно поверхностно, а имеющиеся процедуры контроля и привлечения к ответственности работников сетевых изданий за нарушение правил предвыборной агитации не адаптированы к реалиям избирательного процесса. Хотя и возникают трудности при определении свободы в социальных сетевых сообществах, напрямую или косвенно воздействующих на целевую аудиторию [7; 8].

Политические технологии активно опираются на иррациональные стратегии восприятия реальности, основанные как на теориях заговора, так и на субъективных представлениях населения о политической ситуации в регионе. Об этом более развернуто представлено в исследованиях Р. Г. Ардашева [1–4].

В Иркутской области наиболее популярное сетевое издание – сетевого издания «Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области» (ogirk.ru).

В период выборов в сентябре 2019 г. на портале ogirk.ru публиковалась новостная информация по кандидатам от правящих политических партий. Например, статьи «Конкурс на должность мэра в Иркутской области – от 3 до 12 претендентов», «Появился первый кандидат на пост мэра Казачинско-Ленского района» (рис. 1).

Предвыборная агитация посредством интернет-ресурсов, не зарегистрированных в качестве СМИ.

Предвыборная агитация в данной форме в настоящее время практически не регулируется, в связи с чем встает вопрос о правовом режиме агитационных материалов, распространяемых таким образом через интернет [11].

Согласно позиции ЦИК РФ, если интернет-сайт не зарегистрирован в качестве сетевого издания, то в отношении агитации, размещаемой на таких интернет-ресурсах, должны соблюдаться правила, применяемые к аудиовизуальным и иным агитационным материалам [44].

Некоторые нормативные положения не применимы к предвыборной агитации в Интернете. К примеру, нормы об обязательном указании в агитационном материале сведений о его тираже, поскольку это понятие в Интернете не используется [4; 5].

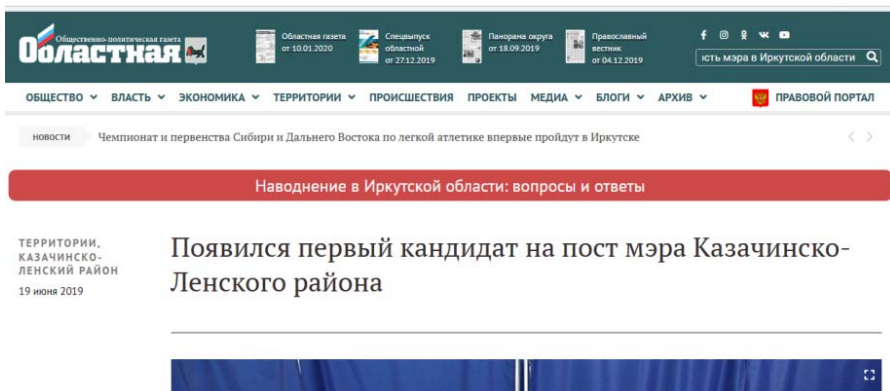

Рис. 1. Информация на портале сетевого издания
«Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области»

Не могут применяться по аналогии нормы о финансировании предвыборной агитации в Интернете, сложно определить соблюдение сроков агитации в Сети и т. д.

Также остается открытым вопрос о том, каким видом является агитационный материал, распространяемый в Интернете. Вопросы контроля и привлечения к ответственности лиц, отвечающих за организацию и распространение печатных, аудиовизуальных агитационных материалов в Сети, также четко не регулируются.

Можно предположить, что в данном случае возможно применение в контрольных целях механизмов приостановления распространения незаконной информации в Интернете, предусмотренных Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон об информации).

В соответствии с Федеральным законом об информации противодействие незаконному распространению информации в Интернете осуществляется посредством ограничения доступа к сайтам, содержащим незаконную информацию.

При этом согласно указанному выше Федеральному закону, установлены две формы противодействия незаконной агитации в Интернете.

Во-первых, административный порядок, который заключается в том, что на основании решений уполномоченных федеральных органов возможно приостанавливать распространение посредством интернета агитационных материалов, содержащих:

- порнографические изображения несовершеннолетних;
- информацию о способах, методах разработки и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

- информацию о способах совершения самоубийства; – информацию о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами;

- информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка.

В рамках предвыборной агитации на территории Иркутской области широкое распространение получила сеть Facebook. Примеры, агитационных материалов и оповещений приведены на рис. 2–5.

Кандидат в депутаты А. Квасов использовал личную страницу в социальной сети для информирования о своей работе как кандидата, сбора предложений от жителей.

Кандидат в депутаты А. Первалов использовал иной метод информирования жителей своего округа – предвыборный дневник.

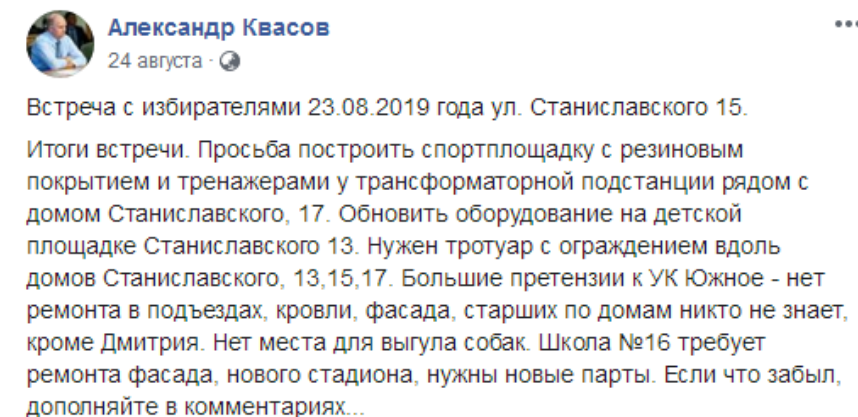
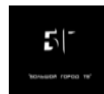

Рис. 2 Агитация информационного содержания о встрече с избирателями

Дневник борьбы кандидата от КПРФ в Думу Иркутска Александра Перевалова (выпуск №23)

«БГ Иркутск» размещает двадцать третий выпуск дневника предвыборной борьбы кандидата в депутаты Думы Иркутска от КПРФ по 17-му избирательному округу Александра Олеговича Перевалова.

bg_irkutsk
27 августа, 22:45

Итак, комментарий Александра Олеговича по работе 27-го августа:

«Сегодня ездил в Избирательную комиссию. Там подготовили образец баннера с фотографиями кандидатов и информацией о нас, которую избиратели смогут почитать на участках для голосования. От меня требовалось посмотреть все ли верно там написано обо мне и подписать согласие.

Рис. 3. Агитация в форме дневника предвыборной компании кандидата в депутаты

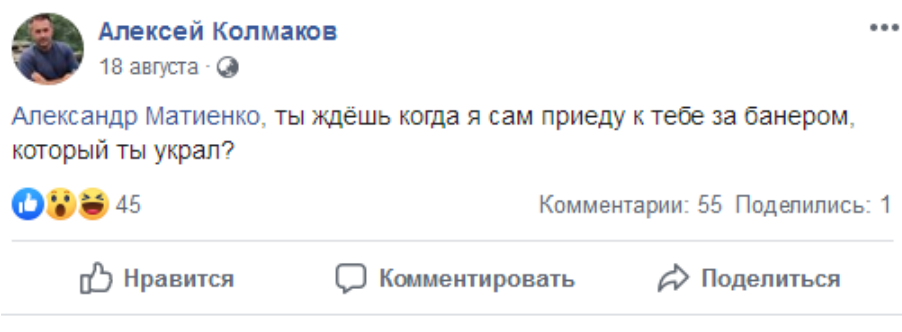

Рис. 4. Информирование о нечестной борьбе в социальной сети

Кандидат в депутаты А. Колмаков использовал обличающий метод предвыборной агитации в отношении другого кандидата.

Кандидаты в депутаты от движения «Наш Иркутск» записали совместный ролик со стихотворением об Иркутске.

Несмотря на то что большинство лиц, просмотревших ролик, оценили его отрицательно, нельзя не отметить нестандартную идею и реализацию проекта.

В целом потребность в законодательном регулировании порядка и условий предвыборной агитации в Интернете очевидна. Следует согласиться с мнением Конституционного Суда РФ о необходимости ограничения права на информацию в целях поддержания баланса взаимосвязанных конституционно защищаемых ценностей, таких как свободные выборы и свобода информационного пространства [2].

Предвыборная агитация посредством рекламы и баннеров

Что касается рекламы, то в период предвыборной кампании в Иркутске большинство рекламных мест заняли кандидаты (в большей степени неизвестные), идущие от общественной организации «Наш Иркутск».

Специалист по связям с общественностью, политтехнолог Владислав Шиндяев отмечает довольно новый для выборной кампании момент: избирателю презентуют на баннерах незнакомых (еще месяц назад) кандидатов, не обладающих собственным финансовым ресурсом. Более того, эти люди представляют в основном бюджетную сферу – учителя, директора школ, работники училищ, директора театров, главы округов, а также студенты и общественники (рис. 5). То есть нересурсные кандидаты, идущие от квази-общественного движения (фактически созданного мэрией) с административным ресурсом, значительно потеснили (а где-то вытеснили) из баннерной рекламы известных в городе политиков, депутатов и представителей «несистемного пула» (предприниматели, представители парламентских партий) [1].

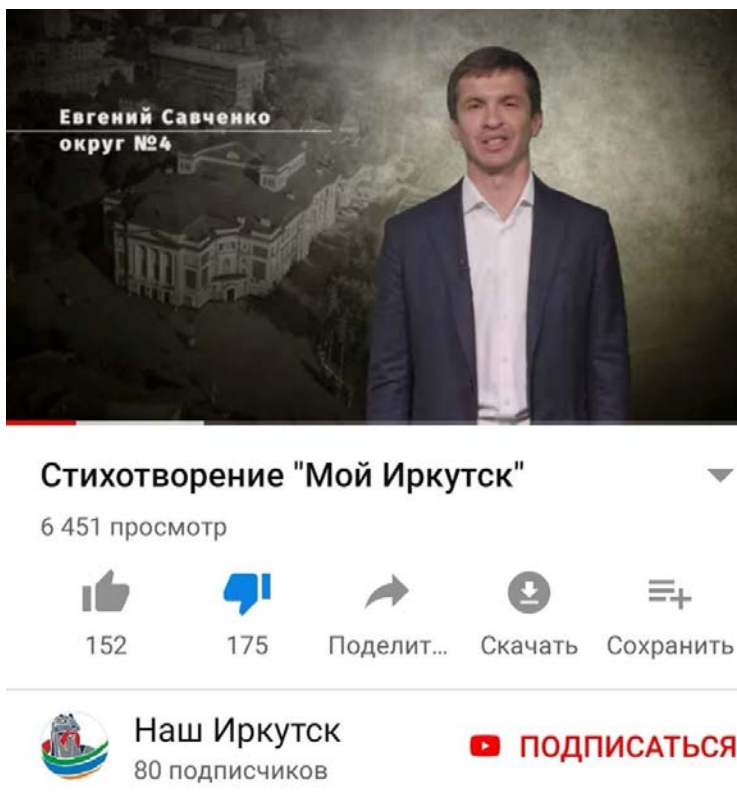

Рис. 5. Видеообращение движения «Наш Иркутск»

На рис. 6 представлен баннер одного из кандидатов во всю стену жилого дома. При этом многие кандидаты от других партий в Иркутске жаловались в СМИ, что им не дают возможности разметить свои баннеры, либо баннеры и рекламы снималась неизвестными лицами в течение нескольких дней после вывешивания.

По всем конструкциям, которые размещали кандидатов, шла жесткая работа с применением административного ресурса. На баннерах в основном можно было наблюдать только представителей мэрского пула. Не было видно ни кандидатов от КПРФ, ни кандидатов «Единой России», ни кандидатов от других политических партий.

Рис. 6. Пример баннера кандидата в депутаты (студента из общественного движения «Наш Иркутск»)

В период проведения избирательной кампании кандидаты в депутаты думы Иркутска обращались в Центральную избирательную комиссию России с просьбой проверить законность действий Избирательной комиссии Иркутска, прокуратуры и администрации. Обращение также адресовано ФСБ, Следственный комитет и МВД России. Его подписали 37 кандидатов, среди них представители КПРФ, «Единой России», «Справедливой России», ЛДПР, «Гражданской платформы», КПСС и самовыдвиженцы.

В осенней предвыборной кампании использовался весь набор средств и носителей: газеты, буклеты, листовки, плакаты. Материалы кандидатов тиражировались в основном от «двери к двери» и «из рук в руки». Обличаю-

щие в чем-то кандидаты материалы распространялись либо по почтовым ящикам, либо расклейкой.

Также распространялись фальсифицированные листовки за кандидатов в депутаты (рис. 7).

ОБРАЩЕНИЕ
к жителям
избирательного округа №15
города Иркутска

Уважаемые избиратели!

Завершается избирательный процесс на выборах
избирательного периода в Законодательном собрании
Иркутской области – выборы депутатов Иркутской
Думы города Иркутска. Новые депутаты выберутся на
пять лет на только руководстве
предоставить людям право муниципальности, но и
новое жюри регионального контроля.

От того, какой будет глава Иркутска, зависит
возможности развития города, организации
эффективного жилищного строительства, развития
области, депутаты выберут муниципальную
предпринимательскую деятельность, назначив на
жесткой в отпуске депутатов. Предварительно должны
работать на Иркутск, а не на образование из
руководства.

Но самое главное, мы должны выбрать тех, для кого
главнее избиратели – на лужайке Яку. Тех, кто готов и
способен сразу поставить интересы горожан в Думу,
отстаивать их при вынесении решений по
наиболеем городским вопросам: инфраструктура,
благоустройство, точечная застройка,
транспортное обеспечение, строительство детских
садов, школ, поликлиник.

Сегодня выбор среди кандидатов в депутаты в
избирательном округе №15 достаточно широк.
Здесь есть представители пенсионеров, безработных,
муниципальных учреждений, среднего и крупного
бизнеса (местных колхозников). Все они
приближаются к различным политическим взглядам,
имеют разный жизненный опыт. Но для меня
определяющими факторами при выборе депутата
станут следующие: первый – желание и умение
общаться с избирателями; второй – реальный
результат деятельности. Это важно, так как именно
местный уровень власти ближе всего к населению.

**ГОЛОСУЙТЕ ЗА
ВЛАДИМИРА
ПРЕЛОВСКОГО!**

**КОМУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**С уважением,
первый секретарь Иркутского горкома КПРФ,
зампреда Законодательного Собрания
Иркутской области
ОЛЬГА НОСЕНКО**

Рис. 7 Пример фальсифицированной листовки

Так, например, распространялись листовки, что первый секретарь иркутского горкома КПРФ Ольга Носенко поддерживает кандидата в депутаты из Команды мэра Бердникова Владимира Преловского. При этом сама Ольга Носенко официально обращалась к избирателям, что никакого отношения к данному кандидату не имеет и у КПРФ по данному избирательному округу есть свой кандидат.

В целом агитация была развернута только у тех кандидатов, которые имели опыт публичной работы или являлись действующими народными избранниками. Баннерная реклама осталась за кандидатами из общественного движения «Наш Иркутск». Все это свидетельствует об административном регулировании информационного пространства в городе Иркутске.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 58–64.
3. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 100–103.
4. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
5. Евдокимов В. А. Пропаганда в Интернете // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 137–142.
6. Егорова Е. В. Политическая реклама. М.: Николо-Медиа, 2016. 240 с.
7. Иванов Р. В. Проблемы солидарности сообществ в виртуальном мире // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2015. С. 251–254.
8. Иванов Р. В. Свобода в виртуальном мире: иллюзия или реальность // Трансгрессия социокультурного пространства: материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, 2017. С. 56–60.
9. Кленина Е. А. Влияние общественного мнения на политические технологии избирательных кампаний // Вестник АГТУ. 2017. № 2. С. 102–108.
10. Крестинина Е. С. Использование интернет-блогов и «Социальных сетей» в российской публичной политике // Известия АлтГУ. 2018. № 4–3. С. 288–296.
11. Попроцкий А. П. Принципы функционирования и стадии формирования избирательной сети // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 106–110.
12. Аносов С. С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.
13. Аносов С. С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.
14. Аносов С. С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.

УДК 811.43
ББК 60.32

Буток А. В., *Иркутск*

Виртуальное пространство политической борьбы

В статье рассматривается сущность и становление интернет-пространства как виртуального поля политического взаимодействия, определяя место и роль этого феномена в системе политической коммуникации в общем и политической борьбы в частности. Анализируются основные характеристики интернет-пространства как политического поля, дается краткая характеристика применяемых в современности методов политической борьбы, получивших распространение с развитием интернет-технологий. Рассматривается трансформация политической системы, источником которой выступило развитие коммуникационных технологий. Исследуется роль интернет-СМИ в современной практике политической борьбы. Дается характеристика основным позитивным и негативным последствиям формирования виртуального политического пространства.

Ключевые слова: интернет, виртуальное пространство, политическая борьба, интернет-СМИ, коммуникативное пространство.

Butok A. V., *Irkutsk*

The virtual space of political struggle

The article considers the essence and development of the Internet space as a virtual field of political interaction, determining the place and role of this phenomenon in the system of political communication in general and political struggle in particular. The main characteristics of the Internet space as a political field are analyzed, a brief description of the methods of political struggle used in modern times, which have gained popularity with the development of Internet technologies, is given. The article deals with the transformation of the political system, the source of which was the development of communication technologies. The role of online media in the modern practice of political struggle is investigated. The characteristic is given to the main positive and negative consequences of the formation of a virtual political space.

Keywords: internet, virtual space, political struggle, online media, communication space.

Постепенное развитие интернета как всеобщего коммуникационного пространства и его трансформация в глобальную среду, открытую для реализации инструментов современной политики, непосредственно повлияло и на содержание политического управления, и на используемые политические технологии. Становление интернета изменило характер и особенности политической коммуникации и, как следствие, политической борьбы.

Технологические возможности, представленные в сети Интернет, обеспечили возникновение новых форматов и моделей политической деятельности, политической активности. Так, на сегодняшний день интернет выступает как самостоятельное, специфическое политическое коммуникационное пространство, в рамках которого протекают процессы политической конкуренции.

Рассмотрим понятие коммуникативного пространства: в общем виде под коммуникативным пространством понимается целостная среда, в рамках которой реализуется информационно-коммуникационное взаимодействие между различными субъектами социума. Также коммуникативное пространство определяется как вид информационного пространства, в котором используется специфическая система методов, средств и техник коммуникативного взаимодействия между субъектами[6].

Главными особенностями интернета как коммуникативного пространства является, разумеется, его опосредованность и виртуальность. Интернет как пространство политической борьбы – медиативная среда формирования и существования виртуальной реальности для субъектов-участников коммуникации.

В сущности, становление интернета как своеобразного пространства-посредника между человеком и социальной реальностью приводит нас к невозможности рассматривать интернет исключительно как техногенный феномен и обязывает нас исследовать его как «метафорическую реальность», имеющей непосредственное влияние на все сферы человеческой жизни: политическую, культурную, религиозную. При этом исследование интернета в таком качестве представлено как сложный процесс ввиду особой специфики объекта: интернет как виртуальное пространство динамичен, представляет собой сложную многоуровневую систему, и при этом является относительно новым явлением в человеческой истории. Поэтому исследование не может считаться полным, если не обратиться к классикам социокультурной мысли, в том числе к К. Лейбницу [8].

Кроме того, для надлежащего исследования поставленной темы следует задействовать концепции, развитые в рамках методологии символического интеракционизма с учетом системности и обратной связи, опираясь при этом на идеи Ж. Бодрийяра [2], П. Бурдьё [3], Г. Дебора [5] и других классиков, исследующих в той или иной мере влияние виртуальных коммуникативных сред на социальную и политическую сферы. Не лишним будет обратиться и к концепции Н. Лумана [9], сообразно которой общество определяется как универсальная система, объединяющая социальные реальности и основывающаяся на коммуникации как связующем процессе.

Итак, виртуальная реальность – это символическая, актуально существующая действительность, носящая заданный, порожденный и выраженный динамический, переменчивый характер, которая при этом предполагает возможность активного взаимодействия с собой прочих субъектов. Исходя из данного определения, виртуальная реальность может преобразовывать любые системы, с которыми вступает в контакт, в том числе и людей как политические субъекты, и целые политические системы, и даже практику политической конкуренции [11].

Виртуальную реальность в рамках современного общества можно рассматривать как его полноправный неотъемлемый атрибут, и эта принадлежность виртуальности к современной социальной действительности становится тем более крепкой, чем больше выражаются черты информационного общества. При этом, исходя из обозначенной специфики виртуальной реальности, она выступает не только как элемент, включенный в структуру общества, но и как фактор его развития и формирования, определяя тенденции и формы социальных и политических трансформаций. Так, например,

уже установлено значительное влияние интернета как виртуальной реальности на процесс глобализации, на изменение сущности социальных процессов.

В том числе и посредством влияния интернета как виртуальной среды происходит изменение структуры потребностей, мотивов и ценности, а также структуры поведения людей, вовлеченных в виртуальное пространство. Обозначенные факты позволяют рассматривать виртуальное пространство, предоставляемое сетью интернет, как значимый фактор развития политических практик и политической сферы в целом.

Сеть интернет, таким образом, представляет собой не только сложную информационную среду, но и полноценное средство политического взаимодействия, являясь своеобразной площадкой для политической рекламы, пропаганды и, разумеется, для реализации инструментов политической борьбы, в том числе для размещения компромата на политических оппонентов [1].

В сущности, интернет как виртуальное пространство и политика как сфера социальной действительности всё больше сближаются, объединяются, порождая новые политические приемы, технологии, видоизменяя таким образом установившуюся политическую методологию, в том числе и в сфере политической борьбы [4].

Как следствие, одной из наиболее явно выраженных тенденций в политической сфере становится виртуализация общественных политических процессов. Это происходит в том числе и потому, что виртуальная реальность предлагает новые, более удобные возможности для реализации власти, обеспечивая возможность многоступенчатой опосредованности, большей «прозрачности» или «колоризации» политических процессов. Таким образом трансформируются характер и формы участия в политических процессах через конкретизацию образов политической действительности: эти образы фиксируются и существуют в виртуальном пространстве самостоятельно, оказывая влияние в том числе и на субъекты виртуального пространства. Это, в свою очередь, значительно повышает политическую вовлеченность граждан, способствует их реализации в праве политического участия.

Так, мы обозначили механизм влияния виртуального пространства на сознание социальных групп и отдельных личностей в процессе взаимодействия с виртуальным пространством, что оказывается очень применимым в практике политической борьбы. При этом влияние политических образов внутри виртуальной реальности простирается даже дальше, чем можно было бы ожидать: ввиду наличия обильной системы связей внутри общества политические образы, представленные в виртуальном пространстве влияют даже на личности и группы, непосредственно не взаимодействующих с виртуальным пространством. Условно говоря, это означает, что виртуальность, представленная в обществе, влияет на него целиком, а не на определенные вовлеченные в виртуальное пространство группы людей или политические объединения.

Обратимся к опыту политической борьбы в виртуальном пространстве на примере Российской политической системы.

Внедрение сети в качестве инструмента коммуникации в уже сформированную систему обмена смыслами между различными политическими субъектами было, в целом, предопределено целым рядом факторов, главным из которых явился протекающий процесс медиатизации российской политики в начале XXI века. В Российской Федерации с начала века наблюдается тренд на «интернетизацию» политику и политизации интернета. Этот тренд получил активное развитие в западных странах, и потому был перенят российскими политиками как эффективный инструмент достижения политических целей.

Становление сети Интернет как площадки виртуального политического пространства в России произошло примерно в 1999–2000-х гг., когда большая часть крупных политических партий и блоков обеспечили своё присутствие в сети Интернет. Собственно, с этих пор интернет играет самую активную роль в политике в период выборов. Тогда же началось формирование особых, специфических для интернет-пространства средств политической борьбы, некоторые из которых, ввиду отсутствия законодательного регулирования сети, оказались как минимум сомнительными в отношении законности: так, известен случай, когда Фонд эффективной политики, вопреки возражениям ЦИК и Генеральной прокуратуры РФ, опубликовал предварительные результаты выборов. Тогда же, пользуясь предоставляемой сетью анонимностью, в интернете возникли ресурсы, главной целью которых являлась компрометация тех или иных политических субъектов, как правило, перед выборами. Практика размещения компрометирующих фактов, – ложных и правдивых, – в сети Интернет с тех пор достаточно крепко укоренилась в политическом инструментарии не только России, но и прочих стран, и активно применяется до сих пор [4].

Деятельность различных политических субъектов, с точки зрения коммуникаций, может быть сведена к получению запросов от гражданского общества, выражения интересов избирателей и разнообразных элит, агрегации интересов прочих политических акторов и СМИ, а также в участии в принятии значимых политических решений. В современности эффективное выполнение этих целей оказывается возможным через обеспечение наиболее эффективной формы коммуникации. Чаще всего в данном качестве используется именно интернет-среда как политическое пространство.

Особого внимания в рамках рассматриваемой темы заслуживает положение средств массовой информации в политической сфере. Массовые медийные виртуальные технологии представляют собой наиболее значительный инструмент политической борьбы, обеспечивая распространение не политических идей, принимаемых большинством в качестве наиболее приемлемых, но политических идей, которые наиболее явно и привлекательно представлены в массовом виртуальном политическом пространстве. Иначе

говоря, в информационном обществе политическая борьба потенциально теряет своё значение как борьба идей и концептов обустройства и организации общества, и всё более проявляется как столкновение имиджей, политических брендов и виртуальных образов, имеющих мало общего с действительными политическими устремлениями крупных политических субъектов.

Технологии создания посредством интернет-СМИ картины политической действительности оказались наиболее применимы в ходе выборов и подготовки к ним: массовая аудитория оказалась значительно вовлечена в интернет-пространство непосредственно или опосредованно, и не слишком критично воспринимала публикуемую в сети Интернет информацию, что открыло возможность для внедрения манипулятивных инструментов политической борьбы в систему политической практики [10].

При этом интернет-пространство обрело популярность как главный и наиболее оперативный источник информации среди интернет-пользователей, в том числе и в периоды предвыборной агитации. Так, интернет как виртуальное политическое поле характеризует своеобразие с политологической точки зрения, определяющее его как самостоятельное эффективное средство политической борьбы.

Применимость и востребованность виртуального политического поля хорошо иллюстрируется структурой расходов политических партий в период выборов: расходы на продвижение политических идей той или иной партии, как правило, оказываются не на последнем месте в бюджетах избирательных кампаний. Так, инвестирование средств из избирательного бюджета в рекламные кампании в интернет-пространстве – лучшее доказательство эффективности применения виртуальных средств политической борьбы и их полной применимости в действующих политических условиях.

В сущности, победа в рамках политической конкуренции оказывается почти недостижима без обращения к электронным и печатным СМИ [7].

Современные политические технологии в сфере интернет-СМИ активно задействованы в политической практике в Российской Федерации многими субъектами политического процесса, и активно применяются для формирования общественного мнения, измерения и изменения политических предпочтений избирателей, а также как тонкий инструмент, пригодный для оказания политического влияния на поведение электората.

Те партии, которые не пользуются возможностями, предоставляемыми использованием сети Интернет и виртуальным политическим полем, как правило, быстро проигрывают в конкуренции, не могут оперативно и адекватно реагировать на информационную агрессию со стороны политических оппонентов, и, что не менее важно, теряют возможность заслужить признание со стороны активной части интернет-аудитории. Символическая борьба за политическую власть в условиях формирования информационного общества протекает с использованием принципиально новых средств и ресурсов,

и любой политической субъект, не использующий эти средства и ресурсы, легко лишается политического авторитета.

Интернет как политическое виртуальное поле в целом и интернет-СМИ в частности плотно вошли в политическую жизнь, и обозначили устойчивые группы влияния, включающие в себя известные политические фигуры. По мере сближения политической сферы и виртуального пространства активизировалась деятельность, направленная на использование компрометирующей информации как орудия политической борьбы.

Влияние виртуальной реальности в целом способствует расширению политического поля, устраняя его ограниченность, и меняет, таким образом, характер и формы отношений внутри политических систем. Сетевым виртуальным пространством обеспечивается возможность многосторонней коммуникации, реализация которой придает политическому процессу импульсивность и высокую скорость, а также значимо видоизменяет формы политического участия, с одной стороны увеличивая степень их автономности и независимости, а с другой – способствуя нарастанию нестабильности политических процессов, делая политическую борьбу более интенсивной, многомерной и сложной по мере развития коммуникационных технологий и особой, автономной культуры интернет-пространства как политической площадки [10].

На данный момент почти все политические процессы, имеющие место в современном общественном пространстве, можно исследовать через призму противоречия между демократическим потенциалом с одной стороны, и уникальными способностями, пригодными для манипуляции массовым сознанием – с другой стороны. При этом и первый, и второй факт основываются на информационных технологиях в общем и на существовании сети Интернет, обеспечивая возможность для существования специфического политического интернет-пространства. Как следствие, видоизменяется соотношение сил в политическом пространстве: будучи более явно представленными в интернет-пространстве, СМИ обретают иной общественный статус, располагая обширными средствами влияния на реальную политику, составляя значительную конкуренцию любому политическому объединению или субъекту.

В сущности, это означает, что в контексте политической борьбы обладают явным преимуществом те политические субъекты, которые контролируют интернет-СМИ с наибольшим охватом и наибольшим авторитетом среди интернет-пользователей. Практически, это означает, во-первых, что политическая борьба становится более разнообразной с точки зрения применяемой методологии. Во-вторых, интернет как политическое поле позволяет участвовать в политической борьбе даже тем субъектам, которые не располагают значительными финансовыми ресурсами, при условии, что они располагают поддержкой интернет-СМИ и активных интернет-пользователей [6].

При том, что, как обозначалось ранее, виртуальная реальность обеспечивает новые возможности функционирования власти, которые следует рассматривать скорее как положительные и полезные нововведения в рамках политического процесса, такие как возрастание доступности и прозрачности, обеспечение большей массовости участия народа, эти же нововведения могут использоваться для недобросовестной политической борьбы. Так, например, обеспечение прозрачности политической жизни может создаваться искусственно в целях манипуляции общественным сознанием и политическим поведением граждан.

Основным средством политической борьбы в информационном обществе становится использование манипулятивных политических стратегий, играющих наиболее значительную роль в нестабильные экономически или политически периоды. В сущности, массовая вовлеченность в виртуальное коммуникативное политическое пространство потенциально значительно дестабилизирует политическую систему, способствуя возрастанию количества активных политических субъектов.

Справедливо будет сказать, что переход к постиндустриальному информационному обществу, для которого в целом характерны разнообразие интересов и ценностей среди разнообразных социальных групп, рост межличностного доверия, становление рационального отношения к власти и развитие информационно-коммуникативных технологий, неизбежно приводит к трансформации политических институтов, политических партий, используемых политических практик и, в особенности, методов политической борьбы, которые со временем всё более переходят в виртуальное пространство.

Список литературы

1. Багдасарьян Н. Г., Силаева В. Л. Виртуальная реальность: попытка типологизации // Философские науки. 2005. № 6. С. 39–58.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2006. 387 с.
3. Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1994. № 3. С. 13–35.
4. Водолагин А. А. Интернет СМИ как арена политической борьбы // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 49–67.
5. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
6. Иванов В. Н., Назаров М. М. Информационное потребление и политические ориентации // СОЦИС. 2000. № 7. С. 83–91.
7. Корытникова Н. В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // СОЦИС. 2007. № 2. С. 85–94.
8. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 6 т. М.; 1982. 1 т. С. 413–414.
9. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 253 с.
10. Туронок С. Г. Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность 2001 № 2. С. 51–63.
11. Эйдман И. В. Интернет общество будущего // Свободная мысль. 2007. № 5 С. 117–130.

УДК 35.081
ББК 66.04

Волкова О. И., Голубева М. С., Ярославль

Образ Олега Александровича Кувшинникова в информационном пространстве на примере социальной сети Instagram в период пандемии коронавируса

В статье проводится анализ продвижения политика в социальных сетях. На примере О. А. Кувшинникова рассматриваются его публикации в сети Instagram и конструируется образ современного политика, занимающегося созданием информационного виртуального имиджа.

Ключевые слова: Instagram, губернатор, Вологодская область, коронавирус.

Volkova O. I., Golubeva M. S., Yaroslavl

The image of Oleg Aleksandrovich Kuvshinnikov in the information space on the example of the social network Instagram during the coronavirus pandemic

The article analyzes the promotion of a politician in social networks. O. A. Kuvshinnikov, his publications on the Instagram network are considered and the image of a modern politician engaged in the creation of an informational virtual image is constructed.

Keywords: Instagram, governor, Vologodskaya Oblast, coronavirus.

Образ политика, под которым понимается индивидуальная характеристика человека во всей совокупности его личностных и профессиональных черт, играет значительную роль в современном мире. Он занимает не последнее место в процессах, направленных на сокращение дистанции между публичной властью и обществом.

Сейчас социальные сети выступают одной из самых доступных и эффективных форм осуществления взаимодействия и обладают невероятным потенциалом для успешного создания образа и дальнейшего его продвижения в массовую аудиторию, без которой политика объективно не может существовать. Именно этим можно объяснить тенденцию на возрастание популярности социальных сетей среди политиков и политических партий как российских, так и зарубежных. Высокая эффективность привлечения социальных сетей к решению политических задач подтверждается исследованиями С. Крюкмайера [5]. В научной работе рассматривается Twitter, и делается вывод о том, что кандидаты, использующие данную интернет-площадку, в среднем получают больше голосов, нежели остальные. Избиратели считают образ, конструируемый через социальные сети, более привлекательным в сравнении с традиционными средствами массовой информации из-за его гибкости и мгновенной адаптации под постоянно меняющиеся требования.

Формирование новой политической реальности, одним из компонентов которой теперь стали различные Интернет ресурсы не могло не сказаться на поведении политических деятелей. Не учитывать возросший потенциал социальных сетей невозможно, к тому же, происходящие трансформации предоставляют новые эффективные способы информирования в условиях, когда традиционные виды политической рекламы либо не будут столь же

результативными, либо являются недоступными. Именно поэтому уже сейчас большинство политических акторов имеют официальные профили в социальных сетях, через которые осуществляют взаимодействие со своими сторонниками и делятся результатами проделанной работы по тем или иным вопросам.

Олег Александрович Кувшинников является губернатором Вологодской области с 28 декабря 2011. Согласно рейтингам активности глав регионов в Instagram агентства АПЭК, составляемому еженедельно, губернатор Вологодской области Олег Кувшинников часто занимает высокие позиции, и время от времени даже оказывается на первом месте. За период с 16 марта до 12 июля 2020 г. на официальной странице губернатора Вологодской области Олега Александровича Кувшинникова [4] было опубликовано 428 постов. Выборочная совокупность размещённых материалов начинается именно с 16 марта, так как в этот день был выпущен первый пост, содержащий в себе информацию, касающуюся распространения новой коронавирусной инфекции.

Олег Александрович Кувшинников эффективно интегрировал социальные сети в публичное управление и использует все доступные площадки для освещения результатов своей деятельности, что подтверждается исследованиями Агентства политических и экономических коммуникаций [1]. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что социальные сети губернатора, в частности Instagram, стали одним из основных источников информирования жителей Вологодской области не только о реализации значимых региональных/муниципальных программ и решении основных проблем, но и об эпидемиологической обстановке.

При столь успешном использовании Instagram и большом количестве публикаций, вполне естественно предположить, что губернатор и его команда конструируют определенный образ, черты которого и будут рассмотрены в данном исследовании. В связи с этим целесообразным видится разделить все опубликованные материалы на две группы, закодировав их определённым образом [2]. К первой группе стоит отнести публикации, содержащие информацию о статистических данных и темпах распространения коронавируса, меры поддержки и профилактики, а также истории людей либо переболевших новым заболеванием, либо имеющих отношение к сфере здравоохранения. Вторая группа, в свою очередь, тоже состоит из подгрупп, таких как семейные посты, поздравления, посты о Вологодчине, о строительстве, о проведенных проверках, о наиболее острых проблемах, а также посты с докладами профильных министерств. Преобладание одного или нескольких направлений позволит определить круг первостепенных для губернатора интересов, следовательно, позволит охарактеризовать его информационное поле.

Коронавирусная инфекция на протяжении нескольких месяцев возглавляла повестку дня не только региональной, но и федеральной власти, по-

этому были получены вполне ожидаемые результаты – 50,7 % постов, опубликованных за указанный временной промежуток, посвящены теме пандемии. Из них 6 % личные истории вологжан, 60,8 % статистические данные о темпах распространения болезни и 33,2 % – меры предпринимаемой безопасности и поддержки населения. Таким образом, становится очевидным стремление губернатора Вологодской области к предоставлению полных данных о числе заражённых граждан. Столь пристальное внимание к статистике коронавирусной инфекции обуславливается необходимостью держать под контролем общественные волнения, путём своевременного информирования. Нельзя не отметить большой процент освещения предпринимаемых мер по защите и предупреждению распространения заболевания и поддержке населения. Это демонстрирует вовлеченность персонально О. А. Кувшинникова и всего аппарата управления области в общую проблему, а также выражает заботу о здоровье и благополучии населения. Оставшиеся несколько процентов отводятся на публикации историй врачей и тому, как они справляются в этот сложный период. Каждый соответствующий пост заканчивается словами благодарности, что формирует положительный имидж губернатора и благосклонное отношение граждан.

Второй большой блок публикаций в Instagram О. А. Кувшинникова связан с осуществлением функций представителя власти и занимает 49,3 %. Личным/семейным постам в профиле отводится всего 10,4 %. Однако сразу стоит упомянуть о гармоничном сочетании профессиональных и семейных постов, наличие которых добавляет образу губернатора человечности и делает его «ближе к народу». Демонстрация его увлечений, как, например, рыбалки или огородничества, безусловно, добавляет уважения и интереса, равно как и поддержки со стороны определённых социальных групп.

Постам с поздравлениями в честь общероссийских и/или региональных праздников, вручениями благодарственных писем и личными праздниками коллег и близких друзей выделено 21,4 %. Это опять же демонстрирует его приземлённость и единство с вологжанами, к образу добавляется искренность, приверженность традициям и открытость.

Такое же количество постов освещает тему любви и восхищения Вологодской областью – 21,4 %. Очевидно, это действительно важная часть коммуникации, так как акцентируется внимание на столь значимой и важной теме, как патриотизм по отношению к малой родине, и позитивно воспринимается гражданами. Не было никаких сомнений, что данная категория постов будет достаточно объёмной, так как в избирательной кампании на пост губернатора О. А. Кувшинников активно использовал тематику любви к Вологодчине: «Вологодское – значит настоящее». Образ не просто патриота, а защитника Вологодской области и древних традиций, использованный в предвыборной гонке, нашёл отражение в социальной сети.

Информация о реализации социально значимых программ и состоянии сфер общественной жизни (здравоохранение, безопасность), решение ост-

рых проблем, выявленных путём построения конструктивного диалога с жителями области, ремонт и строительство важных объектов и их проверки также получает огласку в публикациях О. А. Кувшинникова и занимает в общей сложности 42,3 %.

А вот докладам профильных министерств и отчетной деятельности уделяется совсем мало внимания – 4,2 %. Возможно, они публикуются в других социальных сетях либо на соответствующих сайтах, так как Instagram губернатора имеет несколько иную направленность.

Из всего вышесказанного следует, что в своем профиле Instagram О. А. Кувшинников создал образ искреннего, открытого главы региона, близкого к народу. Губернатор также демонстрирует свою вовлеченность в решение проблем населения, что положительным образом сказывается на его образе. Через публикации в профиле Instagram глава региона создает образ человека, заботящегося о благополучии и здоровье сограждан.

Формируемый образ складывается не только из того, о чём публичное лицо говорит и какие направления освещает чаще всего в публикуемых постах, но и какие формулировки использует, какие речевые практики преобладают. Для измерения данного показателя и получения качественно нового знания, в каждом посте официального аккаунта Instagram Олега Александровича Кувшинникова было подсчитано количество слов и выделено три основные категории: нейтральные, негативные и позитивные, а также определена динамика их использования в зависимости от месяца, эпидемиологической обстановки и иных социально-политических условий. Одним из важнейших условий стал учёт без окончаний, что позволяло учитывать разнообразные формы слова.

К числу позитивно окрашенных относились слова «герои», «героизм», «благородство», «смелость», «семья», «дети», «развитие», «достижения», «лучший», «надежный», «выгодный», «праздник» и т. д. Единицей измерения негативно окрашенных слов стали как общепринятые, наподобие «отказ», «сомнение», «разрушение», «подтопление», «пропажа», так и специфические, учитываемые исключительно из-за сложившейся общественной ситуации: «коронавирус», «вирус», «заболевшие», «диагноз», «инфекция», «смерть», «пандемия», «карантин» и т. д. Нейтрально окрашенными признавались слова, лишённые эмоциональной составляющей. Стоит также упомянуть о том, что в число постов, анализируемых в соответствии с поставленной задачей, не входили публикации, направленные на предоставление статистической информации, так как они не имеют исследовательской ценности и несут исключительно ознакомительную цель. Рассмотрению также не подвергались видеоматериалы в связи с тем, что они дублируют информацию с других постов. Важно, по мнению автора, также отметить, что активность профиля губернатора Вологодской области заметно возросла именно с момента наступления ограничительных мер, введённых на федеральном и региональном уровнях в связи с увеличением эпидемиологической опасности.

Март – месяц, когда в профиле Кувшинникова впервые упоминается новый тип вирусной инфекции. Ситуация недостаточна ясная, никто не знает, чего ожидать и насколько реальна угроза. Однако для Олега Александровича, как для человека, занимающего столь высокий пост, имело большое значение придание огласки и зывание к гражданскому сознанию, ответственности жителей области. В марте количество постов с доминированием негативных слов составляет 27 %, позитивных – 24,3 %, нейтральных – 48,7 %. Очевидно, преобладание первого типа, что обусловлено нагнетанием обстановки с целью недопущения распространения заболевания.

В апреле ситуация с коронавирусной инфекцией стала более определённой и позволила предпринять следующие шаги на пути к решению наиболее острых проблем. Количество постов с негативно окрашенными словами несколько снизилось, однако отставание едва заметно: позитивных – 22,9 %, негативных – 21,1 %, нейтральных – 56 %. Кувшинников направил силы на восстановление общественного спокойствия и стабилизацию обстановки. Это характеризует его как управленца, внимательно наблюдающего за ситуацией и вовремя корректирующего выбранную информационную политику на своей странице в Instagram.

Май становится месяцем, когда Олег Кувшинников, равно как и многие другие главы регионов, стремится снизить ажиотаж вокруг коронавирусной инфекции в преддверие голосования по поправкам к Конституции, что говорит о его лояльности по отношению к центральной власти и правящей партии. Количество постов с негативно окрашенными словами составила всего 10 %, позитивными – 30 %, нейтральными – 60 %.

Июнь из-за максимальной близости ко дню всенародного голосования окончательно перемещает фокус внимания губернатора с коронавируса на достижения региона и важность внесения изменения в Конституцию РФ. Количество постов, имеющих нейтральный тон и освещающих как раз эффективность нынешнего режима как локального, так и общероссийского, возрастает до 64 %, позитивных – 30 %, негативных – 6 %. Динамика становится очевидной.

В первой половине июля доля постов с преобладанием негативных слов составляет 3 %, позитивных – 35 % и, наконец, нейтральных 65 %.

Ведение официальной страницы в социальной сети Instagram предполагает продвижение так называемого личного бренда, категории новой и определяемой, прежде всего, как образ, создаваемый о персоне в профессиональной среде при ассоциировании конкретного имени с той или иной сферой деятельности.

Olegkuvshinnikov – не только название профиля, но и личный бренд губернатора Вологодской области, который должен обладать какими-либо чертами для осуществления успешной политической коммуникации. В предыдущих разделах были рассмотрены основные направления и интересы, часто используемые слова и их эмоциональный оттенок, а также был

сделан краткий вывод о том, что общая стилистика ведения аккаунта во многом продолжает и развивает те лозунги, с которыми Кувшинников баллотировался на выборную должность. Теперь же фокус нашего внимания смещается на исключительные черты, которые используются в Instagram Кувшинникова. Были выделены четыре характерные особенности, отражающие, по нашему мнению, наиболее полно конструируемый через социальные сети образ губернатора.

Первой специфической чертой, присущей профилю, можно смело назвать использование образа «семейного человека». Олег Александрович открыто делится фотографиями и видеозаписями из семейного архива, представляя соответствующие хэштеги. Очень часто можно увидеть детские фото Кувшинникова, с теплотой вспоминающего юные годы (3 поста). Публикации с Александром Николаевичем и Еленой Ивановной, отцом и матерью губернатора, также неоднократно встречаются, – они сопровождаются подписями о ценности семьи, почитания родителей и благодарностями за подаренную жизнь, воспитание и мудрые советы. Олег Александрович не утаивает родственные узы, как привыкли делать многие российские политики, но и не злоупотребляет данной темой, соблюдая гармоничный и естественный баланс между личными и профессиональными темами. Особой народной любовью пользуется внучка Кувшинникова, Ася, видеозаписи с которой больше всего комментариев. По нашему мнению, упоминание семьи и связанных с ней ценностей, нечуждых подавляющему большинству населения, благоприятно влияет на образ Кувшинникова. В глазах общественности он предстаёт заботливым семьянином, с уважением и трепетом заботящимся о родителях, что также вызывает сопричастность.

Второй характерной особенностью ведения Instagram-профиля является, несомненно, употребление нарочито просторечных выражений, что, по большому счёту, выполняет схожую функцию – демонстрацию приземлённого, простого управленца. Опять же стоит подчеркнуть малый процент использования подобных слов, иначе аккаунт потерял бы статус делового, а сам политик воспринимался бы как необразованный любитель. Предложения, в которых используются просторечные слова и выражения, несут разный посыл от уменьшительно-ласкательного, очевидно позитивного «малышка» в сторону внучки до грубоватого «мужики», подчёркивающего, вероятно, смелость и силу пожарных, о коих шла речь. Встречаются, однако, и более грубые выражения, определяющие эмоциональность самого губернатора и его озабоченность той или иной ситуацией. Как, например, в случае с невыполнением подрядчиком условий договора в срок, что вызвало негодование местных жителей. В посте, освещающим указанную проблему, применяются выражения «эти проходимцы» и «наплевательское отношение», что является весьма нетипичным шагом.

Использование данного приёма служит одной цели – конструирование образа политика, близкого к народу, чья речь не изобилует сложными тех-

ническими терминами, а изредка наполняется привычными всем просторечными формами и выражениями. На первый план помимо основного посыла, диктуемого данным приёмом, выходит эмоциональная составляющая, которая позволяет лучше выразить положительное или отрицательное отношение губернатора.

Третьей специфической чертой, которая поддерживает всё тот же образ простого, открытого человека, является демонстрация хобби. Для вологжан большую роль в ведении домашнего хозяйства традиционно играет огородничество и садовничество, а по данным Росстата за 2017 год количество людей пенсионного возраста в Вологодской области составляет чуть менее 32 %. Таким образом, фото с домашними огурцами/помидорами, видео из собственного парника наряду с фотографиями с рыбалки располагаются на втором месте по получению положительной обратной связи после семейного архива. Это добавляет образу губернатора глубины и человечности, не говоря о том, что вызывает дополнительную симпатию со стороны определенных социальных групп.

Наконец, четвертой отличительной чертой является использование видео-формата для совершенно разных целей. Чаще всего видео-формат становится дублирующим по отношению к статистической информации, т. е. для получения «сухих» цифр больше подходили статистические фотографии, для расширенной версии с комментариями Кувшинникова можно было смотреть видео, которое начиналось с характерной фразы «дорогие вологжане» либо «дорогие земляки».

Подобные видео очень часто снимались губернатором вечером и даже получили собственное название «Вечерний эфир», став постоянной рубрикой, в которой губернатор без лишней официальности, в домашней одежде рассказывал о мерах, цифровых данных и профилактике новой инфекции, что создавало расслабленный, спокойный тон дружеской беседы. Важно подчеркнуть своевременность изменений в этом формате, поскольку 1 мая был опубликован пост, извещающий о приостановке «Вечерних эфиров» в силу усталости самих зрителей. Позднее они, так же по запросу аудитории, возобновились. Способность прислушаться и адаптироваться из-за поступающей критики – ещё одна важная особенность.

Нельзя не упомянуть о том, что Кувшинников (или команда пиар-отдела) добился ощущения персонификации профиля. Даже сравнения аккаунт Олега Александровича с аккаунтом Сергея Александровича Воропанова, являющегося мэром Вологды и «безусловным лидером медиарейтинга среди мэров Северо-Запада», можно заметить большие различия в указанной области. Каждая публикация в профиле Кувшинникова написана от первого лица: «проверил», «поручил», «я принял решение», даже если по фотографиям совершенно очевидно, что проверял социально значимый объект он с представителем чиновничества или профильного министерства. Это формирует у рядового избирателя образ ответственного и инициативного политика.

Подводя общий итог проведённому исследованию, можно резюмировать следующее. Олег Александрович Кувшинников является активным пользователем Instagram и использует данную социальную сеть для решения нескольких задач, одной из которых становится формирование определённого образа. Также, следует отметить, что конструируемый образ, несомненно, является положительным и способствует наращиванию поддержки среди населения.

Список литературы

1. АПЭК: Рейтинг активности глав субъектов РФ в Instagram [Электронный ресурс] URL: http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=6265
2. Воскресенская, Н. Г. Контент-анализ в медиакommunikациях. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2019. С. 45.
3. Добренъков, В. И., Кравченко, А. И. Методы социологического исследования. М. : ИНФРА-М, 2004. 768 с.
4. Instagram URL: <https://www.instagram.com/olegkuвшinnikov/?hl=ru> (дата обращения: 15.07.2020).
5. Kruike-meier S. How Political Candidates Use Twitter and the Impact on Votes // Comput. Hum. Behav. 2014. Vol. 34. P. 131–139.

УДК 329.26
ББК 66.61

Бовыкин К. А., Ярославль

Принципы Национально-освободительного движения (НОД) и его популярность на примере группы «ВКонтакте» «НОД: официальная группа»

Представлены результаты авторского исследования, посвящённого изучению принципов Национально-освободительного движения (НОД) и его популярности среди россиян. Раскрываются данные, полученные в ходе изучения официальной группы «ВКонтакте», посвящённой данному объединению. По популярности группы «ВКонтакте» предполагается востребованность в российском обществе тех принципов, которые являются для НОД основополагающими.

Ключевые слова: группа, НОД, активность, подписчик, движение, популярность, принцип.

Bovykin K. A., Yaroslavl

Principles of the National Liberation Movement (NOD) and the popularity of this association with the example of the VKontakte group “NOD: official group”

This article demonstrates the results of author's research into the principles of National Liberation Movement (NOD) and its popularity. The data obtained in the course of studying the official group of VKontakte dedicated to this association are revealed. According to the popularity of the group VKontakte axiological state of Russian society, the demand for it the principles that are fundamental to the NOD.

Keywords: group, NOD, activity, subscriber, movement, popularity, principle.

Теоретической основой данной работы является интеракционистское измерение в сочетании с бихевиоралистскими (деятельностным подходом и

концепцией рационального выбора) и социоцентристскими установками. Таким образом, политические отношения через призму этой установки предстают как преобразовательная активность субъектов и составленных из них обществ, направленная ими на достижение своих целей и реализацию собственных интересов. Исходя из этого Национально-освободительное движение (НОД) становится выразителем определённых общественных настроений и попыток определённых групп людей преобразовать социальное пространство исходя из собственных предпочтений.

Методологической основой исследования является контент-анализ, использование сервисов и анализ выборочной совокупности подписчиков и комментаторов группы ВКонтакте «НОД: официальная группа».

Актуальность исследования заключается в необходимости научного выявления принципов НОД методами контент-анализа, а также понимания того, насколько востребованной она представляется в российском интернет-пространстве. Это позволит сделать вывод о том, насколько актуальными являются те ценности и интересы, реализовать и удовлетворить которые это движение призвано. Это, в свою очередь, позволит сделать некоторые выводы об аксиологическом состоянии российского общества и о том, как проходит упомянутое Э. М. Спировой противостояние либерализма и консерватизма [1, с. 17]. Также эта проблема актуальна, поскольку позволяет лучше раскрыть тему антиамериканских настроений в России. Например, К. А. Жирков считает, что в России нет почвы для сильных американофобных настроений, поскольку Россия является развитой страной с достаточно близким европейскому культурным пространством [2, с. 147]. В свою очередь Т. Б. Рабова и А. А. Романова убеждены, что антиамериканизм, хоть и будучи побочным продуктом формирования россиянами своей идентичности, всё равно остаётся достаточно важной и выраженной частью российского менталитета [3, с. 27].

Объектом исследования является НОД, а предметом – принципы НОД, его популярность и представленность в российском интернет-пространстве.

Цель – выявление принципов, популярности и представленности НОД в российском интернет-пространстве.

Гипотеза заключается в том, что это объединение будет охранительно-го характера, настраивать против Америки и её влияния и при этом не будет иметь большого количества подписчиков, что можно будет охарактеризовать как невостребованность принципов этой политической организации.

Инструментарий представлен контент-анализом и общелогическими методами.

Эмпирическую базу исследования составили данные, представленные в группе ВКонтакте «НОД: официальная группа».

Поскольку НОД ещё не было научно изучено, то можно считать все данные, полученные в ходе исследования и касающиеся этой политической организации, актуальными. Также новым является предположение о вос-

требованности ценностей и интересов, которые призвано выразить и удовлетворить это движение по его популярности в интернет-пространстве.

Движение представлено группами «ВКонтакте»: «Евгений Фёдоров официальная страница», «Пресс-центр Евгения Алексеевича», «НОД официальная группа» «НОД мероприятия официальная страница». Есть группы отделений НОД по таким городам как: Салават, Стерлитамак, Белгородская область и Белгород, Воронеж, Элиста, Калуга, Карелия-Петрозаводск, Омск, Нижний Новгород, Пермь, Санкт-Петербург, Томск, Тула, Хабаровск, Челябинск.

Проводится анализ именно ВКонтакте, поскольку это самая популярная социальная сеть в России, где выше вероятность получить репрезентативные данные. Для изучения выбран ресурс НОД: официальная группа, как основной из представляющих данное движение и не являющийся сугубо региональным.

Пользуясь данными, полученными про помощи сервиса аналитики постов и страниц в социальных сетях с точки зрения их эффективности Popsters¹, уже исходя из показателей ER (показатель вовлечённости, измеряемый количеством лайков, репостов и комментариев по отношению к охвату аудитории) видно, что это группа, в которой немногие участники лайкают посты, проявляют активность в комментариях и делают репосты, но многие просто просматривают записи. Исходя из этого можно сделать вывод, что подписываются на эту группу зачастую ради интереса, либо же не решаются выразить открытое согласие или несогласие с публикуемым контентом.

Чтобы понять, какие люди интересуются этим движением ВКонтакте, было выбрано 378 подписчиков из группы «НОД: официальная группа», т. е. была составлена выборка с уровнем точности в 95 %. Точность и размер выборки были определены при помощи сервиса расчёта выборки на сайте socioline.ru².

Как выяснилось, в интернете мужчин больше интересуют темы, связанные с этим движением.

Вопреки расхожему мнению, что НОДом интересуются только люди пенсионного возраста, в интернете дело обстоит по-другому. Хоть «для группы старшего поколения на первый план выходят такие ценности, как понимание и терпимость, защита благополучия всех людей и природы, потребность в гармонии, стабильности и безопасности и представители этой группы оценивают Россию XX века как время побед и достижений в различных сферах, как время, комфортное для жизни, что вполне согласуется с выявленными ценностями» именно 1983 год рождения – средний для участника официальной группы [4, с. 200]. Помимо этого, практически все пользователи, не скрывшие и заполнившие на своих страницах графу «Образование» (НД – нет данных), указали, что заканчивали высшие учебные заведения. Колледж закончила только одна участница. Это вполне может объяс-

¹ <https://popsters.ru/>

² <https://socioline.ru/rv.php>

нять высокую просматриваемость и низкую активность в группе, поскольку люди, имеющие высшее образование, скорее всего любознательны и могут просто ради интереса подписаться на новости группы радикального политического объединения, не испытывая к нему реального интереса.

Далее были исследованы аккаунты комментаторов с первых 26 постов на момент проверки. Был проверен 221 аккаунт, среди которых 52 женских и 169 мужских. Это было сделано с целью выяснить, какой же контингент составляет активную часть подписчиков группы. Как выяснилось, в среднем он немного старше предыдущего. Средний год рождения – 1976. Мужчины по-прежнему количественно преобладали. Самое большое количество «активистов» проживало в Центральном ФО. После него идут Сибирский ФО, Северо-Западный ФО и Приволжский ФО.

По вопросам образования комментаторы предпочитают быть более скрытными, чем простые случайные подписчики. Подавляющая часть не представила данных касательно места своего образования, а немногие оставшиеся указали неизменное в этой группе высшее. Авторское предположение относительно причины такого поведения заключается в том, что комментаторы, да ещё и в группе с такими «острыми» вопросами, скрывают своё образование, чтобы не дать повода «придраться» к своей личной истории оппоненту, что порой происходит в интернет-дискуссиях.

По данным полученным с помощью сервиса Popsters, выявленный результат отображает среднюю эффективность публикаций по дням недели по отношению к их средней эффективности в другие дни за весь проанализированный период в процентном соотношении. Все расчеты были сделаны по московскому часовому поясу.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что наибольшей популярностью контент пользуется в традиционно выходные дни. Это говорит о том, что контингент подписчиков представлен большинством людей, которые живут в ритме общепринятой трудовой недели.

Данные, касающиеся популярности постов в разное время суток, подтверждают ранее сделанные выводы. Пик активности происходит в вечернее время, когда среднестатистический гражданин предоставлен сам себе и не занят выполнением трудовых задач.

Далее был получен график, отображающий суммарное количество лайков у всех публикаций в разные даты в проанализированном периоде. Здесь можно заметить динамику, указывающую на повышение популярности и резкий её взлёт в связи с появлением в политической повестке темы конституционных поправок.

Суммарное количество репостов у всех публикаций подтверждает ранее озвученные выводы.

То же самое можно сказать и о комментариях.

Тенденцию к снижению подписчиков в группе с января 2020 г. по июнь можно объяснить чисткой ботов или удалённых страниц. К такому выводу

можно прийти, если вспомнить, что количество лайков, репостов и комментариев показывает скорее прирост популярности, а не снижение.

Благодаря сервису AntiDogs¹, определяющему число заблокированных пользователей в сообществах, удалось узнать количество ботов в группе. Как выяснилось, их всего 5 %. Этот показатель говорит о том, что сами администраторы ответственно относятся к ведению своего ресурса и периодически чистят его от «пустых» аккаунтов. Также это показывает, что большая часть группы представляет живых подписчиков, которые сами решили подписаться на эту площадку, а не были приписаны для «накрутки» или же рекламы. Эта информация подтверждает, что спад подписчиков в группе за последний месяц скорее всего вызван именно чисткой от ботов, а не реальным оттоком людей.

Сам характер хештегов уже указывает на ориентацию группы: охранительную, националистическую, прогосударственную и консервативную. Основными проблемами являются вопросы национальной гордости, суверенитета, голосований и «былого величия», выражаемого ностальгией по СССР. Многие держится на вере в таких лидеров как Владимир Путин (в его способность управлять страной) и Евгений Фёдоров (в его видение политической ситуации).

Активность по хештегам показывает, что в целом пользователи равномерно интересуются представленными в группе темами. Исключения составляют радио НОД, которое вызывает меньший отклик у участников и темы голосования, Конституции вкупе с личностью основателя движения, которые пользуются большим вниманием. Личность Евгения Фёдорова вызывает большее количество активности, скорее всего, потому что хештег с его ИФ используется для обозначения разного рода видео, в которых продвигаются определённые идеи и освещаются события. Из-за такой насыщенности тематическим материалом вполне могут возникать дискуссии под постами.

Проверка комментариев в группе ВК в объёме, равном 82 957 символов, привела к выявлению определённых ключевых слов, по которым можно определить преобладающие темы в обсуждениях.

Анализ тематической направленности ключевых слов в комментариях подтверждает результаты, полученные нами при анализе хештегов. Здесь идёт обсуждение суверенитета России, говорится о противостоянии США (даже употребляется такое мощное слово как «война»), о поправках в основной закон государства. Часто упоминаются имена двух наиболее популярных в группе лидеров: Владимира Владимировича Путина и Евгения Фёдорова. Что характерно, часто аббревиатура организации (НОД) упоминается вместе с именем её основателя, что позволяет говорить о том, что движение во многом завязано на одной личности и не является в полной мере самостоятельным.

¹ <https://memedia.ru/spec/antidogs.php>

Выводы. Исходя из полученных в ходе исследования данных и умозаключений, можно прийти к выводу, что Национальное освободительное движение является охранительной ультраконсервативной организацией, настроивающей аудиторию против США. Следует отметить, что эту группу вполне можно считать, по делению Э. Д. Понарина и Э. О. Камина, пропагандирующей государственный национализм с имперским оттенком, строящимся на консолидации образа против некоего внешнего врага, выступающего в образе «значимого другого» [5, с. 83]. Несмотря на это нельзя сказать однозначно, что она не пользуется популярностью. Можно отметить, что НОД не пользуется лишь поддержкой, проявляющей себя в лайках и репостах, но имеет популярность, выражаемую в просмотрах. Исходя из этого можно сделать вывод, что если принципы, которые составляют идеологическое ядро этого движения, и не разделяются людьми, то как минимум вызывают интерес и желание узнать взгляды представителей НОД получше, что не является абсолютно негативным ответом на вопрос о популярности. Таким образом, гипотеза частично подтвердилась.

Список литературы

1. Спирина Э. М. Консерватизм vs либерализм // Век глобализации. 2016. № 4 (20). С. 13–22.
2. Жирков К. А. Антиамериканизм как рессентимент и политическая позиция: поиск универсальных закономерностей // Полития. 2014. № 3 (74). С. 134–148.
3. Рябова Т. Б., Романова А. А. Гендерное измерение современного российского антиамериканизма (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21–35.
4. Баранова В. А., Жукова М. О. Коллективная память о России XX века и ценности разных поколенческих групп // Российский психологический журнал. 2018. № 3. С. 190–208.
5. Понарин Э. Д., Комин М. О. Дилемма русского национализма («Имперский» и этнический национализм в постсоветской России) // Полития. 2016. № 4 (83). С. 82–93.

НОД :: официаль...

Всего лайков	Всего репостов	Всего комментариев	Всего просмотров	Всего записей
2 078 637	552 661	265 349	47 444 318	25 584
Подписчиков	ER day, %	ER post, %	ER view, %	LR, %
24 655	6.378%	0.459%	4.979%	0.330%
TR, %	Лайков в среднем	Репостов в среднем	Комментариев в среднем	Просмотров в среднем
0.042%	81	22	10	1 854

Все расчеты сделаны по вашему часовому поясу

Рис. 1. Общая информация о группе

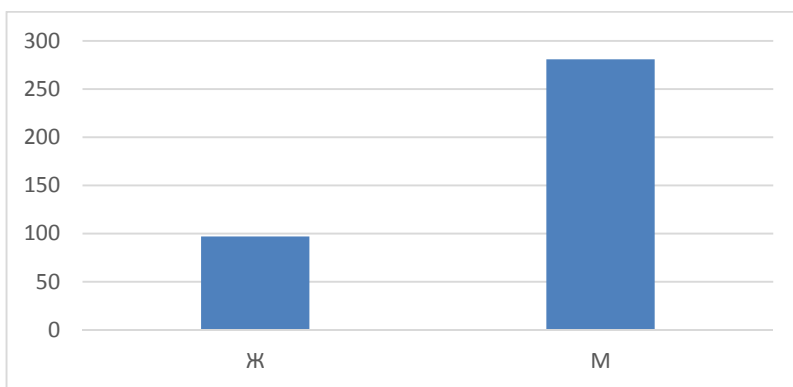

Рис. 2. Половой состав подписчиков

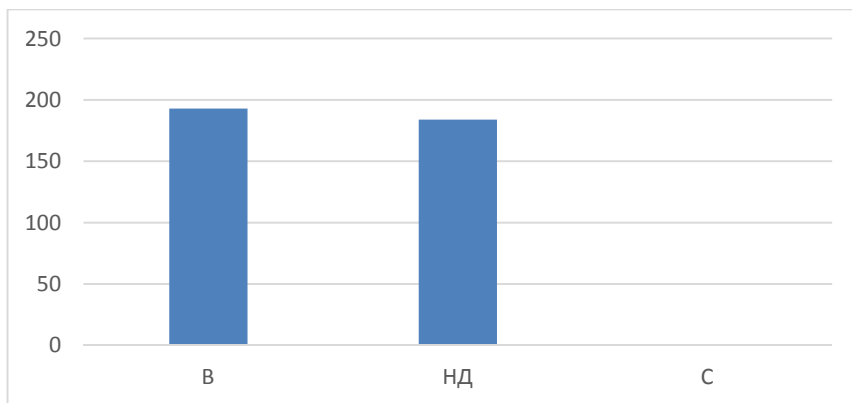

Рис. 3. Образовательный состав подписчиков

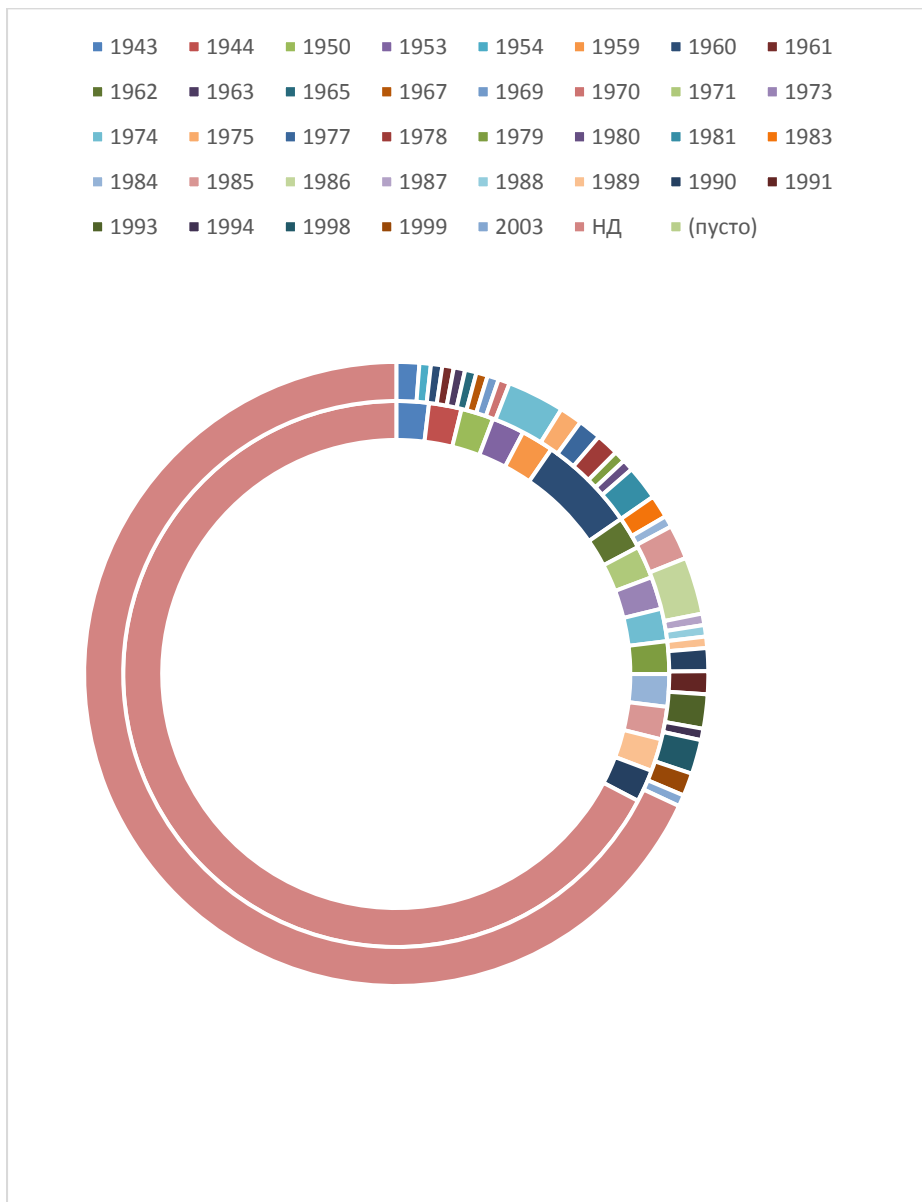

Рис. 4. Даты рождения комментирующих группы

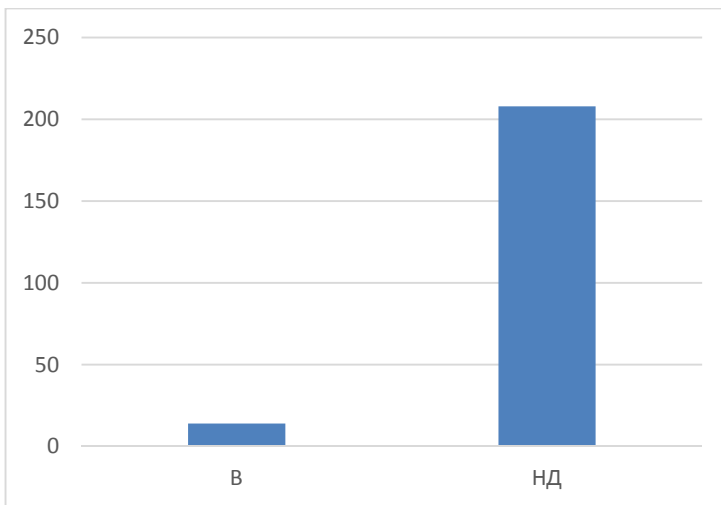

Рис. 6. Образование комментаторов

Рис. 7. Средняя эффективность публикаций по дням недели

Время суток

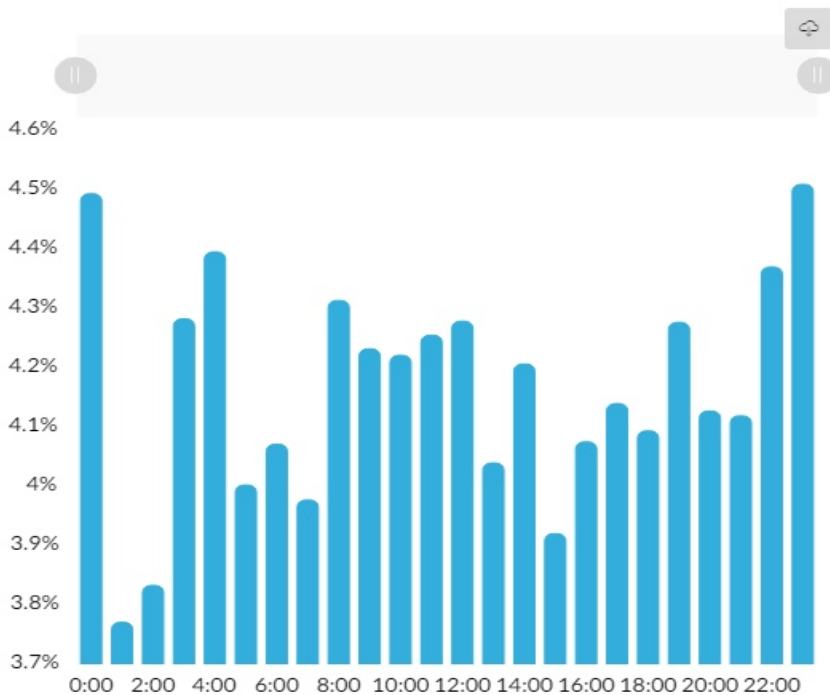
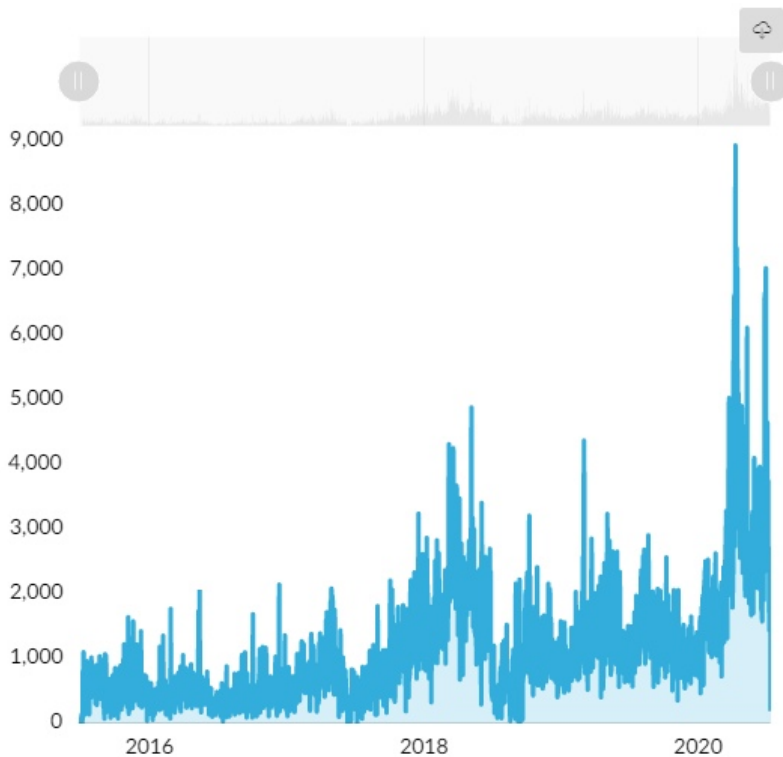
 НОД :: официаль...

Рис. 8. Средняя эффективность публикаций по времени суток

Лайки ?

 НОД :: официа...

Рис. 9. Суммарное количество лайков за 2016–2020 годы

Репосты ?

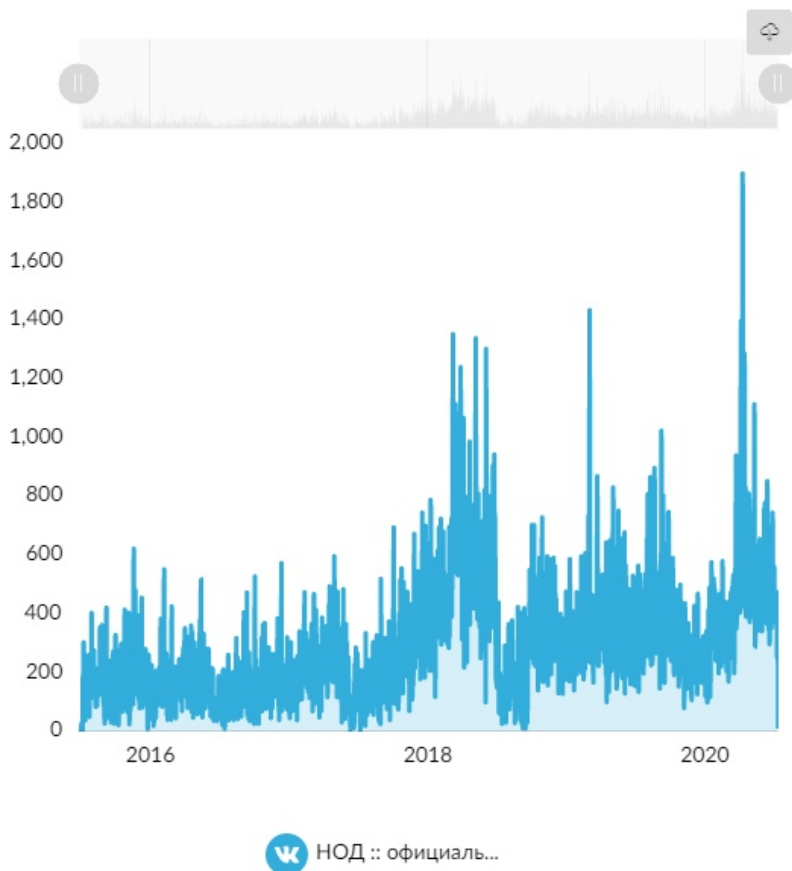

Рис. 10. Суммарное количество репостов за 2016–2020 годы

Комментарии ?

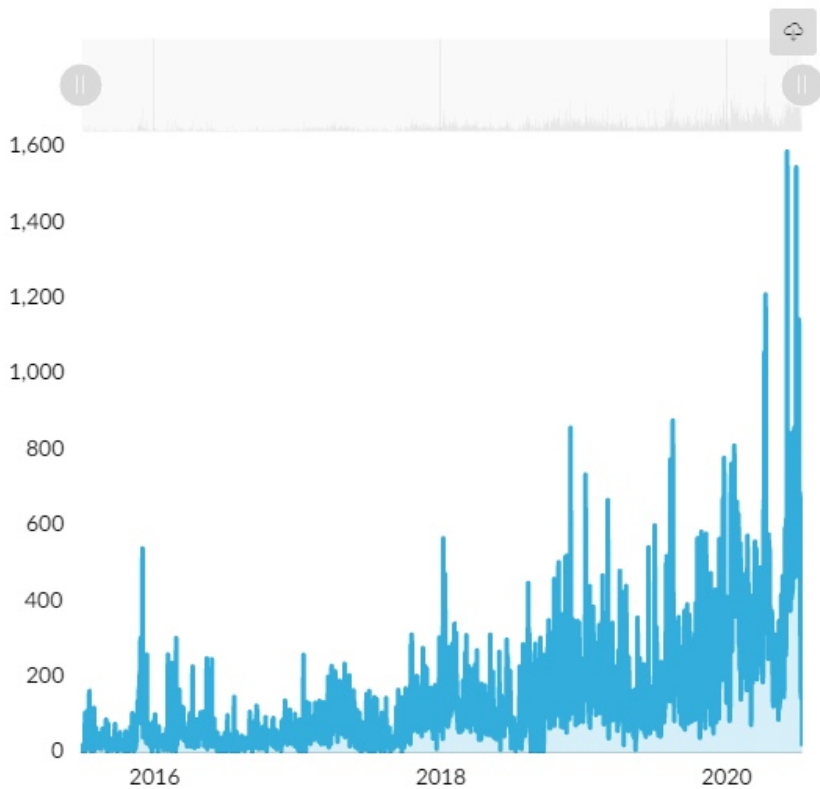
 НОД :: официа...

Рис. 11. Суммарное количество комментариев за 2016–2020 годы

Подписчики ?

Представлены данные только по датам, когда проводился анализ сообщества

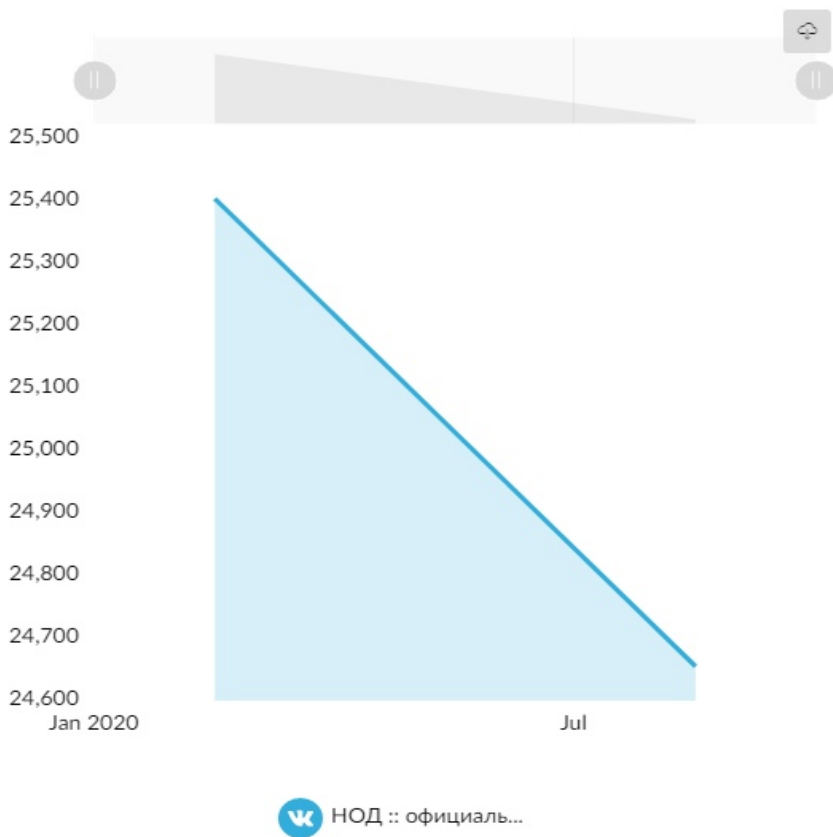

Рис. 12. Тенденция изменения числа подписчиков за Январь-Июль 2020 года

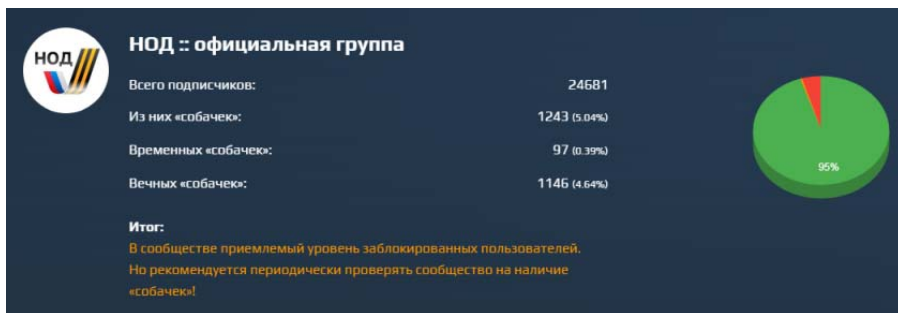

Рис. 13. Количество ботов в группе НОД

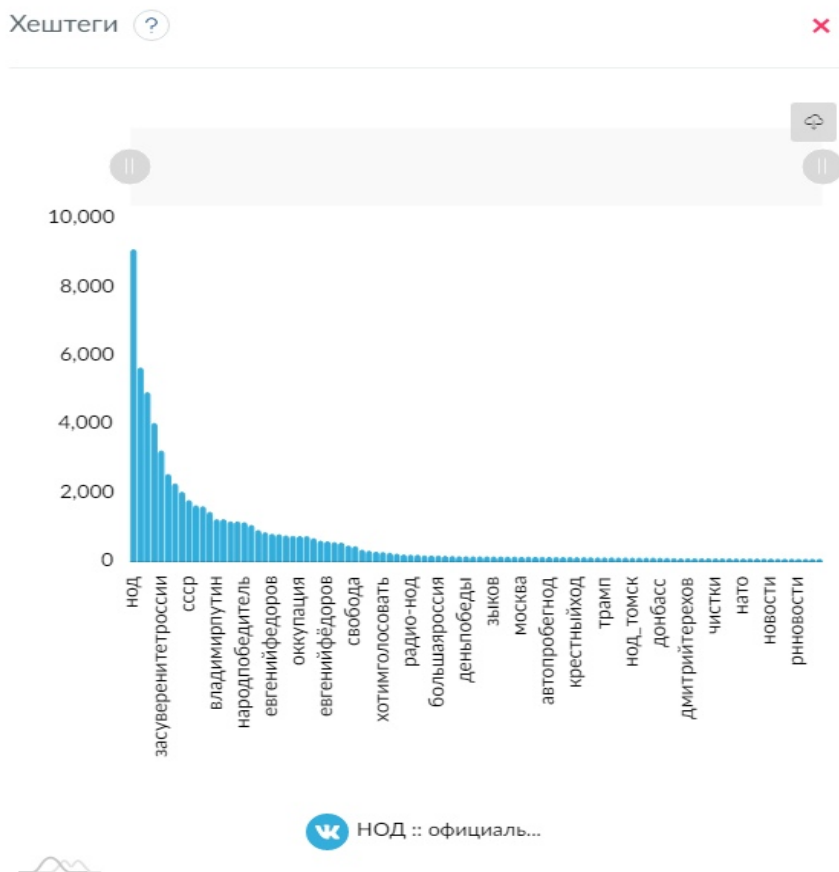

Рис. 14. Часто используемые хештеги

Относительная активность по хештегам

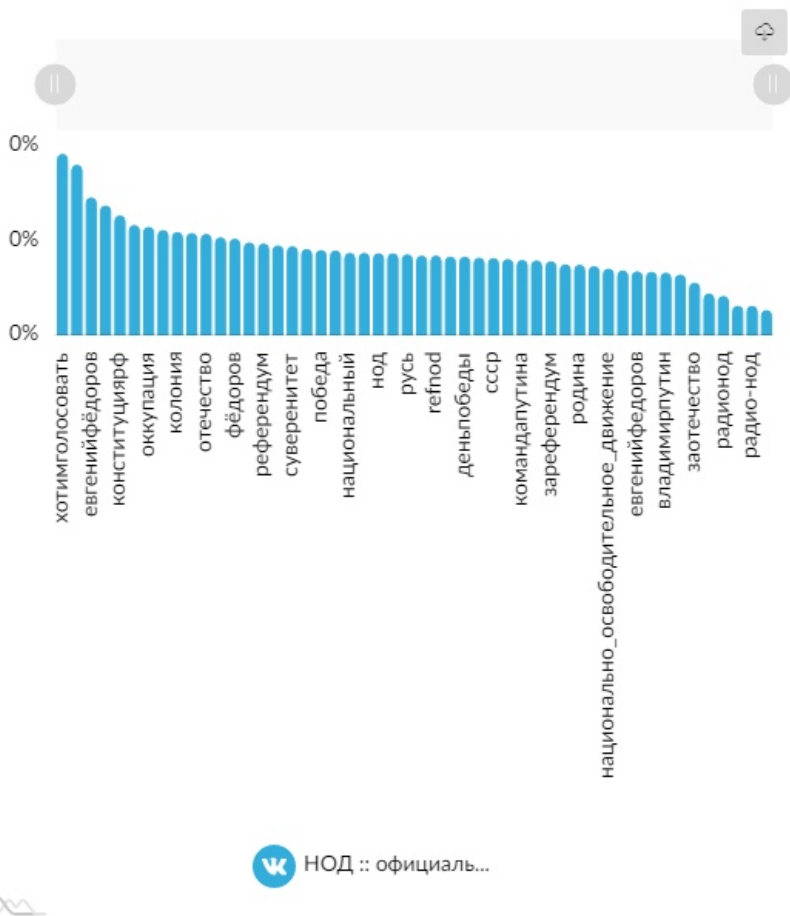

Рис. 15. Относительная активность по хештегам

Фраза/слово	Количество	Частота, %
россия	87	0. 81
конституция	50	0. 47
нод	50	0. 47
https	46	0. 43
народ	43	0. 40

поправка	42	0. 39
оно	41	0. 38
суверенитет	40	0. 37
июль	36	0. 34
все	35	0. 33
страна	35	0. 33
сша	35	0. 33
отечество	32	0. 30
победа	31	0. 29
президент	28	0. 26
дети	27	0. 25
путин	27	0. 25
государственный	25	0. 23
youtu	23	0. 22
один	22	0. 21
война	21	0. 20
государство	21	0. 20
решение	21	0. 20
также	21	0. 20
власть	20	0. 19
володин	20	0. 19
гражданин	20	0. 19
москва	20	0. 19
российский	20	0. 19
голосование	19	0. 18
может	19	0. 18
рашкин	19	0. 18
русский	19	0. 18
сила	19	0. 18
советский	19	0. 18
бланк	18	0. 17
ссср	18	0. 17
com	17	0. 16
госдума	17	0. 16
евгенийфедор	17	0. 16
имя	17	0. 16
под евгенийфёдоров	17	0. 16 / 0. 32
орган	17	0. 16
работа	17	0. 16
тома	17	0. 16

андрей	16	0. 15
депутат	16	0. 15
лаврентьев	16	0. 15
много	16	0. 15
статья	16	0. 15
управление	16	0. 15
федерация	16	0. 15
борьба	15	0. 14
путин	15	0. 14
олег	14	0. 13
поправки конституцию	14	0. 13 / 0. 26
убийство	14	0. 13
закон	13	0. 12
изменение	13	0. 12
нод евгенийфёдоров поправки суверенитет	13	0. 12 / 0. 49

Рис. 16 – Ключевые слова

УДК 32.019.51
ББК 66.04.

Пучков В. М., *Москва*

Трансформация политического участия через социальные сети

Показывается, как происходит политическое воздействие на молодых людей через социальные сети. Анализируется, что побуждает людей выражать себя политически в этой области, и как это выражение влияет на вопросы традиционного политического участия.

Ключевые слова: социальные сети, политическое участие, политология, политическая мобилизация.

Puchkov V. M., *Moscow*

Transforming political participation through social media

The work shows how the political influence on young people takes place through social networks. It analyzes what motivates people to express themselves politically in this area and how this expression influences the issues of traditional political participation.

Keywords: social media, political participation, political science, political mobilization.

Последние годы мы видим бум использования социальных сетей, что, безусловно связано с продолжающейся технологизацией и цифровизацией. Наиболее заметной из мировых социальных сетей является, насчитывающей более 2,5 миллиардов пользователей со всего мира, что эквивалентно трети населения планеты [2]. Хотя социальные сети, скорее всего, изначально не задумывались как политические инструменты, политики и политические

менеджеры быстро приспособились использовать их как таковые. Среди центральных демографических групп, на которые пытаются оказывать влияние данным образом является молодежь. Соответственно, для лучшего понимания политического ландшафта следует понять, что побуждает молодых людей выражать себя политически на данных платформах, а также то, что как влияет использование данных сайтов на вопросы политического участия.

Концепцию политического использования соцсетей можно определить как использование данных сайтов для явно политических целей, таких как отображение политических предпочтений в своем профиле, или подписка на политика или общественную организацию. Политическое использование сетей существенно отличается от общего онлайн участие в политической жизни, поскольку оно отражает способность отдельных лиц не только обмениваться информацией о политике, но и публично присоединиться к его группе.

Политическое использование соцсетей может иметь дополнительные элементы, отличающие от офлайн практик, например повышенную публичную приверженность и общественное одобрение при наличии более низких барьеров и затрат на данную деятельность. Однако те самые характеристики, которые отличают эту концепцию политического поведения от других, могут способствовать формированию определенной привычки участия, которая должна распространяться на других совместные мероприятия. Исследования показывают, что онлайн и офлайн формы общения все еще имеют значение для поощрения политического участия. Например, читатели политического блога так же посещают и традиционные политические мероприятия [5]. Поэтому можно ожидать, что политические возможности в социальных сетях представляют собой путь, через который молодежь может социализироваться, что положительно сказывается на участии в политической жизни.

Обсуждение – это фундаментальный способ, которым молодежь может выражать и развивать свой интерес к политике. В более широком смысле модель коммуникационного посредничества предлагает четкую теоретическую основу для связи между политическим сегментом соцсетей и политическим участием. Модель коммуникационного посредничества предполагает, что использование различных форм СМИ (просмотр телепередач, чтение газет, онлайн потребление новостей) поощряет некий тип коммуникации, который затем приводит к росту политического участия. Исследования показали, что варианты использования СМИ и форм общения могут быть весьма разнообразны и иметь различную эффективность на вовлеченность, однако приводить к росту политического участия [7].

Пути коммуникации участия постоянно расширяются, включая новые типы связи, технологии, и так далее, что приводит к тому, что политическое участие становится чрезвычайно дешевым, доступным по клику. Формирование политической идентичности происходит легко, облегчается полупубличным форматом, предоставляемым сетевой платформой [3]. По всем этим причинам политическое участие, встречающиеся в социальных сетях – это

важное новое явление, которое необходимо учитывать, как часть более широкого процесса метаморфоз политической активности в целом.

С появлением таких социальных сетей как Facebook появились новые цифровые общественные места. Это те цифровые пространства, которые позволяют исполнителю представлять даже обыденные повседневные события как политические действия. Как эти новые точки коммуникаций влияют на публичную политику, крайне важно понимать и интегрировать в сферу изучения политического.

Новое цифровое публичное пространство в форме Facebook имеет собственную функциональность и масштабы социальной активности, которые предлагают новые возможности для политиков и партий участвовать в политических выступлениях. Важно обнаружить не только сложные связи между офлайн и онлайн политическими выступлениями, но и как события могут получить политическую поддержку, когда они выполняются в приведенной среде. Facebook допускает расширение политического видимого дискурса на каждый день, так как повседневная жизнь перерисовывается в пространстве, что добавляет пользователям возможность более точно вырабатывать свою позицию по тем или иным вопросам и интегрироваться [6].

Таким образом, публичные онлайн выступления нацелены главным образом на внутреннее политическое потребление определённым комьюнити, с более ограниченным воздействием на общую аудиторию, хотя это помогает также укрепить положение неформальных лидеров в своей среде и избирательных округах. Акт представительства занимает центральное место в анализе формирования политической идентичности, так как именно производительность «делает политику видимой» [4], и именно эти перформансы в общественных пространствах попадают в центр нашего внимания. Целью политического перформанса является создание положительной реакции аудитории, следовательно многое нужно сделать, чтобы создать имидж понятным для целевой аудитории. Визуальные образы на Фейсбуке реактивируют нецифровые политические выступления, созданные в цифровом пространстве. Facebook может дать представление о взаимосвязи между повседневным и политическим, а также как процесс, посредством которого повседневность становится политическим перформансом. Коллектив и индивид, а также политическое и личностное, становятся более сложными, что способно превратить обыденные личные посты в политические выступления. Локальные СМИ часто считают большинство событий слишком неважными для освещения, что является основой постов на страницах студенческих сообществ в Facebook. Таким образом, Facebook служит продолжением уже существующих политических динамик, но способствует политике индивидуальной видимости.

Мануэль Кастельс, утверждал, что самовыражение через социальные медиа платформы могут выступать в качестве инструмента поддержания оппозиционной стороны [1], соответственно, очень важно присутствовать на

Facebook и в других социальных сетях, так как это помогает использовать возможности, как для улучшения общения с нынешними членами, так и для потенциального привлечения новых. Одним из недостатков является то, что много пользователей не обращают большого внимания на сообщения, которые они получают в Facebook, так как лента новостей обычно перегружена. Тем не менее, продвижение определенных кампаний или мероприятий через Facebook необходимо, потому что это отдельный сегмент привлечения, который раньше был невозможен. Построение и согласование коллективных образов внутри или снаружи медиа платформ является центральным процессом развития коллективного действия. Как ученые, занимающиеся изучением общественных движений или альтернативных СМИ, показали, коммуникационные практики и строительство коллективных дискурсов часто играют центральную роль в создании и консолидации политических групп. Обладая гражданской мотивацией пользователь социальных сетей видит возможность соединить себя с обществом и его устремлениями. Вся творческая деятельность человека имеет потенциал для политической трансформации, но понять, как этот потенциал может быть преобразован в реальность, требует признания устойчивых социальных и политических структур, которые создаются в социальных сетях людьми.

По сути, Facebook как социальная сеть объединяет людей и создает политические сети в конкретных региональных, социальных и политических контекстах. Facebook не только служит технологическим расширением, для переформулирования и активизации уже существующих политических действий, но также предлагает общественное пространство для людей, для формулировки и активизации частных событий, которым раньше не хватало аудитории для принятия как значимого выступления.

Учитывая последовательность и долговечность постов в временной шкале, Facebook позволяет создавать содержательные связи между постами, позволяя сжать пространство, время и масштаб. На более общем уровне следует подчеркнуть, что сегодняшняя концепция повседневной перформативной политики должна выходить за рамки традиционных концепций общественного пространства.

С взрывом цифровых медиа пришло расширение социальных медиа платформы в жизни многих, кто технологически привилегирован и подключен к новой коммуникационной среде. Эта новая практика опосредованной социальности также принесла с собой несколько претензий на трансформацию отношений между гражданами и средствами массовой информации, а также форм политического участия.

Список литературы

1. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с
2. Число пользователей Facebook достигло трети населения планеты. URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/30/facebook/> (дата обращения: 01.09.2020).

3. Bode Leticia, Emily K. Vraga, Porismita Borah, Dhavan V. Shah, A New Space for Political Behavior: Political Social Networking and its Democratic Consequences // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014. Vol. 19, Issue 3. P. 414–429ю

4. Esherick, Joseph W. “Afterword: The Heisenberg Principle of Political Performance // *Staging Politics: Power and Performance in Asia and Africa*. 2007. P. 243–250.

5. Gil de Zuniga, H., Veenstra, A. Vraga, E. & Shah, D. V. Digital democracy: Re-imagining pathways to political participation // *Journal of Information Technology and Politics*. 2010. Vol. 7, N 1. P. 36–51.

6. Hansen T. B. Politics as Permanent Performance: The Production of Political Authority in the Locality // *The Politics of Cultural Mobilization in India*. 2004. P. 19–36.

7. Campaign ads, online messaging, and participation: Extending the communication mediation model / Shah D. V., Cho J., Nah S., Gotlieb M. R., Hwang H., Lee N., Scholl R. M., McLeod D. M. // *Journal of Communication*. 2007. Vol. 57. P. 676–703

УДК 303.721.

ББК 66.09.

Новикова М. О., *Москва*

Автоматическая обработка данных как методология в политической текстологии

В статье рассматривается политика и политический конфликт через текстовое поле. Анализируются существующие проблемы больших затрат на анализ небольших текстовых сборников, что затрудняет использование данных технологий в политологических исследованиях. Выделяется перспектива использования автоматического анализа текста как новой области исследований.

Ключевые слова: контент-анализ, политология, автоматический анализ, текст, дискурс

Novikova M. O., *Moscow*

Automatic data processing as a methodology in political textology

The paper analyzes politics and political conflict through a text field. The existing problems of high costs for the analysis of small text collections are analyzed, which complicates the use of these technologies in political science research. The prospect of using automatic text analysis as a new field of research is highlighted.

Keywords: content analysis, political science, automatic analysis, text, discourse

Язык является средой для политики и политических конфликтов. Между властью, оппозицией и гражданами постоянно происходит диалог, который вводится в определенном языковом регистре, после избрания представители пишут и обсуждают законодательство, после того как законы принимаются, СМИ дают развернутый комментарий касательно произошедших изменений. Нации регулярно ведут переговоры, а затем подписывают соглашения и договоры на определенном языке. Безусловно, следует отметить ряд недочетов в использовании автоматизированных методов – они не заменяют эффективность анализа человека, а результаты требуют обширной и специфичной проверки. Данная тема имеет свою актуальность, так как автоматизированные текстовые методов становятся стандартным инструментом для политологов.

Эти и многие другие примеры в политической науке показывают, что сферу политического можно понимать через призму того, что политические деятели говорят и пишут. Осознание, того, что язык занимает центральное место в изучении политики не является новым – политологи давно признали, что большая часть политики выражается словами. Основная проблема заключается в объеме: политических текстов слишком много, поэтому ученые редко могут вручную проанализировать все тексты даже при умеренном размере массива. Результатом этого является то, что анализ огромных массивов текста был практически невозможен для исследователей, кроме самых финансируемых проектов.

Ученые разработали или импортировали методы для использования во многих областях политической науки, которые облегчают поиск важных выводов о политике, используя большие данные. Следует отметить, что сложность языка подразумевает, что автоматизированные методы анализа контента никогда не заменят внимательного и вдумчивого анализа текстов человеком. Автоматизированные методы работы с текстом являются сконструированными моделями языка. Это означает, что производительность и результативность любого нового метода в обработке данных не может быть гарантирована, что ведет нас к поиску лучших практик валидации в различных исследованиях.

Методы автоматической обработки можно разделить на два направления, так как они решают две широкие задачи: классификацию и масштабирование. Классификация организует тексты в набор категорий. Один из способов улучшить словари – это контролируемые методы, которые заключаются в ручном кодировании документов на predetermined набор категорий. Кодирование человеком затем используется для обучения или контроля статистической модели для классификации оставшихся документов. Следует учитывать, что производительность любого одного классификатора может существенно различаться в зависимости от контекста, поэтому валидация точности классификатора необходима для повышения надежности инструментария.

Автоматизированные методы содержания также могут оценивать расположение участников в пространстве политики или производить масштабирование. Например, можно отметить метод оценки слов, который опирается на справочные тексты, чтобы найти других политических акторов в пространстве политического и социального. Второй метод – фишинг – использует предположение о том, как идеология влияет на использование слов. Оба метода в значительной степени полагаются на предположение, что идеология доминирует над языком, используемым в тексте. Когда это предположение действует, а активные участники выражают свои политические позиции в текстах, то модели могут работать хорошо. Когда же это предположение нарушается, модель помещает акторов в другое неидеологизированное пространство.

Политологи применяют автоматизированный контент-анализ к различным текстам, что может включать в себя архивы данных СМИ, выступления

в законодательных органах по всему миру; президентские, законодательные и партийные заявления, договоры, политологические статьи и мн. др. [3]

Рост этого массива информации отчасти связан с быстрым развитием технологий для хранения и распространения документов в электронной форме. Больше источников добавляются со временем, например, с сайта Государственной Думы можно выгружать весь документооборот касательно законопроектов в удобном формате. Чуть сложнее получить доступ к текстовым данным, хранящимся на веб-сайтах, наиболее сложными для публикации и обработки являются тексты, найденные в архивах или еще не опубликованные отсканированные книги. Но подготовка этих текстов для анализа может быть упрощена – с использованием качественного сканера и программного обеспечения оптического распознавания символов.

Автоматизированные методы также зависят от наличия достаточного количества слова, чтобы повысить валидность. Это делает более длинные тексты – газеты или партийные программы – более удобными для анализа, чем более короткие заявления, такие как ответы из краткого интервью.

Следует отметить, что язык является сложным конструктом (как и в целом сознание), но не вся сложность языка необходима для эффективного анализа текстов. Следует рассмотреть методы для преобразования текста в количественные данные, однако следует отметить, что более важным, чем следование какому-либо отдельному рецепту, является тщательное обдумывание каждого отдельного кейса.

Важным шагом является отказ от порядка, в котором слова встречаются в документах [2]. Документы надо считать пакетом слов, что помогает решить проблему инверсии. Простой список слов, называется униграммой, и его часто достаточно, чтобы передать общее значение текста. Если это предположение недостаточно, можно сохранить некоторый порядок слов, включив биграммы или триграммы анализе. Отбросив порядок слов, мы следует упростить словарный запас с помощью стемминга, который удаляет окончания и суффиксы слов, чтобы уменьшить общее количество уникальных слов в наборе данных, или уменьшить размерность текста. Стемминг уменьшает сложность, отображая слова, которые относятся к однокоренным.

В дополнение к отбрасыванию порядка слов также обычно отбрасываются знаки препинания, заглавные буквы, очень общие слова, например часто удаляются функциональные слова, которые не передают смысл, но выполняют связующие функции. Также удаляются слова, которые появляются в менее чем 1 % и более 99 % документов в корпусе, хотя эти варианты необходимо учитывать в зависимости от разнообразия словарного запаса, средней длины документа и размер массива[4].

Эти шаги приводят к сокращению информации, заставляя многих делать вывод, что слишком мало полезной информации будет на выходе. Однако ученые показали, что такого простого представления текста достаточно для вывода о существенных свойствах текстов[1].

Присвоение текстам категорий – наиболее распространенное использование методов контент-анализа в политической жизни. Например, исследователи могут узнать, проводят ли кампании положительную или отрицательную рекламу кандидатам, являются ли международные заявления воинственными или мирными и т. д. В каждом случае целью является вывести либо категорию каждого документа, либо общее распределение документов по категории. Проведенные только человеком исследования для того, чтобы сделать такие выводы, требуют времени и ресурсов. Даже после разработки правил кодирования и обучения кодеров, ручные методы требуют, чтобы кодеры читали каждый отдельный текст. Автоматизированные методы могут снизить стоимость присвоения документам категорий, ограничивая количество классификаций, выполняющимися людьми. Следует отметить две широких группы методов снижения затрат на классификацию. В словарных методах используется частота ключевых слов для измерения присутствия каждой категории в текстах. Методы контролируемого обучения копируют знакомую задачу ручного кодирования, но машиной.

Словарные методы, возможно, наиболее интуитивны и просты в применении в автоматизированных методах. Словари используют частоту, с которой ключевые слова появляются в тексте, для классификации документов, разделения на категории или для измерения степени принадлежности документов к определенным категориям [2].

Цель может состоять в том, чтобы измерить тон в газетных статьях: передают ли статьи информацию в положительном или отрицательном свете. Методы словаря используют список слов с указанными показателями тона и относительной частотой, с которой встречаются слова для измерения тона документа.

Чтобы словарные методы работали хорошо, баллы, прикрепленные к словам, должны тесно совпадать с тем, как эти слова используются в определенном контексте. Если словарь разработан для конкретной работы, тогда это не является проблемой, но, когда словари создаются в одном предметном поле, а затем применяются в другом, могут возникнуть серьезные ошибки. В качестве примера можно привести работу Лафран и Макдональд[3], которые критикуют распространенное использование готовых словарей для измерения тона законодательных актов, не обращая внимание на особый корпоративный язык. Они отмечают, что многие слова, которые имеют отрицательную коннотацию в других контекстах, например, налог, сбор, нефть, могут иметь положительное значение в отчетах о доходах. Следовательно, словари следует использовать с большой осторожностью или, по крайней мере, в сочетании с усиленной проверкой. Применяя словари, ученые должны непосредственно установить, что списки слов, созданные в других контекстах применимы к конкретному домену.

Методы контролируемого обучения предоставляют альтернативный метод для присвоения документам заранее определенных категорий. Идея контролируемого обучения проста: люди-кодировщики классифицируют

набор документов вручную, затем алгоритм «учится», как сортировать документы по категориям, используя обучающий набор и слова.

Такой подход к классификации имеет два основных преимущества по сравнению со словарными методами. Во-первых, каждый процесс обучения делается для конкретной области и поэтому позволяет избежать проблем применения словарей за пределами их предполагаемой области использования. Во-вторых, данные методы обучения гораздо легче проверить, четкими статистическими данными суммирующие производительность модели.

Автоматизированные методы анализа контента предоставляют широкий спектр инструментов для измерения различных метрик, представляющих интерес для исследователя. Производительность любого метода будет зависеть от контекста. Методы анализа текста обязательно не до конца верны, что требует тщательной проверки моделей. Для методов контролируемой классификации, требуется демонстрация того, что классификация компьютера повторяет ручное кодирование. Для неконтролируемых методов классификации и масштабирования требуется подтверждения того, что произведенный алгоритм соответствует заявленным понятиям.

Новые тексты нуждаются в новых методах, что ведет к необходимости разработки новых статистических моделей для текста. Новые текстовые данные в политологии потребуют разработки новых методик. Но по мере того, как методисты разрабатывают инструменты для решения конкретных проблем, они должны также думать в целом об универсальном применении своих методов.

Неопределенность в автоматизированных методах содержания остается одной из самых важных задач. Одна из самых сильных сторон количественной обработки текста как данных – это способность оценивать неопределенность измерений. Байесовские статистические модели, определяющие быстрые и надежные вычислительные методы для алгоритмического построения модели или методы для включения неопределенности, возникающей при включении людей в анализ, требует дальнейшей разработки.

Помимо методологических инноваций, существует множество новых массивов текстов, которые можно эффективно анализировать с помощью автоматического анализа текста. В политической теории, праве ученые могут многому научиться, применяя автоматизированные методы анализа текста в своей области интересов. Польза этих текстов заключается в том, что они предоставляют новые данные для проверки давних теорий. Но новые тексты могут также предложить иные идеи и концепции, ранее неизвестные исследователям.

Огромный набор потенциальных приложений хорошо отражает перспективы автоматического анализа текста и его потенциальные подводные камни. Если политологи смогут эффективно использовать большие массивы текстов в своих работах, тогда на многие важные вопросы, вероятно, будут даны ответы.

Список литературы

1. Hopkins Daniel, Gary King. Extracting systematic social science meaning from text // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54, N 1. P. 229–47.
2. Jurafsky Dan, James Martin. Speech and natural language processing: An introduction to natural language processing, computational linguistics, and speech recognition. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2009. 12 p.
3. Loughran, Tim, and Bill McDonald. When is a liability not a liability? Textual analysis, dictionaries, and 10-Ks // Journal of Finance. 2011. Vol. 66, N 1. P. 35–65.
4. Quinn Kevin. How to analyze political attention with minimal assumptions and costs // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54, N 1 P. 209.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ

УДК 004.946
ББК 74.202.4

Фарахутдинов Ш. Ф., Тюмень

Современные тенденции в использовании технологий виртуальной реальности в образовании

Работа носит обзорный характер и очерчивает ключевые тенденции в развитии технологий виртуальной реальности в образовании. Охарактеризована иммерсивность, как ключевое преимущество технологий виртуальной реальности в контексте образования. Приведены результаты исследований, показывающие эффективность образовательных VR-технологий по сравнению с традиционными. Выделены причины, затормаживающие распространение VR-технологий в образовании.

Ключевые слова: образование, виртуальная реальность, иммерсивность, современные технологии, цифровизация.

Farakhutdinov Sh. F., *Tyumen*

Current trends in the use of virtual reality technologies in education

The work is of an overview nature and outlines the key trends in the development of virtual reality technologies in education. Immersiveness is characterized as a key advantage of virtual reality technologies in the context of education. The results of studies showing the effectiveness of educational VR technologies in comparison with traditional ones are presented. The reasons that slow down the spread of VR technologies in education are highlighted.

Keywords: Education, virtual reality, immersiveness, modern technologies, digitalization.

Несмотря на широкое распространение технологий виртуальной реальности (VR), в образовании их стали применять относительно недавно. Если несколько лет назад отечественные исследователи с настороженностью оценивали возможности и перспективы внедрения технологий VR в процесс обучения, то сегодня эксперты говорят о тотальной виртуализации системы образования. Так, С. С. Елесин, А. В. Фещенко в своей статье опровергали критические аргументы по поводу использования виртуальной реальности в образовании [1], а С. А. Тараканов указывал на основные изменения, которые ожидают образование, как социальный институт под воздействием виртуальной интернет среды и компьютерной виртуальной реальности [8]. Однако уже сегодня на государственном уровне реализуется ряд образователь-

ных проектов, в которых VR-технологиям отводится ключевая роль. Это, например, такие проекты, как «Образование-2024», «Современная цифровая образовательная среда», «Цифровая экономика Российской Федерации». Отдельно стоит выделить проект «Цифровая школа», в рамках которого, по данным инициаторов, уже к 2024 г. планируется внедрить его в 25 % всех «пилотных» учебных учреждений.

Возникает закономерный вопрос о причинах столь стремительного внедрения VR-технологий в систему образования. Проанализировав ряд источников, включающих как тематические сайты, так и научные публикации, автор выделил 5 основных причин сложившейся ситуации

1. Доступность технического оснащения. В последние годы наблюдается стабильное снижение стоимости VR-оборудования, предназначенного как для домашнего, так и профессионального использования. Так, самый бюджетный способ знакомства с виртуальной реальностью, которые вполне может быть использован в целях образования – картонные очки на основе чертежей Google Cardboard, которые можно изготовить самостоятельно или приобрести по цене канцелярской принадлежности. Основное их преимущество – работа с любыми мобильными устройствами на Android и iOS, имеющих гироскоп и экран от 4,5 до 5,5 дюймов [10]. Таким образом, загрузив на телефон, одно из множества приложений, доступных в настоящее время в Google Play или App Store можно получить первый опыт в виртуальной реальности. Например, с помощью приложения Chemistry VR можно безопасно изучать разнообразные химические реакции, а приложение The Body VR, позволяет погрузиться в глубины человеческого тела и наглядно наблюдать за работой микроорганизмов. Качественно лучший вариант погружения в виртуальную реальность позволяют осуществить очки виртуальной реальности. Существуют очки, которые идут в комплекте со смартфонами, например Samsung Gear VR, а также модели, которые подключаются непосредственно к персональному компьютеру, например продукция компания Oculus Rift или очки Vive компании HTC [7]. Такое оборудование по стоимости сопоставимо с флагманскими моделями смартфонов и может считаться доступным для широкой аудитории и использоваться в образовательном процессе.

2. Стремительный рост количества программного обеспечения под VR. На сегодняшний день существует уже несколько тысяч самых разнообразных приложений под VR и их количество увеличивается каждый день [4]. По данным ассоциации AVRA, в России на сегодняшний день зарегистрировано более 400 VR/AR-компаний. Больше половины из них занимаются разработкой игрового софта, а остальные – B2B-проектами для маркетинга, медицины, промышленности, культуры, ритейла, детского и корпоративного образования [1].

Образовательный контент можно разделить на три типа: видеоформат 360 градусов, платформы и площадки, интерактивные программы. Самое

простое, что может использовать учитель в классе, это различные видео 360 градусов. Такие системы взаимодействуют с очками виртуальной реальности и переводят 2D-изображения и видео в 3D-формат, создавая обволакивающие изображения. В формате платформ и площадок виртуальная образовательная среда создается в режиме реального времени, где участники образовательного процесса одновременно погружены в VR. Это могут быть виртуальные лекции и практикумы на различных платформах. Интерактивные образовательные продукты представляют собой относительно автономные и завершенные разработки, готовые к использованию на уроке или в качестве домашнего задания. Как пример можно привести виртуальные музеи или приложения для анатомии. Интересной разработкой стал онлайн-курс по деловому английскому Virtual Speech, который представляет собой гибридный проект традиционного онлайн-курса и практики в виртуальной реальности. Разные типы контента могут быть объединены в рамках одной образовательной платформы, как это осуществлено в готовом наборе для школ RedboxVR [9].

3. Рост объема инвестиций в VR – более 2,5 млрд долл. в год. Эта цифра постоянно растет с 2012 г. и, по мнению экспертов, не планирует существенно останавливать свой рост в ближайшее время. Группа аналитиков компании ABI Research заявляет, что уже к 2022 г. мировой VR-рынок вырастет до 5–6 млрд долл. По данным PwC, в 2019 г. индустрия VR/AR составляла 46 млрд долл., а к 2030 г. она вырастет в 30 раз и достигнет 1,5 трлн долл. Лидерами по затратам в области VR/AR в 2020 г., по прогнозам IDC, будет Китай – страна вложит в это направление около 5,8 млрд долл., США и Западная Европа – 5,1 и 3,3 млрд долл. соответственно. В мире насчитывается более 2 тыс. компаний, занимающихся разработками в сфере иммерсивных технологий [6].

4. Внедрение VR-технологий в ряде сфер: нефтегазовая промышленность, машиностроение, энергетика, металлургия, телекоммуникации, реклама и многое другое. Виртуальная реальность уже давно перестала быть только игровой историей и активно внедряется во все сферы деятельности человека.

Технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) активно освещаются в СМИ и вошли в список стратегических трендов текущего года по данным Gartner. При этом российский рынок VR/AR входит в десятку быстрорастущих рынков мира, индустрия продолжает привлекать внимание крупных игроков. В отличие от глобального рынка, который сконцентрирован на решениях для потребителей, в России преобладает разработка VR/AR-технологий для бизнеса. Большой интерес к технологии проявляют крупные компании, которые открывают собственные лаборатории VR/AR. По подсчетам KPMG, 21 % компаний уже активно внедряют технологии [2].

5. Общий тренд перехода к онлайн-образованию. Первый этап эпохи онлайн-образования, начался около десяти лет назад. В ней небольшой

набор решений, которые перешли из офлайн-среды остался практически без изменений. Очные лекции заменились вебинарами, а вместо письменного домашнего задания – такое же, но в электронном виде. Система LMS (англ. learning management system – система управления обучением) также остается уже долгое время со стандартными функциями. Но концепция использования оцифрованных инструментов постепенно уходит в прошлое. И на сегодняшний день оптимальное соединение опций онлайн- и офлайн-форматов – это смешанное обучение. Оно уже сейчас показывает рост в тех сферах образования, где важна прямая работа преподавателя и студента, социализация и живое общение. Это дает возможность учиться, лично общаясь с экспертом в группе или один на один, выполнять практические работы на тренингах и семинарах, и при этом заниматься в онлайн без потери качества и динамики образовательного процесса. В свою очередь растущий интерес пользователей к онлайн-образованию и последующий за ним приток инвестиций стал мощным импульсом для развития новых инструментов обучения. И на базе полученного практического опыта образовательные компании начинают внедрять такие инструменты, которые раньше не были возможны в офлайн-среде [3]. Сюда же можно отнести интерактивные инструменты, способные сделать обучение более наглядным, в частности VR/AR-технологии. Важно отметить, что тренд на цифровизацию образования, значительно усилился в период пандемии. Эпидемия коронавируса привлекла внимание людей, вынужденных оставаться дома, к онлайн-образованию.

Использование VR/AR-технологий в образовании является объектом внимания учёных во всём мире. Современные исследования указывают на эффективность использования такого формата. Так, в Йельском университете удачно протестирована VR-тренировка проведения хирургической операции на желчном пузыре. Группа, использующая VR, была на 29 % быстрее и в 6 раз реже допускала ошибки. В Пекине было проведено исследование «Влияние виртуальной реальности на академическую деятельность» [8]. Детям преподавали одну и ту же дисциплину, но одной группе – классическим методом, а второй – с использованием VR. По итогу был проведен тест. Первая группа оказалась успешной на 73 %, а вторая – на 93 %. Кроме того, VR-группа показала более глубокое понимание темы и лучше закрепила полученные знания (по результатам теста спустя две недели).

В 2019 г. Центр НТИ на базе ДВФУ совместно с VR/AR-компаниями провели один из первых в России экспериментов, доказывающих эффективность применения VR в образовании. При подготовке к ОГЭ по физике школьников из Москвы и Владивостока при помощи VR, было проведено сравнение результатов их и тех сверстников из параллели, кто готовился к экзамену традиционными методами. Оказалось, что результаты тех, кто занимался с помощью VR, в среднем на 13 % выше. Результаты последних исследований использования VR в обучении показали рост концентрации

внимания учащихся на 20 % при росте переключаемости и восприятия информации на 15 % [5].

Ключевым преимуществом использования технологий виртуальной реальности является иммерсивность – виртуальное расширение реальности, позволяющее лучше воспринимать и понимать окружающую действительность. То есть, они в буквальном смысле погружают человека в заданную событийную среду. К плюсам иммерсивного подхода можно отнести следующие аспекты:

Наглядность. Виртуальное пространство позволяет детально рассмотреть объекты и процессы, которые невозможно или очень сложно проследить в реальном мире. Например, анатомические особенности человеческого тела, работу различных механизмов и тому подобное. Полеты в космос, погружение на сотни метров под воду, путешествие по человеческому телу – VR открывает колоссальные возможности.

Сосредоточенность. В виртуальном мире на человека практически не воздействуют внешние раздражители. Он может всецело сконцентрироваться на материале и лучше усваивать его.

Вовлечение. Сценарий процесса обучения можно с высокой точностью запрограммировать и контролировать. В виртуальной реальности ученики могут проводить химические эксперименты, увидеть выдающиеся исторические события и решать сложные задачи в более увлекательной и понятной игровой форме.

Безопасность. В виртуальной реальности можно без каких-либо рисков проводить сложные операции, оттачивать навыки управления транспортом, экспериментировать и многое другое. Независимо от сложности сценария учащийся не нанесет вреда себе и другим.

Эффективность. Опираясь на уже проведенные эксперименты, можно утверждать, что результативность обучения с применением VR минимум на 10 % выше, чем классического формата.

Отдельно стоит упомянуть, что виртуальная реальность способствует геймификации процесса обучения. Значительную часть информации можно подать в игровой форме. И точно так же закреплять материал, проводить практические занятия и многое другое. Таким образом сухая теория становится наглядной, понятной и намного более интересной, чем еще больше вовлекает обучающихся и увеличивает эффективность образования [4].

Наблюдая за актуальными тенденциями, можно с уверенностью говорить, что со временем образование с использованием VR-технологий будет расширяться. Одним из ключевых факторов распространения технологии будет увеличение доступного VR-контента. Не только для школ, но также для университетов и других учреждений. При этом использовать виртуальную реальность в обучении можно в любом возрасте – как для учеников младших классов, так и для людей в возрасте, которые решили освоить новую профессию или усовершенствовать существующие навыки.

В то же время существуют причины, затормаживающие распространение VR-технологий в образовании. Во-первых, это цена. Оборудование все еще остается довольно дорогим для массового покупателя, не считая устройств для смартфонов. К тому же не все готовы вкладывать деньги прямо сейчас, так как опасаются, что через полгода-год может случиться новый стремительный скачок развития технологии и купленное оборудование окажется устаревшим. Во-вторых, дороговизна разработки программ под VR. Этот процесс требует много времени, сил и вложений. К тому же, далеко не все материалы можно грамотно и эффективно перенести в VR. В-третьих, возможные трудности адаптации к виртуальной реальности. Не все люди одинаково воспринимают VR, а у некоторых возникает головокружение, тошнота и дезориентация. В-четвертых, бюрократические сложности, связанные с тем, что необходимость существенно менять программу обучения на государственном уровне. Несмотря на это многие специалисты уверены, что в течение следующих 5 лет мы будем наблюдать интенсивное распространение технологий виртуальной реальности в образовательном секторе.

Список литературы

1. Елесин С. С., Фешенко А. В. Виртуальная реальность в образовании: сомнения и надежды // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 109–114.
2. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов научно-методические материалы. Иркутск, 2016. С. 107–109.
3. Как будет меняться онлайн-образование в условиях пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e9597339a79473072c3e718> (дата обращения: 23.08.2020).
4. Краюшкин Николай. Виртуальная реальность в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (дата обращения: 23.08.2020).
5. Петрова Ксения. Вместо обычных учебников: виртуальная реальность в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://futureussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/vmesto-obychnyh-uchebnikov-virtualnaa-realnost-v-obrazovanii>
6. Подсчеты, оценки, прогнозы аналитиков и исследования по теме VR/AR [Электронный ресурс]. URL: <https://ict.moscow/projects/vrar/?integrationApplications>
7. Применение технологий виртуальной реальности в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://vscopr.ru/?p=1475> (дата обращения: 23.08.2020).
8. Тараканов С. А. Социальный институт образования и компьютерная виртуальная реальность: грани воздействия // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 5. С. 27.
9. Хукаленко Юлия. 15 VR- и AR-приложений для школ: обзор российского рынка [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/education/107661-15-vr-i-ar-prilozheniy-dlya-shkol-obzor-rossiyskogo-rynka>
10. Karolina Podpletko. Рынок VR/AR: что было в 2019 году и чего ждать от 2020-го. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/future/99226-rynok-vr-ar-cto-bylo-v-2019-godu-i-chego-zhdat-ot-2020-go>

УДК 378.463
ББК 74.480.215

Журавлева И. А., *Иркутск*

Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов

Приводятся результаты исследования дистанционного обучения студентов в результате пандемии коронавируса. Рассматриваются ожидания студентов и их реальные формы обучения, получение знаний, особенностей коммуникаций с преподавателем и с одногруппниками. Формируются выводы о сложности и противоречивости внедрения дистанционного обучения в современных вузах и не готовности современных студентов полностью применять эту технологию в формировании своих профессиональных компетенций.

Ключевые слова: дистанционное образование, современный университет, пандемия, коронавирус, социологическое исследование

Zhuravleva I. A., *Irkutsk*

Distance education in a modern university: student assessments

The article presents the results of a study of distance learning students as a result of the coronavirus pandemic. Students' expectations and their real forms of learning, knowledge acquisition, communication features with a teacher and classmates are considered. The conclusions about the complexity and inconsistency of the introduction of distance learning in modern universities and the readiness of modern students to fully use this technology in the formation of their professional competencies are formed.

Keywords: distance education, modern university, pandemic, coronavirus, sociological research.

Ситуация с пандемией во всем мире изменила условия жизни миллионов людей. Не обошла стороной и особенности обучения в условиях пандемии. Дистанционное обучение стало минимальным условием сохранения здоровья преподавателей и студентов в условиях карантина.

Безусловно, вопросы виртуализации обучения поднимались давно в мировом сообществе. Различные аспекты их представлены в исследованиях таких авторов как А. И. Каптеев [6] и С. А. Асанова [1], которые акцентировали внимание на социологических аспектах виртуализации интеллектуального пространства и перспективах его развития в будущем; В. В. Тонконог и П. И. Ананченкова [10], Р. В. Иванов [5] изучавших виртуализацию регионального образовательного пространства на основе системы дистанционного обучения; о виртуальных университетах будущего в исследованиях С. В. Малых [7; 8], о роли образования в региональном развитии в работе О. А. Полношкевич [9], также в ряде работ автора, рассмотрены отдельные аспекты виртуального образования [2–4].

Но один аспект – внедрение виртуальных, дистанционных форм обучения постепенно, как при техническом оснащении (как преподавателей, так и студентов), так и социокультурном и социально-психологическом (при подготовке психики и общественных настроений к новым формам обучения, постепенной адаптации к ним и освоения от базовых моделей к более сложным).

На практике к полному дистанционному формату обучения до 2020 г. ни один вуз России не переходил. На дистанционном обучении были курсы повышения квалификации и переподготовки, частично дистанционные

формы обучения применялись при обучении студентов заочников и лишь как дополнительный элемент обучения со студентами очниками. Пандемия заставила в максимально сжатые сроки перейти в новый формат работы. Как оценивают его качество, процесс, условия и результат сами студенты?

Именно этот вопрос лежал в основе нашего исследования, которое проходило на платформе опросов google.com в мае-июне 2020 г. В нем приняли участие 2600 студентов различных вузов России, обучающихся дистанционно. Опрос распространялся через социальные сети и официальных представителей университетов во всех регионах РФ. Это позволило охватить большую выборку по всей России. Из опрошенных 58 % девушки и 42 % юноши в возрасте от 18 до 23 лет; 41 % живут в общежитии, 33 % снимают комнату или квартиру и 26 % живут в своем жилье с родителями или другими членами семьи.

Облегчило ли дистанционное обучение различные аспекты жизни современных студентов? В целом – нет (табл. 1).

Таблица 1

Влияние дистанционного обучения на различные аспекты жизни студентов

Оценка	В целом, да	В целом, нет	Затрудняюсь ответить
Больше времени на подготовку	23,2	55,9	20,9
Мобильность обучения	15,5	62,1	22,4
Больше свободного времени	13,3	75,6	11,1
Интерактивность общения с преподавателем	77,2	12,1	10,7
Постоянный контакт с преподавателем	83,1	11,8	5,1
Лучше усваивается материал	5,1	89,6	5,3
Возможность не выходя из дома получать знания	35,5	39,7	24,8
Больше заданий успевать выполнять	12,2	49,9	37,9
Не тратить время на дорогу до университета и обратно	22,1	42,5	35,4
Возможность, сразу находить нужную информацию в интернете	47,9	19,9	32,2

Больше времени на подготовку не стало, увеличился объем заданий, которые необходимо выполнять, ужесточились требования по времени выполнения заданий, что не всегда согласуется с их адекватностью.

Мобильность обучения стала достаточно высока, так как обучение может проходить как дома, так и на даче, в машине или где-то еще. Ситуация с коронавирусом усилила многовариантность места пребывания студента без ущерба для присутствия на занятии. Но при этом никак не повлияла на момент увеличения качества получаемых знаний. Негативным моментом выступают несколько моментов: 1) нестабильность интернета и как результат прерывания связи и логики получаемой информации; 2) сложность психологического восприятия большого потока информации через гаджеты; 3) сложность адаптации и усвоения получаемой информации, что требует в разы больше времени на освоение услышанного материала. Поэтому, мобильность в плане свободы места пребывания не компенсируется активностью освоения получаемой информации.

«Больше свободного времени» и «больше заданий успевать выполнять» – большая иллюзия. Из-за отсутствия комплексности программ дистанционного обучения, преподаватели выдают больше информации, чем они это делали при обычном обучении. Для изучения, освоения, адаптации аудио- и видеолекций, тематических информационных фильмов, аналитических передач, текстовых материалов, презентаций и много другого, что подготовил преподаватель к занятиям, уменьшает количество свободного времени в разы.

Вариант ответа на вопрос о том, что «лучше усваивается материал» и «возможность не выходя из дома получать знания» нашем максимально низкое количество положительных ответов, это говорит о том, что современные студенты не готовы дистанционно осваивать и усваивать большие потоки информации, не по одному предмету, а по целому комплексу. Дистанционное образование может быть либо дополнением к личному обучению, либо требует иной формы социализации студентов, когда освоение материала с самых первых дней происходит через дистанционные формы обучения. Но в таком случае нам надо быть готовым к тому, что мировоззрение, тип мышления, стратегии мышления людей будут кардинально отличаться от тех, что мы имеем сегодня.

На данный момент, личное общение, социальное взаимодействие позволяет человеку оставаться человеком, вырабатывать нормы просоциального поведения. Убирая личный контакт, мы можем убрать не только гуманистическую составляющую процесса взаимодействия, но и сам принцип эмпатии и социального воспроизводства.

Среди позитивных моментов дистанционного обучения – возможность интерактивного взаимодействия с преподавателем и постоянный контакт с преподавателем, которая позволяет быстро получать ответы через звуковые сообщения или общение в чате, которое, как правило, сопровождается в любом мессенджере, через который ведутся занятия.

Оценка уровня своих знаний в процессе дистанционного обучения в целом указывает на ухудшение. Это говорит о том, что внедрение технологичных дистанционного обучения требует более тщательной и системной работы (табл. 2).

Таблица 2

Оценка уровня своих знаний в процессе дистанционного обучения

Оценка	В целом, да	В целом, нет	Затрудняюсь ответить
Знания улучшились	13,4	65,4	21,2
Знания ухудшились	56,5	12,2	31,3
Знания остались без изменения	33,4	31,1	35,5

Еще одним аспектом неготовности российского университетского образования к дистанционной работе является неподготовленность специализированных программ, необученность преподавателей и студентов в них работать. Только у 13 % студентов имеется доступ к специальным програм-

ма дистанционного обучения, которые имеются как правило в столичных крупных вузах (МГУ, НИУ ВШЭ, Европейский университет), исключение составляют ведущие вузы регионов (ИГУ, СФУ, ТГУ, НГУ, ДВФУ), большинство региональных вузов пользуются бесплатными программами, находящимися в общем доступе в сети Интернет (Scare, Zoom) или же вовсе пользуются социальными сетями (Вконтакте, Facebook). Но даже при наличии внутри вузовской платформы, преподаватели и студенты взаимодействуют и в других виртуальных пространствах различных мессенджеров (как социальных сетей («Вконтакте», Facebook), так и телефонных программ быстрого взаимодействия (Viber, WhatsApp). Более подробно распределение представлено в табл. 3.

Таблица 3
Программы, через которые ведется дистанционное обучение в вузе (в %)*

Программы	Процент
Внутренняя программа или портал вуза	18
Бесплатный модуль Zoom	37
«ВКонтакте»	19
Facebook	22
Scare	33
Viber	22
WhatsApp	16
Другое	5

*Можно было указывать больше чем один вариант, поэтому данные больше 100 %.

Из негативных моментов студенты обозначают несколько сфер неудовлетворенности дистанционным обучением: неготовность преподавателей (59,7 %), неготовность студентов (40,3 %). Иными словами, студенты констатируют, что к дистанционному обучению преподаватели больше не готовы, чем сами студенты. Они видят их не квалифицировать и неуверенность (табл. 4).

Таблица 4
Сфера неудовлетворенности дистанционным обучением (в %)

Сферы неудовлетворенности		% по вопросу	% по блоку
Преподаватели	Неготовность преподавателей преподносить информацию в дистанционном формате	33,2	59,7
	Не квалифицированность преподавателей в формате технического освоения программ дистанционного обучения (отсутствие программ, компьютеров и проч.)	26,4	
Студенты	Отсутствие у студентов необходимых знаний, чтобы технически освоить процесс дистанционного обучения	13,4	0,3
	Отсутствие у студентов соответствующего оборудования для дистанционного обучения (начиная от личных компьютеров или других гаджетов, заканчивая возможностью установки программ на те технические средства, что имеются)	26,9	

Как видно из таблицы, неготовность преподносить информацию и осваивать ее имеется как у преподавателей (33,2 %), так и у студентов (13,4 %), но среди преподавателей более ригидных и инертных в два раза больше, чем среди студентов (вероятно, сказываются возрастные изменения и не готовность меняться). Нехватка технических средств в личном пользовании как преподавателей (26,4 %), так и студентов (26,9 %) актуальна примерно для одинакового количества как тех, так и других. При обычном обучении данный фактор компенсировался наличием компьютеров на кафедрах, компьютерных классах университетов. В условиях пандемии он не может быть компенсирован, и четверть участников образовательного процесса сталкиваются с проблемами технического характера.

Таким образом, проведенное исследование показывает скорее проблемные зоны, сложности и противоречия внедрения дистанционного обучения в России в связи с пандемией коронавируса. Как один из возможных вариантов, да и вполне возможный вектор будущего обучения студентов – в дистанционной форме требует существенной комплексной продуманности и проработанности на разных уровнях. Необходимо готовить как преподавателей, так и студентов к интерактивному взаимодействию; формировать по новым принципам ученые программы, выявлять преемственность и комплексность при подготовке домашних заданий студентов, фиксировать время на подготовку заданий; технически обеспечить и преподавателей и студентов гаджетами, позволяющими качественно получать и осваивать информацию через дистанционные формы обучения.

Список литературы

1. Асанова С. А. Виртуализация обучения – это шаг в будущее // *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 2019. Т. 4. № 1. С. 122–128.
2. Журавлева И. А. Интеллектуальный капитал университета как ресурс развития // *Социология*. 2019. № 3. С. 71–74.
3. Журавлева И. А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2019. № 6. С. 31–34.
4. Журавлева И. А. Социальная самоизоляция молодежи через виртуальное пространство // *Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина*. Иркутск, 2019. С. 165–169.
5. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // *Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов. Научно-методические материалы*. Иркутск, 2016. С. 107–109.
6. Каптерев А. И. Виртуализация интеллектуального пространства: социологические аспекты обучения // *Труд и социальные отношения*. 2006. № 4. С. 120–126.
7. Малых С. В. Виртуальные университеты – университеты будущего // *Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина*. Иркутск, 2019. С. 233–237.
8. Малых С. В. Виртуальные университеты будущего // *Социология*. 2019. № 6. С. 263–268.
9. Полошкевич О. А. Образование в социокультурном пространстве региона // *Иркутск: традиции и проектирование будущего материалы Международной научно-практической конференции*. Иркутск, 2011. С. 261–263.

10. Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Виртуализация регионального образовательного пространства на основе системы дистанционного обучения // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2018. Т. 17, № 1. С. 229–238.

УДК 316.32
ББК 60.524

Завьялов А. В., *Иркутск*

Социальное самочувствие во время режима самоизоляции и восприятие дистанционного обучения студентами ИГМУ

Рассматривается влияние режима самоизоляции на социальное самочувствие студентов ИГМУ. Анализируется также восприятие перехода на дистанционное обучение, практики коммуникации студентов с преподавателями. Взаимосвязь режима самоизоляции и дистанционного обучения как одного из ответов для решения поставленных задач оказала существенное влияние на социальное самочувствие студентов в связи с изменением привычного образа жизни и способов коммуникации.

Ключевые слова: социальное самочувствие, режим самоизоляции, самоизоляция, дистанционное обучение, дистанционное образование, цифровизация, ИГМУ.

Zavialov A. V., *Irkutsk*

Social Well-being during Self-isolation Period and Distance Learning Perception by ISMU Students

The article examines the influence of the self-isolation period on the social well-being of ISMU students. The article analyzes the perception of the transition to distance learning, the practice of communication between students and academic staff. The interrelation of self-isolation period and distance learning as one of the answers to the solution of the set tasks had a significant impact on the social well-being of students in connection with a change in the usual way of life and methods of communication.

Keywords: social well-being, self-isolation period, self-isolation, distance learning, distance education, digitalization, ISMU.

Режим самоизоляции по причине пандемии COVID-19, введенный в Иркутской области 30 марта 2020 г., внес существенные коррективы в образ жизни многих людей. Приостановление деятельности многих предприятий и компаний, государственных учреждений, всех образовательных и воспитательных организаций, перевод медицинских учреждений на особый режим работы, закрытие государственных границ, ограничения на передвижение на некоторое время стали ярким признаком распространения коронавируса. Все это не могло не сказаться на привычном укладе и социальных практиках не только россиян, но и вообще всех людей мира. Непривычные, невиданные для подавляющего большинства доселе нововведения заставили людей искать новые способы коммуникации, выполнения работы, учебы, обязательств. Чрезвычайно уязвимые сферы экономики (быстрого питания, бытовых услуг, туризма) получили наибольший урон. Шквал критики вызвали принимаемые государством меры поддержки.

Студенчеству и вузам также пришлось искать новые способы взаимодействия. Режим самоизоляции также показал, какие слабые стороны имеет развернувшийся процесс цифровизации образования, и это также заставило чиновников от образования задуматься над совершенствованием уже разработанных, но пока еще толком не внедренных механизмов обучения. Основная нагрузка по обеспечению качества образования в новых условиях легла на плечи вузов, а именно профессорско-преподавательского состава. И если части вузов было относительно легче переходить «на новые рельсы» дистанционного обучения, так как уже давно проводилась работа по цифровизации образовательного процесса, то другой части пришлось делать все с нуля. Иркутский государственный медицинский университет в данном случае относится к вузам первой категории, поскольку уже в течение нескольких лет ведется подготовка образовательного материала для его перевода в цифровой формат, а также подготовка соответствующих кадров.

Также интерес представляет социальное самочувствие разных категорий населения в период режима самоизоляции, так как люди по-разному реагируют на происходящие изменения: кто-то увидел в них возможность начать делать что-то новое, завершить незавершенное, а кто-то впал в ступор, ибо привычный ритм нарушен. Социальное самочувствие студентов в период режима самоизоляции, безусловно, оказало влияние и на восприятие дистанционного обучения.

В данной работе мы рассмотрим социальное самочувствие студентов ИГМУ в период режима самоизоляции, практики взаимодействия преподавателей и студентов, а также восприятие и удовлетворенность студентов дистанционным обучением.

Нами в период с 28 июля по 14 августа 2020 г. было проведено количественное исследование (анкетирование) 804 студентов ИГМУ (всего в ИГМУ обучается порядка 3700 студентов), из них: 76,9 % девушек, 23,1 % юношей; 44,5 % специальности «Лечебное дело», 17,5 % – «Медико-профилактическое дело», 13,7 % – «Педиатрия», 11,3 % – «Стоматология», 10,8 % – «Фармация», 2,1 % – «Медицинская биохимия»; 13,1 % на момент анкетирования переходили на второй курс, 33,6 % – на третий, 21,6 % – на четвертый, 21,3 % – на пятый, 10,1 % – на шестой, 0,4 % – выпускники 2020 г. Выборка квотная, двухступенчатая (по специальности и курсу), доверительная вероятность составила 95 %, доверительный интервал ± 5 %, погрешность выборки ≈ 3 %.

Во время учебного процесса в период самоизоляции (т. е. в апреле-июне 2020 г.) 62,9 % студентов проживало в квартире, 27,9 % – в частном доме и 9,2 % – в общежитии. Студентам, проживающим в общежитии, на период режима самоизоляции было рекомендовано уехать домой (этим и объясняется немалая доля проживавших на тот момент в частных домах так как в ИГМУ доля иногородних студентов достаточно высока), но незначительная часть студентов осталась.

Степень соблюдения режима самоизоляции в апреле-мае по десятибалльной шкале студенты оценили так: соблюдали полностью (баллы от 8 до 10) – 68,2 % (на 10 баллов – 25,1 %), соблюдали частично (баллы от 5 до 7) – 24,1 %, практически не соблюдали (баллы от 1 до 4) – 7,6 %. Цифры наглядно демонстрируют приверженность соблюдению режима самоизоляции среди студентов ИГМУ.

87,8 % студентов считают, что режим самоизоляции ввели для борьбы с распространением опасного заболевания, 78,1 % – для сохранения своего и чужого здоровья, 76,9 % – для уменьшения численности зараженных, 74,9 % – чтобы обезопасить людей, входящих в группы риска, 40,8 % – для снятия нагрузки с медицинского персонала, 19,8 % – для освобождения мест в больницах (можно было выбрать несколько вариантов ответа). Интересны также единичные ответы, которые респонденты вписывали в поле «другое», среди них наиболее часто встречаются экономические причины и нежелание властей вводить режим ЧС.

Помимо учебы во время режима самоизоляции в апреле-мае 2020 г. 63,1 % проводили время с семьей, 53,2 % занимались саморазвитием, 38,2 % отдыхали от всех, 34,5 занимались спортом, 31,2 % воплощали планы, которые не могли осуществить до этого, 11,2 % играли в компьютерные игры целыми днями, 4 % гуляли в общественных местах. Немалая часть в поле «другое» отметила, что они работали.

Во время режима самоизоляции студенты испытывали такие чувства: 26,5 % начали ощущать деградацию, 12,6 % начали чаще ссориться с близкими, 22,5 % часто чувствовали одиночество, 56,5 % ничего подобного не испытывали (каких-либо негативных обострений у них не возникало), вели обычный образ жизни. Также в поле «другое» респонденты отмечали усталость, возмущение, чувство сближения с родными, апатию, растерянность, восстановление сил. Как видно, половина респондентов абсолютно спокойно восприняла режим самоизоляции и быстро к нему адаптировалась.

Что касается ношения медицинской маски на улице, то постоянно ее носили только 27,1 % опрошенных, первое время носили, а потом перестали 17,3 %, носили время от времени (например, надевали ее, когда нужно было войти в учреждение, в которое без маски не пускают) 51,6 %, вообще не носили 4 %. Цифры говорят о низкой приверженности ношению масок (что видно и так по частоте ношения масок жителями Иркутска).

Режим самоизоляции при оценке по десятибалльной шкале повлиял исключительно положительно на 10,9 % студентов (10 баллов), значительно положительно на 17,2 % (8–9 баллов), относительно положительно на 19,6 % (6–7 баллов), в равной мере положительно и отрицательно на 27,6 % (5 баллов), относительно отрицательно на 18 % (2–4 балла), исключительно отрицательно на 6,6 %. Таким образом, практически половина опрошенных (47,7 %, 6–10 баллов) оценивают влияние режима самоизоляции на себя как положительное, что свидетельствует о высокой степени адаптивности к принятым мерам.

Восприняли новость о введении режима самоизоляции следующим образом: «Я серьезно настроился выполнить все дела, которые долго не мог сделать» – 47,6 %, «Мне было все равно» – 31,8 %, «Эта новость вызвала у меня сильны стресс» – 20,5 %. Если рассматривать исключительно негативную составляющую данного вопроса, то лишь пятая часть проявила определенные симптомы дезадаптации в новой ситуации, однако если также сюда принять и безразличие, то цифра получается внушительной – 52,3 % опрошенных в той или иной степени негативно восприняли режим самоизоляции.

Что касается влияния режима самоизоляции на степень потребления алкоголя по десятибалльной шкале, то на его потребление у 72,6 % режим самоизоляции не повлиял никак (т. е. они либо выпивали примерно столько же, сколько обычно, либо же совсем не выпивали – 1 балл), 15,3 % стали выпивать чуть больше обычного (2–4 балла), 7,9 % стали выпивать значительно больше обычного (5–7 баллов), 4,1 % стали выпивать намного больше обычного (8–10 баллов). Около $\frac{3}{4}$ студентов успешно справлялась со стрессами во время режима самоизоляции, в то время как около $\frac{1}{4}$ либо запивали стрессы алкоголем, либо выпивали от безделья.

Между тем режим самоизоляции позитивно повлиял на степень прочтения иной литературы (кроме учебной). Так, при оценке по десятибалльной шкале 25,4 % стали гораздо больше читать, чем обычно (8–10 баллов), 28,5 % стали значительно больше читать (5–7 баллов), 20,3 % стали чуть больше читать (2–4 балла), 26,9 % читали столько же, сколько обычно (1 балл).

Режим самоизоляции также существенно повлиял и на физическую активность – длительное нахождение дома, закрытость спортивных учреждений не способствовали ее увеличению. Так, среди студентов ИГМУ при измерении по десятибалльной шкале стали гораздо больше заниматься спортом 17,9 % (9–10 баллов), немного больше стали уделять внимания физической нагрузке 27,1 % (6–8 баллов), режим самоизоляции не повлиял на объем выполняемых физических упражнений у 20 % (5 баллов), стали меньше заниматься спортом 12,9 % (3–4 балла), гораздо меньше 22,2 % (1–2 балла).

Кроме того, режим самоизоляции также повлиял и на практики питания респондентов. По десятибалльной шкале степень изменения своего режима питания студенты оценили так: стали питаться гораздо лучше 28,9 % (9–10 баллов), стали чуть лучше питаться 28,4 % (6–8 баллов), рацион и режим питания никак не изменился у 28,1 % (5 баллов), стали чуть хуже питаться 8,8 % (3–4 балла), гораздо хуже 5,8 % (1–2 балла). В целом 57,3 % опрошенных стали питаться лучше, а 14,6 % – хуже.

Степень изменения своего самочувствия во время режима самоизоляции студенты оценили по десятибалльной шкале следующим образом: стали чувствовать себя гораздо лучше 21 % (9–10 баллов), стали чувствовать себя чуть лучше 23,5 % (6–8 баллов), самочувствие никак не изменилось у 30,1 %, стали чувствовать себя немного хуже 15,3 % (3–4 балла), гораздо хуже 10,1 % (1–2 балла), таким образом стали чувствовать себя лучше 44,5 %, хуже – 25,4 %.

Режим самоизоляции оказал существенное влияние на образовательные практики. Все образовательные учреждения перешли на дистанционное обучение. ИГМУ оказался среди вузов, частично готовых к такому переходу – элементы дистанционного обучения уже несколько лет готовились и частично внедрялись: были записаны видео-лекции, часть работ выполнялась в онлайн-формате. Но все же частичная готовность – это не полная готовность, кроме того, сработал элемент неожиданности, и профессорско-преподавательскому составу пришлось срочно искать новые способы коммуникации со студентами.

Удовлетворенность переходом на дистанционное обучение в связи с введенным режимом самоизоляции следующая: 23,7 % полностью удовлетворены (9–10 баллов), 20,7 % больше удовлетворены, чем не удовлетворены (6–8 баллов), 11,9 % в равной степени удовлетворены и не удовлетворены (5 баллов), 13,2 % больше не удовлетворены, чем удовлетворены (3–4 балла), 30,6 % совсем не удовлетворены (1–2 балла). Необходимо отметить, что степень удовлетворенности может зависеть от ряда факторов, среди которых: неприятие обучения онлайн как такового, желание общаться вживую, степень усвоения современных компьютерных технологий профессорско-преподавательским составом, наличие дома качественных средств связи (особенно это актуально для сельской местности), отсутствие возможности получить консультацию вживую, совершенно иной формат восприятия преподаваемой информации, общая моральная готовность студентов и преподавателей к новым формам взаимодействия и т. д.

Студенты ИГМУ отмечают, что нагрузка по предметам после перехода на дистанционное обучение существенно увеличилась – 36,9 %, незначительно увеличилась – 41,8 %, все осталось по-прежнему для 12,6 %, нагрузка уменьшилась по мнению 8,7 %. Как видно из приведенных цифр, студенты ощутили увеличение нагрузки.

Успевали выполнить все задания по предметам и даже оставалось свободное время 40,8 %; успевали, но тогда не оставалось свободного времени 26,5 %; успевали, если исключить все дела и обязанности 23,6 %; не успевали из-за невозможности исключения своих прочих обязанностей 7,2 %; считают, что физически невозможно выполнить все задания по предметам вовремя 1,9 %.

Получать необходимые материалы от преподавателей было очень просто для 9,5 % студентов, просто для 12,9 %, нормально для 50,7 %, трудно для 22,5 %, очень трудно для 4,4 %.

Качество проведения дистанционных занятий по десятибалльной шкале студенты оценили так: очень качественно – 15,2 % (9–10 баллов), относительно качественно – 32,3 (6–8 баллов), среднего качества – 20,6 % (5 баллов), относительно некачественно – 19,6 % (3–4 балла), совершенно некачественно – 12,4 % (1–2 балла). Как видно, 47,5 % оценили проведение дистанционных занятий как качественно, еще 20,6 % как среднего качества.

Качество видеолекций студенты оценили по десятибалльной шкале так: очень качественно – 32,7 % (9–10 баллов), относительно качественно – 35,1 % (6–8 баллов), среднего качества – 12,7 % (5 баллов), относительно некачественно – 11,8 % (3–4 балла), совершенно некачественно – 7,7 % (1–2 балла). Вместе с тем, 64,4 % студентов считают, что формат очных лекций должен быть заменен видео-лекциями, 35,6 % с ними не согласны и отдали бы предпочтение очному формату.

Коммуникация с преподавателями происходила при помощи различных средств связи: Zoom использовали 89,2 %, портал ИГМУ – 84,1 %, электронную почту – 76,1 %, WhatsApp – 53,7 %, VK – 38,9 %, мобильную связь (звонки, смс) – 35,4 %, Viber – 27,5 %. Также в незначительной мере использовались Skype, Telegram, Google Classroom, YouTube, «Яндекс Класс», Discord, «Одноклассники». Также информацию передавали через старост. Совсем не использовался Facebook.

В целом степень коммуникации с преподавателями по десятибалльной шкале студенты оценили так: 20,2 % – выйти на связь с преподавателями было очень легко (9–10 баллов), 49,7 % – выйти на связь было относительно легко (6–8 баллов), 17,7 % – имелись некоторые сложности (5 баллов), 9,6 % – относительно сложно (3–4 балла), 2,8 % – очень сложно (1–2 балла). Таким образом, каких-либо значительных трудностей при выходе на связь с преподавателями не ощутили 69,9 % опрошенных.

20,5 % считают, что очное обучения себя изжило и ненужно, 79,5 % считают, что дистанционное обучение неспособно заменить очное.

Также студентам было предложено оценить их желание продолжать обучаться дистанционно по десятибалльной шкале, где 10 – очень хотел бы продолжить обучаться дистанционно, 1 – совсем не хотел бы. Результаты следующие (табл.).

Таблица

Желание студентов ИГМУ продолжать учиться дистанционно, %

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
31,5	3,9	6,0	3,1	12,8	6,6	6,8	9,6	4,2	15,5

Как видно из результатов, приведенных в табл. 1, более-менее позитивно дальнейшее дистанционное обучение воспринимают 42,7 % опрошенных студентов (6–10 баллов).

Напоследок студентам пожеланию было предложено поделиться своими впечатлениями от дистанционного обучения в период режима самоизоляции. Данное поле заполнили 322 респондента из 804. В целом ответы респондентов можно разделить на две группы: тех, кто высоко оценил дистанционное обучение и возможности, появившиеся в период режима самоизоляции, и тех, кто не приемлет дистанционное обучение ни в каком виде даже в период режима самоизоляции. Рассмотрим наиболее яркие ответы из обеих групп:

«Полностью не удовлетворена дистанционной формой обучения, так как считаю, что очная форма превыше всего и ее нельзя заменить на такой формат обучения полностью».

«Было бы очень хорошо, если бы лекции остались в видео-формате, а практические занятия проводились непосредственно в университете. У самих преподавателей в большинстве своем нет чувства меры в даче домашнего задания, так как, вероятнее всего, думали, что заняться больше нечем, и нагрузка была огромная».

«Сначала радовало возвращение домой, через некоторое время радость прошла и все стало печально».

«Сначала нравилось, так как не нужно было тратить два часа в день на дорогу и можно было разобрать материал лучше. Но когда новый материал приходится проходить полностью самому и не всегда есть возможность понять, правильно ли ты разобрался, это сложно. Тесты – вообще отдельная тема. Не хватало времени почти по всем предметам».

«Отсутствие живой коммуникации с одногруппниками отрицательно сказывается на эмоциональном состоянии. Медицинский университет – не то место, где надо обучаться дистанционно»

«Я поняла, насколько ничемна моя жизнь без посещения университета. Верните меня в универ, пожалуйста».

«Конечно, было тяжело перестроиться и преподавателям и студентам, у меня остались в принципе положительные впечатления от дистанционного обучения: было очень удобно, что лекции были в формате видео, так как не надо было тратить время на поездку туда-обратно, и можно было спокойно все написать, а не сидеть друг на друге в лекционном зале (имеется в виду зал в инфекционной больнице). Но практические занятия должны проходить в очной форме».

«Дистанционное обучение в целом легче, чем очное. И плюс самоизоляции в том, что не приходится кататься на кафедры в разные точки города».

«Дистанционное обучение страдает недостатком организации. Для каждой дисциплины необходимо абсолютно самостоятельно разбирать огромное количество материала, что негативно влияет на понимание. Малое количество преподавателей мешает им оперативно помочь всем студентам. Если у оператора интернета проблемы со связью, становится невозможно просматривать видео-лекции и сдавать зачеты».

«Лекции удобны в видео-формате (можно, когда нужно, остановить и дописать фразу, если не успеваешь, также для повторения хорошо). На семинарах же очно обсуждали, если что-то было непонятно. На дистанционном обучении почти не было обсуждения, и информация так и осталась не до конца разобранный. В целом же качество жизни улучшилось».

«Уровень стресса значительно снизился, что положительно сказалось на моем самочувствии и здоровье в целом. Появилось больше времени, так как не надо было ездить по всему Иркутску как на учебе».

«В условиях, приближенных к чрезвычайным, предложенный формат оптимален».

«В период самоизоляции резко снизилось зрение, так как постоянно работаешь за компьютером».

«Я в восторге, все более чем устраивает, с удовольствием продолжила бы дистанционное обучение».

«Обучение в таком формате дает меньше знаний. Очные лекции важны, без них обучение превращается в самостоятельное. Техническое оснащение играет роль, тоже может вызвать проблемы, например, отсутствие сканера или нормальной камеры. В целом дистанционное обучение – зло, и продолжать так я бы не хотела»

«Учеба в медицинском не может и не должна проходить дистанционно, мы и так кругом сталкиваемся с врачами, которым не хватает профессионализма! Возможно введение видеолекций по нескольким предметам, но не более».

«Необходимость соблюдать режим самоизоляции при дистанционном обучении сказалась благотворно на своевременной усвояемости материала и также позволила заняться давно откладываемыми делами, на которые до этого времени не хватало».

«Все зависит от ответственности студента: если он не хочет учиться, он и на очном не будет этого делать. Я, наоборот, стала лучше разбираться в некоторых предметах. Но очная форма нужна в некоторых ситуациях, когда самостоятельно тяжело разобрать тему или нет нужного материала».

«Лучше, чтобы этого не было. Длительный стресс никому еще не шел на пользу, а дистанционное обучение в медицинском университете – это то же самое, что и обучать вождению автомобилем или другим ТС на словах. Да и качество дистанционного обучения оставляет желать лучшего».

«Много приходится сидеть из-за большого количества письменной работы. Из-за этого возникают проблемы с телом».

«Дистанционное обучение положительно повлияло на успеваемость, усвоение материала».

«Дистанционное обучение – ужасная штука! Сдать что-либо легко, так как можно все скатать. Поэтому никто ничего не учит! Я лично почти ни к чему не готовился и закрылся без троек при том, что в башке ничего нет...»

«Меня все устраивало: времени хватало на все, чувствовать себя стала намного лучше, появилось рвение к учебе, так как результат зависел только от выполненных заданий, а не от дополнительных факторов (например, посещаемость в 8 утра на другом конце города)».

«Круто, что не нужно ходить в университет, не нужно общаться вживую с людьми неприятными. Круто, что можно сделать все дома независимо от погоды и т. д. Мне понравилось, хороший опыт».

«Огромный плюс дистанционного обучения в том, что можно учиться и работать в полный день».

Результаты исследования свидетельствуют о том, что режим самоизоляции и последовавшее благодаря ему дистанционное обучение не воспринимаются студентами однозначно. Практически половина опрошенных довольно быстро адаптировалась и к новому режиму, и к дистанционному обучению, восприняла его как новую возможность, как в том числе и способ самореализации. Другая часть испытывала признаки дезадаптации, различные неудобства и в целом слабо воспринимала переход на дистанционное обучение. Профессорско-преподавательский состав сделал от себя все возможное, чтобы максимально упростить и оптимизировать новые каналы коммуникации, практики взаимодействия со студентами. Однако в целом стоит констатировать, что большинство студентов все же предпочитает очное обучение дистанционному, и это логично: это подвижность, живое общение, взаимодействие. Как говорится, «человек – зверюшка социальная», и режим самоизоляции вместе с дистанционным обучением в очередной раз это доказали.

Список литературы

1. Щеглова Д. В. Нас может ждать «антицифровой» откат [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал Высшей школы экономики. URL: https://iq.hse.ru/news/352986845.html?fbclid=IwAR1h5CIgk8x3QD1Oehx3Nztb-xV_JLUh-L_05aiZF4h5KawfbzExHQ3Jx4c (дата обращения: 19.08.2020)
2. Юваль Ной Харари. Мир после коронавируса [Электронный ресурс] // Konkir.ru – информация, аналитика, мнения. URL: <http://konkir.ru/articles/obshchestvo/yuval-noy-harari-mir-posle-koronavirusa> (дата обращения: 19.08.2020)

УДК 371.2

ББК 60.54

Голубош О. С., *Нижний Новгород*

Влияние виртуализации образовательного процесса на социализацию современной российской молодежи

Проведен анализ тенденции информатизации образования и его перехода из режима «офлайн» в «онлайн». Изучены положительные и отрицательные аспекты виртуализации образования, приведены различные точки зрения на данную проблематику. Подчеркивается мысль о неразрывности виртуальной реальности и социальной реальности на сегодняшний момент. В качестве заключения указывается важность грамотного совмещения «виртуального» и «реального», обозначается необходимость использования передовых эффективных информационных технологий при сохранении традиционного, «живого», формата получения знаний.

Ключевые слова: образование, виртуализация, информационные технологии, российская молодежь, влияние, социализация.

Golubosh O. S., *Nizhniy Novgorod***Influence of virtualization of educational process on socialization of modern russian youth**

The Author of the article draws attention to such an urgent problem as the impact of virtualization of the educational process on the socialization of modern Russian youth. The research paper analyzes the trend of Informatization of education and its transition from «offline» to «online» mode. Moreover, the article examines the positive and negative aspects of education virtualization, and provides various points of view on this issue. The author emphasizes the idea of the continuity of virtual reality and social reality at the moment. As a conclusion, the author points out the importance of a competent combination of «virtual» and «real» – the author emphasizes the need to use advanced effective information technologies while maintaining the traditional, «live», format for obtaining knowledge.

Keywords: education, virtualization, information technologies, Russian youth, influence, socialization.

Двадцать первый век – век информатизации, ускоренного развития цифровой экономики и активного использования передовых технологий буквально во всех сферах жизнедеятельности человека. Инновации уверенными темпами проникают в государственную и муниципальную службу, в экономические системы развитых государств, становятся ключевыми элементами при организации международного сотрудничества.

Кроме того, внедрение элементов виртуализации и информатизации актуально для такого ключевого компонента социализации каждой личности, как образования.

Как отмечает Е. А. Алисов и Е. С. Куракина в совместном научном труде «Влияние виртуализации образовательного пространства на современного студента», «информатизация образования означает не просто использование программно-технических средств – она должна вести к радикальному изменению организации и сущности процессов обучения и развития человека, к формированию творческой личности...» [1].

Бесспорно, виртуализация образовательного процесса имеет целый ряд положительных аспектов.

Так, использование обучающимися интернет-ресурсов предоставляет возможности развивать в себе определенные компетенции, совершенствовать навыки в конкретной сфере деятельности, что позволяет не ограничивать образовательный процесс сугубо в рамках деятельности непосредственно в образовательных учреждениях.

Согласно проведенному в 2017 г. исследованию особенностей виртуализации современного российского общества, в частности молодежи, было выяснено, что «50 % опрошенных проводят практически все свое свободное время в сети Интернет» [5].

Вышеприведенные данные подчеркивают мысль о том, что Интернет как элемент виртуализации представляет собой неотъемлемую часть жизни социума, особенно молодежи, что позволяет ей дополнительно развиваться и обогащаться знаниями в цифровом пространстве за пределами аудиторий и кабинетов образовательных учреждений.

Здесь же важно отметить положительную сторону (пользу) интернет-социализации и интернет-общения для современного молодого поколения России. Согласно исследованию тенденций виртуализации современного социума, «в качестве основной цели посещения глобальной коммуникативной сети студенты выбрали общение (42 человека из 50), при этом 100 % опрошенных имеют учетные записи в социальных сетях.» [5].

Развитие личности в цифровом пространстве предоставляет безграничные возможности человеку, особенно – представителю молодого поколения, к самосовершенствованию и самореализации. В частности, такая особенность интернет-общения, как анонимность, позволяет личности раскрыть весь свой потенциал, причем настолько, насколько позволяет именно его желание, а не желание тех, кто его окружает.

Более того, при общении в интернете можно выбрать некий образ, который может стать представителем современной молодежи «возможным ориентиром для саморазвития и самопонимания» – в процессе освоения новой роли, он [представитель современной молодежи] будет сравнивать свои «Я-реальное» и «Я-виртуальное» [1].

Отдельно важно раскрыть природу дистанционного обучения. Как отмечает российский эксперт, «дистанционное обучение проходит по классической школьной модели: с уроками, лекциями и проверкой домашнего задания, только в режиме онлайн с помощью видеоуроков, чатов, онлайн-тестов и конференций» [3].

Дистанционное обучение характеризуется принципом индивидуальной автономии в образовании, который представляет собой социально-психологическое качество, позволяющее человеку действовать независимо от внутренних и внешних установок, а также демонстрировать способность к самостоятельности и самопониманию.

По мнению Е. Л. Сырцевой, «дистанционная форма обучения обеспечивает формирование автономности студентов, так как ее развитие тесно связано с необходимостью проявления познавательной активности, саморазвития, инициативности, ответственности, свободы выбора, мотивации к овладению новыми знаниями и способами действий»[6]. Этим демонстрируется польза дистанционного обучения современной молодежи и виртуализации образовательного процесса в целом.

Но действительно ли такой формат обучения перспективен в России? Будет ли достаточно эффективным и качественным образовательный процесс в случае значительного перевеса образования в сторону «онлайн-режима»?

Стоит отметить, что данный вопрос весьма неоднозначный и требует системного подхода к его изучению.

Согласно ряду психологических исследований, из виртуализации образовательного процесса и жизни социума вытекает острая проблема современности – проблема идентичности, что в значительной степени тормозит личностное развитие как в рамках получения компетенций в образовательных учреждениях непосредственно, так и в процессе самостоятельного приобретения навыков и знаний.

Так, по мнению А. В. Усачевой, «восприятие человека человеком в Интернете оказывается отделенным от базовых категорий социального познания, которые выражены во внешнем облике, таких, как пол, раса, возраст и принадлежность к определенному социальному слою. Это порождает феномен конструирования виртуальных личностей. В текстовой коммуникации в Интернете люди часто создают себе так называемые виртуальные личности, описывая себя определенным образом... Многие авторы отмечают существование кризиса идентичности в подростковом возрасте, когда собственное “Я” представляется подростку размытым...» [7].

Здесь можно предположить, что в случае более активного развития виртуализации в образовательном процессе, появится большой риск «потери личности» обучающегося, поскольку общение в интернет-пространстве с преподавателями и другими коллегами может привести к нарастанию разницы между «Я-реальным» и «Я-виртуальным», что особенно опасно для социализации обучающихся начальных и средних классов российских школ.

Еще более неопределенной выступает проблема перевеса «онлайн-образования» по сравнению с «оффлайн», которая сильнее проявилась вследствие распространения коронавирусной инфекции и вынужденного перевода всех школьников и студентов российских образовательных учреждений в дистанционный формат обучения. Вследствие временного перехода обучения в дистанционный формат заметно увеличилась необходимость самостоятельного изучения учебных материалов. Однако нельзя с точностью утверждать, что за счет этого качественно улучшился сам образовательный процесс – процесс получения знаний.

Из-за увеличения образовательной нагрузки, отсутствия живого общения с преподавателями и коллегами, у большого количества обучающихся возникло и/или увеличилось чисто формальное отношение к выполняемым заданиям, отчего серьезно ухудшилось качество получаемого образования на данный период времени [2].

Таким образом, на данном этапе рассуждений подтверждена мысль о неоднозначности и, вместе с тем, актуальности проблемы влияния виртуализации образовательного процесса на социализацию молодежи России. С одной стороны, у обучающихся появляется больше возможностей для самореализации благодаря использованию различных развивающих интернет-ресурсов. С другой стороны, при замене традиционного формата обучения на дистанционный четко выявляется тенденция уменьшения мотивации к получению знаний вследствие появления исключительно формального отношения к выполнению заданий у некоторых обучающихся.

Каков наиболее оптимальный выход из данной ситуации?

Я твердо убеждена, что в эпоху информатизации и активного внедрения инноваций буквально в каждую сферу жизнедеятельности человека важно сохранить традиционный («живой») формат обучения во всех образовательных учреждениях страны. Однако, в целях усиления мотивации и интереса обучающихся в собственном обучении, повышения эффективно-

сти образовательного процесса, необходимо использовать ряд современных методов виртуализации, поскольку между виртуальной реальностью и социальной реальностью существует очень тесная связь.

В качестве подтверждения вышеуказанной гипотезы можно привести данные наблюдения за образовательным процессом в учебной группе одного из высших учебных заведений Российской Федерации.

В результате наблюдения было выяснено, что «при проведении преподавателем занятия в традиционном стиле (устная речь, презентация на телеэкране, диктовка материала под запись...) с интересом вовлечены в учебный процесс оказались лишь 5 из 28, в то время как остальные 23 фактически занимались своими делами, соответственно, не обращая внимания на то, что происходит в учебной аудитории...

Однако, когда преподаватель проводил занятие с использованием некоторой виртуальной среды (например, развивающей мини-игры для каждого студента индивидуально или корпоративного прохождения игры на телеэкране) для освоения материала, интерес значительно повышался, и в учебный процесс уже оказывались вовлечены 23 из 28 студентов...» [5].

Таким образом, проблема виртуализации образовательного процесса на социализацию молодежи современной России наиболее актуальна на сегодняшний день. Чтобы обеспечить положительный эффект применения и внедрения информационных технологий в образование, важно грамотно составить виртуальную среду обучения, которая способствовала бы усилению интереса и мотивации обучающихся к получению знаний, тем самым, качественному улучшению образовательного процесса, и включить такую практику в традиционный формат обучения во всех российских вузах.

Список литературы

1. Алисов Е. А., Куракина Е. С. Влияние виртуализации образовательного пространства на современного студента [Электронный ресурс] // Гаудеамус. 2016 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-virtualizatsii-obrazovatel'nogo-prostranstva-na-sovremennogo-studenta> (дата обращения: 13.07.2020)
2. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов научно-методические материалы. Иркутск, 2016. С. 107–109.
3. К чему приведет новый закон о дистанционном образовании в школах? [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/education/44136952-k-chemu-privedet-novyy-zakon-o-distantionnom-obrazovanii-vshkolah/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 13.07.2020)
4. Ситаров В. А., Шутенко А. И., Шутенко Е. Н. Самореализация студенческой молодежи как ценность вузовского обучения [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samorealizatsiya-studencheskoy-molodezhi-kak-tsennost-vuzovskogo-obucheniya> (дата обращения: 13.07.2020)
5. Смагина Н. В. Проблема виртуализации общества и анализ ее особенностей в контексте современного социума [Электронный ресурс] // Молодой исследователь Дона. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-virtualizatsii-obshchestva-i-analiz-ee-osobennostey-v-kontekste-sovremennogo-sotsiuma> (дата обращения: 13.07.2020)
6. Сырцова Е. Л. Возможности дистанционного обучения для развития автономности студентов // Фундаментальные исследования. 2007. № 10. С. 103–104.
7. Усачева А. В. Психологические особенности интернет-коммуникаций [Электронный ресурс] // Вестник университета. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-internet-kommunikatsiy> (дата обращения: 13.07.2020)

УДК 378.147
ББК С547.7

Гуринович Л. А., *Иркутск*

Проектные решения в образовательной среде как форма социального образования молодежи: технологический аспект

Рассматривается влияние социального образования как социальной среды в применении технологии обучения проектным решениям. Проведен анализ возможности расширения факторов влияния на процесс обучения молодежи в образовательных учреждениях. Исследуется виртуальное образовательное пространство как место развития формального и неформального образования молодежи в вузе.

Ключевые слова: социальное образование, формальное и неформальное образование, виртуальное образовательное пространство, проектные технологии.

Gurinovich L. A., *Irkutsk*

Design solutions in the educational environment as a form of social education for young people: technological aspect

The article examines the influence of social education as a social environment in the application of technology for teaching design solutions. Possibility of expanding the factors of influence on the process of teaching young people in educational institutions was analyzed. The author examines virtual educational space as a place for developing formal and non-formal education of young people at a university.

Keywords: social education, formal and non-formal education, virtual educational space, design technologies.

Развитие информационного общества в постиндустриальной эпохе сопровождается расширением объемов и многоаспектностью формирования образовательного пространства. Этот процесс изучают в свете теорий глобализации, а также цифровизации общественных сфер. Ученые, работающие в отрасли социологи образования, выделяя в конце XX века новую тенденцию развития социальной сферы образования как «образование через всю жизнь» и разделяя его на формальное и неформальное, отмечают расширение сферы неформального образования как наиболее популярного направления обучения как молодых людей, так и взрослого населения.

Социальное образование является сферой развития образовательных технологий, связанных с процессом получения знаний и умений, связанных с социальной сферой жизни общества [1, с. 109]. Оно воспроизводится как в формальном, так и в неформальном сегменте образовательных практик, следовательно, необходимо рассмотреть его влияние на особенности развития молодого поколения.

С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова говорят, что социальное образование рассматривается как социальный институт усвоения и воспроизводства нового социального опыта посредством общественно организованной социокультурной деятельности, ориентированной на потребителя образовательных услуг, их качество. Образование становится ведущим фактором разви-

тия интеллектуального и социокультурного потенциала общества, механизмом наследования и воспроизводства основных достижений науки, культуры, ценностей человечества, способом развития определенных уровней образовательных критериев каждого индивида. Многие исследователи отмечают переход от парадигмы обучения к парадигме образования, от объект-субъектных отношений к субъект-субъектным. Для части педагогических теорий такой подход является сложным, несмотря на популяризацию идеи в течение последних десятилетий, что и объясняет, по нашему мнению, расширение аудитории неформального образования.

Согласно мнению исследователей, также в сферу социального образования как института входят такие компоненты, как:

1) подготовка и переподготовка специалистов в области социальных наук, специалистов для учреждений социальной сферы и управления, а также обучение специалистов различного профиля социальным наукам, их социальное воспитание;

2) социальное просвещение и воспитание широких масс населения, формирование у них умения взаимодействовать в социуме;

3) формирование и воспроизводство определенного менталитета, систем социокультурных принципов, смысловых ориентаций, социальных идеалов, составляющих фундамент социальной культуры, общественного интеллекта, образа жизни народа и нации.

Исследователи акцентируют внимание на таких элементах, как социальная эффективность социального образования, его качество и взаимодействие с элементами социальной структуры общества, развитие новых тенденций в образовании как разновидности социального, а также вопросы развития глобального образовательного пространства, национальных моделей образования и их региональных подсистем, субъектность социального образования, устойчивость его развития.

Основная задача социального образования как отдельного социального института, по мнению С. И. Григорьева и Л. Г. Гусяковой, заключается в развитии деятельности по воздействию на устойчивость социума, при котором с помощью образования население страны и региона обретает социальное положение и занимает такое социальное положение, которое помогает наилучшим образом удовлетворять коренные жизненные интересы, воспроизводить и совершенствовать свои жизненные силы, индивидуальную личностную и социальную субъектность.

Ученые, исследующие систему образования в целом и социального образования, в частности, говорят о необходимости разработки научной концепции перестройки управления образованием, создания инновационных моделей и механизмов ее стабилизации и развития, формирования и продвижения концепции социального образования.

Нам видится, что необходимо говорить о таком инструменте развития социального образования, как технологии развития социального образова-

ния. Социальный аспект технологии социального образования важно рассматривать не только в аспекте «субъект-субъектных» взаимодействий, но и в аспекте выявления социально-значимых целей воспроизводства образования. Социологи выявили, что социальная технология может быть выражена в двух формах: как программа, в которой прописаны процедуры и определенный алгоритм их выполнения, каждое действие может рассматриваться как операция, заключающаяся в средствах и определенных способах деятельности, более того, деятельность строится на основе программы.

Мы считаем, что при подготовке программ обучения молодежи, т. е. людей после 18 лет, нужно говорить о внедрении андрогогических технологий социального образования, преимущество которых особенно видно в неформальном образовании. Интервью со студентами направления подготовки «социальная работа» очной и заочной формы обучения продемонстрировали такие приоритетные способы, как групповая работа по формированию и авторизации идей, а также проектная деятельность по реализации таких групповых идей.

В образовательном пространстве вуза проектным технологиям обучают в процессе образовательной деятельности и в процессе обучения, проводимого по грантам, полученным на реализацию проектов, выделяемых различными организациями, например, федеральным агентством по делам молодежи «Росмолодежь» [2]. Проектная деятельность под руководством либо контролем таких организаций является априори системной, проводится по определенным программам и выполняется с определенной долей эффективности. Другим фактором эффективности социального образования является сотрудничество с образовательными организациями и их сотрудниками, которые могут быть и экспертами, и осуществляющими профессиональное сопровождение в силу своего профессионализма, подтверждаемого постоянным участием в различных конкурсах, в том числе кадровых. Тем не менее, сегодня есть ряд форумов и образовательных проектов, эффективность которых может быть переоценена с точки зрения качества проведения. Каким образом можно повысить качество проектов, в первую очередь, неформальных? Как минимум, при осуществлении оценки программы мероприятия или отдельного проекта независимыми экспертами возможно коррекция техники коммуникации и последующего освещения события, например, при выставлении информации на сайтах организации. Выборочная проверка сайтов организаций, участвующих в традиционном для Иркутска проекте «Неделя неформального образования», показала, что аналитики по участию в проекте организации не проводят. С другой стороны, выделение государственных средств на проведение мероприятия является основным фактором как информирования о проектах, так и демонстрации отчетов о проведении, включая демонстрации программ обучения и видео с места проведения мероприятий.

Таким образом, соблюдение информационной безопасности населения при нарастании объема сведений, особенно предоставляемых в виртуальном

пространстве, становится важным индикатором определения значимости образовательного проекта наряду с наличием образовательных программ и применения отдельных аспектов технологий социального образования.

Список литературы

1. Краткий словарь по социологии / сост. П. Д. Павленок. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 2011. 255 с.
2. Росмолодежь [Электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/about> (дата обращения: 01.06. 2020)

УДК 37.012.

ББК 74.202.

Дружинин Г. В., *Иркутск*

Информационная открытость российских университетов в виртуальном пространстве

Рассматриваются вопросы информационной открытости российских университетов. Анализируется принцип открытости и его значение в виртуальном пространстве. Отмечается, что информационная открытость является одним из базовых принципов управления университетом и многие современные учебные заведения реализуют идею «открытого университета». Обозначается, что для реализации информационной открытости университеты используют такие средства, как: виртуальные приемные комиссии, виртуальные приемные ректора, виртуальные образовательные порталы, официальные сайты университетов, социальные сети.

Ключевые слова: информационная открытость, открытый университет, виртуальное пространство, современный университет.

Druzhinin G. V., *Irkutsk*

Information openness of Russian universities in the virtual space

This article examines the issues of information openness of Russian universities. The principle of openness and its significance in the virtual space are analyzed. It is noted that information transparency is one of the basic principles of university management. Moreover, many modern educational institutions are implementing the idea of an “open university”. It is noted that in order to implement information transparency, universities use such means as: virtual admissions offices, virtual receptions of the rector, virtual educational portals, official websites of universities, social networks.

Keywords: information openness, open university, virtual space, modern university.

Возросшее число информационных данных и новые информационные технологии выступили предпосылками для появления новых социально-культурных процессов в обществе [4]. Современный этап развития общества характеризуется возросшей ролью современных технологий, развитием виртуального пространства и увеличением времени нахождения членов общества в этом пространстве. В это связи многие общественные организации, в частности университеты, под влиянием информационных технологий стали менять и внедрять инновационные стратегии привлечения в свою организацию новых участников.

На наш взгляд, университет с точки зрения состава его участников представляет собой поликорпоративное образование, в котором существует своя корпоративная культура и свои неформальные правила и нормы. Под поликорпоративность университета следует понимать, что в его пространстве существует несколько корпоративных сообществ (студенческое, академическое и научное сообщество), которые, несмотря на активное взаимодействие друг с другом, имеют свои неформальные правила, нормы, ритуалы, обычаи и традиции.

При поступлении в университет абитуриент будет ориентироваться не только на особенности образовательного процесса в учебном заведении, но и будет обращать внимание на студенческую и научную культуру сообществ университета.

В связи с тем что процедура получения образование процесс длительный и приходится на период расцвета и молодости молодых людей (19–22 года) [2], абитуриентов интересует, какого характера события протекают в период студенческой жизни: научные, образовательные, спортивные и культурно-развлекательные мероприятия. Администрация университета, имея заинтересованность в привлечении, организует такие мероприятия как «дни открытых дверей», тем самым стремясь к открытости, чтобы привлечь потенциальных участников.

Термин «открытость» имеет достаточно широкую трактовку, потому что используется во многих областях знаний: в юриспруденции как гласность, в политической социологии как публичность, в культурологии как толерантность, в экономике и менеджменте как прозрачность, в антропологии как способность к диалогу, дискурсу, коммуникации и совместному поиску истины, в синергетике как эмерджентность, философии и этике как личной добродетель [3].

Открытость можно встретить и в научной сфере, например идеи «открытой науки», «открытого образования» и «открытого университета». Указанные категории нашли свое активное воплощение благодаря развитию виртуальности. При этом представляется актуальным рассмотреть, как воплощается идея «открытого университета» в современных российских реалиях.

Полагаем, что «открытый университет» имеет сходство с «открытым правительством», представляя собой систему принципов и механизмов. На наш взгляд под «открытым университетом» можно понимать систему принципов, механизмов и инструментов взаимодействия с гражданами, которые используются образовательной организации при помощи современных информационных технологий и средств коммуникаций.

Политика информационной открытости способствует повышению роста самой организации. В теории организации существует закономерность «чтобы организация была экономически здорова, она обязательно должна расти» [6], поэтому рост организации оказывает влияние на сохранение ква-

лиффицированных специалистов, необходимое количество которых позволяет ставить перед компанией новые масштабные цели и реализовывать их.

Отметим, что взаимодействие университет и граждан, которые одновременно являются представителями отдельного сообщества (студенческого, научного) в университете, предполагает информационную открытость. Информация представляет собой сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления, при этом информационная открытость призвана уменьшить степень неопределенности об университетском сообществе, что повышает его узнаваемость.

Политика информационной открытости, нашедшая свое выражение в деятельности многих университетов, представляет собой идею «открытого университета». Указанная идея предполагает гарантию качества передаваемых знаний студентам, для представителей ученого сообщества идея предполагает прозрачность конкурсных процедур на финансирование научных исследований, для третьих лиц и иных субъектов доступность информации о всесторонней деятельности университета. Так, внутрикorporативные акты (приказы, материалы совещаний и заседаний ученого совета университета) размещаются в открытом доступе на портале или официальном сайте университета.

С развитием виртуального пространства на территории Российской Федерации многие университеты сами того не понимая начали вовлекаться в виртуальное пространство, создавая свой медийный образ, и одновременно с этим реализовывать идею «открытого университета».

Идея «открытого университета», в основе которого заложена политика информационного открытости, реализуется многими университетами, однако не все учебные заведения информируют об этом на своих сайтах и порталах. К примеру, о реализации данной идеи официально заявляет на своем сайте Санкт-Петербургский государственный университет, отмечая, что открытость есть принцип университета, на основании которого осуществляется политика университета [5]. Многие учебные заведения транслируют в сеть Интернет информацию о своих достижениях, тем самым показывая свою успешность потребителям образовательных услуг, и своих преимуществах, чтобы повысить свою привлекательность в сознании абитуриентов и будущих студентов.

Информационная открытость предполагает, что университеты доводят до своих участников информацию о событиях организуемых университетом, о событиях, в которых приняли участие студенты и ученые университета, а также распространяют наиболее важную информацию об организационных и иных мероприятиях университета.

Обратим внимание, что и сама деятельность университетов все больше начинает приобретать наряду с реальным форматом и виртуальный формат. Например, многие университеты в своей образовательной деятельности такое средство как образовательный портал. Образовательный портал создается в целях размещения на нем материалов, содержащих информацию,

освоение которой необходимо для формирования представления о научном знании у студентов, проходящих курс.

Для передачи информации университеты также задействуют социальные сети, анализ официальных сайтов позволил установить, что университеты в настоящее время стремятся к созданию своих официальных страниц, во всех социальных сетях: Facebook, «ВКонтакте», Twitter, Instagram, YouTube [1]. Указанные социальные сети используются университетом для передачи наиболее актуальной и важной информации.

Ещё одним средством является приемная комиссия университета, которая содержит наиболее полную информацию о поступлении в университет. Так на сайте приемной комиссии размещаются сведения о правилах приема, бланки и образцы документов, о сроках начала и окончания приема документов, условия поступления, план приема, перечень вступительных экзаменов, формы проведения вступительных испытаний, стоимость обучения. Кроме этого, каждый абитуриент обладает возможностью обратиться со своим личным вопросом в приемную комиссию в формате онлайн.

Виртуальная приемная университета выступает также средством коммуникации в виртуальном пространстве, где публикуются ответы на личные запросы граждан и обращения и организаций. Опубликованные сведения обладают характером открытости, поэтому доступным всем.

Подводя итог, обратим внимание, что появление такого явления как информационная открытость обусловлено развитием виртуального пространства, вместе с этим, данное явление выступает одним из базовых принципов управления университетом. Идея «открытого университета» в будущем будет приобретать повсеместный характер, а её реализация будет осуществляться через средства и технологии виртуального пространства.

Список литературы

1. Дружинин Г. В. Социальные сети как креативное средство продвижения юридических корпораций (компаний) на рынке услуг // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы II региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2019. С. 192–197.
2. Как выглядит учащийся вуза с точки зрения статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/students-stat/> (дата обращения: 03.09.2020).
3. Мамченко А. А. Трансдисциплинарное исследование понятия «открытость» // Ценности и смысл. 2015. № 3. С. 14–34.
4. Основы цифровизации государственного и муниципального управления : учеб. пособие / О. А. Полошкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 163 с.
5. Открытый университет. [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/openuniversity> (дата обращения: 04.09.2020)
6. James B. Treece, Sometimes, You've Still Gotta Have Size // BusinessWeek/Enterprise. 1993. P. 200–201.

УДК 004+378
ББК 60.35

Горбачева А. К., Кузнецова Е. Г., *Красноярск*

Виртуальная реальность в онлайн-образовании

В статье рассмотрены особенности онлайн-образования, выделены его положительные и отрицательные характеристики. В качестве одной из новейших технологий дистанционного образования рассмотрена возможность использования технологии виртуальной реальности.

Ключевые слова: онлайн-образование, дистанционное обучение, электронное обучение, виртуальная реальность, технология.

Gorbacheva A. K., Kuznetsova E. G., *Krasnoyarsk*

Virtual Reality in Online Education

This article examines the features of online education, highlights its positive and negative characteristics. The possibility of using Virtual reality technology is considered as one of the latest technologies of distance education.

Keywords: online education, distant learning, E-learning, virtual reality, technology.

Despite the fact that the transition to distance learning was a compulsory measure in connection with the COVID-19 coronavirus pandemic, the current situation and its consequences helped accelerate the development of the online education market. Online education is important because it is affordable initially, especially for those who, for one reason or another, can not attend educational institutions. However, during the pandemic, three problems came to the fore. First of all, the organization of the educational process in the current situation in such a way as it is possible to achieve education quality. The second task is to provide support to teachers who do not have skills to work in virtual space, and the third task is to support students who do not have online learning opportunities.

Distance learning will only be able to realize its potential and revolutionize knowledge delivery if the technology is improved enough to create appropriate solutions. Online learning technology must meet the following conditions:

1) Becoming a platform for the three main modes of distance learning: asynchronous group work, synchronous group work, self-study at a user-defined pace. The platform must flexibly support the integration of all three modes into a single environment.

2) Providing scalable managerial and administrative tools to create and manage not only individual courses, but also groups of courses, enrollment and registration, data storage, planning. All these functions are required to manage a university or faculty in the real world as well.

3) Maintaining open standards so that all course creation, teaching, business management and administration activities can be shared between partner organizations that supply course content, customize them, create the infrastructure for hosting, provide other services and complete solutions.

The effectiveness of distance learning depends on various factors, including:

- effective interaction between the teacher and the student;

- teaching technologies used;
- effectiveness of the teaching materials developed and methods of their delivery;
- feedback efficiency [1].

The existing experience of universities during the pandemic shows that for solving some educational tasks, ordinary videoconferencing is not enough – there is not enough engagement and visualization. In addition, video conferencing with many participants and therefore with a large number of windows on the screen does not provide such contact. The coronavirus pandemic has become a powerful incentive for the development of digital tools for remote work, but most of these services do not create the effect of presence and personal interaction, which is sometimes necessary in the educational process. Virtual reality (VR) solves this problem.

Virtual reality is the term used to describe a three-dimensional, computer generated environment which can be explored and interacted with by a person. That person becomes part of this virtual world or is immersed within this environment and whilst there, is able to manipulate objects or perform a series of actions to determine what happens in the environment.

Virtual reality usually has these characteristics:

- 1) Believable. You feel like you're in your virtual world through what you see and hear.
- 2) Immersive. As you move your head around, what you see changes as well, just as it would in real life.
- 3) Computer-generated. VR worlds are usually created with complex 3D computer graphics that change in real time as we move.
- 4) Interactive. You can interact with different objects in the scene, whether it's pressing a button or opening a door [2].

The forced transition to online education has definitely increased interest in VR in terms of a tool for conducting online conferences and presentations.

The use of VR opens up many new opportunities in teaching and education that are too complex, time consuming or expensive for traditional approaches. There are five main advantages of using VR technologies in education.

Visibility. Using 3D graphics, chemical processes can be shown in detail down to the atomic level. Virtual reality is able not only to provide information about the phenomenon itself, but also to demonstrate it in details.

Safety. Students can explore such processes as heart surgery, driving a bullet train or a space shuttle without the slightest threat to life.

Involvement. Virtual reality allows students to change scenarios, influence the course of an experiment, or solve a mathematical problem in a playful form. During a virtual class, students can see the world of the past through the eyes of a historical character or go on a journey through the human body in a microcapsule.

Focusing. The virtual world, which will surround the viewers from all sides at all 360 degrees, will allow students to fully focus on the material and not be distracted by peripheral distractions.

Virtual classes. The first-person view and the sense of one's presence in the drawn world are one of the main features of virtual reality. This allows classes to be conducted entirely in virtual reality.

However, until the use of technology and the devices themselves are not practiced as much as possible, there will be drawbacks and potential problems of using virtual reality in online education.

Volume. Any course is quite voluminous, which requires large resources to create content for each topic of the class in the form of a full course. Companies that will create such materials must be ready to engage in development for quite a long time without the opportunity to recoup it before the release of full-fledged sets of classes.

Cost. In the case of online education, users (students) need to buy virtual reality device, or, otherwise, they have to use their mobile phones as not really good alternative. But educational institutions will need to purchase sets of equipment for rooms in which classes will take place, which also requires significant investment.

Functionality. VR, like any technology, requires the use of its own specific language. It's important to find the right tools to make content compelling and engaging. Unfortunately, many attempts to create educational VR applications do not use all the capabilities of virtual reality and, as a result, do not fulfill their function.

To sum up, VR technology helps students to immerse themselves deeper into content and improve the quality of material perception. A recent study conducted at Stanford University showed that the use of VR technology forms deeper cognitive associations with scientific content, allows you to learn, remember, and understand the causes and effects of phenomena more effectively than in the classical traditional delivery mode.

However, nowadays VR technology, due to its high cost, is used mainly in the corporate segment.

References

1. Иванько А. Ф., Иванько М. А., Романчук Е. Е. Виртуальная реальность в образовании // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 3–1. С. 20–25;
2. URL: <https://virtualspeech.com/blog/how-virtual-reality-can-improve-online-learning>

УДК 378.147.88
ББК 65.26

Литвинова Ж. Б., Литвинова И. В., *Иркутск*

Компьютерные презентации: экспертная оценка и образовательный потенциал

Статья посвящена осмыслению проблемы экспертной оценки и образовательного потенциала компьютерных презентаций в образовательном процессе. Выявляя потенциал информационно-коммуникационных технологий особое внимание уделяется подготовке и сертификации экспертов, в качестве которых выступили студенты и обучающиеся. Предложены критерии оценки эффективных учебных презентаций по двум основным параметрам – дизайну и мультимедиа-эффектам, а также содержанию презентации. Представлены результаты экспертизы студенческих и ученических презентаций до и после экспериментальной работы.

Ключевые слова: компьютерные презентации, дизайн презентации, содержание презентации, эксперт, экспертная оценка.

Litvinova Zh. B., Litvinova I. V., *Irkutsk*

Computer presentations: expert assessment and educational potential

The article is devoted to understanding the problem of expert assessment and the educational potential of computer presentations in the educational process. The authors of the article, identifying the potential of information and communication technologies, pay special attention to the training and certification of experts as students and students, since they directly apply them in the educational process at seminars or practical classes, to accompany reports at scientific and practical conferences. The authors of the article developed criteria for evaluating effective educational presentations based on two main parameters: design and multimedia effects, as well as the content of the presentation. The article presents the results of the examination of student and student presentations before and after the experimental work. The article will be of interest to teachers and students, students of pedagogical specialties, as well as all those interested in information and communication technologies.

Keywords: computer presentations, presentation design, presentation content, expert, expert evaluation.

Рассматривая проблему создания и внедрения эффективных образовательных ресурсов в виртуальном пространстве отметим, что под «виртуальным пространством» в контексте настоящего исследования следует понимать не нечто противоположное реальному, иллюзорное и воображаемое, созданное с помощью программного обеспечения персонального компьютера, гипертекста и мультимедиа, дополняющее реальное бытие. Компьютерные презентации как один из видов мультимедийных программных продуктов заняли достойное место в образовательном процессе исключительно благодаря интерактивности, возможности представления числовой, текстовой, графической, звуковой и видеоинформации.

Образовательный потенциал компьютерных презентаций достаточно высок, благодаря интерактивности, в которых пользователю отводится главная роль, графический интерфейс которых содержит управляющие кнопки и гиперссылки, в них легко можно элементы внедрять элементы взаимоконтроля, реализовать предметные олимпиады, тесты и викторины. На слайды презентации как электронные страницы можно размещать раз-

личные информационные объекты, а значит демонстрировать физические эксперименты и моделировать различные процессы на основе анимации. Компьютерные презентации могут сопровождать доклад обучающегося или рассказ педагога.

Рассматривая основные возможности программ подготовки компьютерных презентаций недостаточное внимание уделяется оформлению слайдов с использованием шаблонов оформления и цветовых схем, так как слайды, оформленные в одном стиле, анимации, выдержанные в одном направлении, легче воспринимаются аудиторией. В данном случае следует обращаться к понятию «информативное демонстрационное воздействие», которое предъявляет определённые требования к учебному материалу, как доступность, понятность, возможности задействованию всех органов чувств, кроме этого цвет распознается легче и быстрее, что повышает убедительность учебного материала.

Предлагаем вашему вниманию результаты опытной работы, по экспертной оценке, студенческих и ученических презентаций специально подготовленными студентами и обучающимся по итогам освоения учебного онлайн-курса «Создание эффективных учебных презентаций» (<https://edupres.ru> [1]) длительностью 24 часа, его основная цель научить пользователей создавать эффективные презентации и сделать публичное выступление с презентацией полезным и интересным для слушателей, по итогам освоения которого можно получить сертификат. До начала эксперимента были собраны студенческие и ученические презентации, выступления студентов и обучающихся на семинарах и научно-практических конференциях. В процессе экспериментальной работы студенты и обучающиеся проходили онлайн-курс и получали сертификат. По ее итогам студентам и обучающимся было предложено провести экспертную оценку банка собранных презентаций по двум критериям, первый критерий – это дизайн и мультимедиа-эффекты, второй критерий – содержание презентации, и выставить баллы по каждому критерию от 2 до 5 включительно. На рис. 1 представлен процент студенческих презентаций, получивших оценку от 2 до 5 включительно по двум критериям: дизайн и мультимедиа-эффекты и содержание презентации после экспериментальной работы.

17 % компьютерных презентаций, по мнению экспертов, получившие оценку «неудовлетворительно», не соответствуют требованиям оформления презентации. В данных презентациях цвет фона слайда не сочетается с цветом текста, пользователем было использовано при разработке презентации более 5 цветов шрифта, шрифт мелкий и объём информации, размещенной на слайде слишком велик, нет определенного стиля оформления слайдов презентации, каждый слайд имеет свой стиль оформления, в тексте присутствуют гиперссылки, но часть их не работает, но они не выделены, отсутствует анимация или ее слишком много, звуковой фон отвлекает.

Содержание 44 % компьютерных презентаций в целом является научным, иллюстрации (графические, музыкальные, видео) соответствуют тексту слайда, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки практически отсутствуют, наборы числовых данных проиллюстрированы графиками и диаграммами, информация является актуальной и современной, в тексте выделены ключевые слова. Эти компьютерные презентации получили оценку «удовлетворительно».

39 % получили отметку «хорошо». В данных компьютерных презентациях цвет фона хорошо соответствует цвету текста, всё можно прочесть, использовано 3 цвета шрифта, 1–2 страницы имеют свой стиль оформления, отличный от общего, гиперссылки выделены и имеют разное оформление до и после посещения кадра, анимация присутствует только в тех местах, где она уместна, Звуковой фон соответствует единой концепции и привлекает внимание зрителей в нужных местах именно к информации, размер шрифта оптимальный, все ссылки работают.

0 % компьютерных презентаций получили оценку «отлично».

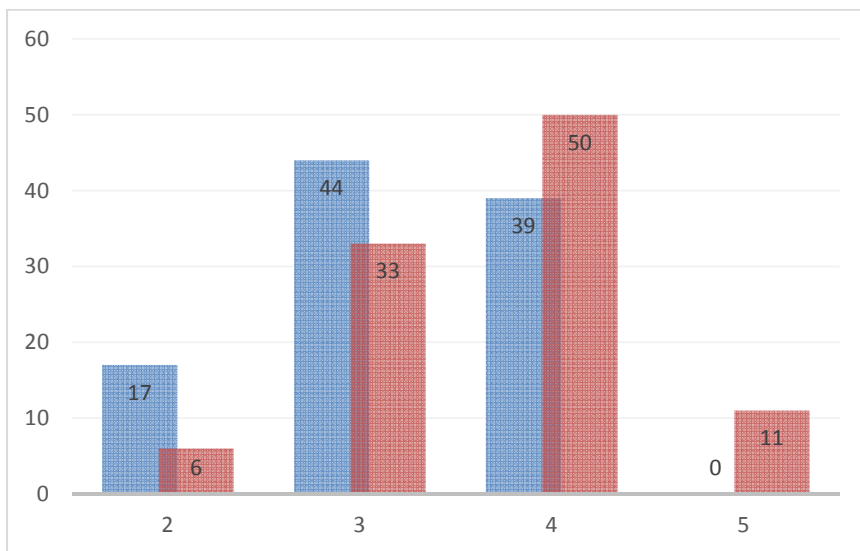

Рис. 1. Результаты экспертной оценки студенческих и ученических презентаций после экспериментальной работы.

Рассмотрим оценки по второму критерию.

В 6 % компьютерных презентациях содержание не является научным, иллюстрации (графические, музыкальные, видео) не соответствуют тексту, много орфографических, пунктуационных, стилистических ошибок, наборы числовых данных не проиллюстрированы графиками и диаграммами, ин-

формация не представляется актуальной и современной, ключевые слова в тексте не выделены. Данные презентации получили оценку «неудовлетворительно».

33 % компьютерных презентации получили оценку «удовлетворительно». В них содержание включает в себя элементы научности, иллюстрации (графические, музыкальные, видео) в определенных случаях соответствуют тексту, есть орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки, наборы числовых данных чаще всего проиллюстрированы графиками и диаграммами, информация является актуальной и современной, ключевые слова в тексте чаще всего выделены.

В 50 % содержание в целом является научным, иллюстрации (графические, музыкальные, видео) соответствуют тексту, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки практически отсутствуют, наборы числовых данных проиллюстрированы графиками и диаграммами, информация является актуальной и современной, ключевые слова в тексте выделены. Данные презентации получили оценку «хорошо».

В 11 % содержание является строго научным, иллюстрации (графические, музыкальные, видео) усиливают эффект восприятия текстовой части информации, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки отсутствуют, наборы числовых данных проиллюстрированы графиками и диаграммами, причем в наиболее адекватной форме, информация является актуальной и современной, ключевые слова в тексте выделены.

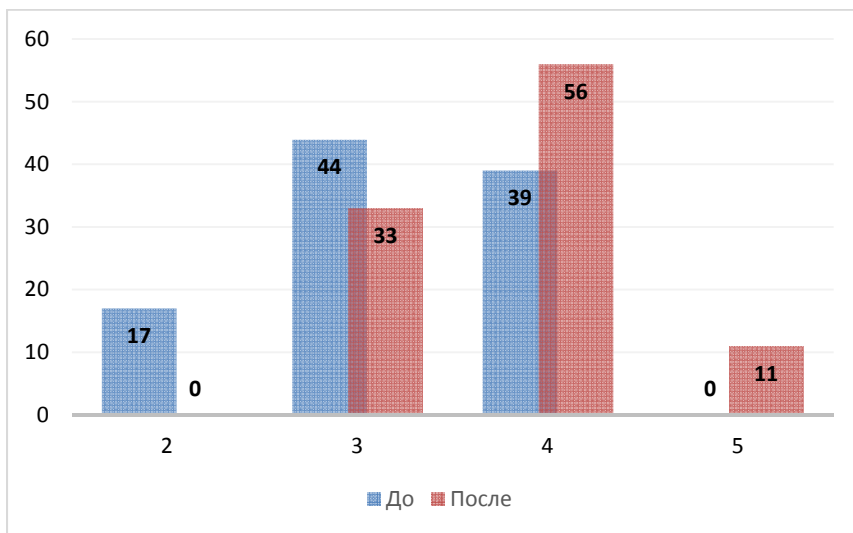

Рис. 2. Результаты экспертной оценки студенческих и ученических презентаций до и после экспериментальной работы по первому критерию – дизайн и мультимедиа-эффекты

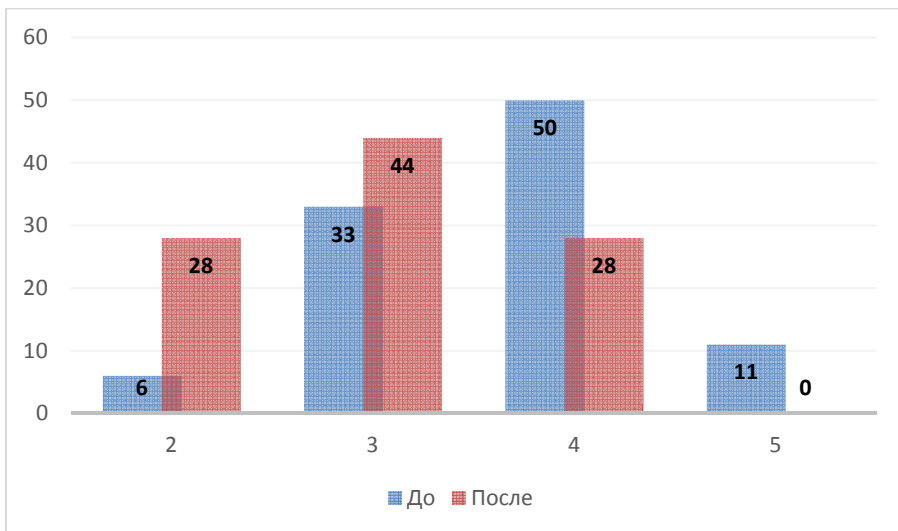

Рис. 3. Результаты экспертной оценки студенческих и ученических презентаций до и после экспериментальной работы по второму критерию – содержанию презентации.

Выводы. Анализ экспертной оценки показал следующее, после прохождения онлайн курса «Создание эффективных учебных презентаций» студенты и учащиеся отмечают, что большое количество презентаций соответствует критериям качественной презентации с позиции дизайна и мультимедиа-эффектов, в целом цвета фона гармонирует с цветом текста, всё отлично читается, использовано 3 цвета шрифта, все страницы выдержаны в едином стиле, анимация присутствует только в тех местах, где она уместна и усиливает эффект восприятия текстовой части информации, размер шрифта оптимальный, ссылки работают. Проводя экспертную оценку по второму критерию после прохождения учебного онлайн-курса «Создание эффективных учебных презентаций» студенты и обучающиеся строже оценивали презентации, обратили внимание на выдержанность презентации в научном стиле, уместность иллюстраций, графического, музыкального и видео сопровождения данных с целью усиления эффекта восприятия текстовой части информации, возможность иллюстрации в адекватной форме числовых данных графиками и диаграммами, выделение ключевых слов в тексте.

Список литературы

1. Создание эффективных учебных презентаций [Электронный ресурс]. URL: <https://edupres.ru> (дата обращения: 03.09.2020).

УДК 316.775.4
ББК 60.991

Фионова В. А., Иркутск

Виртуальный лекторий как форма повышения уровня социального образования молодых семей в Иркутской области

Статья раскрывает необходимость развития социального образования молодых семей через создание виртуального лектория. В статье анализируются действующие организации Иркутской области, оказывающие помощь и поддержку молодым семьям, с точки зрения их включенности в интернет-пространство. С этой же точки зрения рассматриваются другие, неформальные источники поддержки молодых семей.

Ключевые слова: молодая семья, финансовая грамотность, виртуальный лекторий, социальное образование.

Fionova V. A., Irkutsk

The article reveals the need for the development of social education for young families through the creation of a virtual lecture hall. The article analyzes the existing organizations of the Irkutsk region, providing assistance and support to young families, from the point of view of their involvement in the Internet space. Other informal sources of support for young families are considered from the same point of view.

Keywords: young family, financial literacy, virtual lecture hall, social education.

Актуальность темы обусловлена усложнением демографической ситуации в стране, уменьшением числа регистрации браков и трансформацией ценностей в отношении институтов семьи, брака и родительства. Семья во все времена являлась важнейшей группой для жизни любого человека и необходимым институтом для государства и общества. Подготовка к процессу формирования будущей семьи была одной из первоочередных в родительской семье, для чего детям прививали хозяйственно-бытовые, экономические и иные привычки. В новом тысячелетии такая функция перестала быть важной.

Молодая семья является незащищенной перед глобализационными вызовами современности, меняющими установки и ожидания большинства людей. Такие семьи зачастую являются малообеспеченными, а иногда и вовсе живут за чертой бедности.

Проанализировав ряд материалов, мы выяснили, что молодая семья относится к объектам семейной политики. Социально-экономические проблемы молодых семей отмечены в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи как одни из наиболее актуальных проблем данной категории. К социально-экономическим проблемам молодых семей можно отнести невостребованность молодого специалиста на рынке труда, жилищные проблемы, проблемы материальной обеспеченности. Социально-экономические проблемы молодых семей в начале семейной жизни оказывают негативное влияние на формирование позитивных семейных отношений, препятствуют стабилизации только зародившейся семьи, а также по-

рождают массу новых проблем, таких как психологические проблемы, откладывание рождения первого ребенка и тенденция к малодетности [6].

В Российской Федерации поддержка данной категории реализуется через предоставление всевозможных выплат и льгот. Так, молодым семьям предоставляют скидки по оплате детских садов, выделяют средства на бесплатное питание детей из малообеспеченных семей. Поддержка семей, имеющих несовершеннолетних детей осуществляется через предоставление пенсий и пособий по рождению детей, бесплатных и льготных продуктов питания и предметов первой необходимости, а также социальное обслуживание таких семей. Важно отметить такую государственную программу как материнский (семейный) капитал и подпрограмму «Молодой семье – доступное жилье» федеральной программы «Жилище» [1]. Все перечисленные меры не решают полностью проблемы основного количества молодых семей, но значительно облегчают их жизнедеятельность.

Реализацию комплексной поддержки молодых семей осуществляют всевозможные службы и организации государственного и общественного уровня. В конце второго десятилетия XXI века в России эти организации подразделяются на центры помощи семье и детям, кризисные центры, центры планирования семьи и репродукции, а также центры социальной поддержки. Основной целью деятельности таких служб является помощь в осуществлении основных функций молодой семьи и социальное сопровождение.

На территории Иркутской области действуют 6 Центров социальной помощи семье и детям:

1. Центр социальной помощи семье и детям Аларского района;
2. Центр помощи семье и детям Казачинско-Ленского района;
3. Центр социальной помощи семье и детям Нижнеилимского района;
4. Центр социальной помощи семье и детям «Радуга» Братского района;
5. Центр социальной помощи семье и детям Тайшетского района;
6. Центр социальной помощи семье и детям г. Усть-Илимска и Усть-Илимского района [3].

Социальным образованием молодых семей в Иркутской области занимаются следующие организации:

1. Консультативный центр «Дом семьи» г. Иркутска. В услуги данного центра входят медико-социальное сопровождение семьи, индивидуальные и групповые консультации, тренинги. «Дом семьи» оказывает бесплатную многоплановую квалифицированную помощь и поддержку молодых семей г. Иркутска. Поддержка оказывается в вопросах создания семьи, планирования беременности, рождения здоровых детей, их воспитания и образования в условиях семьи [2].

2. Центр развития и поддержки семьи «Рассвет». Данный центр также проводит тренинги и лекции для молодых супругов.

3. Отделение помощи семье и детям Министерства социального развития опеки и попечительства Иркутской области. Отделение проводит просветительские мероприятия среди населения по вопросам, касающимся направлений деятельности отделения [4].

Данные организации не практикуют онлайн-обучение, как и онлайн услуги в целом. На сайте «Дома семьи» удалось найти объявление о том, что на период самоизоляции консультации со специалистами проходят в дистанционном режиме. Кроме того, не все организации из списка имеют свой сайт. Так, сайта центра развития и поддержки семьи «Рассвет» найти не удалось.

Помимо государственных и негосударственных учреждений молодые семьи могут получить поддержку и консультацию (здесь консультация выступает в форме совета) у близких им людей. Такими людьми могут быть родители, друзья, близкие родственники супругов. Здесь как раз имеет место онлайн пространство. Когда молодая семья проживает отдельно от родственников и родителей (не обязательно в другом городе) на помощь приходят социальные сети, мессенджеры и онлайн звонки. Можно предположить, что сегодня советы людей, переживших подобную кризисную ситуацию, для молодых семей будут так же эффективны, как советы родителей, родственников и специалистов социальных служб.

На наш взгляд, вместе с принятыми мерами государственный поддержки, необходимо также проводить работу по обучению молодых семей различным социальным установкам: коммуникационным, гражданским, педагогическим и иным. Так, важным трендом нового тысячелетия стало обучение финансовой грамотности. С этой задачей вполне может справиться такой вид обучения, как виртуальный лекторий. Данный комплекс мер окажет благоприятное влияние на становление, укрепление и дальнейшее развитие новой ячейки общества.

Социальное образование, будучи сферой применения знаний о структуре общества, его процессах и социальных изменениях, расширяет жизненное пространство людей и молодежи, в первую очередь. Современное образование в последние годы развивается большими темпами. Наиболее яркий пример – глобальное внедрение современных информационных технологий в различных формах в образовательный процесс. Что же можно отнести к социальным технологиям в образовании? Это может быть викторина, конкурс, соревнование, командные решения задач, эстафеты и другие методы обучения, связанные с социальными отношениями. Социальное обучение основано на постоянном обмене информацией между обучающимися. Данные социальные технологии в образовании включены в учебные программы всех образовательных учреждений и являются неотъемлемым элементом в процессе обучения. Внедрение современного технического и информационного обеспечения должно стать неотъемлемой частью развития современного образования как образовательных, так и общественных организаций [7].

Данной проблематикой уже интересовались исследователи нашей страны. Так, удалось найти проект «Школа финансового благополучия для молодых семей», опубликованный на сайте Фонда президентских грантов. Данный проект предполагает обучение молодых семей финансовой грамотности в очной (консультирование и обучение) и дистанционной (через обучающий портал) формах. Проект не получил поддержки, можно предположить, что из-за больших финансовых затрат на его реализацию, а именно, 2 740 000 рублей. Реализация проекта должна была проходить в г. Москва и Московской области [8].

Похожий проект был опубликован на сайте Молодежь Липецкой области под названием «Елецкий рубеж». Проект направлен на поддержку института семьи, укрепление ее авторитета и пропаганду базовых семейных ценностей, а также здорового образа жизни. Как мы видим, обучение молодых семей финансовой грамотности не является главной целью проекта, но входит в основные задачи. «Елецкий рубеж» занимает 1 место из 42 в рейтинге проектов направления «Гражданская позиция». География проекта – г. Липецк. Кроме того, нами было найдено множество других материалов по данной проблеме, такие как статьи в газетах, научные статьи онлайн-программы обучения, комплекты материалов для обучения [5].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что проблема обучения молодых семей финансовой грамотности в частности и социальным технологиям в целом хорошо развита в нашей стране, однако необходимость разработки новых проектов и предоставления доступных материалов все же существует, при этом важно учитывать и поколенческие установки, и образовательный уровень участников проектов, и доступность цифровых ресурсов. Проекты виртуального формата станут более популярными также в силу ограниченности географии существующих и работающих в регионах проектов.

Список литературы

1. Ирк.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20140821/young-family/>. (дата обращения: 24.07.2020).
2. Консультативный центр «Дом семьи» [Электронный ресурс]. URL: <http://domsem-irk.ru/> (дата обращения: 19.07.2020).
3. Министерство социального развития, опеки и попечительства Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://irkobl.ru/sites/society/about/agency/> (дата обращения: 24.07.2020).
4. Министерство социального развития опеки и попечительства Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <http://socdeti.ru/> (дата обращения: 19.07.2020).
5. Молодежь Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80abbieg2bwhzlnb8f8fvb.xn--p1ai/projects/588.html> (дата обращения: 11.07.2020).
6. Научно-образовательный портал IQ [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/more/sociology/osnovnie-problemi-molodih-semej> (дата обращения: 08.07.2020).
7. Пшеничников К. С., Гуринович Л. А. Технологии дистанционного обучения как фактор развития социального образования в России // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. 2017. С. 218–221.
8. Фонд президентских грантов [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklq15o.xn--p1ai/public/application/item?id=44afcc41-114c-4217-8ba6-e50b5b256963> (дата обращения: 11.07.2020).

УДК 378.147.88
ББК 65.26

Максимов А. Ю., *Иркутск*

Виртуальные игры как современный образовательный ресурс

Статья посвящена изучению влияния виртуальных игр и виртуального пространства на образовательный процесс в современном обществе. В статье раскрываются аспекты использования компьютерных игр в повседневном образовательном процессе для лучшего понимания и закрепления знаний.

Ключевые слова: виртуальное пространство, виртуальная игра, образование, виртуальная реальность.

Maximov A. Yu., *Irkutsk*

Virtual games as a modern educational resource

The article is devoted to the study of the influence of virtual games and virtual space on the educational process in modern society. The article reveals the aspects of using computer games in everyday educational process for better understanding and consolidation of knowledge.

Keywords: virtual space, virtual game, education, virtual reality, Minecraft Education Edition.

Виртуальная реальность – созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, осязание и др. VR имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие. Для создания убедительного комплекса ощущений реальности компьютерный синтез свойств и реакций виртуальной реальности производится в реальном времени. Виртуальная реальность зародилась в сфере развлечений, но со временем получила и практическое применение. Главным из наиболее востребованных направлений виртуальной и дополненной реальности является образование.

В процессе обучения с использованием виртуальной реальности лежат иммерсивные технологии – виртуальное расширение реальности, помогающее лучше воспринимать и понимать окружающую действительность. Основная цель виртуальной реальности в образовании – сделать процесс обучения увлекательным и эффективным. Моделирование виртуальной реальности обеспечивает глубокое понимание материала учащимся с его дальнейшим применением в реальной жизни [3,4]. Уже сейчас есть много различных примеров использования современных технологий в данной области – от простых школьных прогулок по Древнему Египту на уроках географии до обучения специалистов для работы на сверхскоростном поезде или на космической станции. Мысль о том, что в обучении важно использовать самые передовые технологии, не покидает умы не только нынешних исследователей, но и практически каждого человека. По данным экспертов в области лингвистики и психологии, самые благоприятные условия для понимания и сохранения новых знаний – в детском и юношеском возрасте [5]. Но отсутствие интереса, рассредоточенность и неумение заострять вни-

мание на сложных вещах не позволяют нам эффективно получать образование в любом возрасте. Так же стоит не упускать тот факт, что современная система образования конкурирует с развлекательной сферой и нуждается в механизмах восприятия, которые помогут вовлечь учеников в процесс усвоения новых знаний. Ведь эффективным обучением движет интерес, который нужно сначала сформировать, а затем поддержать.

Виртуальная реальность делает классический учебный процесс поистине увлекательным. С его помощью классная комната не ограничивается четырьмя стенами, научным предметам не хватает ингредиентов или инструментов, биология и анатомия могут визуализировать информацию. Высшее образование всегда было благодатной почвой для создания новых, расширяющих границы технологий. Университеты и колледжи всегда были в авангарде новых технологий, способствуя развитию и создавая новое поколение ученых, разработчиков и предпринимателей. Технологии виртуальной и дополненной реальности сейчас находятся на переднем крае развития; прогнозируется, что в 2023 г. рынок достигнет 5,5 миллиардов долларов (IDC), и изменения происходят стремительно. И профессора, и студенты изучают различные дисциплины, в которых изображения и звук могут иметь большое значение, и скорость их принятия только увеличивается. Можно выделить несколько основных достоинств применения AR/VR технологий в образовании.

Визуализация. Самым очевидным преимуществом использования виртуальной реальности в образовании (это верно и для любой другой сферы) является продвинутый способ визуализации. Виртуальная реальность стала универсальным инструментом для отображения объектов, процессов, локаций и исторических событий.

Повышение качества образования. Поскольку визуализация помогает понимать и запоминать, учащиеся могут получить еще более захватывающий опыт с помощью учебных симуляторов [6]. Доказано, что VR подходит для любого школьного и университетского предмета или программы.

Активное участие. В наши дни миллениалы могут посчитать учебу в обычном классе немного скучной. Включение виртуальной реальности в учебную программу – один из способов улучшить процесс обучения. VR не только вызывает интерес, но и убирает отвлекающие факторы на смартфоне.

Никаких языковых барьеров. Для иностранных студентов языковой барьер часто может стать проблемой. Благодаря виртуальной реальности учебные материалы на любом иностранном языке могут быть реализованы в программном обеспечении VR.

Совершенствование системы оценки. Исследования утверждают, что немедленное награждение положительно влияет на производительность дальнейших студентов. Вместо традиционного указания на ошибки и неудачи, виртуальная реальность привносит аспекты геймификации в процесс обучения, обеспечивая системы поощрения.

Слияние игровых подходов и сред виртуальной реальности (VR), которые могут улучшить методологии обучения и тренировки, имеет очень многообещающее будущее, подкрепленное широкой доступностью на рынке доступных программных и аппаратных инструментов для VR-сред. Вместо пассивных наблюдателей пользователи вовлекаются в эти учебные среды в качестве активных участников, что позволяет разрабатывать парадигмы обучения, основанные на исследованиях. Есть отдельные обзоры VR-технологий и серьезных игр для образовательных и тренировочных целей с акцентом только на одну область знаний [7,8].

Известно, что игра, как метод обучения, существует с древних времен, и использовалась достаточно широко для передачи опыта от старшего поколения младшему. Советский педагог-новатор В. Ф. Шаталов отмечал, что «для успешного обучения в классе нужно создать такую атмосферу, в которой невозможно не выучиться». Вот такую атмосферу привносит в учебный процесс обучающая компьютерная игра, даже если длится она будет 2–3 минуты.

Создание обучающих виртуальных игр представляет собой одно из центральных направлений в компьютеризации образования. Объединение эмоциональной привлекательности, которое присуще игре, и аудиовизуальных, вычислительных, информационных и других возможностей вычислительной техники несет в себе высокий дидактический потенциал, который может и должен быть реализован в практике. По своей дидактической направленности наиболее распространенными и действенными оказались игры, предназначенные для наблюдения и проверки знаний и умений учащихся. Кроме них существует множество игр, используемых при изучении нового материала, а также закреплении пройденного. В настоящее время все больше на рынке появляется множество различных игр якобы обучающего характера. Но все ли из них полезны и допустимы для применения в образовании? Учебная игра – сложное системное образование, допускающее различные способы представления. Она может выступать как деятельность, как процесс, «вплетающийся» в иную деятельность, и как особая форма учебной деятельности. Каждое из этих представлений имеет свою сферу применимости. В современной практике европейских и западных стран популярное и яркое развитие виртуальных игр в образовании происходит на примере площадки Minecraft.

В 2009 г. шведский программист Маркус Перссон в свободное от работы время создает игру. К 2011 г. она уже становится культурным феноменом. Теперь это третья по популярности видеоигра в истории после Tetris и Wii Sports. Ажиотаж вокруг игры не смолкает уже пятый год – игра стала важной частью в истории культуры. Что неудивительно, игра нашла свое место и в образовании. Minecraft можно отнести к жанру «песочницы»: такие игры дают игроку огромную свободу действий и не требуют обязательного достижения определенных целей и задач. Мир игры состоит из кубиков разного типа – песка, камня, древесины, земли, железа и т. д. Из них

можно мастерить разные здания и механизмы. Определенной цели в игре нет, зато есть широкий набор инструментов, позволяющий проявлять фантазию на полную: возводить древние города, разводить кактусы, строить города, рисовать картины по пикселям и т. д., а единственное ограничение – воображение игрока. С самого начала Minecraft использовался творческими учителями как инструмент в классе для оживления исторических зданий, поощрения студентов к совместной работе над групповыми проектами в Minecraft и т. д.

В 2016 г. Microsoft выпустила версию Minecraft специально для преподавателей под названием Minecraft: Education Edition или сокращенно MinecraftEDU. Базовое ядро игры такое же, но образовательная версия добавляет дополнительные функции. Учащиеся могут загрузить игру дома, не платя за собственную версию игры, и они могут делать фотографии в игре и делиться ими с другими учащимися.

«В MinecraftEDU знания становятся социальной валютой», – говорит Майкл Дезуани, доцент кафедры цифровых медиа в Квинслендском технологическом университете (Австралия). В первое время игра кажется непостижимо сложной, потому что ни инструкций, ни обучения не предусмотрено. Во всем нужно разбираться самому: читать форумы, смотреть видео, общаться с другими людьми, которые уже что-то открыли. Мими Ито, культурный антрополог из Калифорнийского университета в Ирвине, отмечает, что дети, углубляясь в техническую составляющую игры, где вступают и исследовательские навыки. Чтобы продвинуться в игре, игроки должны искать информацию, подсказки и уловки, включая все, от страниц Wiki до руководств YouTube, часто приходят за советом на форумы и площадки, где знакомятся со взрослыми игроками: программистами, дизайнерами, сисадминами. Эти связи преобразуют: дети получают представление о профессиональном пути, который не всегда освещают их школьные занятия. Они учатся анализировать бесконечные ресурсы на кончиках пальцев, чтобы узнать, что для них полезно, а что нет. Однажды учитель провёл эксперимент: попросил учеников сформировать в игре сообщества с собственными правилами и самостоятельно их регулировать. Результаты оказались впечатляющими: группы учеников построили совместные клубы, поровну распределив обязанности организации управления между собой.

«Я видела, как дети вычисляют, сколько минут у них остается до» ночи «, усредняют количество еды, необходимое для горного приключения, равномерно распределяют припасы между игроками и оценивают площадь, необходимую для строительства города», – высказывается Мишель де Фрейтас учитель математики. «Математические концепции окружают их повсюду, и они не могут не усвоить их, если хотят добиться успеха в своей игре». Один ученик даже попросил ее расспросить его с помощью карточек умножения, чего он никогда раньше не делал. «Он правильно понял все, даже не работая с рабочими листами и не работая по учебникам», – сообща-

ет Мишель. В Minecraft есть много естественных приложений к математике, и многие преподаватели использовали его для улучшения взаимодействия и улучшения результатов. Учителя позволяют детям манипулировать блоками, создавать более сложные формы и решать геометрические задачи в игре. Один учитель в Лос-Анджелесе, обнаружил, что его «Mathcraft» программа помогла увеличить математическую производительность своего класса с 18 % ,сдавших аттестацию в начале года, до 83 %, сдавших во время переаттестации конца-года [9].

Columbia Grammar and Preparatory School, одна из старейших частных школ Соединенных Штатов, считается пионером в использовании Minecraft для образовательных целей. Всемирную известность она обрела благодаря учителю информатики Джозю Левину, разработавшему экспериментальное пособие по игре. Учитель использует игру на уроках как основу для творчества: ученики создают исторические миры, проводят научные эксперименты, учатся программировать.

Джефф Терри, директор IT-сферы округа Роанок (Вирджиния, США), считает, что игра способствует у учеников развить критическое мышление, творчество, навыки коммуникации и сотрудничества: «Я наблюдаю учеников младших классов, которым неинтересно читать вслух или пересказывать книгу. Но когда они воссоздают сцену из произведения, используя Minecraft, то бегут поделиться этим с друзьями [1]. Они изучают историю, даже не осознавая об этом. Например, когда сотрудничают, чтобы построить памятник. Или, когда строят поселение, основываясь на том, как бы выглядела колония в Джеймстауне, штат Вирджиния, и какие вещи были доступны первым поселенцам».

Школа имени Виктора Рюдберга (Стокгольм) ввела в свою образовательную программу обязательные уроки Minecraft. «Здесь ученики узнают о городском проектировании, экологических проблемах, достижении целей и даже о том, как планировать будущее», – говорит преподавательница Моника Экман. На занятиях школьники творят виртуальные миры, прокладывают в них электрические сети и водопроводные системы.

Компания Cross Pond Collaborations создала виртуальную Верону для обучения Ромео и Джульетту, которую студенты могут исследовать, чтобы писать о том, что происходит после событий пьесы. Piki Studios в Новой Зеландии работают над Mahimaina, миром для обучения местной культуре, культуре маори.

Для студентов-биологов Стивен Элфорд учитель биолог создал клетки животных, в которые студенты могли входить внутрь, собирая информацию об органеллах, структурах ДНК и других частей клетки. А также работал над проектом «Mini Melbourne», где студенты могли исследовать и даже копать под городом Мельбурн, обнаруживая археологические артефакты. Между тем он говорит: «У вас есть учителя, воссоздающие древние цивилизации, воспроизводящие древние, исторические, важные события в простой

игре. У меня был учитель, который заставлял детей курировать музей древних цивилизаций, чтобы они могли сравнивать и противопоставлять различные культурные аспекты этих цивилизаций» [2].

Поэтому Minecraft – не только инструмент для обучения, но и платформа, которая помогает подготовиться ко взрослой жизни в современном обществе. Преподаватели, которые применяли игру на уроках, замечают, что Minecraft помогает детям почувствовать ответственность и дают возможность выступать в руководящей роли, потому что любой играющий в Minecraft ребёнок разбирается в нём лучше преподавателя и всегда готов подсказать.

Список литературы

1. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов : научно-методические материалы. Иркутск, 2016. С. 107–109.
2. Кравченя Э. М. Информационные и компьютерные технологии в образовании : учеб. пособ. для студ. пед. вузов и системы повышения квалификации пед. кадров. Беларусь : БНТУ, 2017. 272 с.
3. Киселев Г. М., Бочкова Р. В. Информационные технологии в педагогическом образовании : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014. 304 с.
4. Пашенко О. И. Информационные технологии в образовании: Учебно-методическое пособие. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. 227 с.
5. Высшая школа бизнес информатики [Электронный ресурс] // Виртуальная реальность в образовании. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (дата обращения: 01.09.2020).
6. Виртуальная реальность [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вертуальная_реальность (дата обращения: 30.08.2020).
7. With Minecraft: Education Edition, Microsoft looks to blend Esports and EDU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/robsalkowitz/2020/06/29/with-minecraft-education-edition-microsoft-looks-to-blend-esports-and-edu/> (дата обращения: 01.09.2020).
8. New Study: Understanding the Impact of Minecraft in the Math Classroom [Электронный ресурс]. URL: <https://education.minecraft.net/blog/new-study-understanding-the-impact-of-minecraft-in-the-math-classroom> (дата обращения: 01.09.2020).
9. 20 of the best virtual reality games in education [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theedadocate.org/20-best-virtual-reality-games-education/> (дата обращения: 01.09.2020).

УДК 316.3
ББК 60.54

Гильдебрандт А. И., Аллаhverдиева Э. Х.,
Фейткевич Н. А., *Иркутск*

Влияние пандемии коронавируса на увеличение ресурсов образования в цифровом пространстве

В работе изучается влияние пандемии коронавируса на увеличение ресурсов образования в цифровом пространстве. Авторы анализируют изменение форм получения образования и приходят к выводу о том, что общество переносит серьезные трансформационные процессы. Приводятся примеры последствий распространения коронавирусной инфекции в сфере образования.

Ключевые слова: образование, цифровое пространство, коронавирус, ресурсы образования, пандемия.

Gildebrandt A. I., Allakhverdieva E. H.,
Feytkevich N. A., *Irkutsk*

Impact of the coronavirus pandemic on increasing education resources in digital imaging

The work examines the impact of the coronavirus pandemic on increasing education resources in the digital space. The authors analyze the change in the forms of education and come to the conclusion that society is undergoing serious transformation processes. Examples of the consequences of the spread of coronavirus infection in education are given.

Keywords: education, digital space, coronavirus, educational resources, pandemic.

В век цифровых революций и открытий особое место занимают образовательные ресурсы, деятельность которых нацелена на масштабное распространение знаний по различным областям. На современном этапе некоторые социальные группы не в полной мере готовы принять формы дистанционного обучения, обосновывая свое мнение тем, что его польза и качество не соответствуют тем же критериям очной формы получения образования. При этом, нельзя отметить влияние и силу такой природной угрозы, как коронавирусная пандемия.

В связи с распространением COVID-19, многие люди перешли на новые для себя формы работы и взаимодействия друг с другом. Сфера образования также подверглась трансформационным процессам. Перед обществом встал вопрос, каким образом передавать знания новому поколению, как продолжать обучать будущих специалистов по самым разным направлениям. В период самоизоляции было принято решение о срочной необходимости перехода на цифровую площадку, сервисы с услугами удаленной конференцсвязи значительно облегчили данную задачу. При этом, жители территорий, на которых активно распространялась коронавирусная инфекция, столкнулись с рядом проблем, как то, недостаток оборудования, программного обеспечения, сложности в подключении телекоммуникационных услуг. Впоследствии возникли следующие формы дистанционного обучения: получение образования на онлайн-платформах; осуществление связи с

преподавателями через социальные сети, мессенджеры, электронные почты; отправка учебных пособий учащимся [1].

Нельзя утверждать, что общество было абсолютно не готово к переходу на онлайн-обучение, но сложившаяся ситуация заставила молниеносно реагировать и искать способы решения проблемы. Родителям пришлось тратить большую часть своего времени на помощь детям. Привычное расписание стало заменяться договоренностью преподавателей и студентов выйти на связь в определенное время. Выпускники вузов в период написания дипломных и магистерских работ связывались со своими научными руководителями исключительно через цифровые сервисы. Помимо этого, стремительно начало расти количество бесплатных онлайн-курсов, марафонов и вебинаров. Общество достигло стадии безвозмездной передачи информации. Вынужденная самоизоляция способствует позитивным общественным изменениям: растет интерес к самообучению через онлайн-сервисы, крупные издательства отмечают повышение спроса на учебные материалы в цифровом формате [1].

Тогда встает вопрос, улучшилось или ухудшилось качество образования в связи с неожиданными процессами? Данный вопрос все еще не имеет точного ответа, поскольку на него влияет сразу несколько факторов. Родители, которые располагали временем ввиду перехода и их трудовой деятельности на цифровые платформы, утверждают, что их дети получили большее количество знаний, чем ранее. По этой причине данная часть людей всерьез задумывается о переходе на домашнее обучение. Но существует и другая категория лиц, которым последствия пандемии коронавируса принесли еще большее количество проблем и трудностей.

Принимая во внимание всю сложность и драматичность сложившейся ситуации, следует отметить, что для системы образования любого государства сегодня появляется и уникальная возможность самодиагностики в «боевых» условиях. Образовательные учреждения могут опробовать эффективность предлагаемых цифровых решений, определить свои потребности в технологической модернизации, в случае необходимости продумать вопросы организации переподготовки и дополнительного обучения преподавателей [1].

Дискуссии о новой цифровой реальности и трансформациях социальной сферы идут уже достаточно давно, однако именно сейчас эти изменения ощущаются с наибольшей остротой. Буквально на глазах происходит переосмысление обучения как важной социальной практики. Ускоренная цифровизация становится своего рода проверкой на прочность преподавателей, учебных заведений, национальных образовательных систем, и, что важнее, способности человечества к кооперации и адаптации в условиях больших вызовов [1].

Таким образом, на современном этапе общество получило и продолжает получать большой опыт взаимодействия в трудных условиях. Возможно, именно сейчас для институтов образования и всего общества складываются наиболее благоприятные условия для выработки комплексных стратегий

развития. Определенное «затишье», вызванное временной изоляцией, позволит по-новому взглянуть на то, что составляет сердцевину современного образования, лучше понять, какие задачи мы ставим перед ним на ближайшее будущее [1].

Список литературы

1. Образование в условиях пандемии: что показывает риск? [Электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/obrazovanie-v-usloviyah-pandemii-cto-pokazivaet-krizis> (дата обращения: 03. 09. 2020)

УДК: 316.7

ББК: 60.56

Рыбак Н. С., *Иркутск*

Об особенностях развития виртуального пространства в сфере образования

Данная статья раскрывает значимость информационной среды и интернет-пространства в образовании современного человека. Автор рассматривает в качестве основной формы виртуального образования – дополнительное образование. Проводится сравнительный анализ положительного эффекта от развития виртуального пространства в основном и высшем образовании. В заключении автор акцентирует внимание на взаимосвязи развития виртуального пространства и современной реальности.

Ключевые слова: виртуальное пространство, образование, дополнительное образование, технологии Интернет-пространства.

Rybak N. S., *Irkutsk*

On the peculiarities of the development of virtual space in education

This article reveals the importance of the importance of the information environment and the Internet space in the education of a modern person. The author considers additional education as the main form of virtual education. A comparative analysis of the positive effect of the development of virtual space in basic and higher education is carried out. In conclusion, the author focuses on the relationship between the development of virtual space and modern reality.

Keywords: virtual space, education, additional education, technologies of the Internet space.

Образование является неотъемлемой и постоянно сопровождающей человека сферой деятельности. На современном этапе развития для получения образования не обязательно посещать учебные заведения или учиться очно на курсах. Получить сертификат, удостоверение о повышении квалификации или приобрести востребованные навыки и компетенции можно, пройдя онлайн-курсы не выходя из дома. Это происходит благодаря развитию информационных технологий и информационной среды или виртуального пространства. Современный человек активно осваивает виртуальное пространство. Иная реальность, которая работает по своим правилам, зачастую не связанным с реальной жизнью. Стоит отметить, что сегодня люди научились брать под контроль и использовать в своих целях виртуальное пространство. Н. Н. Телешина дает следующее определение виртуального про-

странства: «это область технических, технологических и социальных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в процессе использования компьютерной или иной электронной технической сети по поводу информации, информационных ресурсов, информационных услуг и средств связи» [4]. В. А. Михайлов и С. В. Михайлов полагают, что основными, и потому привлекательными, характеристиками среды Интернет являются «... виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность и мозаичность» [3].

Особенностью развития виртуального пространства в качестве площадки для получения образования ранее, до 2020 г., являлось то, что основной сегмент образования в интернете приходился на дополнительное образование. Наиболее распространенными формами выступали языковые курсы, которые в условиях мировой глобализации увеличивают возможности человека на рынке труда и расширяют его горизонты. Сегодня, в условиях новой реальности, образование в виртуальном пространстве стало не столько популярным, сколько необходимым для продолжения функционирования образовательной системы. Это не значит, что дополнительное образование отошло на второй план. Но необходимо отметить, что в условиях карантина из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 образование в Интернете по различным областям стало более востребованным, в связи с тем, что оставшиеся без работы люди стали совершенствоваться в новых профессиях. «В среднем потребление интернет-трафика после перехода российских сотрудников на удаленный режим работы увеличилось на 10–30 % в зависимости от регионов» [1]. Также новые информационные технологии позволили использовать виртуальное пространство в качестве площадки для основного и высшего образования, поскольку условия карантина не позволяли проводить уроки и занятия в обычном режиме. В период дистанционного обучения образовательный процесс продолжился с использованием виртуального образовательного пространства. Отмечается, что благодаря вынужденным новым условиям работы, были улучшены навыки владения Интернет-ресурсами и использования образовательных порталов среди учителей и преподавателей старшего поколения, а также привиты принципы Интернет-культуры школьниками. Положительный эффект виртуального пространства заключается также в возможности применения интерактивного образования в школах и университетах.

Повышенное внимание граждан к виртуальной среде объясняется снижением уровня прямых социальных контактов в реальной жизни. Так, например, весной 2020 г. количество интернет-пользователей среди россиян увеличилось на 27 %. Фонд общественного мнения проводил всероссийский опрос, согласно которому 35 % пользуются Интернетом для получения важной и полезной информации, 17 % используют виртуальную сеть для учебы, 5 % расширяют с помощью интернет-ресурсов свой кругозор, ещё 2 % респондентов читают книги онлайн [2]. Представленные данные позво-

ляют сделать заключение о достаточно высоком значении виртуального пространства в образовании и просветительской деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод об актуализации интернет-технологий среди всех поколений и слоев общества. Стоит отметить возможность непрерывного, с учетом общих рекомендаций, образования в интернет-среде. Виртуальное пространство позволяет сделать образование более доступным, что в свою очередь повышает его востребованность. Анализ изучения особенностей развития виртуального пространства в образовании показал о возрастающем интересе у населения к самообразованию в период карантина, отсюда вытекает гипотеза о том, что в обычном режиме жизни людям не хватает того свободного объема времени, которое у них появилось, чтобы заняться самообразованием.

Список литературы

1. Иванов С. А. Интернет-трафик в России [Электронный ресурс] // Хайтек. URL: <https://hightech.fm/2020/03/31/internet-home> (дата обращения: 06.09.2020).
2. Фонд «Общественное мнение». Интернет и онлайн-сервисы [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402> (дата обращения: 06.09.2020).
3. Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. ст. СПб. : СПбГПУ, 2004.
4. Телешина Н. Н. Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2011. 220 с.

УДК 338.64
ББК 72.24

Сафонов С. А., *Иркутск*

Современные образовательные и профессиональные тренды в России

Рассматриваются основные профессиональные и образовательные тренды в России. Обозначается, что цифровизация привнесла новые правки в образовательный процесс. Утверждается, что новые образовательные направления нуждаются в осмыслении и определения их места в постпандемическом мире.

Ключевые слова: образование, современные технологии обучения, образовательный процесс, виртуализация образования.

Safonov S. A., *Irkutsk*

Modern educational and professional trends in Russia

The article examines the main professional and educational trends in Russia. Digitalization has brought new changes to the educational process. The new educational directions that have emerged need to be understood and their place in the post-pandemic world must be determined.

Keywords: education, modern teaching technologies, educational process, virtualization of education.

Современное информационное общество является динамично развивающейся социальной системой. С прогрессивным развитием информационных технологий возникает потребность в новых кадрах и, собственно, в новых образовательных учреждениях, которые будут эти кадры обучать. Когда мы говорим о новых образовательных трендах, то подразумеваем не только современные технологии обучения, внедрение в образовательный процесс информационных технологий, но также стараемся обозначить и те изменения, которые стоят за их появлением.

Рассматривая нашу действительность, можно отметить, что пандемия нового коронавируса (COVID-19) привнесла свои коррективы и в образовательный процесс. Действительно по-новому раскрылись возможности дистанционного обучения. Благодаря применению прогрессивных технологий в образовании и человеческой повседневности социальное взаимодействие между людьми перенеслись в онлайн-формат. Стоит отметить, что такое перемещение характерно не только для образования, в частности высшей школы, но и для всего профессионального сообщества в лице квалифицированных специалистов. Для сохранения здоровья школьников, студентов, рабочих был предусмотрено выполнение их обязанностей в виртуальном пространстве без нанесения серьезного ущерба процессу работы или обучения.

Актуальным трендом, вытекающим из дистанционного обучения, стало использование социальных медиа как источника дополнительной информации в ходе учебного процесса. Facebook, YouTube и другие социальные сети прочно закрепились в бытовой жизни каждого человека. Молодежь, являясь наиболее новаторской социально-демографической группой, наиболее подвержена использовать данные ресурсы в процессе обучения. К примеру, социальные сети (Facebook, «ВКонтакте») стали пунктом общения между студентами и преподавателями, работниками и работодателями. Эти платформы являются способом обратной связи и рефлексии, например, проведенного онлайн-вебинара или других видов учебно-практических занятий. Необходимо отметить и любопытное виртуальное воспроизведение учебных заведений в компьютерной игре Minecraft. Так, студенты Высшей школы экономики построили точную копию своего учебного заведения, где были точно воссозданы все учебные аудитории, библиотека, столовая и культурный центр ВШЭ. В данном виртуальном вузе любой пользователь может прогуляться по университету. Для самих студентов это станет местом прежде всего обучения на время карантина и самоизоляции. Также уже достоверно известно о том, что и другие ведущие вузы решили создать свою виртуальную копию, в их числе: МГУ, СПбГТУ, РЭУ им. Плеханова, МГПУ, МФТИ и др.

Среди трендов, навеянных не современной обстановкой, а потребностью в качественных кадрах, можно отметить непрерывное образование в разных отраслях экономики. Все чаще вводятся новые профессиональные стандарты, при которых текущие кадры обязаны проходить квалификаци-

онную переподготовку. Прежде всего это работники бюджетных медицинских учреждений и преподавательский состав в школах.

Стоит отметить, что с участием России в Болонском процессе в 1999 г. [2], сменился акцент с национального на глобальное образование, с целью создания единого европейского образовательного пространства. Однако, с развитием данных отношений, все чаще возникает мысль о возврате Советской модели образования с её национальным характером. Актуализируется проблема развития именно национальной системы воспитания и обучения путем консолидации усилий организаций и участников образовательного процесса.

Необходимо сказать и о значении междисциплинарного и синергетических подходов в образовании. Синергетика является теорией о сложных системах, в основе которой и лежит принцип междисциплинарности, дающий возможность изучение общих закономерностей в различных системах (физических, социальных, биологических и других). Данный подход является довольно перспективным в наше время и позволяет применять полученные знания в разных сферах образовательной деятельности. Ещё Герберт Спенсер, известный социолог предпочел описывать социальную реальность сквозь призму социального дарвинизма, развитым Ч. Дарвином. Изначально социология планировалась О. Контом как социальная физика. Применяв, междисциплинарный подход и объединив привычную физику с общественными науками, ученый произвел революцию во всем гуманитарном знании.

Рассматривая данные тренды, целесообразно заявить о их важном месте в структуре образовательного процесса. Рассматривая сегодняшнее положение с пандемией нового коронавируса, следует сказать, что необходимо сохранять положительные социальные практики, выработанные в результате такого социального бедствия. Возможно, в будущем, виртуализация образования позволит отменить различные географические и другие рамки образовательного процесса.

Список литературы

1. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута ; под ред. В. В. Анашвили. 2-е изд. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2019. 144 с.
2. Плаксий С. И. Болонский процесс [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonский-protsess> (дата обращения: 03.09.2020).
3. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

УДК 371.9:004.7
ББК 74.3

Стрельцова А. А., *Иркутск*

Дополнительное образование детей-инвалидов с использованием возможностей дистанционного обучения

Исследуется современный процесс информатизации общественной жизни. На примере дистанционного обучения рассматривается перспектива развития дополнительного образования детей-инвалидов.

Ключевые слова: дети-инвалиды, дополнительное образование, виртуальное пространство, информатизация, дистанционное обучение.

Streltsova A. A., *Irkutsk*

Additional education for children with disabilities using distance learning opportunities

The article deals with the modern process of Informatization of public life. On the example of distance learning, the prospects for the development of additional education for children with disabilities are considered.

Keywords: children with disabilities, additional education, virtual space, informatization, distance learning.

Современный мир существенно отличается от того, что был привычным ещё пару десятков лет назад. Научно-технический прогресс, повсеместное распространение и развитие информационных технологий привели к тому, что представить современного человека без различных гаджетов практически невозможно. Многие сферы человеческой деятельности переходят в информационную, виртуальную среду. Многие профессии в XXI веке стали востребованными именно в информационной среде, происходит активное развитие диджитал пространства (цифрового маркетинга). В интернет-пространство переходит все, что важно для человека: общение, образование, работа, развлечения.

В 21 веке активно развивается наука, техника, медицина, но одновременно с этим происходят процессы, которые негативно сказываются на здоровье людей: загрязнение окружающей среды, увеличение уровня тревоги и стресса, депрессии, тяжёлые трудовые условия и др. Одним из последствий данных процессов является рост инвалидизации среди детей. Согласно статистическим данным, которые были предоставлены Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации на 1 января 2020 г. численность детей-инвалидов составляла 687 718 человек всего населения страны в возрасте до 18 лет, в свою очередь в 2019 г. численность данной категории составила 670 006 человек [3]. Представленные статистические данные подтверждают, что в России прослеживается тенденция на увеличение числа детей-инвалидов, т. е. инвалидов в возрасте до 18 лет.

Социальная политика государства, направленная на социальную защиту и поддержку данной категории, основана на создании условий, которые

необходимы для полноценного функционирования граждан, имеющих особые потребности, во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в образовательной среде.

Последние десятилетия большое внимание уделяется инклюзивному образованию детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья. Инклюзивное образование – это процесс совместного обучения детей, имеющих особые потребности, со сверстниками в обычных общеобразовательных учреждениях [4]. Для его повсеместного введения разрабатываются специальные образовательные программы, проводится переподготовка педагогического состава, модернизируется техническое оснащение детских садов, школ, ссузов и вузов.

В настоящее время в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, оказывающей влияние на дыхательную систему человека [2], все образовательные учреждения перешли в интернет-пространство и успешно организуют свою учебную деятельность в онлайн формате. Но можно ли перенести в виртуальную среду сферу дополнительного образования, направленную на развитие не только умственных, но и творческих, коммуникативных, физических способностей в особенности, когда речь идёт о детях инвалидах и детях с ОВЗ.

Согласно российскому законодательству, дополнительное образование для детей-инвалидов и детей с ОВЗ означает создание необходимых условий для вариативного вхождения в те или иные сообщества [1]. Это означает и возможность организации дистанционного образовательного процесса для данной категории граждан. Также дополнительное образование детей-инвалидов в онлайн-пространстве может стать решением для тех организаций, в которых техническое оснащение не отвечает требованиям доступности.

Однако данная форма организации образовательного процесса имеет свои сложности и требует немалых усилий. Так, например, для успешного перехода к дистанционной форме обучения необходима работа с педагогическим составом по их подготовке и переподготовке. Следует обучить педагогов эффективному пользованию ресурсами сети Интернет и регулярно повышать их компетентность в данной области. Это также касается и подготовки самих детей и их родителей к данной форме работы, что не всегда просто.

Организация дополнительного образования детей-инвалидов и детей с ОВЗ в информационном пространстве сделает его более доступным, что позволит увеличить аудиторию обучающихся. Ребенок, не имея возможности очно посещать учреждения дополнительного образования (ввиду территориальной отдаленности, финансового положения и др.) сможет получать и развивать новые навыки и знания в разных областях наравне с другими детьми. В наше время это играет большую роль, так как образование и развитие ребенка с инвалидностью напрямую влияет на его социализацию. А события, которые происходят во всем мире прямо сейчас, связанные с пандемией COVID-19 (коронавирусной инфекцией), показали всем, насколько

важно, чтобы организации, особенно оказывающие образовательные услуги, были приспособлены к дистанционной форме осуществления своей деятельности. Ведь если лишить ребенка, особенно имеющего инвалидность, возможности не только посещать учреждения, в которых происходит процесс его социализации, но и оставить его без возможности развиваться, получая новые знания и навыки (речь идет о качественных профессиональных образовательных услугах), то это может негативно сказаться на его психофизическом состоянии.

Таким образом, непрерывное развитие технологий и интернет-пространства делает актуальным создание возможностей для перехода образования в онлайн формат. Организация дополнительного образования детей-инвалидов и детей с ОВЗ в дистанционной форме позволит обеспечить равный доступ к образовательным и иным информационным ресурсам; оказать поддержку их семьям; способствует созданию без барьерной среды для детей-инвалидов и детей с ОВЗ, получению ими качественного дополнительного образования, расширению их возможностей и, что очень важно, успешной социализации и интеграции в обществе.

Список литературы

1. О направлении методических рекомендаций [Электронный ресурс]: письмо Министерства образования и науки РФ от 29 марта 2016 г. № ВК-641/09 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71284932/> (дата обращения: 21.07.2020)
2. Коронавирус: симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: <https://covid19.rosminzdrav.ru/> (дата обращения: 21.07.2020)
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 20.07.2020)
4. Феталиева Л. П. Современный взгляд на инклюзивное образование [Электронный ресурс] // МНКО. 2018. № 4 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-inklyuzivnoe-obrazovanie-1> (дата обращения: 20.07.2020)

Авторская справка

Албениш Алшау Ренесто – PhD, профессор университета Альгарве, Португалия, Фаро, e-mail: albenichalre@gmail.com

Аллахвердиева Эльвира Хафизовна – студент 1-го курса направления «Иностранный язык (английский) – иностранный язык (китайский)», Педагогический институт Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ele4ka.aa@mail.ru

Аносов Сергей Сергеевич – кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии, Иркутский национально-исследовательский технический университет, Иркутск, e-mail: ssanov@mail.ru

Анохина Анна Альбертовна – студент 4-го курса направления «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: anokhinaa_anna@mail.ru

Антоненко Наталья Александровна – младший научный сотрудник Государственного автономного учреждения Тульской области «Центр информационных технологий», Тула, e-mail: Natalya.Antonenko@tularegion.ru

Ануфессо Антонио Нуарес – PhD, профессор Университета Буэнос-Айреса, Аргентина, Буэнос-Айрес, e-mail: doraveDOD@gmail.com

Апанина Алена Владимировна – студент 3-го курса, направления «Социальная работа», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: aapanina7@gmail.com

Ардашев Роман Георгиевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы, Академия управления МВД России, Москва, e-mail: ardashevg@bk.ru

Архирейский Олег Геннадьевич – студент 3-го курса направления «Фундаментальная информатика и информационные технологии», факультет информатики Самарского университета, Самара, e-mail: Elen69295@rambler.ru

Асадуллина Гузелия Рауфовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, Башкирский государственный университет, Уфа, e-mail: Asadullina-guzeliya@yandex.ru

Бабаев Александр Борисович – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Государственное автономное учреждение Тульской области «Центр информационных технологий», Тула, e-mail: al_babaev@mail.ru

Бадриева Рузалия Расиховна – студент 3-го курса направления «Фундаментальная информатика и информационные технологии», факультет

информатики Самарского университета, Самара, e-mail: Elen69295@rambler.ru

Бардамова Яна Юрьевна – студент 2-го курса направления «Менеджмент организации», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск e-mail: yanabardamova@gmail.com

Бобков Александр Иванович – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и социологии, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: iab71@inbox.ru

Бобков Алексей Александрович – магистрант 1-го курса направления «Государственно-муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: alesha.bobkov@inbox.ru

Бовыкин Кирилл Александрович – студент 3-го курса направления «Публичная политика и социальные науки», факультет социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, e-mail: bowykin.kirill2011@yandex.ru

Боева Галина Николаевна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Институт бизнес-коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, e-mail: g_boeva@rambler.ru

Буток Анастасия Викторовна – студент 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: kav1889@mail.ru

Быльева Дарья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент Высшей школы общественных наук, Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, bylieva_ds@spbstu.ru

Вангаева Фатима Магометовна – студент 4-го курса направления «Профессиональное образование», Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, diornafatima@gmail.com

Васильев Николай Гаврилович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Иркутск, e-mail: ngv@bk.ru

Волкова Ольга Ивановна – студент 3-го курса направления «Политология», факультет социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, e-mail: olya.volkova13@yandex.ru

Волынкина Ольга Сергеевна – студент 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: lelya.shestakova96@gmail.ru

Гильдебрандт Алиса Игоревна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: alisa-281999@mail.ru

Голубева Анна Сергеевна – аспирант, Институт мировой экономики и международных отношений Байкальского государственного университета, Иркутск, e-mail: anna.aspirant@bk.ru.

Голубева Мария Сергеевна – студент 3-го курса направления «Публичная политика и социальные науки», факультет социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, e-mail: Golubevam025@gmail.com.

Голубош Олеся Сергеевна – студент 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, e-mail: o.golubosh@yandex.ru

Горбачева Алена Кирилловна – аспирант 4-го курса направления «Информатика и вычислительная техника», Институт информатики и телекоммуникаций Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, e-mail: gorbunova_ak@mail.ru

Горбачёва Анжелика Павловна – магистрант 2-го курса направления «Политология», факультет социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, e-mail: angelika.gorbacheva96@inbox.ru

Гуринович Людмила Анатольевна – магистр социологии, старший преподаватель кафедры социальной работы, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: milgur@mail.ru

Даркина Анна Владимировна – преподаватель, кандидат исторических наук, Воронежский юридический техникум, Воронеж, e-mail: anna_darkina@mail.ru

Дораве Доменик Рикарду – PhD, профессор Университета Сан-Паулу, Бразилия, e-mail: doraveDOD@gmail.com

Дружинин Глеб Викторович – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: druzhinin93@mail.ru

Дубровина Светлана Валериевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук, Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, e-mail: sibdub@rambler.ru

Екатериничев Алексей Львович – кандидат технических наук, заместитель начальника отдела – руководитель группы управления каталогом ИТ-услуг и научной деятельности Государственного автономного учреждения Тульской области «Центр информационных технологий», Тула, e-mail: Alexey.Ekaterinichev@tularegion.ru

Елисеева Евгения Николаевна – студент 3-го курса направления «Менеджмент организации», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, E-mail: evgenelis@icloud.com.

Ефремов Руслан Радикович – магистрант 1-го курса направления «Социология», Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, Казань, e-mail: ruslan1297@yandex.ru

Журавлева Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Россия, Иркутск, e-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Завьялов Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук, Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, e-mail: zavialovandrijo@yandex.ru.

Загородний Валентин Дмитриевич – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: lic-kric97@mail.ru

Замаратская Анастасия Сергеевна – студент 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского Государственного Университета, Иркутск, e-mail: anastasia.zamaratskaya25@gmail.com

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: history2002@bk.ru

Ивентьев Сергей Иванович – юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ», член Российского философского общества, Республика Татарстан, Казань, e-mail: sergei-zsk@mail.ru

Калашникова Раиса Викторовна – отличник физической культуры и спорта Российской Федерации, старший преподаватель кафедры физического воспитания, Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, e-mail: raisa14@mail.ru

Кальсина Татьяна Александровна – студент 2-го курса специальности «Стоматология», Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, e-mail: kkalsinatt@mail.ru

Ковалева Ангелина Алексеевна – студентка 4-го курса специальности «Лечебное дело», Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, email: kovalevaangelina.a@yandex.ru

Косиченко Анатолий Григорьевич – профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, Республика Казахстан, Алматы, e-mail: anatkosichenko@mail.ru

Косякова Екатерина Сергеевна – студент 3-го курса направления «Социальная работа», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ekkosyakova@mail.ru

Кошкин Валерий Владимирович – студент 3-го курса направления «Фундаментальная информатика и информационные технологии», факультета информатики Самарского университета, Самара, e-mail: Elen69295@gambler.ru

Кузнецова Екатерина Геннадьевна – магистрант 2-го курса направления «Педагогическое образование», Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, e-mail: ekaterina_kuznecova_93@bk.ru

Кузнецова Кристина Романовна – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: kristina96@yandex.ru

Кузьмина Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной философии и социологии, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: kuzelenas@mail.ru

Купрякова Анастасия Петровна – доцент, кандидат социологических наук, Харьковский национальный университет им. В. Н. Казарина, Украина, Харьков; стажер по обменным программам университета Сан-Пулу, Бразилия, e-mail: kuprykova@mail.ru

Литвинов Даниил Вадимович – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: dadaniil@mail.ru

Литвинова Жанна Борисовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры физики, Педагогический институт Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: litv-zhanna@yandex.ru

Литвинова Ирина Викторовна – учитель физики, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение города Иркутска «Средняя общеобразовательная школа № 20», Иркутск, e-mail: irinalitv2606@yandex.ru

Макаренко Евгений Александрович – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента наукоемких производств, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, e-mail: ss300@yandex.ru

Макарова Наталия Яковлевна – кандидат педагогических наук, декан факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва, e-mail: rsuh.makarova@gmail.com

Максимов Александр Юрьевич – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: smaks1999@gmail.com

Макурова Татьяна Станиславовна – аналитик ООО «Эксперт. Центр аналитики», Санкт-Петербург, e-mail: ss300@yandex.ru

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: lana.malyx@bk.ru

Маркова Елизавета Александровна – студент 2-го курса направления «Менеджмент организации», Институт социальных наук, Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: elizavetamarkova030101@gmail.com

Марьяненко Любовь Александровна – магистрант 1-го курса направления «Политология», факультет социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, e-mail: Maryanenko2012@mail.ru

Матюшенко Дмитрий Викторович – магистрант 1-го курса направления «Политология», факультет социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, e-mail: dimas2897@mail.ru

Медведев Павел Сергеевич – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, e-mail: medvedevps@tyuiu.ru

Мишина Татьяна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, e-mail: mishina84@list.ru

Москвитина Наталья Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: natalikm@mail.ru

Никерин Марк Павлович – студент 3-го курса направления «Фундаментальная информатика и информационные технологии», факультет информатики Самарского университета, Самара, e-mail: Elen69295@rambler.ru

Новикова Мария Олеговна – магистрант 2-го курса направления «Политология», факультет политологии Московского государственного университета, Москва, e-mail: mariya.novikova1@mail.ru

Носырева Галина Вячеславовна – студент 2-го курса, Педагогический институт Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: galka-nosyрева@mail.ru

Олейник Евгения Анатольевна – магистрант 1-го курса направления «Инноватика», Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, e-mail: g2577k@yandex.ru

Ольшевский Иван Евгеньевич – студент 4-го курса специальности «Режиссёр анимации и компьютерной графики», Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова, Ростов-на-Дону, e-mail: olshevskiy-2018@mail.ru

Онохова Людмила Владимировна – студент 5-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: onoxova@mail.ru

Осинов Тимур Алексеевич – студент 4-го курса направления «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: otukeyofficial@gmail.com

Перваго Галина Константиновна – ведущий аналитик отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО ИО Учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», Иркутск, e-mail: galina.pervago@mail.ru

Поджидаева Анастасия Юрьевна – студент 2-го курса направления «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: sei135@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: okwook@mail.ru

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Порушевич Мария Николаевна – доцент, кандидат социологических наук, Харьковский национальный университет им. В. Н. Казарина, Украина, Харьков; стажер департамента социальных наук по обменным программам

Университета Альгарве, Фаро, Португалия, e-mail: porushevich_MN@yandex.ru

Пружинин Александр Николаевич – ассистент преподавателя кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Пухляк Анастасия Дмитриевна – студентка 3-го курса, лечебный факультет Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, e-mail: pukhlyak00@mail.ru.

Пучков Владимир Михайлович – магистрант 2-го курса направления «Политология», факультет политологии Московского государственного университета, Москва, e-mail: mariya.novikova1@mail.ru

Равенкова Кристина Евгеньевна – студент 2-го курса, медико-профилактический факультет Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, e-mail: ravenkova_k@mail.ru.

Радина Элеонора Леонидовна – студент 3-го курса направления «Фундаментальная информатика и информационные технологии», факультет информатики Самарского университета, Самара, e-mail: Elen69295@gambler.ru

Радинская Анастасия Алексеевна – студентка 4-го курса направления «Режиссура театрализованных представлений и праздников», Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, e-mail: nastena.r.99@mail.ru

Рудакова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, начальник отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», Иркутск, e-mail: rudakova_nvl@mail.ru

Румянцев Алексей Сергеевич – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: kommersant-irk@mail.ru

Рыбак Наталья Станиславовна – студент 3-го курса направления «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: nirk2k@gmail.com

Сафонов Сергей Андреевич – студент 4-го курса направления «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ssafonov36@gmail.com

Семенов Сергей Владимирович – доцент, кандидат социологических наук, Белорусский государственный университет, Беларусь, Минск, e-mail: Semenov_SV@mail.ru

Семкив Анастасия Ивановна – студентка 3-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: semkiv-nastya@mail.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – магистр психологии, соискатель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: vskudenkov@mail.ru

Смоколина Юлия Викторовна – студент 2-го курса, медико-профилактический факультет Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, e-mail: smokolinaulia@gmail.com.

Соловьева Дарья Сергеевна – студент 4-го курса направления «Социальная работа», Институт социальных наук, Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: dasha_s899@mail.ru.

Степанова Юлия Дашинимаевна – студент 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: juliy128@mail.ru

Стрельцова Александра Антоновна – студент 3-го курса направления «Социальная работа», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: aleksandrastreltsova2907@gmail.com

Стрижкова Татьяна Валерьевна – студент 2-го курса направления «Государственное муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: aleanas1520@mail.ru

Тайсумова Халимат Вахаевна – старший преподаватель кафедры экономики и управления в образовании, Чеченский государственный педагогический университет, Грозный vashtroy@mail.ru

Терещенко Анна Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Иркутск, e-mail: 89025119540@yandex.ru

Трескин Петр Андреевич – старший преподаватель, Дзержинский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, директор МАУ «ИЦ «Дзержинские ведомости» (СМИ – «Дзержинские ведомости» – общественно-политическая городская газета), Дзержинск, e-mail: treskin-ne@ya.ru

Тюличева Лидия Дмитриевна – доцент, кандидат экономических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, e-mail: lid-tylicheva@yandex.ru

Устинова Оксана Вячеславовна – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, e-mail: ustinovaov@tyuiu.ru

Фарахутдинов Шамиль Фаритович – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, e-mail: fshamil@mail.ru

Фейткевич Никита Александрович – магистрант 1-го курса направления «Менеджмент в образовании», Педагогический институт Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: feytkevich@mail.ru

Филиппов Станислав Анатольевич – магистрант, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: misterfilippoff@yandex.ru

Филиппова Ирина Анатольевна – доцент, доцент кафедры сервисного инжиниринга и правового обеспечения в ЖК и СК (СИиПОСК), Институт сервиса и отраслевого управления Тюменского индустриального университета, Тюмень, e-mail: filippovaia@tyuiu.ru

Фионова Виктория Александровна – студент 2-го курса направления «Социальная работа», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: fionova99@list.ru

Хамуратова Фатима Хазитовна – научный сотрудник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан, Нур-Султан, e-mail: hamuratovafh@gmail.com

Цацына Аллана Вячеславовна – студент 3-го курса направления «Международные отношения», исторический факультет Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: tsatsyna.a@mail.ru

Цёхла Светлана Юрьевна – профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, e-mail: s.tsohla@yandex.ru

Чувашова Мария Николаевна – доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: dersaturn06@gmail.com

Шантанов Родион Викторович – студент 4-го курса направления «Социальная работа», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: takhtinbek@gmail.com

Шарабурак Максим Алексеевич – студент 2 курс направления «Социальная работа», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: saraburakmaksim@gmail.com

Шейхина Алина Павловна – студент 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: sheykhina99@mail.ru

Шиханова Елена Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных систем и права, Самарский университет, Самара, e-mail: elen69295@rambler.ru.

Шкодина Елизавета Сергеевна – студентка 3-го курса направления «Экономика», Институт экономики и управления Самарского университета, Самара, e-mail: shkodina.elixaveta@yandex.ru

Яковенко Илья Александрович – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ilya_ukovenko@mail.ru

Якушина Наталья Владимировна – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук и этнонациональных процессов, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, e-mail: stratcu@mail.ru

Яцюк Яна Васильевна – студент 3-го курса направления «Экономика», Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, e-mail: sugolya@list.ru

Научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
II Международной научно-практической конференции
Иркутск, 21 сентября 2020 г.

Публикуются в авторской редакции

Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2020. Поз. 70
Уч.-изд. л. 34,1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт социальных наук – учебное подразделение ИГУ, которое объединяет специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, государственного и муниципального управления.

В Институте ведется подготовка бакалавров и магистров по четырем направлениям: «Социология»; «Социальная работа»; «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление».

В структуру Института входят социальный факультет и факультет дополнительного образования. Действует аспирантура по трем специальностям – «социальная структура, социальные институты и процессы», «социология управления», «социальная философия».

На базе Института функционируют Иркутское отделение Академии социальных наук и Иркутское отделение Российской социологической ассоциации.

Научная деятельность Института развивается в соответствии с комплексными темами: «Современный гуманизм: история, теория и социальная практика» и «Социальная консолидация и социальное воспроизводство». Среди других приоритетных направлений научной деятельности – социальные трансформации, социология образования, политическая социология, гражданское общество, и др.

Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями городов Иркутск, Ангарск, Шелехов, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института осуществляет экспертизу областных и федеральных социальных проектов и программ, участвует в разработке государственных докладов. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы, специалисты по социальной работе.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц для проведения совместных научных исследований, хозяйственных работ по актуальным проблемам общественного развития.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ, каб. 302

Адрес Института: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, каб. 211

Телефон/факс: (3952) 243-748, (3952) 200-205

E-mail: vresh@socio.isu.ru